

Е.П.Блаватская

Елена Блаватская

ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ
И СОТРУДНИКАМ

«СФЕРА»

Москва 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы указаны согласно печатному изданию

От редакции	5
-------------------	---

ИЗ ПИСЕМ 1875 г.

Два письма Г.С.Олькотту

Письмо 1. 1875	9
Письмо 2. 21.05.1875	13
Героические женщины	20
Открытка от графини Блаватской	22

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛУ Ф.ЛИППИТТУ (1875—1881)

Письмо 1. [Февраль 1875]	27
Письмо 2. [Февраль 1875]	30
Письмо 3. [Март 1875]	33
Письмо 4. [1875]	37
Письмо 5. [3 апреля 1875]	40
Письмо 6. [Март 1875]	41
Письмо 7. Без даты	45
Письмо 8. [Апрель 1875]	50
Письмо 9. [ок.1-3.05.1875]	53
Письмо 10. [12.06.1875]	57
Письмо 11. [ок.19.06.1875]	66
Письмо 12. 30 июня1875	67
Письмо 13. [Июль 1875]	71
Письмо 14. 16.02.1881	72

ПИСЬМА ПРОФЕССОРУ Х.КОРСОНУ (1875—1878)

Письмо 1. 9 февраля 1875	85
Письмо 2. [Февраль 1875]	89
Письмо 3. 6 марта [1875]	92
Письмо 4. 20 марта [1875]	94
Письмо 5. 20 мая 1875	102
Письмо 6. Без даты	105
Письмо 7. Без даты	111

Письмо 8. Без даты	120
Письмо 9. Без даты	127
Письмо 10. Без даты	133
Письмо 11. Без даты	135
Письмо 12. Без даты	137
Письмо 13. 8 января 1876	139
Письмо 14. 22 марта 1876	147
Письмо 15. К.Р.Корсон. 12 марта 1876	151
Письмо 16. К.Р.Корсон. 28 августа 1878	157
Письмо 17. А.Аксакову. 28 августа 1878	161

ПИСЬМА Н.А.ФАДЕЕВОЙ (1877—1880)

Письмо 1. [1877]	165
Письмо 2. 3 июля [1877]	180
Письмо 3. 28 октября 1877	190
Письмо 4. 29 октября [1877]	200
Письмо 5. 21 февраля 1880	206

ПИСЬМА КНЯЗЮ А.М.ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ (1881-1884)

Письмо 1. 28 августа 1881	215
Письмо 2. 5 декабря 1881	217
Письмо 3. 7 февраля 1882	235
Письмо 4. 1 марта 1882	241
Письмо 5. 17 мая 1882	256
Письмо 6. 25 июня 1882	260
Письмо 7. 25 июня [1882]	265
Письмо 8. 1 сентября 1882	270
Письмо 9. 1 октября [1882]	274
Письмо 10. 15 декабря [1882]	280
Письмо 11. 25 декабря 1882	283
Письмо 12. 7 августа [1883]	286
Письмо 13. 7 ноября 1883	294
Письмо 14. 15 января 1884	298
Письмо 15. [16 февраля 1884]	303
Письмо 16. 3 июня 1884	307

Госпожа Блаватская согласно описанию фрейлины г-жи Смирновой	312
Прошение Е.П.Блаватской	315
Письмо князю А.М.Дондукову-Корсакову от г-жи Глинки. 3/15 января 1884	317

ПИСЬМА ИЗ РУССКИХ АРХИВОВ

Письма издателям

Письмо 1. А.С.Суворину. 1 октября 1879	321
Письмо 2. И.П.Минаеву. 16 февраля 1880	324
Письмо 3. В.И.Прибыткову. 7 апреля 1883	328
Письмо 4. Редактору «Times». 7 октября 1884	332
Письмо 5. В.И.Прибыткову. [Февраль 1886]	334
Письмо 6. М.Н.Каткову. Без даты	335

Письма О.А.Новиковой

Письмо 1. [1884]	341
Письмо 2. [1884]	342
Письмо 3. 7 июля 1884	343
Письмо 4. [ок. 30 июля 1884]	345
Письмо 5. 17 сентября 1884	347
Письмо 6. [1884]	349
Письмо 7. [ок. 21 августа 1884]	351
Письмо 8. [1887]	352
Письмо 9. [1887]	354
Письмо 10. [1887]	355
Письмо 11. [1889]	356
Письмо 12. 21 октября 1890	357
Письмо 13. Без даты	359
Письмо 14. [1884]	360
Письмо 15. Без даты	361
Письмо 16. [1884]	362
Племяннице Наде. 6 ноября 1887	364
Н.А.Фадеевой. Без даты	365
В.С.Соловьеву. Без даты	366

ПИСЬМА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ТЕОСОФАМ

Лукреции «Недремлющей». 28 [ноября 1878]	369
Адельберту де Бурбону. 4 сентября 1881	375

Холлис Биллингс. 2 октября 1881	381
--	------------

Письма К.Бильеру

Письмо 1. 3 августа 1880	386
Письмо 2. 17 января [1883]	389
Письмо 3. Январь 1884	393
Письмо 4. Без даты	397
Письмо 5. Без даты	399
Письмо 6. Без даты	401
Письмо 7. Без даты	402
Письмо 8. 25 июня 1884	404
Францу Гартману. 5 декабря [1885]	409

Вильяму Хюббе-Шляйдену

Письмо 1. 4 января 1886	412
Письмо 2. Без даты	414

Письма Камилле Лемэтр

Письмо 1. 18 ноября 1887	428
Письмо 2. 12 декабря 1888	429
Письмо 3. 31 декабря 1888	439
Письмо 4. Без даты	443
Письмо 5. Без даты	444
Письмо 6. 16 октября 1888	447
Письмо 7. 7 января 1890	452
Письмо 8. 24 марта 1890	454
Письмо 9. Без даты	456
Письмо 10. Без даты	458

ПИСЬМА У.К.ДЖАДЖУ И ТЕОСОФАМ США (1885—1890)

У.К.Джаджу. 1 мая 1885	463
У.К.Джаджу. 3 ноября 1886	481
У.К.Джаджу. 19 марта 1887	484
У.К.Джаджу. 12 августа 1887	489
У.К.Джаджу. 15 сентября 1887	494
У.К.Джаджу. [15 сентября 1887]	497
У.К.Джаджу. [Конец сентября 1887]	500

Теософам Соединенных Штатов

и Американскому Теософскому Совету. 27 сент. 1887	503
У.К.Джаджу. [5 июня 1888]	504
Джону Рэнсому Бриджу. 14 сентября [1888]	506
У.К.Джаджу. 7 июля 1889	510
У.К.Джаджу. 5 августа 1889	515
У.К.Джаджу. [Конец октября 1889]	519
Эллиоту Коузу. [1889]	522
У.К.Джаджу. 9 февраля 1890	526
У.К.Джаджу. [Ок. марта 1890]	533
У.К.Джаджу. Август [1890]	535
У.К.Джаджу. 19 ноября 1890	538

ПИСЬМА СЪЕЗДАМ АМЕРИКАНСКИХ ТЕОСОФОВ (1888—1891)

Второму ежегодному съезду. 22-23 апреля 1888	545
Третьему ежегодному съезду. 28-29 апреля 1889	555
Четвертому ежегодному съезду. 27-28 апреля 1890	567
Пятому ежегодному съезду. 25-26 апреля 1891	575
Пятому ежегодному съезду. 26-27 апреля 1891	581

Приложение

ПИСЬМА РОДНЫМ

I Нью-Йорк, 1875—1876	585
II Нью-Йорк, 1877	592
III Нью-Йорк, 1875—1877	600
IV Индия, 1879—1880	609
V Индия, 1881—1883	616
VI Европа, февраль—июнь 1884	621
VII Европа, июль—октябрь 1884	628
VIII Египет, ноябрь 1884 и Европа 1885	637
IX Европа, 1885	643
X Европа, 1886—1887	649
XI Англия, 1887	657
XII Англия, 1887—1889	662
XIII Англия, 1890	670
Примечания	677
Краткие биографические очерки	764

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателям книга представляет собой новое собрание писем Е.П.Блаватской, большая часть которых публикуется на русском языке впервые, а письма из российских архивов вообще впервые выходят в свет.

Закончив свой земной путь 110 лет назад, Е.П.Блаватская до сих пор остается загадочным Сфинксом XIX столетия, как величали ее современники, непостижимым во всем, что связано с ее великой миссией и грандиозными трудами, и обескураживающим в своих импульсивных человеческих проявлениях.

Адресованные отдельным конкретным людям, письма отличаются особой непринужденностью и искренностью, ярким, живым языком. Они раскрывают внутреннюю жизнь Е.П.Блаватской во всем богатстве оттенков ее переживаний. Именно в личных письмах ее облик вырисовывается наиболее многогранно. Читатель, знакомый со страстно и безоглядно преданной своим Учителям и идеалам Упасикой, с основательницей Теософского Общества, призванного осуществить на земле Всемирное Братство человечества, с обладающим фантастическими знаниями автором «Разоблаченной Изиды» и «Тайной Доктрины», откроет для себя новые грани ее личности. Ему откроется чуть ли не детская доверчивость и незащищенность ее трепетного сердца, такого мудрого в своей сверхчеловеческой щедрости и такого человеческого в своей нежности к близким и любимым. Это сердце умело любить и всю жизнь оставаться благодарным за крупинки душевного тепла и понимания, невзирая ни на какие внешние перемены, происходившие с людьми, и даже вопреки им.

Участь великой души, заключенной в теле смертного человека, всегда трагична. Окруженная толпами поклонников и гонителей, она обречена на одиночество и непонимание. Щемящая нотка одиночества и ностальгии по дому истинному в мире ином, веселый юмор, нежная забота о близких, ироничное отношение к самой себе, поэтические описания природы, блестящие эрудиция и остроумие, бойцовский полемический задор, негибаемая воля и неиссякаемая преданность сливаются в симфонию, имя которой — Е.П.Блаватская.

Письма отражают весь жизненный путь Блаватской, освещая события так, как их видела и воспринимала она сама, в отличие от разноречивых трактовок ее современников. В них отчетливо вырисовывается ее человеческое и философское кредо, прослеживается эволюция ее взглядов и становление «Тайной Доктрины».

Т.В.Корженьянц

Два письма Г.С.Олькотту

Письмо 1*

1875 г.

Мой ответ на *только что полученное* от вас письмо.

Получила его буквально сейчас. Воспользовалась своим правом, осмелившись задержать на несколько часов письмо, которое прислал вам Туитит Бей, ибо только я отвечаю за последствия и результаты приказов моего Руководителя. Я — одна из тех, кто знает, *когда и как*; думаю, это длится уже долгие годы, а вы — вы всего лишь ребенок, склонный к капризам и упрямству.

Послание было отправлено из Луксора* в ночь с понедельника на вторник, вскоре после полуночи, а переписано на рассвете в Эллоре* одним из секретарей [или] неофитов, причем довольно поганым почерком. Мне захотелось выяснить у Т[уитит] Б[ей], не пропало ли у него желание отправлять послания в виде *человеческих* каракулей, как это планируется по отношению к тем, кто получает такого рода послания впервые. Мое предложение сводилось к тому, чтобы переправить вам один из наших пергаментов, на котором написанные строки появляются (материализовавшись) всякий раз, *когда вы устремите на него взор, пожелав прочесть послание*, но, как только вы их прочтете, тут же исчезают. Ведь, как я почтительно намекнула, вас и так уже достаточно озадачивали фокусы Джона*, и, вероятно, ваш ум, при всей искренности вашей веры, все же понадобится укрепить каким-то более существенным доказательством.

На это Т[уитит] Б[ей], *entre autres*, ответил мне так ... (теперь вот опять схожу с ума и пишу на языке, вам непонятном). Перевожу дословно: «Ум, который ищет подтверждений Мудрости и Знания в таких сугубо внешних проявлениях, как материальные доказательства, недостойн быть посвященным в великие тайны “Книги святой Софии”. Тот, кто отрицает Дух и подвергает его сомнению из-за материальной оболочки одного *a priori**, никогда не сумеет в эти тайны проникнуть. *Дерзайте*»*. Видите — опять упрек. Наверное, физические страдания, на которые я обречена из-за своей ноги*, парализуют мою способность мыслить и рассуждать логически, однако мне еще хватает ума отвечать на ваши вопросы прямо.

Вы пишете: «Хочу, чтобы их послания мне передавали *слово в слово*». Вы хотите слишком многого сразу, мой дорогой. Всякий раз, когда они будут писать *вам* и я буду получать приказ передать письмо *вам*, я так и стану поступать, ибо вы будете первым, кто сумеет научить меня, как такие приказы выполнять. Но когда я получаю письменные или устные распоряжения от «Посланников», вы наверняка не ждете, что я буду переправлять подобные распоряжения вам. Когда-нибудь забавы ради я это сделаю, и тогда посмотрим, что же вы сумеете в них понять без *моего перевода*. Вот вам мой совет, Генри, дружеский совет: *не слишком заноситесь* и не суйте свой нос в запретные сферы Золотых Врат без опытного проводника, ибо не всегда в нужный момент рядом может оказаться Джон, дабы схватить вас за шиворот и благополучно возвратит назад, на грешную землю. Меня удивляет уже то небольшое, что они для вас делают, так как я не припоминаю, чтобы они с самого начала могли так *расщедриться*.

Послание относительно Чайлда* адресовано мне, я же могу его лишь перевести; если вы не верите, что *они* хотят, чтобы этим занялись вы, — что ж, как вам будет угодно. Если вы не верите мне, то и им не поверите; кроме того, не думаю, что в правилах Т[уитит] Б[ей] высказываться слишком определено. Я, на свою беду, отношусь к числу посвященных и прекрасно помню, каким бичом, каким проклятием стало в моей жизни слово «старайся» и как часто меня захлестывал страх по поводу того, что я неправильно истолкую распоряжения Братьев и навлеку на себя кару за то, что либо перестараюсь, выполняя их указания, либо проявлю недостаточное рвение. Вы, видимо, принимаете все это за ребяческую забаву.

Остерегитесь, Генри, подумайте, прежде чем ринуться туда очертя голову. Вспомните, что вы мне писали на адрес *Олдена* — Джирард-стрит*, когда на вас снизошло *вдохновение свыше*. Время еще есть, и вы пока можете отказаться от этих отношений. Но если вы

¹ между прочим (франц.).

сохраните письмо, которое я вам посылаю, и согласитесь со словом «неофит»*, тогда вы безнадежно влипли, приятель, и пути назад уже нет. На вас прежде всего обрушатся испытания и искушения вашей веры. (Вспомните *мои* 7 лет подготовки к посвящению, испытания, опасности и борьбу со всеми проявлениями воплощенного зла, с легионами демонов — и хорошенько подумайте, прежде чем принять это предложение.) В отправленном вам письме есть таинственные ужасные заклинания, которые вам могут показаться слишком *отшлифованными* и очень уж *человеческими*. С другой стороны, буде вы все-таки *решитесь*, помните мой совет, если хотите выйти победителем из этой борьбы. *Терпение, вера, никаких сомнений, полное повиновение и Безмолвие.*

Письмо 2*

21 мая 1875 г.
пятница
Филадельфия

Дорогой Генри!

Паралич все-таки *наступил**. У меня побывали хирург Пэнкоуст* и г-жа Миченер, ясновидящая. Один заявляет, что уже слишком поздно, другая же обещает мне исцеление, если я буду следовать всем ее предписаниям. Я еще раз приняла эту женщину.

Ложа* на неделе пришлет статью — первую из цикла статей, которые будут приходиться из *Луксора**. Она является чем-то вроде вводного обзора элементарных знаний, которые они собираются открыть миру. Речь в ней идет о том, чем же является человек на этой Земле, какой должна быть его земная жизнь и о ее предназначении.

Из статьи следует, что первые семь наших прошлых, нынешних и будущих существований в различных сферах — это всего лишь начальные незрелые опыты, заготовки Природы (из-за чего, собственно, ее так боялись розенкрейцеры*), набирающей силу для окончательного формирования *истинного, завершенного человека*, который лишь в седьмой сфере может стать совершенным *микрокосмом*, то есть взятым в миниатюре кладезем образцов всех элементов — от альфы до омеги — *Макрокосма*, совершенным представителем которого человек должен стать, прежде чем шагнет *за пределы* седьмой сферы. Человек, который не сумел достичь окончательного совершенства к моменту перехода в седьмую сферу, не сможет стать микрокосмом, и к концу его естественного существования в последней сфере его ожидает наказание. Приговор, который ему будет вынесен, *окончателен и обжалованию не подлежит*. Бессмертный дух человека теряет свою индивидуальность и на *веки вечные* (как это представляется нашему ограниченному человеческому уму) погружается в океан Духовного Света и космической материи для того, чтобы, еще раз вернувшись к своему изначальному источнику, смешаться с ним подобно тому, как капля воды, снова брошенная в океан, теряет свою *целостность* (которая расплывается, ибо больше нет сцепления между частицами капли), но все же продолжает существовать в виде рассеянных частиц, которые, возможно, будут вновь задействованы в грядущие века, дабы возродиться в качестве новой (не той же самой) индивидуальности и снова начать человеческую жизнь в первой сфере. Однако теперь его шансы на это зависят уже не от разумного выбора мудрых Сефирот*, а от слепой деятельности *материального* (не Божественного) света, который является творцом, божеством *материальных* миров, хотя сам происходит от Бога — *Духовного Света*, Просветляющего Света, Эйн Софа*, ибо Он есть все сущее.

Поэтому статьи эти имеют целью показать следующее: подобно тому как будущие качества человека: красивая или невзрачная внешность, порочность или добродетель, которые должны развиться из *зародыша*, — зависят целиком от того, как мать вынашивает его и заботится о нем в течение девяти месяцев его внутриутробного развития (девять *месяцев* соответствуют девяти *десятилетиям*, букве V — шин, естественному, природному сроку жизни), поскольку умственное и физическое формирование ее ребенка зависит от того, что *она* делает для него, а не от отца, который является не чем иным, кроме как мужской производящей силой, — так и развитие любого из нас, смертных, в нашей будущей жизни (в первой сфере) в том, что мы именуем жизнью *Духа*, зависит от того, как мы творили нашу *зачаточную ментальную* жизнь здесь, на земле, и как далеко мы продвинулись в своем развитии на этом этапе нашего существования. Ибо если ваша мать должна отвечать и нести наказание (в той мере, в какой она по своему легкомыслию грешила охотно и сознательно) за то, каким она сделала вас,

пока вы находились в ее *утробе* на эмбриональной стадии своего физического существования, будучи ее плодом и ее творением, то и вы обязаны держать ответ за ваш плод — ваше *сознание*, поскольку оно остается с вами, дабы вы его развивали, задавали ему нужное направление и использовали намеки вашей души, которые суть *совесть*, во время вашего пребывания здесь, на земле, оказавшись по отношению к Духовной Жизни на эмбриональной стадии жизни сознательной, ибо *сознательное* развитие человека *здесь* находится в той же пропорции по отношению к сознательной духовной жизни человека *там* (за первой смертной чертой), в какой сознательный человек *здесь* — по отношению к *зародышу* в утробе. Все семь сфер одна за другой представляют человека в состоянии более или менее развитого *эмбриона*, сообразно его собственным усилиям. Рассудите сами, вспомнив, сколько степеней развития представляют различные духи из *одной и той же сферы*. Вы это знаете.

Мне поручили сложную и опасную задачу, Генри, «постараться» научить вас, полагаясь лишь на мой бедный, хромающий английский. Возлагаются огромные надежды на ваши *интуитивные* способности, ибо, честное слово, я очень мало надеюсь на свое красноречие и умение давать *ясные* и точные объяснения. Вы меня *понимаете*, дружище? Что ж, продолжу, как могу, хромать в своем английском так же, как хромаю на одну ногу. Хочется, чтобы ответственность за вас взял на себя Мор*, хочется, чтобы его назначили вместо меня, несчастной.

Но вернемся к нашей задаче. Подобно тому, как очень трудно, а порой и почти невозможно выправить слишком короткую ногу или искривленную руку, так как тот или иной *физический* недостаток или уродство, существующие с самого рождения, были заложены еще в период *эмбрионального* развития, точно так же трудно и почти невозможно сразу исправить в духовной жизни уродства нашего *сознания*, и дефекты нашей морали и рассудка мы уносим с собой «наверх», причем *именно такими, какими они бывают* в момент, когда мы расстаемся со своей смертной оболочкой. Так что *человеку* первой сферы все дефекты, которые он сам себе обеспечил, лучше исправлять на своей эмбриональной стадии здесь, «внизу», а *человеку* второй (третьей, четвертой и следующих вплоть до седьмой) сферы — расхлебывать то, что он мог натворить, гораздо легче в его нынешнем существовании.

Возьмем, к примеру, *Джона**. Если он не решит перестраховаться, то, пробудившись ото сна, он не должен будет расплачиваться тяжким трудом и отчаянием за то, что он вовсе мог и не совершить в той сфере, где он находится сейчас. Это не помешает ему перейти в более высокую сферу, потому что *закон есть закон*, законы создаются для всех, хороших и плохих, и вообще не зависят от состояния индивида. Сколько людей *умирают неподготовленными!* Тем хуже для них, ибо смерть не станет ждать, пока они исправятся. Эти люди создают себе двойную работу на будущее, вот и все.

Я вольна сообщить вам, что эти спорные статьи поручено написать *всего лишь* детям науки, *неофитам* (конечно, статьи будут тщательно проверены и исправлены), однако *Туитит** считает, что и в своем нынешнем виде эти статьи *слишком хороши* для «незрелых» американцев; он говорит, что *мало кто* их поймет и что многие из всеведущих спирит[ов], набросившись на них, будут *шокированы*.

Теперь поговорим о пяти цветах звезды и о *красном*. Как вам известно, существует *семь сфер*, *семь* гласных и, как будет объяснено далее, *семь* (?) цветов спектра, *семь* нот, или *хроматических* ступеней, в музыке (Музыке сфер).

Каждый человек, то есть каждая личность, живущая на этой земле, живет, собственно говоря, в *четвертой* сфере. Обычно мы отсчитываем семь сфер, принимая за первую сферу ту, в которой мы находимся, однако это не совсем верно. Ибо каждая сфера в свою очередь подразделяется на семь частей, то есть зон, или областей. И когда мы говорим, что «дух перешел во вторую или третью сферу», то правильнее было бы сказать, что он перешел во вторую или третью *область* пятой сферы (наша земля находится в последней области четвертой сферы). Вы понимаете? Ну и звезда была символом вашего разума, подразумевавшим благотворное влияние на вас. У нее было лишь *пять* цветов, ибо вы только начинаете постигать пятую сферу, которые означают:

1. *Красно-фиолетово-голубоватый* (оттенки): *материя* (ваша), одухотворенная *Светом*.

2. *Голубой*: *чистая материя*, принадлежащая стихиям (крещение для очищения вашей чувственности).

3. *Пурпурно-аметистовый* меркурианский цвет ♀ (оттенок *индиго*) и *красный* в сочетании с более темными оттенками синего означали главный *женский* принцип, женское начало. Преобладание синего индиго, цвета моря, подразумевало *Афродиту*, а если к нему примешивался красный, то это придавало значение отсутствия пола. Перед вами проявился *духовный* материальный мир. «**Терпение**» — это также нота хроматической гаммы, звучащая продолжительнее всех, нота «до», соответствующая *пурпурному* цвету, *высокая трепетная вибрация*, для которой необходимо 679 триллионов колебаний в *одну секунду* и которая означает необходимость быть *терпеливым, деятельным и выносливым* (вышесказанное вы можете проверить у химиков, а по части музыки проконсультироваться у г-на Боумана).

4. *Зеленый* (взаимодействие желтого и синего) означал, что вам будут показаны различные формы *жизни* и их *духи*, так как они будут раскрыты благодаря *видимому* цвету растительных продуктов *материальной* природы. Цвет «волшебного народа», элементарной царицы джиннов* «Смарагды». Ваше физическое зрение прояснится, и посредством крещения дух[овным] Светом «вы узрите».

5. *Желтый*, «Elementum Ignis». Первые результаты крещения *красным*, ибо желтый *огонь*, *разгораясь все ярче, расцветая*, будет постепенно превращаться в *Производящую Духовную Силу*, в красный — цвет Дух[овного] Солнца (цвет нашего материального солнца — желтый), бесполого, в *Триумф Духа над материей*. «*Дерзай*», и от красного цвета *царства стихий*, сферы херувимов, продвигайся к *Озирису* — высшей *эфирной Сущности*, в «Эмпиреи» — сферу *серафимов*.

Полагаю, для первого урока этого достаточно. Посылаю вам письмо бедолаги Брауна*, этого *обиженного* судьбой. Что мне с ним делать? Какой совет я *могу* ему дать? Напишите мне, пожалуйста, что, по-вашему, ему лучше всего предпринять, потому что я, убей меня бог, не знаю. Джон исчез — ни слуху ни духу. Боюсь, что если для Брауна ничего нельзя будет сделать, то он провалится ко всем чертям. Вы не сумеете найти ему подписчиков? Ради Бога, сделайте это, если сможете. Надо же, говорят, что клуб «Лотос» и все ваши бесчисленные знакомые могут пожертвовать многие сотни! Не могли бы мы заняться этим на паях и наскрести нужную сумму, как вы думаете? Я и шагу не ступлю без вашего совета. Чайлда *уволнили* с поста секретаря Международного комитета спиритуалистов *на сто лет*. Он порезал себе руку при посмертном вскрытии полуразложившегося трупа и теперь сам начинает гнить, но он не умрет, ибо *его еще должны покарать те, кому он причинил зло*.

До свидания, благослови вас Бог. Больше писать не могу, слишком устала. Посылаю вам первую часть статьи Вагнера*. Вторую вы получите на следующей неделе. Еще посылаю вам один памфлет *на немецком*, статьи профессора Бутлерова* в поддержку спиритуализма и газету Аксакова*. Не могли бы вы ее перевести сами или кого-нибудь попросить об этом?

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Утверждаю

Туитит Бей

Героические женщины*

Штабной офицер в юбке на службе у Гарибальди. Диковинная, захватывающая карьера. Бывший наемник, чья история читается как роман.

Нечасто случается, чтобы в одно и то же время перед публикой появлялись сразу две героические женщины, однако Елена Блаватская и Клементина Жеребко вышли на поле судебной брани, чтобы Верховный суд Бруклина в лице судьи Прэтта помог им уладить небольшое деловое недоразумение. За плечами обеих дам замечательное, исполненное

романтики прошлое.

Елена П.Блаватская, которой сейчас *около сорока лет*², в семнадцатилетнем возрасте вышла замуж за русского дворянина, которому тогда было семьдесят три года. *Долгие годы*³ супруги прожили вместе в Одессе, и в итоге их совместной жизни был положен конец *законным путем*⁴. Недавно муж умер на девяносто восьмом году жизни. Вдова проживает сейчас в Нью-Йорке, это весьма высокообразованная женщина. Она свободно говорит и пишет на русском, польском, новогреческом, нижненемецком, немецком, французском, испанском, итальянском, португальском и английском языках. Она перевела на русский язык труды Дарвина и трактат Бакла о развитии цивилизации в Англии. Госпожа Блаватская прекрасно разбирается в дарвиновской теории, является убежденной последовательницей научного спиритуализма Уоллеса* и состоит в ордене розенкрейцеров.

На своем веку она испытала немало ударов судьбы, а ее жизненному опыту, ее познаниям тесно в рамках нашего мира. Рассказывают, что она уже посещала нашу страну вместе с группой туристов. По возвращении в Европу госпожа Блаватская *снова вышла замуж*⁵ и отправилась сражаться за свободу под победоносным знаменем Гарибальди. Эта женщина прославилась невиданной отвагой в кровопролитных сражениях и достигла видного положения при штабе великого генерала. На ее теле остались многочисленные шрамы, полученные в боях. Дважды под ней была убита лошадь, и лишь хладнокровие и непревзойденная ловкость помогли воительнице избежать безвременной гибели⁶.

Совершенно очевидно, что г-жа Блаватская была и остается

удивительной женщиной.

Открытка от графини* Блаватской⁷

издателям «New York Sunday Mercury»

В последнем воскресном выпуске вашей газеты я прочитала статью, озаглавленную «Героические женщины», и обнаружила, что фигурирую в ней в качестве главной героини. Сравнив меня со «второй героиней», мне оказали сомнительную честь. Я ее отклоняю и перехожу к комментариям по поводу отдельных положений вышеупомянутой статьи. Если я и вышла замуж за русского «дворянина», то нигде с ним не проживала, потому что через три недели после этого жертвоприношения я оставила мужа под предлогом, достаточно благовидным как в моих собственных глазах, так и в глазах «пуританского» мира. Не знаю, действительно ли мой супруг скончался в преклонном девяностосемилетнем возрасте, ибо в течение последних двенадцати лет* сей благородный патриарх совершенно исчез из поля моего зрения и памяти. Но, с вашего позволения, хочу сообщить, что я никогда больше не выходила замуж, так как этого единственного опыта «супружеской любви» для меня оказалось вполне достаточно.

С госпожой Жеребко я познакомилась не в резиденции русского консула (никогда не имела чести бывать в гостях у этого джентльмена), а в его конторе, куда я заглянула по делу. С семьей господина Жеребко я знакома еще по Одессе, и по рангу он никогда не поднимался выше капитана частного парохода, который принадлежал князю Воронцову. Я проживала в Тифлисе, куда в 1866 году госпожа Жеребко приехала из Тегерана (Персия). Я так же, как и все прочие, слышала о ней ежедневно месяца два. Она вышла замуж за Жеребко в Кутаиси.

² Враки.

³ Ложь — прожила с ним лишь три недели.

⁴ Действительно законным путем, поскольку супруг скончался.

⁵ За кого? Когда?? Как?!

⁶ Что ни слово — то *ложь*. Никогда не состояла «при штабе Гарибальди». Отправилась с друзьями в Ментану, чтобы помочь с отстрелом папистов, но там меня саму подстрелили. Однако это никого не касается, и уж меньше всего — любого из этих п—х* репортеров.

⁷ Отправила им в ответ длинное письмо, но они вставили из него только этот абзац, сопроводив его *щедрым враньем*.

Когда они прибыли в эту страну год назад, они купили не роскошную резиденцию, а просто ферму в Нортпорте с участком земли в шесть акров за скромную сумму в тысячу долларов. Моя несчастливая звезда свела меня с этой женщиной в конце прошедшего июня. Госпожа Жеребко представила мне дело так, что ее ферма приносит ей около двух тысяч долларов годового дохода, и уговорила меня вступить с ней в партнерские отношения на следующих условиях: я даю ей тысячу долларов и оплачиваю половину возможных издержек, за какую сумму приобретаю у нее право на половину годового дохода со всего имущества.

Мы заключили контракт сроком на три года и оформили сделку. Я заплатила деньги и поселилась у них. В первый месяц я потратила около пятисот долларов на строительство и прочее. По истечении этого месяца госпожа Жеребко попросила меня расторгнуть наш контракт и заявила о своей готовности вернуть мне мои деньги. Я согласилась и дала ей разрешение продать с аукциона все наше имущество, кроме земли и построек, и мы обе приехали в Нью-Йорк с целью уладить это дело. Госпожа Жеребко обязалась сразу же по приезду в Нью-Йорк выдать мне вексель или закладную на имущество в размере суммы, которую она была мне должна.

Увы! Прошло три дня с того момента, как мы вдвоем сняли номер в гостинице, и в один прекрасный полдень, вернувшись в апартаменты, я обнаружила, что уважаемая графиня скрылась, не возвратив мне по счету свой долг в тысячу долларов. Теперь я терпеливо жду решения американского суда присяжных.

*Е.П.Блаватская
16-я стрит, 124*

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛУ

Ф.ЛИППИТТУ

(1875-1881)

Письмо 1

[Февраль 1875 г.]*

Фрэнсису Дж. Липпитту, эсквайру

Дорогой генерал!

Не считайте меня грубой и невоспитанной за то, что не ответила на ваше письмо немедленно. Получила я его, еще будучи прикованной к постели, после того как чуть не сломала ногу, пытаясь сдвинуть с места тяжелый остов кровати, и он на меня рухнул. Я еще не выхожу из комнаты, поскольку почти не в состоянии передвигаться, и впервые с тех пор взяла в руки перо.

Удивлена и шокирована тем, что вы сообщили мне про «Banner of Light»*. Неужели они и вправду такие трусы? Почему же они намереваются во имя истины сокрушить Холмсов и не хотят трогать Чайлда? Это несправедливо и нечестно. Спиритуализм никогда не сможет вырваться из тисков подозрений и остракизма, если мы, спиритуалисты, сами для себя не научимся отделять *подлинные* факты от плевел лжи и вероломства, удушающих истину. Пусть редактор «Banner of Light» усвоит, что общество не проведешь. Публика в целом судит о Чайлде по его делам, и ни один человек, даже ребенок, не считает Чайлда виновным менее Холмсов, ибо судят его по поступкам, а поступки его говорят сами за себя. Что скажут люди, когда выяснится, что главный оплот спиритуализма, его ведущий печатный орган и

пропагандист *ИСТИНЫ*, выставляет Холмсов на суд общественности за мелкое воровство и одновременно покрывает доктора Чайлда, который смахивает на крупного ночного грабителя? Чем тогда правосудие Верховного суда спиритуализма лучше решения обычного суда подкупленных присяжных, которые оправдывают какого-нибудь взяточника Джея Кука, но отправляют в тюрьму беднягу, укравшего 25 центов ради того, чтобы купить себе кусок хлеба?

Сегодня беседовала с г-ном Робертсом, заглянувшим ко мне, и *он*, по крайней мере, сделает все от него зависящее, чтобы донести до людей *правду* об этом деле и представить Чайлда в истинном свете*. Получила письмо от профессора Хирама Корсона из Корнелльского университета; профессор полностью со мною согласен, благодарит меня за статью и заявляет, что в ней, *как в зеркале*, отразились его собственные чувства и его личное мнение. Я получила десятки писем от спиритуалистов и могу подтвердить, что все они со мною согласны. Скажу даже больше, и пусть это станет известно редактору «Banner of Light».

Мне принесли письмо от одного достаточно известного человека, который вложил в конверт некоторую сумму денег в качестве первого взноса в фонд возмещения расходов, связанных с установлением истины относительно д-ра Чайлда. *Cette personne est decidüe a commencer ou plutöft instituer **une bourse**, et promet de m'envoyer d'autres contributions afin de commencer de stricte et sans delai un procus contre Child. Comment trouvez vous le bouillon, general?*

Прошу прощения, но я чувствую такую слабость, что писать сейчас больше не в состоянии. Пожалуйста, сообщите мне, каково общественное мнение в данный момент и к какому решению пришли в «Banner of Light». Мне нужно это знать. Вы читали статью «Новое решение старой головоломки» в январском и февральском номерах «Scribners»? В ней есть рациональное зерно, хотя в целом я с автором не согласна. Вам следует ее прочитать во что бы то ни стало. Если сумеете, не позволяйте Бёрду писать. Я отправила письмо Витгенштейну. Адрес его вы сможете найти в «Banner of Light». Это где-то в низовьях Рейна. Более точного адреса сейчас не припомню. Благослови Бог вас и ваши труды, генерал. Привет вам от Джона и от Бетанелли. В следующем письме сообщу вам нечто удивительное. Джон приступает к вашему портрету на атласе.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 2

[Февраль 1875]*
Филадельфия

Милостивый государь!

Прочла два ваших последних письма, и единственное, что мне оставалось сделать, — это, как говорят персы, «в немом удивлении прижать перст к изумленно отверстым устам моим». Что, черт побери, вы подразумеваете под «сеансом госпожи Уайт»? Я живу в самом центре этого богом забытого и *Чайлдами* обжитого города, и каждый день на меня просто кучами вываливают всевозможные сплетни, но *ни разу*, несмотря на все мои поиски и хлопоты, ни разу не слышала о том, что *на горизонте вновь появилась эта злобная Уайт*. Вы — первый человек, поразивший меня этой новостью. Что за сеанс, с какой стати?

Я знаю, что здесь орудует г-жа Холмс, которая этими своими материализующими руками и локтями водит за нос «Эванса и Компанию», — знаю, и даже отклонила ее приглашение пойти на это посмотреть, не испытывая особого желания перерывать *в поисках отдельных жемчужин* всю эту чудовищную кучу *сгнившего навоза*. Но чтобы спиритические сеансы давали Уайт, Лесли или Чайлд — об этом никто ничего не знает. Если это правда, то помоги, Господи, старине Роберту Д.Оуэну*: значит, сейчас у него с мозгами хуже, чем когда-либо, раз

⁸ Этот человек решил положить начало или, точнее, основать *особый фонд* и обещает высылать мне новые пожертвования с целью непременно и безотлагательно возбудить в суде процесс против Чайлда. Как вам каша, которую мы заварили, генерал? (франц.)

он по-прежнему верит чайлдовским небылицам и его откровенной лжи.

Состояние моей ноги улучшилось совсем немного, и я боюсь, что еще какое-то время мне придется хромать.

Я посылала за Робертсом и думаю, что завтра смогу его увидеть и обсудить с ним предложение г-на Хегарда. Тот уже успел заглянуть ко мне и, как всегда, готов живьем съесть д-ра Чайлда. «*De gustibus non disputandum est*». Я скорее предпочла бы съесть хвост дохлой кошки, зажаренный в свежей клопиной крови, — все что угодно, но только не Чайлда. Вас наверняка удивит *подарок от Джонни*; только потерпите немного, ибо этот малый весьма капризен и на днях *снова* исчез.

Передайте от меня самый искренний привет уважаемому г-ну Колби* и скажите ему, что я повешу его портрет на стену рядом с Баярдом, *рыцарем без страха и упрека*, и Готфридом Бульонским, самым *искусным* полководцем своего века». Я намерена испытать г-на Колби на смелость. Он должен будет — так ему и передайте — усвоить боевой клич наших вольных казаков и напечатать в шапке своего «Banner of Light» следующее: «На тебя, о Господи, Владыка небесного воинства, уповаем: да не позволишь ты нам покрыть чело вечным позором». Если мой английский в этой фразе оставляет желать лучшего, то как-нибудь отредактируйте ее сами. «*La plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a*»¹⁰. Мои корреспонденты бывают вынуждены либо принять меня вместе с моим английским, либо расстаться с нами обоими.

Не браните меня, дорогой генерал, за то, что ради целей, о коих ведают лишь мрачные глубины моего сердца, я сняла копию с вашего письма (того самого, где речь заходит о трусости редактора «Banner of Light») и послала ее профессору Хираму Корсону для его статьи.

Бетанелли выражает вам свою любовь и уважение, и Джонни к нему присоединяется.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

---

⁹ «О вкусах не спорят» (лат.).

¹⁰ «Самая красивая на свете девушка не может дать больше того, что имеет» (франц.).

Письмо 3*

[Март 1875 г.]
Воскресенье*
Филадельфия

Милостивый государь!

Вы интересуетесь, не обнаружила ли я какого-либо мошенничества в материализации Холмсов. Нет Бога кроме Аллаха, и Магомет *воистину* пророк *Его!* Ну как же, драгоценный мой генерал, разве вы сами не обнаружили обмана, когда в первый раз увидели лицо Кэти и опознали проступающую за этим лицом *рожу* г-жи Холмс? Оба они медиумы, спору нет, но ни г-жа Дженни Холмс, ни ее супруг Нельсон Холмс никогда не вызовут в вашем присутствии феномен *истинной* материализации предметов в сумке, ведре или лохани для стирки, если только один из супругов не погрузится в *подлинный*, глубокий транс. Мошенничество у них в крови, наверняка их обоих зачали в момент какого-нибудь плутовства или надувательства, как г-на Стерна в его «Сентиментальном путешествии». Это просто два *двуногих* воплощения лжи, и, чем меньше дел вы будете с ними иметь, тем лучше будет для вас. Я никогда не доверяла *им* — я верила *своим глазам, своим ощущениям и Джону* и знаю *наверняка*, что Кэти материализовывалась через них тогда, когда Нельсон Холмс сидел в кабинете, впав в глубокий транс, и всего четыре раза, когда он находился вне его. Противовес *Кэти* создавался с помощью еще одного молодого медиума — г-жи Уайт, сообщницы Чайлда, которая сейчас в отъезде. Я высказалась. Можете верить мне или не верить *ad libitum** — воля ваша.

Господин Колби весьма несправедлив, весьма пристрастен, и да поможет ему Бог, но только кажется мне, что им сейчас управляет некий *диака**, оказывающий отеческое покровительство д-ру Чайлду. Вы читали его «Sunshine»? В нем есть ответ на ваши вопросы. Я направила Колби свое ответное послание. Если он его не опубликует, причем немедленно, — ибо я имею право этого требовать, поскольку Чайлд обвиняет меня в распространении всяческих измышлений, — то я опубликую это в «Springfield Republican» или еще где-нибудь да еще приплачу им, *сколько захотят*, но я полна решимости продемонстрировать публике, кто на самом деле распространяет инсинуации — я или Чайлд. Пожалуйста, сообщите об этом Колби, пусть он знает, что даже если мне придется заплатить за публикацию сотню долларов, я все равно ее добьюсь, *однако* в этом случае я кое-что припишу, чтобы показать, *почему ведущая спиритуал[истическая] газета* отказывается печатать правду, одну только правду и ничего кроме правды.

Бога ради, не вводите ваших несчастных кембриджских исследователей в такую компанию, как эти Холмсы. Разве вам так хочется, чтобы ученые швыряли свои деньги на ветер? Мой им совет: раз уж они такие богатенькие и щедрые, пусть лучше займутся каким-нибудь «Артемусом Уордом» и *его* шоу, если означенный джентльмен действительно существует в природе, вместо того чтобы опекать таких *ненадежных* медиумов. Они явно плутуют, а если схватить их за руку, то все, что ни есть в них подлинного, пойдет псу под хвост. Их мошенничество в очередной раз навредит спиритуалистам, причинит ущерб общему делу и *вам лично*.

Автопортрет Джона Кинга

Джон говорит: «К любому из них», «Постараюсь». Думаю, он имеет в виду, что вы можете обратиться к Мамлеру или к Хезелтону*, а сам он сделает все, что в его силах. Я пошлю вам на следующей неделе его автопортрет, где он изображен у себя на балконе, в Стране вечного лета*. Джон нарисовал свой портрет за один сеанс, но велел мне дорисовать по краям что-то вроде обрамления из красивых цветов, а я работаю очень медленно, когда он мне не помогает или не делает все сам. Я ощущаю себя очень больной и несчастной; почему — я и сама не знаю. Нахожу этому лишь одно объяснение, одну причину: мне хочется *домой, наверх*, но духи не желают меня туда забирать.

Как вы могли подумать, что Холмсы солгали по поводу фотографии? Это единственный раз, когда они сказали правду; им этого совершенно не хотелось, ибо правда царапает и раздирает им глотку так же, как ложка терзает горло честных людей. Разве помимо их подтверждения вы не слышали свидетельств [...] и других?

Поверьте мне, дорогой генерал: то, что я вам о них рассказала, — сущая **правда**. Ибо психологически повлиять на них можно лишь тогда, когда они говорят правду.

Прочитала книгу г-на Эпеса Сарджента «Доказательство очевидно» и просто влюбилась в него — так прекрасно и мудро он пишет. Его книга заинтересовала меня больше всех других книг о спиритуализме в Америке. Можете автору так и передать. Скажите ему, что он заморочил голову самой настоящей урожденной казачке и заставил ее в него влюбиться.

Моя любимая нога *не хочет* исцеляться, и я, видимо, так и останусь хромой.

Напишите мне в ответ чуть подробнее, чем обычно, не скупитесь на слова в своих письмах.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 4

[1875 г.]

Мой дорогой генерал!

Джон посылает вам следующий мудрый ответ, который я передаю дословно (я спросила его, скажет ли он вам, кто те самые духи, которые изображены на вашей фотографии).

«Скажите ему, что Джон никогда не водится со скверной компанией (*sic!*). Это ужасные духи. Дайте ему время и посмотрите, сумеет ли он опознать кое-каких духов на моей картине».

Думаю, Джон имеет в виду ту картину, которую он сейчас как раз заканчивает для вас. Она нарисована на квадратном куске белого атласа, *один ярд* в длину и в ширину*, на котором изображена куча всего презабавного. В центре — сам Джон у себя на балконе на фоне зелени и прочего. Я вот только пребываю в некотором замешательстве: как переслать вам картину, не испортив ее. Наверное, лучший способ — намотать ее на круглую палку и обшить промасленной тканью. Только, пожалуйста, *пусть никто не знает*, что картину создавали *через меня*. У меня нет ни малейшего желания прослыть медиумом, ведь в наши дни это звание стало синонимом слова «мошенник». Кроме того, я и вправду вовсе не медиум и никогда им не была, по крайней мере, в вашем, общечеловеческом, понимании. Баста.

А теперь, о благороднейший из всех генералов, вы должны оказать мне *одну* любезность. Несмотря на мои старания и объединенные усилия профессора Корсона*, г-жи Эндрюс, полковника Олькотта и многих других людей, *Колби* возвратил мне мою рукопись. Джон говорил мне, что этот тип не станет ее публиковать, он пришел в ярость и даже (я не стала выяснять, правду он сказал или нет) зашел так далеко, что, по его словам, свалил с ног «этого поганца Колби», *наслав на него болезнь* за то, что «из-за него все мои труды *пошли прахом*». Что подразумевал Джон под выражением «пошли прахом»? Не знаю, но в последнее время он употреблял кое-какие занятные слова, которые, как утверждает полковник Олькотт, являются древнесаксонскими.

Что ж, *en desesper de cause*¹¹, я послала рукопись г-ну Джерри Брауну, издателю «Spiritual Scientist». Прелестное издание, и с недавних пор оно действительно заслуживает внимания, ибо редактор делает все, что в его силах, дабы его детище превратилось в по-настоящему солидное издание. Там вы найдете несколько прекрасных статей, и, *даже если по тем или иным причинам он не сможет опубликовать мои статьи*, я все равно намерена защищать его и найти ему столько подписчиков, сколько сумею. *Четырех* я ему уже нашла, и в их числе мой друг Джон Мортон, который баллотируется на пост губернатора Филаделфии.

Так что, дорогой мой генерал, не могли бы вы заскочить на Иксчейндж-стрит, 18, к вышеупомянутому Джерри Брауну, обменяться с ним рукопожатием и *обязательно* поинтересоваться у него, сможет ли напечатать эту чертову статью или нет? Если нет, то я подробно опишу всю эту историю и пошлю в спиритуалистические газеты Лондона. И больше ни Колби, ни прочие трусы ничего от меня не получают! Сможете ли вы это для меня сделать, мой дорогой генерал? Вы меня очень этим обяжете, потому что меня уже просто тошнит от этой статьи, тошнит от борьбы, и мне бы поскорее от всего этого отделаться. (Пожалуйста, прочтите ее и сообщите мне, как она вам понравилась.)

Вы слышали, что за шутку сыграл Джон с полковником Олькоттом? Он написал ему длинное письмо, похоже, сам его отправил и поведал в этом послании какие-то удивительные секреты. Славный он малый, мой Джон. Ну что ж, вам еще предстоит удивиться, увидев *его собственный* портрет. Подождите немного, я думаю, что смогу выслать картину в конце недели, если верить моим *расчетам*.

Благослови вас Бог, и пусть никогда не уменьшится в размерах ваша тень, как говорят персы!

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

P.S. Так значит, вы решили не порывать со своими Холмсами? Тогда позвольте вам сказать, что ваша сумка, печать и решающие проверки окажутся абсолютно бесполезными и оба

¹¹ от отчаяния, за неимением лучшего (франц.).

супруга будут *плутовать еще похлеще*. Голову даю на отсечение, что г-жа Холмс уж наверняка будет. Вы просто попробуйте схватить за нос первое же материализовавшееся лицо — и увидите, что за ним скрывается.

Все это бесполезно, генерал. Они *действительно* мошенники, и вы лишь навредите делу.

Письмо 5*

[3 апреля 1875 г.]

Картина готова и отправлена вам через «Adams Express Co». Вначале она была чистая, как свежесвыпавший снег. Б. носил ее к себе в контору, чтобы показать кое-каким художникам, и картина прошла через столько грязных рук, что частично утратила свою девственную чистоту.

Джон просит вас обратить внимание на фигуру летящего духа *в верхней части* полотна — «мать и дитя». Говорит, вы ее сможете узнать. Я, например, не могу. Джонни хочет, чтобы вы *постарались* понять все символы и масонские знаки. Он просит также, чтобы вы *никогда* не расставались с этой картиной и следили за тем, чтобы к ней прикасалось поменьше народу, а еще лучше, чтобы к ней вообще *не подходили* слишком близко.

Позже я вам объясню, *почему* я переехала на новое место. Вот новый мой адрес: Сэнсом-стрит, 3420, Зап[адная] Фил[адельфия].

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 6

[Март 1875 г.]*

Мой дорогой генерал!

Рада, что вам понравился портрет Джонни, но только не надо называть его турком, ведь он милый, благородный эльф, и притом очень вас любит. Кто же виноват в том, что вы до сих пор не видели *его истинного облика* и думали, будто он смахивает на ту полуматериализованную физиономию старого еврея, которую вам обычно демонстрировали на сеансах у Холмсов? *Только* в Лондоне Джон предстает таким, каков он на самом деле, но и тогда его милое лицо не свободно от некоторого мимолетного сходства с соответствующими медиумами, потому что нелегко полностью изменить те частицы, которые притягиваются из различных жизненных сил. Как же вы *не смогли* узнать вашу Кэти Кинг, которую вы видели в прошлом мае? Джон говорит, что она *сейчас* именно такая и что несколько человек узнали ее *сразу же*, едва взглянув на картину. Я не знала об этом, так как Джон рассказал мне это не сразу. Эванс, г-н и г-жа Эмер, Мортон и другие тут же стали восклицать: «Это Кэти Кинг!» Я ее не видела и поэтому не знаю.

Мать и дитя — это *не портреты*, и вы, конечно, не можете узнать духов, которых *не видели*. А теперь, мой дорогой генерал, как насчет состояния, которое мы собираемся сколотить? Это все ваша приклеечная машина, ваше изобретение, я несколько не сомневаюсь, *ведь мне об этом было сказано*. Хотела бы я сейчас съездить в Бостон, но это невозможно, так как слушание моего дела в суде назначено на понедельник, 26 апреля, и мне нужно быть в Риверхеде, на Лонг-Айленде, вместе с моими адвокатами, так что до начала мая выехать в Бостон никак не смогу. Постарайтесь, если сможете, пока об этом деле вообще не думать.

Мой дорогой, мой драгоценный генерал, подключайтесь к нашим планам относительно «[Spiritual] Scientist». Видите, с Колби, с этой старой переваренной тыквой, вы уже

поссорились, а «Galaxy» — это безжалостная газета, которая не печатает ничего кроме сенсационной лжи, как и все остальные издания. Мы должны опубликовать ваши статьи. Вы же знаете, что говорит о них Стейнтон Моузес* в письме к г-ну Эпесу Сардженту. Я твердо намерена не дать «Spiritual Scientist» пойти ко дну и буду помогать ему держаться на плаву, пока люди сами не поймут, как умело управляется эта «посудина». Если г-н Эпес Сарджент, и полковник Олькотт, и вы сами, и профессор Корсон из Корнелльского университета, и госпожа Эндрюс — если вы все напишете или начнете писать для этого издания, дабы оно стало нашим специальным *правдивым* органом, каким благом это обернулось бы для дела спиритуализма вообще и для Америки в частности. *В данный момент*, поскольку говорить можно лишь о «Banner [of Light]» и отвратительном *религ[изно]-фил[ософском] журнале**, руководство спиритуалистов можно сравнить с «*les aveugles conduisant les borgnes*»¹². В будущем же, если мой план увенчается успехом, *мы* возьмем руководство на себя и выведем мир на путь истинный, показывая скептикам и неверующим причины сложившегося положения. Ведь сейчас их до упора пичкают сомнительными и всегда вызывавшими сомнения следствиями — и никаких рациональных объяснений, никаких достоверных свидетельств. Чего же тогда ожидать от людей посторонних, неспиритуалистов? Как мы можем тогда надеяться на то, что они когда-нибудь откажутся от своих христианских представлений, от членства в самых разных религиозных конфессиях, что дает им хотя бы легкое, пусть и ложное чувство респектабельности, и очертя голову ударятся в веру, которая непопулярна, полна иллюзий, ибо факты спорны, а ее главные апологеты, вожди, подобно древнему Евсевию*, этому старому набожному мошеннику из числа первых христиан, не только протаскивают в нее причудливые небылицы, но и фактически скрывают от всего остального мира преступления отдельных субъектов — людей, которые по каким-то таинственным причинам оказываются «любимчиками», фаворитами этих вождей и живут «*en odeur de saintete*»¹³ их печатных органов.

Можете называть жестокой мою статью против Чайлда! Знаете, будь у вас на руках те доказательства, которые *есть у меня*, то при всей вашей мягкости и покладистом характере вы бы признались как на духу, что готовы всыпать по первое число этому «отцу-духовнику», ибо он того заслуживает. Пожалуйста, протяните руку помощи несчастному Джерри Брауну, но не ради *него самого*. Я о нем очень мало знаю, разве что Джон мне его характеризует как честного, преданного, достойного человека, неутомимого трудягу, который хочет и может сделать очень многое для нашего дела, если ему самому оказать надлежащую помощь. Так помогите же ему ради нашего общего блага, ради блага спиритуализма и всего человечества. Олькотт сейчас пишет статьи для «Spiritual Scientist». Насколько я понимаю, г-н Эпес Сарджент занимается тем же самым. Профессор Корсон собирается послать туда свою статью на следующей неделе. Почему бы и вам не внести подобный вклад и не опубликовать свои статьи в этом издании? Я отправила письмо Витгенштейну и попросила его каждый месяц писать что-нибудь для «[Spiritual] Scientist», имея в виду статьи о спиритических феноменах, которые наблюдаются в Германии и вообще где угодно. Уверена, что он за это возьмется.

Джон говорит, что слышал, как ваша дочь «преуспевала на клавесине» и что «преуспевала она, цветая в благозвучии». Когда я сказала ему, что выражается он весьма цветисто и что я не совсем поняла, что же он подразумевает под «клавесином», Джон на меня страшно разозлился и разразился руганью, добавив, что другие на моем месте оказались бы *менее дураковатыми* и определенно поняли бы, что он имеет в виду. Передаю дословно. Ну вот, благослови вас Бог, и да будет жизнь ваша на веки вечные озарена солнцем.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 7

Вторник, 3.00 ч. утра
Сэнсом-стрит, 3420
Филадельфия

¹² «слепые, которые ведут хромых» (франц.).

¹³ «в благоухании святости» (франц.); в переносном смысле — «пользуясь особым расположением».

Получила ваше письмо сегодня после обеда. Вежливость требовала, чтобы я ответила сразу же, но я чувствовала себя такой раздраженной и разбитой (вернее, чувствовала себя такой разбитой и *поэтому* испытывала раздражение), что прочитала нотацию Олькотту, попыталась пригвоздить к позорному столбу Б., ввязалась в перебранку с *Джоном*, закатила истерику кухарке, довела до конвульсий канарейку и, таким образом «угодив» всем, отправилась спать. Тут мне приснился старик *Блаватский*, и это последнее событие я восприняла как преднамеренное оскорбление со стороны Провидения. Предпочитая этому кошмару все что угодно, глотаю таблетки Брауна, от которых начинаю чихать, хотя от кашля они меня *действительно* спасают, и в три часа утра порываюсь написать вам нечто, напоминающее по форме разумный, трезвый ответ; если же последний не отвечает духу этих эпитетов, смело предъявляйте счет за это вышеупомянутому седовласому *патриарху* и при первом же удобном случае перешлите сей счет с Джоном Кингом в «Страну вечного лета», дабы его покойное превосходительство могло по нему расплатиться.

Ваш профессор Софокл оказался весьма неплохим ученым и востоковедом, однако даже лучшие из востоковедов — просто школьники по сравнению с самыми грязными из евреев, которые родились и воспитывались в ... впрочем, не важно где. Это прекрасно и производит впечатление большой учености, когда человек способен назвать по отдельности каждое ребрышко, косточку и сухожилие в коровьей туше, но если после длинного перечисления по списку *наименований* отдельных частей тела подобный знаток не может «*a la Cuvier*»^{*} определить, что же это было за животное, и по ошибке принимает его за собаку, то какой же он после этого мудрец?

Господин Софокл смог назвать отдельные символы и составляющие древнееврейских и греческих слов: он обнаружил две колонны Дж. и Б. (они означают нечто большее, нежели просто архитектурный замысел этого древнего мормона^{*}, этого многоженца Соломона, который *стибрил* их для своего Храма у учителей его учителей, знавших все это еще за несколько тысячелетий до рождения его многоженского величества); более того, г-н Софокл тут же сорвал соломонову печать (то же самое еще до него сделал Булвер^{*}), но почему бы г-ну Софоклу не поведать вам общего значения этих символов, сведенных воедино? А ведь в них *действительно* есть смысл, и поверьте мне, что, изобразив их на своей картине, Джон создал печальную сатиру на невежество *soi-disant*¹⁵ светил науки нынешнего поколения, которые так бахвалятся своими знаниями и удивительными успехами в разгадывании тайн прошлого, а сами даже не в состоянии с уверенностью выявить разницу между каким-нибудь «древнескандинавским символом» и ключом к «Золотым Вратам» и ошибочно принимают могущественнейший из гностических талисманов за *distant arriere petit cousin*¹⁶ и называют его *молотом Тора*^{*}!

Пока людям не удастся разгадать общее значение символов на картине Джона, он не сможет учить их и отказывается их просвещать. «Держайте» — и разгадайте, если сможете. Пусть беспредельная глубочайшая мудрость ваших ученых, сотворивших на фундаменте своего *позитивного знания* столько Бюхнеров, Молешоттов, Токтров, Рихтеров и прочих атеистов, поможет им раскрыть *эту единственную тайну* картины, которой вы теперь владеете, — и тогда мир может закрыть свои учебники и слегка передохнуть, ибо тогда люди познают то, что они пытались постичь на протяжении сотен веков и поколений, но так и не смогли, потому что в своей гордыне и суетной спешке, из-за которой они вечно путали какой-нибудь «*croix cramponnee*» с «*croix chiffonnee*»¹⁷, они обычно вопили «Эврика!», тогда как даже азы познания не очень-то надежно были усвоены их пустыми головами.

Мой дорогой генерал, пожалуйста, передайте *всем*, кто столь почтительно и лестно отзывается обо мне, утверждая, будто эта картина написана мною, простой смертной, передайте им, что дочь моего отца никогда не выступала в роли «плагиатора». Картина так хороша, что давала бы право гордиться ею любому, кто *действительно* написал ее, однако я, за исключением того, что подрисовала цветочки *внизу* и несколько листиков вокруг балкона, вообще не касалась кистью ни одного дюйма на остальной части картины и не понимаю, почему я должна приписывать себе честь ее создания. *Всякий* волен верить в то, во что ему вздумается. Пусть скептики заявляют, что ее *написала я*, полуспиритуалисты — что в процессе ее создания меня *вдохновлял некий астральный дух*, члены традиционных

¹⁴ Мой генерал! (франц.).

¹⁵ «так называемых», мнимых, самозванных (франц.).

¹⁶ за его дальнего, седьмая вода на киселе, родственника (франц.).

¹⁷ «свастику» с «крестом хоругвей» (франц.).

конфессий — что к картине приложил руку сам дьявол, а епископальное духовенство (подобный факт как раз недавно имел место) — что ни одному достойному человеку не пристало читать книгу Олькотта или смотреть на эти «сатанинские картинки» г-жи Блаватской, поскольку последняя курит и богохульствует (!), а Олькотт восхищенно рассуждает о ней на страницах своей книги. Я намерена при первой же встрече с этим почтенным выпускником «Бичеровской школы злословия» обменяться с ним рукопожатием, после чего заставлю его публично признать, что Господь Бог воротит нос не столько от моего богохульства, сколько от молитв сего святоши, и я буду не я, если этого не сделаю — вот увидите.

Мой обожаемый генерал, боюсь, что, к прискорбию своему, не смогу поехать с вами в Вашингтон. Нога моя разболелась, как никогда. Джон ее почти полностью исцелил и велел мне *соблюдать полный покой* в течение трех дней. Я пренебрегла его указаниями, и с тех пор мне становится все хуже и хуже. Сейчас ее приходится лечить обычными методами. К тому же, думаю, 11 мая в Риверхеде будет слушаться мое дело. Я должна там присутствовать и т. д. и т. п. Была бы просто счастлива принести вам хоть какую-то пользу, но, боюсь, это вряд ли будет возможно.

Вдобавок я не совсем уверена в Джоне. Он никогда не дает никаких советов никому кроме меня, и это так не похоже на поведение ваших медиумов. Если бы он честно пообещал мне, что поможет, я бы еще рискнула, но он *ничего не обещает*; более того, он довольно строптив и никогда не делает того, о чем его попросишь, если только он сам сначала этого не предложил. Вы же помните, какой он независимый. Я не могу согласиться на ваше предложение, пока он мне не разрешит. Поэтому нам придется подождать. Но я вам настоятельно рекомендую поискать какого-нибудь частного медиума, ибо сама я в действительности *вовсе не* медиум.

Посылаю вам странный и таинственный циркуляр. Прочитайте его и сообщите мне, как он вам понравился. Попросите *Братство* помочь вам. Джон не осмелится игнорировать их указания. Пожалуйста, напишите, обязательно напишите что-нибудь для «[Spiritual] Scientist» *под своим собственным именем* — это единственный способ угодить Джону: быть может, тогда он согласится оказать вам услугу. Больше ничего сказать вам не могу. Поговорите об этом с г-ном Эпесом Сарджентом.

Чувствую себя весьма неважно и вынуждена заканчивать. Мне еще нужно рассказать вам бесконечно много всего. Если бы я только *была в силах* помочь вам с вашим дипломом, но, поверьте мне, даю вам *честное* слово: я всего лишь раб, послушное орудие в руках *моих Учителей*. У меня не получается даже правильно писать по-английски, если они не диктуют мне каждое слово.

Видите, какое длинное и глупое вышло письмо, как безграмотно и невежественно сие послание, ибо в данный момент я *абсолютно одинока* и совершенно беспомощна.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 8

[Апрель 1875 г.]*

Среда

3420 Зап. Филадельфия

Дорогой генерал!

Не браните меня, пожалуйста, очень вас прошу; умоляю вас, не считайте меня «*a priori*» бессердечной, низкой, бесчувственной мерзавкой: «*Frappe, mais écoutes*»¹⁸, — взывал несколько тысяч лет назад к своему хозяину, лупившему его увесистой палкой, Эпиктет*; теперь точно так же взываю *и я*, ибо я *обязана*, в нравственном отношении обязана исполнить свой долг и предупредить вас, рассказав вам то, чего вы *не знаете*, но что *можете и должны*

¹⁸ «Бей, но выслушай» (франц.).

знать; вам стоит лишь написать всего несколько слов Джону Нортону, эсквайру, президенту «Маркет-стрит, Рэйлроуд», задать ему всего один вопрос — и этот джентльмен подтвердит вам все то, что я вам сообщаю, и докажет, что такого благородного, мягкосердечного, исключительно порядочного человека, как вы, могут легко обмануть ловкие мошенники, обретающиеся милях в двухстах от вас.

Вы лишь *понапрасну теряете время*, дорогой генерал, суетясь и *хлопоча за людей, у которых денег куда больше, чем у вас*.

Еще пару слов, и я успокоюсь.

Чета Холмсов в данный момент готовит сделку, собираясь купить *хорошую лошадь и кабриолет*, чтобы ездить к себе на загородную усадьбу Вайнлэнд. Эти люди начали переговоры об этой покупке, — которую *вы сами*, вероятно, не могли бы себе позволить, — около месяца назад, а поскольку такую лошадь, которая бы им подошла, они не сумели приобрести *в кредит* у г-на Джона Нортон, президента (как я уже упоминала) «Маркет-стрит, Рэйлроуд», они теперь покупают ее у другой фирмы, похваляясь тем, что у них достаточно друзей, чтобы оплатить покупку *десяти* таких лошадей. Так могут ли люди, занимающиеся подобными приобретениями, действительно прозябать в нищете и умирать с голоду, как они о себе рассказывают? Нет! Тысячу раз нет! Госпожа Холмс сейчас не в состоянии устраивать сеансы спиритизма, ибо никто к ней не пойдет, памятуя о ее мошеннических трюках. И, не желая тратить время и пользоваться глупостью некоторых *сбривших идиотов*, которые оказывали ей поддержку и позволяли с фантастической легкостью околпачивать их, а за это еще и пели ей дифирамбы в «Banner of Light», эта женщина с наглостью, достойной восхищения, принялась обманывать спиритуалистов, отбивая хлеб у действительно *нищих и голодающих* сп[иритуалистов]-медиумов и лекторов и выманивать у людей деньги, чтобы на них... покупать себе лошадей!

Знаете ли вы, что мне доподлинно известно следующее: каждый цент из тех 18 долларов, которые у меня выманил *soi-disant* «детектив» Холмс, перекочевал в карман *медиума Нельсона Холмса*, поскольку первый задолжал второму эти деньги и пошел на этот обман по наущению самого Нельсона Холмса. Я *докажу вам это при нашей встрече*. Если вы мне не верите — это конец. Я предоставляю вам *факты*. Я точно выясню, сколько сотен, а может, и тысяч долларов значится на их счете в банке. У меня на руках письма из Лондона и с Запада: вот тут-то я и докажу вам, что добрячок способен иногда причинить больше вреда, невольно помогая мошенникам в их обмане, который как раз и строится на доверчивости действительно честных людей, — гораздо больше вреда, чем такие бесчувственные, злобные негодяйки, какою сегодня могу вам показаться я.

Очень вас прошу, дорогой генерал, не судите обо мне строго и сгоряча, пока не убедились, что *я действительно лгу*. У меня в этом мире так мало настоящих друзей, а в последнее время меня столь превратно понимали, столь жестоко оскорбляли недоверием и *бесчестили* — да, бесчестили гнусными подозрениями, тогда как вся моя жизнь посвящена истине и только *Истине*, — что пишу я вам с ужасом, пишу лишь потому, что почитаю это своим долгом. Больную ногу вот-вот парализует полностью. Так что ей, по-видимому, конец. Даст Бог, и я последую вслед за нею туда, «наверх», и чем скорее, тем лучше.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 9

[Около 1-3 мая 1875 г.]*
Среда
Нью-Йорк

Дорогой генерал!

Пишу вам из Нью-Йорка, однако ответ ваш получу уже в Филадельфии, так как завтра возвращаюсь туда.

Я вся в недугах и в хлопотах, и я надеюсь, что вы проявите великодушие и не откажете

мне в одной небольшой *service obligant*¹⁹, о которой я собираюсь вас попросить; дело это для меня очень важное, и если вы с ним справитесь, то тем самым поможете мне выйти из серьезной переделки.

Не могли бы вы разузнать кое-что в Бостоне об одной старой деве, которую зовут Дж.Лорэйн Рэймонд, или Лулу Лорэйн Рэймонд, как она сама себя называет? Адвокатом этой особы является Х.Л.Ньютон, которого можно найти по адресу: Бостон, Пембертон-сквер, 27. Только не пытайтесь узнать нужные мне сведения через него, ибо он — ее поверенный. Единственное, что вы могли бы из него вытянуть, это ее нынешнее *место жительства*, что также весьма пригодится. Но в первую очередь я вас хочу попросить вот о чем: выясните, пожалуйста, по какому из дел эта дама проходила в суде; оно некоторое время было в списке дел, назначенных к слушанию, и закончилось предположительно в октябре 1874 года. Сможете ли вы это сделать? Если выяснится, что ее обвиняли в *шантаже* — значит, мне не о чем беспокоиться.

Я только что возвратилась из Риверхеда, где в понедельник, 26 апреля, состоялось слушание моего дела. Я его выиграла. Мне удалось доказать факт мошенничества и сговора между той женщиной, которая меня обманула, и ее адвокатом, Марксом. Суд присяжных вынес решение в мою пользу и обязал ответчицу возместить ущерб и судебные издержки. Однако г-н Джон в своем стремлении помочь мне зашел слишком далеко.

Вот что произошло. После того как огласили решение присяжных, Маркс, адвокат ответчицы, нанес мне оскорбление, заявив, что дело мне удалось выиграть благодаря *подделке* некоторых документов. Если бы я проигнорировала оскорбление, все было бы в порядке, однако я его не стерпела и призвала своего адвоката засвидетельствовать факт оскорбления. Мой поверенный обозвал Маркса ...ым лжесвидетелем, жидом и обманщиком. Тот не остался в долгу, и мой адвокат, вдохновляемый Джоном (ибо он утверждает, что не может понять, как это у него получилось), схватил Маркса за горло, повалил его на пол и виртуозно *отдубасил*, к величайшему удовольствию публики и присяжных, ибо все это происходило в зале суда прямо перед носом у судьи. В результате Маркс, побитый в процессе суда, а затем побитый *physiquement parlant*²⁰ после суда, разъярился, словно вепрь, и теперь, намерившись насолить нам напоследок, уже в официальном порядке выдвигает против меня и моих адвокатов обвинение в *подделке* определенных документов!!!

Разумеется, негодяй этим ничего не добьется, поскольку эта женщина уже сбежала в Лондон, а я могу доказать, что она в предыдущем случае под присягой отреклась от своей подписи под договором, но все же Маркс в состоянии доставить мне немало неприятностей и уже сделал это, ибо он сумел добиться от судьи *Прэтта* отсрочки исполнения вердикта до 1 июня, и я еще несколько месяцев не смогу получить свои деньги несмотря на то, что выиграла дело. Сегодня этот Маркс известен как самый большой мерзавец во всем Нью-Йорке; судьи считают его вором, а адвокаты в один голос твердят, что он позорит их профессию. Тем не менее официально он вправе *выдвигать обвинения*, даже если реально не способен ничего доказать. Вы можете судить о нем уже по одному тому факту, что после того как в понедельник, в шесть часов вечера, суд присяжных вынес решение в мою пользу, Маркс, зная, что дело будет зарегистрировано не раньше 10 часов утра следующего дня, пошел и в 8 часов утра продал документ такому же негодяю, как он сам, выказав тем полное презрение к суду.

Сейчас он лезет вон из кожи, чтобы купить как можно больше свидетелей. Он говорит, что эта Рэймонд будет свидетельствовать в его пользу и покажет, что она видела у меня на столе ту самую записную книжку, в которой должен был лежать документ, и присягнет, что никакого документа в ней не было. Это ложь, ибо, насколько мне известно, эта самая Рэймонд никогда не входила в мою комнату, но закон есть закон, и если мы не докажем, что сия свидетельница — пьянчужка, не заслуживающая доверия, которая до меня шантажировала и других людей, то ее показания, данные под присягой, могут доставить мне немало хлопот.

Пожалуйста, дорогой генерал, сделайте мне одолжение, о котором я вас прошу. *C'est a titre de revanche*²¹, когда только смогу.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

¹⁹ небольшой услуге (франц.)

²⁰ побитый физически (франц.)

²¹ Обязательно отблагодарю вас за это (франц.)

Джон выражает вам свою любовь и желает всего наилучшего.

Письмо 10

[12 июня 1875 г.]
четверг
Филадельфия

Мой милый генерал!

Если вы получили ответ на ваше последнее письмо, благодарите «Джона Кинга», потому что г-н Б.* уехал на Запад. Я отослала его около 26 мая, когда мне стало так плохо, что врачи стали подумывать о том, чтобы лишить меня моей *лучшей* ноги, так как в то время уже думала, что *pour de bon*²² отправляюсь «наверх», ибо, когда болею, терпеть не могу мрачные лица *плакальщиц* и *скорбящих*, и г-на Б. я выпроводила. Замечаю за собой немало *кошачьих* наклонностей, и одна из них — это всегда быть начеку и постараться, если получится, «умереть» в одиночестве. Поэтому я велела Б. быть готовым вернуться, когда я напишу ему, что мне уже лучше, или когда кто-нибудь другой напишет ему, что я отправилась *домой*, или «сыграла в ящик», как любезно научил меня выражаться «Джон».

Ну вот, я *пока* не умерла, ибо у меня, опять-таки как у кошки, видимо, *девять жизней*, да и в «лоне Авраамовом» меня, кажется, пока еще не ждут; однако поскольку с постели я по-прежнему не встаю, очень слаба, сердита и, как правило, бываю *не в себе* с полудня до полуночи, то стараюсь по-прежнему держать старину Б. подальше от дома для его же блага и моего собственного спокойствия. Мою ногу собирались отрезать начисто, но я сказала: «Гангрена не гагрена, но я этого не допущу!» — и сдержала слово. Вообразите дочь своего отца на деревянной ноге; представьте себе, как *pour le coup*²³ в стране духов моя нога скачет передо мной! Чайлдам предоставился бы прекрасный шанс сочинить *un quatrain*²⁴, милый поэтический некролог, как говаривал г-н Артемус Уорд, завершая стихи неизменным рефреном из своего бессмертного «Филадельфийского надгробия»: «Покинула мир сей для встречи с ногою!» Ну уж нет! Тут я призвала всю свою *силу воли* (воскресную) и попросила всех лекарей и хирургов пойти поискать мою ногу в Саду Столетий...

После того как они улетучились, подобно мерзким гоблинам или *какодемонам*, я пригласила г-жу Миченер, *ясновидящую*, и имела с нею беседу. Короче говоря, я уже приготовилась к смерти (по этому поводу я не переживала), но умереть решила все-таки при двух ногах. Гангрена уже стала охватывать все колено, однако два дня холодных *компрессов* и белый *щенок* (песика приложили на ночь к больной ноге) — и все как рукой сняло. Нервы и мышцы еще слабы, ходить пока не могу, но опасность уже полностью миновала. Было у меня еще две-три других *maladies*²⁵, которые вынашивали амбициозные замыслы украсить себя мудреными *латинскими названиями*, но я живо их пресекла. Чутьочку силы воли, хорошенький кризис (последний меня как следует встряхнул), еще один мощный рывок с помощью «курносого вестника» — и вот она я. Б. — мягкотелый *простачок*, он никогда не сумел бы описать мои *страдания* так же поэтично, как я. Не правда ли, «mon General» ?

Теперь о Джоне Кинге — этом *короле* озорных негодников. Что он вытворял с этим домом, пока я хворала и лежала при смерти, не опишешь и в трех толстенных томах! Спросите хотя бы г-на Дана и г-жу Маньон, мою подругу-француженку, которые меня навещают и сейчас живут в моем доме, они вам такое порасскажут! Беда в том, что никогда не знаешь заранее, что этот тип выкинет в следующий раз. Когда сегодня принесли почту, он распечатал каждое письмо, прежде чем почтальон успел их вручить. Моя служанка, обладающая удивительными медиумическими способностями (вероятно, столь же удивительными, как и ее глупость) и целыми днями пребывающая в транс, *дематериализуя* на кухне все подряд, вбежала ко мне в спальню чуть не плача, бледная от страха, и поведала мне, что «тот чернобородый детина-дух вскрыл все конверты прямо у нее в руках». Так мне и удалось прочесть ваше письмо.

²² Вправду, в самом деле (франц.)

²³ На этот раз (франц.)

²⁴ четверостишие (франц.)

²⁵ Болезни (франц.)

А теперь позвольте мне, мой генерал, дать вам один добрый совет: пока вы как следует не узнаете Джона, не доверяйте ему сверх надобности. Он добр, услужлив, все готов для вас сделать, если вы ему понравитесь (спросите у Олькотта), он могучий и благородный дух, и *я его нежно люблю* — Богом всемогущим клянусь, что говорю правду; *однако* есть у него и свои недостатки, в том числе и весьма неприятные. Он бывает порою злорадным и мстительным, временами *врет*, как самые отъявленные французские дантисты, и находит удовольствие в *околпачивании* людей. Кроме того, я не берусь утверждать и не поручусь в суде, что *мой Джон* — это тот самый Джон лондонских спиритических сеансов, Джон «из фосфорной лампы», хотя я в этом почти уверена, да и сам он это утверждает. Но тайны мира духов — это такая мешанина, они представляют собой столь удивительный запутанный лабиринт, что кто знает? *Только не Колби* — уж в этом-то я твердо убеждена.

Возьмем, к примеру, *меня*. Я знаю Джона уже 14 лет. Все это время он не расставался со мной: весь Петербург и пол-России знали его под именем «Янка», или «Джонни», он странствовал вместе со мною по всему свету. *Трижды* он спасал мне жизнь: например, в Ментане во время кораблекрушения или последний раз — 21 июня 1871 года близ *Специи*, когда наш пароход взорвался, разлетевшись на кусочки, на атомы, и из четырехсот пассажиров уцелело лишь шестнадцать человек. Джон любит меня, я это знаю, и ни для кого он не сделал бы столько, сколько для меня.

И тем не менее знали бы вы, какие неприятные фортели он выкидывает: чуть что не так — и он становится сущим дьяволом, принимаясь озорничать, да еще как! Жутко оскорбляет меня, награждая самыми причудливыми, «неслыханными» прозвищами, отправляется к медиумам и рассказывает про меня всякие *байки*, жалуется им, что я оскорбляю его лучшие чувства, что я закоренелая лгунья, неблагодарное создание и так далее.

Он набирает такую силу, что действительно сам может писать письма без помощи медиумов: переписывается с Олькоттом, с Адамсом, с тремя-четырьмя леди, которых я даже не знаю. Приходит ко мне и рассказывает, «как чудно он с ними развлекся» и как ловко он их надул. Могу назвать вам десять человек, с которыми он ведет переписку.

Он крадет в доме что попало. На днях, когда я болела, принес г-ну Дана 10 долларов, так как Дана утром *тайно* написал ему из своей комнаты и попросил об этом (Дана знаком с ним уже 29 лет). Он стащил 10 долларов для г-на Брауна. А еще Джон принес г-же Маньон ее кольцо с рубином, потерянное несколько месяцев назад (потерянное или украденное — точно не знаю), «в качестве вознаграждения», как он выразился, за ее заботу «о его возлюбленной Элли» (моем бедном *эго*). Она написала ему за два часа до этого, в 9 часов вечера, а в 11 вечера у себя под постельным бельем обнаружила свое колечко вместе с запиской от Джона. Он подделывает чужие почерки и вносит разлад в семьи, «неожиданно появляется и внезапно исчезает» подобно некоему inferнальному *Deus ex machina**; он способен бывать одновременно во многих местах и повсюду сует нос в чужие дела. Он может сыграть со мной самую неожиданную шутку — и порой это весьма *опасные* шутки; он ссорит меня с людьми, а потом появляется и со смехом рассказывает мне о своих проделках, бахвалится ими и дразнит меня.

На днях он пожелал, чтобы я сделала нечто, чего *мне делать совершенно не хотелось*, ибо я была не уверена, что это правильный поступок, и к тому же плохо себя чувствовала. Тогда Джон швырнул в меня едким *un morceau de pierre infernale*²⁶, который хранился в запертой шкатулке в ящике комода, и обжег мне правую бровь и щеку, а когда на следующее утро бровь моя почернела как смоль, Джон засмеялся и сказал, что я теперь выгляжу, как «*преlestная молодая испанка*». Теперь мне ходить с этой отметиной не меньше месяца. Я знаю, он любит меня, *я знаю это*, он преданно служит мне, но в то же время он нагло изводит меня, несчастный негодник. Он пишет людям *обо мне* пространные письма, внушает им самые жуткие вещи, а потом хвастается этим!

У вас и у *меня* совершенно разные представления о мире духов. *Господи!* Вы, наверное, думаете: «Джон — это сущий диак, Джон — это *злой дух, un esprit farfadet et malin*»²⁷. Ничего подобного. Он такой же, как и любой из нас, не лучше и не хуже. Я вам все это рассказываю и предупреждаю только потому, что хочу, чтобы вы получше узнали его, прежде чем начнете с ним общаться.

Ну вот, например, вам известно, что природа щедро одарила меня, наделив *вторым зрением*, то есть даром ясновидения, и обычно я *могу* увидеть то, что очень захочу, но я никогда не могу этим способом *предвидеть* его фокусы и вообще ничего о них не знаю, если

²⁶ Кусочком адского камня - ляписа (франц.)

²⁷ Бука, злук злобный и лукавый (франц.)

только он сам не приходит ко мне и не рассказывает о них. А вчера вечером, когда Дана и г-жа Маньон сидели у меня в комнате, ко мне заглянули три человека. Джон начал постукивать и заговаривать со мной. Я чувствовала себя весьма неважно и не была настроена на общение с ним, но Джон настаивал. Кстати, в моей комнате духов (возле спальни) я устроила *темный кабинет*, и Дана из «Клуба Чудес»* сидит там каждую ночь. И вот Джон проявился.

— Ну вот, Элли. — Он всегда начинает разговор таким образом.

— Ну, — спрашиваю я, — что ты там опять затеваешь, паршивец?

— Я написал письмо, девочка моя, — отвечает он, — *любовное* письмо.

— Господи Боже мой, кому? — горестно восклицаю я, ибо хорошо его знаю и опасаясь очередного подвоха.

— Ты не получала сегодня письмеца от Джерри Брауна, Элли?

— Нет, не получала. А причем здесь г-н Браун?

— Да так, — отвечает Джон, — дело в том, что он тебе больше не будет писать, он на тебя *жутко зол*, потому что я подробно расписал ему, кто ты такая на самом деле.

— Да что же ты ему наговорил про меня, Джон, отвечай, несносный чертенок! — Тут я так разволновалась, что мои гости покатались со смеху.

— Ну, — отвечает Джон и глазом не моргнув, — не так-то уж и много я ему сообщил. Только дал парочку дружеских советов, да еще намекнул на то, какая ты милая, ласковая *кошечка*, назвал тебя кривоноленастой (или кривоколенной — я не запомнила в точности его выражение) *штучкой*, подробно растолковал ему, как ты *кроешь* меня на самых разных языках, и поведал ему, дав честное слово, что не вру, как ты его, г-на Брауна, страшно оскорбляешь перед каждым твоим гостем. Более того, я рассказал ему, как ты восседаешь на кровати — *этакая капризная коротышка*, важная, как *кафедральный собор*, и злющая, как *бульдог мясника*. Теперь ты ему, г-ну Брауну, отвратительна, и отныне он тебя к своему «[Spiritual] Scientist» и на пушечный выстрел не подпустит.

Тут я ему стала возражать: говорю, мол, г-н Браун тебе не поверит, а я ему сама напишу и попрошу прислать мне письмо.

— Нет, — отвечает Джон, — как раз тебе-то он его и не пришлет, ведь я с ним теперь на дружеской ноге, и он знает, что я его журналу в любом случае принесу больше пользы, чем ты: *я ему обещал написать для него статью*, да-да, именно статью, и он с благодарностью принял мое предложение. Так и ответил: «Отказываюсь иметь с ней дело, с этой злобной *русской чертовкой*, а вам, г-н Кинг, *огромное* спасибо за то, что доставили мне столь ценную информацию».

А теперь представьте себе, как присутствующие выслушивали все это, а я просто не знала, что мне делать: смеяться или злиться на моего дурачащегося гоблина! Я не знаю, сочинил он всю эту историю, чтобы поддразнить меня по своему обыкновению, или же он *на самом деле* написал г-ну Брауну. Я бы выставила себя на посмешище, если бы написала последнему письмо с просьбой развеять мои сомнения: ведь я могу основываться лишь на том, что мне тут наплел Джон. Прошу вас, дорогой г-н Липпитт, сходите к г-ну Брауну, если вам удастся выкроить свободную минутку, и попросите его сообщить вам, *действительно ли* он получил какое-то послание от Джона. Зачитайте ему из письма все, что касается Джона, ибо если г-н Браун *и вправду* получил такое послание (я, конечно же, не верю утверждениям озорного бесенка, будто г-н Браун говорил про меня *так и этак*), то, быть может, он расскажет вам о его содержании. *Если же он не захочет ни о чем рассказывать*, то, ради бога, не настаивайте: вполне возможно, *Джон* написал ему о чем-нибудь еще — допустим, *о делах*. Я знаю, что с месяц назад он проникся симпатией к г-ну Брауну и помогал мне в разных начинаниях (например, убеждать людей писать статьи для «[Spiritual] Scientist»), а эту историю рассказал специально, чтобы досадить мне: он ведь любит «угождать» в таком духе. К тому же Джону вряд ли понравится, если г-н Браун или вообще кто угодно станет показывать его письма другим людям, но вы просто попробуйте. Если захотите, можете показать все письмо целиком.

Ну вот, начинаю заметно уставать: пока еще я очень слаба. Выиграла еще одно судебное разбирательство; возможно, мне удастся спасти 5000 долларов из той суммы, которой я лишилась. Джон, безусловно, очень помог мне с судебными делами, однако он совершил один *весьма* скверный поступок — скверный не с точки зрения обитателей «Страны вечного лета», а согласно человеческому, земному кодексу чести. Я как-нибудь вам об этом расскажу, только напомните мне в одном из писем, если захотите. Думаю, недельки через две-три, если мне

станет лучше, я отправлюсь к профессору Корсону в Итаку примерно на месяц, а потом мне придется поехать куда-нибудь *на побережье* и пожить там до октября. Так мне велено, но я должна отыскать на земном шаре какое-нибудь *уединенное местечко*.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

P.S. Ах да! Те слова, которые вам дал Джон и про которые вы меня спрашивали, — это фраза на *славянском языке*. Я пока в состоянии понять лишь половину из них. Они означают... «Вместо того чтобы спорить, помолитесь-ка Богу Великому и Могучему». Я еще напишу вам об этом подробнее.

И зачем было так честить бедного невинного духа? Скажите этой дрянной Элли, генерал, а Джерри Брауну черкните любовное письмо, я ведь люблю этого парнишку, и сердце мое для него всегда открыто. Это ведь мое дело, не так ли? Ну вот, Фрэнки: разве она не душечка — моя возлюбленная? Сущее чужеземское пугало, правда? Вот потому-то я ее и люблю. Ваш благожелатель*.

Джон Кинг

Письмо 11*

[Около 19 июня 1875 г.]*

Mon cher général!

«*Le petit bon homme n'est pas mort encore*»²⁸. Ох, и устала же я *умирать*. Как хочется умереть *раз и навсегда* («бесповоротно», как говорит Джон), ибо все это и вправду уже становится смешно).

Как только мне полегчает, сообщу вам в письме множество интересных подробностей. Пока что я слишком слаба. Написала в Петербург и еще в кучу разных мест.

Бетанелли пишет: «Ну не *душка* ли мой *Джон*?» Комитет пригласил его в Санкт-Петербург. Расспросите г-на Сарджента, он вам все расскажет.

С дружескими пожеланиями и благодарностью

Е.П.Блаватская

Письмо 12*

30 июня 1875 г.
Филадельфия

Мой дорогой генерал!

Только что получила ваше письмо из Кембриджа и спешу на него ответить. Все *на первый взгляд ничего не значащие* письма, которые вам диктовали духи во время вашего пребывания там, — это не что иное, как многочисленные наставления вашим американским спиритуалистам, записанные особым шифром (каббалистическим, используемым *розенкрейцерами* и другими Братствами оккультных наук. Я *не вольна* расшифровывать их вам *до особого распоряжения*. Не принимайте мои слова за отговорку. Дело обстоит именно так, как я вам говорю, даю вам *честное слово*. Джон, конечно же, разбирается в этих шифрах,

²⁸ Дорогой генерал! «Ваш маленький приятель ещё не умер» (франц.)

ибо он, как вы понимаете, сам принадлежал к одному из таких орденов. *Бережно* храните все, что получаете подобным способом. Кто знает, что еще там у них припасено для слепой Америки?)

Впрочем, кое-что могу вам открыть: те последние слова, о значении которых вы меня спрашиваете, означают, что до тех пор, пока в Америке не сумеют разобраться в спиритуализме, а точнее, в философии и мистериях*, не станут их понимать *должным образом*, до тех пор высшие духи не смогут нам оказывать никакой помощи, ибо духи низшие и неразвитые рискуют быть понятыми превратно, что привело бы к величайшим искажениям Науки Наук, а подобное ложное понимание Божественных Истин не принесло бы человечеству ничего кроме вреда. *Вот в чем причина*. Джон сделал все, что мог, чтобы помочь вам, но у него, бедняги, *нет* разрешения на дальнейшие шаги. В результате ему теперь даже не позволяют проявляться через меня (разве что время от времени писать письма или сообщать по буквам отдельные слова), если только мы с ним не остаемся наедине, *совершенно одни*.

Близится время, мой дорогой генерал, когда спиритуализм *придется* очистить от его ошибочных толкований, предрассудков и невежественных представлений, из-за которых над нами лишь потешаются скептики и неверующие, отрицая спиритуализм и тормозя прогресс нашего дела. Спиритуализм необходимо показать тем, чем он является на самом деле, — Наукой, одним из законов Природы, одним из тех реальных фактов, без существования которых весь *Макрокосм* давно покатылся бы кувырком и испарился, как нечто эфемерное, не имеющее под собой надежной основы, ведь он был бы тогда лишь следствием без всякой разумной причины, слепым разгулом Силы и материи, воплощением бюхнеровских безумных материалистических идей о *Kraft und Stoff** и т. д.

Я рада, что вы будете проездом в Филадельфии. Буду счастлива увидеться с вами и вашей милой дочуркой. Но вам придется поспешить, ибо я, при всей своей хромоте, должна буду вскоре уехать по делу, не терпящему отлагательств. Я направляюсь в Бостон и его окрестности в радиусе около пятидесяти миль. В то прелестное местечко, о котором вы мне говорили, заехать не смогу. Оно мне не по пути, к тому же здоровье, нога и все такое прочее — сейчас просто чепуха и ввиду поездки отходит на второй план. *Я обязана поехать*, дорогой мой друг, и неважно, жива буду или помру: в этом деле не может быть никаких «нет». *Долг есть долг*.

Олькотт уже уехал в Бостон на несколько дней, его послали туда по делу. Не знаю, успели ли вы с ним встретиться.

Иду на поправку очень медленно, но на это мне наплевать.

Только что получила письмо от профессора Бьюкенена*, с которым мы регулярно переписываемся. В своем прошлом письме он прислал два образца автографа, чтобы я приложила их ко лбу и попыталась изобразить из себя психометриста*. Как только я взяла в руки его письмо, еще не зная, что же в нем такое, перед моим внутренним взором прошла череда всевозможных видений. И хотя я сочла все это лишь пустыми капризами своего воображения, я все-таки записала увиденное мною, посмеиваясь про себя, как водится.

И что вы думаете? Бьюкенен пишет мне, что никогда еще не было более точного описания предметов и действующих лиц! Похоже, я попала в яблочко, поскольку эти психометрические упражнения для меня нечто совершенно новое, никогда в жизни не пробовала ничем таким заниматься. Я попрошу нашего друга Э.Джерри Брауна дать у себя в журнале рекламное объявление о том, что я провожу психометрические сеансы и беру по 25 центов в час. Что скажете? Не слишком большую цену я заломила? Честное слово, я сама со смехом восприняла свое новое психическое открытие. Ну чем я не *кладезь* сокрытых сокровищ? *Суций* кладезь, как сказал бы Джон.

Приезжайте скорее, поторопитесь, и, быть может, я составлю вам компанию до Нью-Хейвена или Спрингфилда.

А сейчас заканчиваю свое послание, дабы вы его поскорее получили. Благослови вас Бог, генерал, мой дорогой друг. Похоже, в Америке у меня теперь есть несколько хороших друзей, и это тоже новое для меня дело, поскольку я не избалована такой роскошью, как искренняя дружба. Передайте вашей милой доченьке, что я ее очень люблю. Надеюсь, она не будет слишком уж сильно ругать моего бедного Джона или смеяться над этим беднягой, ведь она ему, судя по всему, действительно нравится; он часто рассуждает о ее мелодичной игре «на клавишах». Как он все-таки забавен, этот дух! И как ему удастся все время употреблять самые смешные словечки, какие только можно услышать? Откуда он их только берет? На днях он возьми да и попроси меня надеть мою белую *размахайку* и быть с ним не слишком

суровой, потому что, говорит, я с ним обращаюсь *дрянее*, чем с каким-нибудь *бесштаным сопляком*. Вам приходилось слышать что-либо подобное? Ну, *вам-то*, наверное, приходилось, но *про себя* я этого сказать не могу. Мне пришлось перерыть все словари, пока я наконец не сообразила, что *размахайка* — это нечто вроде *капота*, или *robe de chambre*²⁹.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 13*

[Июль 1875]

К-стрит, 1200,

Вашингтон, округ Колумбия

Мой генерал!

К сожалению, «человек предполагает, а Бог располагает». Лишена удовольствия личной встречи с Вами в Филадельфии. Уезжаю завтра, в *среду*, вечером или ночью. Отправляюсь в *командировку* с целью добиться возмещения ущерба, который нанес этот негодяй д-р Чайлд, доведя до безумия беднягу Оуэна. Весело же придется этим мерзавцам Холмсам с их «Барнум-шоу», когда надо будет держать ответ там, «наверху». Увидимся с вами в Бостоне, где сейчас находится Олькотт. Передайте вашей милой дочурке, что я ее люблю.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 14³⁰

[16 февраля 1881г.]

Редакция журнала "The Theosophist"

Брич-Кэнди, Бомбей, Индия

Мой дорогой генерал!

Только что прочла несколько страниц отборной площадной брани, которую пытался обрушить на мою голову этот патриарх воплощенных ослов — Робертс. Этот человек — просто водопад грязи! Сочувствую ему, но только ни капли этой грязи на меня не попало: поток, извергаемый филадельфийским грязевым вулканом, растекается у моих ног и тотчас же стекает в литературную канализацию, поглощая без остатка все номера «Mind and Matter»*.

Но о чем я действительно сожалею, так это о том, что вам пришлось взвалить на себя все хлопоты *по моей защите*. Вам достаточно было бы просто задать старому забияке вопрос: взяла ли я хотя бы раз (как медиум или не как медиум) в качестве оплаты за демонстрацию подобных феноменов хоть один цент или хоть какой-то подарок от кого-либо в Азии, Европе, Америке, Австралии — в любом краю кроме разве что Африки, где я некоторое время читала лекции по теософии? И если не брала, то зачем же мне в таком случае (если я только не *помешалась на оккультизме*, как Робертс помешан на медиумизме), не имея никакой благой цели, тратить время и деньги и посвящать этой работе всю свою жизнь, зная, что я обречена на подобные постоянные нападки, оскорбления и наветы?

Любое дело, за которое человек берется в своей жизни, всегда к чему-либо *ведет*; может ли у меня быть иная цель кроме той, о которой я заявляю открыто? Я взялась за сложнейшее

²⁹ домашний халат (франц.)

³⁰ Буду вам признательна, если вы не станете делать секрета из этого письма. Если хотите, можете его даже опубликовать. Хочу, чтобы все знали, о чем я думаю. Поэтому, пожалуйста, предавайте это послание огласке в той степени, какую сочтете нужной. — Е.П.Б.*

дело — основание Теософского Общества, и это не принесло мне, да и *не может* принести ни цента, но за все эти годы стоило многих тысяч тяжким трудом заработанных долларов мне и Олькотту, ибо мы с ним оказались чуть ли не единственными энтузиастами, для которых существование общества дороже не только денег, но и собственной жизни. Так скажите на милость: к какой же еще цели я *могу* стремиться? К славе? Печальна же эта слава, которая дает всяким негодьям право связывать мое имя с грязными инсинуациями и платить мне за известность открытыми оскорблениями и насмешками; слава, из-за которой я теряю многих лучших друзей. Если это скептики, то они не симпатизируют нашим взглядам на духовную жизнь, если спиритуалисты — они смотрят на меня как на иконоборца, тянущегося нечестивыми руками к их родным кумирам, дабы низвергнуть оных. Такая слава отравляет мне покой моей старости, переполняет меня желчью! Вот уж действительно достойная цель!

Мой дорогой друг, могу лишь повторить вам то, что говорила с самого начала, невзирая на то, верит ли мне весь окружающий мир или нет. За исключением уже упомянутых деталей, та картина на атласе написана *не мною*, а той силой, которую я назвала Джоном Кингом, — силой, присвоившей себе внешность и родовое имя Джона Кинга, ибо это — родовое имя, чем и объясняется множество противоречивых утверждений, касающихся Джона Кинга, сделанных как окружающими, так и им самим в разных уголках земли. С этой силой я знакома еще с детства, но увидела его лицо, как вы говорите, много лет назад, во время одной поездки (когда г-н Блаватский был губернатором в городе Эривань, столице Армении, а *не в Тифлисе*). На той картине я даже цветы на венке не смогла бы так хорошо изобразить без помощи Джона.

Кстати, почему бы вам не предложить этому бедному сумасброду из Филадельфии: пусть попробует, если сможет, отыскать во всей Америке хоть один подобный отрез белого атласа (такого же размера, с таким же изображенным на нем венком, с такими же красками). Ведь если я смогла купить такой отрез, то тогда в магазинах наверняка должны быть и другие такие же? Пойдите и спросите у любого толкового продавца, имеющего дело с подобными изысканными товарами, можно ли отыскать точно такую же вещицу? О жалкий, слепой, лживый дуралей!

Что касается бумажных трафаретов, я могу целыми бушелями* посылать ему вырезки из-под этих самых цветочков. Я никогда не скрывала, что они у меня имеются. Более того, я неоднократно пыталась воспроизвести и фигуры, и самого Джона, и облака на других кусках атласа при помощи тех же самых обрезков из «промасленной бумаги», как он их называет. Я пыталась это сделать на дереве, на полотне, на бархате и на точно таком же атласе, но, за исключением таких цветочков, у меня никогда ничего *не получалось*. Полковник О[лькотт] всякий раз посмеивался, наблюдая за моими усилиями, ибо они постоянно приводили к самым плачевным результатам, если я не прибегала к посторонней помощи, как в том случае.

Господин Уильямс, художник из Хартфорда, иллюстрировавший книгу полковника Олькотта, может вам поведать, сколь жалкими были мои потуги, когда я изо всех сил пыталась набросать рисунок, чтобы дать художнику некоторое представление о костюме, который он хотел изобразить. Тот самый ваш портрет я тщила воспроизвести (когда он *весь был залепан чернилами*; это происходило в присутствии г-на Эванса из Филадельфии; мне пришлось устранять пятна, положив на картину свои ладони, а меня в это время держал за руки «Джон Кинг»), однако это кончилось очередным провалом. И если бы тогда чернильные пятна на летящей фигуре Кэти Кинг и на самых изящных местах картины мгновенно не исчезли, я не смогла бы послать вам сие творение, ибо на тот момент оно было безнадежно испорчено.

Напишите письмо г-ну М.Эвансу в Филадельфию и расспросите его о подробностях. Кроме него и полковника О[лькотта] при этой катастрофе присутствовало еще несколько человек. Я вырезала несколько десятков подобных трафаретов и с их помощью пыталась рисовать, но потерпела полное *фиаско*. И тем не менее, как свидетельствуют в лондонском журнале «Spiritualist» художник-портретист Ле Клир и скульптор О'Донован, я создала по крайней мере одну картину такого уровня, который, как они заявляют, *не под силу ни одному из ныне живущих художников* (см. «Spiritualist», April 12, 1878), то есть тот портрет. Неужели и это я нарисовала при помощи масляной бумаги и трафаретов?

Дадим высказаться по этому поводу художникам — господам Ле Клиру и О'Доновану. Первый заявляет: «В целом можно сказать, что это *яркая индивидуальность*. Складывается впечатление, что картина создавалась на одном дыхании, а это всегда отличает великие творения живописи. Я *не могу разгадать, в какой технике* выполнена работа. Сперва я подумал, что это мел, затем — карандаш, затем — тушь, но даже в результате тщательного анализа я так и не пришел ни к какому решению». Может ли М.Ле Клир, *не являющийся*

спиритуалистом, также участвовать в заговоре? Может ли художник рисковать своей репутацией великого портретиста ради поддержания обмана?

А вот что говорит О'Доновэн: «Ле Клир, один из наиболее выдающихся портретистов, художник с более чем пятидесятилетним творческим опытом, утверждает: это картина такого уровня, что не может принадлежать кисти ни одного из известных нам современных художников. Она обладает всеми основными качествами, которые отличают портреты, написанные Тицианом, Масолино и Рафаэлем, то есть глубочайшей индивидуальностью, а следовательно, размахом и цельностью, достигшими той степени совершенства, какую только можно себе представить. Могу добавить, что картина... на первый взгляд кажется выполненной тушью, однако при более пристальном изучении мы с Ле Клиром не смогли отнести эту технику ни к одной из нам известных; чернила выглядят как составной компонент бумаги...»

Если ко всему этому добавить свидетельство нью-йоркских художников, которое вы получили в Бостоне в Кембриджском университете, свидетельство, опубликованное вами в «Spiritualist» и показывающее, что лучшие художники оказались не в состоянии определить, «в какой технике выполнена картина на атласе», то можете смело просить Робертса заткнуться! Он, наверное, тогда предположит, что портрет *создавался не мною*? Но у меня имеется данное под присягой письменное свидетельство очевидцев, оформленное к тому же на гербовой бумаге клуба «Лотос»!

До нашего с вами знакомства я нарисовала тем же способом еще три картины на атласе. Одну из них, с двумя изображенными на ней фигурами, я подарила нашему уважаемому другу Э.Дж.Дэвису*; вторую, с цветами, продала за сорок долларов доктору г-же Лозье, а вырученные деньги отдала одной голодающей женщине, вдове, дочь которой хотела изучать медицину, и я стремилась ей помочь, но на это у меня тогда не было своих личных средств. Даже не помню, сообщила ли я г-ну Дэвису, каким образом создавалась картина для него. Но г-же Лозье я про это ни словом не обмолвилась, так как она известна своим скептическим отношением к подобным феноменам.

Об этом я вам рассказываю, чтобы вы знали: я так мало пекусь о славе и так презираю деньги, что, хотя мне предлагали крупные суммы за создание подобных картин на атласе (даже без всякой связи со спиритическими манифестациями*), я здесь, в Америке, не нарисовала ничего кроме этих трех картин; последняя из них — выполненный красками портрет М.Стейнтон Моузеса, которого я никогда раньше не видела, но внешность которого я сразу же воспроизвела на картине. Так зачем же мне стремиться к подобной славе, не приносящей ни денег, ни вообще какой-либо выгоды?

Робертс говорит, что я «хитра, как лиса»? Ну, это скверный комплимент, совершенно неуместный в устах правдивого и проникательного редактора «Mind and Matter»; этот человек мог бы заметить, что хитрости моей не хватило даже на то, чтобы избавиться от таких роковых доказательств, как эти несчастные трафареты, — как раз наоборот, я их повсюду разбрасывала, и в итоге их как мусор убирала моя служанка! Уже одно это абсурдное противоречие демонстрирует уровень умственных способностей сего правдолюбца и степень моей «хитрости».

Кстати, вы, быть может, не знаете, но филадельфийским спиритуалистам известно, что эта моя служанка *сама является медиумом*; нередко с лестничной клетки доносился визг этой особы, повстречавшей на лестнице или в коридоре «Джона Кинга» — могучего детину, одетого в белое, который, как она выразилась, «сверлил ее горящими черными глазами». И ведь она не раз видела его рядом со мною, и сама же признавалась в этом моим гостям, причем то же самое рассказывала и г-жа Холмс (правда, свидетельствам последней все равно никогда не поверят). А сейчас служанка, видимо, набралась храбрости и решила покончить с привидением. Неужели теперь она носится с этими вырезками из промасленной бумаги и приписывает себе славу *моего разоблачения*? Надо же, какие ценные улики — просто клад, если учесть, что я экспериментировала с трафаретами в присутствии гостей (кстати, я нарисовала панно для г-жи Эймс из Филадельфии — и это происходило на глазах у г-на Эванса и многих других, — пользуясь такими же шаблонами и не прибегая к посторонней помощи, поскольку изображала всего лишь цветы и фрукты) и что подобные вырезки, как я уже говорила, были разбросаны по всему дому. Много ли толку принесла «генералу» Робертсу пущенная им утка?

Эту картину (я имею в виду ваш портрет) я «закончила» за один присест, после того как управилась с цветочками и листочками (их автором, конечно же, являюсь я, горемычная). Причем многие части картины были созданы мгновенно; краски, сперва тусклые, понемногу сгущались, становились все насыщеннее, постепенно приобретая нужный оттенок, — все

было именно так, как вам описал полковник О[лькотт]. А те противоречия, которые мудрый г-н Робертс находит в письмах других людей, меня совершенно не касаются, ибо я за них не отвечаю. Каждый описывает все эти феномены в соответствии со своими впечатлениями, а при спиритических феноменах наблюдатели, как правило, склонны преувеличивать. И я не отступаю от того, о чем писала ранее.

Не могу понять, зачем понадобилось некоторым спиритуалистам подвергать меня такого рода нападкам! Я с самого начала стала верным другом всем истинным медиумам — иначе и быть не могло. Я верю в их медиумические способности; я всегда выручала этих людей деньгами, даже если в результате самой приходилось оставаться без гроша в кармане. Быть может, эта ненависть вызвана тем, что я решительно не считаю себя медиумом? Но если я знаю, что, кем бы я ни была в девичестве, сейчас я не обладаю ни одним из общеизвестных свойств медиума, то с какой стати мне таковым себя называть? Пойди я на это, мне запросто удавалось бы самым откровенным образом околпачивать сотни людей, причем выкачивая из них деньги, и Робертс тогда первым бросился бы сражаться за меня не на жизнь, а на смерть.

Но я — не медиум. Я лишена их специфических недостатков и никогда не была под таким жестким контролем, под какой *попадают эти люди*. При этом я знала (если вообще на этом свете можно что-либо знать и если я, сама того не подозревая, *не сошла с ума*), что помимо духов, которые были людьми (и которые не в состоянии выйти за пределы земной атмосферы — царства элементариев*), есть тысячи других незримых сил, и сил полумрачных, и прочих невидимых сущностей, которые производят большую часть оккультных феноменов. Я *действительно* верю, что некоторые, а может быть, и многие человеческие индивидуальности (разумеется, не все) после физической смерти продолжают жить, и я твердо убеждена, что после смерти тела **ВОЛЯ** подобной «индивидуальности», движимая сильнейшим чувством любви или ненависти, способна на короткий срок облачиться в свой призрак, то есть в духовного *двойника* физического тела, и этот «двойник» некоторое время слоняется по родным местам до тех пор, пока не наступает окончательная дезинтеграция его объективных, вещественных частиц (которые иногда доступны восприятию наших органов чувств), когда сохраняются только духовные, точнее, субъективные частицы; они-то и остаются навеки запечатленными в эфире — этаким своеобразной картинной галерее, из которой ничего из того, что находится в нашей солнечной системе, никогда не исчезает!

Против чего я борюсь вместе с другими теософами, так это против откровенно абсурдных, однако возведенных в догму теорий, которые излагают и в которые сами же верят бешеные ослы вроде Робертса. Например, против теории, гласящей, что оккультные феномены производят духи умерших людей, и только людей, и что *все* люди: и материалисты, категорически настроенные против идеи жизни после смерти, и те, кто только и помышляет о загробной жизни, и даже малые дети, которые умерли, не успев узнать, что такое жизнь и смерть, даже мертворожденные — все становятся обитателями «Страны вечного лета» и *все* возвращаются!

Мой дорогой генерал, я никогда не выступала против *спиритуализма*, как такового, я была против отвратительного *материализма* отдельных его доктрин. Теперь, когда мне, как я считаю, открылась истина, моя цель — попытаться, в свою очередь, открыть ее моим собратьям, но лишь тем, кто пожелает, ибо я никогда и никому не навязываю своих взглядов. Так почему же все эти люди поднялись против меня? За последние два года я не написала ни строчки ни за, ни против спиритуализма, разве что в нашем журнале «Theosophist», да и не собираюсь писать. Но неужели мы живем во времена Кальвина и инквизиции и человек подлежит уничтожению, если думает не так, как наш чудотворец Робертс? Неужели спиритуализм в Америке превратился в унылое пресвитерианство*, наделенный полномочиями подвергать нас пыткам?

Я уже достаточно высказалась и теперь замолкаю. Все это мне отвратительно. Пожалуйста, не присылайте мне больше ни одного номера «Mind and Matter», ибо, хотя мой разум не то чтобы очень возмущен невразумительной болтовней этих писак, а дух — не слишком отягощен тем, что полумудрый редактор рассуждает явно не о высоких материях, но все же этот журнал — непристойный, хулиганский и совершенно непечатный орган. Сердечно благодарю вас за ваше свидетельство и за отвагу в деле защиты столь опасного субъекта, в роли которого я случайно оказалась. Но — *rira bien qui rira le dernier*³¹.

Ну а теперь давайте прощаться. Я знаю, что вы, по крайней мере, прежде чем повернуться спиной к старому другу, будете упорно бороться, чтобы докопаться до истины и узнать побольше фактов. В конце концов, считают ли спиритуалисты, что я обманываю весь мир, или не считают, обычную публику этот вопрос мало волнует. И еще меньше ее волновало бы это,

³¹ Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним (франц.)

узнай она, что я никогда не беру никакого вознаграждения. И если бы я вправду хотела всего лишь посмеяться над друзьями, это было бы сочтено отличной шуткой, а не бесчестьем, хотя в моих глазах это все равно выглядело бы самым подлым обманом.

А теперь насчет полковника Олькотта, которого Робертс выставляет моим сообщником. Разве Олькотт также безумен? Какой американец, занимающий такое же положение, попытался бы из самых искренних побуждений отказаться от всех мирских интересов, чтобы посвятить всю свою жизнь делу, за которое он должен был бы испытывать материальные лишения и трудиться без отдыха, как каторжник на галере? Вам придется, дорогой генерал, всего лишь порыться в архивах военного и флотского департаментов и порасспросить его оставшихся в живых коллег, чтобы узнать, на какие жертвы способен бедняк. О истина! Неужели ты покинула Америку? Адью, и думайте порою о той, которая всегда будет думать о вас с уважением и дружбой.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

ПИСЬМА ПРОФЕССОРУ

Х.КОРСОНУ

(1875-1878)

Письмо 1

9 февраля 1875 г.
Пенсильвания, Филадельфия
Северная 10-я стрит, 825

Профессору Хираму Корсону*

Милостивый государь!

Простите меня, если я затянула с ответом на ваше весьма любезное письмо, полученное с неделю назад. Видите ли, в том не моя вина; ее следует целиком возложить на мою «*Malchance*»³², как говорят франко-канадцы. Десять дней назад я чуть не сломала ногу и до сих пор не в состоянии встать с постели; при других обстоятельствах я совершенно определенно не стала бы рисковать тем, чтобы меня хотя бы на мгновение заподозрили в подобной неучтивости.

Я получила множество благодарственных писем за свою статью, много незаслуженных комплиментов и очень мало практической помощи в виде заявлений в печати в поддержку моей теории, основанных на несомненных, очевидных доказательствах. В качестве иллюстрации нравственного малодушия, распространенного среди спиритуалистов, посылаю вам письмо, только что полученное мною от ген[ерала] Липпитта — уполномоченного, направленного «*Banner of Light*» в этот город с особой задачей тщательно расследовать тайну Кэти Кинг*. Генерал это проделал и установил несомненную виновность д-ра Чайлда. Он располагает свидетельствами двух известных фотографов, которых подкупил почтенный «Отец-Исповедник» со спекулятивной целью раздобыть портрет Кэти Кинг у этой твари г-жи Уайт. Как видите, «*Banner of Light*» категорически отказывается печатать что-либо против д-

³² «Неудачу» (франц.)

ра Чайлда.

Вот и говорите после этого о мудрости старых пословиц и поговорок. Давайте повторять, если у нас хватит смелости, что невинность и добродетель бывают вознаграждены, а порок — наказан! Что ж, я решительно считаю, что старушка Истина навсегда покинула ваши прекрасные берега. По крайней мере, насколько я могу судить на основании моего личного опыта более чем полутрагического пребывания в вашей стране, эта старая леди, должно быть, покоится в безмятежном сне, пребывая в состоянии глубокого транса у самого истока собственного основания.

Ну вот, я не способна двигаться, совершенно не в состоянии покинуть свою комнату, и мои статьи наверняка впредь будут отвергать.

В моем распоряжении несколько ценных документов против нашего филладельфийского пророка, в числе которых сделанное под присягой заявление одного добровольного свидетеля, способное уничтожить д-ра Чайлда, будь оно зачитано против него в суде. Но до этого не дойдет, ибо доктор теперь настолько же осторожен, насколько он ловок в присвоении общественных денег; по-видимому, он избегает отвечать мне даже в печати. И подумать только, до чего же я была простодушной, надеясь на то, что он попробует подать на меня иск за клевету, поскольку это был единственный способ затащить Чайлда в суд.

Милостивый государь, не могли бы вы изыскать возможность высказать в печати несколько слов, сформулировав свое мнение по этому делу? Несколько строчек от вас, которые издателям «Banner of Light» хватит ума оценить и от которых они не осмелятся отказаться, возымели бы весьма неприятные последствия для нашего лжепророка. Издатели больше ничего моего печатать не станут, ибо они говорят, что «нельзя угадать, где могут взорваться мои русские литературные бомбы». Единственным хорошим результатом, который вызвала моя статья, как только она появилась в печати, был немедленный уход д-ра Чайлда с должности президента Спиритуалистической ассоциации Филадельфии. Впрочем, он действует через подставных лиц, чтобы самого его не было видно и слышно.

Я приехала в эту страну только ради утверждения истины в спиритуализме, но боюсь, что вынуждена буду отказаться от этой затеи. Мы никогда не будем в состоянии провести демаркационную линию между истинным и ложным, пока так называемые столпы спиритуализма вопреки своему основательно подпорченному, ненадежному положению будут до самого конца выпутываться из затруднительных ситуаций, опираясь на слишком услужливо подставляемые спины малодушных спиритуалистов. Разве осмелились бы когда-нибудь Холмсы разыгрывать и надувать публику, как они это делали, если бы их не поддерживал и не прикрывал д-р Чайлд — до тех пор, пока три тысячи долларов, которые ему предложила Y.M.C.A.*, не оказались слишком большой суммой для его нежной души и ему не пришлось превратиться в современного спиритуалистического Иуду и продать своего Христа тому, кто предложил более высокую цену.

Между тем Холмсы, будучи отчасти мошенниками, несомненно, являются еще и истинными медиумами. Если для них и есть некоторое оправдание за то, что они прибегали к такому надувательству, оно заключается в «*circonstance attenante*»³³ в виде вечной угрозы голодной смерти, нависающей над большинством медиумов, работающих с публикой. Что же до доктора Чайлда — джентльмена, о котором известно, что он богат, то для него нет оправданий, и этот тип подлежит наказанию плетью. Его участие в данном мошенничестве, по крайней мере на мой взгляд, хуже воровства, хуже человекоубийства; это отвратительное преступление, преступное святотатство, кощунственное осмеяние и осквернение самых священных и сокровенных чувств, самого драгоценного в душах всех спиритуалистов.

Доктор уже сделал свое дело, по меньшей мере для одного из нас: бедный старый Роберт Д.Оуэн уже не оправится от потрясения, которое он испытал от той же самой руки, что привела его к вере в чистый Дух. Господину Оуэну 73 года, и он не может встать с кровати с момента разоблачения обмана. Я знаю, что для него это смертельный удар.

Вот почему я так люто ненавижу Чайлдов.

Простите мое пространное письмо, милостивый государь, за искренность моих чувств — сильных и, как вам, вероятно, покажется, излишне пылких.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

³³ в «сопутствующем обстоятельстве» (франц.).

Холмсы исчезли из города, и я воспользовалась домом, в котором они обычно проживали, с намерениями, о которых вы, быть может, догадываетесь.

Письмо 2

[Февраль 1875]*
Вторник
Пенсильвания, Филадельфия,
Северная 10-я стрит, 825

Профессору Хираму Корсону

Милостивый государь!

Только что получила ваше письмо и премного вам благодарна за ту готовность, с которой вы взялись защищать *Истину*. Моим письмом можете распорядиться как угодно: используйте мое имя, выставляйте меня в качестве свидетеля — словом, делайте все, что сочтете нужным. Я могу с такою же готовностью поручиться за согласие ген[ерала] Липпитта, хотя, не имея на то его позволения, считаю более целесообразным для вас сваливать все на меня и заявлять, что все подробности относительно трусости «Banner of Light» вы узнали от меня, ибо мне плевать, если издатели будут иметь на меня зуб. Я-то от них совершенно независима, а вот Липпитт на них работает и весьма стеснен в средствах. Просто говорите, что я вам написала, буквально воспроизведя его письмо. Одновременно посылаю вам очень ценный документ, скопированный самим его автором с оригинала письма, которое он отправил мне в присутствии ген[ерала] Липпитта, чью подпись в качестве свидетеля этого дела вы найдете внизу. У меня есть еще пять свидетелей.

В эту страну меня послала моя Ложа во имя Истины в современном спиритуализме, и мой священный долг состоит в том, чтобы раскрывать то, что истинно, и разоблачать то, что таковым не является. Возможно, я прибыла сюда слишком рано — на целых сто лет. Может быть, и боюсь, так оно и есть, что в нынешнем состоянии смятения умов, сомнений и бесконечных и бесплодных конфликтов между Тиндалями и Уоллесами*, выход из каких-то конфликтов задерживает всемогущая власть доллара (ибо люди, по-видимому, с каждым днем все меньше заботятся об истине, а с каждым часом — все больше о золоте), мои слабые протесты и усилия будут бесполезны. Тем не менее я всегда готова к великой битве и вполне готова выдержать любые последствия, которые могут выпасть на мою долю.

Умоляю вас, не считайте меня «слепой фанатичкой», ибо если мне и подходит второй из этих двух эпитетов, то совершенно не подходит первый. Я сделалась спиритуалисткой отнюдь не через вечно лгущих мошенников-медиумов, жалких орудий неразвитых духов низшей сферы, античного Гадеса*.

Моя вера зиждется на чем-то более древнем, нежели рочестерские стуки*, и вытекает из того же источника знаний, которым пользовались Раймунд Луллий, Пико делла Мирандола, Корнелий Агриппа, Роберт Фладд, Генри Мор* и прочие — все, кто когда-либо искал систему, способную раскрыть им бездонные глубины Божественной природы и показать истинные узы, связывающие воедино все явления. В конце концов я нашла таковую, причем много лет назад, когда стремления моего разума удовлетворила та самая теософия, преподанная ангелами и переданная ими первочеловеку ради помощи человеческому предназначению. Практическое, хотя и сколь угодно малое, постижение Принципа — Эйн Софа, или Бесконечного Беспредельного, и его десяти Сефирот, или Эманаций, гораздо больше способствует прозрению, нежели все эти гипотетические учения вождей спиритуализма, будь то американцы или европейцы. На мой взгляд, Аллан Кардек и Фламарион, Эндрю Джексон* и Джадж Эдмондс — всего лишь школьники, пытающиеся читать по складам букварь и порою сильно запинаящиеся. Соотношение между этими двумя путями точно такое же, какое было в древние времена между книгой под названием «Зогар»*, базирующейся на совершенном знании каббалы*, передаваемой из уст в уста от Давида и Соломона до Симона бен Йохан* — первого человека, отважившегося ее записать, и «Масорой»* — книгой, основанной на

внешней, не прямой традиции, которая никогда не удостоивалась истины, коей она учила.

Не знаю, зачем я пишу вам все это. Возможно, это вам ни в малейшей степени не интересно; вероятно, я покажусь вам самонадеянной, тщеславной, хвастливой и скучной. В таком случае я должна просить вас рассматривать это, по крайней мере, как единственный способ удовлетворить жгучее желание услышать ответные отклики, искать их везде и повсюду, где только смогу, надеясь единственно на то, что кто-нибудь от случая к случаю будет мне отвечать. Если учение о «Древнейшем из Древних», о Сефире, его первом порождении, Макропросопусе* и т. д. является для вас вещью, которую вы никогда не давали себе труда исследовать, то сразу же отриньте все это и погребите меня навеки в анналах своей памяти вместе с помешанными, безумными мечтателями эпохи и считайте меня всего-навсего

признательной вам и искренне вашей.

Е.П.Блаватская

Письмо 3

6 марта
Филадельфия

Профессору Х.Корсону

Милостивый государь!

Простите меня великодушно за то, что снова, быть может, не вовремя, покушаюсь на ваше драгоценное время. Знаю, что мне не следовало беспокоить вас сейчас, ибо чувствую, что, как говорят французы, *«Vous avez d'autres chats a fouetter a ce moment»*¹ и мое новое послание рискует оказаться непрошеным гостем. Но в то же время я уверена в том, что вы не из тех, кто берется за работу и оставляет ее незавершенной.

Ваша статья вышла в свет, и я этому рада; я знала, что Колби* никогда не посмел бы вам отказать. Моя статья была отправлена десять дней назад и, боюсь, никогда не будет напечатана. И поэтому позволю себе переслать ее вам для внимательного прочтения, когда у вас выпадет свободная минута. Как вы увидите, это новое доказательство против д-ра Чайлда.

Прилагаю к статье заявление человека по фамилии Уэсткотт, который присутствовал при заключении сделки между «Отцом-Исповедником» и г-жой Холмс относительно десяти долларов за сеанс. Как видите, Чайлд в статье «Sunshine», которую Колби хочет подsunуть в качестве ответа на мой вопрос, не осмеливается отрицать этого; он лишь пытается изо всех сил повлиять на сердца своих читателей и говорит, что я «сочиняю небылицы».

Я надеюсь и молюсь о том, чтобы во имя истины и справедливости вы сумели завершить то, что Колби решил не позволить сделать мне самой: разоблачить лживого негодяя.

С глубоким уважением и почтением

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Когда покончите с моей статьей, пожалуйста, перешлите ее г-же Л.Эндрюс в Спрингфилд, если будете ей писать. Интересно, не могла бы я напечатать эту статью в «Springfield Republican», заплатив за публикацию? Готова выложить за это любую сумму. Пожалуйста, найдите вложенное в конверт письмо от генерала Липпитта, которое продемонстрирует вам, как наша ведущая спиритуалистическая газета готова умереть за правду.

Письмо 4

20 марта [1875 г.]
Филадельфия

Профессору Х.Корсону

Милостивый государь!

Я вся раздулась, лицо мое огромно, как тыква, и я чувствую, будто *дематериализуюсь*, растворяюсь, но в то же время испытываю такую радость, получив столь доброе дружеское письмо от вас, что забываю обо всех своих страданиях и немедленно сажусь отвечать, дабы сообщить вам, что я глубоко, воистину *очень* глубоко ценю всю вашу доброту к женщине-иностранке, но в то же время боюсь, что, узнав ее получше, вы обнаружите, что она не заслуживает подобной доброты.

Увы, милостивый государь, я действительно в своем роде большая грешница, я непростительно грешна в глазах всякого истинного американца. Единственное, на что я могу надеяться, — это что вы окажетесь в большей степени просто человеком, искренним и благородным человеком, нежели американцем; тогда, быть может, вы простите мне мои русские пороки и из милосердия смирите с ними. Я так счастлива, что у меня, возможно, будет шанс провести неделю-другую в обществе двух моих корреспондентов и, осмелюсь добавить, друзей: вас и г-жи Эндрюс. И в то же время я прихожу в ужас, когда задумываюсь о том, как откровенно разочаруетесь вы оба и как шокирована будет г-же Корсон, хотя она не американка, а французенка, которой лучше, чем вашей нации, известно, что представляем собою мы, русские.

Вы так любезно приглашаете меня в Каскад*, но что вы скажете, увидев, как ваша гостья каждые пятнадцать минут незаметно ускользает из комнаты, чтобы укрыться за дверью, во дворе или в подвале и выкурить папироску? Вынуждена признаться, что я, как и все женщины в России, курю у себя в гостиной, как это принято в гостиных уважающих себя дам, от великосветской княжны до жены служащего; согласно нашему национальному обычаю, они курят и в экипаже, и даже в фойе театра. Здесь же я вынуждена скрываться, как вор, ибо американцы столько раз оскорбляли меня, и тарацились, приводя в замешательство, и писали обо мне в газетах, украшая мою бедную персону самыми удивительными эпитетами и придумывая про меня небылицы, что я, не в силах отказаться от этой невинной привычки более чем двадцатилетней давности, в конце концов дошла до того, что считаю проявлением низменного малодушия, делая то, о чем мне здесь, в Америке, стыдно заявлять открыто.

Но если вы сумеете простить мне мои национальные грехи, тогда, разумеется, я буду счастлива воспользоваться вашим любезным приглашением. Огромное спасибо вам и г-же Корсон, коей прошу передать мои искреннейшие приветствия и попросить ее заранее о некоторой снисходительности и милосердии по отношению к бедной дикарке, свалившейся из своих казацких земель на вашу цивилизованную страну подобно неотесанному аэролиту с луны. Скажите супруге, что я обещаю никогда не курить в ее гостиной. Если г-жа Корсон после моего признания найдет в себе достаточно отваги повторить свое приглашение, то я смогу выходить и искать общества гамадриад* в лесной тиши. Помнится, с милой, искренней, верной г-жой Эндрюс я все же была более чистосердечна. Да смилостивятся надо мною небеса, но припоминаю, что в ответ на ее дружеское приглашение на днях заглянуть в гости к ней в Спрингфилд я действительно призналась ей, что частенько ругаюсь по-русски. До сих пор не знаю, как она выдержала подобный удар, но надеюсь, что это роковое откровение не убило ее на месте.

Ох, увы мне! Хорошенькое же представление у вас сложится о вашей корреспондентке теперь, когда я целых четыре страницы посвятила исповеди в двух своих самых отвратительных пороках. Однако мне нравится всегда сперва знакомить людей с моей худшей стороной, так что если они случайно обнаружат крупинку подлинного золота в тяжеловесной, грубой грошовой монетке, то тем лучше для монетки.

Место жительства я не сменила, но всегда лучше присылать мне письма на абонентский почтовый ящик 2828, так как мне приходится то и дело выезжать из города по спиритуалистическим делам; как я вам уже сообщала, в эту страну меня послало мое Общество, и письма могут иногда не доходить.

Это действительно печально, что, как вы говорите, Истина должна просить, умолять и унижаться, чтобы ее допустили в ведущий орган спиритуалистов этой страны, тогда как лжи достаточно предъявить свою визитную карточку, чтобы ее приняли с распростертыми объятиями. Например, в последнем номере «Banner [of Light]» напечатан рассказ некоего г-на Вуда, утверждающего, будто на одном из сеансов, устроенных г-жой Холмс, он видел свою жену.

Теперь я знаю, что это ложь. Во-первых, ни одна приличная жена, живая или мертвая, никогда не материализуется через такой источник отвратительных нечистот, каким оказалась на поверку г-жа Холмс, к величайшему позору для нас, спиритуалистов. Во-вторых, одна старая леди, г-жа Липпинкотт, в чьем доме проходил этот спиритический сеанс, весьма настойчиво уверяла меня, что в тот самый вечер медиума уличили в обмане и мошенничестве, а старый джентльмен, написавший этот отчет, является полубезумным типом, которому случается видеть свою супругу в любом углу, в любом стакане виски, который он поглощает. «*Et c'est ainsi que l'on écrit l'histoire!*»³⁴ Бедный спиритуализм!

Само собою разумеется, я готова сделать все, что сочтете нужным вы или г-жа Эндрюс. Можете сократить статью, приукрасить или даже «подстричь» ее по фасону тюрьмы Синг-Синг, если решите, что от этого будет какая-то польза, однако я полагаю, что ради нашего дела мы, спиритуалисты, не должны слишком унижаться, зная, что мы правы. Не надо ни на мгновение допускать, дорогой мой господин Корсон, что во мне говорит тщеславие или авторская гордость. Если я достаточно хорошо пишу на других языках (а я знаю, что так оно и есть), то при этом я также знаю, что мне нечем похвалиться в своих английских статьях. И если бы не размышления и убежденность в том, что истина, как бы плохо ни была она одета, должна всегда побеждать, то я бы никогда не рискнула ввязаться в полемику в области английской литературы.

Догадываюсь, что вы, профессор английской филологии и литературы, часто смеялись над моими русскими выражениями. Сочла бы за благо, если бы смогла заставить вас посмеяться от души, ибо сдается мне, что вы отчаянно в этом нуждаетесь. Я не могу сказать большего и не смогла бы, даже если бы захотела, потому что я никогда не в состоянии выразить то, что чувствую, если только не приходится за это сражаться. Мне плохо дается любое внешнее выражение симпатии или любезности, и есть много вещей, которых я бы никогда не осмелилась коснуться, так как эти раны столь глубоки, что проходят через самую середину сердца, а руки мои так грубы, что я им не доверяю.

И все же я должна сказать одну вещь, ибо не могу удержаться. Мне так грустно видеть, как вы, спиритуалист, зная, что употребляете неверное выражение, тем не менее произносите слова «погибший» или «умерший». Мне кажется, что это отдает профанацией. Мы оскорбляем любимых нами людей, которые, очевидно, ушли так далеко, но при этом ближе к нам, чем когда бы то ни было. В природе существует лишь одна смерть, и это нравственная смерть человека в наших сердцах, когда его злые дела и поступки вынуждают нас навсегда похоронить в памяти нашей души его самого и воспоминания о нем исчезают до последней частицы.

Как же может ваше чистое, прекрасное, невинное дитя быть мертвым? Разве ваша девочка, что очевидно для нас, не несла *несправедливого* наказания в виде жизни в этом мире, в виде заточения в темнице плоти? Та самая, столь явная, несправедливость должна быть для нас, спиритуалистов, наиболее очевидным, убедительным доказательством бессмертия нашего духа, так сказать, для каждого, кто твердо верит в справедливого всемогущего Бога как всеобщий Принцип. Какой вред когда-либо принесла ваша дочка? Какой грех могла успеть она совершить, чтобы страдать так, как страдала? Ее физическая смерть — лишь доказательство того, что девочка была готова уже до истечения отпущенного ей природного срока жить в мире, который гораздо лучше нашего.

Как я уже однажды писала г-же Эндрюс об утрате ее юного сына Гарольда, во мне еще осталось достаточно любви к несчастному человечеству, чтобы радоваться, когда я вижу, как умирают дети и бедные молодые люди. «Слишком хорош, чтобы жить в этом мире» — это не пустая поговорка. Это глубокая философская истина. Какие по-настоящему нежные, преданные отец или мать не согласились бы ослепнуть ради вечного счастья своих любимых

³⁴ Вот так и пишется история! (франц.).

детей? Разве вы не согласились бы? Разве слепота — не худшее из всех несчастий? Ведь она заставляет исчезнуть из поля зрения все на свете, тогда как сейчас вы не в состоянии видеть одно милое существо — только одно.

На это вы можете возразить: слепой может по крайней мере ощущать того, кто исчез для зрения, или слышать его голос. Но разве вы не в силах чувствовать и слышать дочку так же, как прежде? Вы пробовали? О, как бы мне хотелось научить вас тем вещам, о которых вы, по видимому, пока еще ничего не знаете! Каким же счастливым могли бы вы тогда стать! Американский спиритуализм кое в чем просто ужасен; это убийственная вещь, ибо временами действительно смахивает на скрытый материализм. С какой стати вы должны осквернять имена ваших умерших, ваших самых любимых людей, святых духов, обитающих в краях, где атмосфера столь чиста и священна, как и они сами, доверяя их грязным, продажным наймитам-медиумам, когда *в вас самих* есть все возможности для того, чтобы общаться с вашими покойными близкими, посещать их и принимать их в гости!

С какой готовностью я посвятила бы всю свою жизнь — нет, принесла бы ее в жертву тем понесшим тяжелую утрату отцам, матерям, сыновьям, а нередко и дочерям, если бы я только могла передать им величайшую истину, которая когда-либо существовала, истину, которую легко усвоить и применять на деле любому, кто наделен мощной волей и *верой*. Я сказала либо слишком мало, либо слишком много — точно не знаю. По плоду должны мы судить о семени. Аминь.

Вы хотите знать о «Revue Spirite». Исполняю вашу просьбу, тем более что я хорошо знаю мсье Леймари, его редактора, и считаю его своим другом. Это лучший журнал, то есть лучшее периодическое издание во Франции*. Оно высоко нравственно, правдиво и интересно. Конечно, по своей направленности оно чисто кардекианское*, ибо издание это было творением самого «мэтра», как французские спириты, *реинкарнационисты**, называют Аллана Кардека, и было оставлено им Леймари в наследство. Вдова «мэтра», мадам А.Кардек — одна из самых благородных и безупречных современных женщин.

Спиритисты имеют некоторую склонность к ритуалам и догмам, но это лишь бледная тень их католического воспитания, врожденная привычка этих людей, которые так быстро перескакивают из папского рабства в материализм или спиритуализм. Г-жа Корсон не пожалеет, если подпишется на этот журнал. Я бранюсь с ними не по поводу «Revue Spirite», а по поводу самого их учения, в связи с тем, что они — реинкарнационисты и рьяные проповедники своей теории. Со мною они в этом отношении так и не справились, поэтому с чувством возмущения оставили меня в покое, однако мы с ними по-прежнему дружим. Мсье и мадам Леймари — высоко образованные люди, искренние и правдивые, просто золото. А вам, милостивый государь, осмелюсь дать совет: подпишитесь на бостонскую «Spiritual Scientist»*.

Это достойная маленькая газета, и хорошей направленности, хотя они бедны, как сама бедность. У меня большое желание послать туда для публикации свою статью; у них бывают иногда очень хорошие материалы, более того, они перепечатывают все, что находят интересного в зарубежных спиритуалистических журналах. Посылаю вам два экземпляра; в обоих найдете отмеченные красным карандашом льстивые заметки о лучшей дочери моего отца. Князь Витгенштейн — старый мой друг с юных лет, вот только стал реинкарнационистом. Мы с ним выдержали одну или две схватки и расстались наполовину друзьями, наполовину врагами. Он пребывает в полной *уверенности* в том, что лондонская Кэти Кинг была в одной из прошлых жизней его женой, когда он был турецким султаном или что-то вроде этого. Вот вам плоды учения о перевоплощениях.

Как только мой благородный профиль и классический нос перевоплотятся в свое прежнее нормальное состояние, я сфотографируюсь на портрет для вас и г-жи Эндрюс, но только не в профиль. По какому-то таинственному и несправедливому указу Провидения мой нос предстает в этом ракурсе в облике перевернутой комнатной туфли, слегка поношенной. На днях в Линкольн-Холле столкнулась лицом к лицу с доктором Чайлдом. Он вовсе не походил на человека, увидевшего солнечный свет после бури; напротив, встретив мой пристальный взгляд, он превратился в зрелище ядовитого гриба после проливного дождя — и внезапно ретировался.

Мой сердечный привет г-же Корсон, а вам — мои самые искренние, самые глубокие пожелания настоящего, теплого солнца, чтобы оттаяли сосульки во всех уголках вашего внутреннего «я». С подлинным уважением и почтением

Преданная вам

Е.П.Блаватская

Письмо 5

20 мая 1875 г.
Филадельфия

Профессору Хираму Корсону

Милостивый государь!

Как вам станет известно из моего письма, адресованного г-же Корсон, если вы когда-нибудь и увидите меня, то, боюсь, вы будете любоваться мною без одной ноги. Что ж, судьба есть судьба, и, чем меньше мы говорим о ней, тем, наверное, лучше.

Согласна с вами в том, что любой разговор о столь трудном для понимания предмете, как спиритуализм, гораздо лучше вести в личной беседе, нежели посредством писем. Я «постараюсь» и приеду повидаться с вами, если лишь за этим дело стало, ибо знаю, что у вас могла возникнуть сильная потребность в спиритуалистических истинах, и, чем скорее вы убедитесь в простых фактах, тем меньше у вас будет возможностей ломать себе голову над этим предметом, равно как и над прочими, которые, вероятно, вас занимают. Я часто видела, как вы это делаете: медленно, задумчиво потирая при этом руки и задавая себе тысячи вопросов, ни на один из которых не было ответа. Так ли это? Или это всего лишь ложные образы, насылаемые эманациями моего собственного капризного воображения? Ваше дело согласиться, а мое — подчиниться вашему решению.

У меня есть статья профессора Вагнера* — профессора зоологии и выдающегося ученого, друга покойного А.Гумбольдта*. Вагнер годами сопротивлялся спиритуализму, боролся и сражался с ним. Теперь до профессора наконец дошло, что все это время он, как говорится, лез на рожон и наступал на грабли; он публично кается и в весьма пространной статье признает истинность этих феноменов, просит собратьев-ученых Европы и Америки больше не валять дурака, а раз и навсегда решиться и серьезно и очень ответственно взяться за исследование спиритуализма. Увы! Увы! Боюсь, его голос в этой стране так и останется гласом вопиющего в пустыне. Для этого в Америке слишком много докторов Бердов и профессоров Энтони. Как только буду чувствовать себя лучше, переведу его статью для «[Spiritual] Scientist».

Сейчас вы должны простить даже этот кусочек письма, потому что я пишу его, утопая в постели, которой весьма далеко до ложа из роз, пишу, ужасно страдая. Возможно, вы сочтете меня обманщицей, если не забыли, что я обещала вам свой портрет, который вы до сих пор еще не получили. Но не стоит меня винить. Я редко позволяю увековечивать свой благородный лик в портретах. У меня нет ни одного, и, проезжая через Нью-Йорк, я сделала парочку снимков у фотографов, которые фотографируют «духов». Вот она я, представленная на таком снимке в виде пожилой идиотки, которая печально уставилась на привидение женского пола с петушиным гребнем на голове, корчащее мне рожи. В самом деле, если даже отбросить тщеславие, как я могу послать вам столь ужасную карикатуру? Поэтому я отдала две этих дискредитирующих меня фотографии людям, которые мне безразличны, но ни вы, ни г-жа Эндрюс, ни г-н Сарджент, ни даже Олькотт не получили ни одной, и вам всем придется подождать.

Я очень ослабла, и поэтому, умоляя простить мне кляксы и каракули, а также общий неопрятный вид моего жалкого послания, надеюсь, что вы по-прежнему будете верить в искренность, с которой и подписываюсь.

Преданная вам

Е.П.Блаватская

Письмо 6

Воскресенье
Филадельфия

Проф[ессору] Х.Корсону

Милостивый государь!

Воистину очень, *очень* любезно с вашей стороны проявлять столь великую заботу о таком несчастном хромом создании, каким я стала с недавних пор. И с какой радостью я воспользовалась бы возможностью, которую вы так любезно мне предлагаете, будь я в состоянии сделать это в настоящий момент! Но поскольку я едва способна без посторонней помощи добраться от кровати до другого конца комнаты, то как же я смогу доехать по железной дороге до Итаки? И как могу я обременять вас таким унылым, раздраженным, слабым и хмурым созданием, каковым я себя сейчас ощущаю? Как только я почувствую себя лучше и буду в состоянии ходить, пусть даже на костылях, сразу же приеду в Итаку — тогда и *поговорим*. Просто приготовьте мне укромный уголок, где я смогу окружить себя клубами дыма и преобразить это место в миниатюрную долину у подножия горы Везувий, не слишком шокируя бедную г-жу Корсон, и я вскоре появлюсь там, подобно некой диковинной, безобразной гоблинше* или привидению, выглядывая из этой плотной дымной атмосферы только для того, чтобы вынудить вас следовать за мною в области и края еще более плотные и туманные, на первый взгляд совершенно непроходимые.

Однако при достаточном запасе силы воли и настойчивом желании передать другим то, что мне довелось узнать самой, а также при изрядной дозе предварительных знаний с вашей стороны, ибо вам случалось так серьезно штудировать хоуиттовского Эннемозера* и прочих, будем надеяться, что это взаимное внутреннее восприятие друг друга не будет сопровождаться (как в некоторых случаях, с которыми я имела дело в последнее время) бурным столкновением конфликтующих, враждебных стихий, что приводит к широким расхождениям между собеседниками из-за недостатка спокойной аргументации или вследствие избытка фанатизма с обеих сторон.

Да, я написала г-ну Сардженту и осудила его за то, что он позволил «[Spiritual] Scientist» продолжать с этим идиотским «Диогеном», которого Браун* наверняка выудил в Бостоне из какой-нибудь лохани для стирки. Конечно, в определенном смысле я могу извинить беднягу (Брауна, а не Диогена, который вообще не человек, а осел), ведь он был вынужден *quand tete*³⁵ как-то заполнять страницы своего издания, и, вероятно, нужда заставила его украшать их подобным бесстыдным, а подчас и *непристойным* материалом. Но предварительно я отругала самого г-на Брауна и высказала все, что я думаю о нем и о его «Диогене». Бьюсь об заклад, больше он его печатать не будет. Так что вы можете время от времени что-нибудь писать для этого издания, за что будете получать благодарность от всех спиритуалистов в целом и от меня в частности.

Вы правы: самых нечестивых предателей следует искать в собственной семье. Таковы уж волчьи наклонности человеческой природы. Я не знакома с Брауном лично, да и не особо домогаюсь подобной чести, но я действительно считаю, что он скорее безрассуден, молод и неопытен, нежели самодоволен и туп. Он, кажется, вполне расположен прислушиваться к советам и всегда принимал их от меня и г-на Сарджента с истинной благодарностью и готовностью самым смиренным образом подчиниться нашим *sine qua non** и распоряжениям. Поэтому не будьте с ним слишком суровы.

Бедный г-н Оуэн, этот старый добрый патриарх: он разрывается между жестокой Истиной,

³⁵ несмотря ни на что (франц.).

глядящей ему прямо в лицо, своим дружелюбным отношением к этому Иуде Чайлду и собственными духовными *метаниями*. Я не считаю г-на Оуэна справедливым в его письменных высказываниях, поскольку он согласился писать вообще, и в частности — относительно Олькотта; но он правдив и искренен, когда заявляет, что лучше воздержится от высказывания своего мнения по поводу Холмсов, которые *действительно* являются медиумами, хотя вместе с тем и мошенники; они и вправду таковы.

Я объясню вам многие вещи, когда увижусь с вами (если вообще когда-нибудь увижусь). А теперь полюбуйтесь на бедного генерала Липпитта и на его усилия спасти этих людей от голодной смерти и нужды! Что ж, генерал, конечно, не знает того, что известно всем нам в Филадельфии, — что обращение г-же Холмс к спиритуалистам было предпринято в основном ради покупки кабриолета с лошадьёю. *Холмсы просто купили этот кабриолет* и заплатили от ста пятидесяти до двухсот долларов за эту показную роскошь. Кто из людей, действительно живущих в нужде, станет помышлять о покупке лошадей и кабриолетов? Так вот, это чистой воды обман; я называю это обкрадыванием по-настоящему нуждающихся людей, отнятием у них последнего куса хлеба для услаждения вороватых, нечестивых, лживых мошенников! Не пишите об этом г-же Эндрюс: она *ни за что* не поверит, не больше, чем в историю со Слейдом*; а если хотите удостовериться в этом факте, то пошлите кого-нибудь расспросить г-на Джона Мортонна, высокопоставленного филадельфийского джентльмена, президента железной дороги «Маркет-стрит», к которому г-жа Холмс обратилась за этой самой лошадьёю. Я никогда никому не сообщаю ничего, кроме *достоверных фактов*, и никогда не позволяю себе усомниться в ком бы то ни было, даже в Чайлде, которого презираю и ненавижу, если в том или ином конкретном факте у меня нет *абсолютной уверенности*.

Чайлд так и не ответил на мое последнее письмо. Он никогда не пытался сделать этого ни в печати, ни устно, за исключением одного случая, когда по моему заказу в воскресный день в Линкольн Спиритьюэл Холле распространяли двести экземпляров моей статьи: агент-распространитель в порядке иронической учтивости предложил один экземпляр Чайлду (поскольку их раздавали даром), и тут один джентльмен, знавший Чайлда, поинтересовался у последнего при большом количестве присутствующих, что же тот собирается сказать в ответ на эту статью, на что Чайлд с неподражаемым хладнокровием, *nec plus ultra** высокомерного бесстыдства, громко изрек: «А! Фи! Я знаю, в чем тут было дело. Немножко *ложной* информации, которую этой русской предоставил Лесли, это несомненно». Вот и все. Орест, вдруг отворачивающийся от Пилада; Кастор, обвиняющий своего закадычного друга Поллукса* в дезинформации! Увлечательно и грандиозно, не правда ли? Ведь этот Лесли — тот самый детектив-любитель, сыгравший вместе с Чайлдом столь видную роль в обнаружении той женщины — *фальшивого духа*.

Некоторое время назад Чайлд пытался пролезть на должность секретаря Международного комитета спиритуалистов. Я узнала об этом через час и принялась за работу; результатом моих трудов стало то, что Чайлда *вышвырнули* с этого места, спиритуалисты сами вынудили его подать в отставку, точно так же, как уйти в отставку с поста председателя три месяца назад. Он является почетным членом и корреспондентом журнала «London Spiritualist»; его имя значится в списке, в чем вы можете убедиться, если достанете номер журнала «London Spiritualist», где оно затесалось между именами князя Эмиля Витгенштейна, Аксакова, Эпеса Сарджента, Юджина Кроуэлла и подобных им серьезных, честных спиритуалистов.

Я за работой, и больше тут нечего добавить. Из самых глубин моей постели, где я лежу больная, ибо моя хромая нога вынуждает меня совершенно бездействовать и заставляет удалиться от множества общественных дел (?), я, сохранив еще в себе некоторое количество ресурсов, в состоянии, как видите, защитить моих малодушных, робких, безмолвно страдающих собратьев-спиритуалистов от обмана и деградации сообщества, подобного этому. Если я выживу, то имя Чайлда исчезнет из списка и канет в Лету. Как некая непризнанная самоучрежденная Немезида*, я молча, но надежно работаю ради всего этого. Возможно, мне уготована участь прикованного к постели и беспомощного инвалида. Но если парализована моя нога, то не парализованы мои мозги, это уж точно, а *силы воли*, дорогой мой г-н Корсон, хватит надолго, когда ее востребуют те, «кто знает, как и когда».

Простите меня за это длинное, очень длинное письмо. Так или иначе все мои письма, особенно адресованные тем, кому я верю и на чье *понимание* надеюсь, становятся слишком пространными.

От всей души благодарю вас за все сочувствие, проявленное вами к вышеупомянутой незадачливой ноге моей; но, будучи конечностью с *раздвоенным копытом* в мистическом смысле этих слов*, она не слишком расстроит человечество, если на виду у онога расстанется со своей недостойной хозяйкой: невелика потеря. Догадываюсь, что не один из моих *верных*

друзей втайне надеется и молится за нас обеих — за ногу и за меня, — дабы мы исчезли в пространстве на традиционной метле и больше нас никогда не увидели. Но судьба есть судьба, а мы лишь беспомощные игрушки в ее руках.

А теперь избавляю вас от меня и от моего письма и заканчиваю, призывая на вашу голову весь свет неземной и все благословения *эмпиреев* и их хозяев, *серафимов**, если эти таинственные джентльмены вам знакомы.

«Да не уменьшится никогда ваша тень, и пусть вечно заслоняет она вас от врагов ваших». Это халдейско-персидское пожелание, коему я научилась на родине оного.

С искренним уважением и почтением

Преданная вам

Е.П.Блаватская

Письмо 7*

*Ночь на вторник
Зап. Филадельфия,
Сэмсон-стрит, 3420*

Д-ру Хираму Корсону

Милостивый государь!

Я вдвойне счастлива, получив письма и от вас, и от мадам, однако этой ночью время позволяет мне выразить свою признательность лишь за ваше послание. Завтра отвечу г-же Корсон.

Ваша критика по поводу литературных устремлений неопытного юнца в общем верна, но, по моему убеждению, суть дела не в этом. Эпес Сарджент по моей просьбе пригласил г-на Брауна высказаться и благоприятно отзываясь о его трудолюбии и соответствии занимаемой должности. Его газета выбрана для оказания помощи, потому что она уже приобрела авторитет, находится на прочной экономической основе, имеет незапятнанную репутацию и представляет для нас *tabula rasa**.

Постепенно Брауну удастся заручиться поддержкой таких людей, как вы, Эпес Сарджент, ген[ерал] Липпитт, полк[овник] Олькотт (я могла бы назвать и других), и я горячо желаю, чтобы в не столь отдаленном будущем, когда выживание издания будет гарантировано, опубликовали бы своеобразный список этих выдающихся авторов, которые печатаются исключительно на его страницах. Моя идея отнюдь не сводится к тому, чтобы зависеть от одного лишь г-на Дж.Брауна при проведении нашей кампании, однако подробнее об этом чуть позже.

Заранее благодарна вам за ваше сердечное и любезное обещание ценной помощи. Я настолько уверена в будущем, что выслала сегодня господину Дж.Брауну пятьдесят долларов, которые наскребла на дне своего пустого кошелька, и сожалею лишь о своей нынешней неспособности сделать нечто большее в тот момент, когда ему требуется по крайней мере двести пятьдесят долларов, чтобы удержаться на плаву. Он написал мне отчаянное письмо, и я поручила все это г-ну Эпесу Сардженту, который отправится к нему незамедлительно по получении моей записки и, вручив ему эту сумму, выяснит, что еще можно или нужно сделать для журнала.

Не надо недооценивать важность спиритуалистических феноменов; вместо того чтобы относиться к ним как к букве, «которая убивает», вам следовало бы считать, что они образуют общую глубинную основу, на которой только и возможно возвести надежное здание разумной веры в бессмертие человека. Они возвестили рождение христианской религии, были тесно связаны с ее детством, поддерживали и утешали ее, вооружали ее пропагандистами в

виде «отцов церкви»; а упадок церкви восходит к тому времени, когда одна ее ветвь стала игнорировать эти феномены, а другая — направлять по ложному пути.

Если вы просто скажете, что феномены последних двадцати семи лет служили в основном для того, чтобы поражать, забавлять или ужасать публику, я не стану возражать вам. Однако в начале нашей работы по разъяснению законов, по которым они производятся, и по внушению тех нравственных принципов, на которые они указывают, наши планы неизбежно бы рухнули, ибо нам пришлось бы получить в наследство нынешние крайности существующих вероисповеданий и предлагать на обсуждение догмы, не подкрепленные жизненными доказательствами.

Поднявшемуся до величественных высот Мудрости и Интуиции опора и поддержка в виде этих феноменов требуется не более, нежели орленку, у которого крылья достигли достаточного размаха, необходимо отдыхать на спине своей матери; однако орлов разума немного, а вот щебечущие воробьи весьма многочисленны, и не тем, кто способен взбираться выше туч сомнения, презирать нужды своих более слабых собратьев.

Могучие Божественные Разумы, управляющие этим духовным движением, далеко не разделяющие ваши взгляды на манифестации*, уже начали производить феномены еще более высокого порядка, такие, как преображения (*n'en deplaise*³⁶ профессору Энтони), психическое письмо, фотографирование странствующих душ живых людей и вызывание этих душ (в духе), когда их личные тела спят. Распространение этих чудес предсказывалось мне, а мною — другим людям задолго до их прихода; и если в течение следующих трех месяцев вы будете внимательно следить за английскими, французскими и американскими газетами, то увидите много случаев, достойных изумления. Мне не нужно идти в Библиотеку Франклина или искать в анналах Барония, Гиббона* и других авторов сведения о «лабаруме»*.

Если вам интересно, я могу рассказать вам об этом символе все, даже не читая ни одной из этих книг, ибо в тех летописях, к которым я получила доступ, я обнаруживаю, что этот знак был известен еще до рождения Константина*, что он вспыхивал в небесах в соответствии с заблаговременно разрабатываемым планом, чтобы дать людям некий знак, некий подходящий символ, способный вызывать энтузиазм и разжигать пыл у войск, которым поручали исполнение какого-либо грандиозного плана. Сохранившиеся книги до сих пор служили лишь для того, чтобы вводить в заблуждение людей, которые не были готовы воспринять истину по причине своей необычайной самонадеянности и чванства. Знаки говорят о том, что мы стоим на пороге эпохи, когда должно раскрыться множество тайн; и как скоро будет просвещен этот мир, зависит от таких весьма слабых человеческих средств, как перо — ваше, или мое, или других усердных тружеников.

Можете ли вы сомневаться в том, что я подразумевала в той фразе, которую вы цитируете из моего предыдущего письма? Неужели ваши наблюдения в области спиритуализма столь мало успешны, что вы не знаете о существовании способов разговаривать с вашими умершими близкими, ощущать их рукопожатия, прикосновения их губ, не прибегая к услугам платных медиумов, чья нравственная развращенность часто приводит к тому, что они окружены зловонной, грязной атмосферой, в которой могут водиться лишь лживые, вредные и порочные духи, как у Чайлда?

Если вы стремитесь постигнуть Секрет Секретов, позволяющий настолько приблизиться к высшим небесным сферам, что они окажутся досягаемы для вашего духовного зрения и осязания, то вы должны обратиться к тем источникам знания, которые долгое время были закрыты для всех, кроме *посвященных*. Я не могу даже назвать вам ту организацию, которая хранит эти секреты, а тем более не могу поделиться с вами теми из них, которые уже усвоила сама, до тех пор, пока в течение длительного знакомства с вами не сумею убедиться в том, что ваше сознание пребывает в том стабильном состоянии, которое свидетельствует о его *восприимчивости*.

Я наблюдала за вами сквозь призму ваших затворнических настроений, и могу лишь сказать, что если на вашу душу еще не снизошел свет, значит, вы сейчас не в том состоянии, которое обеспечило бы вам то, чего вы желаете. Вместо того чтобы благодарить меня, вы стали бы сомневаться во мне, «даже если бы кто-то восстал из мертвых», дабы подтвердить мои заявления. Ох, дорогой мой, почему бедное человечество столь ожесточенно сомневается и отталкивает Божественную руку, протянутую каждому страдающему смертному! Почему бывает так, что, чем просвещеннее кажется человек, тем больше мозги его покрываются двойною коркой самонадеянности и тщеславия, и «вместилище мысли» обрастает ими настолько, что слой этот действительно не пропускает ни проблеска Божественного света и

³⁶ нравится это или нет (франц.).

человек таким образом добровольно приносит себя в жертву иллюзиям — своим самодельным богам в виде точных цифр, математических выкладок и прочего?

Истинно сказал Христос — этот чистый дух, пребывающий в сердце каждого благородного человека, истинный идеал совершенства на этой грязной земле, — что «царство небесное отнимется у мудрецов и откроется детям» (если я неверно цитирую, простите мне незнание точных слов*).

Если мои убогие объяснения и еще более убогие познания могут вам хоть как-то пригодиться, что ж, задам вам вопрос о том, что вы называете «монограммой Христа»*. Христограмма приобрела особое значение в царствование Константина Великого, когда ее стали изображать на имперских знаменах и других символах государства. С христограммой связана легенда о знамени: Константин Великий перед боем с Максенцием увидел в небесах христограмму и надпись *In Hoc Signo Vinces* (Сим победиши) — ☩.

Вопрос возник после того, как я прочитала ваше описание страданий, терпения в болезни и нравственной стойкости того бедного ребенка, который был вашей дочерью на этой земле и в тысячу раз больше является вашей дочерью там, в стране света и любви. Вы, по-видимому, так мучительно переживаете свою потерю и ваши страдания показались мне столь сильными, что я с удивлением спросила себя (что затем будет оправдано даже в ваших глазах): как случилось так, что вы, избравший для своей печати мистический символ ☩, не только употребляете для нее черный сургуч (черный цвет — символ тьмы и невосполнимой потери), но в действительности связали единым духом — если мне будет позволено использовать это словосочетание — выражение вашего горя и изображение символа единого целого.

Я видела вместе с тем, что вы не осознали в полной мере тайное значение символа и что, стоя перед незапертой дверью, до которой вам надо было лишь дотронуться пальцем, если бы вы захотели «увидеть того, кто за нею стоит», вы горевали, полагая, что дверь закрыта и если не навечно, то заперта, по крайней мере, на время вашей земной жизни; вы, вероятно, даже не ведали, что стоите у самой что ни на есть открытой двери. Я прибегла к небольшой дипломатической уловке — простите меня, ибо я боялась стать виновной в неучтивости и вопрос об этом символе задала вам в другой форме, рассчитывая понять из вашего ответа, как далеко простираются ваши знания о его значении и *свойствах*.

Теперь мне все ясно. Вы знакомы с «лабарумом» лишь в той степени, в какой с ним знакомо множество других людей. Вы принимаете его за монограмму Христа, так как книги, на которые вы ссылаетесь, никогда не разъясняли (возможно, их авторам просто самим было невдомек) того, что если знак ☩ по форме оказался похожим на греческие буквы **X** и **P**, то это вовсе не доказывает, что «лабарум» был образован из букв, принадлежащих греческому алфавиту. Почему бы греческому алфавиту точно так же не быть отчасти составленным из более древних символов и знаков? Именно так и обстоит дело, уверяю вас. Я бросаю вызов всем ученым мира, равно как и всем собирателям древностей, филологам и обоим *Шампольонам*, Старшему и Младшему*: пусть попробуют мне доказать, что этот символ ☩ не существовал еще за 16 000 лет до рождества Христова. Вы можете проследить его на стенах храмов — от наших современных соборов до храма Соломона, до египетского Карнака*, до 1600 г. до Р. Х. Фиванцы находят его в древнейших коптских записях символов, сохранившихся на каменных табличках, и узнают этот символ, меняющий свои многочисленные формы с каждой эпохой, с каждым народом, с каждым верованием или культом.

Это также и символ розенкрейцеров, один из самых древних и таинственных. Как и у египетского *Cruх Ansata** †, который пришел из Индии, где считали, что он принадлежит к индийской символике древнейших эпох, линии и изгибы «лабарума» могли отвечать назначению многих символов любой эпохи и подходить для любого религиозного культа. Но *настоящее*, подлинное его значение знают немногие, и те, кто *знает*, боятся его использовать по причине малодушия и упорных сомнений.

Cruх Ansata означал «время, которое должно прийти»; «лабарум» же, будучи известен под другим *прозвищем*, означал «время пришло». Как Бог, который взирает сверху вниз на проходящие эпохи и остается все теми же неизменными **A** и **Ω**, Альфой и Омегой, так же обстоит дело и с этим символом, с этим могущественным знаком. Вы можете изменять его вид и выбирать любую из его форм, чтобы он соответствовал любому периоду или любой моде, называть его каким угодно именем, но, несмотря на все эти метаморфозы, он останется все тем же, обладающим все той же властью, и всегда как подлинный *ключ* будет помогать *посвященным* отпирать дверь «Тайны Тайн».

По своему происхождению он принадлежит к величайшим из *солнц света* в истории, ибо он

рожден из центрального «круга невыносимого блеска», говоря словами Фламея, то есть изначального Божественного Откровения. Он сохраняет свое могущество и по сей день, принадлежит к древнейшей из религий — я бы сказала, *знаний*, — и всегда готов благодаря этой силе проводить нас к нашим любимым, живущим в более светлом мире.

Даже знаменитое «*Sesame, ouvre-toi*»³⁷ отсылает нас к «лабаруму». «*Omnia ex uno, omnia in uno, omnia ad unum, omnia per medium et omnia in omnibus*»³⁸ — это одна из аксиом герметизма*, и ее можно применить к так называемому «лабаруму». Две линии — / и \ или X, — отнюдь не представляют собой греческую букву ж (русскую или славянскую «тау») или гуттуральное «х»*. В учении розенкрейцеров обе эти линии, соединенные или отдельные, обладают особыми магическими, или духовными, силами соответственно своему положению по отношению к особым сверхъестественным силам, которые помогают им через действия тех, «кто знает, как и когда управлять таинственной мощью», как говорит Роберт де Флуктиб*, великий английский розенкрейцер и алхимик, в своем ученом труде под названием «*Examen in qua Principia philosophiae Roberti Fluddi, Medici*»*. Мне хотелось бы, чтобы вы смогли прочитать сей труд. Этот автор научил бы вас всему, что вы, возможно, надеетесь узнать.

Простите мне мое длинное письмо.

Преданная вам с величайшим уважением

Е.П.Блаватская

Милостивый государь, пожалуйста, отмечайте письма, которые я вам пишу *в ночное время*, и больше доверяйте им, нежели тем, что нацарапаны днем. Я объясню это, когда буду иметь честь и удовольствие увидеться с вами лично.

Письмо 8

Профессору Х.Корсону

Милостивый государь!

Воистину духи порою вызывают чудесные вещи! Едва я успела отправить вам письмо, в три раза длиннее, чем в состоянии вытерпеть нормальный человек, как пришло ваше послание, явившееся истинной находкой: во-первых, для одного бедняги, достойного малого, и во-вторых, если духи мне помогут, оно может обернуться первой маленькой причиной великих результатов. Я уверена, что, когда вы пишете так, как в последнем письме, давая выход своему праведному гневу, который должен ощущать и разделять каждый спиритуалист по поводу отвратительной публикации «Обмани г-на Обманщика» в «Нерелигиозно-нефилософском журнале», как его следует называть*, вы не задумывались, что ваш гнев, захватив и меня, заставит пролежать без сна всю ночь; а когда я лежу и не сплю, я размышляю, а после размышлений обычно действую.

В то же утро ко мне вернулась от Колби моя статья, которую тот без дальнейших комментариев с уважением отверг на грязно отпечатанной полоске бумаги. Прекрасно; тогда я стала раздумывать, вынашивая планы, заговоры и интриги, и взяла «*Spiritual Scientist*» — маленькую газетку, на которую никогда прежде не обращала особого внимания, и, найдя там еще одно упоминание моего имени из «*Revue Spirite*», послала этот номер вам. Вы его получили? (Не «*Revue*», а «*Scientist*»). Я взяла несколько предыдущих выпусков и прочитала их внимательно, и чем больше читала, тем меньше находила там такой ерунды, какую обнаруживала в «*Religio-Philosophical Journal*» и даже в огромном надменном «*Banner [of Light]*».

³⁷ «Сезам, откройся» (франц.).

³⁸ Все из одного, все в одном, все к одному, все вокруг и все во всем (лат.).

Напротив, я заметила в нем, как я вам писала, решительную тенденцию помогать нашему делу и искреннее стремление идти по стопам «The London Spiritualist» и других подобных уважаемых зарубежных изданий. Вы разделяете мое мнение? Разумеется, вам сложно судить по двум отдельным номерам, но мне самой газета так понравилась, что я на нее немедленно подписалась.

Затем ко мне в гости заглянул один джентльмен из Бостона, и от него я узнала, что редактор «[Spiritual] Scientist» — прекрасно образованный молодой человек, с большими связями в высшем свете, однако бедный, как сама бедность. Для того чтобы стать спиритуалистом и редактором спиритуалистической газеты, ему пришлось перессориться со всей своей семьей, и в результате он абсолютно разорился.

Противодействие со стороны «Banner [of Light]», — чья политика заключается в том, чтобы восхвалять и превозносить все спиритуалистические манифестации, даже мошеннические, поддельные, и никогда никого и ничего не разоблачать, было неустанным. Их преследование бедняги Джерри Брауна, с самого начала занявшего совершенно противоположную позицию, было беспощадным. Вот что я узнала от г-на Джайлза из Бостона. Конечно, я сразу же почувствовала, что загораюсь, как сухая спичка, в тот же день нашла г-ну Брауну несколько подписчиков и послала ему свою статью, добавив в своем письме, что прошу его не рассматривать деньги подписчиков в качестве взятки от меня, ибо если он вообще не захочет публиковать мою статью или сочтет ее чересчур длинной для «[Spiritual] Scientist», я все равно буду пытаться найти ему подписчиков.

Потом я получила письмо от Олькотта, который подробно рассказывал мне о срочной необходимости иметь в этой стране уважаемое спиритуалистическое издание и о том, что я должна постараться и потрудиться ради этого дела, если оно мне по душе. Поэтому я пошла и поговорила с друзьями и знакомыми, и мне пришло в голову, что если бы мы смогли закрепить «[Spiritual] Scientist» за той категорией спиритуалистов, которых я сразу могу назвать оппозиционной партией, то мы могли бы принести много блага нашему делу.

У нас пока еще нет противоядия. Отравленный материал подается в виде всевозможных фиктивных сообщений. Спиритуалисты все больше и больше заходят в тупик, впадают в оцепенение и паралич и тем не менее верят *sur parole*³⁹ только потому, что «Banner [of Light]» или старый добрый «Religio-Philosophical Journal» сказали так и подтверждают это. Подобное состояние ума более чем опасно и требует противоядия. Моя идея состоит в том, чтобы организовать подписку среди спиритуалистов побогаче и выпустить сто долларовые акции.

Подобрать редактора, по крайней мере толкового, будет очень сложно, ибо если он подходит в каком-то одном аспекте, то может никуда не годиться в другом. Для этой должности достаточно хорош Олькотт, так ведь он запросил сразу семьсот долларов в месяц, а я считаю, что это слишком жирно для пламенного спиритуалиста.

Не думаете ли вы, что если бы мы постарались помочь бедняге Джерри Брауну, то из этого могло бы выйти что-то хорошее? Если бы мы только помогли ему, убедив выдающихся спиритуалистов и широкоизвестных людей время от времени писать для его газеты, помогли бы ему, найдя для него подписчиков (поскольку «Banner [of Light]» ведет себя так низко по отношению к нему), не кажется ли вам, что этим мы способствовали бы и нашему делу и в то же время оказали бы помощь бедному борющемуся дружественному созданию, собрату-спиритуалисту?

Я вообще-то не очень отзывчива, но за этого человека у меня сердце болит после полученного от него сегодня утром письма, которое пересылаю вам для ознакомления. Не кажется ли вам, что он всю душу вложил в это бесхитрое правдивое повествование о своих злоключениях и страданиях? Я знаю, он не изложил и половины своих неприятностей, его положение еще хуже, чем он позволяет себе рассказать. Он мог бы зарабатывать себе на жизнь в качестве печатника, наборщика или линотиписта за тридцать пять долларов в неделю, а он по-прежнему верен истине и сражается за нее и работает, как раб, чтобы заработать хотя бы половину этой суммы с регулярным еженедельным дефицитом, который медленно, но верно тащит его в пропасть! Разве г-н Браун этого заслуживает?

Я его уважаю и сделаю все, что в моих силах, чтобы его выручить. Вот если бы вы могли всего лишь писать что-нибудь серьезное для его газеты, нечто такое, что привлекало бы внимание, то одного лишь вашего имени было бы достаточно, чтобы поднять популярность этого издания. И потом, вероятно, вы могли бы найти ему несколько подписчиков в Итаке. Если вы не сможете, а боюсь, что дело обстоит именно так, ибо я знаю про вас больше, чем вы думаете, тогда просто напишите что-нибудь для его газеты.

³⁹ на слово (франц.).

Посмотрите, как вольно и бесцеремонно я действую: это обычное следствие излишней любезности. Но я знаю, что вы добры, сердечны, великодушны и не сочтете меня дерзкой или нескромной, чтобы требовать от вас подобной услуги. Вы — спиритуалист, причем настоящий. Когда прочтаете письмо Джерри Брауна, присланное мне в ответ на мое второе письмо, в котором я просила сообщить мне, что я смогу для него сделать и будет ли ему какая-либо польза от подписки, тогда перешлите это письмо госпоже Луизе Эндрюс. Знаю, что и она сама будет над ним причитать, и ее Бафф будет сочувственно подвывать, ибо собаки в наши дни честнее и благороднее людей и правдивее спиритуалистов типа Колби. Представьте себе богача-владельца «Banner [of Light]» в партнерстве с вульгарным театром варьете. Спиритуализм — и варьете-шоу! О девятнадцатый век! Какой же ты славный малый!

Напишу Фламариону, парижскому астроному, и попрошу его тоже что-нибудь написать, а затем займусь г-жой Эндрюс. Как вы думаете, если бы Лонгфелло* написал стихотворение для г-на Брауна, была бы последнему от этого какая-то польза? Со всем этим совершенно забыла про свою статью. Она появится в следующем номере «[Spiritual] Scientist», и я собираюсь взять несколько сотен экземпляров и разослать их по всей стране. Думаю, это на несколько дней затмит чайлдовский «Sunshine».

Простите мне мой «*style echevele*»⁴⁰ и бесчисленные ошибки, но никто не может всерьез ожидать от женщины, у которой нервы напряжены, как струны старой скрипки, готовые лопнуть, что она будет писать на правильном английском. Я настолько взволнована, что удивляюсь, как я вообще не написала это письмо по-русски. Прилагаю к нему весьма забавное письмо от одного заключенного, опубликованное в «Hartford Times» и присланное мне Олькоттом. Возможно, оно вызовет у вас улыбку. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет г-же Корсон и по-прежнему считайте меня преданной вам.

С уважением

Е.П.Блаватская

четверг

Не могли бы Вы опубликовать наши заявления против Чайлда в «[Spiritual] Scientist» и привести в смущение Колби?

P.S.

[Без даты]

Будьте так любезны, милостивый государь, позвольте мне еще один вопрос. Если моя любознательность неуместна или нежелательна, не отвечайте мне, и я пойму, почувствую красноречивый намек. Хотела задать этот вопрос с самого начала, однако не ощущала себя вправе это сделать.

Почему вместо подлинного знака «лабарум», который выглядит как **x** **Ж** **P** и, говорят, является тем самым знаком, который предстал в небесах перед императором Константином в одно прекрасное утро, вы принимаете изменение в каждой части «лабарума», **A** и **Ω**? Последние буквы, насколько мне известно (а сужу я с позиции собственного розенкрейцерства второй каменной скрижали Двойного Камня), означают: **A**, данная или представленная / — мужским принципом, и **Ω**, показывающая, что он прошел или проник *внутрь*: женский принцип справа и слева. Кроме того, на вашей печати для обоих знаков **A** и

Ω не хватает обводящих символов . Это должно выглядеть, если я правильно поняла, следующим образом:

⁴⁰ растрепанный стиль (франц.).

Вы можете мне сказать почему?

Ладно, возможно, в конце концов, я глупа и назойлива, а вы правы и знаете лучше.

Благослови вас Бог, и простите мою назойливость, если таковая имеет место.

Снова преданная вам

Е.П.Блаватская

Письмо 9

Понедельник
Филадельфия

Профессору Хираму Корсону

Милостивый государь!

Получив ваше письмо в пятницу вечером, я медлила с ответом, желая сперва выяснить, напечатают ли мою статью в последнем номере «Banner [of Light]». Я была уверена, что ее не напечатают, и мое предвидение оправдалось. Впредь, если я не буду действовать быстро, то последую примеру жены Синеи Бороды с ее «*Soeur Anne, ne vois tu rien venir?*»⁴¹ Это бесполезно, Колби не станет ее публиковать по причинам столь же непостижимым, как и спиритуализм в некоторых умах.

Если бы вам это не составило большого труда, я бы вас попросила дать знать Колби, что вы прочитали экземпляр моей статьи, так как я сообщила ему, что разослала ее по всей стране, всем своим знакомым и корреспондентам. Я полна решимости увидеть ее опубликованной во что бы то ни стало. Напишу сегодня г-же Эндрюс и попрошу ее попытаться, если сможет, пристроить статью в «Springfield Republican». Если ей это удастся — что ж, тем лучше для истины и тем хуже для пристрастности Колби.

Вы читали в бостонском «Spiritual Scientist» выдержку из «London Spiritualist»? Даже в Лондоне знают, что из одиннадцати спиритуалистов, которые, как утверждается, существуют в этой стране, я, иностранка, женщина, являюсь единственной, кто борется за правду. Их отзывы для меня очень лестны, но Колби позаботится о том, чтобы цитаты из «The London Spiritualist» не появились в его журнале.

Г-жа Эндрюс прислала мне ваш прекрасный портрет, и я ей весьма признательна. Я просто не осмелилась беспокоить вас по такому поводу, будучи для вас человеком совершенно посторонним. Эту женщину я считаю одной из самых светлых и чистых людей, когда-либо рождавшихся в этом грязном болоте под названием Земля. Г-жа Эндрюс представляется мне воплощением доброты и мягкости, такой искренней и правдивой, всегда готовой прощать и не расположенной верить в зло; неудивительно, что *здесь* она никогда не может чувствовать себя счастливой. Я побаиваюсь слишком часто с нею переписываться, чтобы нечаянно не обнаружить «рога и раздвоенные копыта» моей истинной природы, ибо сама я не могу и не буду прощать, пока в состоянии удержаться от этого.

Я поставила перед собою задачу бичевать порок везде, где только найду, а в себе — еще сильнее, чем в других. Вы наверняка осудите меня за это, как осудили многие другие, но я ничего не могу с собою поделать. Я скорее прощу убийство или, того хуже, воровство, нежели ложь, а д-р Чайлд — это ходячая ложь, как вы сами знаете. Я пообещала себе и объявила всем о своей непреклонной решимости схватить эту филадельфийскую гидру с ее семью лживыми головами за зубы и когтистые лапы и буду держать ее мертвой хваткой и не выпущу до тех пор, пока не задушу эту тварь на месте, даже если она меня саму при этом искушает и изранит.

Ложь, обман и мошенничество следует считать величайшими преступлениями в нашем

⁴¹ «Сестрица Анна, посмотри: не едет ли кто?» (франц.).

священном деле, ибо они наиболее опасны в вере, оставляющей столь широкий простор для жульничества и самообмана, и должны преследоваться сильнее всего. Спиритуализму грядущих веков следует избежать всего того, что принесли бедному, введенному в заблуждение человечеству (по крайней мере некоторой его части) «благочестивые обманы» «отцов» церкви на заре христианства и преднамеренное жульничество католического духовенства.

Человечество в целом сейчас хуже, чем когда-либо раньше, когда оно грешило вследствие невежества и моральной неустойчивости нашей несовершенной природы. Теперь люди грешат, так сказать, цивилизованно, прекрасно понимая, что они делают. Широко распространенную в нашем столетии жалкую склонность к материализму, связанную с бесконечными научными разоблачениями всевозможных религиозных обманов, можно излечить одною лишь *Истиной*, и только ею, ибо человечество в целом слишком продвинулось, чтобы вместо одной лжи принимать другую.

В общем, признаваясь самим себе в том, как обстоят дела в настоящий момент, мы, спиритуалисты, разумеется, не можем удивляться нежеланию большинства людей менять ту ложную веру, которая, несмотря на ее многочисленные выдуманные догмы, на протяжении долгих веков завоевала право на гражданство и респектабельность, на другую, явно выдуманную на глазах у подрастающего поколения. Так какую же осторожность должны мы проявлять, принимая феномены и откровения, претендующие на то, что они исходят от духов! К каким ужасным последствиям может привести одна разоблаченная и явно преднамеренная ложь, вышедшая из уст спиритуалиста! Подобно единственной капельке желчи в ведре чистой воды, она способна отравить всю истину.

Я знаю: то, что я предпринимаю, вероятно, превосходит мои силы, но отнюдь не превосходит *моей воли*, ибо, как *sentinelle perdue*⁴², я погибну на своем посту, решительная и непреклонная, стремясь представить все факты в истинном свете. Те, кто стремятся подорвать истинный спиритуализм, кем бы они ни были, столкнутся в моем лице с диковинным драконом и беспощадным разоблачителем. Я вижу всю трудность и бесплодность предстоящего мне путешествия, непроходимые тернии, которыми усыпан мой путь, но это меня вовсе не страшит и не обескураживает. Я уже получала анонимные письма, записки с угрозами и оскорбительные предупреждения, но все это, право, смешно. Мое вознаграждение не здесь, и я на него тут не рассчитываю — оно в доме вышнем, и я прекрасно знаю, что, проиграй я или преуспей, в любом случае меня будут поносить, порочить и шантажировать. И даже если события впоследствии полностью оправдают мои действия и объяснят, почему и для чего я поступала именно таким образом, я чувствую, что не один тип из тех, кто очерняет наше дело и насмехается надо мною, будет трепать языком, признавая, что по крайней мере один из фанатиков, безумных защитников спиритуализма, оказался правдивым во всех отношениях.

Но что я порою действительно остро переживаю, так это то, что я всего лишь женщина, в конце концов, и что вся моя моральная, да и физическая отвага меня не выручит, если кто-нибудь не поможет мне, не поддержит меня, представительницу бедного слабого пола. Будете ли вы как представитель сильного пола помогать мне в деле истины? Когда я гляжу на ваш портрет, то, хотя вижу вас лишь в профиль, мне кажется, что вы из тех, кто выполняет больше, чем обещает, и делает больше, чем говорит. Скорее всего вы меня никогда не увидите, и это к лучшему, так как мои шокирующие русские манеры вас повергнут в ужас, но, быть может, вы позволите мне вам писать и просить помощи в предстоящей схватке между истиной и слепым фанатизмом в спиритуализме?

Я заручилась поддержкой полковника Олькотта, генерала Липпитта, доктора Тэйлора на Западе, Аксакова в Петербурге и еще дюжины других. Спиритуализм в своем нынешнем виде необходимо остановить в развитии и задать ему иное направление. Заблуждения и безумные теории некоторых спиритуалистов нашего столетия постыдны. У меня здесь, в Филадельфии, есть богатые друзья, и женская их половина всегда готова помочь нашему делу деньгами и своим влиянием. Поэтому нужнее всего нам мозги, бесстрашные, упорные умы в мыслительном отделе нашей команды; у нас очень, очень мало ученых.

Не бойтесь, милостивый государь, я не стану пользоваться вашим любезным разрешением, если вы мне таковое дадите, и надоедать вам. Я вас прошу просто несколько раз в год писать для журнала по статье вроде той, что вы представили в «Banner [of Light]» (я имею в виду ваше последнее письмо), и дать понять Колби и ему подобным, что существует за кулисами небольшая группа спиритуалистов, которые ратуют только за правду и никогда не позволят распространять ложь или преувеличенные факты, не попытавшись это исправить. Они

⁴² часовой на своем посту (франц.).

никогда не позволят этому правдолюбцу Колби утаивать истину и содействовать неправде.

Что ж, думаю, что, несмотря на мои радужные обещания относительно будущего, я по-настоящему надоела вам в своем нынешнем письме, которое, несомненно, слишком пространно, чтобы его мог вытерпеть смертный, так что примите, пожалуйста, мою искреннюю благодарность и извинения, и [...]*

Письмо 10

Среда
Филадельфия

Профессору Х.Корсону

Милостивый государь!

Как мне отблагодарить вас за сердечный привет и дружеские пожелания в мой адрес? Воистину, эта ужасная болезнь открыла мне глаза и, возможно, излечила от несправедливых и мучительных подозрений в отношении многих моих друзей. Я никогда не думала, что мне удастся найти для себя нечто большее, нежели равнодушные знакомые и корреспонденты. Я обнаружила свою ошибку в отношении некоторых и воспользуюсь этим.

Опасность миновала — *к сожалению*; но, по крайней мере, раз уж я обречена на жизнь, мне не придется добавлять к списку своих природных достоинств и прелестей еще одну в виде деревянной ноги.

Я по-настоящему рада и горжусь тем, что вы сумели разглядеть на моем лице нечто помимо курносого носа. Это вновь пробуждает мои надежды на то, что как-нибудь в будущем мы с вами сможем посидеть вместе, покурить и поговорить, и я надеюсь, что вы, сумев найти нечто за завесой плоти на портрете, возможно, найдете и за моим, вернее, внутри этого моего неуклюжего русского облика нечто, достойное вашего внимания.

Вы знаете, я миссионерка, а еще, кстати, и фанатичка. Вы должны верить во что-то еще помимо ваших «Эннемозеров и Хоуиттов». Магнетизм — это хорошее и иногда очень подходящее слово, но оно не охватывает всей сути, и вдобавок на его оборотной стороне наверняка есть нечто такое, чего не смог уловить Эннемозер; однако ничто так не затемняет интуицию и восприятие, мешая слушать шепот собственного духа, как слишком усердное штудирование книг и размышление над ними.

«Мертвая буква убивает». Читайте побольше на страницах вашей души, если можете, и оставьте бесполезные теории других людей, какими бы учеными они ни казались с виду, холодным тиндалям и скептическим книжным червям, которые живут до самой смерти чужими авторитетами, хотя в своей гордыне могут воображать их собственными.

Боюсь, мои каракули станут тяжелым испытанием для ваших нервов. Простите меня и поверьте в искренние чувства вашей

весьма признательной вам

Е.П.Блаватской

Письмо 11

Филадельфия

Проф[ессору] Хираму Корсону

Милостивый государь!

Только вчера отправила вам письмо, ибо почувствовала себя лучше, и по этой последней причине мне не хотелось посылать вам такой ужасный портрет.

Но сегодня мне хуже, и, поскольку я хочу, чтобы вы узнавали меня всякий раз, когда я выглядываю «из-под покрывала Изиды» и спускаюсь по-дружески поболтать с вами, я посылаю вам этот снимок. Не слишком пугайтесь и постарайтесь избежать ночных кошмаров. *Они хотят, чтобы я рассталась с ногою завтра.* «Баркис очень не прочь»*. Сегодня ночью я сделаю то, чего не сделала бы еще месяц назад ради спасения своей жизни (будь она мне дорога, каковой она *не является*), и попрошу тех, перед кем испытываю страх и ужас, но кто только и может спасти мою ногу от ампутации, прийти и помочь мне, потому что, боюсь, я так крепка, что могу пережить эту ужасную ногу, а подобная перспектива пугает меня больше всего.

Я бы послала еще одну свою фотографию отдельно г-же Корсон, но этот снимок у меня последний, за исключением того, что я посылаю г-же Эндрюс.

До свидания, и храни вас Бог, мои дорогие незнакомые корреспонденты.

Я приду.

Искренне ваша здесь и там

Е.П.Блаватская

Письмо 11

Дорогой профессор!

Благослови вас Господь, мой лучший друг, в чем дело: скончался ребенок племянницы сестры вашей жены или что?* Что такого стряслось, что ни вы, ни ваша дорогая *epouse*⁴³ не в состоянии написать ни строчки бедной путешественнице? Пишу вам вот уже третье письмо — и ни слова в ответ. Вы сердитесь? Разозлились на меня за что-нибудь? Думаю, что нет, так как чувствую себя столь же невиновной в причинении вам какого-либо зла, как еще не родившийся котенок.

Сапожки уже здесь, но я предпочла бы письмо.

Я прикована к стулу, словно раб, и пишу весь день, что я бы делала и на вашем месте. Нашла несколько весьма ценных редких книг у г-на Дитсона — таких, как «Анакалиписис» Г.Хиггинса*, например, и это мне весьма пригодится.

Как поживаете, как ваша киска, как яблони? Я чувствую себя так, будто уехала из дома, где прожила двадцать лет, благослови вас Бог! А моя милая г-жа Корсон все так же упорно переводит? Честное слово, мне кажется, будто что-то было не так, что она вроде бы сердилась на меня за что-то. Олькотт хочет, чтобы я ехала домой (?!!) и даже не сообщает, где этот самый дом. Мне нравится его наглость.

Посылаю вам «The World» вместе с вложенным туда интересным письмом от *un témoin oculaire*⁴⁴, адресованным Олькотту. В будущем стану высылать вам все интересное, что, может статься, выйдет в свет, а также пришлю устав нашего Общества.

Вы читали все «за» и «против» в последнем номере «Banner [of Light]»? Британия против Бриттен*, утверждающей, будто она видела элементария, которой возражают, будто таковые вообще не существуют.

⁴³ супруга (франц.).

⁴⁴ одного очевидца (франц.).

Что ж, мы разожгли «хорошенький» костер, как выражается Джон*, и, полагаю, нам этой зимой придется изрядно повоевать, пробивая дорогу нашей спиритуалистической ереси.

Напомните мне, пожалуйста, в письме те слова, которые вы сказали мне о Коране. «Каждое его слово истинно», не так ли? Я их подзабыла и хочу с присущим мне бесстыдством поместить в самом начале.

Прилагаю к письму пятьдесят центов для Мэри. Я забыла ей заплатить за последнюю стирку, и она, должно быть, считает меня нечестной.

Боже, благослови вас обоих. Дайте мне услышать от вас хоть слово в ответ. Когда Бердсли пришлет мне остальные мои портреты? Пожалуйста, закажите ему еще две дюжины тех, где я с папироской в руке, только пусть сделает их покрупнее, если сможет. Я приложу к следующему своему письму почтовый перевод на восемь пятьдесят, если вы мне ответите, что Бердсли над ними уже работает. Я исхожу из того, что он согласился на цену по тринадцать долларов за три дюжины, при том, что каждая последующая дюжина будет по четыре двадцать пять. Не могли бы вы уточнить?

Еще раз благослови вас Бог.

Искренне и истинно ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 13

8 января 1876 г.
Нью-Йорк,
Теософское Общество,
Мотт Мемориал Холл,
Мэдисон-авеню, 64

С Новым годом вас обоих!

Мой дорогой г-н Корсон!

Et tu, Brute!* Хороший же удар вы мне нанесли, и весьма неожиданный! Вы заставили меня снова и снова перечитывать инаугурационное обращение Олькотта и признать, что вы отчасти правы. Я никогда прежде его не читала, а когда полковник произносил его, я была настолько занята собственными мыслями, что воспринимала только дух, а не его мертвую букву. Но, мой милый, дорогой г-н Корсон, поверьте мне: при том, что я так высоко ценю ваше мнение и так хорошо знаю, что вы не способны на сознательную, то есть заранее продуманную, несправедливость по отношению к Олькотту, вы все же были слишком суровы и слишком несправедливы к нему, ибо, честное слово, он — самый пылкий, самый бескорыстный и самый фанатичный спиритуалист, какой когда-либо существовал.

Что же такого в его неудачной английской фразеологии, в силу чего он, талантливый писатель, употребляет слова таким образом, что его превратно понимают две трети его оппонентов? Мое знание английского столь поверхностно, что я, вероятно, не очень хорошо понимаю значения слов. Но я готова поклясться жизнью, что Олькотт не хотел оскорбить спиритуалистов и не подразумевал того, о чем вы думаете. Никогда его негодование не было столь сильным, как когда он узнал об оскорблении, которое нанес нам Тиндаль; негодование полковника было, пожалуй, сильнее моего.

Вы не согласны с ним в том, что он сожалеет о нынешнем положении дел в американском спиритуализме? Вы не являетесь сторонником свободной любви; сотни хорошо воспитанных людей не разделяют свободной любви, однако тысячи ее *практикуют*. Могу сообщить вам одну вещь, г-н Корсон, и клянусь *своей бессмертной душой*, что Олькотт, который сам вел не очень-то добродетельную жизнь, как и большинство людей в Нью-Йорке, и прежде совершал

безнравственные поступки, впоследствии, когда сделался спиритуалистом, — а он ведь спиритуалист, — стал вести самый что ни на есть аскетический образ жизни. Г-н Корсон, я пишу вам как джентльмену, если не как другу, ибо теперь, когда вы сильно рассержены на теософов, вы, вероятно, не захотите иметь меня в числе своих друзей, поэтому пишу вам это строго конфиденциально, и если вы не верите *мне*, то напишите вашему старому другу Моначези*, который является членом нашего Общества, и он подтвердит вам мои слова.

Олькотт — фанатик, причем до такой степени, что, боюсь, столь резкий отказ от привольной жизни, вкусной еды и питья и потакания всевозможным своим мирским пристрастиям доведет его либо до безумия, либо до смерти. Он с каждым днем все сильнее худеет. Он больше не ест мяса, отказывается от ужина и от вина; единственная его жизненная задача, как он заявляет, — это очиститься от своей прошлой жизни, от пороков, которыми он запятнал свою душу. Я никак не могу с ним совладать. Я сама вызвала в нем этот дух фанатизма и теперь горько раскаиваюсь, потому что этот человек ничего не делает наполовину. Он говорит, что его единственная цель жизни состоит в том, чтобы очистить американский спиритуализм от скверны свободной любви и в том, чтобы проводить спиритические сеансы, привлекая к ним только непорочных медиумов с безупречной нравственностью, детей или невинных молодых людей, а по возможности — таких специально отобранных жриц, давших обет целомудрия, как во времена теургии*.

Тут он прав, ибо, если мы хотим общаться с чистыми духами, то мы должны открыть для них чистые пути, обеспечить им чистые каналы общения. У вас есть Мэри Эндрюс — добрая, честная, добродетельная женщина, мать семейства, но много ли у вас еще таких? Подумайте о нью-йоркских медиумах. Поспрашивайте у людей, кто они такие; как вы можете надеяться на общение через тех, кто столь нечист, с какими-либо иными духами, кроме духов неразвитых гнусных преступников, подобных убийце Уэбстеру, или элементариев?

Посмотрите на Хьюма* — лучшего из всех физических медиумов в Европе: и что же? Он явно одержим семью демонами. Никакая клевета, никакое злословие, никакая ложь не кажутся ему чрезмерными. Почему из-за того, что Олькотт, вероятно, подходит к спиритуализму излишне возвышенно и высказывается о нем в слишком крепких выражениях (в этом я с вами соглашусь), почему из-за этого люди должны превратно истолковывать полковника, приписывая ему то, чего он никогда не имел в виду? Раз за разом, день за днем я повторяю ему, что не следует ему хвалиться тем, что еще не сделано.

Что же до Фелта*, пообещавшего всем теософам очистить химический состав атмосферы и продемонстрировать окружающих нас невидимых монстров, то, хотя он и сделал это в присутствии дюжины свидетелей, злословивших в его адрес и обзывавших его колдуном, я не знаю, сумеет ли он выполнить свое обещание как следует. Но Олькотт — такой оптимистичный фанатик, он так уверен в потустороннем мире, так убежден, что если он ведет непорочную жизнь, то ему будут помогать подлинные духи, непорочные развоплощенные люди, что довольно глупо рассуждает об этом, словно все это уже свершилось и продемонстрировано.

Дорогой мой г-н Корсон, будете ли вы сомневаться в том, что я — спиритуалистка? Представления мои вам известны; я вам полностью показала, кто я и что я думаю. Я говорила вам, что не считаю себя достаточно доброй и чистой, чтобы вызывать духов, что я настолько порочна, что не могу контролировать даже Джона, и отказала ему. В последний вечер, проведенный с вами, г-жа Корсон преподала мне урок, который я в жизни не забуду. Ибо мать, чьи самые священные чувства взбунтовались при одной лишь мысли о том, что она увидит своего умершего ангела в обществе бывших пиратов и неразвитых духов, была права, и с того самого вечера она неизменно стоит у меня перед глазами, когда бы я ни поддавалась искушению позволить Джону поговорить с безутешными матерями, отцами, братьями или иными родственниками, которые воспринимают дух, с которым хотят пообщаться, как нечто святое.

Простите мне мой бестолковый английский и попытайтесь понять, если сможете. Возможно, мы с вами никогда больше не увидимся, но чувства теплой, искренней дружбы и высочайшего уважения, которые я испытываю к г-же Корсон и к вам, никогда не изменятся. Вы можете отвергнуть меня как недостойную вас, можете поверить в любую распротраняемую обо мне клевету, можете стать моим врагом, однако все это не изменит моего отношения к вам.

Книга моя закончена, и в ней вы найдете все, что я думаю. Она не более похожа на ту, какой она была, когда я писала ее в вашем доме, чем одна глава бывает похожа на двадцать-тридцать других. Я беру любой феномен, любую манифестацию и стараюсь показать науке, что это не только возможно, но что оно так и есть и должно быть так в самой сути вещей.

Я послала вступительную главу Бьюкенену, и он называет ее «величественной, мрачной и необычной», но предлагает кое-что изменить. Буду посылать ему одну главу за другой, так как у меня на свете нет никого, кто бы мне помог и показал, где я ошибаюсь, а где права, и я буду признательна любому ученому или любому непредвзятому спиритуалисту, который придет мне на помощь. По крайней мере я — спиритуалистка, и горечь моего последнего письма в «[Spiritual] Scientist» является свидетельством того, что я — истинная спиритуалистка. Газеты на меня клеветают, медиумы меня порочат, а спиритуалисты превратно истолковывают. Что я могу поделать? Нет никого в этом бескрайнем мире, кроме тех, кто меня ненавидит — ту, которая никогда никому сознательно не причинила никакого вреда. Что ж, таков мой рок.

Все клеветнические слухи обо мне в Лондоне и здесь исходят от доктора Чайлда и католических священников (двое из них орудуют здесь). Полюбуйтесь, что пишет о Чайлде Эджернон Джой в лондонском еженедельнике «Spiritualist». Несмотря на то что в этой стране всякий знает, что Холмсы и Чайлд были мошенниками, последний продолжает продавать в Филадельфии свою биографию Джона Кинга, продиктованную личиной, которую продемонстрировали Холмсы.

К тому же Чайлд — почетный член лондонского еженедельника «Spiritualist». Он является одним из самых известных авторов и сторонников «Religio-Philosophical Journal», этот отъявленный мошенник, наемный обманщик. Вот она, справедливость, в ваших спиритуалистических журналах. Он делает деньги на своих спиритуалистических мошенничествах и пользуется почетом. Я же отдаю последний цент на благо нашего дела и не оставляю себе денег даже на туфли, а меня поносят и очерняют, словно я — воплощенная «мать шлюх».

Разве это я выдумала элементариев? Может быть, они — наши с Олькоттом творения? Ведь такова была крепчайшая вера теургов* и средневековых ученых. Аксаков пишет мне, что князь Долгорукий, один из самых великих ныне здравствующих гипнотизеров (за исключением Дюпотэ), утверждает, что после тридцатилетнего опыта общения с ясновидящими они проводят четкое разграничение между подлинными развоплощенными духами и элементариями, что они видят и описывают оных и уверяют его, не зная ни слова про оккультизм, что если медиум нечист, то на его сеансах обычно преобладают гномы и сильфы*. Они описывают этих существ в точности как Парацельс* и другие; невежественные ясновидящие, большинство из которых — неграмотные крестьянские девушки, описывают их точно так же.

Чарльз Мэсси*, наш английский член, пишет из Англии Олькотту, что обедал с Круксом* и имел с ним серьезную беседу и что Крукс признался ему, что является оккультистом, учеником Элифаса Леви*. Крукс ему много чего объяснил и показал и привел доводы в пользу своего неверия в спиритуализм и своего твердого убеждения в том, что Кэти Кинг — это дух-элементарий. Теперь вы видите, что магия, наполовину объясненная Элифасом Леви, дает результаты и позволяет входить в контакт лишь с элементариями.

Будь Крукс посвященным Востока, он бы знал, как отгонять элементариев и общаться только с бессмертными духами. Подобная магия представляет собой колдовство и более чем опасна. Белая, или священная, магия теургов есть спиритуализм в его самом *возвышенном чистом состоянии*. Если мы рассуждаем об элементариях, то не потому, что хотим доказать, будто все духи таковы, но для того, чтобы предупредить людей о необходимости проводить различие между элементариями и бессмертными духами, потому что для нас, оккультистов, спиритуализм является самой священной верой, какую только можно дать человечеству, и мы считаем общение между развоплощенными духами и нами таинственным, священным делом, которое недопустимо осквернять, прибегая к таким каналам, какие представляют собой большинство медиумов. Ямвлих, Порфирий, Плутарх, Аполлоний и все неоплатоники* написали сотни томов о различиях, существующих между демонами, или элементариями, и добрыми духами — душами умерших. Посмотрите, что пишет Ямвлих, великий теург-практик. Он считает процедуру столь священной, что, по его словам, малейшая ошибка, малейшее загрязнение может вызвать элементариев в виде чудовищных животных и так далее. Спиритуалисты Франции никогда не приступают к спиритическому сеансу без горячей гармонизирующей молитвы, и они правы.

Что ж, я сказала достаточно. Время покажет, кто прав, а кто ошибается. Посылаю вам два выпуска газеты «Sun» за 26 декабря и 2 января с двумя моими статьями. Я заключила контракт с «Sun» (или почти заключила) на еженедельные воскресные статьи за тридцать долларов; это поможет мне выжить, и вот почему моя книга расходуется так медленно: ведь не очень-то хорошо пишется на пустой желудок.

Не видела Олькотта с тех пор, как прочла вашу статью в «Banner [of Light]». Уверена, что она будет для него ужасным ударом, ведь он очень много думает о вас и неутомим в своих дифирамбах в ваш адрес.

Мы проводим спиритические сеансы с каждым из медиумов, давших согласие пройти проверку. Наша цель — искоренить мошенничество. Провели три сеанса с Мэри Тэйер*, они были самыми прекрасными. Нас было шестнадцать теософов — все скептики, кроме Олькотта и меня, — и семь редакторов различных газет. Г-же Тэйер надели на голову мешок, а сеанс проводился в доме г-на Ньютона. Господин Ньютон — глава нью-йоркских спиритуалистов. Возможность мошенничества была исключена: комнаты проверили, двери заперли и запечатали, обыскали карманы друг у друга. За три минуты стол буквально покрылся цветами, редчайшими растениями; появились два голубя-вяхиря, канарейка, раковины, влажные кусочки коралла прямо из моря и прочее и прочее. Вот вам и испытание. Да благословит Бог вас и г-жу Корсон.

Истинно и искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 14

*22 марта 1876 г.
Нью-Йорк,
Теософское Общество,
Мотт Мемориал Холл,
Мэдисон-авеню, 64*

Дорогой г-н Корсон!

Нет нужды говорить вам, что ваше письмо явилось весьма приятным сюрпризом. Оно доказало мне, что недавняя моя недоверчивость, по-моему, вследствие потока брани, обрушившегося на меня из всех углов и закоулков, не всегда оправдана. Я уже почти поверила в то, что я мошенница, потому что все об этом твердили. Я не могла бы осудить вас, если бы вы стали эхом рева тысяч клеветнических голосов. То скромное положительное мнение о себе, которое я имела, было разрушено. И если бы меня обвинили в убийстве президента Линкольна или в том, что я — воплощение папы римского Иоанна, я бы не удивилась.

Но оставим это. Я бы никогда и слова не сказала, если бы эту историю не рассказали мне в присутствии нескольких моих друзей, которые выражали свое негодование по поводу этого незаслуженного эпитета.

Ваше письмо в «Banner [of Light]» навело меня на мысль о том, что вы глубоко возмущены оккультистами, раз уж говорите о нас как об убийцах, собирающихся истребить всех духов медиумов, вместо того чтобы стать для них самыми преданными друзьями. Разница между нами в том, что медиумы продают духов и свои феномены за деньги, а спиритуалисты покупают их, словно сладости, тогда как мы, оккультисты, воспринимаем этот предмет как религию, которую не следует профанировать. Олькотт стал трубить во все трубы, так как *знал*, что за этим сразу же последуют эксперименты Фелпса*, *и так оно и вышло*.

Спиритуализм основывается на *слепой вере*, то есть спиритуалисты не могут продемонстрировать реальность своих духов, тогда как вера оккультистов в Бога и в духов прочно базируется на математическом доказательстве и того и другого. Поэтому вера спиритуалистов построена на песке, а наша вера — на прочной скале. Не существует столь же неустрашимых верующих, как каббалисты*, ибо никакое количество мошенничеств, лжи или разоблачений не может потрясти убеждения, которое зиждется на такой основе.

Для вас это все лишь гипотеза, для нас же спиритуализм является геометрической теоремой, решенной и доказанной многие столетия тому назад философами, жившими за тысячи лет до Пифагора. У спиритуалистов два плюс два равно пяти и еще полудюжине в придачу, у нас же сумма всегда равна четырем и больше ничему. Мы не просим спиритуалистов верить тому, что мы говорим, потому что мы это лишь высказываем, предлагая им самим это исследовать и самим убедиться. Если философия Платона, которую современные эпикурейцы* нарекли туманным вымыслом, обвиняется в том, что она противоположна аристотелевской, и если вместо того чтобы, подобно последней, развивать все от частного к общему, мы можем выдвинуть лишь один неопровержимый аргумент — геометрию, единственную точную науку из числа множества других, единственную науку, которая не приемлет *ни гипотез, ни теорий, ни умозрительных построений*, но чьи решения окончательны, — то она к тому же развивается от общего к частному.

Так что спиритуалисты, столь озабоченные тем, чтобы развенчать каббалу как науку, должны сперва доказать, что геометрия и Евклид заблуждаются. Конечно, манера, в коей к этой идее следует привлекать внимание спиритуалистов, заметно отличается от той, к которой прибегал Олькотт. Но у него просто весьма воинственный характер, и еще он безумный энтузиаст, хотя честность его неоспорима. Он вызвал жуткий переполох на обоих континентах, а все шишки посыпались на меня, так как по отношению к полковнику меня обычно считают чем-то вроде сократового даймона*. Олькотт не сделал ничего хорошего для спиритуализма, а вот серьезный вред нашему делу он приносит в качестве президента нашего Общества. Однако теперь он стал осмотрительнее, как вы можете судить по его последним письмам. Это, судя по всему, достаточно критический период для спиритуалистов, а также для всех нас, верящих в подлинные феномены, и мы смело можем позволить себе отбросить в сторону незначительные различия между нами для борьбы против общего врага.

Этот отъявленный мерзавец Хьюм, не довольствуясь ядовитыми плевками в каждого, кто, по слухам, производит феномены, атаковал чистого и невинного Леймари, покойного Элифаса Леви и всех медиумов христианского мира. Редакционная статья Колби в «Banner [of Light]» за прошлую неделю вызовет резонанс во всей Европе.

Я поняла и оценила вашу изящную латинскую цитату из одного из сверхкритичных отцов раннего христианства. Вы ведь, конечно же, не желаете, чтобы меня канонизировали такой ценой? Подумать только: Св. Блаватская, мошенница-мученица. Хорошенькую эпитафию можно было бы выгравировать на моей надгробной плите! Эту надпись наверняка выбил бы на камне младший ребенок племянницы сестры моей жены.

Что ж, храни вас Господь. Рада, что мы уладили нашу размолвку. Мои самые искренние пожелания г-же Корсон, каковы бы она, если только она действительно не считает меня антихристом в юбке, должна принять столь же искренне.

Истинно и искренне ваша

Е.П.Блаватская

Привет г-ну Бердсли, его работы сейчас славятся по всей Европе.

Письмо 15

*12 марта 1876 г.
Теософское Общество,
Мотт Мемориал Холл,
Мэдисон-Авеню, 64,
Нью-Йорк*

Дорогая госпожа Корсон!

Вот уже больше месяца я каждое утро встаю с твердой решимостью написать вам, и каждый раз меня останавливает мысль, что если бы я подождала, то с каждым днем

появлялось бы все больше оснований подкрепить очевидными доказательствами то, что я желаю вам сообщить.

Война объявлена. Все псы пробудились и лают на луну. Спиритуалисты вынесли мне приговор. Удалось ли им уже подвергнуть меня казни? Пока еще нет, и они поймут, что осуществить это труднее, нежели приступить к первым попыткам.

И прежде всего, — пока я не пустилась в кое-какие необходимые комментарии с целью разъяснить ситуацию и не оставить между нами никаких двусмысленностей, — начну с того, что сообщу вам: мне уже почти месяц как известно, что по каким-то причинам, *непостижимым*, как сама судьба, имея на то не больше оснований, чем тогда, когда я жила у вас, г-н Корсон назвал меня «мошенницей», беседуя обо мне с одним господином, собирающим или сочиняющим сплетни, полагаю, с господином Кларком.

Если эпитет, которым меня наградили, был на деле несколько мягче, я за это весьма признательна; если же нет и он сопровождался какими-то еще более крепкими выражениями, то все равно ни мое уважение к господину Корсону, ни мое искреннее дружеское расположение, уважение и даже любовь, которые я испытываю лично к вам, не смогут измениться или ослабнуть ни в малейшей степени!

Я слишком хорошо знаю подобные эффекты и смены декораций, мгновенно производимые искусными механиками мира, *где всем управляют ангелы*, чтобы хоть немного удивиться какому-либо воздействию, которое эти господа и дамы из мира незримого способны оказать на такой нервический темперамент, как у господина Корсона. Время — лучший мститель, мадам. Когда-нибудь, быть может, г-н Корсон поймет, что это было безосновательное оскорбление с его стороны, которое я ничем не заслужила и которого никак от него не ожидала.

Однако давайте сменим тему. Если я и заговорила с вами об этом, то лишь для того, чтобы вы знали, что мне это известно, и если это задело меня за живое, то удар все же был смягчен тем, что я знала о нем заранее и была к нему готова; именно так все и должно было произойти. Что же до меня, то оно не изменило меня ни на йоту, и я испытываю к вам те же чувства, что и в тот момент, когда мы расстались на станции.

Обо мне печатают всякие мерзости, пытаются выставить меня сообщницей Эдди* или даже Олькотта. Обнаружив, что не удастся выставить меня авантюристкой, присваивающей чужие имена, титулы, родственников и положение в российском обществе, делают крутой разворот и атакуют мою репутацию, мою честь низкими, подлыми инсинуациями, ибо я не даю возможности кому бы то ни было опубликовать ничего, кроме инсинуаций без единого доказательства.

Вот и настал великий момент! Мадам Блаватская, дочь своих родителей, — безнравственная женщина, которая меняла любовников как перчатки. Между тем доктор Блесте рассказывает в Бруклине *по секрету*, что я сожительствовала с папой римским и с Бисмарком; господин Хьюм, этот непорочный медиум, изливает всю свою желчь относительно меня по всей Европе. Более того, меня, которая с прошлого лета работала по восемнадцать часов в сутки, в анонимных письмах, рассылаемых *моим подругам* (каковые письма подруги с негодованием приносят мне, как например, Эмма Хардинг Бриттен), обвиняют в том, что я часто посещаю различные дома свиданий. Эмме Х[ардинг] Б[риттен] предлагают провести ее по этим местам и представить ей доказательства того, что я была там в тот день и час, *которые она провела вместе со мною!*

Какое счастье, что у меня здесь есть настоящие подруги и истинные друзья. Сестра Олькотта, пожилая дама, мать шестерых детей, которую все знают и уважают, так крепко со мною подружилась, что приезжает сюда из Оринджа по два-три раза в неделю. Эмма Х[ардинг] Бриттен, г-жа Джадж Миллер и г-жа Уэстбрук, которых все тут знают, будучи моими надежными друзьями, готовы свидетельствовать в суде, что не было еще женщины, которую бы так чернили, на которую бы так низко клеветали, которую бы так подло предавали, как меня. Каждое утро я получаю ворох писем, исполненных сочувствия и уважения, и я горжусь ими, мадам.

Если бы вы были всего лишь глупой спиритуалисткой, дорогая мадам Корсон, я бы не стала себя утруждать, описывая вам все это, но, поскольку вы — одна из самых добродетельных и уважаемых женщин, которых я знаю (*ангел*, как вас постоянно именует Моначези), то я жду, что настанет день — день торжества справедливости, когда вы сможете сказать себе, что вы проявили хоть немного дружеского расположения по отношению к женщине, которая не была совсем уж недостойна вашей дружбы несмотря на то, что курила и даже ругалась.

Истина медленно выходит на свет божий, очень медленно; однако невозможно держать свет под спудом. Каждый клочок моей репутации, каждый ядовитый плевок и укол вроде впрыскиваний доктора Бледе — это дыра, проделанная в занавесе, опущенном над «миром ангелов», над «благодатной страной духов», обитатели коей контролируют медиумов, внушая им идеи *милосердия, любви, веры и справедливости* либо превращая их в сущих дьяволов, которые дышат лишь злобою, ложью, низкой клеветой и всеми семью смертными грехами!

По плодам своим познается древо. Воистину я буду счастлива, если ценою своего доброго имени спасу миллионы людей, которые губят себя, охваченные иллюзией, будто все духи, общающиеся с ними, всего лишь бесплотные создания, ангелы чистоты.

Я готова принести себя в жертву во имя человечества. Я старая женщина, и мне легко доказать свою правоту, если мне предъявляют подобные обвинения сейчас, в Нью-Йорке, где я с утра до вечера на виду у своих друзей; но в чем только не обвиняли меня, когда я была молода и совсем одинока! И обратите внимание: мои самые ярые враги, которые не останавливаются ни перед какой низостью, ни перед какой подлостью, все как на подбор спиритуалисты и *медиумы*.

Нет! Ни Христос, ни апостолы так и не смогли изгнать и никогда не преуспеют в изгнании всех демонов, ибо имя им легион! Христом и апостолами наших дней стали всевозможные медиумы и лекторы — одним словом, спиритуалисты, проповедующие преобразование и громогласно возвещающие о новом Евангелии и о Царстве Божием, где смертные настолько перемешаны с незримыми духами и с бессмертными, что и сами новоявленные Христос с апостолами одержимы семью библейскими демонами.

Кого же они хотят преобразить и во что? Ряды духов неуклонно пополняются, и с каждым днем кругом ощущается все больше ненависти, все больше адской злобы. Медиумы в пылу критики рвут друг друга на куски, словно дикие звери. Хьюм пишет книгу, в которой разоблачает всех медиумов Америки; он ищет и собирает сейчас все брошюры о «разоблачении медиумов». Господин и г-жа Харди яростно поносят г-жу Тэйер и прочих. Холмсы стали еще более великими медиумами, чем когда-либо, и процветают в Филадельфии, видоизменяя свои почерки и подделываясь под покойных бабушек и ангельски невинных жен или дядюшек-военных, а спиритуалисты все это благополучно проглатывают! Д-р Чайлд возобновил публичную продажу своей книги о Джоне Кинге и Кэти Кинг, а у Олькотта скопилось уже 19 писем, написанных *духами* и адресованных ему лично и г-ну Гарднеру, в которых содержатся угрозы прикончить его и Гарднера, если он осмелится прочитать в Бостоне лекцию против элементаров. Однако он прочел уже целых две лекции и пока еще жив!

И зачем эта ненависть, которую ничто не в состоянии утолить, эта постоянная пагубная оголтелая травля, которая уже сама по себе могла бы превратить и преступника, и вора, и *мать шлюх* в мучеников? Все это потому, что наше Общество в настоящий момент состоит из семидесяти девяти членов, причем все они — люди образованные и почти все — скептики, горящие желанием убедиться в великой истине бессмертия, жаждущие взаимной духовной работы по отделению Божественных зерен от плевел, стремящиеся сами убедиться и доказать окружающим, что существует мир развоплощенных духов, состоящий из освобожденных душ, которые трудятся во имя совершенствования и очищения, дабы подняться еще выше и приблизиться к Великому Божественному Источнику — Богу, Великому Принципу, чистому и незримому.

Однако при этом существуют еще и другие окружающие нас невидимые миры, заселенные неприкаянными — и *неразвитыми!* — душами, и *злыми духами, демонами* христианства, и сущностями вообще без всякой души, элементарными принципами материи, не обладающими сознанием, ответственностью, равно как и не имеющими доступа к свету, ибо они еще не имеют бессмертной души.

Полагают, что все это просто выдуманно мною, в то время как на эту тему за четыре с лишним тысячи лет были написаны горы книг.

Если меня сегодня убьют, то камни возопиют, возвещая истину вслед за мною. И пусть тогда сокрушат они Теософское Общество.

Да сохранит и благословит вас Господь, да защитит вас Всеблаготворитель и Всеведущий. Этого горячо вам желает та, что подписывается в последний раз.

Ваша преданная

Письмо 16

28 августа 1878 г.
 Нью-Йорк,
 302 Зап. 47-я стрит

Мадам К.Р.Корсон

Дорогая мадам Корсон!

Вы были правы, когда послушались доброго совета, побудившего вас взяться за перо, чтобы написать мне. Поскольку у меня всегда было больше врагов, чем друзей, ваше молчание, внезапное и без видимых причин, меня не удивило, хотя и по-настоящему огорчило.

Но не будем больше об этом; у вас были свои основания, и этого достаточно. Напротив, я рада узнать причину подобной размолвки, столь неожиданной для меня, ибо я связывала ее с совсем иной причиной. Подобно кошке, которая всегда испытывает чувство вины, украв кусок мяса, я думала, что вы в Филадельфии от кого-то узнали о мистификации, коей мы забавлялись в течение трех месяцев. Я имею в виду брак, заключенный по совету «духов» между мною и этим глупым бедолагой, который младше меня на двадцать лет. Чтобы посмеяться над спиритуалистами и особенно над духами моей бывшей подруги, г-жи Луизы Эндрюс, которая с тех пор как я дала ей знать о своем намерении, принялась писать мне письма, исполненные зависти, я *по секрету* сообщила эту новость многим своим друзьям, заставив их поверить в то, что все уже *consummatum est** и что я вышла замуж.

Это было глупо с моей стороны, и я потом частенько раскаивалась, ибо злые языки получили таким образом повод для сплетен, тем более что стоило мне расстаться с вами, уехав из Итаки, как этот господин открыто женился на некоей девице Аллен. Надеюсь, вы не думаете, что я слишком много лгала вам, находясь вдали от вас? Помню, что, едва вернувшись в Нью-Йорк, я собиралась написать вам, что это была всего лишь дурная шутка, но вы не оставили мне времени на подобный шаг.

Прошу вас, дорогая мадам Корсон, не говорите об этом больше никому. Все уже успели об этом позабыть, и мне решительно стыдно за то, что я ввязалась в подобную комедию, которая, согласно законам Нью-Йорка и Филадельфии, могла бы обернуться для меня плачевными результатами, ибо многие приняли ее совершенно всерьез.

Посылаю вам письмо для г-на Аксакова, о котором вы меня просили; напишу ему отсюда еще одно. Сделаю все, что в моих силах, однако, учитывая состояние русских финансов на данный момент, после этой войны*, и карманов, которые поневоле были опустошены, боюсь, что время выбрано неудачно. Хотя кто знает? Быть может, вам в конце концов и повезет. Напишите г-ну Аксакову обо всем, о чем писали мне; он всех знает и, возможно, подыщет для вас хорошее место. Я ему нарочно напишу на *теософском* официальном бланке, ибо тогда он как член нашего Общества сочтет себя обязанным сделать все, что сможет. Это один из законов нашего Общества — помогать друг другу и трудиться по принципу «один за всех — все за одного».

Наше Общество выросло, милая сударыня, и из уродливого, всеми освистываемого ребенка превратилось в исполина, в организацию, в рядах которой состоят тысячи членов и которая недавно примкнула к самому крупному эзотерическому братству Индии — обществу Арья Самадж*. В нашей организации теперь несколько тысяч индусов, а наш главный руководитель — свами (святой), чудотворец, Даянанда Сарасвати*, крупнейший *ученый* Индии, самый выдающийся оратор, который буквально завораживает всех, кто приходит послушать его проповеди. Он приказывает нам приехать в Индию. В Индии насчитывается уже два миллиона членов Арья Самадж, и каждый день вступают новые. Наше Общество, цель которого — создание общечеловеческого братства, не только изучает психологию и

окультизм, но является еще и реформаторским. Мы решительно боремся против *идолопоклонства* всех видов и мастей, будь то в язычестве или в христианстве, ибо посудите сами, милый друг: вы же не станете отрицать, что святые православной и католической церквей — точно такие же идолы, как и боги индуистского пантеона?

Арья Самадж — реформаторское общество, и газеты называют нашего руководителя «индийским Лютером». И бьюсь об заклад, что «ребенок племянницы сестры моей жены» дорого бы дал за то, чтобы своими глазами увидеть те чудесные феномены, которые творят наши индусские братья благодаря собственной силе воли, не взваливая заботу об этих «чудесах» ни на «духов», ни на благого Бога, ибо наша философия отрицает всякое «чудо» и не верит ни во что *сверхъестественное*.

Вы читали или хотя бы видели мою книгу? Хотела выслать вам экземпляр, когда в прошлом октябре вышло первое издание, да побоялась, что вы мне его вернете обратно. Первое издание (тысяча экземпляров) разошлось за девять дней, два последующих тоже давно распроданы. Мой издатель, Боутон, в октябре выпустит уже четвертое издание. Английская пресса расхвалила ее даже сильнее, чем американские критики, и только газета «Sun» разнесла ее в пух и в прах. Не успев прочитать, уже разругали. Самый лестный отзыв поместили в «Herald». В конце концов, мне наплевать! Я уезжаю в Индию, и «да здравствуют язычники-индусы»!

Может статься, мы больше никогда не увидимся, но вы должны знать, что чувство дружеской привязанности к вам и мое уважение к мадам К.Р.Корсон никогда не ослабнут. Если ваше «дитя племянницы сестры жены» на меня больше не сердится (??), скажите ему, что я его обнимаю и целую. Если же нет, если до сих пор сердится, то скажите, что не обнимаю и не целую, но что всегда буду его любить.

Жаль, не знала, что ваш сын был в Вене. Там с весны находились две мои тетушки — генеральши Витте и Фадеева, моя сестра и две моих кузины. Сейчас они отправились в Карлсбад.

Ваш сын нашел бы в их лице приятное общество, они говорят по-английски и по-французски.

А теперь прощайте, дорогая мадам Корсон. Моим самым искренним желанием было бы видеть вас довольной и счастливой, ибо вы этого по-настоящему заслуживаете.

Всем сердцем ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 17

28 августа 1878 г.
Нью-Йорк,
Зап. 47-я стрит, 302

**Господину Александру Аксакову,
Санкт-Петербург, Невский проспект, 6**

Позвольте представить вам мадам К.Корсон, супругу г-на Хирама Корсона, профессора Корнеллского университета в Итаке, штат Нью-Йорк, Америка (оба они в данный момент находятся в Гейдельберге), которой, согласно ее желанию, я посылаю это письмо с тем, чтобы она распорядилась им, как ей будет угодно.

Помимо чести, которую оказывает мне мадам Корсон, включая меня в число своих друзей, она, согласно единодушному признанию всех, кто ее знает, является дамой, чья фундаментальная, блестящая образованность, великодушие и безупречные качества обеспечивают ей любовь и уважение всех, кто с нею близко общается.

Вы, быть может, вспомните, что более трех лет назад я посылала вам множество писем из

Итаки, именно из дома г-на и г-жи Корсон. В течение нескольких недель они принимали меня у себя со всею искренностью, сердечностью и радушием, которые мне трудно забыть, тем более что моя *неугасимая* папироска и мои манеры прусского гренадера, приехавшего на побывку, оставляют мне чрезвычайно мало надежды часто пользоваться подобной добротой.

Госпожа Корсон сама вам объяснит, чего она желает, и сделает это гораздо лучше меня. Моя же роль сводится к тому, чтобы по возможности настоятельно рекомендовать вам эту женщину. Я рада воспользоваться случаем оказать ей сию ничтожнейшую услугу хотя бы для того, чтобы лишний раз доказать, что неблагодарность не входит в число моих пороков, которыми меня столь щедро и с таким редкостным великодушием изукрасило общественное и общехристианское милосердие.

Засим, дорогой г-н Аксаков, примите уверения в совершеннейшем и искреннейшем к вам почтении от вашей корреспондентки

Е.П.Блаватской,

которая просит вас вспомнить, что вот уже почти четыре месяца не получала от вас ни слова.

ПИСЬМА Н.А.ФАДЕЕВОЙ (1877-1880)

Письмо 1*

19... [1877 г.]
Нью-Йорк

Друг души моей, Надюшенька!

Не удивляйтесь тому, что я пишу вам не на почтовой бумаге. Это потому, что мне совершенно необходимо срочно и со всею серьезностью поговорить с вами, необходимо с того самого дня, когда я получила ваше письмо (да ниспошлют вам за него счастье силы небесные). Я все думала, размышляла и наконец решилась изложить вам в письме всю правду как она есть. Я раскрою перед вами все свое существо: душу, сердце, рассудок — и будь что будет. Если вы меня поймете, значит, слава Богу, судьба ко мне милостива; если же не поймете, рассердитесь — это глубоко расстроит и опечалит меня.

В мире ином, в будущей жизни, *где мы непременно встретимся*, все станет ясно: кто был прав, кто ошибался; но пока мы обе искренни и повинuemся голосу разума и не обманываем никого из страха или малодушия, как бы сами ни обманывались в своих расчетах, надеждах, убеждениях, мы тем не менее остаемся честными людьми. Если бы вы были г-жой Ган* или этой глупой Романовой, я бы никогда не стала рассказывать вам о таких вещах. Но вы и сами знаете, что вы необыкновенно умны и в действительности обладаете гораздо большей ученостью, чем я, ибо ваша ученость целиком вытекает из вашего ума, вашего понимания, моя же — лишь наследственная. Я всего лишь отражение какого-то неизвестного яркого света. Но как бы то ни было, этот свет постепенно стал частью меня, проник в меня, так сказать, пронизал меня насквозь; поэтому я не могу удержаться и не пропустить все эти идеи в свое сознание, в глубины моей души; я могу заблуждаться, но действую всегда искренне.

Сей пространный пролог вызван тем, что вы и ваш дядюшка по доброте душевной и повинуюсь родственным чувствам, желаете получить два экземпляра моей книги*. Первый том, «Против точных наук», вас непременно весьма заинтересует. Но я боюсь за второй том, «Против теологии и за *религию*». Я знаю, как искренни вы и благочестивы, как чиста и ясна ваша вера, и мне остается лишь надеяться на то, что вы поймете: мои книги *не против религии*, не против Христа, но против трусливого лицемерия тех, кто мучает, сжигает на кострах, убивает во имя Всемогущего Сына Божиего уже с самого первого момента после того, как он умер на кресте за все человечество, за грешников, особенно за падших, за язычников, за падших женщин и заблудших, — и все это творится во имя Его! Где же Истина? Где ее найти? Среди трех основных так называемых христианских церквей — в Англии, Германии и других протестантских странах — существует 232 секты, в Америке их 176; каждая из них притязает на то, чтобы ее почитали, желает, чтобы ее собственные догматы люди признавали верными, а догматы других сект — неправильными.

«Где истина — что есть истина?» — вопрошал Христа Пилат, и это еще 1877 лет назад. Где же она? Я, бедная грешница, также вопрошала, но так нигде и не смогла найти ответа. Кругом сплошь обман, вероломство, жестокость — и наследие иудейской Библии, которая тяжким бременем лежит на плечах христиан и при помощи которой половина христианского мира задушила даже учение самого Христа.

Поймите меня правильно: это не относится к нашему православию. В книге о нем не упоминается. Я раз и навсегда отказалась его анализировать, ибо хочу сохранить хоть один укромный уголок в своем сердце, куда не прокралось бы сомнение, — чувство, которое я изо всех сил гоню от себя прочь. Простой народ искренен в своей вере; она может быть слепой, неразумной, но эта вера ведет народ к добру. И хотя наши попы нередко пьяницы и воры, а подчас и просто идиоты, их вера все же чиста и может вести лишь ко благу. Учитель это признает и говорит, что единственный народ в мире, чья религия не умозрительна, — это православные. Что же касается наших привилегированных классов, то пусть они катятся ко всем чертям. Они такие же лицемеры, как и везде. Они не верят ни в бога, ни в черта, преисполнившись нигилистических идей и сводя все сущее к одной лишь материи. Речь не о них, а о мировых религиях. Так в чем же суть всякой религии? «Возлюби ближнего своего, как самого себя, а Господа превыше всего».

Разве не эти слова говорил Иисус? Разве Он оставил хоть одну-единственную догму, разве Он учил хотя бы одному из многих тысяч символов веры, которые впоследствии придумали отцы церкви? Ни одному. Умирая на кресте, Он молился за врагов Своих, а во имя Его, точно так же как и во имя Молоха, пятьдесят-шестьдесят миллионов людей заживо сожгли на кострах. Христос выступал против саббата — иудейской субботы, а здесь, в Америке, несоблюдение саббата, именуемого субботним днем, карается штрафами и тюремным заключением. Пусть субботний день поменяли на воскресный (день Воскресения) — ну и что? «Сатурн» заменили на «Солнце», *Dies Solis* — день Солнца и Юпитера*.

По крайней мере, у нас, русских, слово «воскресенье» служит напоминанием о дне Воскресения Христова, а у этих язычников, протестантов и католиков, это всего лишь «день Солнца» (*Sun-day*). У Св. Павла ясно сказано, что каждый волен поступать по-своему: для одного человека это день, приносящий удовольствие, для другого — нечто иное. Св. Юстиниан-мученик категорически против соблюдения воскресного дня, потому что этот день язычники посвящали Юпитеру, а здесь за несоблюдение воскресенья людей сажают в тюрьму. Если мы веруем в Новый Завет, то в Ветхий Завет верить невозможно. Иисус и Ветхий Завет со всеми этими древними книгами полностью противоречат друг другу. В Нагорной проповеди Христа (см. Евангелие от Марка) изложено учение, диаметрально противоположное десяти заповедям, данным на Синае. На горе Синай, как написано в книге Моисея, было сказано: «Зуб за зуб» и т. п., а также: «Но я говорю вам...» и т. д.

Разве это не бунт против древних обычаев синагоги? Против меня могут ополчиться все церкви, меня может проклясть *все человечество*, но *Бог*, великий незримый Бог видит, почему я восстаю против учения церкви. Я никогда не поверю, что кристально чистой душой Христос как земная личность был сыном еврейского Иеговы — этого злобного, жестокого Иеговы, который нарочно возбуждает безжалостность в сердце фараона, за что впоследствии на него же и обрушивается удар; Иеговы, который искушает еврейский народ, искушает его сам, а затем из-за облаков швыряет в него камнями, подобно какому-нибудь испанскому разбойнику; Иеговы, который материализуется в расщелине скалы. Христа бы не распяли, если бы Он верил в Иегову. Разве Иисус хоть когда-нибудь, хотя бы один раз произнес это имя? Иегова — всего лишь национальный бог евреев, и они бы никогда не допустили, чтобы он стал богом какого-нибудь другого народа, кроме народа избранного. Они — чудесный, избранный народ! Иегова же — просто Бахус, Вакх, что доказать так же легко, как дважды два — четыре. Вакха

знали и под другими именами: Саваоф, Эль; Вахх — это Дионис, Дио-Нис, бог горы Ниса, то есть горы Синай, ибо египтяне называли Синай Низиэлем. А что мы находим на этот счет в Библии?

«И устроил Моисей жертвенник и нарек ему имя: Иегова Нисси» (см. *Исход* из Египта — Исх., 17:15). Мы обнаруживаем, что все имена Иеговы принадлежат языческим богам, — все, в том числе и последнее. Соломон и понятия не имел об Иегове, а Давид позаимствовал его у финикийцев. Яго был одним из четырех кабиров — тайных богов, игравших особую роль во всех таинствах. Еврейский народ — это всего лишь легенда. До второго века до нашей эры никакого еврейского народа не существовало, и все эти книги представляют собой апокрифы. Где исторические документы, подтверждающие подлинность этих книг? Какая из них является первой из известных еврейских священных книг? Септуагинта*.

Ее по приказу царя Птолемея переводило семьдесят переводчиков; кто об этом упоминает? Только историк Иосиф*, который защищает и поддерживает евреев как только может и который сам по себе большой лжец. Почему эта история с семьюдесятью переводчиками не упоминается ни в одной книге — ни у древнегреческих авторов, ни в каких документах или архивах? Кто лучше древних греков и римлян мог бы свидетельствовать о деяниях Птолемея? Если объединить усилия богословов всего мира, то и тогда бы не удалось найти ни в одной книге, ни в одной летописи ни единого слова о «евреях как о народе». Разве известен хоть один автор, говоривший о таком народе? Возьмем, к примеру, Геродота* — писателя, славившегося своей точностью, путешественника, историка, каждое слово, каждое свидетельство которого сейчас подтверждается данными археологии, палеографии, философии и всех прочих наук. Он родился в 484 году до Р. Х., путешествовал по Ассирии и Вавилонскому царству в эпоху правления персидского царя Кира.

Прошло лишь полвека с тех пор, как пророк Даниил* превратил царя Навуходоносора в быка; целых семь лет этот царь мычал, как и подобает быку; 42 тысячи евреев под водительством Зоровавеля вернулись в Иерусалим (538 г. до Р. Х.) из изгнания, дабы построить храм. Геродот прожил в тех краях несколько лет. Так почему же он, столь подробно, порою с избытком утомительных деталей (см. книгу VI:98) описавший правление Навуходоносора после взятия последним Иерусалима*, описавший правление Кира, Дария и Артаксеркса* — почему же он нигде не упоминает о столь массовом переселении евреев, о пророках, вообще хоть об одном каком бы то ни было еврее? Есть несколько строчек о том, что проживающие в Палестине сирийцы переняли у египтян обычай обрезания — и больше ничего. Мыслимо ли это? Разве событие, подобное превращению царя в быка, учиненному верховным магом (Даниилом), не было бы описано у историков хотя бы в качестве легенды?

Если хронология Библии, установленная нашими учеными, верна, то как можно примириться с тем, что пророк Иезекииль несколько раз говорит о Данииле как о древнем мудреце, хотя Даниил к тому времени еще не родился?

Если иудеи были народом, которым правили Соломон, Давид, Саул и им подобные, то почему нигде в мире не обнаружено ни одной монеты с надписью на древнееврейском языке, то есть древнееврейской монеты, хотя уже найдены несколько самаритянских монет? Разве могли бы евреи, ненавидевшие самаритян, пойти на то, чтобы пользоваться монетами своих врагов и не чеканить собственных? Снова и снова ученые находят монеты тысячелетней давности; были вскрыты гробницы тех, кто жил задолго до Моисея, и найдены некоторые косвенные признаки, подтверждающие существование этих народов. Однако о еврейском народе нет никаких сведений. Ни гробниц, ни монет — ничего. Они будто испарились, улетучились магическим путем. Остаются только священные книги (а их Бога евреи сами же и убили), каковым человечество обязано слепо верить.

Ведь от такого события, как исход из Египта около трех миллионов людей (если сравнить это с тем, что за 150 лет до этого Иаков увел туда всего семьдесят человек, это означает, что размножились они быстрее копченой селедки, — подумайте об этом, опираясь на законы статистики!), наверняка должен был бы остаться хоть какой-то след, хоть какое-то упоминание на надгробных памятниках, гробницах или в каких-то древних рукописях. Но нет ничего — мертвая тишина! Ни единого намека, ни малейшего подтверждения! Немыслимо! А что касается священных писаний — где исторические документы, подтверждающие существование оных за 200 или 150 лет до Р. Х.?

Древнееврейский язык, то есть универсальный язык, именуемый ивритом, никогда не существовал. Это язык без единого исконного корня, язык, составленный из греческих, арабских и халдейских элементов. Я сумела это доказать профессору Роусону из Йельского колледжа. Возьмите какое угодно древнееврейское слово, и я вам докажу, что его корень — арабский, древнегреческий или халдейский. Иврит сродни пестрому костюму арлекина, сши-

тому из разноцветных лоскутков. Все библейские имена образованы на базе чужеземных заимствований; их структура прозрачна, и легко установить что к чему. Древнееврейский язык — это, по сути, арабско-эфиопский диалект с примесью халдейских элементов; халдейский же язык, в свою очередь, происходит от санскрита*. Теперь уже доказано, что в Вавилонии некогда жили брахманы и имелась школа санскрита. Аккадцы, как считают наши ассириологи (согласно Роулинсону), по-видимому, пришли из Армении и обучили магов языку жрецов, то есть разновидности языка посвященных; они были теми самыми ариями*, от которых ведет свое происхождение и наш славянский язык.

Вот пример (прошу извинить за отступление) из Ригведы*:

Dyaurvah pita prithvi mata somo bhrataditih svasa.

Гимн Марутам из мандалы I (1,191:6)*

Вот перевод этого отрывка:

Небо — ваш отец, земля — мать,

Сома — брат, Адити — сестра.

Вот почему нелепо, смешно требовать веры в то, что древнееврейские рукописи — это древние откровения, то есть Слово Божие.

Бог никогда не стал бы ни писать, ни диктовать ничего такого, что дало бы повод земле, которую Он создал, человечеству, науке и т. д. в один голос обвинять Его во лжи. Верить *абсолютно* в еврейские писания и в то же время веровать в Небесного Отца Иисуса — это абсурд, и даже хуже — святотатство.

Если бы Отцу Неба и Земли, Отцу всей бескрайней Вселенной пришлось что-то писать, он бы никогда не создал таких условий, которые заставили бы человечество обвинять Его в противоречиях, которым несть числа. Общество по «исправлению» Библии действительно выявило 64 900 ошибок, но после того как ошибки исправили, обнаружилось еще столько же несоответствий. Всему этому виной иудейская масора.

Да, самые ученые раввины утратили ключ к своим книгам и не знают, как их исправлять. Хорошо известно, что евреи из Тиверии* постоянно вносили исправления в свою Библию; они изменяли в ней слова и числа, заимствуя их у отцов христианской церкви, или, стремясь нанести поражение противной стороне, при любой дискуссии обвиняли их в дурной привычке фальсифицировать тексты и хронологию. Так и получилась вся эта путаница. Ибо мы не имеем никаких рукописей Ветхого Завета древнее десятого века.

Бодлианский кодекс считается древнейшим. А кто поручится за его точность? Тишендорф* в своей истории утверждает (и он заставил поверить ему всю Европу), что он обнаружил на Синае так называемый Синайский кодекс. Но на самом деле двое других ученых (один из них — наш теософ), несколько лет проживших в Палестине, готовы доказать, что подобного кодекса в библиотеках никогда не было. Они вели исследования в течение двух лет, посетили тайные места вместе с одним монахом, который прожил в этой стране 60 лет и был знаком с Тишендорфом. И монах клялся, что за все эти годы он изучил каждую рукопись, каждую книгу и никогда не слышал о подобном своде рукописей. Ясно, что этот монах должен был исчезнуть, а что касается Тишендорфа, то русское правительство всего-навсего впало в заблуждение из-за фальшивки. Из 260 списков Ветхого и Нового Заветов — на древнееврейском, древнегреческом и других языках — не найдется и двух одинаковых вариантов. Стоит ли удивляться?

В течение столетий писания Моисеевы тоже были утрачены. Иезекииль неожиданно вновь находит их в 600 году до н.э. Храм Соломона разрушают, а его народ изгоняют (2 Цар., 23)... и опять эти книги исчезают. В 425 году до Р. Х. Ездра записывает их по памяти (40 книг) за 40 дней — и вновь они пропадают; Антиох Епифан сжигает их в 150 году — и в очередной раз их

чудом находят. Все это лишь легенда, это не является историческим фактом. И вот приходит время пресловутой масоры.

Масореты превращают Иегову в Адониса, то есть в Адонаи; с таким же успехом его можно было бы сделать каким-нибудь Иваном Петровичем. И в то же время каббала, а также Онкелос — самый знаменитый раввин Вавилона, учат, что Иегова — не Бог, а Немро — термин, означающий Логос («слово»). Проанализируйте слово *Йодхевау*, и вы получите Адама и Еву, потому что Иегова — это первый (не второй) Адам, венец творения, не земной Адам, а первый муже-женский Элохим (*bara*). Был создан человек, то есть Адам Кадмон*, фантастический, двуполоый, чье имя образовано из буквы *йод* и трех букв имени Евы.

Иегова — олицетворение грешного человечества, однако довольно этих еврейских сказок!

Видите ли, моя дорогая, я боюсь, что из-за всего этого вы меня отвергнете; Господи, убереги меня от этого, но я не могу изменить факты. Я верую по-своему, я твердо верю, как я вам уже писала, в то, что с начала процесса творения (то есть не творения, а последовательного развертывания эволюции мира согласно его духовному аспекту) воплощение Бога в человека повторяется каждые несколько тысячелетий или столетий. Избранный человек становится храмом Божиим, в нем проявляется чистый и святой Дух, объединяясь с душой и телом, и таким образом на земле вновь появляется Троица. У брахманов тоже имеется свой Хришна, или Кришна, то есть та же Троица — Тримурти*. Если бы первые христиане не верили в эти периодические воплощения, то как бы они могли гарантировать себе безопасность на случай прихода Антихриста и второго пришествия Христа?

Я верую в незримого и всеобщего Бога, в абстрактный Дух Божий, а не в антропоморфное божество. Я верю в бессмертие Божественного Духа каждого человека, но не верю в *бессмертие каждого человека*, ибо верю в справедливость Бога. Каждый должен взять Царство Божие силой, то есть через благие труды и чистую жизнь, но поверить в то, что любой негодяй, любой атеист, любой убийца благодаря одному лишь тому факту, что он воскликнет в момент наивысшего напряжения из чувства страха: «Верую! Верую в то, что Сын Божий умер за меня!», — и сразу станет вровень с человеком добрым и праведным — в это я поверить не могу. Эта догма в том виде, в каком ей учит христианская церковь, является роковой догмой для человечества. Это оскорбление Бога — верить, что мы можем совершать всевозможные ужасы, убийства, вредить нашим ближним и взваливать все это на и без того перегруженные плечи Иисуса Христа.

В результате каждую неделю, когда людей вешают за самые ужасные преступления, протестантские и католические священники уверяют людей, собравшихся перед виселицей преступника, обратившегося к Богу перед смертью, что ему больше нечего бояться. *Тем лучше!* Тот, кто не боится смерти, может красть и убивать от всей души. Это его даже вдохновляет: если бы он не убивал, он не приблизился бы к Богу так торжественно и не попал бы в рай. А как же его жертвы? И это называется Божественной справедливостью? Если бы в тот момент, когда преступник получил прощение, это отпущение грехов вернуло бы жизнь его жертве, его имущество перешло бы сиротам, то есть равновесие между добром и злом было бы полностью восстановлено, тогда еще можно было бы в это поверить. Но что же происходит в действительности?

Представьте себе озеро или море — безбрежное, с зеркальной поверхностью, а под нею — скрытые скалы и рифы, водовороты и прочие необыкновенные вещи; все идет своим чередом, все будто бы на своем месте, все в порядке. Так и человечество: человек рождается, живет и умирает. Жизнь каждой капли в море (каждого человека) во многом зависит от внешних обстоятельств, но прежде всего — от нее самой, ибо благодаря этой метафоре воображение должно допустить свободу воли и индивидуальности каждой капли. И тут на берегу появляюсь я, беру камень и швыряю его в воду! Этот камень производит волнение сообразно своим размерам: одна волна порождает другую, а та в свою очередь — следующую. Один за другим по воде распространяются круги, и движение воды передается атмосфере, ее нижним слоям. От поверхности до самого дна приходят в действие дремлющие силы, и далеко, насколько видит глаз, это движение распространяется от одного атома к другому, продолжается все дальше и дальше от одного слоя к следующему и теряется в бесконечном и безмерном пространстве. Импульс дан, и этот импульс, как хорошо известно врачам, *вечен в своих последствиях*.

Это образная картина любого преступления, любого дурного поступка, равно как и доброго. И что же, стало бы Божество, создавшее раз и навсегда неизменные законы Природы в материальном и духовном мирах, даже если бы и могло, останавливать действие этих законов, прекращая существование того, что однажды уже имело место? Может ли

камень, уже брошенный, вернуться в руку того, кто зашвырнул его в глубины вод? Можно ли остановить движение воды и естественное движение духа, равно как и материи? Преступник может получить прощение от Бога — но как быть с жертвой преступника? И потом, жертва, загубленная в данный момент, — это нечто очень малое по сравнению с теми последствиями, которые выявляются позднее. А бесчисленные жертвы того, *что происходит в результате убийства этой конкретной жертвы?* Человек убит, а значит, и работа, на него возложенная, насильственно прервана. И каждый человек, каким бы незначительным он ни был, является в своей области звеном, которое связано с другим звеном в его сфере; если оно разрушено, все идет не так, как надо, и это затрагивает и другие звенья...

Нет, сударыня, отпущение грехов, включающее уничтожение последствий преступления, для нас, теософов, вовсе не высшая справедливость. Бог — это нечто столь великое, столь непостижимое для нас, земляных червей, что нет смысла тратить время на дискуссии о Божественной Сущности. Ее манифестацией было появление на земле Бога, ставшего человеком: *«Ессе Ното»** — следуйте за Ним, следуйте Его путем. Пока Он жив, просите у Него помощи. В это я верую абсолютно. Не в помощь Великого Бога — что мы в его глазах? — а в помощь *Его Сына*, представляющего все человечество, распинаемого каждый миг на кресте за каждое зло. Он показал нам путь — не в синагогах или храмах, как делали фарисеи, но в Его собственном Храме — в сокровенных глубинах души каждого из нас.

«Разве не знаете, что вы храм Божий?»* — вопрошал Св. Павел. Старайтесь загладить грехи свои добром, не через бесполезное покаяние, но делами, и карающий закон отступит от вас. Seriously старайтесь на протяжении своей брэнной жизни прочно соединиться со своим собственным *личным Богом*, со своим Божественным Духом, тогда ваша душа станет бессмертной, но, если вы разорвете связь с Ним, тогда вы отвернетесь от посланника Господа, от Христа, а значит, и Он отвернется от вас. Ваша душа будет мучиться не в аду с «рогатыми и хвостатыми» кузнецами, на кострах из дубовых и сосновых поленьев, но в том вечном *аду, где плач и скрежет зубовой*. Это значит, что ваша душа (астральный дух), ваше второе эфирное эго, или то, что Св. Павел называет духовным телом (1 Кор., XV: 46), останется лишь полубессмертной, если она не была тесно связана с Духом, и после смерти тела должна будет дезинтегрироваться, распасться на элементы — огонь, воздух, земля и вода, — из частиц которых состоит весь мир и, следовательно, человеческая душа.

Вечно лишь субъективное, все объективное приходит к концу, и, поскольку духовное тело человека, каким бы утонченным оно ни было, тоже имеет форму и цвет, оно не может быть вечным. Вот вам и ад! Ад будет означать муки нашего сознания, наши скитания на земле по тем местам, где мы прямо или косвенно творили зло, и наконец полное исчезновение нашей личности.

Вы правы относительно темных и белых сил. По-другому и не могло быть. Миром движут центростремительные и центробежные силы. Левое и правое, внутреннее и внешнее и т. д. Если бы не было ночи, мы не знали бы дня; если бы не было зла, то не существовало бы и добра. Что же касается всяких там дьяволов как личностей, то есть сущностей, дьявольских по своему происхождению, то их не может быть, ибо тогда у Бога в деле творения чего бы то ни было появились бы соперники.

Дьявол или, точнее, сила противодействия — это тот архимедов рычаг, на котором вертится мир, то есть поле, на котором произрастает добро, ибо злаки лучше растут там, где почва сильнее удобрена. Если бы я не была черт знает кем, к несчастью и великому стыду своему (прошлого не воротишь, можно лишь стереть его из памяти в меру своих сил), если бы я не была в юности так глупа, то мне не удалось бы теперь возвратить семь человек на путь истинный.

Ведь Олькотт, первый из них, еще три года назад не верил ни в Бога ни в черта, был лихим весельчаком, пьянствовал в разных клубах, имел любовниц; теперь же он чист и непорочен, он даже боится встречаться со мною взглядом. Он убежден, что я в состоянии прочесть самые сокровенные его мысли; он хуже трехлетнего ребенка. То же самое творилось с такими джентльменами, как Гидзе, и Кобб, и Харли, и Марбл, а в Лондоне — с профессором Стейнтоном Моузесом. Последний дважды являлся нам в виде призрака, астрального двойника; в трех случаях из пяти эксперимент провалился. Я попытаюсь явиться вам в таком же виде, но вы должны тщательно прочитать, чтобы вы в этот момент находились у себя в кабинете одни или вдвоем с тетушкой, потому что, если рядом вдруг закричат дети, это может убить мое физическое тело, в которое я не успею вернуться достаточно быстро.

Вы правильно догадались. Я сейчас пишу о Стороженко и доказываю возможность существования вампиров. Вся книга* полна подобных историй, и я показываю, как все было и почему. Я опасаясь лишь за две-три главы во второй части, где я нападаю на католиков и

протестантов, их ныне здравствующих и покойных святых и принимаю сторону философов, брахманов и древних буддистов. Что же касается русской церкви, то о ней я вообще не упоминаю.

И тем не менее пропустят ли книгу на таможне? Как бы мне ее вам переслать? Что до денег и пересылки, пусть это вас меньше всего волнует, лишь бы ее не конфисковали. Но вдруг вы ее теперь вообще не захотите? Я так боюсь вас расстроить, Надежда Андреевна, ведь я очень люблю и вас лично, и вообще вас всех, однако же я написала вам всю правду. Простите меня за многословие.

Да благословит Всевышний вас всех.

Елена

Письмо 2*

3 июля [1877 г. ?]

Ну вот, дорогая моя Наденька, я получила ваше письмо. Вскоре после того как я его прочитала, им завладел Кришнаварма, который две недели назад прибыл в экипаже из Мултана (Пенджаб) и сейчас живет у нас. Черт знает каким образом, но он перевел мне на английский язык все написанные вами по-русски абзацы, посвященные вашим сомнениям и страхам по поводу предполагаемого отрицания мною Христа, и настоятельно просил отдать ему это письмо. Он сказал Олькотту: «Если бы среди европейских членов Общества нам удалось найти хотя бы дюжину людей с таким характером, с такой непоколебимой верой, с такими нерушимыми принципами, то мир был бы спасен». Не верите? Как хотите, но он произнес именно эти слова и переправил ваше письмо Свами Даянанде. Не сердитесь на меня, он уважает вас за ваши принципы, и я не могла ему отказать в его просьбе. Но запомните следующее: у Арья Самадж *нет никаких религиозных догм или правил*.

Обязательным пунктом веры, как я вам однажды уже писала, является вера в Единого Бога — Единого в трех лицах (как веруете вы) или в триллионах квинтильонов, то есть в каждой пылинке, в каждом атоме по отдельности, и в то же время *Единого Целого* (как веруем мы) — не имеет значения. Каждый волен веровать по-своему. Остается один факт: существует Единое, Всемогущее, Несотворенное и Вечное Божество, проявляющееся в каждый миг во всех Своих творениях — от пылинки до человека. Ни ваша, ни наша вера не могут изменить этого факта ни на йоту. И поскольку это так, Он был и пребудет во веки веков. И то, что Джон представляет Его стариком, Петр — юношей, вы — Троицей, а я — бесчисленным множеством существ и сущностей, это не грех против Него, при условии, что мы верим в Его Существование, а следовательно, материалисты не могут быть допущены в наше Общество — это уж *точно*.

И как в Природе не бывает ни двух совершенно идентичных листочков, ни двух, даже среди близнецов, абсолютно похожих людей, точно так же не найдется и двух людей, чья вера была бы *в буквальном смысле слова* совершенно одинаковой. Вера и вызываемые ею образы зависят от физиологического устройства мозга. Тетушка, вероятно, такая же добрая христианка, как и вы сами, однако, если бы вы попытались проникнуть в глубины ее сознания, вам бы открылось, что в сокровеннейших мелочах, деталях, ее вера очень сильно отличается от вашей. То, во что и как люди веруют, зависит не от них самих, а от того, как они устроены. Так давайте же проявлять справедливость по отношению к любой личности. Каждый человек верует по-своему. Это проявляется так же, как и во вкусах: один обожает помидоры, а другого от них просто тошнит; одному по душе красный цвет, а другому он глаза режет.

Различия в религиозных догмах создавались не святыми, а простыми смертными, погрязшими во всевозможных грехах; различные непохожие друг на друга, многообразные религиозные представления разделяют человечество на враждебные племена, народы и расы.

Если бы не существовало догм, то не было бы ни протестантов, ни католиков, ни

буддистов, ни брахманистов и т. д. и т. п. Все верили бы в Единого Бога, Господа, Творца всего сущего; все считали бы друг друга братьями, детьми одного Отца. Людям было бы просто стыдно перед своими братьями истреблять друг друга в войнах, терзать и мучить друг друга подобно дикому зверью и превращать жизнь своих ближних *в ад*.

Никогда не забуду один особенный день, точнее, вечер в Одессе, когда мы ужинали у вас дома. Тетушка вступила со мною в спор по поводу религии и стала решительно утверждать, что ни один иудей или идолопоклонник не способен войти в Царство Небесное и никогда туда не попадет. С того самого момента я стала с грустью задумываться над этими словами. «Если даже тетюшка, — размышляла я, — такая добрая, благородная, справедливая женщина, настолько ослеплена христианскими догмами, что в состоянии верить в такую ужасную, кошмарную несправедливость Бога, то что же говорить о других христианах, многие из которых и тетюшкиного мизинца не стоят?» До этого момента во мне еще оставалось что-то от христианской веры. Спустя несколько месяцев я, если и не дошла до полного атеизма, то стала просто теисткой*. Затем последовала поездка в Америку, в Сангус, что возле лесов Бостокас. Но сейчас мне хотелось бы поговорить не о себе.

Не имея догм, не требуя от наших членов веровать в одно, а не в другое, мы в равной мере уважаем и индусов, и христиан — это второй важный момент. Исключение составляют католики. Не потому, что среди католиков меньше хороших людей, нежели в других конфессиях, а по причине низкого, иезуитского, двуличного поведения их духовенства — тех, кто вынуждает людей во время исповеди рассказывать о многом таком, что не имеет ни малейшего отношения к религии. Короче говоря, католикам к нам путь заказан. Это связано еще и с тем, что католическая Мадонна в платье с кринолином и с зонтиком в руках гораздо больше напоминает идола, чем Кали — супруга Шивы*, а мы решительно против всяческого идолопоклонства. Хотя в действительности на заре брахманизма* верили в Единого Бога — Вишну*, которого люди представляли себе не в *трех лицах*, а в тысячах обликов, образов и форм; формы же эти были изначально лишь символами его бесчисленных качеств, но со временем в народных представлениях они трансформировались в отдельные сущности, из абстракций превратились в нечто конкретное и осязаемое, в индивидуальные божества.

Все это — азбучные истины Вед*. Это известно любому индологу, любому филологу, читающему на санскрите. Священники-брахманы использовали это для порабощения и эксплуатации темных, невежественных и суеверных народных масс, так же как католическое и прочее духовенство.

Что же до уникальности этического учения Христа, то как мы можем в нее поверить, находя *те же самые слова* в «*praepceptes morales*»* Кришны, Гаутамы Будды и других Учителей, живших за тысячи лет до начала христианской эры? Вся суть буддизма можно найти в *Ведах* древних ариев. Священнослужители исказили смысл Вед, и Гаутама Будда стал разъяснять людям подлинную сущность этих книг, сокровенное значение мертвых текстов. Потом и буддийское духовенство стало превратно толковать его учение, в своем искреннем и глупом рвении все дальше отходя от истины.

Веруя в истины древних Вед, проникнутых понятием Единого Бога и бессмертия Духа, мы веруем (за исключением нескольких догматов — позднейших вставок, сделанных грешными людьми с помощью разных бестий вроде святого (?!) Константина) в то же, что и вы.

«Не делай другому того, чего не хотел бы испытать по отношению к самому себе», — так говорили Конфуций, Будда и Кришна.

«Я люблю ближнего своего, как самого себя, а Бога — превыше всего на свете», — и это тоже их слова.

«Если слепой ведет слепого, оба упадут в яму», — написано в «Пракхье», «Айтарея-брахмане»* и Ригведе. Если верить Максиму Мюллеру и д-ру Хаугу*, который был одним из самых образованных санскритологов наших дней, эти книги уже существовали если не двадцать тысяч лет тому назад, как утверждают брахманы, то, по меньшей мере, за две тысячи лет до Христа.

Не существует ни одного высказывания Христа, которого нельзя было бы найти в Ведах или у Кришны в «Махабхарате»*.

Вы веруете в Троицу, а мы — в Тримурти (на санскрите это буквально означает *три лица*). Но вы веруете в Троицу, учрежденную церковью: в Бога-Отца, Бога-Сына и Бога Святого Духа в антропоморфном смысле, что подразумевает три индивидуальности в Одной. В том же смысле брахманы верят в Тримурти, куда входят Брахма, Вишну и Шива — Создатель, Охранитель и Разрушитель.

Мы же, последователи чистой, монотеистической* религии и философии древних ариев, веруем в Троицу в ее научном, философском и Божественном смысле. Мы веруем и понимаем ее следующим образом: Бог-Отец — это Вселенская Душа, творческая сила, создавшая и продолжающая создавать все сущее во всех мирах; Бог-Сын — это мир, пронизывающий все творение, то есть *Дух во плоти*, чистая и видимая манифестация незримой созидательной силы...

[...]*

...как и вы сами. Ибо сказано в Евангелии: «В доме Отца Моего обителей много»* — работы хватит на всех. Христиане могут бороться против материализма и атеизма, а нехристиане — против католицизма и протестантизма; важно лишь то, что, каким бы именем Его ни называли, Он — все тот же неизменный Бог, а все люди — братья.

И лишь глупец Витгенштейн почувствовал себя оскорбленным тем, что бедняга Леймари (из «*Revue Spirite*») обратился к нему в письме со словами «*Mon cher frere en croyance*»⁴⁵. Вот как Витгенштейн на это отреагировал: «*L'animal! un peu peu plus et il me tutoyerait!!!*»⁴⁶ И это теософ? Он тоже христианин; видимо, он верует в Христа, однако питает сильнейшую неприязнь к духовенству всех мастей.

Нет, дорогая моя, мы не дадим вам выйти из нашего Общества: вы — наш «*membre honoraire*»⁴⁷, и неужели сами вы не хотите бороться с идолопоклонниками? Конечно, мы слишком уважаем наших членов и не в наших правилах просить их действовать вопреки своим убеждениям. У меня нет на этот счет ни малейших сомнений.

Вы теперь навсегда теософка (христианка). Мистик Бёме* был еще и христианином, а все средневековые каббалисты были теософами; то же самое можно сказать и о Сведенборге*.

Словарь к этому времени, вероятно, уже получен. Мне переслали через «Халл» квитанцию на рекомендованную вами книгу из Европы, но сейчас так жарко, что просто нет сил выйти из дома. Я вернулась лишь три дня назад. Пришлось вместе с Кришнавармой и Олькоттом доехать чуть ли не до самой Калифорнии. Один из наших членов, издатель журнала, находится в Сакраменто, и нам надо было обсудить с ним кое-какие деловые вопросы; он проехал полдороги нам навстречу.

В Милуоки и Неваде местные дамы все время прогуливались у нас под окнами и перед террасой, где мы сидели: им так хотелось посмотреть на Кришнаварму. Он исключительно красив, несмотря на светло-кофейный цвет кожи. В своем длинном одеянии, похожем на пижаму, с белым узким тюрбаном на голове, с алмазами на шее и босыми ногами он действительно представляет собой весьма курьезное зрелище на фоне американцев в черных пиджаках с белыми воротничками. Ко мне подходило много фотографов с просьбой позволить им сделать снимок нашего спутника, но он им каждый раз отказывал. Все удивлялись, как хорошо и чисто он говорит по-английски. Одному Богу известно, сколько ему лет. На первый взгляд ему не дашь больше двадцати пяти, но временами он производит впечатление столетнего старца.

Вы интересуетесь, почему индусы не платят мне за мою работу. Но разве можно просить денег за религиозные убеждения и за то, чем мы занимаемся во имя Господа? Индусы никогда не дадут мне умереть с голоду, это уже проверено, однако я ни за что не стану просить денег. Кришнаварма, который завтра уезжает в Южную Америку, привез нашему Обществу сорок тысяч рупий (двадцать тысяч долларов золотом), а мне выдал двести золотых фунтов за те две недели, что прожил у меня, при этом из наших продуктов он не пользовался ничем кроме чая, и заваривал его себе сам. Все это время каждое утро старый слуга Кришнавармы (кто-то вроде слуги — точно не знаю) отправлялся в город за фруктами и готовил рис в собственной серебряной посуде. Глядя на этого человека, можно подумать, что ему уже тысяча лет от роду. Лицо у него старое-престарое, словно древний пергамент, но какой силищей обладает этот человек!

На днях ватага мальчишек, в которую затесалось несколько взрослых людей, увязалась за ним, дразня его и всячески выводя из себя. В конце концов он схватил одного обидчика за горло и перебросил его аж на другую сторону улицы, прямо в грязную канаву, а другого отшвырнул на пятьдесят шагов. Компания пришла в ярость, но тут подоспевший Кришнаварма кинул в середину толпы пригоршню золотых монет, и все набросились на деньги, словно звери, а затем проводили обоих индусов до самого дома с криками «Ура!»

⁴⁵ «Мой дорогой собрат по вере» (франц.).

⁴⁶ «Вот скотина: еще чуть-чуть, и он начнет обращаться ко мне на “ты”!!!» (франц.).

⁴⁷ почетный член (франц.).

Теперь во избежание скандалов в походах за продуктами старика сопровождает Олькотт.

Следующей зимой сюда приедет еще один учитель, Шейямаджи, второй Кришнаварма, главный апостол и ученик нашего Свами*. Шейямаджи хочет доказать на основе фактов и статистических выкладок, что индусы, перешедшие в христианство, стали пропойцами, лгунами и ворами и что ни одна европейская христианская семья не пожелает нанять в слуги какого-нибудь индийца-христианина, а отдаст предпочтение «язычнику», который никогда не лжет и еще сохранил некоторые хорошие качества и добродетели своих предков.

Посылаю вместе с этим письмом открытку для дядюшки от полковника британской армии в Египте Чейли Лонга, который черкнул ему пару слов. Ч[ейли] Л[онг] — мой большой друг и часто меня навещает. С дядюшкой он познакомился в Египте, то ли в Александрии, то ли в Каире, в Эббот-отеле. Я и не знала, что дядюшка побывал в Египте после меня. И вообще Ч[ейли] Л[онг] с похвалой отзываясь о своем знакомом, говорит, что дядюшка — прекраснейший человек и очень хороший дипломат. Перешлите эту открытку дядюшке. Отправил ли он «[Разоблаченную] Изиду» тому московскому профессору? Английская «Pall Mall» перевозит эту книгу до небес.

Вы пишете, что куда-нибудь пристроите мои статьи, которые отказалась печатать «Правда». Не могли бы вы подыскать в России кое-какие журналы, в которые мне можно было бы посылать мои статьи из Америки, Англии и Индии? В Индии нет ни одного русского корреспондента. Я могла бы писать и о политике, ибо я всегда в состоянии уследить за политическими новостями, а также давать весьма интересные описания этой страны, даже для какого-нибудь археологического или географического журнала. Вы уж постарайтесь, дорогая моя. Последние два раза я послала Добровольскому в общей сложности семь статей. Три из них он мне возвратил, две опубликовал и две последние тоже отверг. Значит, пять статей у меня пропало даром, и я лишилась более двухсот рублей: он просил по две статьи в месяц и был готов выкладывать ежемесячно по пятьдесят рублей. И даже за две напечатанные еще не заплатил. Вот свинья! Не буду больше ничего для него писать.

Бедная Выева просит Христа ради как минимум две статьи в месяц. За последние две она получила восемьдесят рублей — даже это для нее большое подспорье. А вам действительно нравятся мои статьи? Мне самой они кажутся глупыми. Рада, что вам они по душе.

Как Наташка? Дай ей Бог счастья. А Катерина? Все так же перемывает косточки родителям или бросила пить и ругаться? В целом она женщина смелая и преданная, такие нынче редкость.

Конечно же, Эдисон* сдержал все свои обещания. (Тупица Добровольский пренебрег самым интересным в моей статье.) Эдисон творит просто чудеса. Вы знаете, что он ваш «*confrere*»⁴⁸. Он — член нашего Общества, и Кришнаварма научил его еще двум «чудесам», так что теперь с помощью крохотного, почти невидимого аппарата на шее глухие смогут вполне сносно слышать.

Ну что ж, давайте прощаться. И так уже много написано, а мне теперь еще писать Выевой. Целую всех. Выева в письме просит меня заехать к ним из Лондона. Да разве же я по-настоящему свободна? Притом сию без денег, ибо от Саньки толку нет, он так и не передал в письме ни слова ни от Оли, ни от Саши, ни от Сени. Ему даже портрет не понравился.

Пишите, друг мой, чаще.

Письмо 3

28 октября 1877 г.
[Нью-Йорк]

Ну вот, дорогой мой друг, не ворчите и наберитесь терпения. Получила два ваших письма, и обнаружила 89 вопросов, на которые теперь собираюсь отвечать по мере сил и

⁴⁸ собрат, коллега (франц.).

возможности. Жаль, что вы не читаете по-английски: вы могли бы найти все ответы в «[Разоблаченной] Изиде». Вы уже получили посланные вам два экземпляра? Пожалуйста, дайте мне знать, как только получите.

Разумеется, вы не найдете в этой книге ни слова против русской православной церкви. Вы спросите, почему? Ваша церковь — самая чистая и истинная, и любые уродливые человеческие проявления, равно как и все эти несимпатичные маленькие «вражки» отца Кириака*, не способны ее ослабить и принизить. Божественная Истина укоренилась в русской православной церкви весьма прочно, вот только покоится она глубоко, в самом ее фундаменте; на поверхности ее не найдешь, она живет лишь в чистых ангельских сердцах людей, подобных отцу Кириаку, и в таких глубоко философских умах, как высокопреосвященный Нил*.

Пожалуйста, выясните, нельзя ли раздобыть ту книгу архиепископа Нила о буддизме*, про которую вы мне писали. Можно ли получить ее отдельно, без прочих его сочинений, ибо меня интересует лишь его мнение о буддизме?

Спасибо вам за книгу «На краю света»*. Может, она и написана в жанре «мимолетных зарисовок» — но так просто из головы они не вылетят. Это настолько глубокое и правдивое произведение, что если бы все христианские архиереи, священники и монахи были такими, как его персонажи, то не было бы ни сект, ни надоедливых религий и весь мир стал бы, не могу сказать «христианским», но хриstopодобным.

Вы были правы, душенька, книга так понравилась моему хозяину*, что он едва не назвал меня «дурой», когда я смиренно призналась, что никогда не слышала о Ниле. А хозяин, представьте себе, был знаком с ним лично. Теперь вот засяду за ее перевод на английский — конечно, в сокращенном варианте, а «хозяин» постарается перевести ее на три-четыре индийских наречия, дабы она стала известна среди буддистов и послужила укреплению дружбы между ними и русскими.

Управлюсь за три дня и пошлю перевод на Цейлон, в Коломбо, в Буддийский колледж, его пастырю и президенту по имени Мохативати Гунананда. Он уже заказал 50 экземпляров моей книги для перевода некоторых фрагментов из нее. Он перевел также работы епископа Коленса, а также «Дух и материю» Бюхнера с примечаниями и комментариями — и не оставил от немца камня на камне. Спустя месяц он сумел в публичной дискуссии одолеть величайшего методистского оратора епископа Грингуда, да так, что последний не только разбил свои очки, но и подтвердил превосходство *практического* буддизма над теоретическим христианством.

Вы не правы, друг мой, относительно высказанного вами мнения, будто я только «обращаю взор» к Христу, тогда как меня влечет к Будде. Я смотрю прямо в глаза и Христу, и Гаутаме Будде. То, что один из них жил двадцать пять, а другой — девятнадцать столетий назад, не имеет для меня никакого значения. В обоих я вижу один и тот же Божественный Дух, незримый, но отчетливо мною ощущаемый.

В отличие от догматиков, я не люблю навязывать никому, не говоря уже о вас, свои собственные представления, но если вы, по своей доброте и великодушию, позволите мне раскрыть перед вами мое сердце, то я раскрою его полностью — так же, как я была бы вынуждена сделать это перед Христом и Буддой, когда по мере своего развития, причем не на словах, а на деле, я повстречаюсь с ними обоими в лучшем мире.

В речах, поступках, да и в самой жизни обоих я всем своим духовным существом ощущаю один и тот же *субстрат** Божественной истины. Для меня не существует христианских догм, равно как и буддийских и брахманистских. Ни Христос, ни Будда, ни индуcский Кришна никогда не проповедовали никакой догмы, ни единого догматы веры, за исключением одной величайшей истины «Возлюби ближнего своего, как самого себя» и «Возлюби Господа твоего превыше самого себя». (Простите, если я допускаю неточности.)

Одним из моментов, с которыми вы несогласны в рассказе о Ниле (у Лескова), по-видимому, является сатира на «отпущение грехов священниками», но как раз эти страницы кажутся мне самыми замечательными; в них-то и заключен весь философский смысл произведения. Крещение якута оборачивается обвинением против бедного отца Кириака. Он совершает самое ужасное преступление. Почему? Потому что его катехизис учит, что нет такого преступления, которое уже не искуплено кровью Христа, что священники Христовы могут все, что они наделены властью отпустить любой грех, ибо эту власть даровал им сам Христос. Почему бы тогда не совершить какого-нибудь преступления пострашнее?

Три дня назад здесь повесили одного негра-методиста*. Он убил свою жену, разрезав ее на

куски, а пятилетнюю дочь сжег живьем на кухонной плите, зажарив, пядь за пядью, с ног до головы, и эту пытку он продолжал в течение часа!! Когда на шею ему надели петлю, негр стал вопить в диком исступлении: «О, вижу моего Спасителя, вижу светлый лик Христа, Господа моего, и Он улыбается мне... Он раскрывает мне Свои объятия!!»

И подумать только, толпы людей живо раскупили лоскутки одежды висельника, разрывая их на мелкие кусочки и сохраняя как драгоценные реликвии. Всю свою жизнь этот негр был вором и пьяницей, а под конец стал убийцей-изувером, однако за час до повешения покался и получил причастие, а теперь, по словам пастора, «воссоединился навеки с Христом и обрел жизнь вечную на лоне Его»!!! О Господи, какое кощунство! Вот к чему приводит христианство.

Нет, дорогая моя Надежда, я не против Христа или Будды, но против человеческих догм. Буддизм учит, как заслужить Царство Божие и нирвану делами, а не пустыми словесами. Согласно буддийскому учению, между нами и судом Грядущего Непостижимого Божества нет иного посредника, кроме наших собственных поступков. У нас — Христос, у буддистов — Будда; оба они учили слепое человечество, как прозревать истину, но их апостолы исказили многое из того, что говорили учителя, извратили их учение: одни — по причине духовной и физической ущербности, другие — по злему умыслу и в силу эгоистических стремлений, как например, папство.

Вы не в состоянии поверить в циклические воплощения Непостижимого Божества, называемого в христианстве Святым Духом, а в буддизме — Священной Мудростью, Ади-Буддой*, что, по сути, одно и то же; я же, грешным делом, в это верю, ибо мне кажется уму непостижимым, что если индивидуальная разумная Сущность, которую большинство людей называет высшим Творцом, вообще существует, то она могла ожидать столько тысячелетий с того момента, когда в процессе творения Вселенной возник наш земной шар, и явиться лишь 1877 лет назад. Неужели люди в древности, еще 20 тысяч лет назад, были настолько хуже нас с вами нынешних, или же, наоборот, они были настолько похожи на ангелов, что у Божества вообще не возникало потребности проявляться среди нас? Это же немыслимо.

Я не буддистка, но боюсь, что я и не христианка в традиционном церковном смысле этого слова. Я слепо верую в те слова Христа, которые мне понятны, а еще больше — в те, которые Он высказал в Нагорной проповеди, ибо нахожу в них буквальное повторение буддийских изречений Гаутамы в «Дхаммападе» или в шастрах Сиддхартхи Будды, равно как и в египетской «Книге мертвых»*.

Если Божественная Истина была и остается единой, то во все времена люди праведные и чистые духом должны были видеть ее белой, а не черной или зеленой. «Практические» буддисты (те, кто фактически практикует буддизм) в тысячу раз больше похожи на Христа, нежели христиане. Хороший пример я вспоминаю в собственной жизни.

Мне кажется, что с самого своего рождения я никогда не была христианкой, и все-таки случались моменты, когда я глубоко верила, что *церковь может отпускать грехи* и что кровь Христа спасла меня вместе со всем Адамовым племенем. И что же? Нет! Горько и мучительно вспоминать это прошлое. Вы знаете, на какие факты я намекаю.

Лишь одно скажу я вам, Надя: *если бы я родилась буддисткой, а не христианкой, то я бы не покрыла позором головы тех, кого любила больше всего на свете*, — я имею в виду бабушку, тетушку, вас и всю семью. Помню, как в Тифлисе, за два дня до исповеди и причастия, будучи убеждена, что в любом случае мне простятся *все мои грехи*, так сказать, оптом и в розницу, я решила, что одним меньше, одним больше — какая разница? Так я и продолжала пятнать свою душу.

И такими же совершенно незрячими, как и я, были миллионы людей. Тысячи преступлений совершаются каждый день единственно из-за веры в отпущение грехов не через покаяние и благие поступки, а просто властью священника. Вот почему я верю и не могу не верить, что подобные циклические воплощения Божества имеют смысл, что они обязательны.

Будда никоим образом не противоречит Христу, а Христос — Будде. Греческое слово «Христос» происходит от глагола «хрисо» — *мазать, помазывать, освящать* — и означает «помазанник». А слово «Хрестос»* существовало, как явствует из древних надписей, еще за несколько тысячелетий до христианской эры. Жаколио*, возможно, глуп и во многом обманщик и хвастун — ведь он француз; однако относительно этимологии словосочетания *Езеус-Кришна* он прав. Оно означает «чистая сущность», то есть Божественный Дух; и если слово «крест» на санскрите означает «черный», то смысл слова «Христос» — нечто, ведущее свое происхождение от Божества, то есть Божественная Сущность, что и пытается доказать Жаколио.

Я мало читала этого автора и не люблю его за лживость; он высказывает неприятные и неверные суждения по поводу высоко нравственного буддийского духовенства, которое он в своей ненависти ко всему церковному ставит на одну доску с католическими священниками.

Однако свои доказательства я беру не у пустобреха Жаколио, а черпаю их из древнейших манускриптов Центральной Индии и Цейлона, из «Книги мертвых» и надписей времен четвертой и седьмой династий египетских фараонов.

Хрестос — это слово, тождественное слову «Оннофр» (одно из имен Озириса); оно подразумевает также Божественную сущность, сострадание и любовь. Все древнейшие философы утверждают, что эта «сущность» — бессмертный Дух, частица безбрежного, безначального океана, именуемого Богом, искра, отделяющаяся от Божества при рождении каждого человека; что она призвана защищать нас в течение всей земной жизни, а после смерти тела, слившись в гармонии с душой («периспиритом»*), сделать человека бессмертным — или, если человек всю жизнь вел себя, как животное, разорвать духовную нить, связывающую животную душу (индивидуальный разум) с бессмертным духом, оставив животную сущность на милость элементов, составляющих ее субъективное бытие; после чего, согласно закону *perpetuum mobile**, душа, или эго*, бывшего человека со временем должна неминуемо распасться, *etre annihilée*».

Именно этот наш бессмертный дух мы всегда называли словом «Хрестос» или «Христос». Следует ли нам согласиться с доктором Мюллером — епископом, прославившим здесь блестящим оратором, что во время пребывания Христа на земле, а не на Небесах, вся Вселенная осталась без Бога? Что незримый мир пустовал, оставшись без правителя, подобно Франции в периоды анархии? Это вопрос чистой логики, гамлетовское «быть или не быть». Либо *вся* сущность Божества сконцентрировалась в Христе — тогда прав Мюллер и нигде больше не было другого Бога, либо только часть Великого Вселенского Духа снизошла в Иисуса — и тогда правы мы, теософы. Дух Света воплотился в Христе, но это было не в первый и не в последний раз от сотворения мира, ибо по существу этот Дух был тождествен бессмертному Духу каждого человека, с тою лишь разницей, что все прочие люди были более или менее грешны, а Христос — нет. Его избрал Божественный Дух, чтобы снизойти в Него, а не просто опекать и защищать с более или менее близкого расстояния. Он спустился ради искупления грехов рода человеческого или, точнее, ради спасения грядущих поколений людей, которые позабыли других Спасителей, являвшихся в иные эпохи и в иных краях.

Я прекрасно понимаю: все, что я говорю, может показаться вам чистой воды *ересью*. Но Нил тоже считал ересью все, что слышал от отца Кириака. Мой «хозяин» одинаково почитает и Христа из Назарета, и Гаутаму из Капилавасту. Однако он не считает ни одного из них Богом, рассматривая обоих как совершеннейших из смертных; и он почитает дух Христа точно так же, как и дух Будды, осознавая, что оба они — частицы Единого Великого Божества.

А все остальное — догмы и предписания — это дело рук человеческих. Если бы мы вели себя подобно Христу и Будде, когда они воплотились в виде смертных людей, — а каждый из нас может стать таким, как Христос или Будда, — то мы бы соединились, или слились, с принципом Христа-Будды внутри нас, с нашим бессмертным духом, но, разумеется, только после смерти нашего грешного тела; так как же мы можем со свиным *gueule*⁵⁰ жаждать земного рая и рваться в райские кущи еще в этой жизни?

Смилуйтесь, не обвиняйте меня в кощунстве. Возможно, я и отхожу от принципов церкви и человеческой религии, но, по моему слабому человеческому разумению, я не грешу против Святой Божественной Истины.

Повторяю, что слово «Будда» я использую в его абстрактном смысле, в значении Божественного принципа Мудрости*, не имея при этом в виду ни человека Иисуса, ни человека Гаутаму, принца Капилавасту.

О «*peisah*» в Библии я больше говорить не буду. Это самое «*peisah*» и так уже доставило мне немало хлопот. Быть может, ученые-хронологи не сразу примут эту теорию, но будущие исследователи докажут, что иудейский монотеизм лишь немногим старше нашего христианства. И что Иегова родился в то же время, что и масоретская чушь, и прочно утвердился не ранее IV века. Ясно, что из четырех букв JHVH, которые можно встретить во всех рукописях еще до масоры, масореты могли образовать имена Йогива или Йегавха и вообще какие угодно, соответственно своим вкусам и потребностям. Масоретские письмена были открыты лишь в последнее столетие перед началом христианской эры.

⁴⁹ уничтожиться (франц.).

⁵⁰ со свиным рылом (франц.).

Конечно, евреи и их предки существовали еще до Ездры, одного из авторов Ветхого Завета, но как народ они не были известны ни одному просвещенному философу или писателю. Возможно, евреи на самом деле были гиксосами — царями-пастухами эпохи фараонов*, или же звались финикийцами либо сирийцами, но до 150 года до Р. Х. их не называли ни иудеями, ни евреями, и они никогда не были в вавилонском плену.

В Кочине, близ Мадраса, есть еврейская колония, основанная еще до христианской эры. У ее обитателей сохранились все древние рукописи и прочие документы, включая и Библию Моисея, но только эта Библия к общепринятой Библии никакого отношения не имеет, она больше напоминает какое-нибудь самаритянское священное писание. У поселенцев имеются и свои идолы, и даже медный змий Моисея — Нехош, которому эти люди поклоняются. Ни одному ученому ничего не известно об этой колонии. Только несколько человек из общины Сат-Бхай поддерживают отношения с некоторыми каббалистами. Все свои бумаги и грамоты они получили от царей Траванкора спустя 400 лет после смерти Гаутамы Будды, то есть в 200 году до Р. Х. Колонисты могут подтвердить свое происхождение и предпочитают называть себя финикийцами. Они также доказывают, что сохранили в чистоте веру своих предков и Моисея. Браки они заключают только с членами своей общины и никогда не смешиваются с «язычниками».

Письмо 4

29 октября [1877 г.]

А теперь поговорим о личном Боге, *Dieu personnel ou anthropomorphique*⁵¹. Вы говорите с упреком, что я не верю, будто «Великая Сущность» может проявить ко мне какой-то «интерес». Давайте обсудим и этот вопрос. Если уж мы должны поговорить обо всем, давайте поговорим и об этом. Я буду предельно откровенна.

Кто всегда приучал нас мыслить о Боге в антропоморфных категориях, то есть приписывать ему чисто человеческие атрибуты и качества — считать, что Бог является добрым, справедливым, всеведущим и всепрощающим? *Религии* всех времен и народов. От самого сотворения мир всегда был полон всевозможных религий — плодов человеческого и чисто физиологического воображения. Повсюду: в горах ли, в долинах ли — во все эпохи люди молились Богу или богам; во все времена к небесам возносили страстные мольбы и просьбы. Религии проникли во все уголки земного шара.

Если религия, как учат нас священники, является матерью добродетели и счастья, то они давно уже воцарились бы всюду, где есть религия, особенно христианская. Но так ли это? Оглянитесь вокруг, обратите взор к дунайским странам и к Азии, где крест воюет с полумесяцем, а так называемая *Истина* — с идолопоклонством и невежеством. Возможно ли, чтобы Бог Истины был более внимателен или больше помогал христианам, нежели мусульманам? Сравните статистику преступлений и половых извращений, грехов и всяческих мерзостей в христианских странах и в языческих. На сто преступлений в христианских городах вы найдете у языческих народов от силы одно.

Какой-нибудь буддист, брахманист, ламаист или магометанин не пьет, не крадет, не лжет до тех пор, пока живет в строгом соответствии с принципами своей собственной языческой религии. Но как только появляются христианские миссионеры, как только они *просвещают* язычника, обращая его в христианскую веру, он становится пьяницей, вором, лгуном, лицемером. Пока эти люди остаются язычниками, они знают, что за каждый грех им воздастся по закону справедливости. Христианин же перестает полагаться на самого себя, он теряет уважение к себе. «Схожу к батюшке, и он меня простит», — как ответил отцу Кириаку один «новообращенный». Нечто подобное существует и в брахманизме, правда, в меньших масштабах и только в *народной* вульгарной его форме.

Нет, в мире уже столько религий, а страданий и несправедливости при этом больше, чем когда бы то ни было. И больше всего там, где воцарилось современное христианство, усовершенствованное и прекрасно приспособленное к законам XIX века.

⁵¹ о Боге личном, или антропоморфном (франц.).

Я не могу написать вам несколько томов, но пришлю вам небольшую статью, переведенную из одной древней, очень древней сингальской рукописи. Если вы или кто-то другой, пусть самый ученый богослов, сумеете опровергнуть все его положения по пунктам, это будет означать вашу победу. А сейчас я отвечаю на все поставленные вами вопросы.

Вам кажется странным, что какой-то индусский сахиб приходит в мой дом как самозванец и «хозяин». Признайте же наконец, что душа человека, его «периспирит», является совершенно отдельной сущностью, что она не приклеена к его жалкой физической оболочке и что это тот же самый «периспирит», который имеется в любом животном, от слона до инфузории, и который отличается от своего животного двойника лишь тем, что он более или менее защищен бессмертным духом и способен действовать независимо: в обычном (непосвященном) человеке — во время сна, а в посвященном адепте — в любое время. И тогда вы поймете все, о чем я вам писала, и все для вас полностью прояснится.

Об этом знали и в это верили еще в глубокой древности. Иерофанты и адепты* Орфических мистерий были посвящены в эти тайны. Святой Павел, единственный из всех апостолов бывший адептом греческих мистерий, довольно прозрачно намекал об этом, рассказывая о некоем молодом человеке, который «в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает» вознесся на третье небо*. А Рода, разве ей не говорили: «Это не Петр, но ангел его», — подразумевая его двойника, его дух? Вспомните Филиппа, которого «восхитил Ангел Господень» и который «оказался в Азоте» (Деян., 8:39-40). Вознесено было явно не его физическое тело, а «периспирит».

Почитайте Апулея*, Плутарха, Ямвлиха и прочих философов: все они намекают (данный во время посвящения обет не позволял им изъясняться открыто) на этот феномен. То, что бессознательно делают медиумы под влиянием и с помощью духов умерших и элементалов, адепты делают совершенно сознательно, целиком отдавая себе отчет в происходящем.

Сахиб (одно из имен, которым сестра называла своего «Учителя», или «Хозяина») мне знаком вот уже лет двадцать пять. Он прибыл в Лондон вместе с премьер-министром Непала и королевой Оудха. После этого я не видела Сахиба, пока через одного индуса не получила от него письмо. В послании говорилось, что он приехал сюда три года назад и читал лекции по буддизму. Сахиб напомнил мне в этом письме также о некоторых вещах, которые предсказывал мне ранее.

В Лондоне он смерил меня взглядом, исполненным глубокого сомнения (вполне оправданного), и заинтересовался, готова ли я теперь отвергнуть неизбежное уничтожение после смерти и поверить ему.

Взгляните на его портрет: Сахиб с тех пор ничуть не изменился. Он, который по праву рождения мог восседать на троне, отринул все, чтобы жить, будучи никому не известным, а свое колоссальное состояние раздал бедным. Он — буддист, но не догматического толка, а принадлежит к течению Шивабхавика, последователей которого в Непале *называют атеистами* (!?!). Живет он на *Цейлоне*, но чем он там занимается, я не знаю.

Я не могу, не имею права рассказать вам все, но кончилось тем, что я уехала из Нью-Йорка и в результате провела семь недель в уединенном месте, в лесу, в Сангусе, где виделась с Сахибом каждый день, сначала в присутствии одного индийского буддиста, а потом в одиночестве, и каждый раз чуть не умирала от страха. Этот индеец появлялся не в виде двойника, а в своем обычном теле.

Он первым приступил к организации Теософского Общества. И он выбрал почти всех его членов, а барону Пальме предсказал, что тот умрет в мае следующего года, и велел ему заняться приготовлениями к кремации тела, что и было сделано соответствующим образом. Индеец уехал, оставив нам несколько десятков имен жителей Индии, которые были каббалистами или масонами, но не из этих глупых европейских или американских лож, а из Великой Восточной Ложи, куда не принимают англичан.

Факир Говиндасвами, о котором пишет Жаколио (возможно, вы читали в «Revue Spirite»), принадлежал к младшим членам этой Ложи. (Если вы не читали об этом, рекомендую прочесть работу Жаколио «Le Spiritisme dans le Monde»*. Все эти господа — такие чудотворцы, что по сравнению с ними самые лучшие медиумы со всеми их духами просто ослы.

Когда индеец находился здесь, он специально ходил ко всем лучшим медиумам, и одно лишь его присутствие парализовывало все манифестации. Нет! Эти люди с подозрением относятся ко всем медиумам, называя их бессознательными колдунами, а всех духов — *кикиморами*, глупыми земными демонами-элементариями, и считают, что ни на земле, ни на небесах нет ничего выше бессмертного человеческого духа. Превыше этого бессмертного

духа — только Непостижимый Великий Бог или, точнее, Сущность Высшего Божества, поскольку, как вам известно, все они отрицают *un Dieu personne*⁵².

В одном из их подземных храмов стоит колоссальная бронзовая статуя Иисуса, прощающего Марию Магдалину. Рядом с нею изваяние Гаутамы, который поит нищего из своей чаши, а также статуя его ученика и брата — Ананды. И еще одна скульптурная группа: Будда у колодца, пьющий из сосуда, который ему протягивают отверженный и проститутка. *Вот что мне известно.* Однако сокровенный смысл этих изваяний лучше известен «посвященным», чем мне. А я знаю лишь то, что мой «хозяин» гораздо больше проникнут любовью Христа и Хриstopодобен, нежели любой из современных христиан, и несомненно почитает Христа сильнее папы римского, Лютера или Кальвина*.

Когда двойник Сахиба, то есть истинный Сахиб, временно покидает свою физическую оболочку, его тело пребывает в состоянии, похожем на то, которое можно наблюдать у тихих помешанных. Хозяин приказывает телу погрузиться в сон или же оставляет его под присмотром своих людей. На первых порах мне казалось, будто он выталкивает меня из моего тела, но вскоре я, видимо, привыкла к этому, и теперь у меня просто возникает ощущение, словно я живу какой-то двойной жизнью.

Когда мне предстояла операция на ноге (мне хотели ампутировать ногу в связи с развитием гангрены), «хозяин» меня вылечил. Он все время находился рядом со старым негром и посадил на мою больную ногу белого щенка. Помните, я вам писала об этом случае? А скоро он навсегда заберет нас с Олькоттом в Индию, только сначала мы должны основать Общество в Лондоне. Насчет того, занимает ли он другие тела кроме моего, мне неизвестно. Но я знаю, что, когда он отсутствует, порою много дней подряд, я часто слышу его голос и отвечаю ему «через океан». Олькотт и другие тоже нередко видят его призрак: иногда он обладает определенной плотностью, подобно живым существам, часто же совершенно бесплотен, как дым, а еще чаще он невидим, и его можно только *почувствовать*.

Сама я только сейчас учусь выходить из своего тела; проделывать это в одиночку пока побаиваюсь, но вместе с Сахибом мне ничего не страшно.

Постараюсь опробовать это на вас. Только будьте так добры, не сопротивляйтесь и не кричите. И — не забываете

Искренне вашу

Лулустанку

Письмо 5

21 февраля 1880 г.

Получила ваше письмо, Надежда Андреевна, это всегда приносит мне радость, но на сей раз я испытала некоторое раздражение и даже слегка рассердилась.

Дома у меня царит беспорядок, поэтому я пишу в такой спешке. Вот уже три дня у меня гостит г-жа Хьюм, дочь губернатора провинции Пенджаб. Я так от нее устала, просто сил нет. Сегодня она уезжает в Лондон. А приехала г-жа Хьюм специально для того, чтобы ее посвятили в наши тайные знаки и пароль, ибо десять месяцев назад она вступила в Теософское Общество. Вчера вечером состоялась весьма *впечатляющая* церемония, присутствовали все официальные лица, председатели, секретари, библиотекари и рядовые члены Общества. Не было только неофитов. Присутствовали г-жа Хьюм, почтенный инженер Скотт Росс, парс-огнепоклонник, дэван (премьер-министр) махараджи Холкара (идолопоклонник) и бедный торговец-индус из Бомбея. Потерпите, это описание я привожу с умыслом.

Вы видите пять совершенно различных, диаметрально противоположных личностей, отличающихся друг от друга религией, национальностью, а также социальным положением.

После *посвящения* г-жа Хьюм — надменная леди, которая прожила в Индии десять лет и, по ее собственному утверждению, ни разу не подала руки ни одному *туземцу*, — первая пожала руку бедному индусскому торговцу, чокалась с ним и называла его *братом*.

⁵² личного Бога (франц.).

Идолопоклонник, который еще три месяца назад был сущим фанатиком, почитавшим само прикосновение иностранца за осквернение, назвал братьями парса-огнепоклонника и торговца, лишившегося своих кастовых привилегий из-за реформаторских склонностей, и *распивал с ними чай*, что в глазах брахманов — страшный грех. Госпожа Хьюм — христианка и последовательница Сведенборга, Скотт Росс — тоже христианин. Недавно мы проводили посвящение одного магометанского принца.

Одновременно с этим письмом я направляю послание в Лондон председателю Лондонского [Теософского] Общества (Д.Дж.Уайлду) по поводу Елиз[аветы] Алекс[еевны]. В Москву же пишу о его обращении (то есть речи) к теософам 1 января 1880 года; свою торжественную речь по случаю вступления в должность он произнес перед двумя тысячами теософов. Пусть мне снесут голову, если самый фанатичный христианин сумеет отыскать в обращении Уайлда хотя бы слово против Христа или христианства. Доктор славил Христа *не как воплощение Бога*, но как воплощение всех Божественных качеств. Доктор Уайлд — унитарий* и не верует в Троицу, но своим теософам он приводит Христа в качестве величайшего, воистину Божественного примера для подражания.

Все это доказывает следующие положения:

1. Теософское Общество *не является* антихристианским.
2. Его члены принадлежат ко всем возможным вероисповеданиям и национальностям; *все* они не могут быть христианами, однако от членов-христиан *отнюдь не* требуется отказа от веры в Христа, пусть даже как в Бога.
3. Главная цель Общества — *всемирное братство* и справедливость по отношению к любой религии, любой вере — какой угодно, лишь бы была искренней, и борьба не на жизнь, а на смерть с любым **лицемерием**. Ведь Христос пошел на смерть, сражаясь именно с ним, и Его учение было направлено в основном именно против лицемерия.
4. Если мы, то есть [Теософское] Общество, в котором преобладает не христианская, а «языческая» составляющая, видим свою цель в том, чтобы всем сердцем, «как самих себя», возлюбить всех людей, причем не только друзей (ибо это принято «даже среди язычников»), но и врагов, то Елиз[авета] Алекс[еевна] в своей ненависти к теософам ведет себя отнюдь не согласно учению Христа, но вопреки самому духу Его учения.

К тому же в «[Разоблаченной] Изиде» нет *ни слова против Христа*, нет ничего кроме величайшего уважения, почтения и преклонения перед Ним. Я выписала оттуда некоторые фразы, одна из них — из второго тома, страница 575, строки 13-20*, где говорится: «Почему же тогда Иисуса из Назарета, который в тысячу раз выше, благороднее и нравственно величественнее Магомета, христиане не чтут так же и не следуют ему на практике, вместо того чтобы слепо его обожать в бесплодной вере как бога и в то же время поклоняться ему в манере некоторых буддистов, которые вертят свои молитвенные колеса?»

В этой фразе заключена вся суть того, что я говорю об Иисусе в «[Разоблаченной] Изиде». В том же духе выдержано все, что касается его. Разве это «осмеяние» или «нападки»?

Это первый пункт; перейдем ко второму. Полтора года назад вы в своем письме просили меня прекратить в нашей переписке любую религиозную полемику. Я ее прекратила. Я поняла, что вы правы, а я заблуждаюсь — точно так же, как заблуждались бы вы, восхваляя христианство перед благочестивым убежденным буддистом или мусульманином и принижая тем самым его собственную веру. С тех пор в нашей переписке я ни словом не обмолвилась о различиях в наших убеждениях. Вы искренни в своей страстной вере. Я верую столь же искренне и горячо. Вы веруете в одно, я — в другое. Лет пять назад я в ответном письме стала бы вас убеждать, что верую в то же, что и вы. С моей стороны это обернулось бы ложью и притворством, это было бы *лицемерием*.

Я не выступаю против Христа, против Иисуса (как, собственно, и никто из наших братьев). Я не против христианства *истинного* — я против западного, *ложного* христианства, которое один из членов высшей ложи Теософского Общества в статье, опубликованной в «Blackwood Magazine» (одном из старейших и ортодоксальнейших журналов Лондона) назвал

«антихристианским». Автор выступает там под псевдонимом «Турецкий эфенди»⁵³. В этой статье⁵⁴ он также называет учение Христа *самым великим, чистым и благородным*, а на *псевдохристианство* Запада (включающее в себя католицизм и протестантизм) он обрушивается так же яростно, как и я в своей «[Разоблаченной] Изиде».

А если я не верую в Христа как в *одного-единственного* тождественного Богу, то это, Надежда Андреевна, не моя *вина*. С тем же успехом можно было бы обвинить меня в том, что я вдруг ослепла или оглохла — или, в моем случае, прозрела.

Некоторое время назад я, возможно, и верила в Иисуса, но не верила в Бога; теперь же, перестав веровать в Христа, я начинаю *верить* в Бога, что, на мой взгляд, ничуть не хуже. Если я несколько больше, чем прежде, верю в высшее совершенство его учения и его личную святость, да еще пытаюсь в меру своих скромных возможностей следовать ему во имя Незримого Великого Бога, которого он называл Отцом всех нас, и всего-навсего *не могу* поверить в его Божественность и тождественность Богу, я ничем не рискую, когда навеки покину невежественный суд этого мира, дабы предстать перед великим судом закона исправления, которым ведает *Он* — тот, кого никогда не могли постичь даже самые великие из его приверженцев и кого никогда не постигнут на этой земле.

Если же Христос действительно Бог, то он видит, что я никоим образом не считаю себя безгрешной, так что он не станет наказывать меня, и даже наоборот, скорее одобрит за искренность и прямоту, ибо всевидящее Око не может не видеть, что моя единственная вина лишь в том, что я не способна быть *лицемерной*. А если Иисус не Бог, как сам же он и учил нас, когда говорил: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог»* (простите, если я цитирую не совсем точно), — этой фразой ясно давая понять, что никогда не считал себя Богом, — что ж, тогда я и подавно ничего дурного не сделала.

Я всей душою желаю не расходиться с вами и другими моими близкими в религиозных вопросах, но что поделаешь, раз возникают такие сложности. Это происходит *помимо моей воли* и мне неподвластно. Наша покойная бабушка терпеть не могла яблоки, ей было дурно даже от их запаха, но при этом она не испытывала ненависти к тем, кто любил яблоки, точно так же, как и вы не осуждаете ее за эту идиосинкразию*. Возможно, подобное сравнение некорректно, но сейчас не могу подыскать ничего получше. Я не в состоянии заставить себя поверить в *Божественность* Иисуса так, как веруете в нее все вы, точно так же как не могла бы заставить себя поверить в Божественность Кришны (в которого индуисты верят так же серьезно и искренне, как и христиане в Христа). Они не глупее и не лицемернее христиан, они веруют, ибо их натуре свойственно верить, и, когда их вера в Кришну иссякнет, веровать им будет больше не во что. Только, попомните мои слова, из тех немногих, что обращаются в христианство, утратив веру в Кришну, ни один не верует в Христа, они просто фарисеи, лицемеры. Ну вот, думаю, что высказала все, а если что и забыла, то вы все сами поймете.

Надеюсь, вы покажете это письмо дядюшке и объясните ему ситуацию и больше не станете меня обвинять *в оскорблении Христа*, чего я никогда не делала и не делаю. Но вот против подлых, кровожадных лжецов и лицемеров — протестантов и католиков — я буду биться до последнего вздоха. Иисуса — благороднейшего из людей, идеального человека — они превратили в кровожадного, неистового, полоумного Иегову, который недостойн стоять рядом даже с отвратительным Брахмой.

«Верую в *Бога Единого*, в Душу бессмертную и в неизменный Закон исправления. Аминь».

Пожалуйста, обязательно пришлите мне русское Евангелие с бабушкиным портретом, который я забыла у вас. Всем привет и *низкий поклон*. Получили ли вы посылку?

Целую вас всех, если позволите.

Елена

⁵³ «Эфенди» — это один **адепт-йога**, как и Сен-Жермен и Калиостро. Мы сейчас публикуем его статьи в журнале «Theosophist». — *Е.П.Б.*

⁵⁴ Эта статья появилась совсем недавно и произвела настоящую сенсацию в литературных кругах. — *Е.П.Б.*

ПИСЬМА КНЯЗЮ

А.М.ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ

(1881-1884)

Письмо 1

*28 августа 1881 г.
Симла, Пенджаб,
Ротни-Касл, Джакко
Британская Индия*

**Его сиятельству князю А.М.Дондукову-Корсакову,
генерал-губернатору г. Одессы
и Херсонской губернии и проч.**

Дорогой князь!

В связи с тем, что две мои тетушки — г-жа Витте и г-жа Фадеева — находятся в Карлсбаде, я оказалась сейчас в весьма затруднительном положении.

Покинув Россию около девяти лет назад и едва ли сохранив там какие-либо связи и знакомства, я не знала, кому написать, чтобы получить адрес моего дядюшки, генерала Р.А.Фадеева, которому собиралась отправить срочное письмо. Он скорее всего в Петербурге, но вполне может оказаться и за границей. А Вы, дорогой князь, наверняка это знаете. Прошу простить меня за вольность, с которой я к Вам обращаюсь, и лелею надежду на то, что Вы не откажете мне в любезности и через Вашу канцелярию перешлете это письмо дальше, а также на то, что Вы не осудите подобные неофициальные манеры Вашей старой знакомой, которую Вы хорошо знали в прошлом, в те счастливые дни — в Тифлисе и в иных краях, и которой сейчас выпало быть прикованной к одному из горных пиков в Гималаях, подобно Прометею, благо хищных птиц в Симле предостаточно.

Не зная официального этикета, утратив всяческие воспоминания о том, как в свете принято обращаться к высокопоставленным лицам, и уповая лишь на Вашу безграничную доброту и снисходительность, я с величайшим уважением подписываю это письмо.

Ваша преданнейшая и наипокорнейшая соотечественница

Е.П.Блаватская

Письмо 1

Е.П.Б.

Секретарь по переписке

Теософского Общества Арья Самадж

Дорогой князь!

Полагаю, совершенно излишне говорить о том, как счастлива я была, получив ваше столь доброе, любезное и... такое неожиданное письмо. Я долгое время была убеждена, что в России обо мне позабыли — и, наверное, *поделом*. Поскольку обстоятельства вынудили меня, дабы не лишиться фермы и небольшого имения, приобретенных мною на Лонг-Айленде, близ Нью-Йорка, натурализоваться* в Америке, я, по-видимому, утратила все свои права в России. Точно так же, как г-н Журден всю жизнь говорил прозой, не осознавая этого, я, сама того не подозревая, оказалась повинна в государственной измене! Правда ли это? Сие мне неизвестно. Все, что я знаю, — это то, что моя любимая страна никогда не имела дочери более преданной, чем я, а наш император (точнее, императоры, ибо я пережила троих из них) — наиболее лояльной и верной подданной, нежели их покорная служанка.

Однако теперь это все бесполезно. Жребий брошен, и отныне судьба моя связана с Индией, Сиамом, Тибетом и Бирмой. Еще несколько лет — и этот мешок костей, именуемый Е.П.Блаватской, будет сожжен на погребальном костре по обычаю малабарских вдов, станет пеплом и будет развеян по ветру. И этим все будет сказано. Впрочем, нет, не все: я наверняка оставлю после себя несколько сот безутешных теософов, буддистов и брахманов. Пригоршню праха, оставшуюся после меня, по крупницам разместят в раках*, над ними в качестве надгробных памятников возведут ступы и пагоды*, а бедные глупцы обожествят мой пепел наподобие пепла Гаутамы Будды и Кришны.

Дорогой мой князь, вы интересуетесь моей жизнью? Да, вы правы, ибо еще ни одного из ваших соотечественников насмешливая судьба не вовлекала в ситуации более оригинальные и неожиданные, нежели меня, не ставила в положения и жуткие, и гротескные, чреватые взлетами и падениями: сегодня вознесет за пределы солнечной системы, к звездам, а завтра низвергнет в бездонную пропасть. Вот такие у меня жизнь и судьба, которые постоянно делают ставку то на мой взлет, то на мой крах, как пьяные биржевики. Сейчас я на взлете и, *ей-богу*, там и останусь, даже если бы мне пришлось позволить моей армии теософов наградить меня титулом царицы-пророчицы Цейлона или Ассама*, — причем под самым носом у англичан, из которых здесь, в Индии, половина мною восхищается, а другая половина ненавидит!

Держу пари, что вы не в состоянии ничего из этого понять и, возможно, сочли меня безумной. С ума я, по крайней мере, не сошла и раз уж вы просите рассказать вам о моей жизни, то вынуждена сделать это в исторической последовательности. Возможно, это к лучшему, и в России появится по крайней мере одна влиятельная фигура, которой станет ясно, какой шанс упускает Россия, игнорируя меня с такою надменностью, как сейчас. «Ха! — скажете вы себе, — это все политика!» Никоим образом: это — история, и каждый реальный факт зафиксирован с фотографической точностью, что легко проверить, особенно человеку с вашим положением.

Вот вам факты, статистические данные о теософах, необходимые цифры. Я возглавляю армию фанатиков — мистических квиетистов*, к тому же до смерти преданных вашей покорной слуге. Нас 49 560, давайте округлим до 50 000*. В это число входят буддисты — сингалы*, непальцы, тибетцы, сиамцы* и бирманцы, индусы всех каст (по большей части брахманы). Из этих пятидесяти тысяч всего лишь 3 473 американца, 703 британца и прочих европейцев (включая французов, итальянцев и жителей острова Корфу). Если последние (то есть европейцы, американцы и австралийцы) видят во мне редкое явление, которое они не понимают, но которым гордятся, словно какой-нибудь двуглавой обезьяной, то азиаты смотрят на меня как на женское воплощение Будды или богини Сарасвати*. Доказательство: вот что пишет обо мне одна английская газета, сетуя на то, что столько чести оказывают какой-то там русской:

«Говорят, что буддистки Цейлона считают госпожу Блаватскую божеством, спустившимся с облаков, и, несмотря на ее бурные протесты, настаивают на оказании ей *пуджи*!»

Пуджа — это санскритское слово, означающее «божественное поклонение». Индусы совершают *пуджу* в своих храмах перед изображениями Богов. Да, буддисты воспринимают меня как божество, сошедшее с небес. Я не могу воспрепятствовать им, как бы я ни старалась, падать ниц передо мною лицом в пыль — туда, куда ступила моя нога*. Боже мой, как это глупо! Глупо, однако это правда. Ну и что? Я старею с каждым днем, гораздо быстрее

других, из-за непомерных трудов и огромной ответственности, которую я взвалила на свои плечи. Я могу помереть со дня на день, и какой тогда прок, какая выгода от всех моих трудов, от всех этих геркулесовых подвигов, что я совершила?

Я ничего не смыслю в политике; более того, политикой в нашем Обществе заниматься стражайше запрещено. Никто не вправе вести речь о подобных низменных предметах нашего брэнного мира, и только убедившись, что наше Общество — это чисто философская и религиозная организация, основанная на принципах всеобщей филантропии, в нашем движении стали принимать участие проживающие в Индии англичане, многие из которых сделали членами Теософского Общества. Но вы, вероятно, хотите знать, как это все происходило? Я вам расскажу, однако должна вас предупредить, дорогой мой князь, что все это очень похоже на сказку.

Мне было 35 лет, когда мы с вами виделись в последний раз. Давайте не будем говорить о том мрачном времени, *заклинаю вас* позабыть о нем навсегда. Я тогда только что потеряла единственное существо, ради которого стоило жить, существо, которое, выражаясь словами Гамлета, я любила, как «сорок тысяч братьев и отцов любить сестер и дочерей своих не смогут». Несколько недель я провела в Одессе у своей тети госпожи Витте, которая по-прежнему живет в этом городе. Там я получила письмо от одного индуса, с которым при весьма необычных обстоятельствах познакомилась в Лондоне 28 лет назад и который убедил меня предпринять мою первую поездку в Индию в 1853 году*. В Англии я виделась с ним лишь дважды, и во время нашей последней встречи он мне сказал: «Судьба навсегда свяжет вас с Индией, но это произойдет позже, через 28-30 лет. Пока же поезжайте и познакомьтесь с этой страной». Я туда приехала, почему — сама не знаю! Это было словно во сне. Я прожила там около двух лет, путешествуя, каждый месяц получая деньги неведомо от кого и честно следуя указанным мне маршрутом. Получала письма от этого индуса, но за эти два года *не виделась с ним ни разу*. Когда он написал мне: «Возвращайтесь в Европу и делайте что хотите, но будьте готовы в любой момент вернуться», — я поплыла туда на «Гвалиоре», который у Мыса потерпел кораблекрушение*, однако меня и еще десятка два человек удалось спасти.

Почему этот человек приобрел такое влияние на меня? Причина мне до сих пор не ясна. Но вели он мне броситься в пропасть — я бы не стала колебаться ни секунды. Я побаивалась его, сама не зная почему, ибо не встречала еще человека мягче и проще в обращении, чем он. Если вам захочется побольше узнать об этом человеке, то, когда будет время, прочтите «В дебрях Индостана»*. Вещь напечатана в «Московском вестнике», где я выступаю под псевдонимом «Радда Бай». Пусть они вышлют вам ее отдельной брошюрой. Мой индус представлен там под именем Такур Гулаб Сингх. Из этой книги вы узнаете, чем он занимался и какие необычайные явления связаны с ним. Обратите особое внимание на письмо ХХ («Московский вестник» от 27 апреля 1880 года, № 115) и письмо ХХI (№№ 117 и 129). Уверена, что вам это будет интересно. Теперь он навсегда покинул Индию и поселился в Тибете (куда я могу отправиться когда захочу, хотя, уверяю вас, туда ни за что не проникнуть ни Пржевальскому*, ни кому-либо из англичан), и из Тибета он переписывается с англичанами из нашего Общества, которые по-прежнему целиком находятся под его таинственной властью.

В качестве еще одного доказательства позволю себе отправить вам с той же почтой весьма любопытную книгу — «Оккультный мир» А.П.Синнетта*, редактора газеты «The Pioneer», самого консервативного англичанина, тори* до мозга костей; одно время он являлся самым ярким оппонентом покойного еврея Биконсфилда* — ныне же это мой ученик и преданный слуга. Тот самый Синнетт, который еще пару лет назад презирал индусов до такой степени, что его тошнило от этих «черномазых», теперь в крайне самоуничижительных выражениях посвящает свою книгу *индусу* — одному из моих друзей (который тоже живет в Тибете)*. Она, видите ли, посвящена «Тому, кто благодаря своему пониманию природы и человечества стоит настолько *выше европейской науки и философии*, что лишь наиболее *разумные*, наиболее выдающиеся их (науки и философии) представители способны *осознать наличие в человеке такой силы*, какую постоянно проявляет он, Кут Хуми Лал Сингх, чье дружеское расположение дало автору право добиваться внимания европейского общества...» *Mirabile dictu!** Англичанин, смиренно распростершийся ниц перед индусом, униженно умоляющий *меня* выступать посредником между ним и Кут Хуми Лал Сингхом! В хорошем же положении я оказалась — и, надо сказать, в уникальном, не правда ли?

Однако я отклоняюсь от темы. В 1869 году я поехала в Египет, а оттуда — снова в Индию и возвратилась в 1872 году. Затем, уже будучи в Одессе, в 1873 году я получила письмо от моего таинственного индуса, в котором он велел мне отправляться в Париж, и отбыла туда в марте 1873 года (кажется, второго числа). Сразу же по прибытии я получила еще одно письмо с указанием отплыть в Северную Америку, что я и сделала без всяких возражений. Там мне

пришлось доехать до Калифорнии, а оттуда — плыть до Иокогамы, где после девятнадцати лет разлуки я снова повстречала своего индуса: он, оказывается, обосновался в маленьком дворце, то есть в загородном доме в трех-четыре мили от Иокогамы. Пробыла у него лишь неделю, ибо он с подробнейшими наставлениями отослал меня обратно в Нью-Йорк. Там я с ходу приступила к работе. Для начала индус велел мне проповедовать *против спиритуализма*. В результате в Соединенных Штатах на меня ополчились 12 миллионов «блаженных», которые успели уверовать в возвращение во плоти своих тещ, скончавшихся и съеденных червями много лет назад, а также эмбрионов, которым так и не удалось появиться на свет, но которые, *развоплотившись*, растут и взрослеют *там наверху* (если вас интересует точное местонахождение, справьтесь в спиритуалистском руководстве по географии).

Не могу вам пересказать, что я говорила во время публичных лекций перед аудиторией из четырех-пяти тысяч человек. Однако в то время как я считала, что несу бессмыслицу, оказалось, что, опять же как г-н Журден, я, сама того не ведая, обращалась к ним с выразительными речами, которые и привели к рождению *Теософского Общества*. Основанное мною и полковником Олькоттом, прежде фанатичным спиритуалистом, но с тех пор как он повстречал меня, буддистом и оккультистом в духе средневековых *розенкрейцеров* и столь же фанатичным антиспиритуалистом, [Теософское] Общество заметно росло. Все *спиритуалисты*, разочарованные в *материализовавшихся* тещах, которые у себя на том свете успели позабыть имена своих невесток, бывшие фанатики всех мастей, ныне протестующие против протестантизма, католицизма, спиритуализма и прочих «измов», — все эти люди клюнули на новую философию, свалившуюся с неба, и стали членами нашего Общества. На следующий, 1875 год, численность его составляла уже от восьми до девяти тысяч человек. Тут я получила еще одно письмо, заставившее меня оставить лекторскую работу (меня заменил полковник Олькотт), сесть и написать книгу, которая в напечатанном виде составила 1400 страниц мелким шрифтом, — два толстых тома под названием «Разоблаченная Изида»!

Не стану о ней говорить, ибо не было газеты, которая не упоминала бы о ней — либо для того, чтобы разнести в пух и прах, либо для того, чтобы уподобить величайшим творениям всех философий прошлого, настоящего и грядущего. Я писала ее совсем одна — рядом не было никаких помощников, писала на английском, который тогда едва знала, однако, как и в случае с моими лекциями, оказалось, что я писала на классическом английском без единой ошибки, подкрепляя свое небрежное изложение цитатами из известных и неизвестных авторов, порою из книг, существующих в единственном экземпляре где-нибудь в ватиканской или в бодлианской библиотеке, — книг, к которым у меня тогда просто не могло быть доступа, но которые со временем помогли подтвердить правильность написанного мною и отомстить клеветникам, ибо выяснилось, что я точно процитировала все до последнего слова. Эта работа была и остается сенсацией. Она переведена на несколько языков, включая сиамский и хинди, и является *Библией* наших теософов.

Написала ли я ее сама? Нет, она была написана *моею рукою* и *моим* пером. В остальном же я от своего авторства отказываюсь, ибо сама в этой книге до сих пор ничего не смыслю. Но десять тысяч экземпляров первого издания по 36 шиллингов за штуку разошлись буквально за месяц; мне же в качестве прибыли от продаж пришлось довольствоваться лишь славой, не получив ни гроша, так как, будучи убеждена, что все это — праздная болтовня, не стоящая и одного-единственного издания, я продала ее издателю, как говорится, за спасибо, тогда как он заработал на ней сто тысяч долларов, ибо за последние три года книга эта выдержала шесть изданий. Вот так-то.

Собрав весь урожай авторских почестей, а в качестве *материального* вознаграждения получив только оскорбления со стороны моих фанатичных критиков, я получила распоряжение выбрать семь теософов, готовых при надобности пожертвовать жизнью ради успеха своей миссии среди язычников, и вместе с этими *делегатами* сесть на корабль, отплывающий в Индию*. С 1865 по 1868 год, когда все думали, что я в Италии или где-нибудь еще, я побывала в Египте, откуда я должна была отправиться в Индию, но отказалась это сделать. Именно тогда я вернулась в Россию вопреки советам моего учителя, желавшего, чтобы я поехала в ламаистский монастырь Топ-Линг за Гималаями, где я так хорошо себя чувствовала, — вернулась, изменив маршрут, влекомая желанием вновь увидеть [...] (нет, простите, но я, видимо, не в силах это выговорить) — скажем, свою родную страну, и приехала в Киев, где потеряла все, что мне было дороже всего на свете, и чуть не лишилась рассудка. Впрочем, с тех пор я наверняка безумна, ибо временами мне кажется, что я сплю и все это вижу во сне! Однако...

Сразу по прибытии в Лондон, где было основано наше первое «Британское Теософское Общество» с графом Карнарвоном и Балкарресом (лордом Линдсеем) во главе (смотрите Устав, который я вам посылаю), мы возобновили наше путешествие. В Суэце, в Адене и везде,

где только можно (в первую очередь во Франции, на Корфу и на Мальте), мы основывали наши Общества, ибо друзья, *собратья* были у нас уже повсюду. Прибыв в Бомбей, я оставила в покое англичан, потому что хотела посвятить все свое время коренным жителям. Увы, последствия не заставили себя долго ждать! Как только мы сошли на берег по просьбе поднявшейся на борт корабля депутации из двухсот индусов, на набережной нас приветствовала толпа из пятидесяти тысяч человек, и англичане были вне себя от ярости. Меня приняли за русскую шпионку!! Англо-индийское правительство с пронизательностью, присущей милордам с *Оксфорд-стрит*, которых направляют в Индию вместо обычных лордов, решило, что меня подослал генерал Кауфман* — мой бедный невинный красноносый друг Константин Петрович! Я не виделась с ним с 1848 года; тогда, в Абаз-Тумане, он имел обыкновение попусту объясняться мне в любви, восседая на куче картошки с морковью.

Представляете? Эти глупые англичане стали тратить огромные суммы денег на слежку за дочерью моего отца. Краснощекие агенты тайной полиции с пышными выцветшими усами целых семь месяцев ходили за мною по пятам, проехав на поезде около пяти тысяч километров, следя за мною всю дорогу от Бомбея на север Индостана в Раджпутану*, оттуда — в Центральную Индию, затем в Пенджаб, Кашмир, Дарджилинг, где по истечении семи месяцев я покинула британскую территорию, на прощание показав шпиикам нос. Им запрещено ступать на территорию Тибета, и я отправилась туда *одна*, расставшись с индусами и американцами — моими спутниками, которые остались дожидаться меня в Дарджилинге. Я отправилась в монастырь к своим друзьям-ламам, совершая паломничество «в поклонение Будде», как я в насмешку написала в записке, отправленной шпику, который следил за мною до самого конца пути. Возвратившись через три недели, я снова встретила и своих спутников, и шпииков, поджидавших мою *опасную* персону. Уверена, что англичане и по сей день считают, что у меня в Тибете была тайная встреча с Кауфманом, переодетым в далай-ламу*.

Поняв, что с этими глупцами-англичанами ничего не поделаешь, я принялась понемногу с ними знакомиться и обнаружила, что в глазах туземцев они стали просто посмешищем, но закончилось все тем, что они «успокоились в собственном волнении», как говаривала моя старая няня, раскладывая карты для гадания. В конце концов мы отбыли на Цейлон по приглашению наших друзей, теософов-буддистов. Итак, в прошлом году наша делегация из девяти человек, посланных девятью Обществами, в составе которой были представлены самые разные народы: американец, русская, индус, англичанин, итальянец, парс, пенджабец, непалец и раджпут* — высадилась на Цейлоне, и клянусь вам, дорогой мой князь, такой прием, как нам, не оказывали и принцу Уэльскому!

В течение трех месяцев одно триумфальное шествие сменялось другим: процессии, во главе которых шли сотни высокопоставленных буддийских священнослужителей и слоны (я сама ехала на слоне кофейного цвета); вдоль дороги через весь Цейлон — гирлянды из цветов и триумфальные арки через каждые десять шагов; женщины из центральных провинций, украшенные, вернее, *одетые* в алмазные ожерелья в качестве единственного предмета облачения; процессии сингальских аристократок, разодетых наподобие средневековых голландских дам, подходившие ко мне, чтобы простереться передо мною ниц; священнослужители сиамской секты* в желтых накидках на голое тело, перекинутых через левое плечо, и так далее.

Англичан снова охватила ярость, однако они не стали ничего предпринимать: боялись революции, народного восстания. «Убивайте индусов и буддистов, но не трогайте их религии, иначе они сами поубивают вас», — гласит местная поговорка. В глазах туземцев я была пророчицей, которую послал им Будда. Как они до такого додумались, откуда у них столь странное наваждение — не знаю! Тем не менее это неоспоримый факт, и поэтому англичанам приходилось со мною считаться. Я быстро выучила санскрит и пали; скоро буду читать лекции на обоих этих языках. Сингалы выбрали меня своим третейским судьей в религиозных вопросах. На Цейлоне есть две буддийские секты — сиамская и секта Амарapura*, постоянно враждующие друг с другом. После семи веков вражды я их примирила. Я дискутировала с ними по религиозным проблемам и объясняла им тот или иной метафизический вопрос из *Трипитаки* и *Абхидхармы** — буддийских священных писаний. Откуда мне известны эти столь абстрактные и метафизические вещи? О! В этом-то и заключена страшная тайна. Но я чувствую себя в силах держаться с достоинством перед величайшими знатоками санскритской учености и побеждать в публичных дискуссиях как брахманов, так и буддистов, которые на своих священных писаниях собаку съели.

Вам достаточно пролистать мой журнал «Theosophist» — издаваемый мною в Бомбее ежемесячник, куда пишут величайшие *пандиты** (ученые, астрологи, богословы и прочие),

скромно получая наши критические отзывы и замечания. Где я этому научилась? Наверное, в другом воплощении, но истина в том, что я все это знаю.

Впрочем, полагаю, пора заканчивать сие и так уже слишком длинное послание. Дорогой князь, вы, вероятно, уже жалеете, что попросили меня рассказать историю моей жизни. Но колы скоро я поспешно откликнулась на вашу просьбу, я вынуждена послать вам *доказательства* того, что излагаю, — в противном случае вы можете решить, будто я в Америке научилась врать, как... газовый счетчик*. Однако честь имею отправить вам три номера журнала, который я издаю, «*Theosophist*». Высылаю вам также *Устав и Постановления* нашей организации, дабы вы могли прочесть (помеченные красным карандашом) имена моих лучших европейских и азиатских учеников. Возможно, вы все это отправите в огонь, но не раньше, чем ваше любопытство позволит вам удостовериться в том, что я говорю правду.

Но я должна закончить свою историю и рассказать вам о том, как вышло, что мне пришлось приземлиться здесь, в Симле — центре англо-индийского правительства, среди аристократии, которая меня выслеживает, обожает, ненавидит и боится. Будет свободное время — возьмите «Русский Вестник» за май, июнь и июль 1881 года. Там вы найдете публикацию «Дурбар в Лахоре», дневник русской женщины за подписью «Радда Бай» — я всегда подписываюсь этим именем.

После возвращения с Цейлона и моего буддийского триумфа вышеупомянутая аристократия начала со мною заигрывать. Из Симлы ко мне стали поступать настойчивые приглашения провести там *жаркие месяцы* — сезон, когда на равнинах Индостана все горит, изжаривается и превращается в пепел. В прошлом году я провела этот сезон в гостях у г-на Синнетта (сезон чудес, описанный в его «Оккультном мире»). В этом году я получила приглашение в Ротни-Касл, расположенный в десяти тысячах футов выше уровня моря, от г-на Хьюма, которого *только что назначили губернатором* северо-западных провинций*. (Позже вам станет ясно, почему я об этом упоминаю.) Прошел месяц, и маркиз Рипон, который три года назад обратился в католичество и всецело находится в руках иезуитов, перепугался и... принял меня за *дьявола*! Сказать-то он ничего не осмелился, хотя и является вице-королем, однако его партия принялась подрывать мое влияние в тех кругах, где я властвовала безраздельно. В ход пошло все: злословие, ложь, клевета и прочее. Все это делалось по наущению рипоновского духовника-иезуита — отца Керра, этакого *venticello*⁵⁵, о котором говорит, вернее, поет дон Базилио*.

Общество раскололось на два лагеря, причем большинство осталось со мною. Все дамы, все придворные и великое множество военных — молодых *агностиков* — бросились на мою защиту, готовые стоять за меня насмерть, причем возглавил их сам г-н Хьюм. Последний пошел гораздо дальше. Он набрал около пятидесяти светских львов и львиц и, когда все они вступили в Теософское Общество, основал его параллельную ветвь под названием «Эклектическое Теософское Общество Симлы», был избран председателем оно и под предлогом того, что дела Общества занимают все его время и требуют полной самоотдачи, *подал вице-королю прошение об отставке, отказавшись от поста губернатора провинции* и заявив, что службе Ее Величеству он предпочитает теософию*! Общественное положение и богатство позволили г-ну Хьюму осуществить все это.

Однако поскольку это отделение Общества подчинено нашему, «материнскому» Обществу, *истинным* руководителем которого являюсь я, выбор г-на Хьюма расценили как оскорбление и вице-король, по-видимому, отметил, что г-н Хьюм предпочитает служить не Ее Величеству королеве-императрице, а г-же Блаватской (смотрите прилагаемую брошюрку с нашим Уставом*). Полковник Олькотт, хотя и числится нашим председателем, на самом деле мой ученик и обязан мне во всем повиноваться. В прессе поднялся страшный шум. Боже праведный! Меня принимают рвать в клочья. Католические миссионеры преследуют меня со всею *odium theologicum*⁵⁶, на какую только способны. Но я *никого не боюсь*. Я могу отправиться в Тибет, в Лхасу, *когда мне вздумается*, а им этого не дано.

Тем не менее, убедившись, что я никакая не русская шпионка, мои недруги измыслили очередную инсинуацию: будто я *не госпожа Блаватская, а некая особа, знакомая с нею и укравшая ее документы*, которую здесь принимают за госпожу Блаватскую. Настоящая же госпожа Блаватская умерла, и люди говорят, будто «она похоронена в Адене... мы сами видели имя этой дамы на могильной плите». Насчет плиты все верно, ибо я специально заказала могильный камень с выгравированным на нем моим именем — это было в Лондоне

⁵⁵ *Venticello* (итал.) — ветреник, повеса.

⁵⁶ богословской ненавистью (лат.).

более двадцати лет назад. Я брала этот камень с собою во все путешествия, чтобы, случись что со мною, меня могли бы опознать. Но в конце концов это надгробие стало обузой. Когда в 1871 году я сошла на берег в Адене, у меня умерла Коко — моя абиссинская обезьянка. Я так горько оплакивала ее смерть, что пожертвовала своей любимице собственную мраморную плиту, которой предназначалось в один прекрасный день прикрыть мои останки. Я лишь приписала черной краской перед своей эпитафией слова «*favourite monkey of...*»⁵⁷, после чего надгробная надпись, первоначально гласившая:

HELENA P. BLAVATSKY
died .....⁵⁸

теперь приобрела следующий вид:

The favourite monkey of
HELENA P. BLAVATSKY
died in 1871⁵⁹.

Однако слова, дописанные краской, смыло дождями, а мое выгравированное имя осталось. Ходили слухи, что эту мраморную плиту с тех пор успели похитить. Вот почему в Симле меня стали принимать за мою же собственную служанку или горничную! Более того, поговаривали, что я не дочь моего отца, не племянница моего дяди и даже (о если бы я только могла пригубить этот волшебный нектар!) не возлюбленная супруга старика Блаватского.

Как-то раз на вице-королевском балу в связи с подобными слухами разгорелась ссора между г-ном Синнеттом, издателем «The Pioneer», и г-ном Примроузом, личным секретарем лорда Рипона. Синнетт в ярости подошел ко мне в сопровождении сэра Лайэлла и леди Лайэлл и поинтересовался, не желаю ли я написать своему дяде (имя которого здесь хорошо известно) или графу Лорис-Меликову* письмо на предмет опознания моего почерка и попросить их сообщить мне о результате, что помогло бы идентифицировать мою личность. Я жутко разозлилась. Во-первых, Лорис-Меликов не знаком с моим почерком. Во-вторых, я не знала, на какой адрес писать моему дяде. Я отказалась. Но, вернувшись с бала, Синнетт обнаружил конверт с письмом от своего индуса (Кут Хуми), который вдруг откуда-то выпал прямо у него перед носом (конверт, а не индус). В письме были следующие слова: «Передайте ей, пусть напишет князю А.Дондукову-Корсакову, генерал-губернатору Одессы, и попробует все уладить через него. Князь ее знает». Так что они о вас наслышаны, эти таинственные индусы с Тибета!

Я сделала то, о чем меня просили, боясь потревожить вас своей просьбой и страшась, что вы пошлете меня с моим письмом к черту. «Если генерал Фадеев, — заявили мне сэр А.Лайэлл и г-н Хьюм, — признает ваш почерк и ответит на ваше письмо, направив свой ответ на имя г-на Примроуза, дабы тот прочел его и затем вручил вам, то в этом случае мы разобьем наших врагов».

И вот, прежде чем до меня и г-на Синнетта дошел ответ моего дяди, когда я была еще в Симле, прямо на большом званом обеде у г-на Хьюма мне принесли письмо от вас. На вас, мой князь, явно снизошло вдохновение свыше, когда вы писали эти слова: «Узнав ваш почерк, я вспомнил...» и так далее! Полный триумф, сокрушительное поражение моих недругов! Вы, князь Д[ондуков]-К[орсаков], один из российских «сильных мира сего», пишете такое письмо, и кому — «мелкой авантюристке»!

Господи, какой потрясающий эффект возымело письмо князя, *настоящего, живого* князя в среде всех этих парвеню*, этих лавочников, из которых в основном и состоят официальные круги и *аристократическое* общество Симлы и Индии в целом! Это вам я обязана тем ежедневным ворохом визитных карточек, которые я лично получала следующие пару недель.

⁵⁷ «любимая обезьянка...» (англ.).

⁵⁸ ЕЛЕНА П. БЛАВАТСКАЯ
скончалась.....

⁵⁹ Любимая обезьянка
ЕЛЕНЫ П. БЛАВАТСКОЙ
скончалась в 1871 г.

Вы ведь простите мне, не правда ли, мою нескромность (ввиду критической ситуации, в которой я оказалась), с коей мне пришлось потрясать вашим письмом перед носом у моих врагов, демонстрируя им вашу подпись и первые строки послания? А теперь, мой дорогой князь, я к вашим услугам.

Мой дядя пишет, что он обратился с просьбой к вам как к губернатору того края, откуда я в прошлом отплыла в чужие страны, выслать мне официальное свидетельство о том, что я — это в самом деле я, и никто другой. Если таковое возможно, то благодарность моя, дорогой мой князь, станет еще сильнее.

Как мне доказать вам свою признательность? Я всецело в вашем распоряжении. Быть может, если вам выпадет счастье избавиться от евреев, то вам придется однажды заселять бесплодные земли Бессарабии? Что если я направлю к вам тогда несколько тысяч бирманцев и прочих буддистов? Или, возможно, вам, которому случается проявлять деликатность, незнакомую ни одному английскому лорду, и отказываться от золотых медалей за ваши виноградники и вина, вдруг понадобится дюжина сингальских колдунов с их заклинаниями, дабы изгнать из своих виноградников это вредоносное насекомое — кузьку? Или потребуются армия индусских астрологов, чтобы составили вам гороскоп и защитили вас от дурного глаза? Все это я могу вам предоставить.

Dixi. Вот вам «невероятная история Роберта-Дьявола»* и т. д.

Между тем примите выражение вечной благодарности от бедного Вечного Жида* в юбке, который по-прежнему зовется

Елена Блаватская

Письмо 3

Редакция журнала

«Theosophist»

7 февраля 1882 г.
Бомбей

Дорогой князь!

Получила ваше любезное письмо только прошлым вечером, а поскольку корабль, неучтивый, как и все английское, отплыл через несколько часов, не дожидаясь, пока я управлюсь со своими письмами, то я лишена удовольствия ответить сегодня же и на ваши вопросы, и на ваши скептические замечания. Поэтому попридержу свой пыл до следующего корабля и пока что ограничусь тем, что напишу о *делах*.

Вы получите все, чего желаете: я все отыщу и вам вышлю. Велите, приказывайте и помните, что благодаря вашей доброте, милостивому вниманию, вашему письму на английском языке, фотографии и прочему, вы приобрели в этой языческой стране преданного раба. Поверьте мне, эти выражения преданности — *не показные*; я никогда не вернусь в Россию, никогда вновь не увижусь с вами, но отныне я посвящаю себя служению вам. Приказывайте, и будет исполнено, ибо на этот раз я убедилась, что есть еще на свете истинные *gentilshommes*⁶⁰ (к черту джентльмены!). Высказав вам из глубины своего старческого сердца, переполненного горечью и злостью на высшее общество — *на сливки общества* — тибетское «Ом мани падме хум»* и воскликнув еще «Да здравствуют русские князья и нирвана!», я приступаю к разговору о делах.

Мой адрес? Е.П.Блаватской больше не пишете. В Индии я — что-то вроде белого волка, то есть существо, науке неизвестное. «Штаб-квартира Теософского Общества, Бомбей». Это наша Штаб-квартира. На морском берегу — большая гора с более или менее китайской

⁶⁰ благородные люди, то есть джентльмены (франц.).

пагодой на вершине* — вот мое жилище, вернее, пристанище, когда я нахожусь в Бомбее, с принадлежащим Обществу бунгало, с залом для собраний, библиотеками, лабораториями для химических и психологических опытов и прочим, а также, как вы изволите выражаться, с пятью десятками глупцов всех племен, индусами, парсами, монголами и англичанами, сотрудниками Общества, которые уже на полпути к достижению *нирваны** и ловят Парабрахму* за хвост у подножия моей персональной пагоды. Именно там и «благоухает эта роза» и оттуда, если вам угодно, пишет вам в данный момент.

Ну так чего же вы желаете? Вы пишете, что Чихачев раздобыл для вас мебель. Мне любопытно узнать, сколько же он за нее заплатил. Даю мою теософскую голову на отсечение, что вас с ним ободрали как липку! Здесь нет ничего дешевле *резной* мебели. Ремесленники получают 4 анны (50 сантимов)* в день за резьбу по дереву, достойную волшебника. Мой дом весь заставлен мебелью из черного и сандалового дерева, потому что она здесь дешевле, чем еврейская мебель у нас в Одессе. Вчера за книжный шкаф в три *аршина** длиной и два высотой (с маленькими стеклянными окошечками, весь из черного дерева, резной, словно изящное черное кружево, с вырезанными кругом пляшущими богами и богинями) я заплатила всего 40 рупий! В Париже или Петербурге за него давали бы от 200 до 300 рублей. А огромный круглый стол с большим, в пол-аршина, бордюром по окружности, на необыкновенно изящном пьедестале в виде хвоста дракона и трех ножек в виде драконьих голов? За всю эту тончайшую отделку наподобие изысканной дамской шкатулки или какой-нибудь драгоценной брошки я отдала всего-то 25 рупий. Правда, эти вещи не новые, но, даже если бы они были новыми, их цена поднялась бы только на 10-15 процентов. Здесь учитывается стоимость дерева, а не самой работы. Сандаловое дерево стоит очень дорого, потому что индусы используют его при кремации своих покойников, и это подняло сандал в цене; но у нас в Обществе есть несколько лесопромышленников, и я обязываю их снижать для меня свои цены. Они *не смеют* мне отказать, ибо считают меня некоей святой, бедные глупцы!

Не смейтесь, мой дорогой князь! Мой дядюшка, подобно Жерому Патюро, сейчас в поисках «достойного положения», а его племянница — воплощение Шакьямуни Татхагаты*, Будды; так что в наше время лучше быть воплощением Будды, чем русским генералом. Но все это — излишние подробности. Напишите мне точно, чего вы хотите, какой именно мебели и по какой цене. Я попрошу теософов из Бенареса прислать мне бронзовой кухонной утвари. В прошлом году я отправила моей тетушке, г-же Фадеевой, массу всякой всячины. Если бы вы только видели эти вещи! Вы, должно быть, заметили у Стадовского в Одессе одну вазу всего за 15 рублей (или даже за 10, точно не помню). Напишите мне, каким пароходом вам предпочтительнее все это отправить. Думаю, лучше всего действовать через Австро-венгерскую компанию. Полагаю, их пароход заходит в Одессу. Я бы посоветовала вам приобрести кое-какие редкости: в Агре торгуют блюдами, шахматными столиками и прочим — все это из белого мрамора, прекрасная отделка, чудная мозаика из множества цветных камешков. Просто восхитительно! Во дворцах раджей* таким образом бывают отделаны стены. Бенаресский махараджа* подарил мне такой столик, и я завещаю его после смерти Румянцевскому музею*, ибо я собираюсь многие редкие вещицы передать русским музеям и университетам. Самые дорогие из вышеупомянутых блюд стоят от 50 до 100 рупий, а подобные столики — от 100 до 200 рупий. Дели и Лакхнау славятся своими ожерельями и ножными браслетами дивной ручной работы, очень дешевыми; они сейчас в большой моде. Вот поеду на Цейлон и лично вышлю вам оттуда в качестве сувенира, если вы, конечно, его примете, шкатулку и письменный стол, сработанный из 45-50 различных видов дерева, весь покрытый мозаикой. На Цейлоне у нас сейчас 8 000 теософов, а также 11 своих школ на Цейлоне и в Бирме. Попрошу, чтобы мне подобрали все самое лучшее. Дакка известна своими тончайшими, под стать паутине, платками. Пятьдесят аршинов подобной муслиновой ткани можно продеть через кольцо. У нас много редчайших изделий, все лучшее, что только найду, буду отправлять вам. Помните, дорогой мой князь, все самое утонченное здесь связывают со священной короной и богом-обезьяной. Разумеется, Елена, которую по мужу (?) называют Блаватской, преобразилась в Бодхисаттву*, *вашу* преданную слугу до скончания времен. Но благодарность у меня в крови, несмотря на прочие мои пороки.

На этом заканчиваю свой доклад. Будьте так добры, мой дорогой князь, изложите мне свои желания во всех подробностях, дабы исключить малейшие ошибки и недоразумения. Я поручила нашей канцелярии послать вам все номера журнала «Theosophist», включая последний, февральский, и сама лично отправила посылку вам в Тифлис. Что касается «Разоблаченной Изиды», то в данный момент выслать ее не могу, поскольку все экземпляры распроданы. Я велела секретарю заказать некоторое их количество из Нью-Йорка, и сейчас он ожидает прибытия новой партии. Книгу мою перевели на санскрит, и она пользуется потрясающим успехом. Я говорила вам, что ее написала *не я*, а моя рука, но если вы этому не

верите, то тут уж ничего не поделаешь.

На следующей неделе я отвечу на все ваши вопросы, но сейчас я в страшной спешке. Фауст вызвал Мефистофеля, и последний не перестанет теперь забрасывать вас письмами, и каждое будет липнуть к вам, как банный лист. Но если вы пожелаете, чтобы я умолкла, я так и сделаю. Почему вы ничего не сообщаете об «Оккультном мире», который я вам выслала? Вы его получили? Если книга затерялась, я вышлю вам другой экземпляр. В ней вы столкнетесь еще с одним *alter ego** моего таинственного индуса-чудотворца, который играл и продолжает играть в моей жизни столь важную роль. Не хотите ли вступить с ним в переписку? Он бы открыл вам все тайны Тибета и Индии. Он не станет ни одного письма посылать по почте: они будут поступать к вам непосредственно из Тибета, из Шигадзе, и опускаться прямо на ваш письменный стол. Вот только согласится ли он сам?

Бесконечно вам благодарна за вашу фотографию. Вы на ней по-прежнему необыкновенно красивы, мой дорогой князь, — вот почему вы пренебрегаете метафизикой и подтруниваете над философией. Когда вы постареете и подурнеете и, подобно мне, почувствуете, что все вокруг рушится, тогда вы, вероятно, станете претендовать на подобные знания. Никогда не забуду, как где-то за месяц до моей свадьбы на балконе у княгини Лидии Гагариной, в Тифлисе, вы прочитали мне проповедь на тему морали. Помните? *Tempi passati!*⁶¹

На следующей неделе вышлю вам фотографию моей собственной физиономии. Только умоляю вас, постарайтесь, чтобы она не обернулась для вас ночным кошмаром.

Между тем примите искренние выражения глубочайшей преданности от крайне вам обязанной

Е.П.Блаватской,

«злого духа» всей Британской Индии.

Письмо 4

1 марта 1882 г.
Бомбей

Дорогой князь!

Следуя своему обещанию, высылаю вам снимок, запечатлевший обветшалые черты той, которая *была*, но которой уж нет. *Requiescat in pace*⁶². Я сделала все, что было в моих силах, чтобы отправить вам более приличную и свежую фотографию (эта была сделана в 1880 году, когда я уезжала из Нью-Йорка*), но другой просто не оказалось, а чтобы сделать новую, понадобился бы месяц, ибо в здешнем палящем климате все становится сонным, еле ползает и в конце концов вовсе засыпает, за исключением вашей покорной слуги, которая «всегда начеку».

И опять же, так как даже «самая красивая девушка способна дать лишь то, что имеет», то вместе со своей фотографией посылаю вам снимок моего слона Ваньки — моего лучшего друга. Снимок сделан в Ратнапуре (Цейлон), где у Общества одна из штаб-квартир, каковые у нас теперь повсюду. Слона, в свою очередь, сопровождают несколько видов Цейлона — основной базы моей теософской деятельности — и несколько фотографий вождей Канди, потомков тамильских царей Цейлона, а также двух-трех красавиц, на которых одежды лишь самая малость, но тем больше в них добродетели; все это члены нашего Общества. В Индии, дорогой мой князь, особенно на юге, добродетель, равно как и высокое социальное положение женщин, измеряется более или менее выраженным отсутствием одежды. Наши Лукреции и королевы роз индусского Понтуаза пренебрегают даже традиционными фиговыми листками. У нас тут только *натш* (баядеркам) и «*нати*»* положено прикрывать свою грудь до

⁶¹ Времена минувшие! (итал.).

⁶² Пусть покоится с миром (лат.).

тали; ходить с полностью обнаженным торсом могут себе позволить лишь брахманки из высшей касты, вероятно, по принципу «Жена цезаря должна быть вне подозрений» и наоборот.

И, наконец, честь имею послать вам несколько групповых портретов более или менее прославленных теософов (из тех, кого вы называете «глупцами»), среди которых скромно стоит и дочь моего отца, их «духовная мать», опять-таки в духовном смысле, очевидно, по принципу «Стране слепых положен *одноглазый* король». Любезно примите все это как весьма скромный дар моего почтительного восхищения, признательности, преданности (завершить эту фразу можно при помощи любого словаря синонимов). Если уж вы решите что-то вставить в рамку, то пусть это будет Ванька, мой слон, ибо так уж распорядилась капризная судьба, что это меланхоличное животное непременно станет фигурировать однажды в «истории религиозно-философского развития цивилизации Индии и Цейлона» в качестве *лошадки*, любимого ездового животного «махатмы Блаватской», и затмит исторического верблюда Магомета.

А вот вам и еще история! В «Новом Времени» упоминается некий «Амикус» из Санкт-Петербурга, которому принадлежит следующий пассаж: «Одна высокопоставленная особа (нетрудно догадаться, мой дорогой князь, что речь идет о вас) недавно получила из Бомбея письмо, содержащее необыкновенную информацию о русской женщине, госпоже *Главатской*, которая, по-видимому, играет в Индии роль своего рода миссионера... проповедующего религию *собственного изобретения*. В настоящее время у госпожи Главатской уже до 75 000 приверженцев» («Новое Время», № 2115).

О святой, несуществующий Моисей! И как только терпит мать-природа таких лживых журналистов? Когда это я изобретала какую-нибудь религию или веру? И зачем, если уж я не повинна в такой глупости, коверкать мою фамилию, которая и так уже имеет свойство несколько смущать меня и к тому же весьма неблагозвучна, — зачем же переделывать ее в «Главатскую», которая звучит еще хуже?! И все это враки. «Слышал звон, да не знает, где он». Ничего я не изобретала; не для того я отринула всяческую поповщину, отвернулась от разношерстных догматиков, чтобы на старости лет самой изобретать всевозможные религии и верования!

Моя вера — это полное отсутствие веры, даже в саму себя. Я давно перестала верить в видимых и незримых личностей, или в общепринятых и субъективных богов, в духов и в провидение — я верю **только** в человеческую глупость. Для меня всего, что обусловлено, относительно и конечно, не существует. Я верю лишь в Бесконечное, Безусловное и Абсолютное, но я не проповедаю свои идеи.

В нашем Обществе, состоящем из представителей всех народов, всех религий, всех концепций, *никто*, от президента до последнего члена, не имеет права распространять свои представления, и каждый обязан уважать убеждения и верования ближнего своего, какими бы абсурдными они ему ни казались. Нас не 75 000, а скорее 300 000, если учитывать все союзные общества. И весь секрет моего «аватарства»* (в которое верят глупцы) в том, что я защищаю право каждого честного человека, будь то буддист, брахманист, джайн*, иудей или поклонник дьявола, верить и поклоняться как ему угодно, если только он делает это *искренне*. Вот почему я говорю христианину: если ты веруешь в своего Христа, то живи, как жил Христос, и старайся походить на Христа, а не на папу римского или на Лютера. То же самое я говорю и буддисту, приводя в пример Гаутаму Будду, величайшего философа на свете, и доказываю собеседнику, что никто еще не возвестил учения более нравственного, более этичного, более практичного — *единственного* учения, которое ведет человечество к счастью и покою здесь, в этой юдоли слез и скорби, а не на гипотетических блаженных небесах.

И так с религией любого народа. Я говорю только о древних верованиях брахманов, зороастрийцев, тех же буддистов — в них одна и та же Истина, один и тот же фундамент; все они основаны на единой, по-прежнему неразрешимой для нас проблеме: как просветлить земную судьбу несчастного, слепого, слабого и глупого человека. Поэтому то здесь, то там одна за другой возникали новые веры, а умные люди изобретали догмы, подобно наркотикам одурманивающие сознание стенающего младенческого человечества, вопреки присущему ему здравому смыслу. Так появились различные религии, волшебные сказки о Бове-королевиче*, о небесных царях, восседающих на белых престолах в окружении бесчисленных серафимов и херувимов, которым и *воссесть-то* не на чем и у которых нет рук, чтобы почесать нос, но которые, несмотря на это, умудряются брэнчать на арфах и петь целую вечность напролет. «Чем я прогневал Тебя?» — и так далее.

К чему все это ведет? Разве человечество стало хоть чуть-чуть совершеннее, нравственнее

или счастливее благодаря всем этим верованиям? Обратитесь к статистике преступлений и сравните их количество в протестантских и католических государствах с данными по языческим странам. Сравните — и вы убедитесь, что (так называемая) христианская религия (!) вместо того чтобы улучшать нравственность, плодит фанатиков, как например, среди евреев, что всегда служило прикрытием и поводом для преследования политических преступников и иже с ними. На Цейлоне 10 преступлений приходится на пять миллионов его жителей, тогда как в любом европейском городе вы насчитаете 500 преступлений на всех горожан. В этом отношении полезно взглянуть хотя бы на Лондон. Такова статистика, а цифры врать не могут. И ведь буддисты не верят ни в Бога, ни в Христа и следуют лишь примеру Будды Шакьямуни и Его пяти заповедям.

Если бы человечество обратилось к своему разуму и вместо того чтобы глазеть вверх, на облака, где нет ничего кроме тумана, смотрело себе под ноги, то насколько же счастливее оно бы стало! Для него было бы во сто крат лучше, если бы не существовало иной религии кроме чистой, бескорыстной филантропии — коллективной и индивидуальной любви к человечеству. «Возлюби брата твоего и ближнего твоего, как самого себя» и «Не делай другим, чего не желаешь чтобы делали тебе». Эти слова были произнесены отнюдь не в первом веке христианства, а за 640 лет до Христа; их изрек Конфуций, как теперь доказано; именно это золотое правило — залог счастья всего человечества. Вот вам и новая религия, основанная «госпожой Блаватской».

Наше Общество — это Братство Человечества, а не Петра или Павла. Разумеется, против меня ополчились все миссионеры. Они бы с радостью отравили меня, если бы могли. Они помышляют лишь о том, как бы известить этих несчастных. Из любых честных, работающих, непьющих язычников они делают христиан — католиков или протестантов, становящихся лгунами, ворами и пьяницами, но зато *обращенными в христианство*. Спросите кого угодно: ни один англичанин, даже миссионер, не возьмет в слуги новообращенного — все предпочтут язычника. Причина в том, что, как только индус или мусульманин начинает верить в то, что его грехи искуплены кровью Христа, он тут же принимается пить, красть и дурно себя вести. А что до миссионеров, то им и дела нет: добавили еще одного человека к списку новообращенных (часто это дети и младенцы, подобранные на улице в голодные времена) — и довольны. Разве это та религия, которую проповедовали великие реформаторы? Для этих людей было бы лучше не верить *ни во что* или молиться на коровий хвост либо поклоняться какой-нибудь обезьяне, но оставаться честными людьми и «братьями» по отношению ко всему человечеству, захлебывающемуся в грязи, нежели становиться так называемыми «сынами божьими», «детьми Бога», о котором мы до сих пор ничего не знаем и который, видимо, не очень-то о нас и беспокоится. Вот *практическая* сторона моей веры, но я ее никому не демонстрирую, и она никого не касается. Так что не думайте, милый князь, что я атеистка.

На уровне *физического* сознания я материалистка, но того, что содержится в моем духовном сознании, не вместят и десять томов! Однако это мое и только мое дело. Мой Бог — не их Бог, и мне так же тяжело понять вашего Бога, как одному человеку — понять вкусы другого; поэтому никто не может понять мои вкусы и моего Бога. Все это вам, наверное, покажется и сложным, и глупым, но это потому, что я начинаю забывать русский язык, однако мои глупые слова несут в себе великую истину. *Basta!*⁶³

«Муж-квакер»?!! Убейте меня, но я не знаю, что имел в виду покойный князь Голицын*. Ни за кого я замуж не выходила, а уж тем более за квакера. Они обручаются со Святым Духом и танцуют под звуки флейты. А чтобы у них еще и жены были русские — о таком я и слухом не слыхивала. Мне нечего скрывать. Между Блаватской 1845—1865 годов и той Блаватской, какой я стала за 1865—1882 годы, пролегла *непреодолимая пропасть*. Если вторая Блаватская стремится подавить предшественницу, то это больше во славу человечества, нежели ради собственной чести. Между обеими Блаватскими — Христос и все ангелы небесные и Пресвятая Дева, а за второй Блаватской — Будда и нирвана, с горьким и холодным осознанием печального и смешного фиаско сотворения человека — первого человека, по образу и подобию Божию! Первую Блаватскую следовало уничтожить еще до 1865 года — во имя человечества, способного породить столь безумную диковину. Что же касается второй, то она приносит себя в жертву, ибо первая верила и молилась, думая, что с помощью молитв грехи ей отпустятся, возлагая свои надежды на *non compos mentis*⁶⁴ человечество, — безумие, которое является результатом цивилизации и культурного общества; а вторая верит только в отрицание своей собственной личности в ее человеческой форме, в нирвану, где прекращается всякое бытие, где не могут помочь ни молитвы, ни вера, ибо все зависит от нашей *кармы** (личных заслуг или прегрешений).

⁶³ Хватит, довольно! (итал.).

⁶⁴ Не владеющий рассудком, то есть не в здравом уме (лат.).

Подведем итоги: я не виновна в наличии мужа-квакера. Я заявляю: «невиновна», и я с удовольствием отдала бы остаток «дней моих суровых» за то, чтобы столь же несуществующим в моей жизни, как этот самый муж-квакер, оказался еще и Цинцинатус Блаватский из Чернигова. Последний внес свою скромную лепту в усугубление страданий человечества тем, что в своих имениях за тридцать лет произвел на свет без моего участия немало маленьких Блаватских. И мне одной придется разыскивать в нирване этих детей, связанных с моей кармой, как бусинки связаны с ниткой, на которую они нанизаны. Милый князь, жизнь отнюдь не прекрасна. Было бы лучше для нас, если бы по достижении тридцатилетнего возраста мы лишались памяти.

Так значит, вы готовы принять «сверхъестественные феномены», но не приемлете того, что следует изучать природные силы, недоступные нашему разуму? Но где же, дорогой мой князь, нам провести демаркационную линию? Кто из наших физиков и самых мудрых богословов, пока природные силы не изучены, может сказать: «Вот черта, а дальше — ни шагу»? И разве может существовать что-либо *сверхъестественное* в природе, в естественном мире? Мы невежественны во всем, что есть в этом мире, и потому прибегаем к отрицанию. Я выслала вам «Оккультный мир» для того, чтобы ответить на ваши вопросы из области разума, но вы не сообщаете о том, что прочли эту книгу. Между тем она теснейшим образом связана с вашим вопросом о том, каковы те упоминаемые мною невероятные обстоятельства, при которых я впервые повстречалась с моим таинственным индийцем. Теперь, поразмыслив, я могу вам сказать, что вопрос о муже-квакере касается также и его. Вы просите меня об этом рассказать? Воля ваша.

Я искала встречи с *неведомым*. Обществу, особенно любителям злых сплетен, известна лишь *внешняя*, объективная сторона моей юности, и оно всячески раздувает эту сторону в чисто христианской манере. Но *никто*, даже мои родители, так ничего и не поняли в том, что связано с моей сокровенной *внутренней* жизнью, которую я в «Theosophist» назвала «жизнью души». С шестнадцати лет я всегда жила *двойною* жизнью, таинственной, непонятной даже для меня самой, до тех пор, пока не встретила моего еще более таинственного индуса. С четырнадцатилетнего возраста я каждый свой день встречала в физическом теле, а ночи проводила в теле *астральном**.

Вы скажете: «Ну что за вздор несет эта добрая женщина!» — и будете глубоко неправы. Думайте что хотите, милейший князь, но не идите против Истины, говоря себе, что все это *чепуха*. Я даже ходила к старой Марии Соломоновне Бабуне — да облегчится тяжкое бремя всей навалившейся на нее кармы!! — лишь затем, чтобы повидаться там со всеми этими *кудианами*, тифлисскими колдуньями, которые собирались у нее дома и готовили всякие приворотные зелья и прочие ужасы. Ах, как они заблуждались, принимая меня за Екатерину Вторую! Никогда еще — рассуждая в терминах плоти — не было девушки или женщины холоднее меня. В сознании моем непрерывно извергался вулкан, а подножие горы окружал ледник. Если я примусь вещать вам о союзе, то есть о «бракосочетании красной *Девы*» с «астральным минералом», о философском камне (единении Души и Духа), то не захочется ли вам послать меня к черту? Но разве не следует мне, излагая конкретную тему, прибегать к соответствующей терминологии?

Вам, вероятно, доводилось слышать (или вы не прислушиваетесь к людской молве?), что у моего прадеда по материнской линии, князя Павла Васильевича Долгорукого, была необычная библиотека, в которой имелись сотни книг по алхимии, магии и прочим оккультным наукам. Я еще до пятнадцати лет успела с живейшим интересом их перечитать. Голова моя стала пристанищем для всей черномAGICеской средневековой чертовщины, и вскоре ни Парацельс, ни Кунрат*, ни К.Агриппа уже ничему не могли бы меня научить. Все они рассуждали о «брачном союзе красной Девы с Иерофантом» и о «бракосочетании астрального минерала с сивиллой», о взаимодействии мужского и женского начал в определенных алхимических и магических операциях. Знаете, почему я вышла замуж за старика Блаватского? Да потому, что в то время как все молодые люди смеялись над «магическими» предрассудками, он в эти предрассудки верил! Он так часто говорил мне об эриваньских колдунах, о тайных науках курдов и персов, что я решила использовать его как ключ к этим знаниям. Но *его женою* я *никогда не была*, и я не перестану клясться в этом до самой смерти. **Никогда** я не была «**женою** Блаватского», хотя и прожила с ним год под одной крышей.

Не была я и чьей-то еще женою, как толкуют злые языки, ибо около десяти месяцев потратила на поиски «астрального минерала», в котором должна была содержаться чистая и совершенная «красная Дева», и такого *минерала* я не нашла. Чего я желала и искала, так это тончайшего магнетизма, которым обмениваются люди, «соль» человечества, а у старика Блаватского этого не было; и, чтобы найти, обрести ее, я готова была пожертвовать собою, *обесчестить себя!* Старику это не подходило, пошли ссоры, чуть ли не баталии, пока я

наконец не сбежала от него — *верхом* — из Эривани в Тифлис, где укрылась у своей бабушки. Я поклялась, что покончу с собою, если меня заставят к нему вернуться. Ах, как печально, что мне не дали поступить так, как я хотела! Выйдя замуж весной 1848 года, я в феврале (или в январе) 1879 года все продолжала искать ту самую «соль» и человеческий «минерал», да и с «*Девой*» (в самом прямом смысле этого слова) *все было в полном порядке, ничто никуда не девалось* — и это в то время как в Тифлисе репутацию мою разносили в пух и прах!

Теперь на свете остался лишь один человек (еще несколько лет назад их было двое), которому известен мой секрет и который знает, что все только что мною вам поведанное — чистая правда. Этот человек — князь Семен Воронцов. Второй из них, ныне покойный — мой бедный князь Эмиль Витгенштейн, мой лучший друг, с которым я много лет переписывалась. О! Уж он-то меня никогда не презирал! Он бы ни за что не поверил в ту клевету, которую распространяли обо мне, ибо именно ему я в минуту отчаяния и безумия предъявила подлинное доказательство того, что на свете осталась, по крайней мере, одна женщина, которая, около года состоя в браке и пользуясь при этом репутацией *куртизанки*, — давайте же произнесем наконец это слово — тем не менее *в плотском отношении* по-прежнему чиста, как новорожденное дитя. Я говорю «в плотском», ибо, к сожалению, в нравственном смысле я таковою не была. Поскольку для моих изысканий, связанных с «красной Девой» и человеческой «солью», требовались и физиологические исследования, которым мой возраст уже явно не соответствовал, то воображение мое стало холодно развращенным. Я была погружена в поиски своего *объекта*...

А теперь об индийце, ибо печальное предисловие подошло к концу. Я уже рассказывала вам, что этот человек — дважды мой спаситель. В Афинах, в Египте, на Евфрате — где бы я ни странствовала, я всюду искала свой «астральный» камень (на сей раз без всяких метафор — *буквально*, если позволите). Я жила среди вертящихся дервишей, среди друзей горы Ливан, среди арабских бедуинов* и марабутов Дамаска. И нигде его не находила! Изучала некромантию и астрологию, кристалломантию и спиритуализм — и нигде ни следа «красной Девы»!

В Константинополе я сильно нуждалась в деньгах и хотела заработать 1000 монет — награду, обещанную тому, кто выиграет *скачки с препятствиями*: 18 прыжков через барьеры на диком скакуне, только что убившем двух конюхов. Шестнадцать барьеров мне удалось преодолеть, но перед семнадцатым конь мой вдруг встал на дыбы, опрокинулся на спину и *задавил* меня. Это случилось в 1851 году. Я пришла в себя лишь через шесть недель; последнее, что я увидела, прежде чем впасть в свою *нирвану* (ибо это была полная нирвана), — это как мужчина огромного роста, просто великан, одетый совершенно не по-турецки, вытаскивает из-под коня мою разодранную и окровавленную одежду. И больше ничего. Запомнилось только лицо, которое я уже где-то видела.

Годы спустя, когда, уставшая от всего, не в силах более выносить бедную старуху, графиню Багратион, которая держала меня взаперти в гостинице «Майвартс», заставляя читать «Четьи-Миней»* и Библию, я сбежала на мост Ватерлоо, охваченная страстным желанием умереть. Это искушение подбиралось ко мне уже давно. На сей раз я не пыталась с ним бороться, и мутные воды Темзы казались мне роскошным ложем. Я стремилась к вечному покою, отчаявшись найти «камень» и бесследно потеряв «Деву». Из этого состояния меня вывел все тот же человек; он меня *спас*, утешил и примирил с жизнью, пообещав мне «Камень и Деву». И теперь *они у меня есть*. Завершение этой истории вам известно из моего первого письма. Но, во имя тени великого Гаутамы Будды, какой интерес все это может представлять для вас? Ну вот, пароход отплыл, и вы получите это письмо уже после высланных вам фотографий! Черт знает, что за глупая история! — воскликнете вы. Глупая, зато правдивая.

А теперь поговорим *о делах*. Есть ли у вас в Тифлисе музей? Интересуют ли их старинные монеты? У меня имеется несколько весьма древних — времен императоров, неизвестных историкам; вероятно, эти монеты отчеканили за несколько тысячелетий до нашей эры. Если вы решите, что для них найдется место в вашем музее, то я с удовольствием вам их вышлю вместе с прочим антиквариатом и любопытными безделушками, сопроводив все это подробными описаниями, которыми меня снабдили мудрецы из Королевского азиатского общества Калькутты (хотя они, конечно, ослы). Передайте эти вещи музею от имени Елены Петровны Блаватской, служительницы Будды, с условием, что, когда он призовет свою служительницу в нирвану, они (археологи), — а я не заставлю их долго ждать, — закажут заупокойную службу в храме гебров в Баку*, с возжжением огня священной нефти и с танцами баядерок. Все уже заранее приготовлено; я умру здесь, и в саду уже есть место для могилы. Меня торжественно сожгут на погребальном костре, а затем мой прах разошлют моим ученикам. Я умру в Тибете, куда собираюсь поехать нынешней осенью, мои бранные останки бросят священным псам тамошних лам и Ку-Сунгов.

Вам, мой дорогой князь, я оставлю целебный бальзам — мазь, которую вышлю при первой же возможности. Поскольку ни один химик не сумеет объяснить вам, что же это такое, я вам все растолкую. Это небольшой круглый предмет, напоминающий кость или раковину, шарик, покрытый опаловой оболочкой, то есть нарост, который бывает в верхней части, у самого основания слоньего хобота. Подобный нарост встречается очень редко, его находят только у одного слона из 25 000. Такой слон всегда бывает белого цвета и считается священным. Этот талисман я получила от короля Сиама, почетного члена нашего Общества и великого покровителя цейлонских буддистов. Их во всем мире только три (не короля, а шарика). Один — у короля Сиама, второй принадлежит королю Бирмы, а третьим теперь владею я. Тот, кто носит на шее подобный талисман, будет неуязвим для любых стрел, пуль, огня, ядов, и ему подчинятся все слоны Сиама, Бирмы, Цейлона и Непала. Слон, отмеченный таким царским украшением, является царем слонов. Талисман оберегает от врагов и заставляет всех проникаться любовью к его обладателю. Если этой штукой провести семь раз вокруг сердца, пять раз вокруг головы и три раза между бровей, то вам станут известны самые сокровенные мысли любого человека — стоит лишь пожелать. Я их и без того уже знаю, так что мне сия вещичка просто не нужна. *Мне известно, что вас беспокоило последние семь лет.* Ну зачем вы так изводите наших бедных англичан в Индии? Как не стыдно вам, русским, лишать их сна и аппетита тем, что вы постоянно прокладываете все новые железные дороги в районе Каспия? Вот «The Pioneer» пишет, что вам эти дороги совершенно не нужны и что вы так поступаете только ради того, чтобы дразнить бедных англичан и причинять им побольше страданий. Нехорошо мучить таким образом самых верных друзей, тех, кто вам лишь добра желает.

Выслала вам свою «Разоблаченную Изиду» — распорядилась об этом в канцелярии. Да ведь вы ее и читать не станете — только посмеетесь. Лучше прикажите тифлисским газетам открыть у себя археологические, политические и философские разделы и предложите меня в качестве корреспондента. Я стану поставлять им все новости об Индии. Но на русские газеты нельзя положиться. Даже «Московские Ведомости» учинили такое, что стоило мне больше года жизни.

Однако пора и честь знать, так что на этом заканчиваю. Между тем остаюсь в жизни и смерти вашей верной слугой.

Елена Блаватская

Все свои послания, особенно адресованные вам, я отправляю заказными письмами, в противном случае ни одно из них не дошло бы. Их бы перехватывала и штудировала британская тайная полиция Индии. Но как они задирают нос, когда рассуждают о России! О фарисеи, дети дьявола!

Е.Б.

Письмо 5

Редакция журнала

«Theosophist»

*17 мая 1882 г.
Южная Индия
Гунтуру*

Дорогой князь!

Телеграмму вашу, пересланную из Бомбея, получила в неисследованных пустынях и лесах Рампаса или, точнее, при отъезде туда. Успею вернуться вовремя, чтобы получить ваше письмо и выполнить ваши поручения. Сейчас я на пути в Мадрас, плыву в гондоле по «Бэкингемскому каналу»* и пишу эти строки, держа письмо на коленях, пока мы плывем себе вперед. Два месяца я, как говорится, *порхала с места на место*, путешествуя от одного города к другому, из Бенгалии в Мадрас, а оттуда в Неллuru, Гунтуру, в горы того самого Рампаса

(которые англичанами не исследованы и которые они по договору не имеют права пересекать), куда нас сопровождали йоги-брахманы — они-то и принимали нас в своих храмах; и вот я снова на пути в Неллuru. 85 миль дюжина носильщиков несла меня в паланкине по песчаным равнинам и почти девственным лесам, со свитой из сотни человек и религиозными церемониями через каждые две мили!! Три *кобры*, убитые вчера, как раз тогда, когда эти добродушные пресмыкающиеся, украшенные капюшонами и очками, выразили решимость разделить со мной мое ложе в паланкине, несколько десятков раздавленных скорпионов и встреча со взбесившимся слоном, угробившим одного из наших *кули** — вот и весь скромный набор событий последней недели.

В данный момент я плыву (точнее, мы плывем) по голубым водам озера Чилки (озера Попугаев) и канала в сопровождении дюжины крокодилов, умильно меня созерцающих. Воистину путешествовать по Южной Индии весьма приятно! Однако же я определенно стала для индусов *богиней* и *Дэватой**! Хотите посмеяться — почитайте Приложение к журналу «Theosophist». Полюбуйтесь на все эти обращения, в которых меня сравнивают с непорочной «Дэваки»* и называют «Спасительницей Индии».

Дравиды* никогда ничего не делают наполовину. Неллuru потратил около 10 000 рупий на прием в нашу честь, а Гунтуру — городишко в двадцать тысяч жителей — направил на другой конец канала двести человек с десятью паланкинами, двумя слонами и тридцатью пятью *божественными* музыкантами во главе процессии, проделавшей путь в 85 миль, дабы сопровождать нас к их древнему городу под звуки фанфар, свирелей и санскритских песнопений. За восемь миль до Гунтуру нас вышло встречать все городское население; во главе толпы двигались брахманы, баядерки и музыканты.

Представьте себе дочь моего отца в золоченом паланкине, который несет на головах дюжина *кули*, окруженную высшими (индусскими) чиновниками, пандитами и учеными мудрецами, поглядывающую сверху вниз на огромную охваченную восторгом толпу, простирающуюся ниц всякий раз, как я брошу на нее взгляд. И этой «величественной процессии из множества верблюдов» (как в песне Золушки) потребовалось три часа на то, чтобы пересечь весь город из конца в конец, и весь путь был отмечен фейерверками, триумфальными арками с яркими надписями вроде: «Добро пожаловать, уважаемая госпожа Блаватская!», «Добро пожаловать, теософы!», «Да здравствует в веках теософия!», «Благословение Брахмы возлюбленным основателям Теософского Общества» и так далее на языках телугу, тамильском и санскрите.

14 мая в семь часов вечера мы вступили в город в составе торжественной процессии, пройдя через одни из городских ворот, и только в одиннадцать часов прибыли в приготовленный для нас дом. Из окон своих домов высунулись несколько англичан, «страшно потрясенные и возмущенные»! Но тут уж они ничего не могли поделать. Они не осмеливаются затрагивать религиозные чувства масс. Разглагольствования миссионеров, пытающихся на углах улиц всячески дискредитировать нас, ни к чему не приводят; на днях некий *падре** пережил неприятный момент, когда вскользь упомянул, что я — всего-навсего *русская шпионка*! Толпа чуть было не сбросила его в канал.

Ну и какую же выгоду мне все это принесло? Что проку во всех этих триумфах? Эх, дорогой мой князь, клянусь, что, будь я на 20-25 лет помоложе, в анналах российской истории появился бы еще один Ермак — Ермак в юбке, вступивший в Индию, и тогда эта «прекраснейшая жемчужина» засверкала бы иным блеском — уже не в английской короне, а в царском венце России. Я осуществила бы завоевание Индии, не пролив ни единой капли крови, и преподнесла бы эту страну моей родине.

А между тем — прощай, страна моя. Не видать мне тебя как своих ушей. Я умру здесь, и грешную мою плоть сожгут на погребальном костре, а пепел развеют на просторах Арьяварты*. Прислать вам чуточку? (Не Арьяварты, а пепла?) Между прочим, талисман ваш уже готов. Вышлю его, как только доберусь до дома. Здесь температура поднялась до 120 градусусов в тени!

Надеюсь, это письмо дойдет до вас.

Ваша навеки преданная слуга, всегда готовая вам услужить.

Ваша соотечественница с несколько неопределенным статусом

Е. Блаватская

Письмо 6

Редакция журнала

«Theosophist»

25 июня 1882 г.
Бомбей

Я пишу это письмо в крайне угнетенном состоянии духа, что вызвано двумя причинами: во-первых, боюсь отказа, во-вторых, я никогда не просила ни за себя, ни за других. Терпеть не могу играть роль попрошайки, но больше всего опасюсь, что вы подумаете, мой дорогой князь, что едва завязалась наша переписка, как я уже эксплуатирую ваше доброе отношение ко мне. Однако приключилось столь неприятное *происшествие*, что кроме как у вас мне не у кого искать спасения. Еще перед вашим назначением на Кавказ хотела я написать Великому Князю, но он даже не взглянул бы на мое прошение. Дело обстоит следующим образом.

У меня есть единственный брат, на десять лет младше меня. Едва он появился на свет, как умерла наша мать; отец же, мне думается, сына совсем не любил, и тот рос по существу сиротой. Мальчика воспитывал дед; он же и определил внука, помнится, в Гакке, в одну из тифлисских школ, после окончания которой юноша поступил в Дерптский университет и закончил учебу уже в Москве в 1860 году выпускником юридического факультета. Зовут брата Леонид Петрович Ган. Учебу он закончил с отличием. Он всесторонне развит, хорошо образован и даже эрудирован; такое редко встречается среди государственных чиновников. Хорошо знает и латынь, и древнегреческий, а в юриспруденции мало кто разбирается так, как он. По окончании университета он поступил на службу в Департамент управления государственным имуществом в Тифлисе, а вскоре был назначен судьей в Ставрополе. Леонид так хорошо справлялся с обязанностями судьи, что за *восемь* лет пребывания на этом посту на него *не было ни единой жалобы*. Он *честнейший* человек, что может засвидетельствовать вся Ставропольская губерния, и простые люди любят его за острое чувство справедливости и беспристрастность. В молодые годы он не прочь был слегка развлечься, но кто из вас, государственных мужей, в юности сторонился развлечений? Однако он давно оставил все это, стал уравновешенным, остепенился. И вот тут-то и приключилась эта беда.

Мой брат потерял место из-за того, что суд в то время переезжал из одного здания в другое, а пьяный привратник возьми да и потеряй папку с документами. Как раз в это время в Тифлис пожаловал начальник департамента гражданских дел Квущин, которой, как мне рассказывали многие жители Тифлиса, по всей России прослыл бешеным псом. В Тифлисе его неоднократно пытались поколотить, никто с ним не здоровался, и вообще он творил такие безобразия, что через год его выгнали. Начал он с того, что уволил несколько сот служащих (а ведь многие из них были прекрасными людьми и ценными работниками) и заменил их своими людьми, всякими проходимцами.

Моя сестра пишет, что именно тогда мой брат лишился места из-за пропажи той злополучной папки и сам предстал перед судом. Для него были закрыты все возможности кроме как устроиться адвокатом, что он и сделал. Дело его слушалось в Тифлисе, и суд его полностью оправдал, но должность ему так и не вернули, ибо на Кавказе у него нет поддержки, поскольку все его родственники умерли.

И тем не менее сам Оголин, председатель суда, сказал моей сестре (Желиховской): «Леонид Петрович Ган был нашим лучшим судьей». Но когда сестра моя, Вера, спросила: «Так почему же его не восстановят в должности?», — Оголин ответил, что Квущин так оклеветал Леонида перед Великим Князем, что теперь его трудно переубедить. Однако сестра пишет, что все дело в лени и безразличии Оголина, который просто позабыл о Леониде, и в этом истинная причина. Все хвалят моего брата за ум, образованность и огромную преданность. Об этом мне писали мой кузен, полковник Александр Юльевич Витте из Ставрополя и генерал Броневский (мой родственник). Последний начал хлопотать за Леонида, но, не успев ничего добиться, умер.

Вот и вся история, правдивая, но грустная, поскольку брат мой женат и у него есть семья. Мне сообщили, что он с семьей чуть ли не умирает с голоду. Вот почему, мой дорогой князь, я пишу вам в надежде, что вы устраните несправедливость, учиненную по отношению к бедному, но честному человеку. Мне говорили, что вы обладаете всей полнотой власти на Кавказе, во всяком случае, там ваше слово — закон.

Я не прошу ни о чем кроме справедливости, и я бы не осмелилась просить вас о таких мелочах, сложись все по-другому. Вам легко провести расследование и выявить истину. Я в таких делах ничего не понимаю, но верю, что в вашей власти спасти невинного человека от гибели. Он давно заслужил пост члена губернского суда, но, если в данный момент нет вакансии, его можно было бы, по крайней мере, назначить помощником прокурора или даже снова судьей, ибо у него нет иного желания кроме как служить и не прислуживаться.

Прошу вас, дорогой мой князь, не сердитесь за то, что я вам написала, так же как и Бог (О Господи! Если бы только можно было поверить в Его существование!) не должен сердиться, когда бедные люди просят Его о помощи. Сделайте это доброе дело, и я умру спокойно, благословляя вас и вашу семью, и вечно буду служить вам в этой жизни и после смерти. Если это не зависит от вас, значит, зависит от кого-либо другого, но вы можете распорядиться, и все будет устроено. Я напишу брату, что я говорила вам о нем, чтобы у него оставалась хоть какая-то надежда, и попрошу его написать заявление или как это у вас называется. Во всяком случае, я посылаю это письмо вам, чтобы напомнить, кто он такой, если вы вдруг о нем позабудете; ведь не можете же вы помнить всех мелких чиновников! Думаю, мой дядя Вячеслав хотел представить вам Леонида, но, по-моему, у дядюшки было мало шансов на успех. Одному аллаху известно, почему за всю жизнь дяде удалось дослужиться лишь до чина генерал-майора.

Нет, удача обходит нашу семью стороною, мы, что называется, прокляты. И ведь все такие благочестивые, истинные, ревностные христиане! А каков результат? Разве у них больше счастья, чем у меня, жалкой безбожницы? Разве Бог любит и защищает их больше, чем меня? Я согласилась бы на двадцать лет страданий, я с готовностью приняла бы жизнь, полную физических мучений, если бы могла вернуть простую, горячую веру моей ранней юности! Моя вера умерла вместе с тем, кого я любила больше всего на свете. Так пусть же, по крайней мере, не погибнет мой единственный брат! В вашей власти, мой дорогой князь, совершить это благодеяние, если оно справедливо, в чем вам будет нетрудно удостовериться.

В любом случае и невзирая ни на что вечно вам признательная

Елена Блаватская

Письмо 7

25 июня [1882 г.]
Бомбей

Получила ваше любезное письмо, мой дорогой князь, вместе с еще одним письмом и чеком на сумму в одну тысячу сто восемьдесят пять рупий две анны и одиннадцать пайсов* (1185 р. 2 а. 11 п.). Все ваши указания будут исполнены. Многое из того, чего вы желаете, уже заказано, и я сделаю все, что смогу, чтобы вы остались довольны.

Вот только даккский муслин* неизменно продают отрезами по десять ярдов, и каждый такой отрез стоит от десяти до двухсот пятидесяти рупий. Манчестер своим дешевым хламом убивает подлинное искусство, и очень скоро даккский «муслин-паутинку» можно будет увидеть лишь пылящимся среди экспонатов забытого искусства в «Утраченных искусствах и науках древности». Но, с божией помощью, у меня есть такая возможность, и я смогу приобрести или специально заказать эту ткань, причем любое количество отрезков и по той цене, которая меня устраивает. Тут вы недоверчиво усмехнетесь. Вы пишете о «пятидесяти аршинах даккского муслина», но по какой цене? Пять отрезков по десять ярдов (вернее, четыре, потому что *аршин* короче ярда) обойдутся вам в 40 рупий за один «совершенный отрез», то есть в 1000 рупий за «все самое прекрасное» (как принято выражаться у коммивояжеров), а в таком случае нам не хватит на остальное. Надеюсь как можно скорее

получить ваш ответ по этому поводу.

У меня есть друг, брахман из народности маратхи* — потомок Шиваджи* (этого индийского Ильи Муромца), героя XVII века, который нанес поражение Аурангзебу* и положил конец правлению в Индии династии Великих Моголов*. У моего брахмана (а не у Шиваджи — тот давно помер) имеется небольшая, предметов двадцать, коллекция старинного оружия. Это единственный человек в Индии, которого не лишили оружия, ибо согласно «Закону о хранении оружия» англичане отобрали у всех своих счастливых подданных даже перочинные ножи и кухонные вертела, которые хозяева держали дома. Я не знаю ничего о самой стали, но по форме эти клинки весьма необычны. В прошлом году я купила несколько штук и еще несколько послала своей тетке в Одессу для ее коллекции. По-моему, дядюшка Фадеев пришел от них в восхищение. Но по внешнему виду, по красоте это оружие уступает кавказскому, превосходя последнее лишь оригинальностью своей формы; кажется, там есть образцы с двойным и тройным лезвием — простите меня, я догадываюсь, что хотя и являюсь «перевоплощением», но уж, конечно, не Брюллова*. Еще есть прозрачный щит из кожи носорога и другие виды оружия, неизвестные в Европе.

Через месяц, а то и раньше я сама поеду в Бенарес и по пути загляну в Дели и Агру, чтобы купить там все, что вы заказали. В противном случае меня могут просто надуть. Я только что вернулась из Мадраса и, как только улажу все дела, связанные с журналом «Theosophist», собираюсь на два месяца в северо-западную провинцию Индии, затем в Дарджилинг, Бутан, Ассам и как можно дальше в Тибет, куда не добраться англичанам. Там меня специально встретят ламы из монастыря Тонг-Дум. Поскольку может случиться все что угодно, и я могу не вернуться из Тибета (перейдя в нирвану), то я постараюсь успеть закупить все вещи до отъезда и попрошу двух моих самых верных сотрудников — полковника Олькотта, президента Теософского Общества, и Дамодара К.Маваланкара, управляющего журналом «Theosophist», — выслать все вам. Я уезжаю только на два месяца и если не умру, то сама организую идеальную пересылку, но в предвидении возможных событий нельзя рассчитывать на исключительную точность.

На будущей неделе вышлю вам обещанный талисман — зуб, точнее, *нарост под хоботом священного слона*. Можете носить его как простой брелок, *если не верите в его силу*, или повесить его на шею, если так же, как и я, уверуете в его действенность, — ведь вы ни во что не верите самостоятельно, а верите лишь в то, во что верят другие. Я же верю сама по себе.

О дорогой мой князь, вы были не правы, браня меня за мое «издевательство» над религией, в которой я родилась и последователем которой вы являетесь. *Никогда* в жизни я не смеялась над тем, что для других свято; я лишь высмеивала «тартюфов» от религии, которых от всей души презираю. В протестантизме почти сплошь заправляют подобные «тартюфы», а о католичестве и говорить нечего. Если бы вы знали, *чего я только не натерпелась* от этих «последователей Христа», вы бы поняли, что я издеваюсь *не над религией Христа*, а лишь над ее внешней оболочкой, над лицемерием так называемых христиан, которые гораздо хуже иудеев каждое мгновение распинают Истину и сам идеал Христа. Я не буду лгать и притворяться, но мне нет необходимости оправдываться, ибо я не несу ответственности за отсутствие в моем уме определенного конформизма — это вина Матери-Природы, к которой поговорка «велика Федора, да дура» подходит гораздо лучше, чем к России. *Ergo**, это не *я сама*, а мой мозг обратил меня из христианства в буддизм. Я даже не буддистка, а некая странная смесь, нечто непостижимое.

Я устала от жизни, мой дорогой князь, вот и все. Нравственные страдания сделали из меня то же, что физические — из Гейне, хотя я и не Гейне. Внутренние переживания иссушили меня до глубины души, а смерть все не приходит, вот и все. Знаете ли вы, что я была в сто раз счастливее в те дни, когда голодала и ютилась на чердаке? Тогда, еще всецело придерживаясь веры своих отцов, я гневно накричала на католического священника, предложившего мне свое покровительство и сто тысяч франков, если я соглашусь использовать свои «необычные медиумические способности» для оккультных феноменов, призванных обратить египетского хедива* в католичество. В ту пору я еще во что-то верила — по крайней мере, в *русского Бога*; теперь же, когда я живу в относительной роскоши и мне поклоняются язычники, равно как и глупцы-англичане, я перестала *во что-либо* верить. Я не верю *ни во что*, кроме человеческой глупости. Все мои идеалы исчезли навсегда, и у меня теперь нет причин жить ради чего-нибудь или кого-нибудь. Однако я живу, потому что *жизнь* не оставляет меня в покое и потому что самоубийство — вещь постыдная. Ну вот, начала за здравие, а кончаю за упокой. Простите меня. Все это вам вряд ли интересно.

Хотела у вас спросить: вы никогда ничего не слышали о некоем князе Александре Дмитриевиче Любавском (в Вязьме и в Гродно), который подписывается «Герцог

Никотерский» и пишет о себе, будто бы он награжден 2 800 медалями и знаками отличия и принадлежит к 1 300 обществам? Он сумасшедший или просто дурак? Он отправил по письму во все наши отделения и филиалы нашего Общества на Корфу, в Лондоне, Австралии и Америке; уже из двадцати двух отделений Общества в Индии нам прислали его прошения о приеме его в члены Теософского Общества. Посылаю вам экземпляр этой его хвастливой писанины; направляю его прошение также Аксакову, вице-президенту нашего Общества. Может быть, этот странный человек — просто большой чудак, а может, и кое-что похуже. Он забрасывает меня письмами.

Боюсь, мой дорогой князь, что утомила вас. Когда у вас выдаться свободная минутка, прочтите мое прошение, мое скромное прошение. Вы мне пишете, что всю жизнь старались «делать добро». Охотно вам верю; *я еще не утратила веры в вас* и обращаюсь к вам с полной уверенностью, поскольку убеждена в вашей доброте, а более всего — в вашей *справедливости*.

Ваша вечно преданная слуга

Е.Блаватская

Письмо 8

Е.П.Б.,

ответственный секретарь

Теософского Общества Арья Самадж

1 сентября 1882 г.
Бомбей

Дорогой князь!

Вы, должно быть, обвиняете меня в беспечности и лени? Если это так, то вы ошибаетесь. Как только я получила от вас деньги, так сразу же занялась покупкой и заказами всего того, что вы изволили пожелать; однако в этой стране медитации и созерцания Брахмы в глубине пупка получить желаемое немедленно — дело немыслимое. Вот, например, вы выразили желание приобрести бронзовые вазы-канделябры, и мне пришлось заказать их *специально*. А если здесь какой-нибудь индеец обещает вам что-нибудь к *завтрашнему дню*, то можете быть уверены, что вы получите это месяца через два.

Видите ли, Индия — это такая страна, где все пребывает во сне, где все застыло, так сказать, кристаллизовалось, и статус кво сохраняется веками, тысячелетиями. Сегодня по-прежнему в ходу образцы произведений искусства эпохи «Рамаяны»* и великой войны, и было бы трудно заметить какой-либо прогресс в искусствах, науках и прочем, — напротив, повсюду лишь *упадок* и *развал*! И как у них не было канделябров во времена главнокомандующего *Ханумана* — бога-обезьяны*, так нет у них этого добра и по сей день, и в Бенаресе у меня целый день ушел на то, чтобы объяснить им, чего я хочу, и попытаться им втолковать, какие они *остолопы*. Теперь вот получила письмо, в котором меня заверяют, что вазы готовы и что все будет выслано приблизительно к 15 сентября. Точно таким же образом мне пришлось заказывать в Агре мраморный столик.

Вернулась лишь пару недель назад, и ближе к выходным снова должна буду уехать; по пути загляну в Бенарес и Агру, где мне предстоит забрать заказанное и проследить, чтобы все тщательно упаковали в моем присутствии. Вышлю вам все через компанию «Остриан Ллойд». Я действительно в отчаянии от того, что заставила вас ждать, но, поверьте, вины моей в этом нет, а если не написала вам сразу же, так на то была *веская причина*.

Черт возьми, ведь теперь эти простаки англичане решат, что мы с вами переписываемся на политические темы! Вы и представить себе не можете, какой ужас вызывает у британцев

Россия, — вы бы просто умерли со смеху. Объектом их особого интереса в настоящий момент является *ваша персона*. Сообщается о каждом вашем шаге, подробно изучаются маршруты и график ваших передвижений, все бинокли Симлы направлены в сторону Каспийского моря, все тщательно следят за вашими поездками в его окрестностях. И естественно, что, зная о нашей переписке, эти люди чувствуют себя не в своей тарелке.

Все вояки отбыли в Египет, и наши милорды теперь дрожат от страха. Чего они боятся? В прошлом году на вечернем приеме у генерала Мюррея сэра Альфред Лайэлл выразил недовольство, когда я, в шутку пощупав его пульс, объявила во всеуслышание, что у сэра Альфреда, равно как и у всех прочих, «нервная лихорадка», но ведь это правда, честное слово! Но чего я никогда не забуду, так это плохо скрываемой радости при известии о смерти бедного генерала Скобелева*. Еще одна тяжкая потеря для России! Кауфман* и Скобелев! А ведь им было рукой подать до просветления! Какие же все-таки злые и эгоистичные люди эти индийские англичане, хотя теперь мы и дружим!

Приобрела для вас еще дюжину оригинальных изделий. Украшенные мозаикой столик и плиты, все из резного мрамора, светильники из храмов богов и богинь; кроме того, заказала сотню картин духовного содержания, которыми вы можете украсить ширмы. Заказала также столик с инкрустацией из морских раковин, а наших теософов на Цейлоне попросила закупить самые лучшие изделия из черепашьего панциря. Там делают прекрасные вещи из перламутра и панцирей черепах. Ваш талисман (нарост под хоботом белого слона) два месяца пролежал у меня в шкатулке. Хотела отправить его пораньше, как и обещала, но это оказалось невозможно. Между Индией и Россией нет прямой почтовой службы по отправке посылок, и нельзя непосредственно пересылать ни крупные посылки, ни бандероли — все приходится отправлять пароходом.

Ну вот, кажется, представила вам полный отчет. Боюсь утомлять вас своими пространными посланиями, к тому же у меня столько забот, что некогда даже перевести дух. Учтите, мой дорогой князь, что в Индии я *единолично* возглавляю 37 обществ. Я для них и отец, и мать, и брат, и сестра, и никто из них не осмелится ни жениться, ни помереть без моего *благословения* (!!) Я нужна им при любых обстоятельствах. Представьте себе, на минувшей неделе полковник Чесни, автор знаменитой «Битвы при Доркине» (кажется, это так называется?), стал членом нашего Теософского Общества! Он просто помешан на философии Кут Хуми Лал Сингха. Полковнику устроили торжественное *посвящение*, на котором присутствовали посол Бирмы и г-н Пилчер, британский представитель в Рангуне. И все это — *моя работа*. О милые мои ослики! Когда я умру и вся философия и чудеса прекратятся, тогда они поумнеют. Ведь без меня — какая философия и откуда?

Впрочем, довольно. Остаюсь до гроба вашей преданной слугою.

Е. Блаватская

Письмо 9

1 октября [1882 г.]
Сикким-Гхум
на высоте 13 000 футов

Милый князь!

Вы так добры, что мне просто хочется кричать и петь от радости, прославляя вас и восклицая «Эврика!»*. По крайней мере в России есть хоть один истинный князь — князь и душою и телом. Мне стыдно и хочется просить у вас прощения за своего брата и за все, что с ним связано. Оставьте его: это ветреный человек, флюгер из флюгеров. Не хлопчите за него. Он писал тетушкам слезные письма, умоляя их написать мне. Он и меня растрогал до слез, и я потревожила вас (чего терпеть не могу делать). Он писал мне, что умирает с голоду, и вдруг я получаю от него записку в несколько строк: «Спасибо, сестра, за то, что обратилась к князю Дондукову... Дела мои пошли на лад — не стоило беспокоить князя» и так далее, а в конце пишет, что нашел какую-то работу на железной дороге. Он сумасшедший, как и вся наша

семейка, ибо все мы от рождения несколько неуравновешенны. Простите меня, дуру старую, за то, что доставила вам беспокойство. Отныне больше никто не завлечет меня в сети родственных чувств; короче говоря, все в этой семье безумцы.

Как видите, мой дорогой князь, сейчас я наслаждаюсь одиночеством в тиши Гхума*. Что такое Гхум? Это гора в Сиккиме, а на ней — монастырь, где останавливаются ламы по дороге в Тибет. Отсюда три остановки до Тибета и 23 мили до Дарджилинга (Дарджилинг — британская территория). Несмотря на то что отсюда до Тибета и собственно Гималаев 50 миль по прямой, англичан сюда не пускают, а меня *принимают радушно*. Расскажу вам об одном происшествии. Врачи велели мне срочно уехать из Бомбея, так как в начале сентября я страдала тяжелейшим и опаснейшим заболеванием печени и почек, и я поехала в горы. Будучи проездом в Бенаресе, я получила ваши изделия из бронзы и, упаковав их, отослала в Аллахабад. Затем через Калькутту и Чандернагар отправилась в Куч-Бехар (раджа которого является теософом). Там я на три дня слегла от лихорадки из-за резкого перепада погоды: на смену жуткой жаре пришли холод, дождь и туман. Меня сопровождала дюжина теософов-бабу* из Калькутты вместе с тремя буддистами с Цейлона и одним из Бирмы. Вся эта полуодетая босоногая компания из тропических долин Индостана немедленно подхватила простуду. Одна я как русская сумела собраться с духом и продолжить путь. Но вместо пятнадцати человек в Сикким за мною последовало лишь пятеро: те четыре буддиста и один непалец — все остальные свалились.

Как вам известно, Сикким — это независимое государство между Куч-Бехаром и Бутаном. Сиккиму и Бутану удалось не угодить в когти к британскому льву, а Куч-Бехар стал «протекторатом» (то есть находится под опекой), и сие означает, что его правитель, раджа — по сути марионетка в руках англичан. Дорога, ведущая в Тибет, проходит по эту сторону границы. Нужно проезжать через Сикким, это почти независимое государство разбойников, затем через Бутан, где сам черт ногу сломит, или через Непал, где англичанину по этой дороге и шагу не дадут ступить. Я запросила в Министерстве иностранных дел *пропуск* через Сикким. Мне отказали. Министр написал мне следующее: «Мы не против вашей поездки в Тибет и проезда туда через британскую территорию, но за ее пределами *мы не несем ответственности за вашу безопасность*». Конечно, они были бы только рады, если бы меня там убили. Тогда я заявила: «Не хотите выдать мне паспорт — ладно, черт с вами. Я все равно поеду». Ехать в Шигадзе, столицу таши-ламы*, было уже слишком поздно, но я решила отправиться в ламаистский монастырь в четырех днях пути от Дарджилинга (этой второй Симлы), расположенный на границе с самим Тибетом. Я шла пешком, потому что туда не проехать на повозке — только на яках или верхом, и нам пришлось карабкаться и взбираться наверх, причем не четыре, а все восемь дней. Часть пути меня несли в «дэнди» (что-то вроде паланкина). Несколько раз меня чуть не уронили в пропасть, и все же мы добрались до места — не в сам Тибет, а на границу с ним.

Вот тут начинается самое смешное. Граница — это стремительный горный поток, через который перекинут качающийся бамбуковый мостик. На другой стороне реки — казармы пограничников, ламаистский монастырь и деревушка. Это узкое ущелье, по которому могут пройти одновременно не более десяти человек. На бутанской стороне речки нам встретились двое англичан, переодетых нищенствующими монахами (я их сразу распознала), несколько индийцев из департамента геологических и геодезических исследований, а с ними караван. Мы узнали, что они вот уже целую неделю напрасно дожидаются разрешения перебраться на другую сторону. Пограничники переговаривались с ними через стремнину, были злы, крыли их на чем свет стоит, но не пропускали. Кто-то мне сказал: «Зря вы сюда заявились, все равно вас не пропустят». «Посмотрим», — возразила я. Послала к стражам теософа-буддиста с письмом от ламы из монастыря Памйончи; его пропустили, а через час к нам вышел главный лама собственной персоной и преподнес мне чаю с маслом и прочие лакомства. Мы поздоровались; настоятель увидел, что мне пришлось по вкусу его угощение, и велел отвести меня к ним в монастырь. Меня с почестями провели по мостику, разрешив сопровождать меня трем сингалам; англичанам пришлось дожидаться меня на месте!

В монастыре я пробыла три дня. Боялась только, что меня не выпустят обратно. Жила в маленьком домике у самых стен монастыря и сутками беседовала с монахом Гилянджаником (он тоже — *воплощение Шакья-Будды**), а также часами просиживала в их библиотеке, куда женщин не допускают, — трогательное свидетельство моей красоты и совершеннейшей невинности, — и настоятель публично признал меня одним из женских воплощений бодхисаттвы, чем я очень горжусь. Я прочла им письмо Кут Хуми (напечатанное в «Оккультном мире»), после чего проводники отвели меня к мосту другой дорогой. Когда мы перешли через мост, англичан на месте уже не было. Вот так я попала в Сикким, где сейчас и нахожусь, остановившись в еще одном монастыре, в двадцати трех милях от Дарджилинга.

Разумеется, англичане очень разозлились. Мне многое порассказали об их уловках. Они пускаются во все тяжкие, чтобы пробраться в Тибет. Они находят парней, как правило, обращенных, обучают их тибетскому языку, дают им буддийское образование, и, когда юноши заканчивают обучение, их наряжают ламами и дают им молитвенное колесо*, в котором вместо «Ом мани падме хум» спрятаны всяческие инструменты. Однако ни одному из них не удалось добраться до Лхасы или хотя бы до Шигадзе. Их всегда ловят и выдворяют из страны. Кое-кто из них даже *бесследно исчезает*, а у англичан не возникает желания проводить расследование, поскольку они понимают, что их хитрость не удалась. Три года назад в Сикким с правительственным письмом на имя таши-ламы из Калькутты прибыл сэр Ричард Темпл, баронет-правдоискатель. Его проводили до границы и показали его письмо пограничникам. Те не взяли письмо и не пропустили баронета. Он просил, умолял, но в ответ стражники лишь проводили рукою себе по горлу со словами: «Перережь нам горло — тогда и пройдешь». Так он и вернулся в Калькутту не солоно хлебавши. Почему же тогда пропустили меня? Да потому, что я — одно из воплощений Будды.

С Кут Хуми мне удалось пообщаться лишь в течение трех часов, и ваше письмо передали с одним из его учеников. Я спросила Его о причине вашего несчастья, но он ответил: «Я не имею права пользоваться своим ясновидением, чтобы узнавать секреты других людей. Скажите князю, что я отказался сообщить вам (то есть мне), в чем корень его бед, но *сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему — и так или иначе разрешить кризисную ситуацию*». Вот и все, но мне кажется, что и я догадываюсь о причинах ваших страданий.

Впрочем, довольно. Да ниспошлют вам силы небесные многие, многие лета. Я вернусь домой через две недели. Заберу в Агре ваш столик и мозаику — и сразу назад.

Искренне ваша

Е. Блаватская

«Самая прекрасная девушка на свете способна дать лишь то, что имеет». Не имея при себе конвертов, отправляю письмо прямо из тибетского монастыря. Эти два конверта мне дал лама. Передаю сие послание через одного надежного посыльного; в Бомбее наш управляющий перешлет это письмо на ваше имя. Если я отправлю письмо на ваш адрес прямо отсюда, то оно не дойдет до вас. Англичане задержат посыльного в Дарджилинге и конфискуют письмо*.

Письмо 10

*15 декабря [1882 г.]
Бомбей*

Дорогой князь!

Если я еще не схожу с ума от взятой на себя ответственности, связанной со всеми этими деньгами и заказами, так это лишь потому, что мозги у меня уже давно вверх тормашками. Все эти свиньи: парсы, баньи*, торговцы и прочие — просто измотали меня до предела. Запрашивают четырехкратную цену, и приходится целый месяц торговаться и переругиваться с ними (пардон), прежде чем они соизволят поставить товар по разумной цене. Уж не знаю, рассердитесь вы или нет, но я не могла, клянусь вам, купить все это дешевле. За бронзовые изделия из Бенареса я заплатила десять процентов комиссионных агенту, Лори, через которого я посылала вещи, иначе вам пришлось бы ждать еще шесть месяцев. Остальные предметы я покупала сама и торговалась, как суцая еврейка. За мраморный столик (то есть за крышку столика) они просили 350, 500 и даже 600 рупий. А тот, что я вам отправила, продал мне один из друзей за 200, и я специально ездила из Аллахабада в Агру, чтобы этот столик забрать. Это все лорд Рипон — он развратил торговцев! Чтобы

заработать себе популярность, он покупает по баснословным ценам. Что же касается тех двух таинственных столиков *из морских раковин*, которые вам захотелось приобрести, то их не только оказалось невозможно найти, но никто даже не слышал о таких и не видел ничего подобного. Прочие же вещи продают только партиями из 21 предмета. Есть партия старинного оружия, но красивым его не назовешь; правда, раджпуты уверяют, что на нем английской крови больше, чем украшений, но это слабое утешение. Индийский ковер стоит от шести до десяти рупий за квадратный ярд, то есть ковер для большой комнаты обошелся бы вам в 400-500 рупий. Что же касается обивочных материалов, то попадаете только бенаресская парча по 40 рупий за ярд, и за каждый лоскуток в качестве образца приходится платить по несколько рупий.

Если угодно, могу заказать в Бомбее резную ножку для мраморного стола за 25-50 рупий. Но боюсь, вы рассердитесь за то, что я уже потратила на 474 рупии больше, чем вы мне прислали, хотя вы ведь велели мне при надобности потратить еще 50 фунтов; для вас это пустяк, вы ведь миллионер, даже я, «молодая, бедная, но честная женщина», могу себе позволить держать дома несколько антикварных вещей. Кое-что мне пока найти не удалось, например резные изделия из слоновой кости или ценных пород дерева с Цейлона тончайшей работы, напоминающие изящные кружева. Милые вещицы попадают и в Мадрасе. Я заказала резные фигурки в костюмах всех индийских провинций (35 рупий за почти столько же фигурок) и несколько светильников для пагод. Но, произведя все подсчеты, я пришла в ужас. Думаю, что лучше оставить часть из вещей себе, если только не получу от вас непосредственного распоряжения выслать их вам. Надо принять в расчет и две огромные вазы для ламп (крупнее, чем я заказывала); их тоже, видимо, придется оставить у себя, ибо я не могу заставлять вас ждать их еще целый год и денно и нощно переживать о том, что вы обо мне подумаете в связи с задержкой посылки.

И все же я надеюсь, что вы останетесь довольны. Если вам что-нибудь понадобится, то я всегда к вашим услугам. Отправляю вам три коробки через «Бакси Компани» с предварительной страховкой. В соответствии с вашим пожеланием я строго-настрога указала воспользоваться услугами «Остриан Ллойд». Уверена, что эти вещи вы получите через месяц. Пожалуйста, отыщите вложенный в каждую коробку адрес со списком предметов. Я описала каждую вещь, чтобы ничего не украли на таможне, поэтому, прошу вас, не потеряйте этот список и тщательно все проверьте. Послезавтра все наше Общество *навсегда* переезжает в Мадрас. Местное Теософское Общество приобрело там целый дворец* для теософской колонии и просит меня переехать туда и жить вместе с ними на юге. В одной только Индии в данный момент существует сорок два Общества, и когда я умру (надеюсь, что это случится скоро), то на мое место кто-нибудь да найдется.

Боюсь, что вы остались недовольны последней партией вещей, которую я вам отправила. Если это действительно так, то вы уж, как всегда, простите великодушно.

Остаюсь навеки преданной вам.

Елена Блаватская

Письмо 11

*25 декабря 1882 г.
Мадрас*

Дорогой князь!

Как видите, пишу вам из нового дворца, куда мы, то есть Теософское Общество (27 человек) недавно переселились*. Я чуть с ума не сошла после трехнедельного празднования нашей *годовщины* и переезда сюда, за тысячу миль, всех домочадцев с хозяйством. Уповаю на Будду и молю Его, чтобы он наполнил ваше доброе сердце пониманием и сочувствием к моему преклонному возрасту и чтобы вы простили мне задержку с отправкой посылок.

Но теперь, слава Богу, все позади. Я отправила вам три коробки, застраховавав их на 200

фунтов, и теперь все их содержимое принадлежит вам. Посылаю вам также *счет то ли за погрузку, то ли за разгрузку* — черт знает, как называется эта бумага. Больше всего я волновалась за то, чтобы не разбились в дороге изделия из мрамора; их упаковывали в моем присутствии, и все время, пока упаковщики трудились, я не переставала их пугать тем, что если они не сделают все как надо, то вы тут же пойдете на них войною прямо из Тифлиса, переберетесь через горы и захватите Индию, во что им было легко поверить вследствие их страха перед вашими генералами на Кавказе и в Азии. Местные Джоны Булли* глуповаты!

Теперь я смогу спокойно спать только тогда, когда вы мне напишете, что получили все в целости и сохранности.

За что, скажите на милость, дорогой князь, вы так обидели нашего *доктора музыки* — раджу Сурендранатха Тагора*? Еще в июне (с моей помощью) он отправил вам из Мадраса диплом «Почетного члена и основателя Бенгальской филармонии» и жалуется, что до сих пор от вас нет ответа: сообразовали ли вы принять оный диплом или попросту отправили его в корзину для мусора? Он говорит, что император Бразилии и король Баварии уже приняли его диплом. Поэтому, чтобы утешить беднягу, я объяснила, что русский князь и генерал — это нечто большее, чем марионеточный император Бразилии или немецкий король-колбасник и что радже не следует суетиться, а нужно просто терпеливо подождать. Так вот — он ждет! Сжальтесь над бедным индусом и примите его диплом. Прикажите одному из ваших секретарей проверить, действительно ли диплом получен, и распорядитесь официально подтвердить факт получения.

Этот человек — первый раджа Бенгалии и Кавалер Ордена Звезды Индии. Он не какой-то там выдуманный раджа, а самый настоящий, хотя и дурак, и если вы примете его диплом, то раджа может в знак признательности, любви и дружбы прислать вам старинную *в'ину* — вы наверняка ничего подобного не видели ни в России, ни в Европе. Если вы не знаете, что это такое, то я вам ее опишу. Вина — это музыкальный инструмент, изобретенный самим богом Брахмой, сын которого был первым музыкантом, игравшим на этом инструменте в начале *трета-юги* (487 миллиардов лет назад). Вина напоминает допотопную гитару, вернее, гусли; из нее можно извлекать такие звуки, что слушающий их достигает своей цели и из человека превращается в божество. Должно быть, это правда, поскольку так говорится в «Рамаяне» — индийской «Илиаде». Вот только у англичан эти звуки вызывают головную боль. Но мой друг раджа утверждает, что британцев просто душат слезы от волнения. Может, оно и так, но, пожалуйста, примите предложенный вам диплом — хотя бы из любви к искусству.

Сегодня я услышала, что в Дарджилинг приехал Верещагин* и что за ним уже бдительно следит полиция Бенгалии: боятся, что он мог тайком провезти в кармане несколько русских казаков или какую-нибудь магическую пушку. А все это из-за позиции либерального кабинета Гладстона* и из-за конституции. Нет, в Америке как-то получше. Там каждый считает себя первым, а здесь даже самый первый гораздо ниже тех людей, кого у нас в Америке считают последними. Бог с вами, аристократы России и Англии, но я уже давно стала прожженным демократом. Я потешаюсь над «сильными мира сего» в этой стране и не понимаю, за что их ценить. Они гроша ломаного не стоят. При этом я по-братски отношусь к бедным и обездоленным; я строго веду себя с брахманами, но запросто общаюсь с отверженными и объясняю им санскритскую теологию и философию.

Однако боюсь надоесть вам своими шутками. Да благословит вас наш русский Бог — Бог, которого я еще не забыла, но который, судя по всему, от меня отрекся и не желает иметь со мною ничего общего. Не забывайте, милый князь, носить талисман (тот, из нароста под слононьем хоботом). Он в конверте в одной из коробок. Клянусь, он принесет вам счастье, и особенно долгожданное *облегчение*. Попробуйте.

Ваша верная слуга до самой смерти, всегда готовая вам услужить

Е. Блаватская

Письмо 12

7 августа [1883 г.]
Адьяр, Мадрас

Недавно получила от вас два письма, милый князь, но отвечаю на них лишь сегодня, потому что дважды на меня обрушивались, так сказать, муки Иова: из-за жары, совершенно убийственной, да еще из-за болезни, которую у нас называют фурункулезом (а здесь более изящно именуют «тропическим лишаем») и во время которой невозможно ни сидеть, ни писать, ни двигаться, ни спать.

Вы пишете: «Седина в бороду — бес в ребро»? Ох, ну и грешник же вы! Вы и в нирване останетесь таким же Дон Жуаном? Вы никогда не состаритесь, мой дорогой князь, ибо это не свойственно вашей природе. Вы — «дворянин старой закваски», потомок древних русских *бояр*. На святой Руси у нас таких осталось немного, а вашего калибра — и того меньше. Увы, мне думается, что нынешнее молодое поколение никуда не годится. Все они, по выражению дьячка у Лескова, «корни корневильские», «хилые Артуры».

Но вы сильно грешите, позволяя себе заявлять, что наша философия глупа, ибо именно эта философия, в которую вы не верите, учит сохранять «молодость и половую силу» до ста пятидесяти лет. Однако в действительности сохранить ее можно лишь при условии, что о ней полностью забываешь и не используешь, что вам, видимо, не подходит. Но посмотрите на наших братьев — йогов, адептов священной науки. С одним из них я знакома уже тридцать лет. Сейчас ему 82 года, а на вид ему не дашь больше тридцати: высокий, весьма привлекательный, без единого седого волоса, без единой морщинки, гораздо красивее, чем прежде. А почему? Да потому, что он всю жизнь оставался *девственником* и при этом *никогда не ощущал себя мучеником*. Хотите, пришлю его фотографию?

Вы смеетесь над моей педантичностью! вспомните, была ли я такой в юности? И я все беспокоюсь о тех вещах, которые я вам послала: довольны ли вы ими? Была у меня, например, мысль отправить вам старинное оружие, хотя оно уступает кавказскому оружию, которое гораздо изящнее, и я замучилась в поисках его. Вскоре во всей Индии не останется ни одного кинжала или меча, кроме манчестерских перочинных ножей, а прославленные клинки из гибкой стали — индийские *китика* — уже стали легендой.

Вы пишете, что ваш «сын» служит в военно-морском флоте. Но какой сын? Разве у вас есть сыновья? Я думала, что нет. Да и какой смысл их иметь? От них одно только горе. Весьма любопытная новость. В Киеве, помнится, у вас своих детей не было — только сыновья княгини. Или я ошибаюсь? Если так, то прошу прощения. Я старею, и память меня порою подводит. Как радостно было бы увидеться здесь с кем-нибудь из вашей семьи. Я бы устроила ему такой радушный прием (конечно, в индийском стиле), что он бы потом часто меня вспоминал. Я полностью была бы в его распоряжении. Я бы показала ему здесь все самое интересное. Но ваш «сын» сюда вряд ли заглянет, да к тому же я навсегда покинула Бомбей и обосновалась в Южной Индии. Боже мой, если бы вы только могли прислать ко мне кого-нибудь из России! Как хотелось бы перед смертью увидеть и услышать русского человека! Я поистине начинаю тосковать по родному дому, ужасно хочется увидеть свою страну. Но вы не бойтесь, я никогда, *никогда* больше не ступлю на родную землю. Я навеки разлучена с Россией.

Кто в вашей губернии издает «Кавказ»? Какой-нибудь маленький безвестный армянин? Впрочем, кто бы он ни был, хочу, чтобы он знал, что пишет про меня абсолютную ложь. Он лжет обо мне нагло и неслыханно. Хотите знать, что он наплел про меня в статье от 17 сентября 1882 года, которую опубликовали в февральском номере? Что госпожу Блаватскую попросили покинуть страну, что она совершила то-то и то-то и, наконец, что она *отреклась от христианства* и так далее.

Я никогда ни от чего не отрекалась, и меня никогда не просили убраться из Тифлиса. Оба раза я сама, по собственной воле, уезжала оттуда, потому что на сердце была тоска и душа требовала простора. Никто никогда не понимал, да и не хотел понять, что творится в моей душе. Я никогда не строила из себя непонятую (!) и невинную женщину. Если я в чем-то провинилась, то открыто это признаю: не пристало Ивану на Петра кивать. В юности я казалась, да наверное, и *была* ненормальной по сравнению с другими. В то время в свете добродетельных женщин было больше, чем недобродетельных, и сегодняшняя госпожа Блаватская в свои пятьдесят лет — и я знаю это наверняка — могла бы выиграть приз Монтиано в состязании с вашими московскими и петербургскими увядшими розами.

Далее, я никогда не отрекалась от Христа; я решительно отвергаю христианство попов — лжецов и лицемеров, которые активно лезут в политику. Не отрекалась я и от русского христианства, о котором знаю очень мало, но всегда отрещивалась от христианства еврейского, насквозь прогнившего, пропитанного идолопоклонством и иезуитским

двуличием; я буду насмерть стоять против всех его «армий спасения», против его миссионеров-«тартюфов», которые превратили свои библейские общества в рестораны и питейные заведения и из самых святых понятий делают ширмы для прикрытия своих грязных политических и коммерческих интриг. Что же касается редактора «Кавказа», то он свинья, да будет ему это известно.

Вы полагаете, мой милый князь, что моим письмам недостает яркости, что я утрачиваю чувство юмора? Хотела бы я, дорогой мой князь, чтобы вы хотя бы сутки побыли в моей шкуре, — тогда бы вы поняли, почему в таких условиях и при такой жизни трудно сохранять присутствие духа. Общественным и политическим истинам учить всегда легче, нежели проповедовать Божественную, духовную Истину, чем, можете быть уверены, мы занимаемся весьма основательно. До сих пор, милый князь, мы с вами смеялись и шутили, но в данный момент я говорю с вами серьезно, без всяких шуток.

Скажу вам, что на мои плечи легла ответственность за миллионы душ. Пять лет, проведенных мною здесь, потрясли всю Индию. Под влиянием Теософского Общества идолопоклонство, суеверия, кастовая система — все это стало исчезать, как туман под теплыми лучами солнца. Миссионеры, которым за несколько веков так и не удалось обратить Индию в христианство (если угодно, это подтверждает и статистика), ненавидят нас за то, что мы везде, где можем, стараемся разоблачать те грязные приемы, которыми они маскируют свои еще более грязные поступки, совершаемые под видом обращения к Христу.

За четыре года мы сумели заинтересовать теософией более ста тысяч человек (в настоящее время существует 57 обществ), а миссионеры не могут похвастаться и несколькими десятками новообращенных в год, хотя они и платят им от двух до десяти рупий в месяц со дня крещения, что не мешает обращенным носить определенные символы, поклоняться идолам и простирались ниц перед брахманами. А почему? Потому, что мы учим только этике, нравственным принципам и искренности и не вмешиваемся в личные верования. Этические ценности одинаковы во всех древних религиях, и Христос не учил ничему такому, что до него не проповедовали Конфуций* и Будда, а также другие, еще более древние учителя, мудрецы древнего Египта. Мертвая буква убивает дух, поэтому мы стараемся всюду, где только можем, убиваем букву, дабы возродить дух.

Впрочем, я вас, наверное, уже изрядно утомила. Только прошу вас, милый князь, во имя истины и справедливости: если вы услышите или прочтете нечто подобное (нередко авторы не понимают наших целей и сути того, чем мы занимаемся, выставляя в ложном свете нашу миссию), то вы уж, пожалуйста, встаньте на нашу защиту. Знайте, что в нашей общине состоят не только язычники, но и ревностные христиане.

Тот, кто не понимает, что лучше быть добрым и честным язычником, нежели испорченным христианином, недостойн звания христианина. На данный момент не десятки, а сотни и тысячи членов нашего Общества избавились от пьянства и других пороков. После двухлетнего изучения древних священных писаний мы сумели доказать, что в Ведах вовсе не одобряется вступление в брак пятилетних детей; там ничего не говорится о том, что маленькие девочки, ставшие вдовами, обречены на безбрачие и на общественный ostracism; выяснилось, что этот догмат — дело рук брахманов, которые выдумали его во времена гонений на буддистов; так были спасены тысячи маленьких вдов. Теперь повторные браки вдов — дело привычное, повседневное, а брахманы, должно быть, чувствуют себя униженными и оскорбленными, но ничего поделать не могут, ибо не осмеливаются пойти против Вед.

Миллионы людей, принадлежащих к касте шудр*, на которых брахманы всегда смотрели свысока и которые в присутствии этих *дважды рожденных** не имели права сидеть (за подобный проступок их наказывали, выжигая каленым железом клеймо «там, где спина перестает быть спиной»), — миллионы шудр благословляют нас, а все потому, что мы доказали (опираясь в своих изысканиях на авторитет Вед), что брахман не рождается брахманом, а становится им благодаря своим заслугам, учености и добродетели и что великое множество тех, кто участвовал в написании священных писаний, и особенно Вед, родились шудрами и лишь впоследствии получили звание брахманов за свои знания и праведную жизнь.

Нет, милый князь, мое имя в Индии запомнят надолго. Теперь на наших *встречах* брахман сидит рядом с шудрой и называет его «братом». Мое имя не умрет, потому что, теряя себя, я избавляю людей от страданий, невежества и суеверий. Подобно Наполеону, провозглашавшему: «Государство — это я»*, мне тоже впору заявить: «Общество — это я». Я создала его и возглавляю в настоящее время. Как Христос говорил, что Он пришел не разрушать, но исполнить то, чего требует закон, так и я, недостойная кающаяся Магдалина,

могу сказать без лишнего хвастовства, что я вновь утверждаю в Индии торжество закона Истины, что я спасаю народные массы от рабства, учу людей уважать себя и больше не ползать в ногах у брахманов, и так далее. Вот чего не знает издатель «Кавказа».

Простите мне, дорогой князь, это скучное, но необходимое письмо. Про меня напридумывали достаточно всяческой лжи и клеветы; пора восстановить истину. Возможно, на ваш взгляд я сумасшедшая, зато я искренне и страстно служу своему делу. Это не утопия, которая умрет вместе со мною. Достаточно пролистать все туземные газеты от Гималаев до мыса Кумари, в которых меня благословляют каждый день. Поверьте мне, я посеяла семена, которые уже прорастают и вскоре дадут пышные всходы. Англичане все это уже осознали в полной мере, но они пока не знают, горевать им или радоваться; в любом случае они опасаются не выказать своего одобрения. И если народ Индии считает меня воплощением какого-нибудь божества, то со временем это забудется, подобно прочим суевериям. Пусть себе думают что угодно, лишь бы они меня слушали.

Но то, что мы знаем нечто такое, чего другим пока не известно, — это факт. Мой ученик, полковник Олькотт, президент Общества (почитайте апрельское приложение к журналу «Theosophist»), как вы увидите, мгновенно и *окончательно* исцеляет сотни людей от болезней, против которых медицина бессильна: от паралича, эпилепсии и прочих; он творит чудеса и за ним ходят толпы. На Цейлоне полковник за один месяц исцелил 119 хромых, парализованных, эпилептиков и слепых. А ведь он мой ученик! Что ж, если можете, рассудите сами.

Сегодня ничем интересным поделиться с вами не могу. Простите великодушно. Кстати, милый князь, что это еще за Пашков, основатель секты пашковцев*? Мне довелось в 1860 году познакомиться с одним гвардейским офицером, которого звали Владимир Сергеевич Пашков. Уж не он ли это? Если это так, то в 1860 году он был молод, весьма некрасив и не отличался особым мужеством — по крайней мере, помнится, он критически отзывался о тех, кто таковым обладает; любопытно было бы узнать наверняка.

Когда вы будете в Тифлисе? По правде говоря, не мешало бы слегка продвинуть по службе дядюшку Ростислава, он постоянно застревает на одном месте. Наверное, у нас в России судьба такая. Все в руках Божиих. Ну, да благословят вас все аватары и их земные воплощения. Не сердитесь, если письма мои покажутся вам глупыми. Что поделаешь? Как говорится, «самая прекрасная девушка на свете не может дать больше того, что имеет».

Вечно преданная вам

Е.П.Блаватская

Письмо 13

*7 ноября 1883 г.
Мадрас*

Дорогой князь!

Через месяц исполнится ровно год с тех пор, как я отправила вам три коробки с вещами, приобретенными мною для вас: бронзовыми вазами, оружием и прочим антиквариатом, о котором вы просили. С того времени я не получила от вас ни строчки о том, дошло ли до вас все в целостности и сохранности. Что случилось? Вы сердитесь, затаили на меня какую-то обиду? Я сделала все, что было в моих силах. На протяжении нескольких месяцев я старалась достать то, что вы хотели, и, хотя мне не удавалось отыскать *все*, чего вы желали (потому что не хватало денег), я высылала то, что могла, и что, на мой взгляд, должно было прийтись вам по вкусу, даже тот талисман, о котором вы просили, — окаменевший нарост белого слона! И получила от вас лишь одно письмо, в котором вы косвенно упоминаете об отправленном вам антиквариате, — письмо из Петербурга, написанное в последние дни января и подтверждающее получение коробок в Тифлисе. В то же время вы подшучиваете надо мною и над моей педантичностью и говорите, что раньше я такой не была и так далее.

Вы упомянули мимоходом, что распорядились выслать мне несколько сотен рупий, которые я должна была за эти вещи и которые мне пришлось заплатить самой. Вы, вероятно, не знаете, что *распоряжения* ваши так и не были исполнены, что деньги не были высланы и что я не их получила, и даже те три письма, которые были написаны управляющим журнала «Theosophist» и в которые были вложены счета за подписку на журнал и за книги (не помню точно, на какую-то мелкую сумму, кажется, на 50 рупий), так и остались без ответа. Сообщаю вам об этих фактах лишь потому, что уверена, что вы о них ничего не знаете и впервые вам станет о них известно только из моего письма. Я слишком хорошо знаю вас, больших людей, чтобы предполагать нечто иное. Вы отдаете распоряжения, а потом забываете поинтересоваться, выполнены ли они. Сожалею, что не написала вам об этом гораздо раньше. Но поскольку вопрос этот был связан с деньгами, а подобные вопросы для меня всегда самые неприятные, честно вам признаюсь, что я колебалась, прежде чем сообщить вам об этом, ибо опасалась, что вы подумаете, будто я напоминаю вам о себе исключительно из-за денег.

Я ожидала, что вы первый напишете мне о том, довольны ли вы теми вещами, которые я вам отправила, особенно мраморным столиком, отделанным мозаикой, — вот почему я десять месяцев ничего вам не писала. Но поскольку месяц проходил за месяцем, а я ничего от вас не получала, то я пришла к выводу, что тут какое-то недоразумение, какая-то путаница. Что, распорядившись, как здесь выражаются, *рассчитаться по всем бумажкам и пребывая в полной уверенности, что деньги высланы*, вы также ожидали моего уведомления о том, что я их получила, и рассчитывали получить от меня письмо. Чем же еще может быть вызвано это таинственное молчание? И какая кошка пробежала между нами? Что касается денег — черт с ними! Я уже расплатилась сама и выплачу также и то, что причитается журналу «Theosophist» (ибо я лишь редактор, а не *издатель*), дабы вам не пришлось возиться со всеми этими счетами; но мне не дает покоя мысль, что вы на меня сердитесь, что порвалась *последняя нить*, связывавшая мою российскую юность с моею индийскою старостью, что вы наслушались про меня очередных грязных сплетен и презираете меня, как и многие другие, и больше не будете мне писать. Право же, у меня тяжело на душе от этой мысли.

Я знаю, что обречена умереть здесь в одиночестве, как собака, будучи окружена лишь своими учениками (которые, конечно же, люди *милейшие*, но душевной широтой не отличаются), и рядом не будет ни единой русской души. Знаю и то, что больше никогда не увижу ни родной страны, ни своих соотечественников, ни своих близких. Но для меня было утешением думать, что есть еще в России человек, который думает обо мне, хотя и посмеиваясь, подшучивая над моим *аватарством*, над моими перевоплощениями, и который не отвернулся от меня. А теперь я не знаю, что и думать!

Заканчиваю письмо и откладываю перо. Отныне до тех пор, пока не получу от вас хотя бы строчку с объяснением *причины* вашего молчания, я больше ничего вам писать не стану. Не хочу усугублять положение, забрасывая вас письмами, которые вы, возможно, даже не читая, отправляете в корзину для бумаг у себя под столом. Весь мир ополчился против меня, и я всю жизнь только тем и занимаюсь, что опровергаю клевету против нашего учения и против моей скромной персоны. Посылаю вам «Бюллетень психологических наук», в котором от имени наших индусов даю отповедь этим парижским олухам (спиритуалистам!), которые полагают, что лучше самих индусов разбираются в их религии и учениях, и которые пытаются поднять руку на теософов за то, что те имеют наглость потешаться над их «духами» и материализовавшимися бабушками. Быть может, моя статейка вас рассмешит. Между тем прощайте, милый князь. Если вы сердитесь, то так и скажите; если же нет, то все равно сообщите. Но мне решительно необходимо узнать разгадку этой тайны. Я сделала все, что в моих силах, чтобы оказаться вам полезной и чтобы вы остались довольны, но... «самая прекрасная девушка в мире неспособна дать того, чего не имеет», и я смиренно подписываюсь:

Бесконечно преданная вам и (вечно) признательная слуга

Е.П.Блаватская

P.S. Вам, возможно, известно, что за последние три месяца индийское солнце позеленело, как трава, а теперь оно становится таким *голубым*, что даже стены домов приобретают какой-то голубоватый оттенок, так что у нас здесь просто целая цветовая галерея!

Письмо 14

15 января 1884 г.
Адьяр, Мадрас

Дорогой князь!

Поздравляю вас с Новым годом. Ваше доброе, милое письмо стало для меня лучшим поздравлением. Я — действительно аватара! Я думала, что вы на меня рассержены, и поэтому перестала писать. А для вас это тоже хороший урок: надо отправлять послания заказными письмами. Быть таким крупным русским политиком — и посылать простые, незаказные письма, если в них есть хоть капелька политических новостей! Разве вы не знаете, что за шельмы эти Булли*, шустрые, как зайцы, и застенчивые, как кошки? Ваше письмо из Москвы до меня так и не дошло. Последнее письмо получила из Петербурга. Уверена, что то письмо скорее всего украли и прочли либо здесь, либо в Австрии. В Англии такого не делают. Короче говоря, здесь они сущие черти. Я жаловалась на почте, устроила большой шум, но они все отрицали и прикидывались невинными. «Мы тут ни при чем, — говорят, — вините ваших соотечественников или австрийцев». Знаем мы их невинность — она сродни невинности этих розанчиков из Нантерра, не первой свежести.

Наследник престола, опасный соперник, русский князь, аватара Южной России, подозрительная личность и прочее — все это как-то сомнительно. Ваше письмо наверняка украли. Я им так и сказала, а они обиделись. Что же касается высланных вами денег, то тут уж вы обижаете наших теософов в Бомбее. Разве они могли украсть деньги, *адресованные мне и канцелярии Теософского Общества?*

Скорее всего произошло следующее. 17 декабря 1882 года мы выехали из Бомбея, чтобы обосноваться в Мадрасе. Деньги прибыли, но служащие не стали утруждать себя поисками моей персоны: этих людей не интересуют русские аватары. Сотрудники почты либо забыли про меня, либо отправили деньги обратно в Лондон с пометкой «адресат выбыл». Но также возможно еще и то, что их украл ваш банк в Париже. Как иначе все это объяснить? Если даже нас не нашли, то все равно прошел уже целый год. Как же могло случиться, что они не выслали их вам обратно? Значит, они ограбили вас так же, как и меня. Мы собираемся обратиться с запросом в местную полицию и добиться правды. И вам, мой дорогой князь, тоже не мешало бы направить запросы в ваши банки в Париже и Лондоне. Вас, милый князь, всегда выслушают с уважением, ну а мы — маленькие, никому не известные люди, пусть даже в некотором роде аватары, — кто мы такие?

Теперь доложу вам о своих делах. Мой бедный дядюшка серьезно заболел. Вы не слышали об этом? Он сейчас в Одессе. Мы уже совсем было перестали надеяться на его выздоровление, но, слава Богу, теперь ему уже лучше. Все мы стареем, кроме вас. И зачем вам источник вечной юности, если ваше сердце молодо 14 часов из 24? Лишь на один час ваше сердце отягощается печалью, но поскольку она относится к прошлому, то это не страшно.

Подумайте о горестях других людей, милый князь, и проявите сочувствие. Внимательно прочтите то, что я приложила к этому письму, и вы увидите, как бедная женщина, мать шестерых детей (куда мне, жалкой грешнице, до нее), которая осталась добродетельной, мучается в этом жутком мире, голодая вместе со своими детьми. У вас есть возможность убедиться в том, к чему приводит безгрешная жизнь, исполненная саможертвования и самоотречения. Милый князь, сжальтесь над этой несчастной сестрой. Не сердитесь на нее за резкость и достаточно грубый намек в вашу сторону; попытайтесь как добрый христианин понять всю безнадежность ее положения. Боже праведный! Она зарабатывает в месяц 38 рублей, и у нее нет даже 14 копеек на почтовую марку! У меня сердце кровью обливается, как подумаю о ней. Ради Христа, в которого вы веруете, помогите ей, дайте ей денег. У меня денег нет, но я посылаю ей две индийские шали, которые преподнесли мне махараджа Бенареса и махараджа Кашмира. Пусть она их продаст и деньги возьмет себе. Мне эти шали не нужны. Все равно я постоянно теряю свои вещи.

Взять, к примеру, мои письма из Индии «Из дебрей Индостана». Еще до того, как они были закончены, Катков* стал продавать их по два рубля за книгу. Сама я об этом ничего не знала, и, похоже, за эту книгу я не получу ни копейки. А то я могла бы отдать все деньги этой женщине. Вам это может показаться странным, но у меня нет ни гроша, ни одного пая*. В

Штаб-квартире Общества никому не разрешается относиться к деньгам как к своей собственности — все вкладывается в общий фонд. Нас 37 человек, и мы круглосуточно трудимся в общине, и, пока не подсчитаны все приходы и расходы, никому не позволено тратить на себя ни единого пенни. Однако вам это вряд ли интересно.

Так что, милый князь, вы — моя единственная надежда в том, что касается помощи этой женщине. В конце концов, что вам стоит распорядиться, чтобы ей выплатили 600 рублей? На вашем месте я бы вообще раздала всю казну бедным, как я и поступаю со своими деньгами, когда они у меня бывают. Царь — и тот милостив. У меня просто сердце разрывается. И зачем я только на свет уродилась? Временами я ненавижу себя за это.

Но не стоит вас чересчур утомлять моими стенаниями Лазаря. Что поделаешь, если такова моя судьба? Вместе с этим письмом вы получите письмо от Веры. Следующее мое послание будет более бодрым. Сейчас мне не до веселья.

У нас неприятности. «Илберт-билль»* встал нам поперек горла, хуже горькой редьки. Празднование нашей восьмой годовщины прошло великолепно, об этом вы сможете прочесть в газетах. Прибыло 77 делегатов — по одному от каждого Теософского Общества, то есть от каждого нашего филиала: из Америки, Франции, Англии и со всех концов Индии.

У нас 123 общества по всему свету, и одно из самых мощных — английское. Три члена Королевского общества Англии являются братьями «Лондонской Ложи Теософского Общества». И при всем этом я остаюсь альфой и омегой нашего Общества. Я — его основа и уток. Как немец изобрел обезьяну, так я создала Общество. Я его вскормила, поставила на ноги, а теперь даже выучила плясать. Членов Общества все прибывает, как грибов после дождя; в одном только Лондоне их уже более трехсот.

В России Е.П.Блаватскую держат за дурочку, а на другом берегу океана ее ценят. Прочитайте приложение к январскому номеру «Theosophist». Посылаю вам вырезку из газеты, которая в этом ничего не смыслит. Умрем мы или нет, но Общество наше не погибнет. Надеюсь, это мое письмо никто не похитит и оно дойдет до вас и застанет в добром здравии, имеющим все, чего вы желаете себе от источника юности.

Пару слов обо мне самой. Честь имею сообщить вам, что у меня парализовало обе ноги и что вот уже два месяца меня возят из комнаты в комнату в инвалидной коляске. Если мне не станет лучше, то, значит, пришло время умирать. Без ног все же не очень-то удобно. Да защитит вас Парабрахман от подобной напасти!

До самой смерти преданная вам

Е. Блаватская

Письмо 15

[16 февраля 1884 г.]

Сихор

Каттъявар

Дорогой князь!

Эврика! Интрига распутана и тайна раскрыта. Ваши деньги вот уже год лежат в сейфе одного бородатого банкира, представителя Национального банка Франции, или чего-то в этом роде, в Бомбее. Их получили, навели справки о моем адресе и, узнав, что я уехала из Бомбея, даже не удосужились известить ни меня, ни других людей. А вы, мой дорогой князь, вы уж меня простите, но вы совершили большую ошибку, не снабдив меня рекомендациями, поэтому, когда я приехала в Бомбей, то была вынуждена ходить по всем банкам, чтобы попытаться получить необходимую информацию. В конце концов я ее нашла и мне удалось-таки получить эти деньги.

Бремя вашей кармы отяготилось вследствие тех подозрений, которые вы выдвигали в

отношении бедных теософов, но это уже мелочи. Извините, если я вас расстраиваю. Простите меня и за мое безрассудное письмо.

Я сейчас не дома, а в гостях у раджи Вадхвана — раджпутского князя, у которого есть своя армия из семнадцати солдат, вооруженных деревянными и картонными мечами и одетых в военную форму семнадцати различных видов. Раджа только что вернулся из-за границы, из Парижа, где он видел на картинах образцы русской военной формы, приобрел кое-какие из них и, возвратившись домой, сразу же вырядил в них своих престарелых слуг (думаю, это была форма уланов), за что был сурово наказан своим опекуном, государственным резидентом, который эту униформу конфисковал, организовал ее публичное сожжение и посадил раджу под арест. Теперь вот я скрашиваю его одиночество. Убеденный теософ, он в своем горе воззвал ко мне, и я примчалась. В порядке мести резиденту этот горячий молодой человек устроил мне пышный прием на своей собственной железнодорожной ветке, и всю дорогу я ехала «с развевающимися знаменами».

Когда я прибыла, меня приветствовал полковой оркестр, причем вместо «Боже, храни королеву» музыканты сыграли американскую песню «Янки Дудль», а на последней станции, где меня вышел встречать сам раджа со своими придворными, соорудили большую триумфальную арку, которую украшал подсвеченный сзади транспарант с надписью на русском языке: «Будьте счастливы»!!! Я чуть не лишилась чувств от неожиданности и от страха за бедного раджу. Он ведь поплатится за это. И все же доблестный раджпут просто великолепен. Он готов мстить англичанам «зуб за зуб». Юноша говорит: «Можете сколько угодно растаскивать мое царское наследство, но не препятствуйте моему самовыражению, иначе продам свое царство евреям, разобью корону о ваши головы и махну в Америку!» Мне очень трудно его урезонить.

А вот еще одна новость! Когда вы получите это письмо, я буду уже в Европе — наверное, где-нибудь в Швейцарии или Булони. Врач заявил мне, в точности как и госпоже Курдюковой*, что мне уже пора отправиться попить немецкой минеральной водички «в обществе лордов, графов, принцев и вообще людей благородного происхождения». Еще он добавил: «Если вы сейчас не отправитесь в Европу, то через три-четыре месяца отправитесь в нирвану». У меня не было ни малейшего желания ехать. Я хочу умереть в Индии. Но теософы подняли крик: я им нужна живой, а не мертвой, так что я еду. Они дали мне личного секретаря, одного музыканта с ситаром* (который обязан каждую ночь убаюкивать меня каким-нибудь ведическим гимном, а по утрам — будить величественным гимном рассвету), а также слугу-индийца.

Отплываю 20 февраля* (сегодня 16-е) пароходом французской почтово-пассажирской компании — не желаю садиться на английский корабль. Терпеть не могу самодовольные и надменные лица британцев. Через три недели буду в Марселе; быть может, заеду в Ниццу, загляну к графине Кейтнесс (герцогине де Помар)*. Она является президентом парижского отделения нашего Общества — «Теософского Общества Востока и Запада». Оттуда уже поеду на тот курорт, куда меня направят. Напишу вам оттуда, если позволите. Если не хотите, можете не отвечать мне. На отпуск мне дали лишь четыре месяца. В июле я должна вернуться, так как примерно 11 августа в Калькутте состоится конгресс всех теософов Индии; кроме того, я должна побывать в Бирме. Король Тхибоу очень просит меня приехать и обещает преподнести в подарок белого слона.

Конечно, все это произойдет только в том случае, если я сумею дожить до зимы. Милый князь, чувствую я себя просто ужасно; все мышцы погрузились в спячку, как раки зимой, жизненная энергия иссякла, и поэтому нет никаких сил и мозги оупели; я просто разваливаюсь на куски! Врачи говорят (впрочем, все они — ослы), что я перенапрягла свой мозг. «Мозг переутомлен», — изрек один такой лондонский оракул. Да откуда же у меня мозг? Наверное, когда я умру и они захотят разрезать мое тело на части, выяснится, что я — как тот джентльмен, который пытался вышибить себе мозги, однако не преуспел в этом деле по той простой причине, что мозгов у него не было. Так и у меня никогда не было никаких мозгов, за исключением тех «корневильских корней», о которых я вам уже говорила.

Скорее всего, вам это не очень-то интересно, но было бы весьма недурно, если бы и вы смогли отправиться за границу и мы бы где-нибудь с вами встретились, и тогда бы вы смогли вколотить немного разума в голову сего индийского чуда. В письмах ведь всего не скажешь. *Verba volant, scripta manent**, как говорят мудрецы. Письма часто пропадают, и ваши тоже могут затеряться. На этом позвольте мне откланяться. Завтра уезжаю в Бомбей, и надо успеть собраться. О я, несчастная, совсем как Вечный Жид. Помереть не дадут спокойно.

Да ниспошлет вам Господь... вот только чего?

Письмо 16

3 июня 1884 г.
Париж
улица Нотр-Дам-де-Шан, 46

Милый князь!

И вот я вновь перед вами, подобно евангельской вдове, докучающей судьям. Надеюсь однако, что вы снизойдете до моей смиренной просьбы, и не для того, чтобы отделаться от моей назойливости, а исключительно из чувства справедливости — еще одного проявления вашего великодушия, одного из тех качеств, каковые я собираюсь и дальше добавлять, как новые жемчужины, к ожерелью драгоценных свойств вашей натуры. Будем надеяться, что вы больше не станете пытаться убедить меня в том, что они фальшивые, как это бывало в прошлом.

Официальное *прошение*, которое я вам посылаю, поможет *объяснить суть*, но мало что скажет о главных героях того невероятного события, которое со мной произошло. Вы, как водится, над этим только посмеетесь. Но мне не до смеха. Это нечто столь *отвратительное* и столь *неожиданное*, что никогда прежде не случалось *даже со мною*, немало повидавшей на своем веку! Судите сами и, прошу вас, сообщите мне, что вы думаете по этому поводу.

До сих пор на меня клеветали, меня всячески *чернили* и *выставляли героиней всевозможных сплетен* все эти англичане, американцы и прочие знатные иностранцы — те, кто, зная обо мне очень мало, подменяли правду домыслами разной степени абсурдности. Я не отвечала им, ибо мне не привыкать к тому, что вдобавок к подозрениям о моем шпионаже в Индии постоянно вставал вопрос о *любовниках*, которые непременно должны присутствовать в жизни госпожи Блаватской наряду с прочими мирскими грешками, которые вы столь остроумно именуете «удовольствиями вашего возраста и пола». Пусть все знают: в этом отношении не мне тягаться с некоторыми дамами из высшего света, которые нам с вами хорошо известны. Впрочем, все это мелочи и просто дело вкуса.

Но вот на свет появилась новая, гораздо более злобная клевета, которая исходит от *русского человека*!! По-видимому, эта дама завидует моей нынешней репутации и тому вниманию, которое проявляют к Теософскому Обществу французские и английские газеты; завидует лестным статьям о моей скромной персоне. По крайней мере, именно в этом меня уверяет г-жа Глинка, дочь г-на Глинки (посла в Бразилии), теософ и мой друг. Как фрейлине ей наверняка лучше других известны тайные мотивы, побуждающие других фрейлин порочить императорский двор, распуская свои подлые змеиные языки.

Я говорю о своем новом и неожиданном недруге в лице фрейлины г-жи Смирновой, которую я на самом деле даже никогда не видела. С первых же дней моего пребывания в Париже она зачастила в высший свет и принялась расписывать меня в самых ярких красках собственного изобретения, которые покойный князь Барятинский* называл «смирновским ядом». Сию отраву она спокойно могла бы запатентовать, как римский папа Борджиа* — свои яды, и не делает этого лишь по причине особой осторожности. Но на этот раз она зашла слишком далеко, и я этого так не оставлю. Я сама буду добиваться для нее патента, только теперь уже в суде — по уголовному делу, по обвинению в тяжком *оскорблении личности и клевете*. Пример грязных оскорблений в мой адрес — письмо этой дамы г-же Глинке, которое у меня на руках. В нем упоминается и ваше имя. (Ознакомьтесь с прилагаемой копией этого письма, оно весьма занятно). Я бы охотно простила ее за то, что она, эта гнусная гадина (надеюсь, она не состоит с вами в родстве?), рассказывает о моей особе. Но того, что она измышляет о моей бедной сестре, г-же Желиховской, чьи честность и благородство хорошо известны Великому Князю Михаилу и Великой Княгине Ольге Федоровне, на виду у которой сестра прожила в Тифлисе 22 года, — *вот этого я госпоже Смирновой не прощу никогда*, равно как и ее постыдной лжи, которую она стала распространять про моего дядю, как

только он умер, и про моего деда, г-на Фадеева. Эта старая ведьма способна плевать ядом и отплясывать «Карманьолу»* на разверзшейся могиле своего родного отца.

Я больше ничему не удивляюсь и начинаю верить в истинность того, что говорил мне в Ницце один русский господин, а ведь в то время я из любви к императорской семье и преданности ей даже защищала эту особу. И готова была показать коготки. Вот что сказал наш соотечественник: «Анархисты своим существованием обязаны злым языкам и интригам старых фрейлин в промежутках между служебными обязанностями. Сплетни скучающих фрейлин — вот источник всякого недовольства. Их пересуды по поводу всего, что касается двора, наветы друг на друга и даже на членов царской семьи, шепотом и по секрету доводимые до сведения широкой публики, сегодня, благодаря определенной категории людей, которым не по нутру правда, брошены в лицо России вместе с самодельными бомбами». Конечно, меня разозлила в основном не эта тирада, а другие его слова, но сейчас я думаю, что и эта часть его размышлений оказалась верной.

Все мои здешние многочисленные знакомые из числа наших соотечественников в один голос советовали мне обратиться к вам с этой просьбой. Все, что эта особа говорила по поводу *любовников*, нельзя рассматривать как повод для обвинения ее в клевете, но то, что она пишет в письме, может привести ее на скамью подсудимых, если г-жа Смирнова не принесет мне публичных извинений в письменном виде. Поэтому, милый князь, я прошу вас как человека, наделенного полномочиями *высшей власти на Кавказе*, и как просто благородного человека, испытывающего отвращение к клевете (не осмеливаюсь назвать вас другом, ибо я на самом деле достаточно натерпелась, чтобы верить в дружбу *сильных мира сего*), распорядиться, чтобы полицейские чиновники как можно скорее выслали мне все необходимые сведения. Пусть порожется в архивах и разошлют запросы по всей России. Мы-то с вами знаем, что меня никогда в жизни не обвиняли ни в мошенничестве, ни в воровстве и ни в чем подобном. Мне никогда не предъявляли никаких обвинений. Что за подлая, лживая и ядовитая баба эта Смирнова! Хороши же ваши придворные старые девы, нечего сказать! По мне так уж лучше падшие розанчики из Нантерра и Ангьена!

Прошу вас прислать ответное письмо в Париж, на имя г-жи Барро, члена Теософского Общества, улица де Варэнн, 51. Графиня мне его перешлет в Лондон или еще куда-нибудь. Примерно через две недели я уезжаю.

Знаете ли вы, что мы здесь пользуемся огромным успехом и что брахман, которого мы с собою привезли, стал настоящим светским *львом* и любимцем английской аристократии, а Париж с Лондоном соревнуются за право его пригласить?* Да будет вам известно, что в Ницце уже не один русский стал теософом. Можно назвать такие фигуры, как княгиня Волконская (в девичестве Клейнмихель), генерал Коген с женою, г-жа Демидова, [...] Яковлевна Трубецкая* и так далее. А в Париже самый ревностный теософ сейчас Всеволод Сергеевич Соловьев*, сын известного историка и кузен знаменитого философа. Добавим сюда еще князя Леонида Урусова и многих других. Все они возмущены и настроены против этой кумушки Смирновой.

Милый князь, вы, проявивший ко мне такую доброту и великодушие, вы, два года назад поступивший по отношению ко мне как самый настоящий друг, — не оставляйте меня в этой беде. Пусть *даже сам черт свое получит*. Это просто ужасно. Напишите мне несколько строчек в Париж (по адресу: ул. Нотр-Дам-де-Шан, 46) и скажите, что все это — бесстыдная клевета, ведь кому как не вам у себя в Тифлисе лучше всего это знать? Полицейское расследование займет немало времени. Придется обратиться к архивам за период с 1848 года, а вам ведь известно, что, если отбросить все эти сплетни о госпоже Блаватской, о моих приключениях, не запрещенных законом, меня *никогда* и нигде не обвиняли в мошенничестве или воровстве. Я прошу вас просто упомянуть в письме, доводилось ли вам хоть *когда-нибудь слышать* обо мне что-либо подобное. И тогда я попрошу г-жу Глинку или г-на Урусова показать ваше письмо этой старой ведьме Смирновой.

В свою очередь, я всегда, до самой смерти, буду преданно вам служить и молиться за вас всем Блаженным.

Глубоко преданная вам

Е.П.Блаватская

Госпожа Блаватская согласно описанию фрейлины г-жи Смирновой

Эта моя биография представляет собой *дословную* копию с оригинала, сочиненного **фрейлиной** [!]* Смирновой в назидание г-же Глинке. Предлагаю вашему вниманию только его конспект, то есть опускаю совсем уж нелепые высказывания.

Ее отец ... **[известно]***.

Ее мать ... **[то же самое]**.

Ее дед, генерал Фадеев, так же как и его сын, генерал Фадеев II, имел на Кавказе довольно-таки незавидную репутацию... **[и т. д.]**

Ее сестра вышла замуж за г-на Желиховского, человека воистину благородного, который лишился рассудка из-за ее мерзкого поведения. После смерти супруга она переехала в Одессу, где продолжала вести *беспорядочный образ жизни*. [!!!!]

Г-жа Блаватская вступила в брак с г-ном Блаватским еще в весьма юном возрасте и *имела от него нескольких детей, которые все умерли во младенчестве*. [???] После кончины мужа у г-жи Блаватской было еще *много детей* от других мужчин... **[и т. д.]**

В то время князь Дондуков был адъютантом князя Воронцова, который тоже весело проводил время с этой женщиной. **[?? О бедный князь!]**

Несчастный Блаватский долго страдал и *наконец помер*. **[А ведь он до сих пор жив!]**

Теперь перехожу к серьезной части сочинения.

В конце концов во время своего романа с князем Воронцовым г-жа Блаватская зашла так далеко, что попыталась *разжиться деньгами*; она не ограничилась тем, что *вытягивала их из любовников, но не брезговала всяческими бесчестными, низменными и противозаконными способами, включая мошенничество*. За эти преступления тифлисская полиция намеревалась *арестовать ее*, но она сбежала к своей сестре в Одессу. [!!!] Тифлисская полиция уведомила об этом одесскую, и мошеннице снова пришлось спасаться бегством. Затем она *снова вернулась к своей сестре в Одессу, после чего тайно приехала в Тифлис, где якшалась с подонками общества, предаваясь разврату, пьянствовала и совращала юных девушек* [!!], *зазывая их в гаремы* **[вот как выражаются фрейлины!!]** и добывая деньги самым грязным и отвратительным способом... **[и т. д.]**. В полицию стали поступать жалобы от обманутых и обобранных ею людей. Прослышав об этом, г-жа Блаватская в очередной раз сбежала в Одессу... **[и т. д.]**

Подведем итог: на Кавказе эта дама снискала себе печальную известность своим мошенничеством, кражами и недостойным поведением. Вот почему она более тридцати лет не осмеливается показаться на Кавказе: ведь она хорошо понимает, что ей грозит немедленный арест, заключение и отправка по этапу в Сибирь, так как ее там хорошо знают и на нее заведено дело — уголовное дело!

[Под всем вышеизложенным стоит подпись: «О.Смирнова»]

Прошу вас, дорогой князь, обратить внимание именно на эту последнюю фразу, на эту торжествующую низость. Вы — главнокомандующий. Для вас не составит особого труда провести расследование. Пусть тифлисская полиция даст ответ: выдвигалось ли против меня в суде хоть одно обвинение, *уголовное* или какое-либо иное.

Много было про меня всяких сплетен и измышлений, но до такой низкой клеветы не додумывались даже мои злейшие враги! Такое могло прийти в голову только увядшей старой деве, которая страдает истерией и галлюцинациями! Пусть мне приписывают самые разнужданные амурные похождения и называют «царем Соломоном в юбке» и сравнивают с «царем Давидом, который при всей своей мягкости убивал мужей своих любовниц». Но придумывать такую клевету — это уж слишком, и если сия особа не угомонится и не извинится, то, клянусь, я потащу ее в суд за оскорбление личности и клевету.

Никогда в жизни меня еще не называли воровкой и мошенницей! Когда это я тайно приезжала в Тифлис? И что это еще за сестра в Одессе, если в 1849 году, когда я уехала *с паспортом Блаватской*, моей сестре Вере было 14 лет? Сестра моя в то время жила у нашего дедушки, а никакой другой сестры у меня не было. С тех пор я постоянно жила за границей и вообще на других континентах. В Тифлис я возвратилась в 1861 году; тогда я помирилась с Блаватским и еще целый год мы прожили под одной крышей, пока мое терпение не лопнуло, и я снова уехала от этого дурака. Затем я три месяца прожила у тетки в Одессе, а потом, после встречи с вами, уехала из России и больше никогда не возвращалась. Умоляю вас, дорогой князь, ради Бога, пришлите мне официальный документ из полиции. Я ничего не боюсь. Пусть говорят про меня все, что знают. Это действительно ужасно. Неужели на этом свете действительно нет ни правды, ни справедливости? А все, что эта карга сочиняет про Веру... И ведь все это написала *filie d'honneur!**

Прошение Е.П.Блаватской

Его Сиятельству

генерал-губернатору Кавказа, князю

Александру Михайловичу Дондукову-Корсакову

от Елены Блаватской,

супруги статского советника.

ПРОШЕНИЕ*

Отвечая на ложные слухи и наветы, которые стали распускать злонамеренные люди, утверждающие, будто я в течение тридцати лет не осмеливалась вернуться на Кавказ из-за того, что против меня возбуждено уголовное дело по обвинению *в воровстве, вымогательстве и мошенничестве*, честь имею обратиться к Вашему Сиятельству с нижайшею просьбою выдать мне официальное свидетельство полицейского управления Вашей губернии и направить означенный документ мне лично, в Париж, по следующему адресу: Нотр-Дам-де-Шан, 46, с просьбой передать через графа Гастона д'Адемара, замок Кронсак, Ангьен, близ Парижа.

Дабы облегчить полиции поиск необходимых доказательств, с вашего позволения я хотела бы упомянуть следующее.

Я вышла замуж 6 июля 1848 года в селении Джелалоглы Эриваньского уезда. Тогда мне было 17 лет. В следующем году я уехала из Эривани в Тифлис, и, прожив там два года, я с паспортом, который выписал мне г-н Блаватский, отправилась сначала в Одессу, а оттуда — за границу. Во второй раз я приехала в Тифлис в 1860 году, чтобы погостить у своего родственника, тайного советника Андрея Михайловича Фадеева*, и прожила у него около года вместе с моим супругом г-ном Блаватским (который в то время был статским советником) в доме г-на Добржанского на Головинском проспекте. После этого, в 1863 году, я

посетила Зугдиди и Кутаиси и вернулась в Тифлис. У моего дяди я прожила почти год. В 1865 году я выехала в Италию и на Кавказ больше никогда не возвращалась. За все это время на меня не подавали никаких жалоб и не привлекали к суду. Против меня не только никогда не возбуждали никаких уголовных дел, но даже не предъявляли простейших гражданских исков. Теперь я должна смиренно просить Вас подтвердить, что все вышеизложенное соответствует действительности.

Е.Блаватская

Письмо князю А.М.Дондукову-Корсакову от г-жи Глинки*

3/15 января 1884 г.
Париж
1-я улица Линкольна
(Елисейские Поля)*

Ваше Сиятельство!

Позвольте мне обратиться к Вам по одному вопросу, в решении которого мы заинтересованы как русские люди. Вы, должно быть, осведомлены о распространяемых измышлениях и нападках, которым подвергается и продолжает подвергаться г-жа Блаватская.

Я лично с г-жой Блаватской не знакома, однако у меня вызывает огромный интерес ее книга «Разоблаченная Изида». Блестящий ум, эрудиция и энергия этой женщины, которым нет равных, позволяют ей, на мой взгляд, занять весьма высокое место в ряду творческих гениев.

И это не единственный случай проявления ее дарований! Осознавая все это и будучи ее соотечественницей, я хотела бы опровергнуть ту грубую ложь, которой возмущена и против которой собираюсь выступить. Так, вчера одна женщина пыталась меня убедить в том, что уголовный суд Тифлиса якобы предъявил г-же Блаватской обвинение в *воровстве, мошенничестве и шарлатанстве*. Образ этой женщины, сложившийся в моем представлении благодаря чтению ее работ, *не позволяет мне поверить в подобные рассказы*. И пусть не ждут от меня иного ответа! Возможно ли, Ваше сиятельство, получить официальные разъяснения от тифлисского суда? Говорят, что происходило все это около 1860 года. Если, как я надеюсь, мы имеем дело с гнусной клеветой, то в данной ситуации самое лучшее — это получить от тифлисского суда официальное опровержение.

Если бы жертва подобных наветов находилась сейчас в России, то это было бы не так страшно, ибо вынуждена признать к нашему стыду, что самым сильным (после англичан) нападкам г-жа Блаватская подвергается со стороны русских женщин! Воистину стоит лишь подняться над посредственностью, как всякие мерзавцы начинают забрасывать вас грязью.

В полной уверенности, Ваше сиятельство, что Вы по возможности окажете мне помощь в защите нашей соотечественницы, заканчиваю я эти строки и прошу принять искреннее выражение моих самых теплых чувств.

Юстина Глинка

ПИСЬМА ИЗ РУССКИХ АРХИВОВ

ПИСЬМА ИЗДАТЕЛЯМ

Письмо 1

А.С.Суворину*

1 октября 1879 г.
Бомбей, Гургаум,
редакция журнала <Theosophist>

Г-ну издателю «Нового Времени»

А.С.Суворину

Издательница журнала «Theosophist» свидетельствует свое глубочайшее почтение г-ну Суворину и надеется, что он извинит ее за бесцеремонность этого письма, хотя бы из доброго намерения услужить далекому земляку. Если калькуттскую газету «Amrita Bazaar Patrika»* получают в Петербурге, то статью можно будет бросить в огонь; а если не получают, то, возможно, она и пригодится журналу «Новое Время» — журналу, получаемому и весьма уважаемому мною.

«Amrita Bazaar Patrika» — самая беспокойная и буйная газета в Индии, настоящая заноза в боку *Press Comissioner** (что-то вроде цензора). Прежде она издавалась на бенгальском языке. Но когда ее статьи дошли до *maximum*'а неприятных англо-индийскому правительству истин, то оно и прибегло около двух лет тому назад к знаменитому своему закону, известному под именем «Press gay», или попросту «наморднику прессы». Закон, как г-ну Суворину известно, возбудил в Индии страшное негодование, и дело доходило почти до бунта. В то время как по-английски можно было писать про всех и про все, на диалектах страны запрещалось печатать даже имя кого-либо из служащих без должного уважения, и закон был выдуман и прошел, положительно имея в виду одну (или главным образом) неисправимую «Amrita [Bazaar Patrika]». Но последняя оказалась хитрее комиссионеров прессы. В одну ночь они изменили печатные литеры, и газета вышла на другой день от начала до конца по-английски! Комиссия осталась с носом, а «Amrita Bazaar Patrika» стала отличаться еще больше прежнего.

Я бы с удовольствием послала статью «Russia or England»⁶⁵ уже переведенной. Но, к стыду своему, хотя и безвинна в этом, замечаю, что совсем забываю родной язык, не говоря по-русски иногда целые годы.

Также покорнейше прошу г-на Суворина в случае, если он поместит перевод этой статьи, не упоминать ни моего имени, ни откуда газета получена. «Новое Время» знает по письму «М». из Лондона, что меня и так уже а[нгло]-и[ндийское] правительство пожаловало в русскую шпионку; а если узнают, что я посылаю русским газетам выписки из здешних газет, то совсем заедят. Только напрасно корреспондент М. пожаловал меня в своем письме в «яркую спиритку». Совсем я не спиритка и против материализующихся бабушек и усопших тещей восстаю всеми силами. Наше Общество (Theosophical Society⁶⁶) воюет против спиритуалистов более четырех лет.

Если могу что-то сделать для г-на Суворина в Индии или чем услужить его газете, то прошу его располагать мною. Не увижу я более родной земли своей, поэтому все русское для меня дорого. Американской гражданкой я сделалась не вследствие каких-либо политических видов, так как в политике вообще аза в глаза не знаю, а просто потому, что иначе не могла владеть купленными мною в Нью-Йоркском штате землей и домом.

Извиняюсь еще раз за русскую безграмотность свою.

Остаюсь готовая к услугам

Е.Блаватская

⁶⁵ «Россия или Англия» (англ.).

⁶⁶ Теософское Общество (англ.).

Письмо 2
И.П.Минаеву*

16 февраля 1880 г.

Господину профессору Минаеву

Господин профессор!

Надеюсь, что вы извините меня за невольное незнание имени и отчества и за то, что так бесцеремонно обращаюсь к вам, зная, как дорого для вас время. Но, узнав причину, вы, быть может, убедитесь, что я действую с единственной целью быть вам полезной в ваших исследованиях. Я, как видите, русская, но страстная буддистка и много лет нахожусь в переписке, равно как и в отношениях, с главными буддистами не только в Цейлоне, но и в Бирме и в Тибете. Как вы, вероятно слышали, я служу секретарем при Американском Теософском Обществе. Совершенно уверена, что если вам и говорили про нас, то ничего хорошего, потому что главные два буддиста или, правильнее, *специалиста по буддизму*, проф[ессора] Уордсуорт и Махадео Морешвар Кунта, — наши враги. Первый — право, не знаю почему, вероятнее всего, п[отому] ч[то] трусит начальства, давно принимавшего наше невинное Общество за «русских шпионов»; а второй — п[отому] ч[то] сделался членом Теософ[ского] Общ[ества] еще когда мы были в Америке, рассып 'ался мелким бесом, когда мы сюда приехали, а потом сделался Иудой-предателем и был изгнан Главным Советом из Общества и с тех пор ругал нас исподтишка на всех перекрестках. Если я ошибаюсь и они ничего вам не говорили, то прошу у них извинения. Но это как-то невероятно. Кроме того, вы, вероятно, взираете на нас, то есть в случае, если слышали о нас, как на спиритов; и это несправедливо, п[отому] ч[то] мы — первые враги спиритизма, за что Александр Николаевич Аксаков сильно ссорится с нами [...]

Извините за долгие подробности, но они необходимы хотя бы для вящего уяснения моего дела. Наше Общество, объединяющее в себе людей всех национальностей, работает более всего с буддистами Цейлона и Бирмы. Оно основано почти с единственной целью исследовать азиатские религии, а главное — буддизм. Поэтому преподобный Сумангала* (над которым вы немножко посмеялись в вашей книге), Махависвата, Тевунансе и еще человек двадцать — все члены нашего Общества, считают нас своим братством, находятся в постоянной переписке с нами и если имеют какие важные рукописи, то присылают их все нам — либо для журнала нашего «Theosophist», либо для изучения. Вот уже год как они просят нас приехать к ним на Цейлон и ждут не дождутся нас. Я только на днях отослала Сумангале рукопись, которую, как он говорил, англичанам ни за что даже не покажет, не только что отдаст. Да я и очень рада этому.

Словом, если вы поживете здесь, то убедитесь, что наше Общество может быть вам более нежели полезным. Ежели желаете знать, почему такая благодать именно вам, отвечу откровенно: единственно потому, что вы — русский, родной. Я уже давно старуха и поэтому прямо говорю: чем более старею, тем более болит душа по России, которую уже никогда не увижу. Не потому что не могла бы вернуться, а п[отому] ч[то] поклялась не возвращаться и умереть в Индии, где меня и сожгут. Но это мне не мешает оставаться горячей патриоткой и даже быть готовой положить жизнь за родину, даже за царя, хоть я его и променяла, сделавшись американской гражданкой. Ненавидя англичан и любя русских, я, конечно, желаю услужить русской, а не их макс-мюллеровской немецко-английской науке. Поэтому и располагайте мною. Вовсе и не нужно вам беспокоиться заходить — разве что сами того пожелаете и будет вам время, а просто прикажите и напишите, что могу я для вас сделать, чем могу услужить, и все, что в моей власти будет, готова сделать.

Сумангала только что прислал диссертацию на санскрите об эзотерическом взгляде буддистов на душу человеческую и две-три другие рукописи. А также Риветт-Карнак* из Часипура прислал мне в «презент» редкие, только что найденные в Барауни старые монеты времен семи разных царей: две — династии Андхва, царя, что строил пещеры Насика*, остальные — Сурья и Митра династии Бхуми Митра, чрезвычайно редкие. Видите ли, до сих пор никогда не находили не только монеты времен Агни Митры, Бхуми Митры, Сурья Митры, Бхудра Гхоша, но даже сами эти имена совершенно новые в Каталоге индийских царей. Эти монеты, если вы только думаете, что мне не откажут, я хочу подарить Петербургскому музею.

У меня нет коллекции, поэтому они мне не нужны, как они ни любопытны. Умру — пропадут. Вот и все.

Повторяю, что мы здесь окружены врагами. Я — как русская, а Общество — как из[мен]ники-буддисты и брахманы. Миссионеры нас ненавидят, а правительство, если бы только не боялось (у нас три члена либеральной партии являются членами парламента лондонского Теософского Общества, филиала нашего), то выслало бы из Индии. Но лорд Линзей, член Королевского общества и председатель Кор[олевского] астроном[ического] общ[ества] в Лондоне, также член нашего братства, а здесь боятся разоблачений *at home*⁶⁷.

Теперь, объяснив все, поистине остаюсь готовая к услугам

Е.Блаватская

Письмо 3 В.И.Прибыткову*

7 апреля 1883 г.
Адьяр, Мадрас

Милостивый государь, Виктор Иванович!

С великим удовольствием получила я ваше радушное письмо. Все, что приходит мне с Родины, с которой уж никогда не увижусь, дорого мне. Поэтому я спешу ответить на все вопросы. С великим удовольствием вам дала бы (да и даю) позволение печатать все выброшенные из моих «Писем из Индии»* места, коли такие найдутся. Но до сих пор Михаил Никифорович Катков еще ничего не выбросил. Только в последнем письме (в XXVI, кажется) он выпустил более половины из самого интересного, и то не отдельный рассказ, а просто часть разговора и рассуждений. Но, увидев это, я тотчас же написала в контору, что если письмо это появится в таком же изувеченном состоянии и в «Русском Вестнике» (где с января письма мои из «Московских Вед[омостей]» перепечатываются), то я писать далее или заканчивать «Из пещер и дебрей Индостана» отказываюсь, и это вовсе не пустая угроза и не каприз. Я себя вовсе не считаю ни гением, ни Тургеневым в юбке, ни даже писательницей, потому что и писать по-русски забываю, да никогда и языка своего хорошо не знала; но уж коль скоро мои письма печатают, то, стало быть, находят их интересными, так не для чего и выбрасывать по произволу потому только, что некоторой фракции читателей, скептикам и материалистам, не нравится. Я не для них пишу. И ни за какие деньги я не соглашусь писать для того, чтобы выкидывали. Не нравится, так и не нужно. Так и написала М.Н.Каткову и секретарю Петровскому.

Они все пристают: «Присылай побольше да и еще». Не хочу я присылать ничего, коли так. Мне деньги их не нужны, я и так с голоду не умру, и дети у меня не плачут, потому что никаких детей, слава Богу, и нет. Я одна, а у меня вся Индия за спиной, и напиши я какую угодно глупость, так расхватают за какую угодно цену, да и еще попросят. Да мне-то с моим журналом «Theosophist» и писать нет времени. Насилу когда могу отвечать на частные письма. Поэтому, многоуважаемый Виктор Иванович, предупреждаю вас об этом, чтобы вы и не просили выброшенных мест, потому что их не будет, или же, если М.Н.Катков, имея в руках уже всю первую часть «Из пещер и дебрей [Индостана]» и, не выкинув ничего из писем, уже появившихся в «Моск[овских] Вед[омостях]», выкинет теперь, печатая их в «Русском Вестнике», то он не получит второй части; пусть этим и утешится.

Я не вру в «Письмах [из Индии]», а записываю настоящие факты, выпуская и так многое ради поблажки русской публике и ее вкусам; а стоять на задних лапках перед дураками на старости лет — не намерена. А коли нужны вам в самом деле факты для вашего журнала, так лучше уж я соберусь с силами да напишу для вас одного, для «Ребуса», оригинальную, а не выкинутую историю, и даже несколько их, коли желаете. Господь с вами, никакого мне «гонорара» не нужно. Я от своих, то есть от тех коллег, что работают на одной со мною

⁶⁷ у себя дома (англ.).

линии, еще никогда денег не брала, да и не возьму, будь вы хоть миллионер. Я и для Каткова лучше бы даром писала, нежели позволить выкидывать. Я служу идее и цели, а не деньгам. Так ему и скажите, коли знакомы с ним.

Вы пишете, что вам обещали для «Ребуса» статью о нашем Обществе? Смотрите, как бы не подвели вас, напечатав то, чего нет. Один разве А.Н.Аксаков знает приблизительно правду о Теософском Обществе. Вон «Кавказ»* напечатал (перепечатал из «Allgemeine Zeitung») чушь о том, что мы, то есть полковник Олькотт и я, отреклись от христианства и собираемся обратиться в буддизм всю Индию. Очень похоже на то! Ведь одна из самых строгих статей в нашем Уставе угрожает каждому члену, который осмелится не только проповедовать, но даже и возносить свою собственную религию над религией брата своего сочлена, позорным исключением, изгнанием из Общества.

Наше Общество — чисто философское и научное. Мы обязаны уважать всякую веру, не проповедуя ни одной. В Обществе у нас много горячих христиан и столько же горячих язычников, буддистов, индусов, огнепоклонников, магометан и прочих, и все живут мирно, ибо каждый член помнит заповедь Конфуция*, а затем Христа: не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы тебе делали, то есть не ругай веру брата твоего, уважай его мнение, ибо иначе он и твою ругнет и забудет к ней уважение. А что касается нашего отречения от Христа, то это все вранье и сплетни. От Христа никто из нас — ни полковник Олькотт, ни я — не отрекались, а от нынешнего, фарисейского, изолгавшегося христианства, от мертвой буквы оно и тысячи и одного противоречивых догматов отказались и отказываемся денно и нощно.

Мертвая буква убивает дух; вот мы и стараемся убить эту букву, наступая ей и на хвост, и на голову. А затем пусть о нас думают что хотят добрые люди. Клеветники только сами себя секут, как унтер-офицерша Подшлепкина*.

Засим извиняюсь за болтовню, прошу верить в искренность и уважение вашей далекой соотечественницы

Елены Блаватской

Постараюсь прислать для «Ребуса» что-нибудь на следующей неделе.

Письмо 4 **Редактору «Times»**

7 октября 1884 г.

Милостивый государь!

В Мадрасе распространились безосновательные и возмутительные слухи о заговоре, в который я будто бы [вступила] с господами Куломбами для обмана публики таинственными явлениями.

Относительно этих обвинений я скажу, что приписываемые мне письма написаны не мною. Некоторые мысли, изложенные в них, действительно были мною высказаны, но они настолько затемнены разными вставками, что смысл их совершенно извращен. Поддельватели писем до того грубо невежественны, что приписывают мне, например, отзывы о Лахорском махарадже, тогда как в Индии каждому школьнику известно, что такой особы не существует. Что же касается обвинений в том, что я будто бы обманывала ради денежных средств для Теософского Общества, то я никогда никаким образом не выманивала и не вымогала денег ни для себя, ни для Общества и смело предлагаю всякому попытаться доказать противное, если я не права. Деньги я получаю только за мои литературные произведения и еще доходы с наследственного имения, которое я получила раньше, чем посвятила свою деятельность Теософскому Обществу. Теперь я беднее, чем была в то время, когда основала Общество.

Письмо 5
В.И.Прибыткову

[Февраль 1886 г.
Вюрцбург]

Честное слово, Виктор Иванович, ни одной черточки нет, ни большой, ни малой. Пишу в Лондон, чтобы оттуда прислали. Коли есть и если получу, вышлю тотчас же.

Бедный И.С.Аксаков* — что это за лютая судьба России! Все, что в ней хорошего, честного, благородного, все ее самые горячие защитники — все это вымерло и умирает. Будто какой Молох* ненасытный парит с разинутой пастью над славянской землей. Остаются да преуспевают одни Иуды: Петки Каравшовы да Баттенберги* — польская зрза с колбасой. Горько и противно стало жить, особенно в связи с тем, что женщина. Что может старая больная баба сделать в моем положении, кроме чувства одной бессильной злобы? Будь я мужчина, я бы всех этих болгарских Иуд «братушек» задушила бы, кажется, в котле с мамалыгой.

Болит у меня сердце и по России, и по Аксакову, хотя я и не знала его. А дорог он всем русским был как защитник. Хоть бы уж мое бесполезное сердце скорее лопнуло — надоело жить!

Будьте здоровы.

Е.Блаватская

Письмо 6
М.Н.Каткову

Париж

Его Превосходительству Михаилу Никифоровичу Каткову

[...] говорю к тому, что мой рассказ о «Голубых горах»* возбудит большой интерес в ваших читателях, в этом я уверена. В Ницце я читала нечто из него нашим русским: генералу Казену, Н.А.Львову, княгине Волконской и другим членам нашего Теос[офского] Общества, и они все просили меня как можно скорее напечатать его. Без хвастовства *et une rougir*⁶⁸, [...] вся русская колония в Ницце, включая даже моего довольно злоязычного друга — Екатерину Алексеевну, *Veuve Tchelicheff*⁶⁹, как вижу, чрезвычайно интересуется моими письмами, и все просят продолжать. *Mais — comment faire*⁷⁰?

«Письма» они подождут, а «Голубые горы»(!!!) просят тотчас же печатать, но... является затруднение, которое позвольте объяснить. Многое, касающееся «невероятных» (только в глазах скептиков) и чудных явлений, вы выпускаете; т. е. не вы, — если Никол[ай] Алек[сандрович] Львов говорит правду, — а ваш партнер (забыла фамилию). Кто-то в Синоде у вас, какой-то духовный господин. Ну, вы ли, другой ли кто, а дело в том, что в «Голубых

⁶⁸ и ни разу не краснея (франц.).

⁶⁹ вдову Челищеву (франц.).

⁷⁰ Ну что тут поделаешь? (франц.)

горах» мне приходится говорить постоянно об этих предметах. Вся их религия, т. е. тоддов, бадагов, мулакурумбов*, *une Tribe qui habite les Sommets des arbres dans les forets vierges des collines du Mayssour*⁷¹, основана на колдовстве, а все обряды — страшные мистерии с необычайными проявлениями. Я присутствовала два раза лично, и если что-либо могло заставить меня поверить средневековым сказкам о шабашах ведьм, то это обряды *курумбов*.

Ну, а что если вы все это выпустите, оставив лишь географические и этнологические описания? Все пропадет, так как я там провожу идею, в которую верит и д-р *Charcot de la Salpetriere*⁷², у пациентов коего в *La Salpetriere* я видела точно такие же проявления в *grande Hysterie ou Hystero-Epileptiques*⁷³. В нашем Парижском Теософ[ском] Обществе находится много учеников доктора Шарко, врачей, которые допытываются радикальных *the ultimate nature*⁷⁴ этих беснований, и мне говорили [...] я с ними ходила в клинику [...] что доктор не сможет писать всю правду об этих явлениях; что он, Шарко, совершенно убежден в интимной связи физиологических отправления с психологическими, неоткрытыми и неведомыми тайнами духа человека и его внутреннего двойника, «*Son double, ou perispirit*»⁷⁵. Вероятно, даже Шарко и Лангенбек* присоединятся к нам.

Крукс, член совета нашего Теософ[ского] Общества в Лондоне, Лондонской Ложи, говорил мне на прошлой неделе в Лондоне за обедом у него: «*I have reached the limits of the known, exact physics in Science. What I want is to be taught Occult physics — by the Mahatma Koothoomi*»⁷⁶.

Крукс и Майерс, члены Королевского общества, переписываются с тем, кого я называю в «Дебрях» «Гулаб Лалл Сингом». Стало быть, наша теософия не есть суеверие и глупость, сочиненные основателями нашего Общества, т. е. мною и полк[овником] Олькоттом. Вот эту идею я и провожу в «Голубых горах».

Многоуважаемый Михаил Никифорович! Мы не верим ни в чертей, ни в чудеса, ни во что кроме науки. Но это наука, ключи от которой в руках одних посвященных индусов — брахманов. Одни мы, теософы, можем помочь науке (современной) разрешить величайшие тайны мира невидимого посредством первой. Мы не спириты. Мы отрицаем (и разрушаем) все спиритические теории об этих духах: стучащих, говорящих etc. [...] какая возможность «материализации» бабушек и тещ от того профессора Бултерава, особенно Вагнера так и [...]*

Все это опять [...] к тому, что Вы имеете совершенно превратное понятие о настоящей теософии и поэтому столько выпускаете из того, что я пишу. Ну, к делу. Итак, скажу вам прямо и откровенно, Львов и ген[ерал] Казен особенно отговаривают меня печатать в «Русском Вестнике». Они говорят, что вы должны будете опять многое выпускать, отчего рассказ лишается интереса. Они предлагают мне печатать или в «Вестнике Европы», или в другом журнале. Но я отказалась напрямик. Вы печатали мои «Письма», когда еще никто меня не знал, вы мне платили аккуратно, дядя вас уважал и любил как немногие, но если вы сами не откажете мне в принятии моих «Писем» и рассказов, то, конечно, не я откажусь от «Р[усского] В[естника]» — лучшего в России ежемесячного журнала. Но я желаю знать наперед: что вы позволите и чего не позволите [...]*

[...] могу писать на свой риск и голову. Деньги, зарабатываемые мною в журналах, единственные, которые я могу назвать своими. Общество наше богатое, но я не имею права ни на одну копейку оною. Главный совет послал меня сюда лечиться, ну я и лечусь, а деньги свои нужны. Вот дядя: до того любил Россию, что умер с тремя руб[лями] в кармане! А сестра родная моя, Вера Желиховская, чуть ли не умирает от голоду в Одессе с шестерыми детьми, — с ее талантом?! Если мне не нужны лично, то ей нужны мои деньги. Простите меня, что я вхожу с вами, которого не имею чести лично знать, в такие подробности. Но я, уважая вас, как уважают и все честные люди в России, не желаю, чтобы [...]* чтобы обо мне [...] что-то [...] деньгами. Поэтому и раскрываю душу как перед собственной совестью.

Поэтому, прошу вас покорно, пока я здесь близко, в Париже, если действительно мои статьи вам нужны и вы напечатаете в «Р[усском] В[естнике]» «Голубые горы», то сделайте нечто вроде контракта, или свидетельства, или уговора. Пошлите кого-либо из ваших знакомых в Париже ко мне. Напишите, что и сколько я должна писать за год. Обяжите меня и тем самым спасите от собственной моей лени или, скорее, нерадения. Для дела так будет и

⁷¹ племени, обитающего на верхушках деревьев в девственных лесах на холмах Майсура (франц.).

⁷² Шарко из [больницы] Сальпетриер (франц.)*.

⁷³ во время припадка истерии или эпилепсии.

⁷⁴ предельных явлений (англ.).

⁷⁵ «Его двойника, или периспирита» (франц.).

⁷⁶ «В естественных науках я дошел до границ общеизвестной, точной физики. Чего мне хочется, так это обучаться оккультной физике у Махатмы Кутхуми» (англ.).

вам, и мне лучше. Скажите, прошу вас (я не понимаю этого подстрочного счета), сколько я могу получить за каждую строчку или печатный лист. [...] в «Рус[ском] Вестнике»? [...] *je crois?*⁷⁷

И когда вы желаете получить «Три месяца на Голубых горах»? Напишите и прикажите все обстоятельно. Тогда тотчас же по получении вашего письма я удалюсь в Ангьен к приятельнице моей, графине *d'Adhemar*⁷⁸, где она обещает спрятать меня в своем *chateau*⁷⁹ и выгонит все эти сотни парижских болтунов, которые заедают и душу, и время мое здесь с утра до ночи! В течение двух-трех недель я закончу рукопись (то есть перепишу ее) и пришлю. А если не напишете, то не стоит и начинать.

Мне писал ваш секретарь до печатания «Дебрей» в «Р[усском] В[естнике]», что по напечатании «Письма» издадутся в особых книжках [...] их издали, кажется? [...] Мне пишут из России, что их продают на всех железных дорогах, а я не видела еще ни одной! Также из Ниццы пишут, что теперь наши русские, познакомясь со мною, выписывают «Дебри» и что они «нарасхват читаются». Будьте так добры, прикажите прислать по адресу (в заголовке письма) хоть одну такую книгу, а также тот номер «[Русского] Вестника», в коем напечатаны последние страницы «Из пещер и дебрей»: я даже не знаю, на чем они кончаются! Хотя я и понятия не имею, сколько мне должны в конторе у вас денег, но знаю что что-то должны. Если бы вы приказали покончить счета и с «Голубых гор» начать новый счет, я буду вам чрезвычайно благодарна.

Надеюсь, что вы простите меня великодушно за долгое молчание и за это длинное и, кажется, с деловой точки зрения весьма несуразное письмо. По части индусской философии кое-что знаю, но вот по части практической стороны жизни — оплошала с малых лет. Будьте так добры не медлить ответить хоть через секретаря — я не обижусь и за то буду благодарна. В ожидании приказаний остаюсь с полным уважением и готовностью служить чем могу в Индии.

Е.Блаватская
Радда Бай

Письма О.А.Новиковой*

Письмо 1

[1884 г.]
Лондон

Дорогая Ольга Алексеевна!

Завтра, в пятницу, заеду за вами в три с половиной часа пополудни. Шмихен*, живописец, ожидает нас.

Ваша преданная

Е.Блаватская

---

⁷⁷ я думаю (франц.).

⁷⁸ д'Адемар.

⁷⁹ замке (франц.)

Письмо 2

[1884]
Лондон

Дорогая Ольга Алексеевна!

Привезите «Дебри»* сама в воскресенье, когда я Вас буду ждать вместе с М. & [...] *emont**. Мохини* невозможно отлучиться до 12 часов. Теперь уже час пополудни. Ничего, как-нибудь пережду книги до воскресенья. Я очень нездорова.

Ваша преданная

Е.Блаватская

Письмо 3

7 июля 1884 г.
Лондон

Merci, мой дорогой политик и соловей.

Я прочитала ваш «King Coupon»⁸⁰ и только удивляюсь одному: чего вы трудитесь писать и говорить о политике, когда если бы вы вместо этого пели, то не только Гладстон, но и все старые консерваторы и молодые либералы были бы давно у вас под подошвой. *Parlez en un peu de Roujemont. Qu'elle mette joliment vive parole en musique et que Vous les chantrez en public et de vraiment un autre Orphee attirant hommes et des animaux, et les domptant avec l'aide de ses notes. Two reasons for the above jeopardy doodle: your voice rings in my ears since I heard it and*⁸¹ ... я чуть не подралась с двумя консерваторами из-за вас. Они ругали Гладстона*, называя вас «самой опасной женщиной XIX века — с чем я согласилась, сказав, что вы вдобавок славянская **Сирена**, что еще опаснее, а потом я напустилась на них и «изрядно оттрепала», по выражению Козьмы Пруткова.

Вчера, милая моя, я была у Ружмон, и ее знакомствам я обязана вам. Господин Кросс будет приглашен по чину «сити».

Посылаю вам письмо Фокса Питта. Он, как видите, оправдывается, что-де не маменька с тятенькой сочинили про 5 000 ф[унтов] с[терлингов], а сплетни пришли из Индии. Кто бы это ни сочинил, прошу прочитать и обратить внимание на подчеркнутые слова. *D'ailleurs — «la plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a»*⁸², и у Лейн-Фокса со дня его приезда в Индию не было, я думаю, и 5 000 франков, не только фунтов, да и те он потерял в *Oriental Bank Crush*⁸³. Словом, фи — это вранье и сапоги всмятку.

*Je suis degoutee de la vrim, de l'humanite en general et des hommes, femmes et ... en particulier ... et en litteral pour qu'il qui jeune (the enclosed like) and if any one repeats to you this lie about the L 5 000 — just wipe their noses with, as I wipe the noses of those who dare refuse adoring you. Guiron une alliance offensive et defensive, et mouriront leur ce qui veulont deux femmes Russes*⁸⁴.

⁸⁰ «Король Купон».

⁸¹ Поговорите немного с Ружмон. Пусть она положит живую речь на музыку, а вы споете им публично и станете воистину еще одним Орфеем, привлекающим людей и животных и укрощающим их при помощи нот (франц.) Две причины вышеуказанной рискованной глупости: ваш голос звучит у меня в ушах с тех пор, как я его услышала, и... (англ.)

⁸² Впрочем, «самая красивая девушка в мире не может дать больше того, что она имеет» (франц.).

⁸³ в период краха Восточного Банка (англ.)

⁸⁴ Мне надоело человечество в целом и мужчины и женщины в частности [...] и если кто-либо станет вам

Письмо 4

[ок. 30 июля 1884 г.*
Лондон]

Дорогая Ольга Алексеевна!

Убейте, нет времени отвечать более двух слов.

1. Письмо я отдала Кейтли, который уехал в провинцию. Пошлю пакет, но разве стоит?

2. Никогда не знаю, когда и в какой год буду я у ясновидящей. Она так занята, что ежедневно телеграфирует, в какой час приезжать к ней, вчера была утром — сегодня вечером. Да у меня и осталось две ванны всего взять. Я померила: 86 паундов*, и теперь скелет.

3. [...]*

4. Стыд — вот то, что называют от «*errotic genius*»⁸⁵. Смотрите, не упадите вы «в колодезь»*, ангел мой.

5. Ваша статья — прелесть, о коей я писала в посланной мною статье в «Новое Время», не умолчав ни об Инути, так горько униженной вами [...] перед величием [...] хвоста кошки, ни об анекдоте и картинах Верещ[агина] и двух попавших впросак альбионских дурах.

[...]

7. Что я могу написать в почтамт? Неужели, роднуля, из-за фраз вроде «*Merci etc. pantoufle*»⁸⁶ я стану бегать? Да плюньте, друг прекрасный, на мое письмо. Ну что вам в нем: детей с ним крестить что ли?

8. Лечение? Печень, сердце, почки, селезенка [...] — все, кажется, приведено в порядок.

А затем покойной ночи, целую крепко.

Ваша по гроб жизни

Преображенный скелет
Е.Б.

Письмо 5

17 сентября 1884 г.
Эльберфельд

Дорогая моя О[льга] А[лексеевна].

повторять эту ложь про 5 000 фунтов стерлингов, просто утрите ему нос, как я утираю носы тем, кто берет на себя смелость отказываться вас обожать. Давайте заключим оборонительно-наступательный союз и да сгинут те, кто выступит против нас, двух русских женщин (франц. и англ.).

⁸⁵ духа сомнения (лат.).

⁸⁶ «Спасибо и т.д. и прочая чушь»

Время идет, и с каждым днем мы все ближе к нирване. После трех недель постели сегодня впервые встала и была в саду. Ну, родная, буду я что помнить. «Здания у цепного моста» — сиречь ревматизм острый. Лечусь пока, через две недели увидимся.

Шмихен здесь. Махатма ему велел приехать сюда поправить портреты и рисовать мой. Огромное полотно, посреди которого, окруженная кактусами, пальмами и кобрами и несуществующими индийскими руинами, под небом цвета полевого василька, сижу я, как мать-слониха в своей черной абайн. Очень эффектно, будет на выставке. Шмихен едет обратно в Лондон в будущую субботу. Ступайте к нему, увидите портрет вашего друга (по гроб жизни) и сговоритесь про ваш.

Хитрово надул меня, не пишет ничего. Это все оттого, что Соловьев (философ) у него жену отбирает для себя. «Жаль мне», — сказал его брат (теософ). Приезжал Глинка сюда из Парижа для свидания со мною.

Семь глав «Загадочных племен»* окончила и отослала Каткову, теперь может «успокоиться собственным беспокойством в бубновом доме», говоря слогом гадалщиц.

Ну, целую вас крепко — как люблю.

Ваша по нирвану

Е.Блаватская

Письмо 6

[1884 г.?
Эльберфельд

Ангел!

Олькотт вернулся и находится на Элгин-Крессент, 77. Я ему пишу, чтобы заехал к вам и дал вам прочитать брошюру Гартмана *on of the Board of Control at Adyar*⁸⁷, друга Лейн-Фокса. Прочтите, это *proof-pages of a pamphlet and a complete history of the case*⁸⁸. Прошу вас, дорогая, прочтите и, если можно, покажите кому надо. [...] *il'ya en une telle conspiration*⁸⁹. Куломб получил 10 000 рупий *to upset the Th. Society*⁹⁰ от миссионеров.

Я подала в отставку, теперь все кончено и я не попаду в Адьяр *until I am thoroughly vindicated*⁹¹. Где я буду этот год или два — не знаю, но жить в обществе после такого бесчестия не могу. Конечно, я буду в Англии (все вещи в Лондоне оставила), но ненадолго; затем поеду в Париж недели на две, к Соловьеву и другим — а потом *adieu*⁹². Надоело, все. Пора умирать.

Ваша до гроба

Е.Блаватская

Письмо 7

⁸⁷ об отделе контроля в Адьяре (англ.)

⁸⁸ гранки брошюры и полное изложение истории этого вопроса (англ.).

⁸⁹ ...в этом деле присутствует некий заговор (франц.).

⁹⁰ на разрушение Т[еософского] Общества (франц.)

⁹¹ до тех пор, пока не сумею доказать свою правоту (англ.).

⁹² прощайте (франц.).

Дорогая Ольга Алексеевна!

Да будет вам стыдно! Ну как же вы могли, ангел мой, такую штуку учинить! За старую порванную тряпку присылаете мне великолепный плед!! Я целый час колебалась, не отослать ли его вам, да боялась — рассердитесь. Вот это точно как будто вы осрамили меня за мой поганый презент. Теперь отнекивайтесь или нет, а я сегодня же пишу в Мадрас, чтобы мне прислали рашпурскую шаль, новую, и я вам ее отошлю в Питер, коли здесь не будете. Мне просто стыдно! Неужели же вы не могли принять такую безделицу, еще и порванную, без подарка назад? Ну что мне с вами делать! Эх вы, русская натура, не то что мы, грешные азиатки из Гималаев. Ну, Бог с вами, а шаль новую вы получите.

Ваша по гроб жизни — как была без пледа, так буду и с пледом. Извините за [...]. Работы по горло.

Целую вас крепко.

*Е.Блаватская,
«Lucifer» Senior⁹³*

Письмо 8

[1887 г.]
Суббота
Лондон, Холлэнд-парк,
Лэндсдаун-роуд, 17

Дорогая Ольга Алексеевна!

Душевно радуюсь тому, что вы наконец разорвали тот магический круг, которым нас обеих окружил наш общий недоброжелатель. Вы, может быть, и сами замечали, что между нами пробежала не черная кошка, а трусливый заяц-англичанин. Но, вероятно, не знали того, что меня заставили, просто заставили, во имя теософии и Индии, дать честное слово (год или два назад), что я, по крайней мере, сама не буду ни писать, ни искать случая увидеться с вами. Это все, чего они могли добиться, так как я наотрез отказалась обещать, что в случае, если вы сама напишете или пожелаете увидеться со мною, я не стану не отвечать и не буду избегать свидания.

Согласилась же я на первое потому, что мне передали родные будто бы сказанные вами про меня очень недружелюбные замечания в то самое время, когда три года назад мы еще часто виделись. Меня пытались убедить в том, что в обществе вы отрекаетесь от дружбы со мною, перед англичанами «стыдитесь» факта, что мы соотечественницы и т. д. Я, конечно, не верила и не хочу верить, потому что всегда вас любила; и мне было очень горько (и я, повторяю, не верила), но ради спокойствия в Лондонской Ложке Теософского Общества и Адьяра в Индии, где меня все прославляли русской шпионкой, эмигранткой, опасным агентом [...]

Но теперь ничто, кажется, не примет этой подозрительности, и англичане, несмотря на мою болезнь, совершенное отсутствие политических тенденций и даже на то, что я отказалась писать в русские газеты, все-таки подозревают и косятся на меня в Индии и даже здесь. Я ради их [...] целей не стану лишать себя удовольствия видаться с вами. Ну их в болото, пусть думают, что хотят, дураки.

⁹³ Глава журнала «Lucifer»

Теперь, когда вы написали первая, я говорю вам всю правду. Для меня будет величайшим удовольствием увидеться с вами и отвести душу. Я просто задыхаюсь в этой атмосфере англичан. Приезжайте, дорогая моя, когда хотите. Буду ждать во вторник! Сегодня суббота, и у меня будет толпа, как всегда в эти дни. Но я дома каждый вечер или выхожу помолчать. Жду вас с искренним чувством к вам.

Как и всегда ваша

Е.Блаватская

Письмо 9

[1887 г.
Лондон]

Ангел мой!

Напрасно беспокоитесь, и в воскресенье могли бы привезти [...]. Я вам писала уже сегодня утром *a postal card*⁹⁴, что жду вас в воскресенье. Как вы можете спрашивать? Для вас я всегда дома, даже когда меня нет дома, ибо «почувствую» и вернусь.

Целую вас крепко. Что же это редактор «Pall Mall» ни слова не сказал о нашем вечере и *meeting in*⁹⁵ 21 июля?

Ваша

Е.Б.

Письмо 10

[1887 г.
Лондон]

Дорогой друг, за что же вы изволите порочить меня графине? Вечером того же дня как получила присланные вами две фотографии и вырезки из «Pall Mall», я отослала вам благодарность и послала по почте! Я никогда не отвечаю на письма, как никогда и не благодарю за преподносимое, но только это в отношении англичан, а не русских, своих.

Правда разве, что понравилось наше письмо [в журнале] «Lucifer» Кентерберийскому черту*? Графиня говорит, что даже О.Смирнову понравилось, а ведь это лестно.

Ну-сь, прошу прощения и кланяюсь.

Ваша до новой инкарнации

Е.Б.

---

⁹⁴ открытку (англ.)

⁹⁵ встрече (англ.)

Письмо 11

[1889 г.
Лондон]

Дорогая О[льга] А[лексеевна]!

Только что узнала из вашего письма, что вы больны. Письмо оставалось, как видно, в передней целое воскресенье и понедельник, и его принесли мне лишь только сейчас. Ну, монстры домашние!

«Times» мы не получаем, и я не знаю, в каком номере ваше письмо. Выздоровливайте и заезжайте скорее.

Целую крепко вас.

Письмо 12

21 октября 1890 года
Лондон, Риджентс-Парк,
Авеню-роуд, 19,
Штаб-квартира Теософского Общества

Дорогая Ольга Алексеевна!

Пишу в лихорадке, в жару, и только чтобы не подумали, что не хочу отвечать. Видите, где теперь мой адрес? Я сделана *President of European Section of the Theos. Society*⁹⁶ по *unanimous election*⁹⁷. У нас теперь огромный *Lecture Room*⁹⁸. Надеюсь, пожелаете к нам? Не сердитесь, ангел, сил нет писать.

Ваша по гроб новой жизни

«Н.Р.В.».

Влад[имир] Соловьев* отличился в «Русском Обозрении»! Философ, а не знает ничего ни по английской философии, ни по Индии. Прочтите глупейший разбор «Key to Theosophy»* в августовском номере. Говорит про 16 философов Индии, когда их всего шесть, про веданту, основатель которой — Санкарачарья*!!! и т. д. Ну, философ. Я ответила, а князь Пертенов не напечатал. Когда так, и писать не стану для него.

Письмо 13

[189...]
Лондон, Риджентс-Парк,

⁹⁶ президентом Европейской Секции Теософского Общества (англ.).

⁹⁷ единодушному выбору (англ.).

⁹⁸ лекционный зал (англ.).

Ангел Ольга Алексеевна!

Вас молит А[...] дать еще книгу о нем П[...] — подателю сего. Я свою отдала секретарю Anti Slavery* вчера, а эту нужно для Брайта (М.Р.*) Дело его горит, и мы удружили его врагам. Я взбаламутила всю женскую политическую партию и жен мужей членов парламента.

Прощайте, родная, целую вас. Ради Бога, не откажите, не то беда, если ждать, пока из Франции пришлют.

Письмо 14

[1884 г. ?]
Ноттинг-Хилл, Зап.,
Элгин-Крессент, 77

Милая, дорогая!

Шмихен соглашается с удовольствием. Как только приедете, идите к нему и садитесь — он начнет. Я уверена, портрет будет великолепный. [...] Получили ли вы письмо Мохини? Вот как бы написала эти несколько *editorial*⁹⁹ строк в «Pall Mall», так хорошо было бы! А то вот здорово живешь! Обругали опять в «Manchester Sunday», подлецы: «*The Olcott—Blavatsky imposture*»¹⁰⁰ — и все тот же Лилли, говорит Махатма. И все врет. Душенька, родная, попросите Стэда* написать опровержение. Он для вас все сделает! Еду завтра. Увидимся через месяц.

Ваша преданная [...]

Е. Блаватская
(*Jeune Blavatsky*)¹⁰¹

Письмо 15

Ноттинг-Хилл, Зап.,
Элгин-Крессент, 77,

Многоуважаемая Ольга Алексеевна!

Я здесь — когда же прикажете? Душою преданная — пока одному вашему имени, а на днях — и вам.

Е. Блаватская

⁹⁹ редакционных (англ.).

¹⁰⁰ «Жульничество Олькотта—Блаватской» (англ.).

¹⁰¹ Юная Блаватская (франц.).

Письмо 16

[1884 г.?)

[...] *mot encore. Vous [...] promettre pendant deux mois pour envoyer a Катков mes*¹⁰² «Голубые горы — Загадочные племена»*. Ну, послала еще из Эльберфельда. Ни слова в ответ! Даже не знаю, получили ли они рукопись. Ради бога, напишите ему два слова и спросите, будет ли она напечатана или нет, иначе, клянусь, брошу Каткова и писать больше не стану. Что это, даже не беспокоится ответить!

Ангел, лучше будет переписываться по-английски. Такие опасные русские шпионки, какими нас с вами делают, должны быть осторожными. Господи, что за дураки эти англо-индийцы. Я — шпионка!!! Черт побери и их, и их политику, в которой я не смыслю ни слова. Хоть бы уж в покое оставили, только этого и прошу.

Я опять больна. Нет, дорогая, недолго мне жить. Слишком потерты ножны, а теперь их и совсем порвали. Помните, ангел, что если когда будете писать Маккензи Вулверу или увидите Кросса, надеюсь, *you will have the opportunity*¹⁰³ замолвить словечко в мою пользу — почистить меня, так сказать, так не преминьте сделать доброе дело. Не знаю, получил ли ваше письмо Грант Дафф. Но знаю, что все они нас сторонятся и косятся на нас, словно мы дикие звери! Ну, народец!

Прощайте, дорогая. Будьте счастливы. Весь «Theosophist» посылается вам за прошлый год.

Племяннице Наде

Моя многолюбезная — и единственная покамест из достойных уважения племянниц моих, Надя, напиши мне, получила ли твоя неаккуратная мама книги, посланные ей мною уж давно, месяца два или три назад? С последним произведением твоей тетки «ISIS»* (которое не про тебя писано), книг всего восемь. Черствосердечная и молчаливая родительница твоя ни слова не пишет об этом.

Также скажи ей, что никаких «Барачных воспоминаний» я не получала. Получила одну статью ее для перевода и помещения в «World», которая, вероятно, будет напечатана на днях. Если это она называет «отношениями наших солдат к туркам»? Других же не получала.

Федю, Ростю, Верочку, тебя, Вальку и Леночку (фу ты, отцы мои, что за фаланга вас!) целую крепко и прошу всех вас не забывать вашу престарелую тетушку, которая что-то уж слишком крепко начинает вас всех любить, что совсем и несовместимо с суровой древней философией.

Да хранит вас всех Господь Бог.

Целую тебя крепко, милая моя, дорогая девочка.

Твоя тетка

Елена Блаватская

Н.А.Фадеевой

¹⁰² [...] еще слово. Вы [...] обещала в течение двух месяцев послать Каткову мои (франц.).

¹⁰³ у вас будет удобный случай (англ.)

*H.P. Blavatsky Corresponding Sec. of the Theosophical Society New-York & Bombay*¹⁰⁴ поручает Ольге Алексеевне Новиковой — «О.К.» (лучший друг мой в Европе) — вручить эту карточку моей милой Надежде Андреевне.

Прошу любить и жаловать.

Елена

В.С.Соловьеву

Париж,
Елисейские Поля,
улица Перголезе, 48

*H.P. Blavatsky y Corresponding Sec. of the Theosophical Society New-York & Bombay*¹⁰⁵ просит своего друга Всеволода Сергеевича Соловьева принять, узнать и обожать ее друга Ольгу Алексеевну Новикову — «О.К.».

ПИСЬМА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ТЕОСОФАМ

Лукреции «Недремлющей»

28 [ноября 1878 г.]
Нью-Йорк

«День Благодарения» — интересно, кого благодарим? Уж не дьявола ли за все те пороки, которыми он столь щедро одарил Америку?

Дорогая моя Недремлющая!

Позвольте мне выразить вам свою благодарность за ваши многочисленные добрые письма — как за уже полученные, так и за те, что ожидаю получить в будущем. Вы явно решили взять штурмом мое старческое сердце. Что ж, флаг вам в руки.

Господин Хейден также всегда будет у нас желанным гостем. Я хочу, чтобы он приехал. Однако, надеюсь, он не станет поступать так, как поступил на прошлой неделе наш свежеиспеченный «брат» г-н Эванс* из Вашингтона.

Представьте себе: человек после двух лет переписки изъявляет горячее желание вступить в Теософское Общество. Его должным образом принимают в члены и выдают *диплом*. Новый член просит в письме разрешить ему приехать в Нью-Йорк и пройти посвящение в ламасери*. Получает благосклонное письмо с разрешением и радушным приглашением. Телеграфирует, что *не сможет приехать* в понедельник, приедет в среду. В среду дает телеграмму «Приезжаю» — и не приезжает. Пишет, что наверняка приедет в субботу и воскресенье проведет с нами. В пятницу утром присылает депешу: «Не смогу приехать завтра приеду сегодня в пятницу вечером последним поездом 10.30». Грандиозные приготовления к роскошному пиру в честь голодного желудка нашего гостя. Одиннадцать часов вечера,

¹⁰⁴ Е.П.Блаватская, секретарь по переписке Теософского Общества Нью-Йорка и Бомбея (англ.).

¹⁰⁵ Е.П.Блаватская, секретарь по переписке Теософского Общества Нью-Йорка и Бомбея (англ.).

двенадцать часов — Эвансом и не пахнет. Никакого Эванса и в субботу утром. Наконец во вторник получаем от него письмо, в котором он выплескивает на нас целый ушат отчаянных жалоб! Оказывается, он сел на поезд, вовремя прибыл в Нью-Йорк, добрался до моего дома, с полчаса звонил в звонок, продрог, отчаялся, позвонил в последний раз и, поскольку ему никто не открывал, г-н Эванс убрался несолоно хлебавши, то есть доехал до Нью-Джерси, переночевал там в гостинице и, сев на вечерний поезд, отправился обратно в Вашингтон, так и не повидавшись с нами!!!!!!

На своем веку я повидала немало глупых людей, но с такой мощной, в 50 лошадиных сил, бестолковостью я еще не сталкивалась!

Шин — не теософ, но вчера вечером он был здесь и грел свои голени* у холодной печки, а сердце — в созерцании моих классически прекрасных черт. Он говорит, что его статья ни в коей мере не помешает вашей. Он намерен написать «камею» о Е.П.Б. (что бы это ни значило), а вы, насколько я понимаю, горите желанием написать *биографию*? Ну так кто же, черт побери, может помешать вам ее написать? Напишите, что я родилась одновременно в трех различных местах, в двух особых периодах последних четырех столетий, от семи матерей и одной половинки отца. Сообщите читателям, что возраст мой между 273 и 19 годами, что самая классическая черта моей *френологии** — это мой нос; можете добавить, что вышеупомянутый *хоботок*, выполняя в момент моего рождения (точнее, «последнего рождения») некую особую дополнительную функцию, не смог проявиться *in propria persona**, а оставил вместо себя свою «визитную карточку» на моем классически правильном лице. Расскажите, что я воспитывалась у астраханских калмыков, что меня великодушно подобрали и вскормили верблюдицы и кобылицы правителя оных калмыков, князя Цэрэц Ворчай-Тунге Чичмак-Зуру.

Вдобавок, к немалому удивлению окружающих, я родилась с сигаркой турецкого табака во рту и изумрудным колечком на большом пальце левой ноги, а из пупка у меня рос кустик крыжовника. И нарекли меня Гелионой (а вовсе не Еленой, как зовут меня люди) — греческим именем, производным от Солнца-Гелиоса, потому что (во-первых) в тот день было затмение сего светила и те, кто знал толк в пророчествах, должны были заключить, что новорожденное дитя на долгие годы затмит собою солнце, и (во-вторых) для того, чтобы духовенство и миссионеры XIX века могли писать мое имя с двумя «л» — Геллиона (Helliona)* и чтобы им было легче убеждать свою паству в том, что я — порождение ада.

Ну что, разве всех этих фактов недостаточно, чтобы сам Марк Твен, охваченный злобной завистью, скончался от *cholera morbus**?

А теперь позвольте мне, прекрасная «Лукреция», сказать вам несколько слов всерьез. И передайте их, пожалуйста, г-же Бэрр (сестре главного редактора).

Пока наше Общество с каждого своего члена получало по 5 долларов вступительных взносов и по 6 — ежегодных, мы могли проводить ежемесячные собрания, арендовать зал (*Мотт Мемориал Холл**), содержать библиотеку и иметь все необходимое для нормальной деятельности. Но хотя «собратьям», которые разбросаны по всем штатам, мы регулярно посылали уведомления о каждом собрании, никто из них не являлся на эти собрания, их *редко посещали даже те, кто проживает в Нью-Йорке*. К тому же все эти уведомления, конверты с марками, почтовая бумага и т. п. обходились Обществу гораздо дороже, чем то, что мы получали от взносов. Год назад состоялось общее собрание Совета и было принято решение общие собрания временно отменить и проводить лишь еженедельные собрания Совета. Спустя три месяца мы официально объявили о присоединении Теософского Общества к нашему материнскому обществу Арья Самадж в Индии, и, как вам известно, было решено, что все взносы будут поступать в бомбейское управление А[рья] С[амадж]. Таким образом, наше Общество теперь не имеет собственных средств и полностью зависит от щедрости своего Совета. Вот уже год как полковник Олькотт сам платит за почтовую бумагу, а я — за марки, и, уверяю вас, в моем бюджете это пробивает огромную брешь. Вот вам и весь секрет.

За два дня до последней церемонии, описанной в «The Sun» (развеивание в море праха барона фон Пальма)*, к нам из Англии приехал один из наших индусских друзей, который созвал совет, спланировал церемонию и провел ее вечером следующего дня. Присутствовали преимущественно члены совета и высшее начальство, всего двадцать один человек. Не было ни одного теософа (я имею в виду рядовых теософов).

И еще: поскольку недели через три (непреренно до рождества) я уезжаю, даже если полковник Олькотт не присоединится ко мне сразу, а уедет только весной, то до моего отъезда (в Старый Свет?) мы собираемся провести общее собрание, чтобы избрать нового исполняющего обязанности президента и секретаря по переписке. Вице-президентами

должны избрать генерала Абнера Даблдэя* из Форт-Самптер, великого здешнего филолога и археолога д-ра Алекса Уайлдера* (565, Орандж-стрит, Ньюарк) и д-ра Дж.Вайса, также великого филолога. (Ах да! Пэрис подал заявление о вступлении в Общество!)

Сейчас по всей стране у нас наберется более тысячи членов. Вам же известны наши знаки, пароль и тайные рукопожатия. Почему бы вам не попробовать их на тех людях, с которыми вы встречаетесь, и выяснить таким образом, «братья» они или нет. Я же не могу перечислить вам их всех поименно.

Кстати, г-н Хейден нам свою фотографию *так и не* прислал. Он должен прислать свой снимок. Собираюсь ему об этом написать.

Олькотт снова собрался в Провиденс. Может, там он и встретится с г-ном Хейденом. Не забудьте адрес г-на Джаджа*. Он секретарь-регистратор Общества, и вы все сможете узнать у него. Адрес его таков: Бродвей, 71, Уильям К.Джадж, адвокат. Думаю, что под председательством генерала Даблдэя собрания проводятся все-таки будут. Так или иначе, мы сумели основать два новых филиала Общества: один на острове Корфу (Греция), а другой в Константинополе (это в Турции, как вам наверняка объясняли в школе). Председателем лондонского отделения является Ч.Карлтон Мэсси*; константинопольский филиал возглавляет самый богатый в стране издатель (?), владелец по крайней мере дюжины газет *Анджело Николаидис*, а филиалом на Корфу руководит *Паскале Менелао*. Еще одно отделение создается в Париже, кого они там выберут председателем, не знаю — можете в любой момент поинтересоваться у господина П.Ж.Леймари, редактора «*Revue Spirite*» (5-я улица Пти-Шамп), он вам подскажет. Видите, любой из собратьев, выехав за границу куда угодно, всегда найдет там «братьев», *которые при случае готовы отдать жизнь за любого собрата*, независимо от его расы, цвета кожи и вероисповедания.

Пожалуйста, доведите все это до сведения г-жи Эллен Бэrr. Я пришлю вам письмо из Индии и таким образом дам вам шанс написать еще одну сенсационную статью. Господина Хейдена это тоже касается. Но мне нужен его портрет — иначе он будет предан «*anathema maranatha!*»!*

Госпожа Бэйтс* уехала в Лондон, она выступит в качестве моего теософского предтечи, а четыре моих чемодана отправлены в Ливерпуль, где они и будут меня дожидаться. Так что, как видите, к отъезду я уже готова. Если вам действительно нужны какие-либо факты из моей жизни для написания биографии, спрашивайте, не стесняйтесь. До свидания.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Адельберту де Бурбону*

(Гаага, Голландия)

Е.П.Б.

секретарь по переписке

Т.О.А.С.* в Бомбее

4 сентября 1881 г.

Симла (Гималаи)

Ротни-Касл*, Джакко

Штаб-квартира «Эклектического
Теософского Общества Симлы».

Дорогой сэр и брат!

Ваши фото, письмо и «Magikon» прибыли в полном составе, преодолев высоту 10 000 футов, чтобы добраться до меня. Что касается *первого*, то обнаружилось удивительное сходство (по

крайней мере, с одним из ваших предков, чей портрет имеется у нас в семье); *второму* я безмерно обрадовалась: и его объективному содержанию, и тому, что субъективно прочла между строк; *третье* — прекрасная вещь для библиотеки нашего Общества, но лично я прочесть ее не в состоянии, поскольку, хотя отец мой и был немцем из Финляндии и носил имя барон Ган Ган, немецкого я все же не знаю.

«*Et voila pourquoi votre fille est muette*»¹⁰⁶! Тем не менее от имени Общества благодарю вас за этот подарок.

Теософское Общество «Post Nubila Lux»* — хорошее название. Таким оно и будет увековечено. Я одобряю ваши начинания, поскольку S.:T.:P.: et S.:V.:P.: едва ли могут ошибаться в подобных организационных вопросах. Кстати, вы ведь не вышли из «Grand Orient»*, не так ли? У нас тут жуткая война с шотландской «Голубой Ложей» в Англии. Масонам, принадлежащим к этой ложе, знаете ли, строжайше запрещено поддерживать любые отношения с братьями из «Grand Orient» из-за разногласий в связи с «Principe Createur»*. Шотландские масоны не откажутся от своего старого доброго Иеговы, а в нем-то как раз и нет никакого «Principe Createur». Что ж, всяческих им радостей и счастья в их тамплиерских* ложах с грошовыми газовыми фонарями под «Неопалимой Купиной»*. Сама я принадлежу к Мемфисской Ложке* Изначального Общераспространенного Ритуала Удочерения*, ибо в другие ложи женщин — этих несчастных «самок» — не принимают!

*Mon cher Monsieur de Bourbon, tout cela c'est de la blague*¹⁰⁷, лунный свет и томление духа. В мизинце любого нашего тибетского *шаберона** или индийского *йогина* больше знания *реальной, подлинной* символики вещей, нежели во всех ваших Великих Ложках. Если я окажусь в какой угодно опасности, то реальную, действенную помощь я ожидаю не от троекратного воздевания рук — *le joli geste a trois temps*¹⁰⁸ — и не от обращения к Господу Богу моему призыва «помочь сыну вдовы», а от применения моих знаний сил природы, от наведения гипнотических «чар» на своих врагов. Но так как меня переименовали из простой «ученицы» в «шотландскую леди и венценосную принцессу розенкрейцеров» (*excusez du peu!*¹⁰⁹), то мне надлежит испытывать благодарность и не проявлять к ним излишнюю строгость. Полагаю, вам известно, что я в полной мере стала буддисткой (*de facto*, а не *de jure**) и не признаю ни Иегову, ни какого-либо иного небесного аристократа. *Rien de tel que se bien comprendre de prime abord. Si vous etes bon Catholique — (helas!) reniez moi tout de suite*¹¹⁰ — я не желаю ни лицемерить, ни приобретать друзей с помощью притворства. В нашем Обществе есть место для любой религии, мы проявляем уважение к любой вере, к любому мнению. Это чисто философское и научное Общество, никоим образом не религиозное и не сектантское. К человеческим догмам и религиям оно не имеет никакого отношения. Есть, правда, одна вещь, которая меня утешает. *Если вы — масон, то вы не можете быть добрым католиком.* Остаться таковым вам не позволил бы ваш исповедник, и сам факт вашего вступления в наше «безбожное» Общество послужил бы основанием для немедленного отлучения вас от церкви. *Dix**.

Однако мой эпистолярный воздушный шар отнесло на целые мили от нашей темы. Вернемся же к делу.

«Вступительные взносы», насколько мне известно (ибо в данный момент я с этим делом никак не связана), высылаются каждым отделением раз в три месяца, то есть ежеквартально. Точнее вам может сообщить Дамодар Маваланкар*, секретарь-регистратор.

«Общая сумма расходов», сделанных от вашего имени? Каких еще расходов? Никаких расходов не было. Пересылка грамот, дипломов, устава и прочее — все это покрывается «вступительными взносами». Каждый платит раз в жизни (или вообще ни разу не платит по причине крайней бедности) 10 рупий или 25 франков, и больше ему не приходится ничего выплачивать до конца дней своих. Если вам самим захочется потратить какую-либо сумму на нужды вашего собственного, равно как и любого другого отделения, это ваше личное дело, и нас оно совершенно не касается. Сверх «вступительного взноса» Общество не требует от своих членов ни гроша. Нехватку денежных средств до сих пор в течение семи лет восполняли мы с полковником Олькоттом. Просто мы не намерены брать пример с масонов: устанавливать точную сумму взносов за целый год, обязывать людей оплачивать всяческие регалии и параферналии, не говоря уже об обедах и ужинах во время собраний, когда (по

¹⁰⁶ «Вот почему ваша дочь нема» (франц.).

¹⁰⁷ Дорогой г-н де Бурбон, все это вздор (франц.).

¹⁰⁸ милый троекратный жест (франц.).

¹⁰⁹ не взыщите! (франц.).

¹¹⁰ «Нет ничего, что можно было бы понять сразу. Если вы добрый католик — (увы!) отвергните меня тотчас же (франц.).»

крайней мере, в Англии и Индии) каждый масон норовит напиться к вящей славе Божией. Единственный источник регулярных денежных поступлений для Общества — это наш журнал «Theosophist». Наши члены, желающие подписаться на журнал, подписываются; те же, кто предпочитает взять почитать его у друзей, вольны поступать так, и из-за этого к ним не относятся хуже. Наше Теософское Общество — это *Великая Республика Совесть*, а не прибыльное предприятие.

Теперь о посвящении. Г-ну ван Столку гораздо лучше было бы съездить за этим в Англию, а не во Францию. Во Франции у нас есть то ли 28, то ли 30 теософов, но не думаю, что им уже удалось создать свое отделение Общества. Леймари уже несколько раз *проходил посвящение*, но, *et malgre cela*¹¹¹, когда в Париж приезжал г-н Синнетт*, то, по его словам, Леймари перепутал все знаки и пароли — вышла какая-то жуткая каша. Почетным членом Общества является Камиль Фламарион, однако я не знаю, проходил ли он вообще когда-нибудь посвящение по всем правилам. Но пусть г-н ван Столк отправляется в Лондон, в Британское Теософское Общество — либо к его президенту, д-ру Дж.Уайлду (Камберленд-сквер или плейс?, дом 11), либо, еще лучше, к г-ну Ч.К.Мэсси (Честер-сквер, 71, Лондон) — он славный малый, достойный собрат и мой лучший друг, и он представит г-на ван Столка Бр[итанскому] Теософскому Обществу и организует ему *посвящение*. К письму прилагаю свою визитную карточку, на которой я черкнула пару слов для г-на Мэсси; сегодня я сама написала ему письмо с сообщением о приезде г-на ван Столка. *C'est entendu*¹¹². Я направила в Бомбей указание срочно выслать вам два диплома — для вас и для г-на ван Столка, а также наш *устав*.

Почему вы просите меня проявить «терпение»? Нетерпением я никогда не отличалась. То, что вы делали до сих пор, у вас получалось прекрасно. Говорите, вас обзывают «китайцем»? Ну, это лучше многих словечек, которые мне приходилось выслушивать *в свой адрес*. Не далее как вчера, в воскресенье, сам епископ с кафедры провозгласил меня *дьяволом во плоти*, «антихристом», явившимся в Индию, дабы искушать добрых христиан. По мне так лучше быть дьяволом, чем тупым *методистским* херувимом, у которого нет ничего, кроме луженой глотки для изрыгания проклятий да подвешенной к подбородку золотой волынки, которую он постоянно заводит.

Ну вот, думаю, я вам уже поднадоела. *J'ai la fièvre depuis 15 jours et — je radote souvent. J'espere que vous ne m'en voudrez pas. Je ne vous enverrai pas mon portrait maintenant, pour deux raisons: 1) Je ne l'ai pas. 2) Il pourrait vous donner le cauchemar.*

*Mes respects fraternels a tous les «freres» et a Vous, cher Monsieur, mes sentiments les plus occultes. Que l'ombre de Siddhartha Bouddha, mon Seigneur et maatre, Patron de tous les Adeptes et Hierophantes, vous protuge dans votre entreprise*¹¹³.

Ваша в нирване

Е.П.Блаватская

Холлис Биллингс

2 октября 1881 г.
Симла

Мой дорогой, добрый друг!

¹¹¹ несмотря на это (франц.).

¹¹² «Решено, договорились» (франц.).

¹¹³ У меня уже пятнадцатый день лихорадка, и я часто несу бред. Надеюсь, вы мне этого не желаете. Пока что не стану высылать вам свой портрет — по двум причинам: 1) у меня его нет; 2) из-за него вам может присниться кошмар.

Братский привет от меня всем «братьям», а вам, милостивый государь, мои *наиокультурнейшие* пожелания. Да защитит вас в вашем начинании тень Сиддхартхи Будды, моего Господина и Учителя, покровителя всех Адептов и Иерофантов» (франц.).

Конечно, вы давно уже должны были отказаться от переписки со мною, решив, что это дело безнадежное и овчинка выделки не стоит. Но тут я снова появляюсь на горизонте и клянусь вам, что даже не десять, а раз сто хотела вам написать, да только захлестнувший меня поток забот, связанных с журналом «Theosophist», и прочих важных дел, а порою усталость, но *отнюдь не* лень, вечно вынуждали меня переносить написание письма вам на следующий день. Поверьте мне, дорогая г-жа Биллингс, что никогда, *никогда* я вас не забуду и не стану меньше любить. Вы все это время были для меня добрым старым верным другом, и я тоже намерена оставаться таковым для вас всегда, пока мое дряхлое тело не сожгут, а пепел не развеют по ветру. Я настолько небрежна и невнимательна, что серебряные браслеты, которые я храню для дорогой Салли, лежат у меня вот уже почти два года, и лишь моя халатность и серьезная непрекращающаяся болезнь помешали мне выслать их ей и покончить с этим делом.

Сейчас я нахожусь в Симле, на 10 000 футов выше равнин Индии; надо мною со всех сторон высятся вечные снега, и чувствую я себя гораздо лучше. У меня было заболевание *почек*, да и сейчас еще не прошло, и водянка в начальной стадии. Однако теперь я чувствую себя лучше, хотя еще не совсем поправилась.

Теперь о делах.

Почему, скажите на милость, вы не рассказываете людям истину о нашем Брате *Ски*, как вы рассказали *мне*, коль скоро и *вы*, и он оба знаете, что это — правда? Почему вы позволяете людям считать, что он — развоплощенный «дух», между тем как он является ныне живущим духом, который жил и будет жить столько веков, сколько захочет, временно сбрасывая свое *тело*, которое будет *спать*, когда он устанет от земной жизни, и странствовать в межпланетном пространстве, путешествуя по иным мирам, сколько ему хочется? Почему от тех, кто готов воспринять истину, вы должны утаивать, что он был *посвященным* и знал больше всех «знахарей», вместе взятые? Наши Братья знают его, а он знает их. Как вам известно, Мориа — его лучший друг, и он привез Олькотту из его обители шелковый шейный платок. Мориа (М.:) хочет, чтобы *Ски* смело явил себя миру и рассказал ему правду.

Ведь в противном случае теперь, когда наше Общество становится столь могущественным и в него ежедневно вступают самые образованные англичане и самые влиятельные представители англо-индийской администрации, имеющие собственное представление о «духах» согласно тому, как учат К. Х. и М.: (прочитайте внимательно *статью*, которую я вышлю вам примерно через неделю, в октябрьском номере журнала «Theosophist»), — теперь как раз *Ски* и «Джим Нолан» (а это одно и то же лицо) будут вызывать сомнения и их будут называть «оболочками», элементалами и привидениями. Начните, милая, *новую жизнь*. Постепенно открывайте это и *пришлите мне свой адрес*.

К. Х., то есть Кут Хуми, сейчас погрузился в сон *на три месяца*, чтобы подготовиться во время этого *самадхи**, или продолжительного транса, к своему посвящению — *предпоследнему* перед тем как он станет одним из высших адептов. Бедный К. Х.! Его тело, холодное и застывшее, лежит сейчас в изолированном прямоугольном каменном здании* без окон и дверей, попасть в которое можно по подземному переходу, ведущему из двери в *тунг-тинг* (усыпальницы — комнаты, которая есть в любом *тхатен* — храме), или *ламасери*; дух же К. Х. совершенно свободен. Адепт может лежать так годами, если его тело заранее тщательно подготовлено к этому посредством месмерических пассов и т. п. Дивное это место, где К. Х. лежит в прямоугольной каменной башне. Справа — *Гималаи*, возле монастыря — прелестное озеро. За телом К. Х. присматривает его *Коган** (духовный учитель, наставник) — настоятель этого тибетского монастыря. М.: также время от времени навещает его. Ужасная загадка — этот каталептический сон в течение столь продолжительного времени, однако *Ски* описывает его, и, когда вы получите брошюру, вы сможете прочитать об этом.

Вам известно, что буддисты не верят в *личного* Бога. Они верят в *единый вселенский разум*, который дает толчок всему творению, но *не управляет* естественной эволюцией и развитием человека и не вмешивается в них. Этот **Разум** состоит из бесчисленного количества разумов — Планетных Духов, которых называют *Дхиан Коганами**, и эти духи были в свое время людьми. Гаутама Будда — один из пяти главных **Небесных Будд**, или **Дхьяни-Будд***. Они перевоплощаются в **далай-лам** либо в **таши-лам**, а также в некоторых высших адептов. Они отказываются от обретения высшего блаженства в **нирване**, дабы иметь возможность воплощаться в виде людей на благо человечества. Далай-лама проживает в *Лхасе*, а таши-лама — возле *Шигадзе*.

Сейчас Мориа живет большей частью вместе с Кут Хуми, у которого есть дом на пути к *горам Каракорум*, за *Ладакхом*, находящимся в Малом Тибете и относящемся в настоящее время к *Кашмиру*. Это большое деревянное строение, похожее на пагоду в китайском стиле,

между озером и красивой горой. *Братья* считают, что мир еще недостаточно созрел для того, чтобы учить его оккультизму на высшем уровне. Мир слишком сильно верит в личного Бога и в христианство, в божеств и в прочую чепуху. Они крайне редко являют себя миру. Однако они могут проецировать свои астральные формы куда угодно.

Мория решительно против оккультных феноменов, но Синнетт, автор «Оккультного мира», постоянно жаждет феноменов и при этом ни за что не откажется ни от вина, ни от танцев, ни от чего-либо подобного. Хьюм, президент нового Эклектического Теософского Общества Симлы, в меньшей степени за феномены и в большей — за философию. И эти люди уверены, что ритуал, которого жаждет Джадж, — просто ерунда. В Нью-Йорке никто не желает работать для Общества, и оно катится ко всем чертям. Вот если бы вы смогли занять мое место в Нью-Йорке и вдохнуть жизнь в нью-йоркское Общество, то Братья наверняка бы вам помогли. Только распространяйте их идеи и попросите *Ски рассказать правду* — и все будет сделано.

Скажите мне, а *Эглинтон** — действительно медиум? Вы бы лучше написали ему, чтобы он и дальше следовал по теософской стезе в Индии, если хочет здесь добиться успеха. Бесплотные *ангелы* тут чрезвычайно непопулярны, и он ничего хорошего не добьется, а только настроит против себя теософов, если станет здесь выносить на обсуждение слишком много теорий об *ангелах* и возвращающихся тещах. Пусть демонстрирует феномены и не дает никаких объяснений, это будет куда лучше. Г-н Хьюм, являющийся здесь самым влиятельным человеком, не желает иметь ничего общего с этим медиумом, поскольку считает, что тот компрометирует Теософское Общество. Сообщите об этом Эглинтону.

А теперь прощайте, милая. Сделаю для вас все, что пожелаете, только прикажите. Не знаю, какие «вопросы» задавать, но вы устройте сеанс для Джаджа, и пусть *Ски* поучит его теософии, а мы это напечатаем.

Передайте от меня Салли, что я ее люблю, и верьте, что я на веки вечные ваша

Е.П.Блаватская

А где сейчас Биллингс? Решительно пошел ко всем чертям?

Письма К.Бильеру

Письмо 1

3 августа 1880 г.
Бомбей

**Нашему весьма известному Брату
г-ну К.Бильеру.**

Сударь!

Заговаривая о теософской «школе», мы оказываемся на зыбком фундаменте. Какая еще «школа», скажите на милость? У нас нет *школы* — ничего, кроме [Теософского] Общества в целом и моей скромной персоны в частности. И здесь, дабы не повторяться, отсылаю вас непосредственно к тому письму, которое я только что написала г-ну Фовети в ответ на его послание. Это нечто вроде циркулярного письма в форме отдельного выпуска. Но оно объяснит вам определенные вещи, о которых вам, теософам, не знать нельзя. Говорить о теософской *школе* и отождествлять ее с [Теософским] Обществом — это все равно как если бы некто, говоря об отдельном растении или о цветке одной-единственной разновидности, называл его «садом». Ведь именно «сад» составляет красоту нашего Общества, то есть у нас нет ни религии, ни школы, ничего специфического, ибо [Теософское] Общество состоит из

всех религий, из самых разнообразных школ, и каждый его член имеет право излагать собственные идеи, выносить их на обсуждение на общих собраниях и отстаивать их. Прочитайте, уважаемый г-н Бильер, непременно прочитайте мое письмо к г-ну Фовети.

Не знаю, являюсь ли я «великой душой», но знаю, что предпочла бы вообще не иметь души и не видеть, как она разрушается, а вместе с нею и мое тело. Эта старая туша уже давно мне надоела, а моя «великая душа» собрала вокруг себя лишь неблагодарных да клеветников; стало быть, она просто «дурочка». Но это — мое *личное мнение*. Я — буддистка до мозга костей, и вот уже многие годы утверждаю это. Я верю в существование души, но души материальной, которая в итоге исчезает, как и подобает всякой честной душе, равно как и всякой частице материи, формы существования и длительность которой не могут быть бесконечными во времени, а следовательно, не обладают бессмертием.

Я верю в вечность материи *как принципа*, а не как формы, которая всегда преходяща. Не верю в личное бессмертие души, или эго, но зато верю в бессмертие и вечность Универсального Духа, или безличного Высшего Эго, и именно в нем, погрузившись в великое Целое и растворившись, моя бедная крохотная «великая душа» обретет свое уничтожение, свою **нирвану** и во Всеобщем Небытии наконец найдет отдохновение от бурных и ничтожных жизней. Ее лихорадочная активность утонет в Духовном Бездействии, жалкий одиночный атом исчезнет во Вселенской Всеобщности, и тогда Е.П.Блаватская из мутной капельки воды превратится в беспредельный Океан без конца и без начала. Вот каковы *мои* устремления! Я никогда не удовлетворюсь тем, чтобы утвердиться в качестве *индивидуальной души* где бы то ни было — в нирване или в традиционном раю. Воистину прелестное зрелище: бессмертные души Джека, Питера и Сьюзен красуются в Вечности, ковыряя в зубах золотыми зубочистками и водрузив на дверях отдельных жилищ гербы своих Сущностей. Очень философская идея!

Моя цель — стать в конце концов Всем, окончательно кануть в нирвану и раствориться в ней подобно тому, как отдельная капелька воды, поднимаясь вверх с испарениями, вновь растворяется в океане; и, утратив собственную индивидуальность, заменить ее безличной индивидуальностью Вселенской Сущности, которую христиане и прочие деисты* называют Богом и которую *моя школа* (не являющаяся теософской школой) называет *Универсальной Причиной* — причиной, которая не имеет ни разума, ни желанья, ни воли, ибо сама является абсолютным Разумом, абсолютным Желанием и абсолютной Волей. Засим желаю вам доброй ночи.

Вы хотите увидеть «мою старую *мордашку*» — к вашим услугам, милостивый государь. Только берегитесь: не приснились бы вам кошмары!

Между тем примите искренние приветствия от той, которой, надеюсь, вскоре уж не будет на этом свете.

Е.П.Блаватская

Письмо 2

17 января [1883]
Мадрас

Милостивый государь и собрат!

Сдается мне, что какой-то злой рок, понять который я не в силах, вмешался в нашу с вами переписку. Получила от вас три письма, а написала вам четыре! Правда, одно мое письмо, адресованное вам, мне только что вернули из *службы возврата корреспонденции с неверным адресом*: ваш адрес был указан неправильно. Я обнаружила, что вслед за вашим именем в нем значится «улица Комартэн, 157»! Как такое могло случиться? Не знаю; должно быть, я впадаю в детство и несу чепуху. По правде говоря, я была чересчур занята и чрезвычайно больна, отсутствуя три месяца. Поехала в Сикким и пробралась оттуда на тибетскую

территорию, чтобы встретиться с *нашими Братьями*, которые исцелили меня от почти неизлечимой болезни. По крайней мере, именно такой приговор ранее вынесли мне доктора, объявив, что жить мне осталось от силы *несколько недель*. Достоянейшие люди, хорошо обученные — и пророки до мозга костей!

Парижское «Теософское Отделение» свидетельствует мне «свое исключительное почтение»? Я им весьма признательна, но они заслуживали бы большей благодарности от меня, если бы это славное «отделение» несколько лучше справлялось со своими обязанностями. На самом деле оно достигло изумительного успеха! Явный случай непрерывного разложения до тех самых пор, пока не угаснет естественный пыл. Вы мне станете говорить, что если ваша группа и перестала собираться на заседания в течение последних трех недель или месяца, то это лишь потому, что у вас не было ни какой-либо программы в качестве руководства, ни какого-нибудь Кут Хуми, чтобы вас обучать... Ах, милостивый государь, я очень боюсь, что все как раз наоборот и что ваша «группка» дождалась до сегодняшнего дня именно из-за отсутствия какого-нибудь теософского руководства. Услышь вы наставления Кут Хуми с самого начала, ваша ветвь еще пару лет назад отвалилась бы от материнского древа вместо того, чтобы только сейчас умереть красивой смертью.

Сформулируйте же все как есть и назовите вещи своими именами, если вы действительно теософы, а ведь лично *вы* являетесь таковым в большей степени, нежели сами это осознаете. Скажите, что среди рядовых членов Общества возникли *разногласия*, заметные и в большом количестве. Что большинство французских спиритов, которые претендуют на то, что ищут только истину и ничего кроме истины, на деле оказываются людьми столь же нетерпимыми, как и те фанатики, каковых нынче предостаточно. Что они поступают подобно папе римскому, отлучая без права подачи апелляции всех, кто имеет смелость думать по-своему, а не плестись, словно стадо овец, за своим бараном-вожаком. Согласитесь, что все, мною здесь излагаемое, — правда и что если я до сих пор хранила молчание, то всего лишь с целью не задеть чувства своих лучших друзей в Париже.

Однако я знаю все, и причем давно. Знаю, что если французские спириты более вежливы и менее агрессивны, чем английские и американские спиритуалисты, то ненавидят они нас ничуть не меньше; во всяком случае, ненавидят теософские доктрины. Знаю также, что доказательства этого у меня имеются. Ведь если бы было иначе, то административный комитет журнала «Revue Spirite» никогда бы не закрыл свои страницы для г-на Д.А.Курмэ, нашего собрата из Тулона, из-за расхождений между учением теософов и доктриной г-на Аллана Кардека* и не отказался бы опубликовать перевод «Фрагментов оккультной истины»*. Эти господа из Комитета стали *сектантами*, а последователи Кардека, эта *секта*, хотя и непогрешимых, неприкосновенных догм?

Что ж, уважаемый г-н Бильер, терпеливый мой собрат и корреспондент, мы поищем где-нибудь в другом месте, вот и все. В том, в чем нам отказало руководство «Revue Spirite», нам не откажет наш собственный теософский журнал, и вскоре у нас в Париже таковой появится. Каким же умником надо быть, чтобы пытаться остановить восточную теософию, которая стремительно набирает силу? Я могу помереть завтра, а вслед за мною — и президент, но Теософское Общество *никогда* не умрет. Пробил час великого Откровения, и мир волею неволей будет нам внимать: в одной только Индии за четыре года было основано пятьдесят семь обществ. Ежедневно к нам присоединяются наиболее разумные европейцы. Эти *фрагменты оккультных истин*, опубликованные в настоящее время в журнале «Theosophist», были продиктованы г-ну Синнетту одним из величайших восточных адептов — Кут Хуми, героем «Оккультного мира», книги г-на Синнетта*. Вот какую книгу надо бы перевести: ее экземпляры расходились бы, как горячие пирожки. А чего же боятся кардекианцы? Разве пристало *истине* страшиться дневного света (если то, чем они располагают, действительно истина)? Пришлите нам какую-нибудь статью, полную догм, диаметрально противоположных истинам оккультных учений, и мы ее для вас напечатаем в нашем журнале без всяких комментариев.

Почему? Да потому, что мы — не сектанты, а вольнодумцы, философы, готовые принять истину, откуда бы она ни исходила, если только нельзя доказать научным, математическим методом, что мы движемся в неверном направлении. Так действуйте же! Мой друг Леймари совершенно неправ.

Готов ли перевод «Изиды»? В этом случае вы, вероятно, могли бы прислать его мне? Вот только если я сама его не редактировала, то я не несу никакой личной ответственности за ошибки в переводе. Надеюсь, таковых не окажется; в противном случае вынуждена буду отрицать свои ошибки!

Пришлите мне свою фотографию; тот ваш снимок, который у меня имеется, совершенно выцвел, остались только белые пятна. Е.П.Б.

Письмо 3

Январь 1884 г.
Мадрас-Адьяр

Милостивый государь и друг!

Желаю вам счастья и всего наилучшего. Не желайте мне того же самого, ибо это не пойдет мне на пользу.

А теперь собираюсь попотчевать вас известием о неожиданном событии, о смене декораций: 20 марта или около того я высаживаюсь в Марселе и поднимаю флаг теософии в Канбьере! Как вам это понравится? Что до меня, то я от этого совсем не в восторге. Я-то надеялась, что помру в Индии, что меня возложат на погребальный костер, подобно какой-нибудь малабарской вдове, и сожгут на нем весь, до последней крупички, мой казацкий жир, а тут меня посылают умирать в какие-то иные края! Что ж, тем хуже для вас для всех. Однако вот вам факты.

Пять лет я работаю денно и ночно. Это и журнал «Theosophist», и моя переписка с половиной мироздания, и мои статьи для российских газет — единственное, за что мне платят. Другие мне тоже платят, но только черной неблагодарностью. Что ж, теперь я уже не молода, как когда-то. Благодаря нашему изнуряющему климату и каторжному труду я превратилась в заезженную клячу, в старую развалину или, скорее, в спущенный воздушный шар! Нервы мои дошли до такого состояния, что напоминают скрипичные струны, которые слишком сильно натянули, и теперь они лопаются одна за другою. Еще три месяца такой работы — и я стану круглой идиоткой (что, впрочем, никого бы не удивило, ибо я всю жизнь была ею) и выживу из ума. Не то чтобы это меня огорчало до слез; я уже достаточно успела пожить на этом свете. Я стремлюсь к нирване, я взываю к ней, издавая громкие стоны из самых глубин души моей, ибо я устала, устала, устала! Но Общество не желает, чтобы я умирала. Это глупо, но это так.

Ну и вот, врачи заявили, что если меня не вывезут силой в какую-нибудь другую климатическую зону, где я буду соблюдать абсолютный покой в течение нескольких месяцев, то больше трех месяцев я не протяну. Теперь меня вывозят силой, а вместе со мною и мою индусскую прислугу: горничную, камердинера, да еще мою голову, которой я больше не владею.

Полковник-президент вынужден ехать в Лондон, чтобы примирить английских теософов, которые *судятся* и ссорятся друг с другом вместо того, чтобы изучать теософию. Полковник собирается отплыть (со мною под руку) около 20 февраля, чтобы добраться до Марселя, где он со мною расстанется. Куда я отправлюсь потом? Не знаю; быть может, в Ниццу на несколько дней — повидаться с герцогиней, затем на несколько дней в Париж. Зачем? Это мне вообще неизвестно. Но хотелось бы увидеться со своим старым другом Леймари и с доктором Фортэном, его врагом (посмотрите, как любят друг друга эти два христианина!), а также с г-жой де Морсье и лично с вами; мне хотелось бы с вами посмеяться немножко, ведь вы истинный парижанин, хотя и теософ.

Но пробуду я у вас разве что несколько дней: нет у меня желания оставаться в этом вашем вавилонском столпотворении Луизы Мишель и К°. Я хочу абсолютного покоя. Уеду подальше от всего этого шума, за город, где смогу заняться проверкой и редактированием французского перевода «Изиды» (который я получила сегодня, 27 января: пришел как раз вовремя!). Все, чего мне хочется, это чтобы вы не раскрывали моего секрета; иначе я вообще

не приеду.

А бедный Габорио пишет мне, что едет сюда, что его комната ожидает его, и приезжает-то он *в свой собственный дом* в Адьяре! Это домашний очаг для всех бродячих и измученных теософов. Я оставила распоряжения, которые Габорио должен воспринять так, словно он — это я; так ведь он же вместо этого станет несколько месяцев смиренно дожидаться моего приезда. Что ж, пусть до тех пор изучает английский. А если он еще не уехал, то сможет хотя бы помочь мне с истолкованием и редактированием «Изиды», ибо черта с два я достигла каких-то особых высот в классическом французском.

Короче говоря, посылают меня сюда на отдых, а я взваливаю на свои плечи «Изиду», точнее, загружаю ею свою голову, которая в данный момент очень больна и едва на этих плечах держится. В конце концов, дорогой мой г-н Бильер, я действительно больна, даже если внешне и не выгляжу таковой. Прежде всего, у меня почти отнялись обе ноги, к тому же у меня больше не работает голова. Шарниры во мне ржавеют так стремительно, что начинаешь пугаться. Мой Махатма и достопочтенный *гуру* уже дважды чинил меня на скорую руку. В прошлом году врачи *вообще* поставили на мне крест. Я уже болела брайтовой болезнью в последней стадии, когда впервые узнала, что почки бывают не только у овец и что у меня они *тоже* имеются, причем в весьма отвратительном состоянии, точно так же как и печень.

Что ж, я отправилась в Дарджилинг, в Сикким (который захлопывает двери перед каждым приближающимся к нему англичанином) недалеко от въезда в Тибет, и там мой возлюбленный Учитель (не Махатма Кут Хуми, а другой) вылечил меня, исцелил почки и печень, и через три дня я была здорова как никогда. Мне сказали, что это чудо. Наставник лишь поил меня семь раз в день отваром из какого-то гималайского растения. А сейчас Учитель сам посылает меня подышать свежим воздухом. Думаю, в конце концов я отправлюсь в Альпы. В любом случае пишите мне в Марсель *до востребования* и сообщите, где я смогу с вами увидеться и пожать вашу руку. Между тем *салам*.

С братским приветом

Е.П.Блаватская

Письмо 4 *

Уважаемый г-н Бильер!

Поскольку вы написали мне, что хозяйка замка отказалась сдать нам квартиру и предложила *намного меньшую* на том же этаже, а когда мы просили обеспечить нам помещение, имелась в виду именно первая квартира, в которой добрая госпожа нам отказывает, то я считаю, что лучше всего изменить наш план. Кроме того, мы получили послания от Учителя, который вознамерился высказать нам свои пожелания. Нам требуется подходящая квартира, и особенно — достаточно большая гостиная, где могли бы собираться наши члены (а их у нас здесь девятнадцать человек!). Об этом я и телеграфировала вам вчера вечером и просила подыскать квартиру за триста франков поближе к центру, то есть поближе к герцогине.

А теперь я получаю вашу телеграмму! Коротенькую телеграмму, из которой явствует, что вы разгневаны, бросаете нас в беде и передаете нас г-же де Морсье, а это равносильно тому, что мы теряем доктора Фортэна. Вы вместе с упомянутым доктором находитесь посередине между всеми этими склоками, которые затеяли два (или три?) парижских общества. Вот почему относительно вас двоих мы были уверены, что это не вызовет претензий ни у той ни у другой стороны. Потому-то мы и не обратились со своей просьбой подыскать нам квартиру ни к г-же де Морсье или к доктору, ни к г-ну Леймари. А теперь вы нас бросаете! Что же, наконец, стряслось? Это правда, что герцогиня написала своей секретарше и заместительнице, г-же де Морсье, письмо с просьбой помочь нам подыскать квартиру поблизости от нее. Однако это письмо, написанное лишь сегодня, еще не могло дойти до г-жи де Морсье. Так почему же вы явно гневаетесь? Велик аллах, да я — не его пророчица! Но сдается мне, я чую еще одну потихоньку разгорающуюся вражду — на этот раз между вами и

г-жой де Морсье. Это просто какая-то эпидемия среди парижских теософов, явно занесенная сюда из Лондона, где вцепились друг другу в горло г-н Синнетт и г-жа Кингсфорд*.

В заключение жду вашего письма, которое, как я надеюсь, разъяснит мне эту новую тайну. А пока что желаю вам пребывать в добром здравии и не кашлять, как я.

С братским приветом

Е.П.Блаватская

Письмо 5

*Понедельник
Улица Нотр-Дам-де-Шан, 46.*

Милостивый государь и собрат!

Получив распоряжение вскрывать любые письма, поступающие на имя президента из Парижа и отвечать на них, я, в соответствии со своим положением генерального секретаря и главного ответственного за переписку, отвечаю вам сама.

Я была свидетельницей всего, что происходило между вами и еще одним членом Общества со дня нашего прибытия в Париж, и *ни один человек не сожалел о происходящем больше меня*. Вы знаете об этом, потому что я вам говорила. Я сделала все, что могла, чтобы примирить враждующие стороны. Я очень серьезно разговаривала с г-жой де Морсье, и, хотя мне так и не удалось выяснить, что же она имеет против вас, я убедилась, что она, как это свойственно истинной женщине, затаила на вас злобу, а мне как женщине ничего не остается, кроме как горько сожалеть обо всем этом недоразумении. Герцогиня осуждает происходящее и хотела бы изменить положение дел. Она принялась расспрашивать меня, почему *вас* не уведомили о собраниях Общества, но все напрасно. Она преуспела в этом деле не больше меня, ибо г-жа де Морсье является генеральным секретарем, и заставить ее пригласить вас нелегко. Это прискорбно. Но утешайтесь тем, что, помимо вас, есть еще многие другие. Если вы окажете мне честь и явитесь попрощаться со мною (я уезжаю в четверг утром), то я изложу вам все в устной форме.

И все же вы ошибаетесь, заявляя в письме, что вас «таким образом отлучили от материнского Общества», ибо это не так. У нас здесь не было теософских собраний, кроме *одного*, и вы на нем присутствовали. Вы вдруг перестали нас посещать и, следовательно, это вы сами отделились от нас. Вот уже почти полтора месяца я почти не выходила из дома: у меня гостили мои тетка и сестра. За все это время вы ни разу не позвонили нам в дверь. *В конце концов*, вспомните, если угодно, что все теософы *со мною во главе* считают вас одним из своих братьев, и несправедливо с вашей стороны возлагать на нас ответственность за капризы одного *единственного* теософа. Тем не менее, поскольку г-жу де Морсье нечем заменить и поскольку, кроме данного каприза, ее не в чем упрекнуть, мы не в силах исправить положение.

Но одно вам следует хорошо усвоить. Не признавая общество г-жи де Помар, вы отвергаете единственный способ уладить это дело. Ведь сам циркуляр доказывает вам, что все изменилось. Г-жа де Морсье больше не будет секретарем Общества и вообще не будет состоять в нем, поскольку она выходит из него, чтобы образовать другую группу. Напротив, вы оказали бы большую услугу г-же де Помар, *помогая ей* в реорганизации ее общества, которое из-за этой новой переделки рискует развалиться на куски. Непременно сходите и повидайтесь с нею. Я посылаю ей письмо с объяснением сути дела. *Напишите ей*, но пусть все это останется между вами; попросите ее хранить это дело в тайне.

Это *дружеский* совет.

Всегда верьте в мою искреннюю братскую преданность.

Е.П.Блаватская

Письмо 6*

Мне действительно хотелось бы встретиться с вами, чтобы объявить вам еще более важные новости, которые вас поразят.

Буду дома *во вторник*, завтра вечером.

Письмо 7*

Уважаемый г-н Бильер!

Мне ясно одно: будучи французом, вы все истолковываете превратно, даже лучшие намерения *ваших друзей*. «Выдающийся секретарь» Теософского Общества» *не боится ни самой* г-жи де Морсье, ни вообще никого на свете. Я хотела избавить *преданного друга*, явившегося в мой дом, от ничем не спровоцированной дерзости со стороны того, кто хорошо знает, как ее проявить, тем более перед лицом иностранцев. Эти иностранцы прибыли по делу, и то, что я сделала, было сделано по предложению еще одного человека; она знала всю эту историю и сказала мне по-русски, чтобы *я была настороже*, ибо она заметила взгляд, которым вас смерила та дама. Дошло до того, что я написала той даме письмо, в котором выразила недовольство ее поведением. Но бесполезно рассказывать вам что-либо дальше.

Вы восприняли происшедшее не так, как оно было на самом деле, а, повторяю вам, совершенно превратно. Это прискорбно для меня. Я считала вас другом, обладающим интуицией, а нахожу в вашем лице обидчивого критика. Вам хотелось бы, чтобы я поставила себя в такое положение, когда мне пришлось бы выставить из моего дома г-жу де Морсье, а ведь она тоже мой друг, ибо, в конце концов, все ваши ссоры меня не касаются и я желаю жить в дружбе со всеми на свете, *как требует от меня теософия!* Ведь если бы тогда г-жа де Морсье оскорбила вас еще раз, *я бы просто не могла не порвать с нею*. Разве этого вы добивались?

Я сожалею о том, что во Франции, насколько я могу заметить, нет ни одного здравомыслящего человека и что в этой стране все безумны, но поверьте, уважаемый г-н Бильер, что я искренне сожалею, если, полагая, что *поступаю правильно*, я все-таки вас обидела. Я не очень-то *боялась* этой дамы; в тот же день, когда я прямо изложила ей свою позицию и в присутствии двух человек встала на вашу защиту, — в тот же самый день г-жа де Морсье вручила свое прошение об отставке, заявив, что перестает быть не только секретарем, но и членом Общества. Вам об этом рассказали?

Похоже, что нет. Сожалею, что получила ваше письмо слишком поздно. Не будучи в состоянии даже предположить эту новую снежную лавину, сегодня утром я приложила к своему письму длинное послание Фортэну. Ради бога, порвите это письмо на клочки. Уж лучше это, чем [не] хранить веру.

Желаю вам счастья и процветания; считайте меня вечно и самым искренним образом преданной вам.

Е.П.Блаватская

Письмо 8

Дорогой г-н Бильер!

Историю, о которой я вам поведала вчера, я описываю сегодня, надеюсь, что вы, сторонник мирного подхода и убежденный теософ, сунете ее под нос г-ну Фортэну, если не захотите увидеть его на скамье подсудимых в полицейском суде по обвинению в клевете.

Со всех сторон мне сообщают, что г-н Фортэн рассказывает обо мне *жуткие вещи*, что он порочит меня, распространяя неправдоподобные истории и выдвигая обвинения, которые ему придется доказывать, ибо то, что позволяет себе этот господин, является систематической и непрерывной *клеветой*. Или же пусть он оставит меня в покое. Вот что я советую этому «кудеснику», который вплоть до марта месяца насыщал свои письма мне, *кои я храню до сих пор*, невероятной лестью и который с тех пор совершил стремительный *поворот на сто восемьдесят градусов*.

Сам он сочиняет эти постыдные истории или же ему рассказала их эта девица Смирнова с Вандомской площади, — мне все равно. Дело в том, что он их повторяет, а герметические ламы не удосужились его просветить относительно того, что, поступая таким образом, он рискует оказаться привлеченным к полицейскому суду вместе со своей подругой и заказчицей Смирновой, чей змеиный язык известен всей России!

Как только я узнала от г-жи Глинки о тех мерзостях, которые распространяет обо мне эта старая дева, состоящая при императорском дворе (хорошо бы показать ей это мое письмо), едва я прочитала письмо, написанное ею госпоже Глинке, — письмо, полное грязной лжи, в котором Смирнова порочит мою сестру и всех моих родственников, — я сразу же написала послание этой особе и передала ей *через свою сестру*, отправившуюся в дом к Смирновой в сопровождении г-жи Глинки.

Знай же, что сестра моя, овдовевшая всего три года назад, прожила в Тифлисе двадцать три года вместе с мужем и детьми. Все это время она *поддерживала близкое знакомство с Великой Княгиней Ольгой* — супругой Великого Князя Михаила, генерал-губернатора Кавказа, и *постоянно общалась с Великой Княгиней*, что было связано с положением ее мужа. И эта гадюка Смирнова осмелилась написать, будто моя сестра *довела своего мужа до безумия и загнала его в гроб своей супружеской неверностью*, а также, что, овдовев, она поселилась в Одессе, где продолжила свою распутную жизнь! По правде сказать, моя сестра, которая всего три года как овдовела, поселилась в Одессе, когда ей было уже за пятьдесят! В такие сплетни вряд ли можно поверить.

Смирнова в присутствии моей сестры пришла в полнейшее смятение, готова была сквозь землю провалиться и пыталась все отрицать, однако ей это не удалось, поскольку у сестры было на руках ее письмо и рядом находилась г-жа Глинка. Сестра моя вела себя с этой фрейлиной как она того заслуживает и посоветовала клеветнице навести о ней справки у Великого Князя и его супруги. Жаль только, что там не присутствовал один из сыновей моей сестры, который служит офицером на Кавказе. Уж мой племянник определенно имел бы полное право *надрать уши этой придворной даме*.

Пусть это мое письмо покажет ей сам доктор Фортэн, которому вы можете оставить сие послание в качестве сувенира. С письма, которое я написала Смирновой, я сняла несколько копий: одну для моего адвоката, другие же разослала всем моим русским знакомым и всем, кому она на меня клеветала. Русские хорошо знают эту особу. Они все говорят, что она достаточно безумна, чтобы запереть ее в сумасшедший дом, поскольку она захлебывается собственным ядом. В это я могу поверить.

Смирнова до сих пор говорила и писала, что я была шлюхой, что *с самого начала я с головою окунулась в грязь, что я жила в гаремах*, предавалась пьянству в Тифлисе и, наконец, что всю свою жизнь я всех *обманивала*, воровала и т. д., за каковые славные деяния мне *грозят уголовное преследование*, почему я *тридцать лет не могла приехать в Тифлис*, ибо, вернись я туда, меня бы арестовали, *посадили в тюрьму, а затем отправили бы по этапу в Сибирь, потому что я совершала кражи*. Вот о чем говорит г-н Фортэн, которому хватило наглости поинтересоваться у г-на Кейтли (молодого англичанина, присланного полковником Олькоттом, чтобы попросить д-ра Фортэна вернуть свою хартию), *известно ли теософам прошлое* обоих основателей.

Что ж, если доктор не возьмет назад свои слова и не оставит меня в покое, то ему придется

отчитываться за них в полицейском суде, ибо я сделала следующее.

Генерал-губернатор Кавказа — мой близкий друг, знакомый со мною и с моими родными вот уже около сорока лет. Это князь Дондуков-Корсаков. Я незамедлительно написала ему письмо, в котором воспроизвела обвинения Смирновой; в то же время я направила ему официальное прошение о том, чтобы его подчиненные, порывшись несколько минут в архивах, тут же выслали мне в Париж официальный документ полицейского управления в Тифлисе. Из этой бумаги станет предельно ясно, фигурировала ли я когда-либо в полицейских списках как воровка или женщина легкого поведения. Я написала также в полицейское управление Санкт-Петербурга. Вооружившись этими двумя документами, мы посмотрим, чем постыдные сплетни Смирновой, повторяемые доктором Фортэном, обернутся для этих двух особ. Восемь дней назад князь Дондуков, которому я, на случай, если буду в Лондоне, сообщила адрес г-жи де Барро, прислал по данному адресу телеграмму следующего содержания: «Передайте г-же Блаватской, что ее письмо получено сегодня. Возмутительно. Запрашиваемые официальные документы будут экстренно высланы послезавтра. Князь Дондуков».

Рассчитываю получить эти бумаги сегодня или завтра. Итак, когда я уехала с Кавказа в 1848 году и путешествовала со своим отцом по Европе, когда я потом почти двенадцать лет жила в Индии, Южной Америке и Африке, когда в 1859 году я прямо из Америки возвратилась в Санкт-Петербург и поселилась там вместе с отцом и сестрой, о чем знал *весь Петербург*, а затем в 1861 году, отправившись в Тифлис, жила там у своего деда — личного советника императора (и у моего мужа, г-на Блаватского — губернатора Эривани) больше года, вплоть до последовавшей довольно скоро кончины дедушки, а затем в 1864 году уехала с Кавказа и больше туда не возвращалась, — была ли я в тот период, в ту эпоху *падшей женщиной*, каковой меня изобразила г-жа Смирнова? Именно это ей придется доказывать, когда мой адвокат представит мое официальное *досье* судье и присяжным.

Д-ру Фортэну лучше было бы оставить меня в покое, и в особенности *не рисковать* — *не писать и дальше в том же духе, в каком он уже успел высказаться на бумаге*. До сих пор я была для него, о чем свидетельствуют его письма ко мне, *любимой, почтенной, «уважаемой мадам»* и т. п., а теперь стала, согласно его голословным заявлениям, воплощением всего самого постыдного? Быстрая же перемена во мнении для человека, способного опереться на свое *ясновидение, астрологию* и прочие подобные вещи. Я давно его раскусила, еще в Мадрасе, хотя и не была тогда полностью уверена. Однако мне было достаточно в течение часа пообщаться с ним у себя дома, чтобы уяснить себе, что у нас с ним никогда не будет взаимопонимания. Человек, который, идя на поводу у своего раздражительного и деспотичного характера, опускается до того, чтобы, как это сделал г-н Фортэн, у себя дома, в присутствии двадцати гостей, оскорбить двух честных людей, таких, как д-р Турманн и Эдар, назвав их *ворами и мошенниками* и вышвырнув их из дома, «как двух лакеев», — такой человек способен на все!

Я предупреждаю его: пусть угонится; хорошо бы и вам предостеречь его также.

Я выезжаю в Лондон, но оставляю здесь адвоката и своих друзей, которые проследят за тем, как развивается это дело.

Пожалуйста, милостивый государь и Брат, примите уверение в моем совершенном почтении и братском уважении.

Е.П.Блаватская

Францу Гартману*

*5 декабря [1885г.]
Остенде*

Уважаемый доктор!

Вы должны действительно простить меня за кажущееся невыполнение долга перед вами,

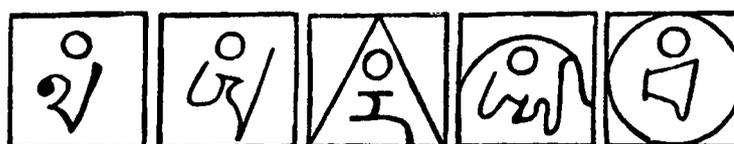
мой старый друг. Честное слово, я до смерти загружена работой. Каждый раз, когда я сажусь писать письмо, все мои идеи рассеиваются и я уже не в состоянии продолжать «Тайную Доктрину» в этот день. Но ваше письмо (последнее) настолько интересно, что я просто должна на него ответить, как вы просили. Вы прекрасно поступите, послав материалы этого вашего эксперимента в журнал «Theosophist». Это чрезвычайно важно в связи с ложью Ходжсона и выдвинутыми им обвинениями, и я счастлива, что вы получили столь независимое свидетельство; во всяком случае, астральный свет не может лгать в мою пользу*.

Я буду говорить только о четвертом послании, ибо о правильности трех других вы и сами знаете. Это похоже на уединенный храм таши-ламы близ Шигадзе, построенный из материала, напоминающего «мадрасский цемент»; он сверкает, как мрамор, и называется, насколько я помню, «Снежный лхаканг»* (храм). На крыше его возвышается не «солнце или крест», а *algjorna* дагоба* — треугольной формы, на трех колоннах, с золотым драконом и шаром. Однако на драконе изображена свастика, которую можно принять за крест. Не помню никакой «посыпанной гравием тропинки», да там и нет такой, но храм стоит на искусственном возвышении, и к нему ведет вымощенная камнем дорога со ступеньками — сколько их, не помню (меня ни разу не допустили внутрь); я видела его только снаружи, а интерьер знаю лишь по описаниям.

Почти во всех храмах Будды (Сангьясы*) полы сделаны из желтого полированного камня, который добывают в горах Урала и в северном Тибете у границы с территорией России. Не знаю его названия, но по виду он похож на желтый мрамор. «Господин» в белом — возможно, Учитель, а «лысый» — это, пожалуй, какой-нибудь старый «бритоголовый» жрец. Мантии у них обычно очень темные, почти черные (я привезла такую Олькотту из Дарджилинга), но откуда взялись серебряные пряжки и штаны до колена, я совершенно не представляю*. Они носят, как вам известно, высокие, до икр, ботинки из войлока, нередко расшитые серебром, как у того посыльного от Бабаджи. Возможно, это причуды астрального зрения, связанные с проблеском ассоциативных воспоминаний о картинах, виденных ею раньше.

В таких храмах всегда бывают движущиеся «картинки» с различными геометрическими и математическими задачами для учеников, изучающих астрологию и символику. «Ваза» — должно быть, одна из причудливых китайских храмовых ваз самого различного предназначения. По углам храмов стоят многочисленные статуи всевозможных божеств (дхьяни). Крыши всегда (почти всегда) опираются на ряды деревянных колонн, которые делят крышу на три параллелограмма, а над самой башенкой часто устанавливают зеркало «мелонг» из полированной стали (круглое, как солнце). Я сама однажды приняла его за солнце. На куполах иногда бывает конусообразный шпиль, на котором вертикально установлен золотой диск и наконечник грушевидной формы и часто полумесяц, а поверх — шар со свастикой.

Спросите у той женщины, не видела ли она «Ом трам хри хум» — знаки, которые иногда чертят на медном диске зеркала-«мелонга» для защиты простонародья от злых духов. Возможно также, что она видела ряд деревянных пластинок (маленьких кубиков), а на них вот это:

Если это так, то я знаю, что она видела. Такие храмы всегда окружены «сосновыми лесами», их специально строят среди сосен и где растут дикие опунции и деревья с китайскими плодами, из которых жрецы делают чернила. Там есть озеро, верно, и много гор — если это там, где находится Учитель; если же это возле Шигадзе — там только невысокие холмики. Статуя Мей-лха Гьялпо, двуполой повелительницы саламандр и духов воздуха, похожа на описание этого «сфинкса», однако нижняя часть ее тела скрыта в облаках и вовсе

не рыба; она не прекрасна, а только символична. Женщины-рыбачки же пользуются одними лишь подошвами наподобие сандалий, и все они носят меховые шапочки. Вот и все; поможет ли вам это? Но вы непременно это перепишите.

Искренне ваша

Е.П.Б.

Два письма Вильяму Хюббе-Шляйдену*

Письмо 1

4 января 1886 г.

Дорогой г-н Хюббе-Шляйден!

Только что получила письмо от профессора Селлина. О чем оно? То, что он собирается уйти из Общества, я поняла, еще когда профессор находился здесь. Однако что он имеет в виду, говоря, что надеялся только на то, что феномены в Эльберфельде окажутся подлинными, но «из показаний Хюббе следует, что и эти феномены *фальшивы*», или что-то в этом роде? Он заявляет, что больше не верит в Махатм, что все Общество состоит из мошенников, и он убежден, что из Общества не просто выйдут несколько десятков членов, но все оно целиком развалится в течение нескольких недель.

Так будьте добры, объясните мне: что же все это значит? Если профессор Селлин предпочитает верить в то, что моим Учителем является Бабула (!!), что все Его письма были написаны этим пареньком, не знающим ни единой английской буквы, и что я — «русская шпионка» и единственный автор «Разоблаченной Изиды», представляющей собою плагиат, а также автор писем Махатмы К. Х., — прекрасно, ради бога! Но чтобы вы давали *показания* в пользу поддельности феноменов в Эльберфельде, когда я в течение трех недель была не в состоянии написать ни слова собственной рукою при том, что мне в одиночку пришлось бы *подделывать* письма, воспроизводя почерки *несуществующих* Махатм, — это что-то новенькое, и, пока вы сами не напишете мне, что *говорили такое*, и не скрепите это своей подписью, я *не смогу* поверить в то, что вы это сделали.

Будьте добры, если вы когда-либо испытывали ко мне дружеские чувства, напишите мне и объясните все это. Письмо г-на Селлина просто *изуверское*, и я не буду на него отвечать. Но я надеюсь, что вы не такой, как он; во всяком случае, *вы* не станете меня осуждать, не выслушав того, что я собираюсь сказать. Как там насчет того, что все уходят из Общества? Тем, кто верит в отчет Ходжсона*, действительно лучше отказаться от членства в Обществе, *это уж точно*. Но могу вас заверить: Общество *никогда не рухнет*.

Как всегда, искренне ваша

Е.П.Блаватская

Пожалуйста, не бойтесь обидеть меня. Пишите правду; если уж я смогла выдержать письмо Селлина, то сумею выдержать все что угодно. Но я *желаю правды*.

Письмо 2

**Доктору Хюббе-Шляйдону,
президенту Немецкого Теософского Общества**

Если «научное» свидетельство *экспертов* по почеркам признано вопреки моим заявлениям и возражениям, причем наверняка теми, кто, подобно г-ну Синнетту и некоторым другим, не знает всех обстоятельств, связанных с феноменами, которые ныне объявлены мошенническими, тогда попытки защищаться для меня бесполезны. Зафиксировано пятьдесят случаев, когда *ученые* эксперты ошибались и за подделку осуждали невиновных. Называть «подделкой» письма Махатм — это абсурд, ибо для того чтобы быть *подделанным*, имитируемый таким образом почерк должен существовать где-то в этом феноменальном мире, а если я *придумала* *обоих* авторов писем, то тогда я должна была придумать и приписываемые им *почерки*, но в таком случае это мой собственный почерк или почерки, и *это не подделка*. Но это неважно. Раз уж меня объявили русской *шпионкой*, то точно так же можно назвать и «фальсификатором» и принять это все в целом.

Теперь отбросьте упомянутое *научное* свидетельство — и что же остается? *Ни одного доказанного факта против меня*, кроме тех, что основаны на *обстоятельных*, как называет их докладчик, свидетельских показаниях, а показания эти годами строились на клевете и злобных предположениях наших злейших врагов. В случае с Куломбами — на показаниях, которые г-жа Куломб постепенно готовила в течение пяти лет; в случае с парочкой Уимбридж и Бейтс (которые задолжали нам 1500 рупий тоже за пять лет и которые, будучи сейчас богаче, чем когда бы то ни было, желают оправдать свои неделикатные действия) — на ненависти и желании отомстить еще с тех пор, когда г-жу Бейтс исключили из Общества за клевету, злословие и сплетни, а вслед за нею последовал и Уимбридж.

Все враждебные свидетельства собраны г-ном Ходжсоном по кусочкам у наших злейших врагов — у дядюшки нашего Дамодара и у партнеров и закадычных друзей Уимбриджа, а также у нескольких скептически настроенных теософов, людей изначально ненадежных. На всем этом автор доклада выстраивает обвинительное заключение объемом в 200 страниц. Газетные вырезки украдены из моего письменного стола и рабочих бумаг; вырезки и фрагменты записей, которые не связаны друг с другом и могут означать *все что угодно* для тех, кто задался целью что-либо сфабриковать, Куломбы стянули с письменного стола Дамодара (к примеру, несколько строчек, написанных моим почерком, — перевод из какой-то русской газеты, по-видимому, для газеты «Pioneer» г-на Синнетта, а также отрывок из послания Учителя к Дамодару).

На основании этих обрывков и враждебных свидетельских показаний, подозрений скептиков и т. п. меня обвиняют в самом отвратительном преднамеренном обмане, в десяти годах мошенничества, лжи, розыгрыша, махинаций и интриг; потребовалось бы просиживать целыми днями для того, чтобы подделать три или четыре различных почерка на языках, из которых ни я, ни Дамодар (мой предполагаемый сообщник, который сейчас находится в Тибете и не может себя защитить) не знаем ни слова! Если уж должны быть сообщники, то в качестве таковых следует указать не только Дамодара, но еще и десяток других, которые были бы в состоянии и подделывать почерки *обоих* Учителей, и писать на восьми-девяти языках и наречиях, и вдобавок поднаторели бы в воспроизведении стиля и манеры изложения Учителей.

Кто «сфабриковал» *письмо Махатмы К. Х. д-ру Хюббе-Шляйдону*? Уж не полковник ли Олькотт, который находился рядом с ним? А если это сделала я, которая, будучи наделена пророческими способностями и ясновидением, написала это письмо и подготовила его заранее, то, должно быть, это полковник Олькотт разыграл трюк и подбросил послание, то есть сделал так, чтобы оно появилось в вагоне поезда за спиной д-ра Хуббе-Шляйдена? Что ж, давайте и дальше черните низкими подозрениями, обливайте грязью честнейшего из ныне живущих людей — человека, являющегося воплощением честности, бескорыстия, доброты, благожелательности и филантропии, неспособного ничего утаить, когда его спрашивают, ибо он краснеет до корней волос, стоит лишь чуть-чуть заподозрить его в неправде или в сокрытии чего-либо. Давайте, господа из Теософского Общества, продолжайте разрушать репутацию этого человека, губить его честь так же, как вы поступаете со мною.

Как могу я приступить к своей самозащите, если мне не дали даже издали посмотреть на те самые письма к Куломбам, на которые ссылаются обвинители? Как могу я отрицать то, о чем *ничего* не знаю? Что мне известно и что я *в состоянии доказать*, так это что отдельные обвинения, содержащиеся в докладе, совершенно абсурдны и не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики.

Прежде всего, написанная красными чернилами записка (не знаю, от моего ли Учителя, ибо я держала в руках этот *отчет* лишь несколько минут) Дамодару, найденная среди его бумаг (кем найденная — говорится ли об этом в докладе?), не имеет ничего общего с телеграммой из Джелама г-ну Синнетту от Махатмы К. Х. Начнем с того, что я находилась в Амритсаре, в двенадцати часах езды на поезде от Джелама, а Дамодар — в Бомбее, то есть в двух тысячах миль от Амритсара, а это четыре дня пути по железной дороге. Письмо Махатме от г-на Синнетта, отправленное из Аллахабада, я получила в Амритсаре, около двух часов пополудни, сидя за столом и будучи окружена людьми. Я отправила это письмо либо сразу же, либо через полчаса — сейчас не могу припомнить, ибо в данный момент у меня нет под рукою «Оккультного мира»*, чтобы свериться с ним. Думаю, что сделала это, когда гости уже разошлись.

Так или иначе, телеграмма, найденная позже и написанная почерком Учителя К. Х., была отправлена из Джелама спустя несколько часов, независимо от того, располагал ли *Он* физическим временем для получения письма от г-на Синнетта или нет. Так как же я могла, да и зачем я стала бы эту написанную красными чернилами записку посылать Дамодару за две тысячи миль, чтобы скопировать «джеламскую» телеграмму? Может быть, я отправила эту красночернильную записку по воздуху? Что ж, допустим, я принимаю данную гипотезу. Но откуда же взять несколько часов физического времени для того, чтобы моя записка (если это все-таки моих рук дело) дошла до Дамодара¹¹⁴ и чтобы он успел скопировать «телеграмму-оригинал» и отправить ее обратно через Джелам г-ну Синнетту в Аллахабад? Нелепо, полный абсурд!! Пусть Ходжсон еще раз попытается найти какой-нибудь иной *мошеннический* феномен, который соответствовал бы этому *документальному доказательству*, написанному «красными чернилами». Подобные документы, написанные красными чернилами и синим карандашом, Дамодар *ежедневно получал десятками, как и каждый чела, и поэтому он в Тибете* и гораздо счастливее, чем мы здесь. Бедный, благородный, самоотверженный молодой человек! Даже *он* очернен, опозорен, предан своим собственным дядюшкой, который всегда ненавидел племянника и завидовал ему, и ненавидел столь же сильно, как и меня; этот самый *дядюшка* и распоряжается сейчас деньгами Дамодара.

«Письма, на которые покушались и вскрывали»? Вскрыто письмо Гарстина. Как странно, что г-н Гарстин не заметил ни малейших следов подобного покушения в тот момент, когда он получил это письмо через Мохини! Разве нам не рассказывали, что он сам (Гарстин) пытался выяснить, не подвергалось ли его письмо вскрытию, пробовал его *раскаленным ножом*, показывал десяткам людей в течение целого года? А теперь, когда оно тысячи раз прошло через разные руки, из-за того, что один его уголок *выглядит потрепанным, это служит доказательством того, что его вскрывала я!* Когда? Откуда у меня взялось бы на это время?

Г-н Гарстин тщательно запер письмо в «раку» перед ужином около семи часов вечера. С того времени и до момента, когда оно свалилось на голову Мохини, *никто не выходил из комнаты — моей комнаты, где я могла бы проделать эту операцию и написать ответ.* Мои покои были полны чела и гостей, пока я около десяти часов вечера не отправилась спать. Ответ, должно быть, пришел около семи (?), и я уверена, да и Мохини может это засвидетельствовать, что я ни на мгновение не оставалась одна. Кто же совершил эту операцию и написал письмо от Махатмы, вложенное в *нераспечатанное* письмо г-на Гарстина (*заклеенное и запечатанное* со всеми предосторожностями), которое, очутившись среди нас, *было незамедлительно вручено* Мохини г-ну Гарстину?

А как насчет письма г-ну Хьюму из Дома правительства (или из муниципалитета — не могу с уверенностью вспомнить). Это письмо было получено в 1881 или в 1882 году. На него никогда не падало подозрения; я никогда не слышала, чтобы г-н Хьюм кому-либо говорил что-либо подобное, а ведь он наверняка сказал бы, и *первым делом* — г-ну Синнетту. Если г-н Синнетт так и не услышал об этом ни от г-на Хьюма, ни от близких друзей и сотрудников, когда он (Синнетт) находился в Индии, то, значит, г-н Хьюм попал пальцем в небо спустя три-четыре года после подобного *вскрытия*. Как может кто-либо (а меньше всех — слуга-магометанин) *помнить, что он передал* одно из тысяч получаемых г-ном Хьюмом писем, и именно *то* письмо, о котором идет речь, человеку по имени Бабула? Кто мог бы это вспомнить, и почему слуга не вспомнил об этом в тот день, когда г-н Хьюм организовывал самое тщательное расследование на предмет того, кто принес это письмо, когда и как? Станным образом запоздавшее воспоминание! Однако это не удивляет нас с г-ном Синнеттом, ибо мы досконально знаем характер г-на Хьюма.

Еще в одном своем бесценном свидетельстве г-н Хьюм если и не выходит за рамки здравого смысла, то заходит достаточно далеко, чтобы в целом свести на нет плоды

¹¹⁴ В то время с нами не было ни Деба, ни Бабаджи. Они приехали годом позже! «Деб» — это титул. — *Е.П.Б.*

собственных усилий. Передо мною квадратный листок тибетской или непальской бумаги с записями Учителя, сделанными красными чернилами, и моими записями, на основе которых *действительно давала свои первые уроки тайной философии* (из которых затем вырос «Эзотерический буддизм»* в музее и студии г-на Хьюма в его доме в Симле в 1881-1882 гг.). Г-н Синнетт и г-н Хьюм хорошо помнят этот листок, они видели, рассматривали и изучали его много раз. Так как же тогда г-н Хьюм заявляет, что Учителя *стали писать на такой бумаге только после того, как я побывала в Дарджилинге, где, по его словам, я могла раздобыть подобную бумагу?* Я поехала в Дарджилинг *только в конце 1883 года — более чем через два года* после того, как я обучала этих господ по записям на том самом листке. Так как же быть с этим действительно *ложным* свидетельством?

Пытаются ухватиться за любую ничтожную мелочь, чтобы обратить ее против меня. Стоит г-ну Синнетту в одном случае сказать, что «не прошло еще и тридцати секунд», а в другом — что «не прошло и минуты», как его тут же ловят на жутком противоречии между этими двумя фразами, и его свидетельство *в мою пользу* попросту обесценивается. Г-н Хьюм может высказать *очевидную ложь*, нечто совершенно не соответствующее действительности — умышленно или по забывчивости, не берусь утверждать, — однако он приводит ложное доказательство, и *все ему верят*. Разве это честно и справедливо? Разве это милосердно, разве это по-джентльменски, когда жизненную репутацию и честь беззащитной женщины ставят на карту — нет, *рвут в клочья, разбивают вдребезги?*

Меня обвиняют в том, что я одна, без посторонней помощи, написала «[Разоблаченную] Изиду», все статьи в журнале «Theosophist», все письма обоим Махатм, что я придумала и Их самих, и Их почерки, и Их философию. Прекрасно. Если будет доказано, что я сделала это не ради *выгоды*, то есть не ради денег, ибо на сегодняшний день я *нищая* и никогда не имела за душою ни гроша, поскольку все, что я получила за свои статьи и романы на русском языке (несколько тысяч рублей), я отдала Обществу; если впоследствии выяснится, что обвинение в том, что я являюсь *русской шпионкой*, откровенно абсурдно (вся Индия обхохочется, прочитав об этом), а г-ну Хьюму с г-ном Синнеттом это хорошо известно; и если от обоих этих *мотивов* обвинителям придется отказаться, то к чему же тогда понадобились все эти *красочные небылицы*, которые распространяются уже более двенадцати лет? Ради «известности и славы»?

Да разве я не добилась бы гораздо большей известности и славы, заяви я, что «[Разоблаченная] Изида» со всеми ее недостатками и несовершенствами (*лишь теперь* обнаруженными) была написана *лично мною* десять лет назад, когда я не могла правильно написать по-английски и двух фраз; что я — единственный автор всех философских статей в журнале «Theosophist»; что я — автор, придумавший «Тайную Доктрину» (подтверждения правильности которой теперь постепенно обнаруживаются в сотнях до сих пор *непереведенных* томов, написанных на древнем санскрите); я, работающая сейчас над «Тайной Доктриной» — книгой в сто раз более философской, более логичной и более насыщенной эрудицией, нежели «Изида», — в полном одиночестве пишущая ее в Вюрцбурге, окружив себя массой книг (отнюдь не справочников)?

Неужели идея того, что автором является одна-единственная женщина, которая сама, *без всякой помощи*, взяла все это исключительно из собственной головы, не казалась бы в десять раз чудеснее и не стала бы в десять раз более надежной дорогой к славе, нежели возложение ответственности за авторство на адептов?

Если бы я хотела *прославиться, сделать себе имя*, я бы заявляла, что все производимые мною феномены основаны исключительно на *моей* силе. Я могла бы аналогичным образом заявить, что они имеют *неспиритуалистическое и немедиумическое* происхождение, и утверждать, что эти чудесные феномены произвожу *исключительно я сама*, и мне хватило бы славы, уверяю вас. Но разве я когда-либо претендовала на какие-то *личные* способности? Нет, кроме случаев со звоном колокольчиков, с постукиваниями и прочими электрическими феноменами, а иногда с ясновидением, я никогда не произносила ничего, кроме одной и той же стереотипной фразы: «Если Учителя или их чела помогут мне, то я смогу то-то и то-то, *если же нет* — я ничего не сумею сама». Можно ли назвать это стремлением к славе? Я была *сильным, очень сильным медиумом*, пока Учитель полностью не избавил меня от этих опасных, *губительных для души* способностей. С тех пор я не могу ничего.

«Сходство стилей», одни и те же ошибки, особенности орфографии, галлицизмы и т. д. и т. п. *Следовательно*, я — это Махатма К. Х., а *он* — это я. Но почему бы не истолковать это правильным способом? Расспросите Олькотта, Джаджа и всех, кто знал меня в Америке *еще до того, как я написала* «[Разоблаченную] Изиду». Они вам расскажут, что я тогда с трудом изъяснялась по-английски, что большинство страниц «[Разоблаченной] Изиды», где есть хоть

что-то, достойное прочтения, было продиктовано мне Учителем К. Х.; порою он диктовал мне по 30-40 страниц за раз, причем без единой ошибки, о чем знают Олькотт и д-р Уайлдер; они расскажут, что писать по-английски меня учил Учитель, и, как и Он, я писала в «[Разоблаченной] Изиде» слово «sceptic» через букву «к» («skeptick»), а вместо «Bacchus» писала «Bakkus»* и т. п.

Я изучала английский в детстве, однако к 1868 году уже перестала на нем говорить. И только с февраля 1868 до 1870 года, примерно девять-десять месяцев, а затем еще около полугода я говорила с Махатмой *исключительно по-английски*, ибо не владела ни тибетским, ни хинди. Могу сказать, что свои скромные познания в английском, с которыми я в 1873 году приехала в Америку, я заново получила *от Него*. *Писать по-английски я, безусловно, училась у него*, в процессе работы над «[Разоблаченной] Изидой». Приехав в Индию, я начала писать слово «sceptic» (слово, к сожалению, слишком часто употребляемое в нашем Обществе) через букву «с», поскольку над прежним моим способом написания стали смеяться. К. Х. же так и продолжал писать по-своему. Он торопился и написал через меня сотни писем, *прежде чем я отправилась* в Америку и повстречала там Олькотта, однако мой Учитель возражал, утверждая, что это — *медиумизм*. Я тогда действительно думала, что первое письмо, которое Он послал г-ну Синнетту, было написано в Симле через меня, однако Он сообщил мне, что я ошибаюсь. И г-н Синнетт также в это не верил. Что же касается *моего Учителя*, то он не знает ни слова по-английски. Для каждого из написанных им писем ему приходилось заимствовать английские слова и выражения либо из моей головы, либо из головы кого-нибудь из своих чела, владеющих английским. *Чудес в природе не бывает*. Все происходящее должно иметь свою причину и свое следствие.

Теперь относительно доказательств того, что я *придумала* Махатму. На протяжении более чем двадцати лет, с 1858 по 1881 год, я старалась говорить о Них как можно реже. Сообщила по секрету лишь Олькотту и Джаджу. Все прочие вынуждены были довольствоваться какими-то полунамеками. Я старалась сохранять в тайне личности Учителей, их имена, местопребывание. И когда в Симле в эту тайну в конце концов были посвящены г-жа Хьюм и г-жа Синнетт, тогда-то и начались мои злоключения. Мне пришлось изо всех сил противостоять попыткам разглашения и профанации Их имен. Господа Хьюм и Синнетт знают об этом. Г-н Синнетт обратился к Махатме К. Х., и Он дал ему разрешение на написание «Оккультного мира».

Приближался конец столетия, и надо было попытаться открыть глаза непросвещенной публике, а меня избрали в качестве жертвы — точнее, в качестве *удобрения для возможного* будущего урожая. Но мне не удалось избежать той самой огласки, причем слишком резкой, слишком неожиданной. Спиритуалисты и материалисты стали выступать с протестами, и счет моим врагам пошел на тысячи. Я упрашивала Олькотта не ссылаться слишком открыто на имена Учителей и на феномены. Он получил от *Учителя* приказ прекратить вести разговоры о Них. Но остановить Олькотта в его восторженном порыве — с тем же успехом можно было пытаться остановить бушующий ураган. Полковник и не думал прекращать. Тогда Маха Коган* велел мне передать Олькотту, что если тот и дальше будет продолжать в том же духе, *то на нас обрушатся несказанные беды*. Это было в 1883 году, когда полковник отправился на Цейлон.

Еще одно предупреждение пришло, когда он поехал со мною в Европу. Я писала ему из Парижа в Лондон: «Оставьте в покое ОПИ*. Учитель говорит, что вы таким образом погубите все дело». Я упрашивала, умоляла Олькотта, *но ничто не могло остановить его*. Он пичкал их (психистов) рассказами о самых удивительных феноменах; дошло до того, что его стали считать либо помешанным, либо дураком, *легковерным*. Теперь это стало *его личной кармой*. «Слава»? Знаете, почему я ужаснулась, прочитав «Оккультный мир»? Там есть фразы вроде: «Это разрешил сам Махатма К. Х.». Махатмы никогда ничего не запрещают, ибо тем самым они препятствовали бы свободному волеизъявлению людей, вмешивались бы в их *карму*. Махатмы *смеются* над всей этой нынешней возней — *если, конечно, обращают на нее внимание*, в чем я сильно сомневаюсь, хотя, разумеется, они о ней знают. Таким образом, постоянно проявляя с 1858 по 1880 год *чрезмерную осторожность* с тем, чтобы люди ничего о Них не узнали, я сейчас сталкиваюсь с обвинениями в свой адрес: *я, дескать, Их выдумала*.

В качестве полумеры я выбрала одно средство: сделать Их широко известными, но рассказывать не о том, кто Они такие, а о том, *кем Они не являются*, и теперь меня обвиняют в том, что я сама играла Их роль, изобрела Их почерки и т. д. и т. п. Конечно, я никогда не отвечала на расспросы о Них так, словно на расспросы о д-ре Хьюббе-Шляйдене или о ком-либо еще. Я никогда не говорила неправды, однако о многом умалчивала *и буду продолжать умалчивать обо всем, что касается Их*, вплоть до своего смертного часа. Я связана клятвой и буду ей верна, даже если из-за нее меня публично сожгут на костре или повесят.

Г-н Хьюм усматривает доказательство неумения Махатмы К. Х. разбираться в характерах людей и прочем на основании того, что Он хвалил того молодого человека, который Его обкрадывал? Бедный слепец! Г-на Синнетта *Махатмы предупредили об обязательстве сохранения тайны* с самого начала. Так же как и полковника Олькотта. Это г-н Хьюм *навязал молодого человека* Махатмам. Это г-н Хьюм любил его (молодого человека) за чистоту, способности к ясновидению и мистические наклонности; сам же г-н Хьюм называл моего Учителя *несправедливым, жестоким*, да какими только эпитетами не награждал Его за отказ взять юношу к себе в чела! Что ж, прошел год, и мой Учитель написал молодому человеку: «Принимаю тебя *на испытательный срок*»; вот тут-то и выявилась его *внутренняя* природа, его подлые воровские наклонности, его лицемерие и все прочее. Г-н Синнетт был об этом предупрежден. Он знал, что и г-на Хьюма, и его секретаря подвергают испытанию. И еще за неделю до того, как г-ну Хьюму стала известна вся правда, мой Учитель велел полковнику Олькотту исключить молодого человека за растрату. Да что толку рассуждать о том, чего не поймет *никто* из несведущих ни в обычаях Махатм, ни в *законах и правилах* ученичества! Как можно подходить с обычными мирскими мерками к правилам и законам Восточного Братства, во всем диаметрально противоположным европейскому образу жизни!

Больше мне сказать нечего. Я готова ответить на любой вопрос, касающийся *лично меня*. Но об *Учителях* ничего не стану говорить. Они для меня священны, и я готова тысячу раз пойти за них на смерть, если это принесет какую-то пользу Им или пойдет на благо человечеству. В этом моя *открытая общественная* работа, а древо теософии познается по плодам своим. Сотни распутников, пьяниц и ужасных материалистов стали чистыми и добродетельными людьми, десятки вернулись к своим брошенным женам и семьям.

Порасспросите обо мне людей, живущих в Индии, ибо одна вещь из всего отчета соответствует действительности: я пользуюсь в Индии влиянием, выходящим далеко за пределы Общества. Расспросите их: кто пять лет трудился, стараясь примирить туземцев с их судьбой, вызвать в них братские чувства к англичанам, зародить в сердцах местных жителей благодарность к англичанам за благо, которое они приносят, просвещая коренное население, и пытаюсь пробудить в них прощение за презрение и ненависть, выказываемые завоевателями по отношению к «низшей расе»? Спросите их, *добро или зло* творила я в Индии, а уж потом судите. Имя Учителя сделалось в Индии семейным *талисманом*, оберегающим от бед. В 1857 году Учителя спасли англичан в Индии от поголовного истребления, это Они спасли их от революции во время принятия билля Илберта, и об Учителях можно говорить как о Боге и о Христе. Если бы их не существовало, *то их следовало бы выдумать* — за то благо, которое *одни лишь их имена* приносят тем, кто верит в Них.

Что ж, *если я их выдумала*, то таким образом я принесла благо азиатскому человечеству. И пусть *европейское* человечество в своей традиционной *каиновской* манере побьет меня камнями.

Е.П.Блаватская

Письма Камилле Лемэтр

Письмо 1

18 ноября 1887 г.

Уважаемая г-жа Лемэтр!

Не окажете ли вы мне большую услугу? Разрешите мне перевести некоторые фрагменты о будущем теософии во Франции, присутствующие в вашем письме.

Они великолепны по своей правоте и красноречию и выражают больше, нежели все, что

было написано о теософии до сих пор. В своем переводе я опущу имена и могу опубликовать все это в форме выдержек из письма. Я подпишу публикацию вашим именем, если захотите, либо поставлю «Х», или что пожелаете. Только не откажите мне и разрешите напечатать эти фрагменты в журнале «Lucifer», ибо, еще раз повторяю, они *великолепны*, честное слово.

Пожмите за меня руку вашему мужу и передайте ему мои уверения в совершеннейшем к нему уважении, а вас позвольте обнять, как свойственно сестре, которая восхищается вами и ценит вас за человеколюбие.

И сердцем, и разумом всецело ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 2

Дорогая г-жа Лемэтр!

Мое письмо вас удивит, но надеюсь, что вы прочтете его внимательно и без нетерпения, а также без какой-либо предвзятости. Я взываю к вашей женской интуиции, дабы убедить вас в истинности того, о чем я вам пишу, ибо если мне не удастся добиться того, чтобы вы узрели истину, то это мое письмо окажется последним из когда-либо адресованных вам. Однако даже это никоим образом не изменит тех чувств подлинного уважения и симпатии, которые я к вам испытываю. Ведь я знаю вас не интеллектуально, а *духовно*, а духовные ощущения меня еще никогда не подводили.

Простите меня за предисловие, но оно необходимо. Теперь, когда я сообщила вам, что *мне известно содержание писем, которые Габорио написал вам обо мне, что мне известно, что именно говорил он обо мне, и что я читала ваши ответы*, — теперь вы поймете, почему я вам пишу. С тех пор как я получила ваше последнее письмо, многое изменилось. *Вы, продолжая оставаться теософом, утратили желание поддерживать личное знакомство со мною*. Почему же? Кто из нас изменился: я или все-таки Габорио? Из преданнейшего друга он превратился почти что во врага. И я прошу вашего разрешения поговорить с вами именно о нас двоих.

В первую же очередь задайте себе вопрос: зачем, с какою целью стала бы я вас обманывать или *играть на ваших чувствах*? Я никогда вас не видела, и только в связи с тем, что скончался наш бедный друг Драмар, я впервые услышала ваше имя. Вы написали мне письмо, до такой степени проникнутое суровой правдой об Олькотте — о человеке и моем друге, вот уже четырнадцать лет работающем, впрягшись со мною в одно ярмо, которое калечит нас чуть ли не до смерти, — что, будь я на самом деле той женщиной, какой меня изображает вам Габорио, я вместо того чтобы выказывать вам уважение и симпатию за вашу искренность и прямоту, даже не стала бы подтверждать получение этого письма. Уже сам факт того, что я вам сейчас пишу, говорит сам за себя. Что вы можете сделать *для* меня или *против* меня? Ничего. Габорио мог бы написать целые тома против Общества или моей скромной персоны, так ничего этим и не добившись.

Теософское Общество, *внешне* совершенно обветшавшее, в основе своей незыблемо; фундамент его — несокрушимая скала, игнорирующая людскую клевету и бессильные попытки поколебать ее. Боюсь ли я грязи, которую швыряют мне в лицо? О господи! Да я настолько к ней привыкла, что начинаю пользоваться ею вместо мыла. Пусть швыряются, с каждым новым броском я становлюсь лишь еще чище для тех, кто меня знает. Я никогда никому не причиняла вреда и потому никого не боюсь и предоставляю все *карме*. Но я ценю вашу дружбу. Вы для меня — родная душа, и мне было бы горько сознавать, что вы испытываете в отношении меня несправедливые подозрения. Поэтому, прощая вас, — ибо вы меня не знаете и у вас нет оснований не верить тому, что вам рассказывает Габорио (а я его хорошо узнала за эти два года, уж поверьте мне!), — считаю своим долгом, раз уж вы теософ и не можете не быть им и впредь, предупредить вас о том, чего вы не знаете. *Изменился Габорио*, а вовсе не я. Я убеждена, что он с некоторых пор принимает *гашиш*. Если это не так, то, значит, им управляет некая мерзкая сила, под влияние которой он попал на одном из спиритических сеансов, которые он часто посещает. Суть в том, что Габорио изменился до *неузнаваемости*, даже для своего лучшего друга, Куломба, которого он обвиняет в том, что тот находится под моим влиянием!

Габорио только что произвел в нашу сторону свой первый пушечный выстрел — в последнем номере своего журнала «Lotus». Еще месяц — и он основательно займется Олькоттом, Обществом и мною. Надвигается повторение истории с г-жой де Морсье, которая сначала целует мне руки и подол моего платья, да так, что мне аж тошно становится, а затем начинает меня ненавидеть под совместным руководством г-жи Леонар и г-на Соловьева и принимается обеими руками забрасывать меня комьями грязи! «Bulletin of Isis», против лжи которого боролся Габорио, просто ничто по сравнению с последним номером журнала «Lotus» (за октябрь-ноябрь), напичканным примечаниями Габорио и его «комментариями редактора». Ах, сударыня, настало время возопить вместе с Исаией: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю (ты, о Лотос!), попиравший народы»*, — низвергся до уровня «Bulletin of Isis», столь обильного ложью и клеветой! А между тем этот бедняга Габорио — отнюдь не лжец и не безнравственный человек по своей природе. Он наверняка находится под каким-то *внешним* влиянием — это очевидно.

Давайте, сударыня, как «Папюс и К°», распространяться об Учителях больше, чем наговорил Габорио в своем первом комментарии (на первой странице?). Нет, я не «единственная» знакома с Учителями. С ними знакомы и многие другие, и *Учителя действительно существуют*. Где и когда даже самой г-же де Морсье удавалось продемонстрировать более сокрушительное презрение к теософам, которых она считает «любителями читать мораль другим», нежели это делает Ф.К.Габорио, посылающий своих сторонников заполнять съезды и гоготать (как гуси?), заранее хихикая над негодованием теософов по поводу *прославления пьянства* Нумы Пондуэна? И не лучше ли *хотя бы читать проповеди* против пьянства, пусть и не следуя им, нежели прославлять наслаждение оным даже в эклектическом журнале? Создается впечатление, что этот человек намерен порвать с теософией. И какое солидное «обозрение», какой журнал, руководимый «серьезным теософом», как он сам именуется, занимался публичным полосканием своего «грязного белья» более открыто, нежели Габорио в своем «Little Theosophical Bulletin»? Это еще цветочки: в следующем номере появятся и ягодки.

И к чему все это? Что я ему сделала? Это правда, что полковник Олькотт был несправедлив к Габорио. Но если бы вы знали Олькотта так же хорошо, как я и многие другие, то вы бы поняли, что, прав он или не прав, он готов принести в жертву себя, меня и вообще кого угодно во имя того, во что он верит, — во имя интересов Общества. Он проявил несдержанность, поддавшись *вкрадчивым уговорам* врагов Габорио, и, кроме того, ему надоели упрямство, недовольство и злоба последнего. То, что Габорио шел на жертвы ради Общества, посвящая ему свое время, свои жалкие гроши, свои последние деньги, не могло растрогать Олькотта, как растрогало бы кого-нибудь другого, и причина этого очень проста. *Олькотт — фанатик*. Он пожертвовал своей семьей, счастьем, положением в обществе, карьерой преуспевающего адвоката в Соединенных Штатах, родиной и фактически своей жизнью ради человечества, и прежде всего — ради угнетенных, преследуемых и обездоленных. Перед ним благоговеют тысячи индусов; десятки тысяч бедных детей, гонимых нуждой прямо в лапы миссионеров, полковник спас, определив их в теософские школы, где их стали *бесплатно* воспитывать за счет теософских лож Индии. А сам Олькотт сделался *нищим*. У него нет ни цента даже на то, чтобы купить себе ботинки, да он и тратит-то на себя не больше, чем я, то есть ни гроша, все деньги расходуя на нужды Теософского Общества и его работу — *труд всей нашей жизни*. Ибо у нас лишь одна цель: воспитать, насколько это возможно, новые поколения, детей теософов, в идеалах альтруизма и Всемирного Братства. Каждые двадцать пять франков, которые изыскивает полковник, идут на оплату учебы и пропитания тех несчастных, которые в противном случае угодили бы в сети, раскинутые миссионерами.

Ах, сударыня, сатира — дело нехитрое, а вот искусство — это тяжелое занятие. Габорио может насмеяться над этими маленькими кусочками бумаги, наклеенными на холст, но если бы вы знали всю правду об Олькотте, — вы, готовая отдать свою жизнь за бедных и за идеалы социализма, — вы бы прекрасно поняли, что отнюдь не Габорио мог бы поступиться во имя теософии *хотя бы одной из идей, за которые он цепляется*, между тем как Олькотт за четырнадцать лет ни разу не колебался. Обращал ли этот старик какое-либо внимание на задевающие его оскорбления, нападки недругов или на всякие сплетни? Разве его когда-либо останавливали соображения личного характера, уязвленное самолюбие или тщеславие? Какой человек способен отдать *больше, чем наш полковник*? Да, Олькотту часто недостает такта и учтивости. Он проявляет слабыхарактерность, а нередко и легковерие, когда встает вопрос о необходимости понять мотивы, которые движут окружающими. Но он способен на поистине материнскую доброту к тем, кто в нем нуждается, и в то же время он тверд как скала, когда дело касается интересов Теософского Общества. Отсюда-то и вытекают его ошибки в суждениях.

Когда я убедила Олькотта по его возвращении, что он был несправедлив по отношению к Габорио, полковнику захотелось как-то исправить это. Однако было уже поздно, ибо Габорио заупрямился и заявил, что знать не желает Олькотта. Чья тут вина? Но я-то что сделала Габорио? Посмотрите, как он ведет себя по отношению ко мне — в благодарность за то, что я оказала ему максимальную поддержку и чуть было из-за него не рассорилась навсегда с Олькоттом. А ведь я, вероятно, пошла бы на это, рискуя развалить Теософское Общество в Европе, если бы, на мое счастье, Габорио не продемонстрировал обратную сторону медали — свою безудержную назойливость, деспотизм и непрошибаемое упрямство.

Что ж, он меня не сломит, даже если ему и удастся посорить меня кое с кем из моих друзей. Меня, которую Габорио всего лишь несколько месяцев назад выставил образцом всех добродетелей, он теперь порочит в письмах, адресованных своим друзьям. Я прочитала ему ваш ответ, уважаемая г-жа, который он переслал г-ну Куломбу, — ответ, исполненный такта и мудрости, в котором вы призываете Габорио не обращать внимания на цвет волос или глаз тех, кто несет нам истину, и в конце говорите, что неважно, насколько плохи мы (Олькотт и я), что это никоим образом не сказывается на тех истинах, которым мы учим и т. д.

Это было благородное письмо, сударыня, но, к сожалению, Габорио не последовал вашему мудрому совету. Для этого человека его скромная персона является «Великим Все», а что же до наших маленьких личностей, то они, очевидно, существуют лишь для того, чтобы служить и удовлетворять его! Вскоре настанет день, сударыня, когда вы убедитесь, насколько изменился этот несчастный молодой человек, и вы будете верить его словам столь же мало, как и этот бедняга Куломб, его лучший друг с детских лет, человек, который любит Габорио больше, чем тот себе представляет, и который пребывает в отчаянии от того, что происходит. Куломб — истинный теософ, готовый, как и мы, пожертвовать собою ради блага других. И он утверждает, что если Габорио не изменится, причем довольно скоро, то он тоже будет вынужден порвать и с Габорио, и с журналом «Lotus». Потому что Габорио забрасывает его письмами, полными клеветы и откровенных выдумок про Олькотта, про меня и всех прочих, и просит Куломба *показывать их мне!* И эти фантастические измышления, если их изучить, на проверку оказываются всего лишь выдумками, *гашишными* видениями. К тому же, не успев письменно изложить какой-либо нелепый *факт*, Габорио в следующем письме отрицает его. Это *ненормально*. Так, он утверждает, что идея добавить еще какое-нибудь слово к названию «Lotus», о чем я просила его, дабы отличать это название от издания «Lotus» г-на де Рони (*обозрения*, просуществовавшего уже *семь лет*), — это всего лишь заговор, организованный полковником и де Рони, а они *оба — масоны (!)*.

Начнем с того, что полковник Олькотт не является масоном, а если бы даже он и был таковым, то что он мог бы иметь против названия «Lotus»? Далее, Габорио обвиняет меня в том, что я дала Папюсу* или г-ну Арнолду ответы на мистические вопросы, в которых я отказала (по его словам) «Изиде». Никогда я ничего подобного не говорила ни Папюсу, ни г-ну Арнолду. Последний принадлежит к Эзотерической Секции, и неважно, является ли он президентом ложи «Гермес» или нет; он будет получать вместе с множеством других людей те же инструкции, что и прочие члены секции, *не больше и не меньше*. Однако Габорио уверяет Куломба, что Арнолд был спиритистом и, потеряв жену, стремится лишь к одному: *общаться с нею* при моем вмешательстве!! Во-первых, я не медиум; во-вторых, я ненавижу спиритизм, и, наконец, Арнолд — не спиритист, ибо все, кто становится членом Э[зотерической] С[екции], должны отринуть спиритизм и тонкие *материализованные* формы.

Г-н Габорио совершенно не выносит Эзотерического Общества. Он называет его чистейшим *фарсом*. Он был вправе отклонить хартию, которую я предложила ему, но не имел никакого права называть «единственную *серьезную секцию* Теософского Общества» чистейшим фарсом. Я первая предложила Габорио не подписывать «Клятву»*, ибо он ни за что не смог бы соблюдать свой обет. Посылаю вам текст «Клятвы», подтверждающий, *насколько сильно, до неузнаваемости*, должны измениться вступающие в секцию. Это единственный способ заставить их трудиться на благо человечества, работать ради бедных. Они не станут ничего делать, если я не обеспечу им вознаграждения, и я, как обычно, пожертвовала собою. Это будет еще одна обязанность, которая станет отнимать у меня все мое время и все силы, а в качестве благодарности я буду получать одни лишь жестокие удары. Но я убеждена, что по крайней мере кое-кого из этих людей я сумею сделать теософами и помогу им развить свое *высшее, сокровенное* Эго. А Габорио над этим насмехается!

Вот вам, сударыня, и вся правда. Я дала честное слово г-ну де Рони, что попрошу г-на Габорио прибавить к слову «Lotus» какой-нибудь эпитет вроде «философский», если слово «теософский» ему будет не по душе. Соображения, о которых здесь слишком долго рассказывать, *заставили* меня пообещать (и я была уверена, что Габорио мне не откажет, поскольку мое имя фигурирует на обложке журнала «Lotus»), что в случае, если он откажется

выполнить мою просьбу, я потребую убрать мое имя как «вдохновительницы» данного *обозрения*. Габорио отказывается из чистого упрямства; он не только приглашает меня писать для журнала «Lotus», как и в прошлом, но и просит позволить ему публиковать на страницах его журнала «Тайную Доктрину». Это невозможно. Когда он изменит название журнала — пусть сделает свой «Lotus» «белым», «синим», «красным», «эkleктическим» или «философским» — и когда даст мне слово больше не третировать полковника в своих бюллетенях и не выносить сор из избы, тогда я сделаю для него все что угодно. Я ежемесячно буду писать для него статьи, я предоставлю ему исключительное право на перевод и дам разрешение публиковать в журнале «Lotus» отдельные главы из «Тайной Доктрины» или даже всю ее целиком. Что еще я в состоянии ему предложить? Но Габорио хочет всего этого, не изменяя ни слова в названии своего журнала и продолжая оскорблять полковника и прочих в журнале, «вдохновляемом Е.П.Блаватской», и не желает отступать ни на шаг. А когда я отказываюсь помогать ему на таких условиях, он обзывает меня «курильщицей», «лгуницей», «предательницей» и т. п.

Вам судить и решать, уважаемая г-жа. Если Габорио наговорил вам нечто, противоречащее тому, о чем я вам пишу, то это потому, что он не в себе и воображение подбрасывает ему иллюзорные картины. Но позвольте вас спросить: разве, поступая таким образом, он не предает забвению и поруганию все то благо, что он успел принести Теософскому Обществу и нашему делу? Как может он называть себя серьезным теософом, если из-за слегка (или даже сильно, если ему угодно) уязвленного самолюбия и каких-то личных соображений он посылает теософию ко всем чертям и ведет себя в тысячу раз хуже Папюса и К^о?

Вам, сударыня, решать, кто из нас двоих говорит вам правду: Габорио или я.

Между тем, как всегда, исключительно преданная вам

Е.П.Блаватская

Письмо 3

31 декабря 1888 г.

Милая и добрая г-жа Лемэтр,

самая *теософская* из всех моих друзей!

Позвольте мне называть вас **другом**, ибо независимо от того, станете ли вы эзотериком, останетесь ли в Т[еософском] О[бществе], хотите ли вы быть моим другом или нет, я — *ваш преданный друг, верный вам до самой смерти*.

Почему? Постарайтесь понять, опираясь на свою интуицию. Я очень хорошо вас узнала; я увидела Камиллу Лемэтр во всей наготе ее души, ее сердца, и этого для меня достаточно. Если бы мы имели у себя в Теософском Обществе десяток теософов, подобных вам, то мы покорили бы весь мир, и множество разбитых сердец обрело бы утешение, и многие *невольные материалисты* прозрели бы и смогли бы ясно видеть во тьме.

Ах, как долго размышляла я над вашим прекрасным письмом, которое вы позволили мне перевести и опубликовать и которое вот-вот появится в январском номере журнала «Lucifer»! Размышляла ночи напролет и нашла-таки некую тропинку, скорее даже щель, которая, как бы узка она еще ни была, поможет пробиться лучу света во мраке и хаосе, царящих среди теософов Франции. Вы ведь помните ваше письмо? То самое, где вы излагали свои идеи — ваши с Драмаром идеи о том, как лучше вести пропаганду во Франции: посредством литературы, ворохами распространяемой во Франции среди простых людей, среди бедноты, нуждающейся в утешении и поддержке.

Что ж, полагаю, я нашла этот способ. Я говорила вам о г-не Арнольде. Кажется, я рассказывала вам, что он вступил в Эзотерическую Секцию, что это — бедная, страдающая душа, человек, который, когда умерла его жена, решил, что для него все кончено?

Некоторое время назад он написал мне пространное письмо — *настоящую исповедь*.

Послание это сокровенно, и я не могу о нем рассказывать, но думаю, что мне удалось его утешить, показав ему Истину — ту, что ведет к высшему утешению, ибо только в любви к человечеству можно вновь обрести всю ту любовь, которую считаешь утраченной навсегда. Думаю, он на правильном пути, уверена в этом.

Недавно (недели две назад) я написала ему в письме, что я в отчаянии при виде того, что во Франции становится все тяжелее и тяжелее что-либо сделать. «Lotus» мы для себя потеряли, «Initiation», между нами говоря, никуда не годится: целый список дел! У Папюса нет священного огня; он любопытен и, боюсь, не из тех, кто обладает широким сердцем. В конце концов я заговорила с ним о необходимости иметь свой журнал, наш собственный орган — *ультратеософский* орган, чье направление стало бы сердцем и душой теософии: *все во имя блага других*, и никакому *эгоистическому* элементу не позволялось бы проникнуть в него.

Папюс с восторгом воспринял эту идею. Но что мы можем сделать? Папюс вынужден трудиться, чтобы заработать себе на жизнь, как и остальные из нас. Чтобы обеспечить существование журнала, потребовался бы капитал, по меньшей мере, в четыре тысячи франков в год. Я подумала о небольшой компании вроде нашей — об обществе по работе с документами. Пообещала изыскать здесь две тысячи франков, а может быть, и больше. Написала графине д'Адемар — американке, которая происходит из простонародья, несмотря на богатство ее отца, женщине, которая может претендовать на принадлежность к аристократии исключительно благодаря имени своего супруга. Ранее она хотела предоставить небольшую субсидию журналу «Lotus», но Габорио в резкой форме отказался и ни за что не захотел принимать ее. Я возлагаю на графиню большие надежды. Арнолд поедет на встречу с ней, и я надеюсь, что они поладят друг с другом.

У меня тут в Париже есть три-четыре американца, принадлежащих к Эзотерической Секции; они сделают что смогут. Но Арнолд пишет мне, что при всех его благих намерениях и готовности руководить журналом так, как я ему укажу, он не знает английского, а больше всего потребуются именно переводы: глав из «Тайной Доктрины», материалов из журналов «Lucifer» и «Path».

Кто мог бы этим заняться? Арнолду нужен помощник. Кто-то, знающий, что нужно людям, и умеющий подбирать лучшие статьи. И я подумала о вас. Вы бы согласились протянуть нам руку помощи, дабы воплотить эту мечту, которая ведь является вашей? Ибо я хочу, чтобы журналом *действительно руководили бы вы*, то есть я буду руководить Арнолдом и майором К., а вы будете *направлять меня*, и клянусь вам, я буду делать все, что вы мне скажете, поскольку вы-то знаете вашу Францию, а я ее не знаю вовсе. Скажите мне, пойдете ли вы на это? Рассказывая Арнолду о вас, я показала ему ваше письмо (ту его часть, которая будет опубликована в журнале «Lucifer»), я неспособна на еще большую неучтивость, и посмотрите, что он о вас пишет. Он думает, что вы испытываете к нему антипатию. Но вы же писали мне прямо противоположное.

Милый друг, Арнолд — достойный и благородный человек, вы это увидите, когда познакомитесь с ним поближе. Он пострадал при Наполеоне III, пробыл в ссылке *целых девять лет* и сражался за простой народ. Вместе с Арнолдом и с его помощью вы могли бы привнести в Общество социалистический элемент. Это можно устроить, сделав так, чтобы журнал печатал Малон (только ни в коем случае не Карр!) В конце концов, если вы согласитесь, я все это препоручу вам. Арнолд хочет вам написать, позвольте ему — и увидите, что он вам скажет.

А теперь будь что будет. Если вы скажете «да», я примусь за работу, чтобы изыскать здесь деньги. *Без вас* журнал невозможен, да я и не хочу. Будьте так любезны, напомните обо мне г-ну Лемэтру и передайте ему мой братский привет.

Что же касается вас самих, то позвольте мне вас обнять с любовью. Поздравляю вас всех с Новым 1889 годом.

Всего самого наилучшего.

Е.П.Блаватская

Верните, пожалуйста, письмо Арнолда, когда прочтете его.

Письмо 4

Лэндсдаун-Роуд, 17
Холланд-Парк, Уэст-Энд

Милая моя, сестра моя!

Благодарю вас от всей души, равно как и вашего уважаемого супруга.

Кое-какие новости. «Если гора (ох, что за сравнение приходится к вам применять!) не идет к Магомету, то (лже) пророк идет к горе». Через несколько дней я буду в Фонтенбло (отель де ла Вилль де Лион э де Лондр) с визитом к моему теософскому и эзотерическому другу, г-же Иде Г.Кэндлер. Она громогласно зазывает меня! Кроме того, я заезжена до полусмерти всеми этими историями и преследованиями, а также работой по четырнадцать часов в сутки, и врач настаивает на том, чтобы я слегка отдохнула недельки две. Мне нужно сменить климат.

Буду крайне рада увидеться с вами, ибо уверена, что вы приедете, ведь правда же? Вы прочли статью г-жи Безант, члена Теософского Общества, в журнале «Lucifer»? Она горюю стоит за теософию, равно как и за социализм. Она согласна с вами.

Обнимаю вас от всего сердца.

Искренне ваша

Е.П.Б.

Не говорите о моем приезде никому, кроме двух-трех друзей: я не хочу ни с кем встречаться, умоляю вас!

Письмо 5

Суббота

Мои самые близкие друзья!

Я глубоко несчастна из-за того, что происходит! Вы мне писали, что между вами и графиней все улажено, и я не знала, что название «Altruist» так много для вас значит. Вот почему я поставила свою подпись под условиями графа и графини, почти не глядя на них! Какая мне была разница, если журнал — ее собственность, что только справедливо: ведь это она предоставляет средства? Какое значение имело для меня это изменение на обложке, где графиня д'Адемар фигурирует в качестве директора, поскольку «статьи, подписанные Е.П.Блаватской, и статьи, подписанные Амаравеллой, будут включаться как есть, без каких-либо изменений или погрешностей и без *какого бы то ни было контроля*»?

Коль скоро я могу ежемесячно делать *альтруизм* основой своих статей, я подумала, что это уже кое-что. У меня не было выбора. Графиня предоставила мне четыре тысячи франков, и если бы я отказалась, то никакого журнала не было бы вообще. Знаете, дорогие мои друзья, если сложить вместе все мое имущество — перекроенное верхнее платье, стоптанные шлепанцы да старые книги, — то они не будут стоить и ста франков; в конце концов, я периодически живу у некоторых преданных мне теософов, где мне не приходится ни за что платить. Так что же я могла поделаться? Что я хочу прежде всего, так это издавать *истинно* теософский журнал, который мог бы сохранить наши позиции в пику *спиритическому* «Lotus» и *масонскому* «Initiation», издаваемым Габорио и Анкоссом, которые публика считает двумя печатными органами теософии во Франции. Если бы у меня было три-четыре тысячи франков, то я бы вам сказала: возьмите дело в свои руки. Давайте издавать журнал «Altruist» для бедных вместе с Малоном и давайте сделаем из него *обозрение* ценою в пять-шесть франков

за экземпляр, чтобы оно было по карману каждому. Однако я не располагаю капиталом, я могу предложить вам лишь свой труд и свою жизнь! Возьмите их.

Но если бы я знала, что вы, мой дорогой друг, г-жа Лемэтр, будете для нас потеряны, я бы не стала подписывать эти условия, не пытаясь при этом протестовать. Умоляю вас, не отказывайте нам в вашей помощи. Графиня опечалена и спрашивает меня, что можно сделать. Видите ли, это ее муж все изменил, а она, очевидно, не желает идти против его воли и против его идей. Однако она вас искренне любит и сожалеет о том, что мы вас теряем! Не могли бы вы пойти на жертву, воистину небольшую жертву, и иногда помогать нам с редактированием, написанием статей или с переводами — в ожидании лучших времен? Кто знает, почему бы нам вскоре не набраться сил и не начать издавать свой еженедельник и простенькие брошюры, которые стоили бы совсем недорого и которые мы могли бы назвать «Theosophical Altruism»? Одно другому не помеха, и я готова трудиться не покладая рук.

Я, например, против идеи Арнолда ввести Анкосса в состав редколлегии! **Ни за что**. Или он — или я. Хотя он и не стал бы проверять и редактировать мои статьи, я все равно этого совершенно не желаю; я ему так и заявила. Слишком уж большую поддержку получают от него Сент-Ив и Гуайяр, а со мною он *чересчур хитрит*. Короче говоря, *я ничего этого не желаю*. Пусть он время от времени пописывает для журнала, но у него рыльце в пушку, и пусть он не встает в это дело, ибо я на это никогда не соглашусь.

Спасибо вам, дорогой г-н Лемэтр, за добрые и нежные слова обо мне, которые вы написали г-ну Арнолду. Но давайте забудем о моей скромной персоне и будем помнить лишь о теософии и о благе нашего общего дела. Я готова служить даже учеником в типографии под началом у графини, да и вообще у кого угодно, пока этот человек трудится для теософии.

И в конце концов, я все еще надеюсь, что вы нам будете понемногу помогать, мой самый дорогой друг. Давайте же в первую очередь сами будем *альтруистами*, давайте сами немного пожертвуем собою. Я так же, как и вы, была расстроена этими непредвиденными изменениями; однако первым делом — теософия, а уж потом — личные пристрастия. Вы получили инструкции № 1 и № 2? Их вам послали на английском языке. Если да, то напишите мне о них буквально два слова. Надеюсь, у вас все в порядке, и у г-на Лемэтра тоже.

Заверяю вас в том, что я навсегда и искренне ваша.

Е.П.Блаватская

Письмо 6

*16 октября 1888 г.
Лондон*

Дорогая г-жа Лемэтр!

Должно быть, в последние дни я казалась вам человеком, который с помощью теософии водит вас за нос. Почему я не ответила вам сразу же? На то были две причины.

Во-первых, ваши мысли сходны с моими; то, что *вы* почувствовали после прибытия президента, я ощущала в течение пяти лет, только что я знаю полковника Олькотта лучше и более реально оцениваю его. Во-вторых, я хотела предоставить вам доказательство того, что не все так мрачно, как вы думаете. Теперь все зависит от Габорио — и от вас, сударыня, ибо у вас гораздо больше энергии, чем у него. Если он проявит благоразумие, то сможет спасти Теософское Общество во Франции; если заупрямится — тут уж ничего не поделаешь. Позвольте мне обрисовать вам ситуацию, и вы поймете, что судили вы до сих пор по внешнему виду.

Начнем с того, что я вас понимаю, и ваш идеал Т[еософского] О[бщества] — это и мой идеал. Четырнадцать лет назад я основала Общество, призванное стать в первую очередь постоянным ядром *истинного Братства*, как представлял себе и г-н Драмар, а также центром мистической философии наших **Наставников** и их учения. В нем не было богачей и

аристократов. Все были равны: не было ни богатых, ни бедных, ни великих, ни маленьких людей — никого, кроме теософов. Принимали всех обездоленных, но честных людей, и они были в большем почете, нежели обласканные судьбою. Об этом говорится и в письме Учителя, несколько фрагментов из коего вы прочтете в книжечке, которую я вам пришлю со своими пометками. Мои идеи и устремления были те же, что и у Олькотта, и они до сих пор одинаковы, но, увы! сударыня, из хозяина он превратился в *раба* Исполнительного совета. Со времени моего отъезда из Адьяра (четыре года назад) члены Совета воспользовались моим отсутствием, а также скандалом, спровоцированным миссионерами, — этим заговором, который затеяли церковники и протестантские фанатики, дабы избавиться от меня в Индии, — чтобы связать руки полковнику Олькотту, подчинив его этому проклятому Совету, где у моих противников большинство голосов. Там заседают все мои недруги. Я была настолько больна, что они со дня на день ожидали моей смерти. Однако **Учитель** этого не пожелал, и меня исцелили.

Президент — сама доброта и честность, однако он слабохарактерный и к тому же американец, а вы прекрасно знаете, что для янки доллар — это всегда почет и никогда не может быть бесчестьем. Короче говоря, я мыслю не так, как Олькотт, и, понимая, что без меня он ни за что не сумеет избавиться от своего Совета и что Общество вскоре превратится в одну из множества вспомогательных ветвей, я приняла решение нанести сильнейший удар. Не принимая никакого участия в делах на протяжении пяти лет, я решила потребовать и *заново добиться* восстановления своих прав, а затем и усиления оных. Как основатель Общества и постоянный секретарь по переписке, я настояла на *буквальном* следовании правилам и уставу, сформулированным Учителями. Поскольку для этого не имелось никакой возможности в Теософском Обществе Индии, где члены Общества провозгласили себя *экзотериками** и где сокровенное Знание изучается отдельно, я предложила разделить материнское Общество на три части, три секции: одна — в Индии, другая — в Европе, а третья — в Соединенных Штатах, а во главе каждой из них, соответственно, три основателя. Полковник Олькотт остается президентом *вообще* и будет руководить обществами в Индии, У.К.Джадж — в Соединенных Штатах, а я — в Европе. Каждая такая секция, однако, является *sui generis*¹¹⁵ *полностью независимой ни от Совета в Адьяре, ни от Генерального совета, не подчиняющейся никому, кроме президента; но, поскольку президент (Олькотт) является простым членом моей секции, он находится у меня в подчинении и, следовательно, не может действовать против моей воли.* Возможно, это вас рассмешит, но дело обстоит именно так. Я хотела избежать скандала и спасти Т[еософское] О[бщество], и я это сделала.

Вот, посылаю вам журнал «Lucifer», где на последней странице вы сможете прочесть объявление *Эзотерической Секции* Теософского Общества, действующей под моим единоличным руководством. Таким образом, я имею право выдавать хартии в Европе и даже в Азии. Ибо стоит какому-либо собрату из материнского Общества вступить в Э[зотерическую] С[екцию], как ему становится просто больше нечего делать в этом Обществе, если только он не захочет состоять сразу в двух отделениях, одно из которых эзотерическое, а другое эзотерическое, что вполне возможно и разрешено уставом.

Так вот, ввиду того, что Габорио отклонил *эзотерическую хартию*, я предлагаю ему хартию *эзотерическую*, подписанную в первую очередь мною и только во вторую — полковником как моим коллегой. Материнское Общество будет представлять собою тело, а его Эзотерическая Секция станет душой этого тела. Иными словами, мы возвратили Т[еософское] О[бщество] на его первоначальную основу, добавив лишь эзотерическое председательство (эзотерическое, но не тайное, ибо мы намереваемся возвестить об этом всему миру), и председателем его являюсь я. Все правила и предписания будут вам высланы. Секция *упразднила вступительные взносы* — платить ничего не нужно. Единственное, что требуется от кандидата на вступление, это уже состоять в материнском Обществе, то есть быть его членом и иметь его диплом. Данное положение я не могла бы упразднить, не отделившись полностью от материнского Общества, что стало бы роковым для обеих организаций. В будущем, следовательно, председатели обществ в Европе, получающие хартию (*Эзотерической Секции*) от меня, будут пользоваться теми же привилегиями, что и новая британская секция Т[еософского] О[бщества], образованная сейчас в Англии вместе с дюжиной маленьких отделений. Члены не платят вступительных взносов, только те, кто располагают средствами, вносят ежегодно небольшую сумму, думаю, она будет составлять пять шиллингов (это еще не решено), а те, у кого нет средств, не платят ничего. Деньги за них начисляются из добровольных пожертвований состоятельных членов Секции.

Итак, если Габорио пожелает, он получит хартию от меня, как только эти бумаги будут отпечатаны. Коль скоро его Общество будет *эзотерическим*, ему нельзя будет публиковать

¹¹⁵ особого рода (лат.).

никаких правил, кроме общих; внутренние же правила будут выдаваться и объясняться только кандидатам. Господа из герметической ложи Папюса могут, если пожелают, хоть по канату ходить в теософских вопросах и принимать к себе каких угодно шарлатанов. Это — забота Адьяра, меня же это совершенно не касается. Но при первой же антитеософской выходке *я аннулирую их хартию, даю слово*. Так что пусть поостерегутся, ибо я начеку. Теперь я наделена всеми соответствующими полномочиями.

Спасибо вам, дорогая; если вы хотите помочь *подлинному* Теософскому Обществу во Франции, то нужно помочь Габорио сохранить его «Lotus». Я сделаю для этого все, что в моих силах здесь, Габорио же должен потрудиться во Франции. Но только прежде чем я смогу заняться этим, он обязан добавить к слову «Lotus» эпитет «теософский». Мы оплатим это изменение; к тому же, если Габорио не вырвет свой «Lotus» из лап Кайе, он в течение нескольких месяцев разорится. Ах, если бы г-н Малон помог нам своим советом, какую пользу он бы принес *истинной* теософии! В конце концов, все, чего я у вас прошу, это совета о том, что нужно предпринять во Франции. Без вас и без Габорио — прощай, теософия!

Между тем, сударыня, увязнув в работе по самые уши, прошу у вас прощения, если письмо мое получилось несколько сумбурным. Более подробные объяснения дам позднее. Передайте от меня привет вашему супругу, и да вознаградит вас карма за вашу любовь к простому люду и к бедным мира сего.

Желаю всего наилучшего.

С уважением

Е.П.Блаватская

Письмо 7

7 января 1890 г.

Моя дорогая Камилла!

Сравнила ваш перевод «Тайной Доктрины» с оригиналом и нахожу его *совершенным*; это не просто комплимент. Лишь одно слово мне представляется лишним — там, где у вас написано «на семь ветвей» вместо «триада разветвляется», поскольку ветвей не семь, а скорее четырнадцать. Но это пустяки.

Не переживайте, моя маленькая Камилла, и тем более не совершайте резких скачков от оптимизма к крайнему пессимизму. Вам нужно только добавить несколько указанных мною строк в конце статьи «Почему я стала теософом» и внести несколько небольших исправлений, и брошюра будет спасена. Ведь именно из-за этой злополучной *концовки*, которую вы вырезали (трудно понять почему, ибо эти несколько фраз и составляют прекрасный эпилог), и разгорелся весь сыр-бор. Воспроизведите последний абзац слово в слово — и вы спасете эту вещь. Что же касается перевода «Тайной Доктрины», то, клянусь моей честью и моим Высшим Эго, *он идеален*. Никто не переведет лучше вас, друг мой, потому что вы обладаете интуицией и в вас горит священное пламя, в то время как у многих других людей в груди — огарок сальной свечи вместо сердца.

Я хочу, чтобы вы перевели «Голос Безмолвия»*. Сделайте это и пришлите мне, дабы я ознакомилась с переводом, одобрила его и должным образом скрепила свою подписью в конце. Вот вам пример *эзотерики*, то есть это — *эзотерический заказ*. Что же касается «Эзотерического буддизма»*, сделайте из него фрикасе*. Если вы что-нибудь измените в этой книге или добавите в нее, это может лишь сделать ее менее материалистичной. Ее содержание вовсе не требует столь жесткого стиля, к которому прибегнул автор.

Высказываю то, что меня одновременно и печалит, и злит. Почему из-за такого сущего пустяка г-н Лемэтр позволяет себе болеть? Ну и ну! Я, разумеется, надеюсь, что к моменту получения этого письма он уже справится со своим недомоганием. Да защитят и благословят Учителя вас обоих! Что же до меня, то я обнимаю вас, ибо люблю вас обоих, и простите, если

я, сама того не ведая, причинила вам боль.

Всем сердцем, всей душой ваша

Е.П.Б.

Письмо 8

24 марта 1890 г.

Дорогие мои друзья!

Я была настолько больна (полное нервное истощение), что была не в состоянии написать ни слова о чем-либо, кроме трансцендентной философии. Ибо она не требует никакой мозговой деятельности, никаких мыслей: мне приходится лишь открывать тот или иной выдвигающийся ящик в секретере моей памяти, а затем — просто воспроизводить.

То, что вы говорите о Каминаде, мне было известно. Он совершал и кое-что похуже, бедняга, но это потому, что он был *невменяемым*. Разве вы забыли о *вечной клятве*? Каминад был в очень тяжелом состоянии в течение нескольких месяцев, но теперь это миновало. Я назначила его президентом парижского Т[еософского] О[бщества], и то, что он натворил, не должно помешать вам работать вместе с ним и помогать ему как двум добрым и верным эзотерикам. Арнолд не смог бы быть президентом «Гермеса» и Т[еософского] О[бщества], не тратя гораздо больше времени, чем ему приходится, и не теряя при этом Каминада. Понимаю, что вас это удивит, однако поверьте мне: я сделала это, *зная, на что иду*. Так что погодите меня осуждать. Все хорошо, что хорошо кончается, причем вовремя. Моя же собственная миссия состоит в наклеивании духовного пластыря для вытягивания всего дурного, застоявшегося в теле. *Dixi*.

Мое «разрешение на перевод моих книг»? Моя милая маленькая Камилла может переводить все, что захочет, я даю ей *карт-бланш*. Как вы можете просить меня об этом, дорогой друг и брат! Вы с супругом — *единственные люди во Франции, к кому я испытываю полное и безграничное доверие*. Вы вольны переводить мои труды даже в разряд судебных исков против меня, и это не ослабит моей любви к вам (простите мне эту недостойную игру слов)*.

Я рассчитываю на то, что вы будете держать меня в курсе всего, что происходит в Париже в области эзотерики. Не верьте тому, что скажет вам тот или иной человек: делайте скидку на человеческие слабости, но думайте в первую очередь сами.

Ох, голова у меня идет кругом. С ума сойти, сколько работы мне предстоит. Так вы не знаете, что мы строим *Штаб-квартиру* для Британского Т[еософского] О[бщества] в Лондоне? Там у нас будет свое *оккультное помещение с притвором*, где я стану преподавать *избранным* то, что не осмеливаюсь сообщать в письмах, не доверяя почте, — *Инструкции Эзотерической Секции*. Следующим летом собираюсь выслать билет на поезд моему другу Камилле — *и она ведь придет, правда же?*

Между тем обнимаю вас обоих, так как люблю вас и уважаю больше всех.

Всем сердцем ваша

Е.П.Б.

Письмо 9

Мой дорогой друг и собрат — мой самый дорогой друг, Камилла!

Врач категорически запретил мне писать и даже читать, ибо я пребываю в полумертвом состоянии. Однако жизнь во имя теософии — не единственная моя обязанность, поскольку мой внутренний долг — писать вам.

Вы тысячу раз правы относительно журнала «Lotus». Но, друг мой любезный, не пытайтесь быть большей *Немезидой, нежели сама карма*. Милосердие, умение прощать, *способность забывать себя, думая только о других*, а следовательно, относиться снисходительно к чужим недостаткам — вот качества и обязанности истинного теософа.

Посылаю вам письмо бедняги Арнолда. Я *раскритиковала* его *в пух и прах* в журнале «Lucifer», а теперь я его прощаю. Сделайте так же.

Спасибо, огромное вам спасибо за ваш портрет и за спаржу, особенно за траву. Это благодаря зелени я вновь почувствовала себя счастливой. Когда прикасаешься к ней, кажется, будто прижимаешься щекою к свежей, атласной коже самой нашей Матери-Природы. Ох, до чего же я люблю зеленую, свежую травку! Быть может, в прошлом своем воплощении я была коровой?

Обнимаю вас обоих, ибо люблю вас. Я очень больна и слаба, так что вы уж простите мне эти каракули.

Всего вам наилучшего — *по-теософски*.

Е.П.Б.

Вышлите мне обратно письмо г-на Арнолда.

Письмо 10

Воскресенье

Спасибо вам за ваше письмо, оно оправдало мои ожидания. В этих четырех страницах вы вся, *во всей своей цельности*. Если уж вы называете меня Е.П.Б., как и все, кто меня любит, то я могу называть вас просто Камиллой. Итак, на том и порешим.

Ох, вы воистину благородная женщина, но я одного боюсь: вы слишком восторженны. Если вы позволите мне время от времени быть вашим *регулятором* — лишь изредка и в исключительных случаях, то это все, о чем я вас прошу. Все эти «*клянусь... повиноваться беспрекословно и безотлагательно распоряжениям Главы Эзотерической Секции*» — все это вздор. Я отнюдь не прошу и не требую ни от кого повиновения, кроме случаев, связанных с развитием психических способностей или с *опасностями оккультизма*, либо если считаю, что то или иное действие одного из моих «эзотериков» ставит под угрозу Т[еософское] О[бщество], то есть истинно теософское движение, поскольку *эзотерическое* управление меня не касается, вот и все.

Теперь о наших делах. В письме Арнолду я указала, чтобы он написал непосредственно вам, и он так и сделает. Он состоит в Т[еософском] О[бществе] с 21 ноября и с тех пор стал самым послушным учеником на свете. Он — достойный человек. Бедный старик (ему 58 лет), он так несчастен, ему пришлось столько страдать.

«Ультра-республиканец»? Милое мое дитя, да на нас ополчится все [Теософское] Общество и его правление, и на этот раз не без основания. Первое правило Общества — пребывать вне политики. Благодаря тому, что каждый член имеет право на собственную религию и собственные политические взгляды и каждый другой член *вынужден* уважать частные и личные мнения всех членов [Теософского] Общества, наше Общество становится фактически

единственной организацией, свободной от всякого сектантства, будь то религиозное или политическое.

Мы с вами в душе такие же социалисты, как и Христос — этот бедный великий еврей (Джошуа, или Иешуа), человек, которого унижали и оскорбляли, в то же время делая из него Бога! Но хотя я по природе социалистка, а по вере — буддистка, я предоставляю слово на страницах журнала «Lucifer», несущего свет всему миру, и социалисту, и роялисту, и консерватору, и либералу. Нет, это такое название, которое связало бы нас с г-ном де Рошфором, коего я весьма уважаю, но ведь он не теософ, он смеется над нами.

Давайте уж лучше назовем наше *обозрение* «The Altruist», журнал *воинствующей* теософии. Давайте попробуем перестроиться и будем пытаться на его страницах смягчать сердца богатых людей, давайте сражаться до последнего вздоха за права и привилегии бедных и обездоленных во всех странах. Но, вероятно, можно было бы подыскать и более удачное название. Я не настаиваю на своих соображениях, противопоставляя их другим, однако название вроде «Всемирный альтруист» («Universal Altruist») звучит, по-моему, неплохо.

Вы присоединились к «Гермесу»? Да зачем вам это? Ну их всех вместе с их малыми календарными *посвящениями* и их независимостью. Г-н Арнолд (улица Станислас, 7) расскажет вам, что эти господа думают обо мне. Они меня не знают и знать не хотят; иные вообще не желают воспринимать ничего, что исходит из Лондона. Да помогут им боги в их праведных благих трудах, только пусть эти люди оставят в покое меня, а я отпускаю их с миром.

Разумеется, я буду писать для вашего *обозрения* во Франции *ежемесячно*, как и «Амаравелла». Этот бедный достойный молодой человек, которого вышвырнул Габорио за то, что тот выступил против него в мою защиту, живет с нами. Он только что написал несколько превосходных страниц для журнала «Lucifer», потому что знает свой английский и пишет на нем так же хорошо, как и по-французски. Он — член Эзотерического Общества.

Если бы вы могли встретиться и провести деловую беседу с Арнолдом и г-жой д'Адемар, это было бы чрезвычайно полезно. В заключение позвольте мне на время проститься с вами, сестра души моей, и обнять вас с любовью.

Передайте от меня поклон и братский привет г-ну Лемэтру.

Искренне ваша

Е.П.Б.

ПИСЬМА У.К.ДЖАДЖУ И ТЕОСОФАМ США (1885-1890)

Письмо 1 У.К.Джаджу

1 мая 1885 г.
Неаполь. Торре дель Греко,
отель «У Везувия»

Мой дорогой Джадж!

Было время, когда я считала вас верным другом, и после вашей коротенькой записки, то есть почтовой открытки из Лондона, у меня нет причин воспринимать вас как-то иначе. И тем не менее все, что вы делали, говорили и говорите сейчас, дает мне право думать, что в вас происходят большие изменения. За эти изменения я вас не упрекаю, но другие люди могут вас за это порицать значительно сильнее меня. Как бы то ни было, я пишу вам, полагаясь на

ваше благородство *джентльмена*, которое не позволит вам выболтать то, что я должна буду вам сказать, ибо, если вы это сделаете, выгоды от этого вам не будет никакой, а только усилит поток оскорблений, обрушившихся на мою голову, и не принесет вам никакой пользы и не доставит никакого удовольствия.

Поэтому, полагаясь на ваше благородство, пусть даже во имя ваших прежних дружеских чувств, я расскажу вам легенду, мораль которой можете вывести или придумать сами.

Взгляните *на мой адрес*, и он вам подскажет, что мы с вами — в одной и той же ситуации, что мы — жертвы одного и того же человека, и еще никто, даже Куломбы или святые отцы, не сумел причинить нам и лично мне столько вреда, сколько он. Вы уехали из Адьяра потому, что *он хотел от вас избавиться* (*sic!*, это его собственные слова), а я уехала из-за того, что в тот самый момент, когда мы уже собирались праздновать победу, он прибегнул к такой дьявольской лжи, что буквально за один день свел на нет все действие истины и справедливости, и если он не разрушил Общество (ибо никому ни на небесах, ни в преисподней не дано свершить такое), то лишь потому, что я принесла себя в жертву и отправилась в добровольное изгнание, прихватив с собою этого человека. И он поехал со мною, потому что он ни в грош не ставит ни наше дело, ни Теософское Общество, ни даже Учителей, и *он ревнует к любому, кто поддерживает с Ними какие-либо отношения или достаивается Их внимания*, а единственное, чего он жаждет, — это выкачать из меня все знания, какие сумеет, ибо настроен он на то, чтобы стать оккультистом и оккультным *litterateur*¹¹⁶ за мой счет.

Все это для вас загадка, не правда ли? Так слушайте. Начнем с того, что если я вам не писала (равно как и Олькотт), то это не потому, что (как вы иронически замечаете в своем письме к нему от 25 февраля, которое он получил в Неаполе и *передал мне*, — вот оно передо мною) мы получили «указания» от Учителя «не писать» вам и что мы будто бы рассказали Учителю выдумку, «сочиненную кем-то из нас или обоими сразу», а потому, что с 14 января по 14 апреля я не вставала с постели, будучи при смерти, и врачи и все в Штаб-квартире ожидали моей кончины с минуты на минуту, а также потому, что Олькотт, вследствие дьявольских интриг кое-кого из *теософов*, все это время был *на грани самоубийства*. А спас меня Учитель (врачи сочли это неким чудом), и он же велел Олькотту быть *мужчиной* и воспринимать все происходящее с ним в целом как личную карму.

Вот почему, дорогой мой Джадж, мы не написали вам «ни слова» с 25 декабря — с тех пор, как вернулись. Воистину, воистину вы должны целиком и полностью находиться под влиянием этого доктора, чтобы так думать и рассуждать о своих лучших и преданнейших друзьях, как вы делаете это в своем письме к нему! Прислушайтесь, Джадж, и уловите разницу между этим человеком и мною. Когда я получила это жуткое письмо от вашего собственного брата, несколько писем от Харриса и одно от госпожи Биллингс, то вместо того чтобы поверить в эту скандальную историю в их трактовке — в историю вашей драмы с дочерью госпожи Б[иллинг], я скрыла все это от Олькотта, а затем, через два месяца, следуя указанию Учителя, дала наконец полковнику прочитать эти письма, и мы с Олькоттом порешили: «Не будем этому верить, пока не услышим это из уст самого Учителя». Когда в Лондоне, за неделю до отъезда в Индию (где-то в последних числах октября), госпожа Холлис Биллингс дала мне почитать ваши письма к ней и к ее дочери, мне не захотелось их читать, и когда одно из них она оставила мне «подержать у себя», то я так и не стала его вскрывать, запечатала еще в один конверт и отложила его прочь, к тем документам, которые хранятся у Олькотта. И теперь без всяких на то оснований, лишь потому, что Учитель хранил по этому поводу молчание и не подтверждал обвинения, которые выдвинули против вас госпожа Биллингс и Харрис, вас следовало бы считать невиновным. Ибо Учитель редко посвящает нас в истинное положение дел; он предоставляет событиям идти своим собственным ходом и никогда не вмешивается — *только если без этого никак нельзя обойтись* — в человеческую карму и как-то по-своему достигает своих целей.

Но мы *не стали бы и не станем* верить во всякую хулу, возводимую на нашего друга. Я говорила вам об этом в Париже. Мы никогда не пойдем против вас — ни я, ни Олькотт. Если этот доктор, «этот презренный (?) доктор» сообщил вам, что либо Олькотт, либо я говорили ему о деньгах, позаимствованных вами у Дамодара, как угодно, но только не случайно упомянув об этом, то *он лжет*. Это именно он рассказывал нам и *лично мне, причем неоднократно, о том, какой вы лжец*; говорил, будто вы проболтались о том, что у вас есть не только жена, но и дети; что вы, назвавший и Мохини, и Дамодара, и Субба Роу*, и прочих обманщиками, сами являетесь при этом отъявленнейшим обманщиком; что вы дурак и самодовольный тип, но он-де сумел так ловко от вас избавиться, что все мы должны быть ему

¹¹⁶ литератором, писателем (франц.).

за это благодарны. Лейну Фоксу он написал письмо, которое я видела в Лондоне; в письме говорится, что вы уехали из Адьяра потому, что *убедились* в моем мошенничестве и утратили всю свою веру в Учителей и так далее. Мне и другим он повторял бог знает сколько раз, будто вы ему говорили, что вас сюда *обманом* заманили из Америки; что некоторые письма, полученные вами от Учителя, являются *фальшивками*, изготовленными Дамодаром или мною; что этот «приказ», полученный в Париже, — подделка, сотворенная Мохини, мною или Олькоттом и т. д. и т. п. Если он заставил вас поверить во все это или какими-то окольными путями и инсинуациями подвел к тому, чтобы вы в это уверовали, тогда вы воистину находитесь под влиянием *дугпа**!

И все же *вы верили и говорили* про нас всякую всячину, тогда как мы всегда были верны вам, а если Олькотт в глубине души и имеет что-то против вас, равно как и я, то это единственно из-за глубокой скорби в связи с потерей того, кого мы всегда считали верным и надежным другом. *Вот в чем разница между нами, Джадж.* Теперь, когда я отказалась (вследствие тех же интриг) от должности секретаря по переписке Теософского Общества и почти полностью прервала свою связь с Обществом, чтобы спасти его, — теперь у меня нет причин говорить вам что-либо, кроме *правды*.

Вы называете Дамодара *лжецом*. Он — индус, чела*, скрытный, осторожный, боится лишнее слово сказать. Не было еще на этой земле природы более чистой, более благородной и более готовой к самопожертвованию. Если он сначала отказал вам в деньгах, так это потому, что он пребывал в отчаянии в связи с тем, что вам приходится покинуть нас в такой момент. В действительности у него дома такой суммы не было, но он сумел раздобыть ее для вас. *Это я точно знаю.* Дамодар сказал полковнику, что почувствовал себя обязанным предоставить вам 500 или 600 рупий (не помню, какую именно из этих сумм), потому что вы были одним из основателей Общества и преданно трудились, защищая меня и Общество, и что вы *имеете право* на эту сумму. Ни Олькотт, ни я не рассматриваем это как «одалживание», а считаем эти деньги как нечто вам *причитающееся*. Так мы и сказали Гартману, а если он излагает это как-то по-другому, то он лжет. Олькотт просто сказал, что начисление данной суммы для вручения ее вам — это, по идее, забота не Дамодара, а отдела контроля. Дамодар *никогда не осуждал* доктора Г[артмана] и ни в чем не упрекал его, но доктор в своей ненависти к нему хотел бы настроить против него всех. Доктор поссорил меня не с одним моим другом, он писал письма, направленные против меня, Хьюму и другим, притворяясь, будто защищает меня, а его статья в «Bombay Gazette» была настолько *постыдной*, что даже редактор газеты напечатал к ней свое примечание, в котором говорилось, что «если у г-жи Б[лаватской] такие друзья, то какими же тогда должны быть тогда ее враги», а сам Г[артман], помещая ее в альбом для вырезок, устранил из нее абзац, изобилующий грязными намеками. Этот человек обладает острым умом, точнее, высоким интеллектом, он хитер, коварен, изобретателен, лишен сочувствия к кому бы то и чему бы то ни было и в сто раз опаснее Куломбов. Он имеет все необходимое для того, чтобы сделаться черным магом. Вот почему я отказалась просвещать его и делиться с ним знаниями.

А теперь о том, что он сказал госпоже Купер-Оукли*, которая поведала об этом мне. Правда это или нет — предоставляю судить об этом вам самому. Когда супруги К[упер]-Оукли прибыли в Адьяр, они были моими преданнейшими друзьями. С первых же дней доктор вошел к ним в доверие и сумел так сдружиться с ними, что сделался для них воплощением всяческой благодати и мудрости, а я — воплощением всяческой скверны. Приехал Хьюм, два дня поддерживал со мною дружеские отношения, а потом отвернулся от меня, и все из-за того, что наговорили ему про меня эти трое. Я была больна, лежала при смерти и день ото дня становилась все более одинокой; Олькотт находился в Бирме, Дамодар, доведенный до отчаяния нападками и интригами Гартмана, уехал из Адьяра в Сикким, дабы увидеться с только что прибывшим туда ламой-аватаром, и вместе с ним отправился в Тибет. Где он сейчас, мне неизвестно, но надеюсь, что он счастливее меня.

Как только свежеиспеченные мудрецы посовещались, объединив свои умственные усилия, Хьюм решил созвать Генеральный совет, а затем представил Раганатху Роу и Субраманье Айеру документ, в котором предлагалось *отправить в отставку* Олькотта, меня, Дамодара, Ананду, Бхавани Роу, Ниваруну, Бабу, Мохини и прочих, поскольку эти люди, мол, верят (или утверждают, что верят) в *несуществующих* Учителей и *мошеннические* феномены, а Общество было предложено целиком реформировать под недостойным руководством Хьюма, Гартмана, четы Оукли, а также нескольких индусов. Деван Бахадур, которого избрали председателем, и все остальные (Субба Роу, Шринавас Роу, Рамайер, Деван Бахадур и особенно Субраманья Айер и прочие) встретили сей документ и это предложение смехом и презрением. Они заявили, что *не верят* в мою виновность, что Общество просто немыслимо без своего президента и основателя, пока он жив, и что, короче говоря, они никогда не

согласятся в его отсутствие на участие в столь низменном заговоре против Олькотта и меня, лежащей наверху при смерти. Все они явились ко мне, и этот маленький заговор разбился вдребезги. Я телеграфировала Олькотту, чтобы он возвращался, и снова слегла. И теперь доктор Г[артман], не имея возможности скрыть свою выдающуюся роль в этом деле, хочет меня убедить в том, что он якобы ратовал лишь за то, чтобы отправить меня в отставку с поста *официального должностного лица* с тем, чтобы спасти меня от всякой ответственности за управление Обществом.

Лейн Фокс, который вернулся и снова уехал еще до этой *финальной coup de theatre*¹¹⁷, также попытался прибрать [Теософское] Общество к рукам: он предложил образовать исполнительный комитет, состоящий из одних европейцев, с собою во главе, и чтобы один лишь этот комитет имел право управлять Олькоттом и даже назначать новых *должностных лиц в руководстве*, то есть исключить из руководства Дамодара, Ананду, Бабаджи*, Ниваруну и остальных. [Лейн] Фокс хотел, чтобы я это подписала, а когда я заявила, что не стану этого делать без Олькотта, он сказал (так, по крайней мере, утверждает Гартман, а теперь и Бабаджи), что если мы не пойдем на то, чего он от нас хочет, то он отправится к Грант Даффу, объяснит ему, что наше Общество — организация *политическая* (и прочий подобный вздор) и убедит его заставить всех индусов подать в отставку!! Хороши же теософы — вся эта кучка европейцев.

И вот теперь — провалиться мне на этом месте, если я пришла к какому-либо определенному выводу относительно той роли, которую играла в этом заговоре чета Оукли. То, что одно время они были под влиянием Г[артмана], — это факт. И тем не менее, убеждая меня совершить «этот благородный акт самопожертвования на благо общего дела», то есть уйти в отставку, госпожа Оукли уверяла, что любит меня столь же сильно, как и прежде, что она безоговорочно верит в *Учителей* и в конце концов призналась мне, что была обманута доктором на короткое время, но после того как уличила его в тысяче и одной лжи, она продолжала подыгрывать ему и *поймала его за руку*. Госпожа Оукли сказала мне, что доктор в нее влюблен, и я сама в это поверила (хотя теперь я *знаю*, что он ее ненавидит). Он сообщил по секрету ей и ее мужу, посмеиваясь, как над доброй шуткой (так она мне сказала), каким образом он замышляет *избавиться от вас*. Доктор успел состряпать поддельное письмо на ваше имя, якобы пришедшее *от некоего Махатмы* (не от Учителя и не от К. Х.), и, когда вы были с ним наедине, *он позволил вам неожиданно наткнуться на это послание (sic!)*. С помощью этого письма, в котором вам советовали уехать, он якобы убедил вас покинуть Адьяр. Правда это или нет — мне не известно. В том, что доктор говорил это госпоже О[укли], я уверена, ибо сама она до такого не додумалась бы, но сообщал ли Гартман ей реальный факт или же лгал — об этом лучше известно вам самим. И вот что мы имеем в результате.

Вам известно, что лондонское Общество психических исследований направило Ходжсона, коему Олькотт имел достаточную глупость поведать о всех возможных и невозможных феноменах, которые он когда-либо наблюдал своими глазами, и коего после того, как это Общество опубликовало данные факты, наделили полномочиями исследовать наши заявления на предмет их истинности. Поэтому господин Ходжсон прибыл в Адьяр. Гартман принялся настраивать его против Субба Роу, Бабаджи, Дамодара и прочих, рассказывая ему, что все они «жуткие *обманщики*» и вызывая таким образом у Ходжсона предубежденность против главных свидетелей. Потом доктор торжественно заявил, что *рака ранее была украдена из комнаты Дамодара*; в присутствии многочисленных свидетелей доктор серьезно и с важным видом попросил Ходжсона проследить за ним, когда он пойдет к Куломбам, дабы посмотреть, не припрятана ли рака где-нибудь там, ибо наверняка ее стащили или Куломб, или миссионеры. Гартман зашел в своей лжи так далеко, что даже стал показывать Ходжсону отпечатки ног и рук на стенах под окном комнаты Дамодара.

Что ж, когда Куломбы и святые отцы при помощи оплаченных лжесвидетельств достаточно настроили против нас Ходжсона, последний, задав работу своей голове вкуче с мозгами Хьюма, стал развивать целую теорию. Оказывается, это именно я, Е.П.Б., *направила Бабулу** из Лондона домой в Адьяр, чтобы *избавиться от компрометирующей раки*. Вот это Ходжсон успел написать в своем докладе, когда Гартман, уже признавшийся госпоже Оукли в том, что это *он сжег раку*, перепугался и, пригласив Ходжсона в свою комнату, показал ему две бархатные дверцы у себя под тюфяком, где он месяцами прятал их у себя, и сказал, что это он сжег раку, ибо она была осквернена. Он сказал Ходжсону, что в сожжении раки принимали участие *вы и Бабаджи*. Бабаджи это отрицает и говорит, что вы поймете, что это значит.

Результат: то, что Гартман защищал меня в своем памфлете против Куломбов, все, что он говорил в мою пользу и в пользу [Теософского] Общества, — все, все это уничтожено.

---

¹¹⁷ неожиданной развязки (франц.).

Ходжсон провозгласил его самым большим лжецом и моим пособником, явно *помогавшим мне в моем мошенничестве!* Доктор говорит, что все это было ради того, чтобы спасти меня от ложного обвинения. Я бы сказала, что в нем *уживаются два человека*. Один — человек высочайшего интеллекта, просто созданный для того, чтобы быть оккультистом, человек высочайшей интуиции, другой же — лживый, коварный, короче говоря, одержимый неким *дугла*. На него совершенно нельзя положиться. Сегодня он явно ваш друг, но час спустя он уже хладнокровно порочит вас, оплетая одним из своих дьявольски хитроумных обманов. Он либо безответственный медиум, невероятно восприимчивый, либо самый опасный бессердечный мошенник, какой только может попасться вам на пути. Я предпочитаю придерживаться первого предположения, ибо иначе Учитель никогда бы не стал писать ему писем, никогда бы не стал заявлять о том, что доволен теми или иными его делами. Но факт остается фактом: *никому не следует доверять Гартману*.

Вот так он портил все подряд и разрушал [Теософское] Общество. Бедный Субба Роу чуть с ума не сошел от страха, когда доктор сообщил ему, что Гарстин за обедом заявил супругам Оукли и Ходжсону, что *правительство подозревает Субба Роу как моего друга* в том, что он является моим сообщником по делу о «русской шпионке». Доктор поссорил меня с друзьями: с Кхандалавалой*, с Ниблеттом, с Лейном Фоксом (против которого теперь сам же ополчился и насмехается над ним, величая его «Махатма Лейн Фокс», объявляя его безумцем и т. д.), с Хьюмом — почти со всеми. В конце концов Субба Роу заявил, что если д-р [артман] не уедет из Адьяра, то он сам подаст в отставку. Все индусы единодушно отказались работать в одном комитете с доктором, а Олькотта уведомили, что если доктора не заставят уйти, то уйдут многие теософы. Прошла одна резолюция, согласно которой никто, кроме высших должностных лиц, не должен жить в Адьяре, а доктора Гартмана сделали простым членом. Но как это может помешать доктору причинить еще больший вред? Он пишет по двадцать посланий в день, как Св. Августин, переписывается с лучшими собратьями и не далее как вчера отправил письмо герцогине де Помар (одному Богу известно, что он в нем написал!). Бабаджи полагает, что Гартман попросил у нее денег для себя, а может, и для меня. Если это так, то я их не приму. Доктор едет в Германию к своей сестре, что уже должно возбудить любопытство немецких теософов. Таково положение дел.

Что ж, когда Олькотт вернулся в Адьяр, на сцену вновь вышли святые отцы. Видя, что они не в силах заставить меня упрашивать их и что у них нет никаких шансов поймать меня *на лжесвидетельстве и неуважении к суду*; зная, что я больна и вот уже девять недель лежу чуть ли не при смерти и что доктор (госпожа Шарлиб), которая приходит ко мне по два раза на день и заявляет, что я долго не протяну (при том, что брайтова болезнь* и болезнь сердца стремительно прогрессируют), сказала, что при данных обстоятельствах не представляется возможным вызвать меня в суд, ибо малейшее волнение способно меня внезапно убить, — что они при этом делают? Зачем-то им понадобилось вызывать из Калькутты одну решительную француженку, которая стала ходить по разным магазинам и аптекам, называя себя госпожой Блаватской, произнося бунтарские речи против британского правления, угрожая российским вторжением в Индию, оскорбляя должностных лиц и т. д. Потом эту женщину отослали обратно в Калькутту и, распустив слухи о том, что Теософское Общество якобы подкупило доктора Шарлиб и что я лишь *притворяюсь* больной, а на самом деле меня можно было бы смело вызывать повесткой в суд, святые отцы стали оформлять вызов в суд генералу Моргану за *оскорбление личности*, так как он в своем памфлете называет Куломбов «фальсификаторами», и «весьма опытными фальсификаторами». Все это затевалось (ибо памфлет был написан еще шесть месяцев назад) с целью найти управу на меня. Они бы тогда заставили меня явиться в суд для участия в процессе по делу генерала и вызвали бы лжесвидетелей, дабы получить от них показания о том, что я — русская шпионка, или пошли бы на какой-либо похожий жуткий обман.

Теперь д-р [артман], который понял, что все против него и что он надоел в Адьяре всем, включая Теософское Общество, принялся соблазнять меня поехать с ним *на отдых* на Цейлон или в Японию, чтобы мы вместе писали «Тайную Доктрину» и т. д. Я позволила ему продолжать в том же духе. Я понимала (*я это знаю*), что он пытается прибрать меня к рукам, настраивая всех против меня и претендуя при этом на роль моего последнего прибежища и единственного друга. Я была ему нужна как оружие, с помощью которого он собирался свернуть шею Олькотту и прочим. Теперь я нужна Гартману, чтобы организовать какое-то новое, конкурирующее тайное *оккультное* общество и собрать вокруг меня всех лучших теософов! Все это я отклонила, точнее, не сказала ни «да» ни «нет».

Затем поступила секретная информация о том, что святые отцы собираются возбудить дело против Моргану и пустить в ход свои трюки и что Генеральный совет решил убрать меня со сцены, тем более что доктор Шарлиб заявила, будто она снимает с себя всякую

ответственность за мою жизнь, если я останусь в Мадрасе при моем нынешнем состоянии здоровья. Доктор Гартман вызвался меня сопровождать, полагая, что я буду целиком в его власти и сделаю для него то, что сделала для Олькотта. Когда это предложение было принято, — ибо и супруги Оукли, и Олькотт, и особенно индусы горели желанием избавиться от Гартмана, — тогда Учитель и Махатма К. Х. дали «указания», как вы это называете, но не нам, а непосредственно Бабаджи: поехать со мною и *никогда не покидать меня до самого моего смертного часа*, а когда придет срок, привезти меня назад живой или мертвой. И Мэри Флинн, которая гостила в Адьяре, решительно настроилась не отпускать меня одну и принялась настаивать на том, чтобы поехать вместе со мною. И тут я решила, что если мне все-таки придется ехать, то уж лучше в Италию, а не на Цейлон, где меня можно будет по-прежнему донимать, а доктор сможет вернуться если не в Адьяр, где, как заявили на Генеральном совете, ему больше не будет позволено жить, то хотя бы в Мадрас. И вот за сутки до отъезда меня уведомили, а потом перенесли с кровати в инвалидную коляску, на которой и доставили на борт французского парохода, и мы отправились в путь и прибыли сюда, где, если исключить возможность непредвиденного развития событий, я проживу до октября, а затем либо вернусь обратно, либо поеду еще куда-нибудь.

Доктор донимает меня просьбами взяться за «Тайную Доктрину», а Учитель не разрешает мне ни слова говорить об оккультизме и ничего писать на эту тему до тех пор, пока дела мои не наладятся. Фактически меня *вышвырнули* из Общества, хотя, конечно же, если бы Учитель захотел, чтобы я в нем осталась, то никому не удалось бы меня изгнать.

Осталось посмотреть, что получится с «Тайной Доктриной», — Общество продолжит свою жизнь уже без меня. Мне все равно. Мне так осточертели их вечные интриги, обманы, заговоры и все такое прочее, что при малейшем поводе я откажусь даже от своего членства и прерву всякие отношения с ним. Олькотт готовится, как он пишет, принести *меня* в жертву во благо и ради спасения Общества и твердо верит, что поступает правильно. Собою он пожертвовал бы без колебаний — это я точно знаю.

Поэтому (если вы только не считаете все сказанное выше обманом и подтасовкой, в каком случае, пожалуйста, напишите Олькотту и сами спросите у него или хотя бы у супругов Оукли) вы должны понять, как несправедливы были вы по отношению к нам — к О[лькотту] и ко мне лично. Джадж, друг мой, я вас никогда не забуду. Вы бедны и не пользуетесь сколько-нибудь значительным влиянием, и теперь, когда я ушла из Общества, мне от вас нет никакого проку, — так что можете мне верить. Остерегайтесь Гартмана. Даже если вы вознамеритесь показать ему это письмо или рассказать о его содержании, все это неважно, мне совершенно наплевать и на доктора, и на кого бы то ни было.

Если бы Гартман знал и понимал меня, я бы сделала из него настоящего оккультиста. Но он был и остается лжецом и со мною, и со всеми вообще. Я бы не стала ему верить, а еще меньше — полагаться на его честное слово. Он считает, как ранее это было свойственно Олькотту, а иногда и вам, что я обычно являюсь лишь некоей «оболочкой», которая становится полезной только тогда, когда *в нее входит какая-то иная* сущность. Вы можете думать что угодно. Но знайте, что я всегда верна своим друзьям и остаюсь благодарной им и за ту малость, которую они в состоянии для меня совершить, *даже когда они становятся врагами*. О боги, что за бесчестный мир, что за лживые люди! Взгляните на г-жу Холлоуэй*. Вы до сих пор восхищаетесь ею?

Что вы имеете в виду, когда пишете Г[артману], что вы «столкнулись с одним дельцем, которое выставляет руководителей в таком свете, что выходит одно из двух: либо вам *лгали* по-крупному, либо Махатмы абсолютно бесполезны как советчики», — это для меня загадка. Что же это за событие, которое «произошло в Лондоне и касалось получения многочисленных писем от обоих Махатм», и что значит «Мохини, Арундейлы, О[лькотт] и Е.П.Б. всё об этом знают»? Не та ли запутанная ситуация вокруг Синнетта и Холлоуэй, когда госпожа Холлоуэй разыграла всех нас и пыталась разыграть Махатм, но во втором случае обман вышел наружу? Когда эта женщина настраивала Синнетта против Олькотта, против меня и против Махатм, а Олькотта, меня и Арундейлов — против Синнетта и т. д. и т. п.? Не знаю, что вы подразумеваете под этими словами. Если вы по-прежнему друг, то вы мне напишете и все объясните; если же нет, то поступайте как хотите. Только знайте, что генерал Говард Л.К., набожный друг Г[артмана], *состоит в заговоре святых отцов против нас* — и он сам, и его И.М.К.А.

Я не думаю, что «чела способны проецировать письма» от имени Махатм без их ведома. Это всегда совершается по «указаниям» Учителей, над которыми вас теперь заставляют смеяться. Лейн Фокс написал Гартману из Калькутты письмо, в котором говорится, будто он встретил одного чела, которого *послал к нему* К. Х., чтобы сообщить ему, что, «поскольку

основатели [Теософского] Общества предали священное доверие, оказанное им Махатмами, дурно управляя Обществом и *не справляясь* со своим долгом», то Махатмы собираются «поручить ему, Лейну Фоксу, реформы в [Теософском] Обществе» и, полагаю, изгнать его основателей. И не кто иной, как брат Мохини, переводил Л[ейну] Ф[оксу] мудрые и правдивые речи *чела Махатмы К. Х.*, оказавшегося на поверку чела Свами Альмори — бывшего, а ныне покойного гуру Хьюма и обманщика. Но даже действия этого чела были санкционированы Учителем для каких-то своих целей.

О мой бедный Джадж, как же вас обманули и разыграли, но только не О[лькотт], не я и не Д[амодар] К.М[алаванкар], а наш остроумный доктор Гартман! Вы не знаете, хотя к этому времени уже должны были бы знать, какой трудной, тяжелой задачей является испытательный срок на звание чела. Однажды у вас уже была неудачная попытка, но Учитель все еще готов принять вас обратно. Вы приехали в Адьяр и попали в силки, расставленные ревнивым, завистливым, хитрым, коварным, злонамеренным и нечестивым человеком. Учитель, который, насколько мне известно, *жалеет* вас, позволит себе простить вам вашу слабость и неверие в тех, кто всегда вас любил и относился к вам как к брату! Не будь «Учителя», не знаю, смогла ли бы я после того, что вы о нас наговорили, и вашего отъезда из Адьяра, по-прежнему вас любить? Да и что мне до *вашего* мнения и до того, что *вы* можете еще наговорить, — ведь это всего лишь капля в море оскорблений. И только благодаря тому, что Учитель является для меня барометром и я слепо верю в Него, даже когда не понимаю Его политики и когда Он фактически первым готов пожертвовать мною и позволить обрушиться на меня всяким ужасам, — *я это я*: всего лишь капризная, «стонущая» старушонка в глазах слепцов — вечная *Упасика**, действующая согласно «указаниям», для тех, «кто знает», пусть даже совсем немного.

До свидания, бедный мой Джадж, и не отвергайте дружескую и верную руку, которую я вам протягиваю. Полагайтесь на *собственное* суждение, а не на мнение тех, кому выгодно путать карты. Г[артман] плохо кончит — вот увидите, и мне его безмерно жаль. Он сам — свой собственный палач. Очень бы мне хотелось, чтобы вы хоть раз услышали, с какой насмешкой и презрением он отзывается о *вас* — человеку, который в него верит. Г[артман] собирается издавать газету по вопросам буддизма? Что-то я сомневаюсь. Все цейлонские буддисты этого человека ненавидят, и ни Сумангала, ни один другой видный буддист Цейлона никогда не напишет для него ни строчки. Они мне это сами говорили. За что *им-то* его ненавидеть? Не знаю, но они прислали Олькотту коллективное требование не направлять доктора Гартмана на Цейлон. Они его не примут.

Что касается вашей *расписки* в получении денег, то если бы Дамодар не уехал в Тибет, то я бы настояла на том, чтобы он вам ее отослал обратно, разорвав на клочки. Но я узнала об этой расписке только из вашего письма. Поэтому вам нет смысла печься о деньгах. Еще чего — о них беспокоиться! Истинную дружбу не оплатить никакими деньгами. Но вы всегда мне не доверяли. Вы назвали меня «бесчестной» в одном из ваших писем О[лькотту] по поводу Уимб[риджа] и Сары Коулз, и вы никогда не верили в меня больше чем наполовину. Что ж, на мои дружеские чувства, которые я испытывала к вам в течение девяти лет, это никак не повлияло. Да ниспшлют вам высшие силы покой и счастье — вот чего вам от всей души желает

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 2

У.К.Джаджу
лично и конфиденциально

3 ноября 1886 г.
Остенде

Дорогой мой Джадж!

Ваши письма получены, и все статьи г-на Харта прочитаны весьма внимательно. Что я могу

сказать? Только то, что *всем сердцем, всей душой я с вами*, но я не заодно с Артуром, который ведет себя по отношению к Олькотту так, как не стал бы и злейший враг. То, что Г.С.О[лькотт] — чертов дурак с самыми лучшими намерениями, давно известно; то, что он преклоняется перед наукой и громкими званиями, тоже верно, иначе он бы не был янки. Но верно также и то, что он — самый лучший и надежный друг, до мозга костей верный своему слову. Как только он поймет свою глупую ошибку, с ним снова все будет в порядке, это уж точно. Я послала ему статьи вместе с одним из писем; он, конечно, будет фыркать и проклинать меня. Ну и пусть, мне наплевать. Я знаю, что он нередко действует вразрез с желаниями Учителей и при этом воображает, будто следует Их желаниям, однако ошибочно принимает за голос Учителя голос своего неразумного эго. Однако Г.С.О[лькотт] честен и никогда не злословит за спиной. То, что он хочет сказать, он высказывает человеку прямо в лицо.

Пожалуйста, убедите Артура, что он может прослыть большим мудрецом в глазах своего поколения, но что он совершенно заблуждается, когда пишет своей матери, что «С[тарая] Л[еди]» была одурачена Коузом*. «С[тарая] Л[еди]» *не* была одурачена. Она никогда не отвечала на его письма, на более чем двадцать его писем, и она ни разу не написала ему ни строчки со времени последнего письма, отправленного из Эльберфельда. Я не говорила Коузу в лицо, что он обманывает и дурачит нас: во-первых, просто потому, что не хотела наживать себе врага, а во-вторых, потому, что он на самом деле медиум, одержимый выгодой, который в один прекрасный день станет буйнопомешанным, если не прекратит заниматься кое-какими *известными мне* практиками. Но обвинять его в том, что он *заодно* с иезуитами, глупо. Да пусть он и стал бы иезуитом, но он никогда не дошел бы до такого откровенного идиотизма, если бы и вправду действовал по наущению иезуитов. Это все артуровы фантазии.

Теперь, Джадж, у меня к вам дело *личное и конфиденциальное*: попытайтесь спасти одну маленькую женщину, самую лучшую из женщин, когда-либо живших на свете, — госпожу Эмили Бейтс из Филадельфии. Она не знает этого человека так, как знаем его мы с вами; она жалеет его и уже почти согласилась выйти замуж за того, кто изображает любовь *исключительно из-за ее богатства*. Госпожа Бейтс была у меня больше месяца, она полностью предана мне и Обществу. Но если этот человек ею завладеет — *она пропала*. Как только госпожа Бейтс поймет, кто он такой и что собою представляет, она не станет приносить себя в жертву. А пока что она, не испытывая к нему любви, вообразила его *героем*, мучеником и с глупым женским великодушием вбила себе в голову, что его нужно спасти *от себя самого!* Я видела письма, которые он присылал ей вскоре после ее развода. Прodelайте теософскую работу, Джадж, и попытайтесь спасти эту женщину. Этот тип — во всех отношениях просто мерзавец.

Ну вот, на *манифест* «Кейблз Браун» ответ уже готов. Если вы не захотите или *не сможете* напечатать его в «Path»*, то, будьте добры, отошлите его в Адыар. Я чувствовала себя обязанной высказать все, что я думаю об У.Т.Брауне* из Глазго. Этот дурак меняет идеи и Учителей как перчатки, и даже если я не называю его имени, другие люди все равно узнают господина У.Т.Брауна в этом портрете, слишком добром, слишком хорошем и благородном для него. Но он дурак — и мне его жаль.

Что ж, сэр и мой *единственный друг*, кризис уже грядет. Я заканчиваю мою «Т[айную] Д[октрину]», а вам предстоит заменить меня, то есть занять мое место в Америке. Я *знаю, что вы обязательно добьетесь успеха*, если вам не изменит мужество, но только храните, непременно храните верность Учителям, *их* теософии и *их именам*. Если статья моя вам не понравится, отошлите ее обратно.

Спасибо господину Харту за его добрые письма — клянусь, у меня совершенно нет времени ему отвечать. Мне едва удастся выкроить пару минут, чтобы ответить вам и Олькотту. Забавные дела намечаются. Да помогут Они *вам* и позволят *передать* вам наши наилучшие пожелания и благословения.

Мне предлагают любые суммы денег — *годовой доход*, полный пансион, и все бесплатно, лишь бы я приехала в Америку и работала *без вас, то есть против вас*. Конечно же, я послала их к черту. Я предпочту скорее лишиться всех своих американских сотрудников до последнего человека, включая Артура, нежели *вас*. Теперь уже скоро и вы узнаете почему.

Искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 3

У.К.Джаджу

19 марта 1887 г.
Остенде

Дорогой Джадж!

Когда червь поселяется в плоде, он доводит свою разрушительную работу до печального конца. Но плод *не может этому противостоять*, в то время как *человеческий плод*, наделенный волей, разумом и способностью проникать в суть, в состоянии с этим справиться. Если человеческий плод еще десять лет назад мог удалить поврежденный участок в себе, но так и не сделал этого по причине отсутствия решимости и стремления выбрать что-то одно из «быть или не быть», то к чему тогда клясть судьбу — паутину собственного изготовления?

Если бы вы отправились на поиски Учителей *сейчас*, то вы бы не нашли Их. Человек, желающий посвятить себя Им, должен быть свободен, на него *не должны притязать* никакой мужчина, никакая женщина. Иначе узы, связывающие вас с Бруклином, уподобятся веревке, вечно тянущей вас назад. Однажды вы уже это попробовали, пытаетесь найти Учителей и проделав полпути им навстречу. И во что это вылилось? В скандал гораздо худший, чем если бы это был любой чистый развод. Вы опутали себя по рукам и ногам, и если вы не сумеете вырваться из этих пут, они вечно будут вас душить. Вы должны прийти *к недвусмысленному и окончательному* решению, и *ей* придется выбирать. Держать вас на привязи так, как она, — это всего-навсего обреченное проявление женской ненависти. В этом деле я не в силах дать вам никакого совета; могу лишь указать вам на *причину*, диагностировать неизлечимый недуг. Вы никогда не будете счастливы вне своей естественной, родной стихии.

Вас посещают весьма здравые и благотворные идеи, когда вы сидите, склонившись над своими причудливыми набросками или рисунками пером. Но эти идеи тают в разреженном воздухе, как только вы отбрасываете ручку или карандаш. За вами все это время наблюдали, бедный мой старый приятель. Учителя и ученики относятся к вам со всею симпатией. Но кто осмелится прикоснуться к «узам» и путам и разорвать их, кроме вас самого?

Нет, вы определенно не знаете себя. Единственная полумера, которая приходит мне в голову относительно вас, — это предложение приехать и *окрепнуть, пожив у меня* месяц-другой этим летом. Попытайтесь это осуществить.

Я целыми ворохами получаю из Лондона петиции с просьбами незамедлительно приехать и взять в свои руки бразды правления в Л[ондонской] Л[оже], дабы преобразовать и возродить ее. Мне предлагают *труп!* Я должна гальванизировать* разлагающееся тело, как это сделал Христос с Лазарем. Однако поехать мне все же придется. За мною приехали супруги Кейтли, все уже готово, и не кому-нибудь, а дряхлой, парализованной, с трудом передвигающей ноги старушке предстоит сотворить нового Франкенштейна, который, повзрослев и окрепнув, набросится на свою *родительницу*, дабы ее уничтожить. Ну и пусть. Такова, видно, моя судьба.

Госпожа Кейблз пишет и жалуется, что вы не отвечаете на ее письма — что-то там насчет Конвенции. Все расспрашивает меня, хочет, чтобы я сказала, кого ей выбрать на данный момент: кумира в Вашингтоне, то есть Коуза, или же кумира ее родителей — У.К.Дж[аджа]. Я ей ответила, что она может выбирать любого, кого ей, черт возьми, заблагорассудится. Но что лично я выбрала бы Коуза. Для вас эта дамочка чересчур импульсивна.

Мой совет — *наш* совет: сохраняйте по крайней мере *внешнюю* сплоченность. Существование тридцати одного графства, или штата, и все склоки и раздоры между ними не мешают внешнему миру воспринимать Соединенные Штаты как *единое целое*. Так пусть и отделения Общества будут столь же свободны, как каждый штат в Америке: ведь любого дурака, какой бы ни засел в Белом доме, признают все штаты, и тем не менее каждый штат имеет свои собственные законы. Отдел управления упразднен, не так ли? Почему бы тогда не позволить, а может, даже и помочь Коузу выполнять свою работу в качестве независимого президента *своего* отделения? Пусть каждый филиал будет предоставлен собственной карме. «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Установите правило, согласно которому любой

собрать, уличенный в злословии в адрес другого, будет исключен после вторичного предупреждения. Сделайте это правило *категорическим* и первоочередным для всех. Пусть каждый либо выметается из Общества, либо попридержит язычок и займется своим собственным делом. Семь поваров за жарким не уследят. Введите еще одно правило: в тот день, когда кто-либо вступит в Общество, между прошлым этого человека и его собратьями по Обществу будет воздвигнута стена. Никто не имеет права критиковать собрата за то, кем он был и чем занимался *до вступления в Общество*. Но никакого снисхождения к тому, кто предается распутству, клевете и ведет дурной образ жизни, *уже вступив* в Общество.

Тот, кто делает все, что в его силах, и знает, как это делать, — делает достаточно для Них. Это — послание для вас. Ваш «Path» начинает вырываться вперед, затмевая наш «Theosophist». Это просто превосходно. Статьи Бьеррегора очень, *очень* хороши. Один только «Path» является *свидетельством* ваших свершений для теософии. А в каждом штате, где действует Теософское Общество, можно создать *тайную* группу. Вступите в три, пять или *семь* таких групп и работайте в одном и том же направлении. Замечайте любое событие, любую случайность в своей повседневной жизни, вплоть до самых пустяковых, а потом встречайтесь раз в неделю и сравнивайте их, выясняйте оккультные причины и следствия, *взаимодействие* и соотношение этих событий и присматривайтесь: не ведет ли вас чья-то рука, не узнаете ли вы ту руку, что задерживает одни события и ускоряет другие, — и все это без малейшего вмешательства в действие закона кармы.

Если вашу группу можно будет привести к строгому единomyслию, к единству целей и к гармонии, то вы станете ощущать *указания* и правильное направление, в котором следует двигаться, воспринимать их столь же ясно, как Бишоп и К^o воспринимают едва ощутимое напряжение мускулов той руки, с которой происходит соприкосновение. Это метод подготовки младших чела — *там, на родине*. Они фиксируют любое незначительное обстоятельство, сравнивают накопленные цифры, выводят из этих посылок свои заключения, и эти выводы безошибочно ведут их вперед. Это помогает обострению интуиции и чувствительности, восприимчивости, развивает ясновидение, и каждый чела привыкает мгновенно распознавать мельчайшие изменения в невидимой ауре вечно присутствующих рядом мыслей своего гуру, который *направляет* события, но никогда *не творит* их. Понятно ли вам это, о агнец божий? Попробуйте уразуметь.

Бедный, бедный мой друг, как же вы чертовски глупы при всем вашем интеллекте, ирландско-индусской остроте восприятия и прочем. Это тот самый *червь*, что подгрызает вашу пронизательность, способность смотреть вглубь. Это *злой дух* вашего семейного очага, так прочно внедрившийся в ваши мозги, что они едва способны действовать после очередной методистской головомойки. О мой бедный подавленный друг, чего бы я только не отдала, чтобы вам помочь! Но как мне бороться с вашим ирландским эго, которое вступает в перебранку с вашим индусским, «мягким» эго и пытается его перекричать?

Я стараюсь быть с вами столько, сколько могу. Я часто наблюдаю за вами. Следите за тенями на стенах вокруг вас и черпайте силы у той, которая бывает рядом с вами чаще, чем вы об этом подозреваете. Не противоборствуйте Коузу в его вотчине. Ради меня, действующей на *внешнем* плане, не выступайте против него открыто. *Он — орудие в руках кармы*, а вы мешаете проявлению этого *закона*.

Будьте *сильны, спокойны, тверды и полны надежды*. Вам ведь еще нет и сорока лет.

Искренне ваша

Е.П.Б.

Письмо 4

У.К.Джаджу

12 августа 1887 г.

Дорогой Джадж!

Чтобы лучше понять мою сегодняшнюю телеграмму, знайте, что в течение нескольких дней я размышляла над вашим письмом и письмом Коуза, ощущая ту огромную ответственность, которую вы хотите на меня взвалить. Но позапрошлой ночью мне показали нынешнее состояние теософии и теософских обществ с высоты птичьего полета. Я увидела горстку искренних, надежных теософов, сошедших в смертельной схватке со всем миром и с другими теософами — номинальными, но честолюбивыми. Число первых значительно больше, чем вы можете предположить, и *они одержали победу*, точно так же, как *в Америке победите вы*, если только будете твердо следовать программе Учителей и останетесь верны себе. А прошлой ночью я видела .: и теперь ощущаю себя сильной — такой, *какова я в своем теле*, и готовой сражаться до последнего вздоха за теософию и немногих *верных* ей людей.

Вы готовы помогать мне и дальше приносить эту жертву — принять и постоянно нести это пожизненное, *воистину* тяжкое бремя? Мой выбор сделан, и я от него не откажусь. *Я остаюсь в Англии*, посреди воющих волков. *Здесь* я нужна и нахожусь поближе к Америке; *там же*, в Адьяре, зреют темные заговоры против меня и бедного Олькотта (что вам будет легче понять, прочитав письмо Берта и приложенное к нему одно из писем Олькотта), и я могу лишь *сама* защищаться, но не в состоянии приносить пользу Обществу и Делу. Силы защитников настолько скудны, что их необходимо очень разумно распределить по всему земному шару, везде, где теософия сражается с силами тьмы. Пусть О[лькотт] остается в Адьяре — я же останусь здесь. Если вы с Коузом осуществите план, то у нас будут четыре больших и мощных центра: Америка, Париж, Индия, Англия.

Слова, сказанные .: : «Пусть оба объединятся и претворят в жизнь свою идею тайного совета. Но для эффективной работы необходимы два условия:

1) честная, добросовестная работа, выполняемая в полном согласии и подкрепленная обещанием поддерживать друг друга и оставаться едиными в счастье и в горе, в победе или в поражении, которому никогда не будет позволено достичь своей кульминации, если эти два человека сохраняют верность друг другу;

2) чтобы заставить замолчать критиканов и оппонентов, президента и генерального секретаря следует избирать *пожизненно*».

Это могут осуществить ваши личные сторонники, и это обязательно будет сделано, если вы поручитесь за успех и воспользуетесь помощью .: здесь, в США: он станет помогать вам так же, как «Илларион» помогает нам здесь. Если президент будет *постоянным*, то никакие протесты, никакая критика не возымеют эффекта. Во всем США не найдется человека, более подходящего для борьбы за теософию и ее Общество, чем Э.Коуз; нет человека, более преданного Им и делу и столь же пригодного для этой цели, нежели вы. Это слова самого .:. У вас обоих есть свои недостатки, бывают промахи, но все это с лихвою перекрывается вашим *соответствием* теософской работе и необходимыми для нее особыми качествами. При том, что вы оба представляете собою полярные противоположности, это лишь станет притягивать к вам людей с противоположных концов. Эти противоположности станут вашей силой и мощью, слившись *воедино*, — или вашим крушением, причиной вашего поражения, будучи разведены в стороны.

Объединяйтесь, объединяйтесь, говорю я вам, и вы достигнете *высшей цели*, ради которой вас так долго вели к примирению и по пути к которой вы, образно выражаясь, успели расквасить друг другу носы. Займите мое место в Америке, а после того как я окончательно уйду, — в Адьяре. Если у вас не больше личных амбиций, чем у меня (а я знаю, что *не больше* — только боевитость), то для вас это будет не большей жертвой, чем для меня — держать Олькотта при себе президентом, проклиная его с утра до вечера и в то же время зная, что нет для этой работы человека лучше него.

«Для него это вообще *не является* жертвой, — сказала я, — если я, конечно, знаю своего У.К.Дж[аджа]». — «Нет, в действительности, конечно же, нет, однако иллюзия того, что это — жертва, еще может крепко держаться в теле “старика”», — заметил .: . Так ли это? Надеюсь, что нет.

Dixi. Мне больше нечего вам сказать, пока я не получу вашего ответа. В работе я навсегда «искренне ваша». Располагайте мною, я буду *тем, что вам нужно*, и стану помогать вам изо

всех сил; *если вы согласитесь*, то пришлите мне инструкции относительно моей части работы, и тогда поживем — увидим.

Насчет «заговора в Адьяре». Он начался вскоре после празднования очередной годовщины. Я получила обращение за подписями 107 человек, которых возглавили Субба Роу, Купер-Оукли и Нилд Кук; меня просили вернуться в Адьяр на следующую годовщину. Затем на сцену вышел Субба Роу со своими нападками на меня и на семь принципов (см. письмо Берта). Сегодня госпожа Кук, умирающая от рака, в отчаянии пишет Берту, пытаюсь узнать у него, что же нашло на ее брата в Адьяре. К[упер]-О[укли], С[убба] Р[оу] и иже с ними плетут интриги, пытаюсь помешать моему возвращению в Адьяр, и размахивают жупелом «русской шпионки», запугивают всех святыми отцами и т. д. Вся эта братия (кроме самого С[убба] Р[оу]) непрестанно пишет письма о том, что Учитель якобы *настроен против меня и подсказывает* С[убба] Р[оу] (!), каким образом хотя бы частично уменьшить причиненное мною зло!! Они говорят, что Л[ондонская] Л[ожа] здесь уже практически потеряна, что она, по сути, погибла под моим *злостным* влиянием, подвергнувшись психологической обработке с моей стороны. Олькотт, как видите, пишет, что Совет единогласно принял резолюцию о том, чтобы просить меня отложить мое возвращение.

Все это я знала; мне был известен смысл слов Нилда Кука: Субба Роу — единственный, кто в силах спасти Общество (основанное мною!), и он готовит какую-то великую *реформу*. Бедные глупцы!

Что ж, я пробудила к жизни Франкенштейна, и он теперь норовит сожрать меня. Вы один в состоянии спасти этого демона и сделать его *человеком*. Вдохните в него если не Дух, то хотя бы Душу. Станьте его спасителем в США, и да снизойдет на вас благословение моих *Старших*.

Ваша «старушка»,

правда, всегда готовая раскрыть вам свою *внутреннюю* жизнь, если вы только как следует возьметесь за работу.

Е.П.Б.

Пожалуйста, обратите внимание Коуза на одну новую книгу, изданную нашим врагом Лилли, «Буддизм в христианстве». Прочтите страницы 358 и 404 и сообщите мне, можно ли найти худший пасквиль, чем это произведение!

Письмо 5

У.К.Джаджу

15 сентября 1887 г.
Майкот

Дорогой мой У.К.Дж[адж]!

Либо я что-то напутала и написала одно, *подразумевая при этом нечто совсем иное*, либо вы меня неправильно поняли. Учитель *предложил*, как вы изволите выразаться, а не *приказал* (ибо Он больше не «*приказывает*» с того момента, как началось раскрытие характера каждого крупного теософа), и поэтому Он приказал (только мне) телеграфировать вам обоим и спросить, готовы ли вы, прониклись ли желанием, созрели ли вы для того, чтобы *вас избрали пожизненно*. Это не значит, что вас должны избрать прямо сейчас и что начинать следует именно с этого. Начинать со смены фасада было бы смешно и абсурдно. Это означает только то, о чем я вам телеграфировала.

Для начала вас обоих нужно избрать сроком на один год, а затем, в том случае, если вы

будете готовы дать *обет пожизненного служения*, тогда незримые силы направят течение дел и событий в такое русло, что вы будете единогласно избраны пожизненно (точно так же, как избрали нас с Олькоттом), дабы продолжать нашу работу после того, как мы уйдем из жизни. Вы понимаете, что, собственно, это значит? Это значит, что если вы не согласитесь, то обречете меня на *печальную жизнь и печальную смерть*, ибо все это время меня будет терзать мысль о том, что теософии приходит конец; что в течение нескольких лет я буду не в состоянии помогать ей и направлять ее развитие, ибо буду действовать в теле, которому предстоит уподобиться *нирманакае**, потому что даже в оккультизме существуют такие вещи, как неудача, промедление и *нестыковка*. Но я вижу, что вы меня не понимаете.

Джадж, *попытайтесь понять*. Что бы вы ни предприняли, поспешите, ибо вы не знаете, что может произойти завтра. К тому же вы еще не умеете беспристрастно разбираться в людях, заглядывая *за плотную завесу майи**. Если вы испытываете к кому-то любовь и привязанность, то не замечаете его пороков; если же кого-то не любите, то всячески преувеличиваете его недостатки. Все это так естественно и так по-человечески, мой дорогой друг, но — не по-теософски.

«Lucifer»* вам уже выслан. Мне не нравится его первый номер, точнее, я им недовольна. Я постаралась сделать его *совершенно непохожим* на «Path» и «Theosophist», дабы их интересы не сталкивались и они не вредили друг другу, но теперь то, что из этого вышло на деле, меня раздражает.

Поехать в Индию, прежде чем англичане меня выгонят? Вы, наверное, хотите сказать, прежде чем англичане меня *загонят* кое-куда, ибо именно это произойдет, если я поеду. Нет уж, спасибо. Думаю, что я полезнее здесь, в Лондоне, на свободе, нежели в Адьяре *в тюрьме* как русская шпионка — по одному лишь подозрению.

Всегда искренне ваша

Е.П.Блаватская

Поступайте как угодно. Не спрашивайте моего совета, потому что в действительности я готова сделать все, что вы мне скажете, вот только советовать вам ничего не стану. Пусть все идет своим чередом согласно карме.

Письмо 6

У.К.Джаджу

лично

[15 сентября]

Это только что написанное письмо вы вполне можете при случае показать К[оузу]; следовательно, я не написала в нем ничего такого, что могло бы помешать вам поступить подобным образом. Но то, что я вам говорю, это истинная правда. Учитель, по каким-то своим соображениям, *хочет*, чтобы вас избрали пожизненно, — это ясно как божий день. Я *не могу* написать К[оузу], что это было *испытанием*, поскольку таковым оно не являлось: это был просто вопрос, на который вы оба ответили.

Я готова как угодно приврать, когда речь идет о *мирских* принципах, но не могу *лгать*, когда дело касается Учителя. Я еще меньше, чем вы, хотела бы видеть этого человека и вообще кого угодно (кроме *вас*) избранным пожизненно. Но коль скоро это входит в программу *будущей деятельности* и общей политики, то я вынуждена подчиниться, как бы неприятно ни было это для меня лично. Однако если мне не нравится подобная идея, то лишь потому, что я больше *никому* не верю, за исключением вас и, возможно, Олькотта. Я утратила остатки своей веры в человечество и вижу и ощущаю (и не без оснований, если угодно) повсюду одних лишь Иуд. Но с вами все совсем по-другому. Вы не желаете, чтобы *этого человека* избрали пожизненно, ибо вы преувеличиваете его дурные наклонности, его «уловки» и мстительность.

Что ж, вы правы лишь относительно последнего порока. Коуз и *вправду* мстителен, потому что он *горд*, и если вы *сейчас* сделаете его своим врагом, то вы своими собственными руками задушите теософию в США. Что он мстителен, это верно, но он отнюдь не *лжив* и не склонен «ловчить». Вы его просто не знаете. Он необыкновенно восприимчив, просто ужасно. Он больше, чем *медиум*, ибо он вводит в заблуждение не только своих «клиентов», свою публику, но и *самого себя*, что другим медиумам не свойственно. Он *самовнушаем* в высшей степени. Это заходит так далеко, что вы можете раскусить те или иные его «трюки» и считать их именно таковыми, тогда как сам он будет верить в них *как в истину и непреложный факт*. Коуз — то же самое, чем был Магомет, хотя Магомет и основал религию, которая в тысячу раз лучше любой другой, кроме буддизма. Какое вам дело до кармы Коуза, если этот человек добивается благих результатов для теософии? Коуз — наш последний *козырь*. Если вы его потеряете, то и для вас, и для нашего дела битву можно считать проигранной, вот что я вам скажу. Это наше Ватерлоо. Олькотт *слишком* слаб, хотя и выглядит крепким.

Весь план, что вас так «расстроил», «план на всю жизнь», является одним из последствий женитьбы Коуза на госпоже Бейтс. Эта женщина — просто ангел, к тому же она — мой лучший друг среди женщин. Она станет для Коуза настоящим спасением. Этот человек глубоко несчастен в своем уязвленном самолюбии, потому что общество забрасывало его грязью в течение двадцати лет, когда он этого совершенно не заслуживал. Есть в нем нечто от традиционного «падшего ангела», и я еще раз повторяю: Джадж, вы просто не понимаете этого человека. Дайте избрать его на один год, а там посмотрим. Но что бы вы ни делали, во имя милосердия, *во имя Учителей*, ради себя самого и ради общего Дела не становитесь вновь врагами. Я чувствую себя глубоко несчастной и пребываю в отчаянии, и это вы довели меня до такого состояния. Я об этом деле уже и не помышляла, я отказалась от всяких мыслей об этом, когда услышала, что между вами обоими намечается какое-то политическое *соглашение*. Это меня воодушевило. Затем из Вашингтона одновременно пришли письма от вас обоих. Учитель велел мне вам телеграфировать, что я и сделала, а теперь, оказывается, вы *этим расстроены!*

Мой самый дорогой друг, вы не можете сделать человека *теософом*, руководствуясь своими чувствами к нему. Но вы в состоянии создать превосходное оружие, *волшебный «молот Тора»**, с которым вы сами можете стать Тором, непобедимым в схватках со злобными «инеистыми великанами»* этого грешного, погрязшего в материализме мира. Мы должны делать все, что в наших силах, пользуясь подручным материалом — или же *немедленно* прикрыть нашу «лавочку». *Аминь*.

И да просветят вас Учителя.

Ваша

∴ *

Письмо 7

У.К.Джаджу

[Конец сентября 1887 г.]

Дорогой мой У.К.Дж[адж]!

Допусти я хотя бы на *мгновение*, что «Lucifer», как говорится, «сведет на нет» влияние «Path», я никогда не согласилась бы стать его редактором. Послушайте, мой старый добрый друг: раз уж Учителя провозгласили ваш «Path» самым *лучшим* и самым *теософским* из всех теософских изданий, то наверняка это было сделано не для того, чтобы позволить его влиянию «сойти на нет»!! Я знаю, что говорю и делаю, и мой «гений-покровитель» этому не противодействует. В доказательство этого (что подтвердит вам первый номер журнала «Lucifer», когда вы ознакомитесь с его *полемическим* содержанием), я регулярно, с

периодичностью раз в месяц, буду писать для «Path» статьи оккультного, трансцендентного и теософского содержания. Даю вам честное слово Е.П.Б. Я заставлю людей подписываться на «Path», что никак не повредит журналу «Lucifer». Один из них — это боевой, воинственный манас*, другой («Path») — чистый буддхи*. Разве не могут они оба образовать единый наступательно-оборонительный союз в одной рупе, или стхулашарире*, теософии? «Lucifer» станет бойцом теософии, «Path» — ее лучезарным светом, звездой мира. Если ваша интуиция не нашептывает вам: да, так оно и есть, то это значит, что означенная интуиция, должно быть, витает в облаках. Нет, сэр: «Path» издается слишком хорошо, слишком по-теософски, чтобы я вмешивалась в его дела. Я не создана для кроткой, умиротворяющей литературы!

Теперь о К[оузе]. Все, что я думала и говорила о нем, остается в силе. Но впредь *над ним будет простерта железная длань*, которую он не будет осознавать. Он тоже боец теософии, а в США — ее главнокомандующий. Я долго над этим думала, размышляла, взвешивала, пока чуть не спятила. Никогда бы не подумала, что он откажется от Общества с упразднением этого треклятого отдела управления. Но, Джадж, если вы испытываете любовь к теософии и к нашему Делу, если вы готовы спасти это несчастное здание, которое дрожит и трещит по всем швам, тогда поставьте во главе движения эту *сильную, упорную личность*. Пусть работа с этим человеком — лишь полумера. Но если мы не доверим сей пост этому Атилле в качестве «ангела с мечом», то никто, даже Олькотт, не справится с подобной работой в Америке.

Смотрите, Адьяр уже коллапсирует. Только что получила письмо от О[лькотта]. Он пересылает мне одно из посланий, полученных им от Купер-Оукли, который вынудил Совет проголосовать за то, чтобы я в этом году не возвращалась в Адьяр. Я отправлю вам этот образчик низменных происков и интриг — сможете оценить сами. Остерегайтесь К[упер]-О[укли]! Он полон решимости отделаться от меня и при помощи лжи, клеветы и инсинуаций уже склонил на свою сторону Субба Роу. Поверь мне, о сын мой Гистасп*, у журналов «Lucifer» и «Path» достаточно сил, чтобы стать армией, способной сдерживать темные интриги и заговоры. Всем этим деятелям не терпится занять мое кресло. Да не натрут они себе мозоли на соответствующих местах!

Поспешите, не медлите, что бы вы ни делали. Будьте готовы, если *вдруг придется идти до конца* и силою брать Царство Небесное. [...] * *быть* [...] *чела* [...] должен воспринимать [...] в качестве [...] гуру. Таковы распоряжения.

Ваша второпях

Е.П.Б.

Письмо 8

Теософам Соединенных Штатов и Американскому Теософскому Совету

27 сентября 1887 г.
Лондон, Зап.Лэндсдаун-роуд, 17
(Холланд-Парк)

Дорогие братья и сестры!

Ввиду того, что съезд, состоявшийся в апреле 1887 года, оставил открытым вопрос о должности президента, по распоряжению Тайного Совета Священного Братства, наделившего меня изначальными полномочиями в качестве основателя [Теософского] Общества, во исполнение данных полномочий я назначаю д-ра Эллиота Коуза, президента Гностического Теософского Общества (Вашингтон, федеральный округ Колумбия), президентом Американского теософского совета с этого дня и до очередного съезда и поручаю моему соучредителю, У.К.Джаджу, генеральному секретарю [Теософского] Общества в Америке, довести факт данного назначения до сведения всех отделений [Теософского] Общества. Президент обязуется выполнять и защищать действующую Конституцию, принятую в апреле

1887 года.

С братским приветом

Е.П.Блаватская

По распоряжению Тайного совета.

Письмо 9

У.К.Джаджу

[5 июня 1888 г.]*

Дорогой Джадж!

Несколько слов, но крайне серьезных. Субба Роу, Купер-Оукли и Н.Кук вышли из Теософского Общества и уехали из Адьяра. Олькотт, которому по просьбе С[убба] Р[оу] пришлось объявить об этом в журнале «Theosophist», с присущим ему тактом написал в коротенькой заметке, что это было сделано, чтобы «не связывать себя никакими обязательствами», как он это называет, и что причиной этому послужили «натянутые отношения между ним (С[убба] Р[оу]) и вами» (то есть мною!).

Что ж, вероятно, так оно и было. Все, что я знаю, так это то, что при первом же слове о С[убба] Р[оу] или К[упер]-О[укли] или любом из них С[убба] Р[оу] обрушится с яростными нападками *на меня, на Олькотта* и на «Т[айную] Доктрину». Разразится *новый скандал*, похлеще истории с Куломбами. А последней каплей, переполнившей чашу, стало именно ваше обращение ко мне в журнале «Path». Что ж, теперь я прошу вас именем Учителей *ради меня* и ради нашего общего Дела ни единым словом не обмолвиться в «Path» об их выходе из Общества. Пусть это *пройдет незамеченным*. С[убба] Р[оу] готов наброситься на нас при поддержке К[упер]-О[укли], М[ейбл] К[оллинз]* и прочих. Я, со своей стороны, не напишу ни слова в журнале «Lucifer», словно этот человек никогда не существовал. Вы знаете, что С[убба] Р[оу] заявил, будто он в течение последних двух лет поддерживал связь с моим Учителем, фактически — с .: !!! Что он показывал письма на санскрите от Него (но написанные не Его почерком и не в однородной «сплошной», каллиграфической манере — это на санскрите-то!), адресованные ему, С[убба] Р[оу], и что он перевел их для К[упер]-О[укли].

Содержание писем сводилось к тому, что он, С[убба] Р[оу], должен *реформировать Общество* и что Учителя от меня, Е.П.Б., отказались!! К[упер]-О[укли], избравший С[убба] Р[оу] своим гуру и почитающий его, так же как и Н.Кук, безоговорочно верит в него. Что там куломбовские «муслиновые надутые Махатмы» по сравнению с *этим!* Чур, чур — мне нельзя ничего говорить, как бы сильно я ни возмущалась. Но коль скоро ряды наши редеют и один за другим нас покидают наши лучшие умы, чтобы стать нашими *злейшими* врагами, то я бы сказала: «Благословенны чистые сердцем, обладающие одной лишь *интуицией*, ибо *интуиция лучше интеллекта*». Я сниму копию с вашей статьи и вышлю вам ее на этой неделе.

Всегда искренне ваша

Е.П.Б.

Письмо 10

Джону Рэнсому Бриджу

14 сентября [1888 г.]
Лондон

Дорогой господин Бридж!

Должна выразить вам свою бесконечную признательность за то, что вы проявили по отношению ко мне чуткость и доброту, прислав мне для изучения копию вашей переписки с господином Джаджем. Надеюсь, на сегодняшний день от меня не требуется специальных заверений в том, что я и не помышляю стать кем-то вроде «папы римского в юбке» или выдвинуть догматическое учение. В обществе у меня есть немало влиятельных друзей, чье рвение приводит иногда к неправильному пониманию. Среди них моим самым благосклонным и горячим сторонником является мой друг г-н Джадж. Но даже у него, как вы можете заключить из его письма, не было намерения меня парализовывать, хотя его оригинальный циркуляр вроде бы дает некоторый повод для подобного прочтения. В действительности же речь шла не об исполнительной власти; то, что имелось в виду, *было связано с оккультным обучением* и отношениями между учениками и учителем.

Факты же таковы.

В течение последних двенадцати лет я сообщала и передавала оккультные знания некоторым более или менее известным личностям (в том числе и нескольким индусам), не связывая последних никакими обетами и не ставя им никаких условий. С того времени, когда разгорелся этот постыдный заговор Ходжсона и Куломбов против меня, некоторые из моих бывших учеников, плохо усвоившие теософский дух, покинули меня, успев перед этим записаться ко мне в чела. От последнего вида отношений, однако, они отказываться не стали. Поэтому с тех пор они начали выдавать *искаженные* версии эзотерической философии, состоящие на четверть из истин и на три четверти — из неверных представлений и собственного тщеславия. Так подобная мешанина противоречивых утверждений и попала в печать, и все это обрушилось на мою несчастную голову. Но этим дело не ограничилось, и, одержимые стремлением сделаться более значительными, они стали заявлять, что мои оккультные знания за время моей болезни якобы выветрились, что даже *Учителя* отвернулись от меня, обратив свои взоры на моих *бывших питомцев*, и что я теперь являюсь добычей элементаров и незрелых чела! Однако многие люди желают продолжать обучение у меня. Но я не хочу этим заниматься, разве что в виде исключений, необходимость которых устанавливаю опытным путем. Я решила, что больше не позволю осквернять имена *Учителей* и втягивать их в болото идиотского критиканства.

«Ложа Блаватской» Теософского Общества* стала результатом этой идеи, разработанной несколькими десятками таких друзей, которые готовы войти в нее и следовать за мною в духе искренней преданности по пути истинного оккультизма. Идея состояла (и *состоит*) в том, чтобы свести мои лекции по четвергам к их записи, а копии рассылать всем симпатизирующим отделениям и теософам, а также чтобы теософы со всего света присылали мне вопросы, а я на них отвечала.

У меня нет ни малейшего стремления к исполнительной власти. Терпеть не могу бюрократическую и парламентскую работу; у нас с Олькоттом разные пути. И все же мы с полковником все это время действовали вместе на двух разных планах: он осуществлял исполнительную эзотерическую работу, а я трудилась в философской и эзотерической сфере. Между нами не бывает ни малейших разногласий. Сейчас Олькотт гостит у меня, и мы с ним все такие же преданные старые друзья и сотрудники, какими были всегда. Он прибыл из Адьяра, дабы уладить здесь всевозможные теософские организационные конфликты, в первую очередь — парижскую революцию в «Ложе Изиды», три члена которой выступают *против* моего права вмешиваться, а остальные выступают за меня.

Будучи по должности членом Исполнительного совета в Адьяре, мне *действительно* пришлось прибегнуть к своему праву и издать *временное чрезвычайное распоряжение*, чтобы как-то уладить нынешнюю скандальную историю в парижской ложе, и мои действия были одобрены президентом-основателем и Исполнительным советом в Индии. Теперь, когда приехал Г.С.Олькотт со всеми своими полномочиями, это дело переходит к нему. Но факт остается фактом: три члена французского отделения тем временем выпустили бюллетени,

насмехаясь надо мною и над Учителями («*les pretendus Maitres*»¹¹⁸, как они их именуют), и разослали эти бюллетени по всем отделениям, куда только сумели додуматься, но я больше не буду этим заниматься. Я не вмешиваюсь, за исключением вышеупомянутых чрезвычайных ситуаций, в организационные дела полковника Олькотта, поэтому и он не вмешивается в мою специальную область — оккультное учение, и он заодно со мною. *Et, voila tout!*¹¹⁹

Полковник Олькотт сейчас находится здесь еще и для того, чтобы организовать Британскую секцию Теософского Общества, которая включала бы в себя все британские отделения [Теософского] Общества, а я организую с помощью полковника специальный центр — дополнение ко второй секции из признанных чела (таких, как президент-основатель, г-н Джадж и некоторые другие), из тех, кто изучал бы исключительно оккультизм, кто готов принять — не в качестве догмы, а как основу для саморазвития — то учение, проводником которого я выступаю и которое я не могу передавать никому, кроме тех членов, которые *дали обет*; ибо не посвящать же мне их в «Тайную Доктрину»?

Вы сами знаете, что в таком Обществе, как наше, в процентном отношении всегда будет больше тех, кто не склонен специально изучать мистику и интересуется преимущественно экзотерическими аспектами нашего движения, и гораздо меньшее число тех, чьим единственным устремлением является мистическое знание и оккультная жизнь. Именно этих людей мы и приглашаем, и именно это имел в виду г-н Джадж. Никто не обязан в этом участвовать, и меня не будет волновать, даже если вы все отклоните наше предложение.

Вы вольны поступать с этим письмом как угодно.

Полковник Олькотт присоединяется ко мне в своих дружеских пожеланиях и передает вам привет.

С братским приветом искренне ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 11

У.К.Джаджу

7 июля 1889 г.
Фонтенбло, Франция,
отель де ла Вилль де Лион & де Лондр

Дорогой У.К.Дж[адж]!

Поскольку меня тайно похитила госпожа Ида Г.Кэндлер из Бостона и заставила приехать сюда отдыхать на месяц, у меня сейчас появилось немного времени, чтобы написать вам и высказать все, что я должна была вам сказать и что осталось невысказанным со времени вашего отъезда.

1. Я не благодарю вас за тех двух человек, которых вы сюда прислали и в отношении которых я сделала все, что вы хотели, в точности следуя вашим инструкциям. Я подружилась с ними обоими и ничего против них не имею; они любят меня, я люблю их, но применительно к *нашей* работе здесь ни от одного из них пользы нет ни на грош. И Фуллертон, и Лейн в Англии оказались совершеннейшими неудачниками. Первый хотя бы работал и делал все, что мог; второй же не прикасается ни к чему и не говорит ни о чем, кроме самоубийства. Через пять дней после своего приезда он отправился на остров Уайт и пробыл там две недели; как только я отплыла во Францию, он уехал в Шотландию.

Я ничего не могу сделать для него.

¹¹⁸ «так называемыми Учителями» (франц.).

¹¹⁹ Вот и все! (франц.).

2. *In re** Э[зотерической] С[екции]. Теперь вы знаете, *то есть должны знать*, ибо ситуация полностью определилась, что если потерять сейчас Э[зотерическую] С[екцию], то рухнет все Теософское Общество в Америке, за исключением нескольких пустяковых отделений. Потеряйте его — и сами вы станете беспомощны и бесполезны. Э[зотерическая] С[екция] — это пульсирующее сердце Теософского Общества, и без него Теософское Общество останется лишь *фикцией*, и больше ничем.

Если бы у нас было 100 Анни Безант и Гербертов Барроузов*, то Теософское Общество могло бы со временем стать истинным Братством, ядром будущего благосостояния человечества, как во «Взгляде назад». Но у нас только одна Анни, один Герберт — и сотни сентиментальных и наполовину, если не совсем, эгоистичных дурачков, которые ссорятся и спорят и губят все в целом.

Так что истина в том, что вся сила коварства Коуза направлена против одной лишь Э[зотерической] С[екции], а следовательно, и против меня. Если вы *этого* не понимаете, то, значит, вы не тот пронизательный ирландец, которым я вас считаю. Теперь вы знаете, что Коуз *вас ненавидит*, однако нападает только на меня, хотя до недавнего времени он не испытывал ко мне ненависти, а возлагал на меня большие надежды — относительно себя самого. Коуз знает, что, как только он разрушит Э[зотерическую] С[екцию], он остановит сердце и всю жизнедеятельность Теософского Общества в Америке, — вот и действует соответственно. Коуз в своем роде мудр, а вы, как я вижу, *нет*. Прочтите интервью, которое он дал репортеру «Washington Star», и посмотрите, как изощренно он действует. Весь его замысел сводится к тому, чтобы отождествить теософов с бутлеритами и сделать в глазах публики идентичными такие понятия, как «эзотерический» и «эзотерики Теософского Общества», что должно нас погубить. Так *что же* мы можем противопоставить этому человеку? Вы выгнали его, исключили его, а он выступает, как если бы он являлся президентом Теософского Общества, имея наглость заявлять, что «мы (то есть Коуз) не собираемся позволять ей (то есть Блаватской) делать то-то и то-то». И он по-прежнему будет насмехаться над нами: ведь у него есть деньги, и он в состоянии купить с потрохами самого дьявола, а у нас денег нет, и газеты отказываются печатать наши ответы ему.

Теперь я заявляю, что единственным нашим спасением от этого является Э[зотерическая] С[екция], и, как бы плохо ею ни руководили, большинство ее членов всегда останутся верными нам, и, если бы мы только смогли образовать ответвления этого Общества и основать эзотерические *ложи*, президенты которых отвечали бы за своих членов и получали бы по одной инструкции на всю ложу (пусть по две-три, пусть по несколько), вот тогда все было бы в порядке.

Ваше предложение упразднить должности семерых советников невыполнимо и, простите, абсурдно. Вы что, хотите выставить меня ветреной дурой, на которую нельзя положиться? Я только что назначила этих людей, а теперь должна их вышвырнуть? Нет, сэр. *Мне велели* это сделать, и я сделала; если же (из-за вашего промаха и упрямства) Э[зотерическая] С[екция] рухнет, то эти семеро падут вместе с нею, и я тоже — за компанию. Ибо как только Э[зотерическая] С[екция] рухнет, я окончательно отойду от Теософского Общества. Уж в этом я *клянусь*. Между глупостями, которые порют, с одной стороны, Олькотт, а с другой — Харт, Теософское Общество будет не более чем фарсом. И я вас уверяю, что Коуз это прекрасно знает, и если вы позволите ему победить, то пусть на вас обрушится бремя кармы. Делайте что угодно и как угодно. Даю вам *карт-бланш**. До тех пор, пока будет продолжаться брожение и жизнь в Э[зотерической] С[екции] не войдет в нормальное русло, я буду давать вам указания, которые, даже попади они в руки врагов, все равно не причинят нам никакого вреда. Чтобы я делилась с учениками серьезной информацией, пока не *узнаю* как следует своих чела? Да ни за что! Ладно, все это еще *цветочки*, ягодки будут впереди — так что ведите себя прилично. *Dixi*.

Берт вышлет вам обращение Эзотерической Ложы «Горуса»; пожалуйста, посмотрите, сможете ли вы опубликовать его в «Path». Из этого обращения следует, что Махатмы или не Махатмы, но того, чему могу обучить я, достаточно для старых каббалистов с двадцатилетним стажем. Все члены Ложы «Горуса» (Брэдфорд) — старые масоны и каббалисты, и то, что они говорят в своем обращении, заставит людей задуматься и утрет нос Коузу.

Теперь я вижу, насколько верно то, что говорит Лейн [Фокс]. Что нам нужно в Америке, так это хотя бы *еженедельник*, если уж не боевая ежедневная газета. «Path» — это «агнец-Иов», это вечно смиренный Иеремия, так же как и наше «Revue Theosophique»* в Париже. Вы едва

ли осмелитесь сказать «фи!» на страницах своего журнала: а вдруг это будет выглядеть как полемика? Если бы вы, воспользовавшись случаем, обратились к каждому теософу и эзотерику и призвали на помощь Бака и еще кого-нибудь и, изложив им правду о том, что любая газета считает своим долгом лягнуть нас, но не печатает наши ответы, собрали бы деньги, сумму, достаточную для издания еженедельника, *первоклассной* теософской боевой газеты — какого-нибудь «The Champion» или «Wrangler» или чего-либо в этом роде, и назначили бы Фуллертон *номинальным* редактором, а сами стали бы реальным боссом, тогда бы мы могли преуспеть.

А сейчас госпожа Кэндлер (жена конгрессмена, предлагающего в октябре в Вашингтоне двинуться в поход за скальпом Коуза), которая меня обожает и подтверждает это, обещает нам 300 в год за нечто подобное. Она заставила меня приехать в Париж и потратила 30 долларов на одну лишь дорогу сюда, заставив Берта купить забронированные места в спальном вагоне и еще всякую всячину — для меня, моей служанки и себя самой (она решила меня сопровождать), поселив меня в номере люкс на целый месяц и тратя на меня деньги, как помешанная; эта женщина сделает для меня все что угодно. Она благородна, очаровательна, преданный друг и теософ, и она будет для вас ценным союзником в октябре. Она организует компанию по подписке на ваш *еженедельник* и сама положит ей начало, внося кругленькую сумму. Ваш «Path» — превосходнейшее *теософское* издание, но для военных целей оно непригодно.

Ну вот и все. Сегодня — или никогда. Мы тут с Бертом получили искивые заявления от госпожи Кук, которая собирается привлечь нас к суду за клевету и моральный ущерб в связи с *двумя* нашими *пасквилями*, опубликованными в журнале «Light»!! Истица делает первый ход, а я не имею права ответить и опровергнуть ее клевету. А что будет дальше? Меня просто тошнит, тошнит, тошнит от всего. Если вы мне не поможете, я все брошу.

Ваша [...]

Е.П.Б.

Письмо 12

У.К.Джаджу

5 августа 1889 г.
Остров Джерси

Дорогой Джадж!

Я начинаю испытывать и разделять ваше царственное презрение к тому, в каком *свете* представляет все Совет Э[зотерической] С[екции] в Лондоне. Ошибки бывают такие, что впору рвать на себе волосы от отчаяния. *И вправду* прогнило что-то в королевстве датском, действительно, весьма прогнило. Вот полюбуйте: ни одну из *инструкций* А.Григгс так и не получил; он жалуется, а Берт клянется, что выслал их ему на адрес его отеля в Бостоне. Ну и *где же* они? Если, как меня заверяют, на каждой посылке указан наш адрес и почту просят вернуть по нему бандероль, если адресат *не найден*, то как получилось, что почта не выполняет нашу просьбу? Чья здесь вина — Григгса или Берта? Черт бы побрал этих двух ослов! Сейчас при мне Мид*, у которого есть и память, и более того — мозги. Посмотрим, возможно, это как-то поможет.

Только что написала Бриджу и другим. Ничему из того, чем вы станете заниматься, никогда не будет отказано в моей поддержке. Быть может, вы окажетесь виновны в глупостях, однако я сумею их сгладить. Но какого черта вы утверждаете, будто я на вас нападаю? Что ж, думаю, это вам во сне привиделось.

Вот что я ответила Бриджу на его совет мне назначить Григгса советником вместо него, поскольку тот, по-видимому, ему завидует: «Он слишком невнимателен и нерадив. И тем не

менее ради того, чтобы сохранить атмосферу всеобщего спокойствия, я бы охотно пошла на это, если бы все оставалось в нынешнем виде; но оставаться в таком виде оно не может. От семерых советников пользы никакой, я это понимаю. Кто нам нужен, так это официальные председатели оккультных лож, подобных “Горусу” в Брэдфорде (Англия), где четырнадцать председателей, и все — старые масоны и каббалисты и трудятся, как один человек, и блестяще учатся (см. “Lucifer” за июль). Председатели, облеченные всею полнотою власти и наделенные привилегиями, единственные будут получать указания и нести ответственность за их исполнение, равно как и за членов своих лож. Председатели, которые сами будут подбирать себе членов и рекомендовать новых. Короче говоря, следует заняться активной реорганизацией Э[зотерической] С[екции].

Полагаю, вы слышали об этом от Джаджа. То, что он делает сейчас, вероятно, носит лишь временный характер. Если бы в каждом городе, где есть эзотерики, можно было бы созывать совет, это было бы прекрасно, так как прежде чем я возобновлю свое преподавание, Э[зотерическая] С[екция] должна быть прочно организована. Если мне вообще придется вас учить, и учить *настоящему* оккультизму, а не выдавать лишь некую порцию истины и отдельные намеки на остальную ее часть, как я это делала прежде, то я должна буду ощущать себя в безопасности. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день увижу те две инструкции напечатанными в журнале Банди. Если такое произойдет, особого вреда не будет; если же мне придется продолжать свое преподавание без специальной защиты, то подобная огласка может нанести неизмеримо тяжкий ущерб, попади эта информация в руки людей беспринципных. Здесь, да еще в качестве Е.П.Б., я не имею права отказывать никому, кто добивается приема в ученики. Но председатели оккультных групп такое право получают и будут обязаны при необходимости это делать. Таким образом, для меня существенно снизится риск принять предателей в наше Общество» и т. д. и т. п.

Вот что в числе прочего я написала ему, и это не отличается от вашей программы. Но более чем необходимо запретить *оккультизм* на этом перепутье. Мы не можем его запрещать после того, как пройдена первая ступень испытаний. Никто не обязан вести жизнь, наполненную тяжким трудом, за который нет никакой возможности получить вознаграждение. И вы должны ставить людей в известность об этом. В каждом городе, где есть несколько эзотериков, должен быть свой председатель оккультной группы. Относительно тех членов, которые живут разрозненно в отдельных населенных пунктах, должно появиться какое-то иное правило; а что если я положусь в этом смысле на вашу американско-ирландскую изобретательность?

Теперь о других делах. Приезжает Олькотт. Он будет здесь 24-25 августа. Хочет повидаться со своей сестрой Изабель Митчелл и просит вас известить ее о том, что он приезжает в последнюю неделю августа. Я не знаю ее адреса, к тому же не думаю, чтобы из этой встречи вышло нечто достаточно разумное и подходящее. Мне хватает забот и с одним Олькоттом, а если придет еще и сестра, я вас уверяю, она как пить дать его расстроит. С каждым годом он все легче поддается внушениям и манипуляциям тех, кто ему потакает (а *я этого не могу*), и становится все более упрямым. Что поделаешь! Раз уж я должна просить вас известить ее, я также оставляю вам решать, в интересах ли теософии присутствие этой женщины, так как лично я уверена, что для нас она хуже слона в посудной лавке и она сделает брата неуправляемым, словно с цепи сорвавшимся.

Почитайте мои письма в сентябрьском номере журнала «Theosophist», в августовском номере «Lucifer», и вы поймете, что я имею в виду. Если все обернется к худшему, то, откровенно вам говорю, Джадж: я выйду из Теософского Общества и порву с ним. Мне невыносима мысль о том, что от меня, давшей жизнь теософии, ожидают теперь, что я приеду в Адьяр, на поклон к Харту и Совету, выжившему из ума настолько, чтобы отречься от Учителей, от оккультизма — от всего. Представьте себе: Харт, опубликовав интервью, данное им глупому репортеру из «New York Times», затем напечатал в *моем собственном журнале* еще более глупые редакторские заметки, чтобы бросить мне в [...], что «Ложа Блаватской» — это *не Теософское Общество!!* Каков наглец! Имеющий уши да слышит.

Навеки искренне ваша

Е.П.Б.

Письмо 13

У.К.Джаджу

[Конец октября 1889 г.]*

Дорогой мой Джадж!

Если, зная, что вы единственный человек в Э[зотерической] С[екции], которому я могу достаточно доверять, чтобы не требовать от него принесения *клятвы**, вы все же превратно меня понимаете либо ставите под сомнение мою привязанность к вам или мою благодарность, то вы тогда, должно быть, вдобавок ко всему еще и *глупы*. Начнем с того, что вам лучше отклонить мои искренние извинения за то, что я поставила вас в неловкое положение. По-видимому, это не вы (во всяком случае, *непосредственно*) заставили переживать Бриджа, а Григгс. Но вот вопрос: это Григгс действовал на свой страх и риск, или же вы, советники с вами во главе, сочинили правило, согласно которому председатель, вступив в должность или *перед вступлением* в должность обязан сам принести клятву? Если это так, то это глупо, возлюбленный сын мой. Председатель каждой э[зотерической] группы должен первым делом заставить всех членов группы принести ему обет повиновения, затем повторить этот обет и лишь после этого — сам поклясться перед ними по эзотерическому Уставу. А ведь есть и еще будут случаи, когда какой-либо член Э[зотерической] С[екции] не захочет вступать в группу, пожелает остаться неизвестным или действовать отдельно от других, и тогда, *если я доверяю ему*, то могу позволить ему оставаться *неприсоединившимся* членом; примите данный пункт устава, ибо это абсолютно необходимо.

Джадж, у нас слишком много врагов, чтобы не работать над повышением нашего уровня во имя сохранения достойных членов, а Бридж и Нойз — *действительно* честные и искренние люди. Быть может, они фанатики и им плевать на *отдельные личности*, но они до смерти преданы теософии. Так не будьте же вы упрямым как осел ирландцем и не выступайте против своих лучших друзей. Я ради вас на все готова и буду верна вам до самой смерти, несмотря ни на что. Так помогите же мне хоть чем-нибудь; не делайте своими врагами тех, кто мог бы остаться в наших рядах, не начинайте вражду просто из-за каких-то *дурацких* формальностей и крючкотворства.

Вы называете себя — и устно, и письменно, и в печати — моим представителем (скорее уж вы представитель .: , а не мой). Следовательно, если у вас появится какое-либо подобное правило, вам легко будет сказать, что изменения в устав внесла я. И запомните: если вы осмелитесь протестовать, редактируя и исправляя *то, что я напишу* о вас в своих будущих *инструкциях*, я прокляну вас на своем смертном одре! Вы не знаете того, *что знаю я*. [...] Это будет достойно похвалы, Дж[адж]. Вы *должны* быть защищены, хотите вы этого или нет. Я сейчас собираю письменные показания против Дариуса Х., потому что он уверен, что в один прекрасный день привлечет вас к суду иным способом, чем в «Religio-Philosophical Journal»*, и мы должны вас всячески обелять, а его выставлять в черном свете — настолько, насколько он этого заслуживает, и защитить вас, подготовившись к этому заблаговременно. Вот тут-то совершенно неоценима будет помощь Бриджа.

Так последуйте же моему совету и сделайте все, что в ваших силах, и *во что бы то ни стало* сохраните с ним дружеские отношения. Мид пошлет вам его письмо ко мне и мое ответное письмо Бриджу. Это может уладить наши дела, но только если вы мне поможете. Теперь я вижу, что виноват Григгс, а не вы. Но я питаю к Григгсу давнюю нежность и не хочу, в свою очередь, портить *ему* настроение.

Только какого черта вы выбросили лишние три доллара на телеграф, если не имеете к этому делу никакого отношения и если *прямо сейчас можете уйти в отставку* (очень *по-теософски*), убей бог, не знаю! Джадж, вам столько всего приходится терпеть, и вы перетрудились. Но то же самое можно сказать и обо мне, и если вы будете угрожать мне подобными вещами, то я лучше вообще прикрою «лавочку». Если вы обижаетесь на то, что я могу сказать в момент замешательства, боясь потерять наших лучших членов, когда так крепнут вражеские силы, то, значит, Теософское Общество — это *фикция*, а наше *Дело* — недостижимая утопия. Во имя милосердия, ради нас и себя самого займитесь-ка лучше приведением в порядок дел, и давайте больше не будем об этом. Вот уже два месяца я размышляю над изменением формулировок клятвы и сейчас непосредственно работаю над

текстом. Все то же самое, только риторика чуть ярче выражена. Да хранит вас Спаситель наш, кроткий Иисус.

Искренне ваша

Е.П.Б.

Терпеть не могу, когда меня обвиняют в стремлении играть в папу римского или в самодержца*.

Письмо 14

Эллиоту Коузу

[1889]

Сэр!

В своем письме в «Religio Philosophical Journal» вы заявляете, что четыре года назад вы написали письмо *Мейбл Коллинз (г-же Кук)*, спрашивая ее об истинном источнике «Света на Пути»*, на что она ответила, что книга была вдохновлена «*Кут Хуми*» (!) «или еще каким-то индусским адептом». В опубликованном вами ее письме от 18 апреля 1889 года — *первом, которое вы получили после четырехлетнего перерыва*, — она утверждает, что ее предыдущее письмо было написано под мою диктовку, и добавляет, что ранее она сказала, будто «*Свет на Пути*» был вдохновлен одним из *моих* Учителей, потому что я тогда умоляла и заклинала ее так поступить!!!

Между тем факты таковы.

1. «*Свет на Пути*» был впервые издан в начале 1885 года, и ваше письмо к г-же Коллинз никак не могло предшествовать публикации этой книги. Я вернулась в Индию в ноябре 1884 года и ни разу не встречалась с Мейбл Коллинз до 1 мая 1887 года; вдобавок к тому в течение этого периода мы не писали друг другу никаких писем.

Следовательно, совершенно невозможно, чтобы я диктовала или хотя бы предлагала написать письмо, о котором говорит Мейбл Коллинз.

2. Перед своим возвращением в Индию я виделась с Мейбл Коллинз от силы три-четыре раза. Она мне тогда показала одну или две первые страницы «*Света на Пути*», где я узнала несколько фраз, которые были мне знакомы. Поэтому с еще большей готовностью я восприняла ее описание того стиля, в котором они были ей даны. Сама Мейбл Коллинз была в полной уверенности, что эту книгу продиктовал ей «некто», чью внешность она описала, и я не сомневаюсь, что в этом моем утверждении меня поддержит г-н Финч, который внес решающий вклад в публикацию этой книги.

3. В готовом виде эту книгу я впервые в жизни увидела в Остенде, за несколько месяцев до своего приезда в Лондон в 1887 году, когда один ее экземпляр мне был доставлен г-ном Артуром Гебхардом, который наверняка вспомнит это обстоятельство. Поэтому еще более смешно предполагать, что я могла попросить Мейбл Коллинз заявить, будто «*Свет на Пути*» был вдохновлен моими Учителями. Насколько известно мне и всем английским теософам, до появления вашего письма никогда не обсуждалось предположение о том, что произведение, о котором идет речь, было «вдохновлено» Махатмой К. Х. Напротив, как сообщили мне те, кто разбирается в этом гораздо лучше, инспирация этой книги всегда приписывалась совсем другому человеку, с которым я и вправду знакома, но которого я, разумеется, никогда не стала бы называть своим «Учителем». И наконец, я решительно и категорически отвергаю

подлую инсинуацию Мейбл Коллинз: я вообще никогда не просила эту леди сделать какое бы то ни было заявление о «Свете на Пути», не говоря уже о каком-то *обманном* заявлении. Ее обвинение безосновательно и носит лживый, клеветнический характер; лживость данного обвинения очевидна всякому, кто знаком с фактами.

Кроме того, разве это я была тем таинственным посетителем, вошедшим без доклада в ее кабинет, когда она начинала писать «Через Златые Врата», чье имя она позабыла спросить и который говорил с таким знанием дела, что от пламени его слов она загорелась верой?

Или, коль скоро «Идиллию Белого Лотоса» она посвятила «истинному автору и вдохновителю», вы полагаете, что это я была тем вдохновителем или стояла у нее за спиной и внушала ей это посвящение? Но разве книга не была начата задолго до того, как я впервые увидела ее автора? Тайну сию раскрыл г-н Юэн и поведал полковнику Олькотту, которому довелось услышать все о вдохновителе книги еще до того, как я узнала о существовании оного.

Но помимо всего этого — в чем смысл вашего письма? Вы что же, хотите войны? Берегитесь: меня успели настолько вывалить в грязи, что ничего еще более ужасного случиться со мною уже не может. Мне-то терять нечего, но думаю, что и вы сами, и Мейбл Коллинз почувствовали бы себя не очень уютно, если бы я выступила в печати, опубликовав все ваши письма вкуче с парочкой известных мне фактов. Я прекрасно знала о том, что вы не верите в Учителей, хотя ваши письма полны торжественных заявлений о вашей преданности Им; и каким же отъявленным лжецом предстанете вы перед публикой, если я дам этим письмам появиться в печати! Помните, что письма ваши *каждой* своей строкой свидетельствуют об *истинной* причине вашей злобы ко мне; не думаю, что люди по-прежнему будут испытывать к вам уважение или особо верить вашим словам, когда узнают о подлинных мотивах, которые вами движут. И будьте уверены: уж я позабочусь о том, чтобы все узнали и поняли истинную цену ваших мотивов, если вы доведете дело до открытой войны между нами.

Ваша

Е.П.Блаватская

Письмо 15

У.К.Джаджу

*9 февраля 1890 г.
Лондон*

Дорогой Джадж!

Вы страдаете болезнью печени, и я тоже. Видимо, вы от этого становитесь пессимистичным, капризным, не очень-то дружелюбным. *Мне* приходится лишь учитывать, что, чем больше мучений доставляет вам ваша печень, тем активнее приходится искать средство от этой болезни. Поэтому я пока отложу столь важное занятие, как ответ на ваше письмо *по пунктам*, хотя не считаю полезным указывать вам на противоречия между вашими «о'кей» по поводу заявлений, подразумевающими, что *вы знаете*, что все они правильны, и вашими язвительными насмешками над новыми правилами, которые заставляют вас метаться между выяснением пригодности новых членов, вступающих в организацию, и *невыполнимостью* этой задачи, на которую я обрекла вас и Совет благодаря этим глупым «указаниям». И это — «хитрость»? Что ж, прекрасно.

Так уж выходит, что как раз для этого и были назначены председатели групп и советники. Никто не хотел, чтобы они или вы становились шпионами, их надо было просто одобрить. Вы отказываетесь, *угрожая своей отставкой*, что ж, поступайте, как угодно.

С тех пор как сформировалась Э[зотерическая] С[екция], у меня не было ничего, кроме хлопот с ней в Америке, *причем только в Америке*. Здесь, в Англии, у меня около 80, а за границей — 25 эзотериков; 35 — в одной только лондонской «Гупта-видье»*, и ни один человек не покинул нас после ухода «М[ейбл] К[оллинз]», никто не доставил никаких хлопот, не сделался предателем и не создал каких-либо трудностей. Вот почему, будучи уверена в этих людях, я учу их *настоящему оккультизму* особо, посылая в Америку лишь *то, что, если случайно и попадет в печать, не сможет нам навредить, так как они не владеют утраченным ключом к соотношениям и таттвическим** мистериям. И это вы называете «обманом»? Тогда замечу, что именно столько, и *не больше*, информации дается в течение (первых) трех лет всем, кто обучается непосредственно у самих Учителей и живет *вместе с ними*. Поэтому я чувствую, что подобный мой «обман» совершенно оправдан.

Я *знаю*, кто передал те документы в журнал Банди и рассказал вам об этом; человек, способствовавший этому в Чикаго, давно вышел из Э[зотерической] С[екции]. Пожалуйста, не воображайте, что раз уж я *держу язык за зубами, будучи связана клятвой и из чувства долга*, то это значит, что я не знаю, *кто есть кто*. Я знаю достаточно для решения своих задач, и этого мне хватает.

А хартии вам передали и велели распределить сами *Учителя*. И если вы этого не сделали, то я бы на вашем месте не радовалась, а чувствовала, что помешала работе. Их выдают не тем, кто *получает особые знания в личных и конфиденциальных письмах от меня* (хотя, что касается Америки, там подобную информацию получали лишь *двое*); хартии задуманы как милые безделушки, способные угодить вкусам тех, кому выдают лишь *полуистины*, не более того. Они призваны играть роль внешних знаков отличия для групп, действующих открыто, у всех на виду, в которых большинству всегда придется доверять лишь наполовину, и лишь меньшинству — исключительно великому меньшинству (простите мне эту игру слов в ирландском духе) — будет в свое время преподаваться истинное знание.

Но если и это для вас слишком много и вы видите в этих людях предателей еще худших, чем те, которые будут поступать к нам впредь, тогда бросьте все и заявите об этом открыто, публично. Скажите им, что такая работа вас просто убивает и что вы не можете продолжать. Мне-то что! Принесла ли мне наша американская Э[зотерическая] С[екция] какую-либо выгоду, или славу, или вообще что-нибудь, кроме хлопот и вечной, нескончаемой иеремиады — потока ваших стенаний?

Вы говорите, что именно Э[зотерическая] С[екция] довела вас до болезни? Так бросьте все, или передайте групповое и дальнейшее обучение с соответствующими инструкциями г-ну Фуллертону, либо вообще прикройте всю «лавочку», ибо мне все равно. В Америке наберется с полдюжины или чуть меньше людей, которых я не брошу из-за того, что вы бросите работу. Я продолжу их обучение через частную переписку, вот и все. Но я пророчествую, и пророчество мое вскоре сбудется: разваливайте группы Э[зотерической] С[екции], утаивайте от них их хартии, действуйте в том же духе — и Теософское Общество в Америке развалится *менее чем за полгода*, как рухнуло и развалилось оно в 1878 году, когда мы уехали.

Но дело в том, что, если вы будете продолжать в том же духе, именно мне придется порвать с Америкой, ибо я не намерена и дальше терпеть ваши запугивания в каждом письме. Ваше мнение обо мне крайне лестно. Вы полагаете, будто меня все это время кто-то «подстрекал». Ни один эзотерик *здесь* не сумеет меня подстрекнуть. Правила были переданы и добавлены; именно так была образована здесь ложа «Гупта-видья», в которой *большинство должно принадлежать и уже принадлежит* к тому самому *внутреннему кругу**, о котором вы рассуждаете. Вы никогда и представить себе не могли, не правда ли, что организация, в которую входит около 500 человек (473), может сохраняться на том уровне, когда всем ее членам можно *доверять* в той же степени, как и горстке проверенных людей? Производить здесь перемены я начала уже давно. Но я делала именно то, что указывал мне Учитель. Только в январе прошлого года *в письме, которое у меня на руках*, ∴ сообщил мне, что я должна делать, и я лишь выполняю его указания, а не свои.

Вы, кажется, воображали, будто я лично заинтересована в этой тяжелой, кропотливой и монотонной работе — вращать жернова мельницы Э[зотерической] С[екции]. Уверю вас, ни в малейшей степени, разве что для блага Теософского Общества в целом. Если вам «дурно от вороха писем из Э[зотерической] С[екции] и постоянных нарушений всех правил и предписаний», то я испытываю то же самое. Если вас тошнит «от всей системы в том виде, как она сейчас разработана», так это вы поставили ее на такой фундамент: зачем же вы это сделали?

Я не имею никакого отношения *к вашей работе*. Я разрабатывала *правила* для горстки людей и еще раз вам повторяю: лишь потому, что *в этом назрела абсолютная необходимость*.

И если вы воспротивитесь правилам III и IV*, то я вам скажу: оставьте их в покое. Только тогда никакая Э[зотерическая] С[екция] не будет получать никаких *особых знаний*, ни в одной группе не будет своей «внутренней группы» и все учащиеся так и останутся *полуэзотериками*, так как доверять им можно будет только наполовину. В этом случае я отберу здесь тех немногих, с которыми буду заниматься *лично*, по переписке, и для этого мне не понадобится ни своего представителя, ни секретаря.

Запомните, пожалуйста: если бы я только могла забыть, что в этом мире существует какая-то там Америка и какая-то Э[зотерическая] С[екция], разве я не сумела бы тогда легко зарабатывать себе на жизнь? Сотню в месяц — по моим новым контрактам с русскими журналами. Запомните, что я могла бы получать по 150 рублей *золотом*, или 30 долларов, за печатный лист, то есть за 16 страниц по 300 слов на каждой, — объем, с которым я легко могла бы справляться за один день, если бы мне не надо было больше ни о чем думать¹²⁰, а это для меня невозможно, ибо у меня нет буквально ни минуты свободного времени. И вот я вынуждена то и дело принимать *милостыню* от наших теософов, когда они видят меня умирающей и вынуждены отправлять меня на морское побережье подлечиться. А все это благодаря Э[зотерической] С[екции] и Теософскому Обществу. *Поступайте как угодно*. Это мой ультиматум.

Теперь о другом, менее возвышенном, но столь же необходимом. Я должна деньги за свои книги на Дьюк-стрит, 17; да и графиня время от времени спрашивает о них у меня. Я передала ей 50 [долларов], полученных мною от одного нью-йоркского эзотерика, потому что я не стану *расходовать на себя* ни гроша из тех денег, которые дают мне члены Общества, как о том просил меня даритель, и отдала графине остальные 20 долларов; но я еще должна Дьюк-стрит и, видимо, гораздо больше. Что ж, графиня подробно вникала во все это; кажется, у нее сложилось впечатление, что я получила деньги от вас, и она ни слова не сказала, и непохоже, что приложенная объяснительная записка от Фуллертона развеяла ее подозрения, если таковые у нее имеются. Он говорит, что, по вашим словам, вы послали мне *два денежных перевода* за мои книги. Вы же знаете, что вы *так мне их и не выслали*. Вы отправили мне как-то 7 долларов за «Тайную Доктрину», а за «Ключ [к теософии]» и за «Голос [Безмолвия]» я еще не получила ни цента. Так что же вы с Фуллертоном имеете в виду?

Ну что же, мне очень жаль, что мы с вами договорились о том, что вы будете посылать непосредственно мне те суммы, которые я должна получить за «Т[айную] Д[октрину]», за «Ключ [к теософии]» и за «Голос [Безмолвия]». Это доставляет вам только лишние *хлопоты*, а меня вынуждает вести надоедливые разговоры по денежным вопросам, чего я терпеть не могу. Я пошла на это, подумав о том, что Дьюк-стрит может либо провалиться ко всем чертям, либо остаться в руках Арча и Берта, что, в сущности, будет означать то же самое.

Теперь графиня взяла на себя улаживание всех вопросов и является *единственной* управляющей, и я прошу вас считать нашу прежнюю договоренность *аннулированной*. Высылаю вам еще один *официальный* документ по этому делу, а другой экземпляр передаю графине. Это избавит меня от писанины по денежным вопросам, да и вас, должно быть, устроит. Чем меньше будет между нами финансовых взаимодействий, тем полезнее будет для нашей дружбы.

Dixi.

А теперь желаю вам здоровья покрепче и удачи побольше, чем принесли вам моя Э[зотерическая] С[екция] и мой «обман».

Вы же считайте меня своим другом, как всегда.

Е.П.Блаватская

Лисьмо 16

У.К.Джаджу*

¹²⁰ В февральском (или мартовском) номере «North American Review»* вышла моя статья от силы на 3000 слов под названием «Развитие теософии», за которую я получила чек на 20 долларов от Дойла Брайса.

[Около марта 1890 г.]

У.К.Дж[аджа] просят внести следующие изменения и дополнения в хартии Э[зотерической] С[екции].

Принимая во внимание, что Братья Э[зотерической] С[екции] (указать название местоположения), сообщив нам о *своих* (слово «своем» заменить на «своих»)...

9-я строчка, последнее слово — «Братья».

Пояснения для У.К.Дж[аджа]:

«Внутренняя ложа Дзиан»* — это название, под которым известна ложа Учителя во внутреннем ламасери. Все адепты, чела и т. д. в этой части страны известны среди лам как *дзиан-па**. Слово «мы» относится не ко мне лично, а ко мне вместе с моими сотрудниками: секретарем, которого избрал Совет, и вами, У.К.Дж[адж], ибо вы должны расписываться под моей подписью на каждой хартии.

Хартии могут показаться излишне многословными и высокопарными — возможно, но их составляли верховные масоны из Ложы «Горуса» и розенкрейцеры. Сожалею, но я *должна попросить вас* передать эти постоянные хартии в каждую группу из вашего списка с номерами и предоставлением права выбора давать или не давать название своим Ложам.

Искренне ваша

Е.П.Б.

Ложы, по желанию членов, могут быть известны публике под своими *именами*, но их номера *разглашению не подлежат*.

Относительно фотографий Учителей.

1. Каждая Ложа Э[зотерической] С[екции] может по желанию получить по одному экземпляру снимка каждого Учителя.

2. Отдельные члены Э[зотерической] С[екции] также могут иметь по одной фотографии каждого Учителя с одобрения У.К.Дж[аджа].

К чему говорить о *продаже* фотоснимков*? Неужели оплата чистой стоимости их изготовления должна проходить по графе «продажа»? Иными словами, привилегия для наших членов состоит в том, что они могут изготавливать эти фото за свой счет.

Ваши предложения по поводу работы г-на Мида были учтены.

Не понимаю, почему фотографии Учителей должны стать менее «священными» из-за того, что фотографу, который их делает, нужно платить?

Не будет ли У.К.Дж[адж] так любезен это объяснить?

Искренне *Его*

Е.П.Блаватская

Письмо 17

**У.К.Джаджу лично
и для Э[зотерической] С[екции]**

Август [1890 г.]
Авеню-роуд, 19,
Риджентс-Парк, Зап.*

Дорогой У.К.Дж[адж]!

Отвечаю на ваш вопрос относительно Э[зотерической] С[екции] и Берта. Если Берт оповестил все группы Э[зотерической] С[екции] о том, что «они должны создать аурическое яйцо и для этого необходимо семь раз в день создавать его при помощи красок, пока яйцо не сформируется», то он изрек нечто, имеющее не больше смысла, нежели приказ создать овцу из гусиного яйца. А если он к тому же добавил, что «все это согласно *моему указанию*», тогда он либо безумец, либо контуженный, если не сказать хуже.

На мой взгляд, Берт получил это распоряжение, на которое он ссылается, через госпожу К.Шерберн и трясется над ним так же, как и над своей намагниченной водой для госпожи Гээн.

Теперь я попрошу вас довести до всех членов Э[зотерической] С[екции] следующее: мне никогда и не снилось отдавать какие-либо столь абсурдные и идиотские *указания*. Кроме того, выпустите коротенькую заметку на эту тему, гласящую, что если вы или любой другой человек, которого я могу делегировать *в качестве своего представителя* (чего я не стану делать второпях), продемонстрирует какое-либо подобное «указание», подписанное моей *физической, а не астральной* (черт бы побрал эти сверхъестественные приказы!) *рукой*, то я откажусь от такой подписи. Более того, любого, кто после уведомления о вышесказанном согласится с подобным «указанием», полученным через третьих лиц, — пусть это будет даже сам Олькотт, — я исключу из Э[зотерической] С[екции], так как я не желаю терпеть в нашем Обществе таких дураков.

Все это: «намагниченная вода» К.Шерберн (исчезнувшей) от моего имени и «аурическое яйцо» согласно моему «указанию» — вынудило меня, действуя в соответствии с уставом, временно исключить Берта. Я не могу изгнать его насовсем, ибо это означало бы навеки погубить его, но я исключаю Берта на неопределенный период времени и посылаю его в Индию. Ему предстоит трехдневное плавание. Хочу, чтобы ни Олькотт, ни кто другой не знали о его проступке и о факте его исключения. Я даже оставляю Берту инструкции до № 3, однако новых он не получит; не сможет он и принадлежать к *Внутренней* группе и получать положенные ей конечные знания; для него будет закрыт и доступ в «окультурную комнату», открытую для членов *Внутренней* группы. Если Берту удастся спасти положение в Индии, где теософия впадает в беспробудную спячку и [...] — что ж, отлично, превосходно. Если же нет — ему придется трудиться до тех пор, пока он не искупит свои грехи.

Навеки ваша

Е.П.Б.

Проследите, пожалуйста, за тем, чтобы никто, кроме советников, не знал о его исключении. Я напишу Шерб[ерн] сама, лично, и постараюсь успокоить Берта. О горе мне как главе Э[зотерической] С[екции]!

Письмо 18

**У.К.Джаджу
лично**

19 ноября 1890 г.
Лондон, Северо-Запад,
Риджентс-Парк, Авеню-роуд, 19,
Теософская Штаб-квартира

Дорогой У.К.Дж[адж]!

Посылаю это вам в качестве *предупреждения для всех нас*, для всего Общества. Внимательно прочтите последнюю редакторскую заметку Олькотта в журнале «Theosophist» под названием «Первая страница из истории Теософского Общества», и вы поймете, так же как и я, куда он клонит. Его позиция сводится к тому, что Теософское Общество *не было* основано по «указанию» *Учителя*, что на самом деле он вообще не получал никаких «указаний», а вся эта идея пришла ему в голову спонтанно. Ну *вы-то* знаете, что Олькотт *почти лжет*. Шесть месяцев мы обсуждали это дело и готовились к нему; я возражала против идеи Олькотта назвать будущее общество «Клубом Чудес», а он был не в состоянии придумать какое-либо иное название.

В статье Олькотт именуется меня «гипнотическим посредником», залихватски выдвигает на первый план себя — всюду, от первой до последней страницы, а обо мне упоминает лишь случайно, до неприличия бегло.

Теперь я объясню вам, почему он это делает. Это следствие того, что Берт его прямо спросил, намерен ли он придерживаться программы *Учителя*. Если да, то как он может твердить о своей преданности Учителям и при этом заявлять, что *утратил абсолютно всякую веру в меня?* И это он говорит уже после того, как меня единогласно поставили во главе Европейской секции. Дело в том, что Олькотт *отчаянно завидует* мне!!! И не кто иной, как этот проклятый Харт постепенно возбудил в нем это чувство. Это он заставил Олькотта сомневаться во мне, заставил его поверить в то, что я амбициозна, тщеславна и норовлю занять его президентское кресло! Дурак!! Да если бы все Теософское Общество стало требовать от меня занять этот пост (как это делает Т.Татья), я бы отказалась, точно так же как ответила отказом ему самому.

Олькотт теперь пытается постепенно меня задушить, преуменьшая в глазах всего мира мою роль в создании Теософского Общества. Он отказывается от своих прежних слов, забывая о том, что он постоянно твердил своей аудитории на протяжении первых десяти лет и повторял в своих лекциях и в статьях. Он кончит тем, что выставит себя лжецом, если мы (в особенности *вы*, которому все известно) не остановим его. Вы знаете, как много писем он уже написал, постоянно мягко намекая на то, что я — *всего лишь медиум*, а значит, *невменяема*. Это было для него способом отвести от себя удар и спасти свою шкуру, бросив кусок *моей* репутации в глотку преследующим нас голодным тварям. А теперь он выпячивает свою роль и возносится и все такое.

Посмотрите на последнюю страницу журнала «Theosophist»: на ней перепечатывается и цитируется одна из самых злобных статей против меня — безо всякого основания, без какой-то особой причины, разве что с целью возразить против титула «жрица теософии» или «верховная жрица». На голову мне выливают целый ушат грязи — и все ради того, чтобы прицепиться к какому-то словечку! Это, конечно, Харт, но это также и Олькотт, ибо это он позволяет такие вещи и, таким образом, позорит себя. Да разве я допустила бы, чтобы в журнале «Lucifer» появился хоть один абзац из «Tribune» или нью-йоркской «Sun» с нападками на Олькотта? Но еще более серьезной ошибкой является его редакторская статья.

Г.С.О[лькотт] угрожает своей отставкой; может быть, он и *уйдет* в отставку, а всю вину за это попытается возложить на меня! В прошлом году, когда Олькотт был *здесь*, он хвастался успехами теософии в Индии, превознося их до небес, и бахвалился развитием там отделений Общества. Говорил, что все процветает, что перспективы многообещающи, что люди, как всегда, преданны, 150 отделений крепки и счастливы.

Но какова же истина, и что там теперь застанет Берт? Из 150 отделений живы лишь 40. Никто не приближается к Адьяру на расстояние ближе пяти миль. Теософия быстро умирает. Почему? Я бы сказала, что из-за верховного владычества Харта в Адьяре в течение последних двух лет, и особенно из-за отъезда Олькотта на целый год в Японию, где он *не основал ни одного отделения*, зато подцепил хроническую дизентерию и довел до неизлечимой стадии свое застарелое заболевание яичек, и это так ослабило полковника, что он стал совсем

другим человеком! Несчастный отныне даже не в состоянии как следует прочесть лекцию. Из прекрасного оратора, восхитительного мастера красноречия он превратился в скучного лектора, и его прошлогодний цикл лекций в Англии закончился прискорбным провалом. Олькотт лишился энергии, утратил любовь к работе, стал безразличен к судьбе Теософского Общества, обленился и больше не в силах бороться и сражаться по-нашему. И из-за этого он пытается переложить вину на меня и рассказывает Берту, что это я убила Теософское Общество из-за дела Куломбов-Ходжсона и т. д. и т. п. Разве это справедливо, я вас спрашиваю?

Что ж, дорогой мой У.К.Дж[адж], если вы не будете начеку, именно Г.С.О[лькотт] с его американским тщеславием и специфическими личными качествами убьет Теософское Общество, во всяком случае в Индии, что существенно ослабит Общество в Америке и Европе. Я выполнила *свой долг* и больше не несу никакой ответственности, разве что за моих людей здесь, за группу тех, кто будет предан мне до самой смерти. Ничто не может поссорить меня с теми, кого я обучаю самым серьезным образом, ибо они знают, что *я знаю*. И если вы не поможете мне в этом деле, я поступлю с Америкой так же, как поступила с Индией, — порву с ней всякую связь посредством циркуляра вроде того, что я направила в Индию членам Э[зотерической] С[екции]. Вас это устроит? И если вы не *освежите* память Олькотта в серьезном *личном* письме к нему и он не прекратит свою неблагоприятную игру вокруг меня, то я так и сделаю, клянусь вам.

Я беспокоюсь *не о себе лично*, я опасюсь за судьбу Общества в целом. Ведь если от нас отворачивается «президент-основатель», то это самым серьезным образом предвещает гибель Теософского Общества, это наш погребальный звон. Ответьте мне по поводу всего этого, У.К.Дж[адж]. Я устала от всего, мне это до смерти опротивело. Поразмыслите об этом как следует и сообщите мне, что бы вы сделали для меня. Г.С.О[лькотт] говорит о *своих* Учителях и Наставниках, будто они являлись ему независимо от меня, а от меня отвернулись и держались только за него с самого начала и до конца.

Что ж, не расценивайте все сказанное выше как *угрозу* для себя и для американской Э[зотерической] С[екции], боже упаси. Я никогда не забуду вашей верности и преданности, вашей непоколебимой дружбы, но я боюсь, что Г.С.О[лькотт] настолько ослабит Теософское Общество своими безумными (нынешними) выкрутасами, что я буду не в состоянии что-либо для кого-то сделать.

Ваша до самой смерти

Е.П.Б.

ПИСЬМА СЪЕЗДАМ АМЕРИКАНСКИХ ТЕОСОФОВ

(1888-1891)

Письмо 1

Ко Второму ежегодному съезду

22-23 апреля 1888 г.

3 апреля 1888 г.
Лондон,
Лэндсдаун-роуд, 17

Уильяму К. Джаджу,

**Генеральному секретарю
Американской секции Теософского Общества.**

Мой дорогой брат и сооснователь Теософского Общества!

Обращаясь к вам в этом письме, которое прошу вас зачитать Съезду, созванному 22 апреля, должна в первую очередь направить искренние дружеские поздравления и самые сердечные пожелания собравшимся делегатам и добрым друзьям нашего Общества и лично вам — его сердцу и душе в Америке. Нас было несколько человек, вызвавших его к жизни в 1875 году. С тех пор вы остались здесь один, сохраняя его жизнь в благоприятной и неблагоприятной атмосфере. Это вам в основном, если не полностью, Теософское Общество обязано своим существованием в 1888 году. Так позвольте же мне поблагодарить вас за это в первый, а быть может, и в последний раз, публично, поблагодарить от всего сердца, которое бьется ради того дела, которое вы столь умело здесь представляете и которому столь верно служите. По этому важному случаю прошу вас также помнить о том, что мой голос — лишь слабое эхо других, священных голосов, передатчик одобрения со стороны Тех, чье присутствие живет в каждом истинно теософском сердце, и превыше всех, я знаю, — в вашем. Пусть же собравшиеся здесь члены Общества ощутят всю искренность и теплоту передаваемых приветствий, и пусть каждый из присутствующих здесь собратьев, сознающих, что заслужил это, воспримет посылаемые Благословения.

Недавно теософия в Америке начала новый виток, что знаменует начало нового цикла в работе Общества на Западе. И политика, которой вы сейчас следуете, прекрасно подходит для того, чтобы обеспечить возможность самого широкого распространения нашего движения и учредить на прочной основе организацию, которая, стимулируя чувства братского взаимопонимания, социального единения и солидарности, в то же время оставляет широкий простор для индивидуальной свободы и проявления личной инициативы в нашем общем деле — помощи человечеству.

Ваше сознание должно быть сосредоточено на первоочередной задаче — увеличении числа локальных центров, и каждый человек должен сам по себе стремиться стать центром подобной работы. Когда его внутреннее развитие достигнет определенного уровня, он будет распространять такое же влияние на тех, с кем он общается; таким образом сформируется ядро, вокруг которого станут группироваться другие люди, образуя центр, из которого будет исходить информация и духовное влияние и на который будут направлены высшие воздействия.

Но пусть никто не пытается учредить папство вместо теософии, ибо это будет самоубийственно и чревато самыми роковыми последствиями. Все мы — собратья-учащиеся, более или менее продвинутые; однако любому, кто принадлежит к Теософскому Обществу, следует считать себя в лучшем случае учащимся учителем, не имеющим права догматизировать.

Со времени основания Теософского Общества дух эпохи стал явно меняться. Те, кто уполномочил нас на создание Общества, предвидели эту, теперь уже быстро набирающую силу, волну трансцендентных влияний, идущую вслед за убывающей волной чистого феноменализма. Даже спиритуалистические журналы постепенно начинают игнорировать феномены и чудеса, заменяя их философией. Теософское Общество было в авангарде этого движения. Но, хотя теософские идеи внедрялись во всякое развитие, во все формы, которые принимала пробуждающаяся духовность, чистой, первозданной теософии все же приходится по-прежнему вести суровую битву за признание. Прежние дни миновали безвозвратно, и теперь многие теософы, наученные горьким опытом, пообещали себе больше никогда не делать из теософии «Клуба Чудес»*. Малодушные во все времена требовали знамений и чудес, а когда им не предоставляли оных, эти люди отказывались верить. Это не те люди, которые будут вечно постигать теософию в ее чистом и первозданном виде. Но среди нас есть другие, интуитивно сознающие, что признание чистой теософии — философии рационального объяснения вещей, а не набора догматов, — является наибольшей жизненной необходимостью для Общества, ибо лишь эта философия единственная способна светить подобно маяку, необходимому для того, чтобы вывести человечество на истинный путь.

Этого не стоит забывать, как не следует упускать из виду и следующее. В тот день, когда теософия завершит свою самую важную, самую священную миссию — крепко сплотить людей всех наций братской любовью и устремленностью к чисто альтруистическому труду, а не к работе из эгоистических побуждений, — только в тот день теософия станет выше любого

номинального братства людей. Это будет воистину чудо, осуществления которого человечество тщетно ожидает вот уже восемнадцать столетий и которого ни одной организации до сих пор еще не удавалось достигнуть.

Ортодоксальность в теософии — вещь нежелательная и невозможная. Ведь именно благодаря существованию в определенных рамках разнообразия мнений, Теософское Общество и продолжает оставаться живой и здоровой организацией, несмотря на другие, отталкивающие свои черты, коих немало. Не будь этого (ведь умам множества изучающих теософию свойственны изрядные неуверенность и сомнения), подобные здоровые расхождения во мнениях были бы невозможны, и Общество выродилось бы в заурядную секту, и узкое, ограниченное вероучение вытеснило бы живой и трепетный дух Истины и вечно растущее Знание.

Люди будут получать новое теософское учение по мере своей готовности воспринять его. Но даваться будет не более того, что мир на нынешнем уровне его духовности сможет использовать. И от распространения теософии — от усвоения того, что уже дано, зависит, сколько знаний будет открыто людям и как скоро.

Следует помнить, что Общество было основано не в качестве инкубатора для ускоренного выращивания и поставки оккультистов, словно фабрика по производству адептов. Надо было поставить преграду на пути стремительно развивающегося материализма и поклонения мертвым. Требовалось направлять начавшееся ныне духовное пробуждение, а не потворствовать увлечениям медиумизмом, представляющим собой всего лишь иную разновидность материализма. Ибо «материализм» означает не только антифилософское отрицание чистого духа, а в поведении и в делах — жестокость, лицемерие и прежде всего эгоизм, но и плоды неверия во все, кроме материальных форм, неверия, которое чрезвычайно усилилось за последнее столетие и привело многих людей после отрицания существования всего, что выходит за рамки материи, к слепой вере в *материализацию духов*.

Устремления современной цивилизации являются реакцией против анимализма*, против развития тех качеств, которые ведут человека к успеху в жизни, как животного в борьбе за животное существование. Теософия стремится развивать в человеке его человеческую природу в дополнение к природе животной, жертвуя поверхностным животным началом, которое современная жизнь и материалистические учения довели до степени, ненормальной для человека на данной стадии его развития.

Не все люди могут быть оккультистами, но все могут быть теософами. Многие из тех, кто никогда не слышал об Обществе, являются теософами, сами того не подозревая; ибо суть теософии состоит в достижении совершенной гармонии божественного и человеческого начала в человеке, в установлении власти его богоподобных качеств и устремлений над его земными и животными страстями. Доброта, отсутствие какой бы то ни было неприязни и эгоизма, милосердие, доброжелательность ко всем существам и совершенная справедливость по отношению к ближним, так же как и по отношению к себе — вот главные черты истинного теософа. Тот, кто учит теософии, проповедует евангелие добра; верно также и обратное: тот, кто проповедует евангелие добра, учит теософии.

Этому аспекту теософии всегда удавалось находить свое должное и полное отражение на страницах журнала «Path», которым американская секция имеет все основания гордиться. Он является и учителем, и источником силы, а то, что подобное издание выпускается и получает поддержку в Соединенных Штатах, делает честь как его редактору, так и его читателям: все они заслуживают самых красноречивых похвал.

Америку следует также поздравить с имеющим место сейчас ростом числа отделений, или лож. Это признак того, что и в духовном, и в преходящем великая Американская Республика прекрасно приспособлена для независимости и самоорганизации. Основатели Общества желают каждому отделению, как только оно достаточно окрепнет для самоуправления, быть независимым настолько, насколько это совместимо с преданностью Обществу в целом и Великому Идеальному Братству, низшую формальную ступень которого представляет Теософское Общество.

Здесь, в Англии, теософия пробуждается к новой жизни. Клевета и абсурдные измышления Общества психических исследований успели почти полностью парализовать теософию, но лишь на короткое время, и пример Америки пробудил в английских теософах обновленную активность. «Lucifer» протрубил «подъем», и первым плодом явилось создание «Общества теософских публикаций». Это Общество крайне важно. Оно предприняло весьма необходимую работу по сносу барьеров предубеждения и невежества, которые создали серьезную помеху на пути распространения теософии. Оно будет действовать как агентство

по вербовке новых членов для Общества посредством широкого распространения начальной литературы на эту тему среди тех, кто готов ее воспринять. Из писем, которые мы уже получили, становится ясно, что эта литература пробуждает интерес к предмету и что, оказывается, в каждом крупном английском городе есть достаточное количество отдельных, не связанных друг с другом теософов, которых стоило бы объединить в группы, или ложи, согласно хартии Общества. Но в данный момент эти люди, изучающие теософию, даже не знают о существовании друг друга, а многие из них до сих пор не слышали о Теософском Обществе. Я глубоко удовлетворена той огромной пользой, которую приносит это новое Общество, состоящее в том виде, в каком оно действует сейчас, в значительной степени из членов Теософского Общества и находящееся под контролем выдающихся теософов, таких, как вы, мой дорогой Брат У.К.Джадж, Мейбл Коллинз и графиня Вахтмейстер*.

Я уверена, что, когда будет осознана истинная природа теософии, предубеждение против нее, к величайшему сожалению, столь широко распространенное сейчас, отомрет. Теософы неизбежно являются друзьями всех движений мира, как интеллектуальных, так и занимающихся сугубо практической деятельностью с целью улучшение условий жизни человечества. Мы — друзья всех, кто борется против пьянства, против жестокого обращения с животными, против несправедливости по отношению к женщинам, против коррупции в обществе и в правительстве, хотя и не вмешиваемся в политику. Мы — друзья тех, кто на практике занимается благотворительностью, кто старается хоть немного приподнять чудовищный пресс нищеты, придавивший бедных.

Однако, будучи теософами, мы не можем целиком посвятить себя лишь какому-то одному из этих великих дел. Как отдельные индивиды мы можем браться за них, но как теософы мы вынуждены заниматься более масштабной, более важной и гораздо более трудной работой. Люди говорят, что теософы должны показать, что они собою представляют, и что «дерево познается по плодам его». Займитесь, говорят, строительством жилья для бедных, открывайте кухни с бесплатным супом для безработных и т. д. и т. п. — и мир поверит, что в теософии и впрямь что-то есть. Эти добрые люди забывают, что теософы сами по себе бедны, а основатели беднее всех и что, во всяком случае одна из них, скромный автор этих строк, не имеет своей собственности и вынуждена ежедневно в поте лица зарабатывать себе на хлеб, когда удастся выкроить время, отложив ненадолго теософские обязанности. Задача теософов состоит в том, чтобы открывать сердце и разум человека милосердию, справедливости и великодушию — качествам, специфически присущим царству людей и естественным для человека, который развил в себе эти человеческие свойства. Теософия учит зверочеловека становиться человеческим человеком, и, когда люди научатся думать и чувствовать так, как должны думать и чувствовать истинные люди, они будут действовать гуманно, и тогда работу, связанную с милосердием, справедливостью и великодушием, все будут делать добровольно и спонтанно.

Теперь относительно «Тайной Доктрины», с публикацией которой вы меня некоторое время назад торопили столь любезно и в таких теплых выражениях. Я весьма признательна за сердечную поддержку и за манеру, в коей она была выражена. Сейчас готовы к печати рукописи первых трех томов, и задержка публикации связана только с трудностями в изыскании необходимых денежных средств. Хотя я писала эту работу не ради денег, тем не менее, уехав из Адьяра, я вынуждена жить на какие-то средства в этом мире, пока в нем остаюсь. Более того, Теософскому Обществу срочно нужны деньги на осуществление множества целей, и я чувствую, что не вправе обойтись с «Тайной Доктриной» так, как обходилась с «Разоблаченной Изидой». За предыдущую свою работу я лично получила всего лишь несколько сот долларов, хотя книга выдержала девять изданий. В данных обстоятельствах я стараюсь найти способы на этот раз обеспечить публикацию «Тайной Доктрины» на более выгодных условиях, а здесь мне предлагают такие гроши. Поэтому, дорогие мои собратья и сотрудники на другом краю Атлантики, вы должны простить мне задержку и винить в ней не меня, а злополучные условия, в которых мне приходится работать.

Хотелось бы снова посетить Америку, и однажды я так и сделаю, если позволит здоровье. Я получила настоятельные приглашения поселиться в вашей великой стране, которую я так люблю за ее благородную свободу. Полковник Олькотт, в свою очередь, серьезно настаивает на моем срочном возвращении в Индию, где ему приходится чуть ли не в одиночку вести великую решительную битву за дело Истины; однако я чувствую, что в настоящий момент долг связывает меня с Англией и с теософами Запада: именно здесь сейчас должно разгореться самое тяжкое сражение с предрассудками и невежеством. Но где бы я ни находилась — в Англии или в Индии, — большая часть моей души и многие мои надежды, связанные с теософией, остаются с вами в Соединенных Штатах, где было основано Теософ-

ское Общество, в стране, гражданкой которой я имею честь быть. А вам следует помнить, что, хотя и должны существовать местные отделения Теософского Общества, нет и не может быть местных теософов, и точно так же, как все вы принадлежите Обществу в целом, *так и я принадлежу всем вам.*

Я предоставлю возможность своему дорогому другу и коллеге полковнику Олькотту рассказать вам о положении дел в Индии, где все выглядит благоприятно, как мне сообщили, ибо я не сомневаюсь, что он тоже пошлет свои добрые пожелания и поздравления вашему съезду.

Между тем, мой далекий и дорогой собрат, примите искренние и самые теплые пожелания благополучия нашим Обществам и вам лично. И, передавая вашим коллегам мой братский привет, заверьте их в том, что в тот момент, когда вы станете зачитывать им эти строки, я, если останусь жива, буду в Духе, Душе и Мыслях среди всех вас.

Вечно ваша, в свете истины **Великого Дела**, ради которого мы все трудимся,

Е.П.Блаватская

Письмо 2

Третьему ежегодному съезду

28-29 апреля 1889 г.

*7 апреля 1889 г.
Лондон, Холланд-Парк,
Лэндсдаун-роуд, 17*

Друзья и братья теософы!

Вы снова собрались на съезд, и снова я шлю вам свой сердечный привет и желаю, чтобы нынешний ваш съезд увенчался еще большим успехом, чем предыдущий.

Вот уже четырнадцатый год пошел с тех пор, как в Нью-Йорке было основано Теософское Общество, и все это время с неизменным постоянством и неукротимой силой Общество продолжало расти среди неблагоприятных обстоятельств, в атмосфере не только дружественного, но и враждебного к нам отношения. А теперь мы вступили в седьмой год нашего второго семилетия, и весьма уместно и правильно, что нам предстоит проанализировать позиции, на которые мы вышли.

В Индии благодаря заботе полковника Олькотта продолжают создаваться новые отделения Общества, и, куда бы ни отправился президент с рабочим визитом или для чтения лекций, там наверняка возникнет новый центр нашего влияния. Поездки Олькотта, протекающие в таком духе, который вдохновляет его самого, — это все равно что ливень для пересохшей, выжженной солнцем почвы: в изобилии появляются цветы и травы, засеваются семена здоровой растительности. Сейчас полковник находится с визитом в Японии, куда одна мощная и влиятельная депутация пригласила его читать лекции по теософии и буддизму, он среди тех людей, которые до безумия жаждут перенять западную цивилизацию и уверены, что этого можно достичь лишь самоубийственным принятием христианства в качестве национальной религии. Да! Отречься от своей естественной национальной религии в пользу сорняка-паразита и ради западной цивилизации со всеми ее благами в том виде, как они есть!

Воистину молодая Япония подобна сейчас тщеславным грекам под стенами Трои:

«Мы похваляемся тем, что намного отцов превосходим...»

С сожалением услышала о том, что, хотя полковник Олькотт и планировал приехать в Америку после своего посещения Японии, этот визит оказался сорван.

Здесь, в Англии, мы работаем напряженно; встречая трудности, мы преодолеваем их, но тут же на каждом шагу возникают другие, словно головы гидры на пути Геракла. Однако сила воли и непоколебимая преданность нашему великому делу — теософии — должны и непременно будут сокрушать любые препятствия до тех пор, пока поток Истины не вырвется на свободу, сметая все преграды на своем пути. Пусть карма ускорит победу.

Что же касается вас, в Америке, то карма вашей нации обеспечила вам теософию с доставкой на дом. Жизнь Души, психическая сторона природы открыты многим из вас. Альтруистический образ жизни — это не столько высокий идеал, сколько практическое дело. И поэтому естественно, что теософия находит себе пристанище во множестве сердец и умов и, едва коснувшись слуха тех, кто готов слушать, начинает звучать в унисон с их чувствами и помыслами. Следовательно, в вашу работу входит высоко нести факел свободы — Души Истины, дабы все видели его свет и шли за ним.

Этика теософии для человечества гораздо более необходима, нежели научные аспекты психической стороны природы и человека.

При таких благоприятных условиях, какие сложились для теософии в Америке, вполне естественно, что местное Теософское Общество будет быстро расти и будут возникать все новые отделения. Однако по мере того как организация по распространению теософии стремительно расширяется, нам следует помнить о необходимости консолидации. Общество должно расти пропорционально и не *слишком* быстро, чтобы, подобно некоторым детям, не перерастить собственные силы и не наступил полный сложностей и опасностей период, когда естественный рост приостанавливается, дабы не пришлось жертвовать всем организмом. В процессе роста человеческих существ это весьма реальное явление, и мы должны очень внимательно следить за тем, чтобы «более крупному ребенку» — Теософскому Обществу — не довелось страдать по той же причине. Ранее рост его уже приходилось сдерживать в связи с психическими феноменами, и опасность того, что наступит время, когда нравственные, этические основы Общества могут пострадать подобным образом, еще существует. А чтобы это предотвратить, каждому собрату нашего Общества надо сделать теософию первейшим фактором собственной жизни — сделать ее реальностью, прочно воплощать в жизнь ее принципы, короче говоря, сделать теософию своей, родной, и относиться к ней, как к самому себе. Неукоснительное соблюдение этих принципов — вот что необходимо для солидарности всех братьев Общества; обретение такого чувства единения и тождества со всеми нашими братьями и с каждым из них, когда нападение на одного из них будет рассматриваться как нападение на всех. И тогда нам, сплоченным, спаянным подобным духом Братства и Любви, не понадобится, в отличие от Архимеда, никакой точки опоры, никакого рычага, но мы перевернем мир.

Нам потребуются все наши силы, чтобы сразиться с окружающими нас трудностями и опасностями. У нас есть внешние враги в виде материализма, предрассудков и упрямства, враги в виде косных обычаев и различных религиозных форм, враги слишком многочисленные, чтобы всех их перечислять, — достаточно сказать, что ряды их густы, словно тучи песка, поднимаемые губительным сирокко, дующим в пустыне. Разве нам не понадобятся силы против этих врагов? Имеются у нас вдобавок и более коварные противники, которые «упоминают имя наше всуе» и делают теософию притчей во языцех, а Теософское Общество — мишенью для забрасывания грязи. Они порочат теософию и теософов, превращая возвышенные этические принципы в личину, маскирующую их собственные корыстные цели. И, будто всего этого еще недостаточно, есть у нас недруги, самые худшие из всех, — члены нашей же семьи, теософы, которые неверны ни Обществу, ни самим себе. Воистину мы в самой гуще врагов. Перед нами и вокруг нас простирается «Долина смерти», и мы должны идти в атаку на неприятеля, прямо под огонь его орудий, если хотим одержать победу. На плане земного бытия кавалерию — и всадников, и коней — можно обучить идти в атаку на врага строем, как один человек. Так разве нам не дано сражаться и выиграть битву Души, ведя сражение в духе Высшего Эго, дабы в бою обрести свое божественное наследие?

Давайте на минуту окинем беглым взглядом проделанный нами путь. Нам удалось, как было сказано выше, отстоять свои позиции в борьбе со спиритистами во имя Истины и Духовной Науки. Мы выступали не против тех, кто добивается истинных знаний, связанных с психическим, духовным планом, и не против просвещенных спиритуалистов, а против феноменалистов низшего порядка — слепых почитателей иллюзорных фантомов умерших

людей. Мы вели борьбу за Истину и за весь мир, который вводят в заблуждение феноменалисты. Снова повторю: никогда не велось никакой «борьбы» против тех, кто по-настоящему изучает психические науки.

Профессор Коуз в своем обращении к западному Обществу психических исследований в прошлом году многое сделал для разъяснения нашей подлинной позиции в данном вопросе. Он объяснил простым языком реальную важность психических исследований и превосходно поступил, особо подчеркнув все, что сопряжено с такого рода занятиями: трудности, опасности и в первую очередь — огромную ответственность. И дело не только в том, что, как доказал профессор, существует сходство между подобными занятиями и производством опасных взрывчатых веществ, особенно в неопытных руках. Как справедливо заметил профессор, эти эксперименты проводятся над человеческой душой и через нее. Если экспериментатор не прошел тщательной подготовки в процессе длительного специального курса обучения, то он рискует не только душой медиума, но и своей собственной.

Эксперименты, которые в настоящее время проводятся в области гипнотизма и месмеризма*, представляют собой опыты если не сознательной, то, во всяком случае, неосознанной черной магии. Широко и гладко путь, ведущий к подобным разрушительным последствиям; чересчур легко на него ступить, и слишком уж многие идут этим путем прямо к собственной гибели. А практическое средство против него одно. Это — курс обучения, упомянутый мною выше. Звучит очень просто, но на деле чрезвычайно трудно, ибо именуется это средство — «альтруизм». Это оно является главной идеей теософии и средством от всех недугов, и это его истинные основатели Теософского Общества выдвигают в качестве средства достижения своей первой цели — *Всемирного Братства*.

Таким образом, будучи даже только номинально организацией альтруистов, Теософское Общество вынуждено бороться со всеми, кто под его прикрытием старается обрести магические способности, дабы использовать их в своих корыстных целях и во вред окружающим. Много и таких, кто вступил в наше Общество не более чем из любопытства. Психические феномены — вот чего они хотели, не собираясь ради этого ни на йоту поступаться собственными удовольствиями и привычками. Такие быстро уходили ни с чем.

Теософское Общество никогда не было и никогда не будет школой разнородных теургических ритуалов. Но есть десятки небольших оккультных обществ, где весьма многословно рассуждают о магии, оккультизме, розенкрейцерах, адептах и прочем. Такие претендуют на многое, вплоть до того, что обещают дать ключ ко Вселенной, но в итоге приводят людей к глухой стене, а не к «Вратам мистерий». Это — одни из самых коварных наших противников. Прикрываясь философией Религии-Мудрости, они ухитряются создать некий мистический жаргон, который эффективен в течение какого-то времени и позволяет им при помощи малой толики ясновидения обдирать мистически настроенных, но невежественных честолюбцев, домогающихся оккультизма, и вести их, как баранов, чуть ли не в любом направлении. Вы сами видели, как было дело с ныне печально известным Г.Б.Л. и с пресловутыми Г.Н.З.Р.*. Но горе тем, кто пытается превратить благородную философию в прибежище отвратительной безнравственности, жадности до эгоистической власти и стяжательства под видом теософии! Карма настигает их, когда они меньше всего ожидают этого. Но возможно ли для нашего Общества стоять в стороне и при этом оставаться уважаемым, если его члены не готовы, по крайней мере в будущем, встать как один и поступить, как подобает теософам, с подобной клеветой на себя и с подобными подлыми карикатурами на свои высшие идеалы, каковыми их сделали эти две группы притворщиков?

Но для того чтобы мы были в состоянии осуществлять эту работу в интересах нашего общего дела, нам придется забыть обо всех частных различиях. Много есть в Теософском Обществе членов, горящих желанием работать, причем работать не покладая рук. Однако в качестве платы за свое содействие они хотят, чтобы вся работа велась по их разумению, и никак иначе. Если же этого не происходит, они впадают в апатию или вообще уходят из Общества, заявляя во всеуслышание, что только они — истинные теософы. Или же, если остаются, то стараются всячески превозносить свой метод работы в ущерб другим честным сотрудникам.

Таковы факты, но разве это — теософия? Все это может привести лишь к тому, что Общество, расширяясь, расколется на множество различных сект по числу руководителей — сект, столь же безнадежно бесплодных, как те 350 разрозненных христианских сект, существующих в настоящее время в одной только Англии. Неужели подобная перспектива ожидает и Теософское Общество? Разве такое «отделение» совместимо с единым альтруизмом Всемирного Братства? Разве этому нас учат наши Великодушные Наставники? Братья и сестры мои в Америке, от вас зависит, быть этому или не быть. Вы работаете, про-

должаете трудиться изо всех сил. Но для того чтобы как следует работать на благо нашего Великого Дела, необходимо забыть все персональные различия во взглядах относительно того, каким образом надо работать. Пусть каждый работает по-своему и не пытается навязывать соседу своих идей насчет методов работы.

Вспомните, как в эпоху раннего христианства посвященный Павел предупреждал в своих посланиях тех, кто занял сектантскую позицию: «Я Павлов, я Аполлосов», и давайте воспользуемся его предупреждением. Теософия по сути своей несовместима с сектантством, и труд ради нее открывает вход во Внутреннюю Жизнь. Но никто не может войти туда, кроме самого человека, проникшегося высшим и истиннейшим духом Братства, и любая иная попытка окажется либо просто напрасной, либо разрушительной в самом начале.

Однако карма примирит все различия во мнениях. Будет потребован строгий отчет о нашей текущей работе, и заработанные «суммы» будут занесены в нашу «приходную ведомость». Но столь же строго взыщется за ту работу, которую кто бы то ни было, потакая личным обидам, помешал выполнить соседу. Думаете, легко воспрепятствовать силам Теософского Общества в лице любого из его руководителей осуществить предназначенную им работу? И коль скоро за Обществом стоит кармическая сила, то, вне всяких сомнений, сурово спросит эта сила за попытки помешать подобной работе; опрометчив и невежествен тот, кто противопоставляет свое ничтожное «я» выполнению предписанной Обществу задачи.

Следовательно, «**единение — сила**», и поэтому частные различия должны раствориться в совместном труде на благо нашего Великого Дела.

Теперь спросим себя: какую работу проделали мы за прошедший год? Здесь мы с помощью и под руководством президента-основателя, полковника Олькотта, организовали Британскую Секцию Теософского Общества. И вместо одной Ложи были созданы меньшие местные отделения, у которых, таким образом, больше сил для работы и возможностей для встреч. О том, что было проделано в Индии, вы, вероятно, уже слышали. И вы, конечно, слышали и знаете, чего добилась и насколько увеличила свои силы ваша Секция.

Что касается наших средств распространения знаний, то на Западе у нас есть журналы «Lucifer», «Path» и брошюры О.Т.П.* Благодаря всем этим изданиям мы вошли в контакт со множеством людей, о существовании которых мы бы иначе и не подозревали. Так что все они нужны для Дела, ибо оно включает в себя еще и попытку влиять на умы людей с помощью массовой прессы. К сожалению, должна сказать, что некоторые сотрудники журнала «Lucifer» теперь покинули журнал и Общество как раз из-за подобных личных расхождений, о которых упоминалось выше, и заняли теперь враждебную позицию — не только по отношению ко мне лично, но и по отношению к системе мышления, внедряемой Теософским Обществом.

Из-за личной неприязни к полковнику Олькотту французский журнал «Lotus» также отошел от теософии, однако взамен мы основали в Париже «La Revue Theosophique». Редактором этого журнала являюсь я, а управляющим и директором — графиня д'Адемар, американская леди, любимая и уважаемая всеми, кто ее знает, и друг одного из наших Братьев, д-р Бак*.

Как известно многим из вас, мы создали Эзотерическую Секцию. Ее члены в числе прочего связаны обетом трудиться на благо теософии под моим руководством. Таким способом мы попытались, в частности, обеспечить некоторую солидарность в нашей совместной работе: образовать крепкую организацию, способную противостоять исходящим извне попыткам причинить нам ущерб, способную бороться с предрассудками в отношении Теософского Общества и против меня лично. При помощи этой Секции можно сделать многое, дабы свести на нет вред, причиненный Обществу в прошлом, и в значительной степени продвинуть нашу работу в будущем.

Однако название организации я бы охотно изменила. Скандалы в Бостоне совершенно дискредитировали слово «эзотерический», но к рассмотрению этого вопроса мы вернемся позже.

Таким образом, как я уже говорила, наши главные противники — общественные предрассудки и тупое упрямство материалистически настроенного мира, фальсификация наших целей и названия охочими до денег шарлатанами, а превыше всего — дезертирство ранее преданных нам друзей, ставших ныне нашими злейшими врагами.

Истинны были те слова мудрости, что приписывают в Евангелиях Иисусу. Мы сеем наше семена, и одно семя падает при дороге и не удерживается в ушах невнимательных, другое — на каменистую почву, где оно всходит на волне радости и энтузиазма, но, не имея корней, «засыхает». В других случаях добрые всходы заглушаются «терниями» и страстями материального мира, и они погибают, подавленные «заботами, богатством и наслаждениями

житейскими». Ибо, увы, лишь в немногих людях семя теософии находит благодатную почву и приносит плод сторицею.

Но наше единство является нашей силой и всегда будет ею, если мы сохраним свой идеал Всемирного Братства. И пусть нашим лозунгом станет древнее «*In hoc signo vinces*»¹²¹.

А теперь заключительное, прощальное слово. Мои слова можно забыть, и со временем они наверняка забудутся, но некоторые фразы из писем, написанных Учителями, никогда не умрут, так как они представляют собой воплощение высшей практической теософии. Должна перевести их для вас:

«*** Пусть не движет вами стремление пожать плоды благой кармы, ибо раз уж ваша карма, благая или дурная, входит составной частью в единое, общее достояние всего человечества, то с вами не может произойти ничего такого — ни доброго, ни злого, что не разделили бы с вами множество других людей. Значит, если ваши мотивы эгоистичны, они могут привести лишь к ухудшенному, двойственному результату, доброму и плохому, и ваш добрый поступок либо будет сведен к нулю, либо его плодами воспользуется совсем другой человек».** «Нет счастья для того, кто всегда думает только о своем Я и забывает обо всех прочих Я».

«Вселенная стонет под тяжестью подобных деяний (кармы), и ничто иное, кроме кармы самопожертвования, не освободит ее. * Сколько из вас помогли человечеству нести хотя бы малейшую часть его бремени, чтобы считать себя теософами? О люди Запада, норовящие разыгрывать из себя Спасителей человечества, не решаясь пощадить жизнь хотя бы одному москиту, угрожающему им своим жалом! Вы хотели бы стать участниками Божественной Мудрости, или истинными теософами? Тогда действуйте, как воплощенные боги. Ощущайте себя проводниками и связующим звеном всего человечества, человечество — частью самих себя и поступайте соответственно. *****».

Золотые слова — усвойте же их! На это надеется та, кто самым искренним образом подписывается под этими строками как преданная сестра и слуга каждого истинного последователя Учителей теософии.

С братским приветом

Е.П.Блаватская

Письмо 3

**Четвертому ежегодному съезду
27-28 апреля 1890 г.**

**Послание от имени госпожи Е.П.Блаватской,
зачитанное Бертрамом Кейтли***

Е.П.Блаватская поручила мне зачитать за нее, насколько я сумею это сделать по памяти, то, что она пожелала передать съезду через меня, поскольку сама она слишком больна, чтобы лично написать свое обычное приветственное письмо.

¹²¹ «Сим победиши» (лат.).

Братья и соратники теософы!

Новый цикл, открывшийся для теософии, уже начал приносить свои плоды. Прогресс, достигнутый нашим движением за последний год, заметен как никогда, однако, вдохновляя нас, он служит и напоминанием о том, что не за горами время сбора урожая, а за ним вскоре наступит зима с буранами и метелями. Поэтому, поздравляя всех вас, мои искренние и активные соратники, и особенно моего дорогого коллегу, г-на У.К.Джаджа, вынуждена настоятельно рекомендовать вам не расслабляться, а скорее умножить ваши усилия.

Оглядываясь на прошедший год, видишь, как много было достигнуто благодаря силе единства и бескорыстной преданности работе.

В течение 1888-1889 гг. в Америке было образовано только шесть отделений, тогда как за прошлый год возникло пятнадцать дополнительных отделений и, соответственно, еще более выросло количество членов [Теософского] Общества.

Но еще более важно изменение в настрое членов относительно Общества и его работы, и признаков этого предостаточно. Прошедшие двенадцать месяцев свидетельствуют о повышении активности в истинно теософском труде и стремлении помочь ближним, чем за любой предшествующий год в истории [Теософского] Общества на Западе. Есть зримые, хотя и постепенно вырисовывающиеся признаки того, что члены Общества наконец пробуждаются от спячки, от апатии и постепенно принимаются по-настоящему *осуществлять на деле* первый принцип теософии — **Всемирное Братство**. Они постепенно оживают для выполнения своего долга помогать окружающим, как в свое время помогали им самим, донося до всех знание животворных истин теософии.

Растущую поддержку получает программа распространения брошюр по почте, многие предлагают свое добровольное содействие, на наш счет со все большей эффективностью и рвением пересылают денежные средства для осуществления этой работы. Отделения [Теософского] Общества на тихоокеанском побережье подали пример того, как брать на себя задачу систематического и организованного выполнения этой работы как вспомогательной, и душевный подъем, искренность ее исполнителей заслуживает всяческих похвал. Должна выразить искреннюю признательность множеству честных и преданных членов [Теософского] Общества в Америке, столь благородно и великодушно откликнувшихся на мою просьбу помочь спасти и продолжить издание журнала «Lucifer». От всей души хотела бы поблагодарить их лично, всех и каждого в отдельности; результаты их усилий непременно скажутся на дальнейших успехах журнала в будущем.

В Англии мы за минувший год стали свидетелями быстрого роста и стремительного расширения [Теософского] Общества и его деятельности. Наше дело приобрело двух преданных и благородных приверженцев, чьи имена вот уже многие годы широко известны в связи с усилиями по оказанию реальной помощи страждущему человечеству. Это Анни Безант и Герберт Бэрроуз. В их лице наше движение обогатилось талантливыми пропагандистами, умело пользующимися и пером, и ораторской трибуной. Они в немалой степени восполнили острую потребность в ораторах, способных в истинном свете показать теософию самой широкой аудитории; особенно глубоко я признательна Анни Безант за ее сотрудничество и неоценимую помощь в руководстве журналом «Lucifer».

За прошедшие двенадцать месяцев здесь были образованы новые отделения [Теософского] Общества, наши ряды пополнились большим количеством новых членов, между тем как рост общего интереса к теософии заметен по изменившемуся тону публикаций в прессе, частому появлению в печати писем и статей, касающихся теософии. В Лондоне этот интерес настолько усилился, что для еженедельных собраний Ложы Блаватской нам пришлось построить большой конференц-зал в новой Штаб-квартире, куда мы переедем в августе, так как старое здание уже слишком мало, чтобы вместить всех интересующихся, желающих присутствовать на собраниях.

Большую помощь нашей работе оказало продолжительное пребывание в Англии полковника Олькотта. Лекции, которые он читал по всей Англии и в Ирландии, дали толчок созданию нескольких новых отделений [Теософского] Общества, а его личный пример и огромное влияние внесли немалый вклад в нашу деятельность по всем направлениям. Лично мне присутствие полковника принесло огромное удовлетворение и несказанную радость и прибавило сил, когда «двое основателей» еще раз потрудились вместе, рука об руку, что сказилось во всех сферах нашей работы.

Я с большим сожалением восприняла тот факт, что г-н Олькотт уехал в Индию, так и не

сумев нанести обещанный визит в Америку, но [Теософскому] Обществу на Востоке присутствие этого человека нужнее, а кончина г-на Пауэлла способствовала безотлагательному возвращению полковника в Индию. Не будучи лично знакома с г-ном Пауэллом, все же не могу не отдать дань уважения его памяти и признательности за блестящую работу, проделанную им для нашего Общества, и за его благородное, абсолютное самопожертвование для служения человечеству. Полковника Олькотта при его возвращении в Индию сопровождали два наших здешних сотрудника: г-н Баулз Дэйли и г-н Э.Д.Фосетт, присутствие которых в Адьяре, я уверена, будет весьма ценным для моего дорогого коллеги, нашего президента-основателя.

В значительной степени мы обязаны нашими результатами крепнущему духу солидарности и, в первую очередь, притоку свежих сил, которые влились в Теософское Общество благодаря организации Эзотерической Секции. Членам этой Секции хочу сказать: посмотрите и осознайте, каких огромных результатов могут достичь те, кому приходится по-настоящему, искренне, объединив бескорыстные усилия, трудиться на благо человечества. Пусть достижения, которыми ознаменовался этот год, станут безошибочным подтверждением огромной ответственности, возложенной на вас, ответственности не только перед [Теософским] Обществом, но и перед всем человечеством. Поэтому не ослабляйте своих усилий ни на мгновение; каждый день работайте сплоченно, плечом к плечу, встаньте, как один, что бы ни было на дворе — прекрасная погода или гроза, — и тогда победа нашего дела, которому вы поклялись служить, будет обеспечена. Если действовать в унисон с вашим Высшим Я, то ваши усилия могут и должны оказаться плодотворными для [Теософского] Общества, для вас самих, для Человечества. И ближайшие годы обеспечат устойчивый, здоровый рост, крепкую, единую организацию, прочный, надежный, эффективный инструмент, готовый к тому, чтобы его взяли в свои руки наши Учителя. Сумеете сплотиться, проникнувшись истинным чувством солидарности, подлинным духом Всемирного Братства — и тогда никакая сила не сможет вас одолеть, никакое препятствие не сможет остановить ваше развитие, никакая преграда не сумеет сдержать продвижение теософии в грядущем веке.

Но довольно о прошлом. Пусть вдохновение, которое мы черпаем из этого обзора результатов, достигнутых в истекшем году, подвигнет нас на еще большие старания и более напряженные усилия. Пусть все почувствуют, что есть сила, стоящая за Обществом, которая даст нам столь необходимую энергию, что позволит нам перевернуть мир, если мы всего лишь **объединимся** и будем **работать**, как один разум, одно сердце.

Наставники требуют лишь, чтобы каждый делал *все, что в его силах*, и прежде всего — чтобы каждый стремился по-настоящему ощутить себя единым целым со своими товарищами по работе. Требуется не бесцветное согласие по интеллектуальным вопросам или невозможное единодушие в том, что касается всех деталей работы, а истинная, искренняя, сердечная преданность нашему делу, благодаря которой каждый будет готов изо всех сил помогать собрату *трудиться* ради этого дела, и неважно, пришли мы к согласию относительно точной методики выполнения работы или нет. Единственный человек, который абсолютно неправ в своих методах, — это тот, кто *ничего не делает*; каждый может и должен сотрудничать со всеми и все — с каждым в духе благожелательного товарищества, дабы способствовать тому, чтобы теософия в вашей стране вошла в дом каждого ее обитателя.

Давайте смотреть вперед, а не оглядываться. Что год грядущий нам готовит? Первым делом должна кое о чем предупредить. По мере того как разворачиваются приготовления к новому циклу, с появлением на американском континенте предвестников новой подрасы начинают пробуждаться к жизни и расти дремлющие в человеке скрытые силы. Отсюда и быстрый рост таких движений, как Христианская наука*, Излечение разума, Метафизическое исцеление, Духовное исцеление и т. д. Все эти движения представляют собой не что иное, как различные фазы проявления подобных растущих сил, пока еще не понятых и, следовательно, слишком уж часто по невежеству неправильно используемых. Поймите раз и навсегда, что *ни в одном* из этих проявлений нет ничего «духовного» или «божественного». Осуществляемые с их помощью исцеления обусловлены всего-навсего бессознательным применением оккультной силы на *низших* планах бытия: обычно это *прана*, то есть потоки жизненной энергии. Противоречивые теории всех этих школ основаны на неправильно понимаемой и неверно применяемой метафизике, а нередко — на гротескно нелепых логических заблуждениях.

Но вот одна общая черта, присущая большинству из этих школ, — черта, которая представляет наибольшую опасность в ближайшем будущем. Почти в каждом случае общий смысл всех этих учений сводится к тому, что в результате люди начинают рассматривать процесс исцеления как связанный с воздействием на *разум* пациента. Здесь кроется

опасность, ибо любой подобный процесс, какими бы хитрыми словами ни пытались замаскировать и скрыть его бросающиеся в глаза изъяны, представляет собой манипуляцию пациентом. Иначе говоря, всегда, когда целитель покушается на свободное мышление человека, которого он лечит, — это черная магия.

Так называемые «целительские» науки уже используются как способ заработать себе на жизнь. Вскоре какой-нибудь проницательный человек поймет, что подобными процессами можно активно воздействовать на сознание окружающих, ориентируя его в самых разных направлениях, и если однажды позволить корыстным побуждениям — мотивам личной выгоды, зарабатывания денег — закрасться в душу, то бывший «целитель» незаметно привыкнет использовать свою силу для обретения богатства или иного объекта своих желаний.

Это — одна из опасностей нового цикла, чрезвычайно усугубляемая давлением конкуренции и борьбы за существование. К счастью, возникают и новые тенденции, работающие на изменение основы повседневной жизни людей от эгоизма к альтруизму. Национальное движение является приложением к теософии*. Однако, помня о том, что национальное движение является приложением к теософии, на первом месте для вас должна стоять все-таки теософия. Теософия — это сама жизнь, вечно пребывающий дух, благодаря которому всякая подлинная реформа становится жизненной реальностью, ибо теософия — это Всемирное Братство, сама основа, краеугольный камень всех движений, направленных на улучшение условий нашей жизни.

То, что я говорила в прошлом году, остается верным и по сей день; я имею в виду, что этика теософии гораздо важнее любого обнаружения психических законов и явлений. Последние целиком относятся к материальной и эфемерной части семеричного человека, в то время как этика связана с глубинной сутью истинного человека — перевоплощающимся Эго. Внешний человек — всего лишь создание-однодневка, внутренний — вечен. Так постарайтесь же хорошо усвоить учение о карме и перевоплощении и сами преподавайте, осуществляйте и пропагандируйте ту систему жизни, которая одна лишь и может спасти грядущие расы. Трудитесь не просто ради Теософского Общества, но *через него* ради всего человечества.

Пусть теософия становится все более и более живой силой, питающей жизнь всех наших членов, и пусть предстоящий год еще больше наполнится хорошей работой и здоровым развитием, нежели год завершающийся, — вот чего вам желает ваш скромный собрат и соратник.

Письмо 4

Пятому ежегодному съезду
25-26 апреля 1891 г.

Бостонскому съезду
Теософского Общества, 1891 г.

В третий раз со времени моего возвращения в Европу в 1885 году я направляю к моим братьям по теософии делегата из Англии для присутствия на ежегодном Теософском съезде и для устной передачи моего приветствия и сердечных поздравлений. При моей нарастающей телесной немощи единственным оставшимся мне утешением служит то, что я слышу о развитии нашего Священного Дела, которому я отдала свое здоровье и силы и которому теперь, когда они на исходе, я могу предложить лишь свою страстную преданность и неослабевающие добрые пожелания, пожелания успеха и благоденствия. Поэтому новости, приходящие почта за почтой из Америки и рассказывающие о возникновении новых отделений Общества, о тщательно продуманных и кропотливо разработанных планах распространения теософии, ободряют и несказанно радуют меня свидетельствами успехов ее развития. Собратья-теософы, я горжусь вашей благородной работой в Новом Свете; сестры и братья Америки, благодарю и благословляю вас за ваш неустанный труд на благо общего дела, которое всем нам столь дорого.

Позвольте мне еще раз напомнить вам, что такая работа сегодня нужнее, чем когда-либо. Наступающий сейчас период в рамках того цикла, который должен завершиться между 1897-1898 годами, является и постоянно будет оставаться периодом великих конфликтов и непрерывного напряжения. Если Теософское Общество сумеет устоять в течение этого периода, это будет прекрасно; если же нет, то теософия выйдет из него живой и невредимой, а Общество погибнет, быть может, самым бесславленным образом, и пострадает от этого весь мир. Я всею душою надеюсь, что в своем нынешнем теле не успею застать подобного бедствия.

О критическом характере той фазы, в которую мы вступили, прекрасно осведомлены как те, кто сражается на нашей стороне, так и силы, выступающие против нас. И последние не упустят ни малейшей возможности сеять раздоры, использовать наши ошибки и неверные ходы, исподволь внушать сомнения, вселять подозрения; так что единство Общества может разрушаться всеми мыслимыми способами, а ряды наших собратьев — таять и приходиться в смятение. Никогда еще членам Теософского Общества не было столь необходимо, как сейчас, серьезнейшим образом отнестись к древней притче о вязанке хвороста: если развязать ее, то прутья легко переломать поодиночке, но если мы будем едины, то никакая сила на Земле не сумеет разрушить наше Братство. С горечью вынуждена была отметить распространившуюся среди вас, так же как и среди теософов Европы и Индии, тенденцию ссориться по пустякам и вашу преданность делу теософии обращать в повод для раздоров.

Поверьте мне, что, не говоря уже об этой естественной тенденции, проистекающей из врожденного несовершенства человеческой природы, нередко враги наши, которые всегда на чеку, пользуются даже благороднейшими вашими качествами, чтобы соблазнить вас и сбить с пути. Скептики поднимут на смех это утверждение, да и многим из вас с трудом будет вериться в то, что действительно существуют жуткие полчища этих ментальных, а следовательно, субъективных и незримых, но в то же время живых и могущественных воздействий, которые нас окружают. Но они рядом, и я знаю, что многих из вас ощутили их и вынуждены были признать существование этого чужеродного ментального давления. На тех, кто искренне и бескорыстно предан Делу, эти силы оказывают не очень чувствительное влияние, если вообще воздействуют. Для других же, ставящих личную гордость выше своего долга перед Теософским Обществом и даже выше Обета, данного своему **Божественному Я**, это воздействие, как правило, бывает катастрофическим. Самоконтроль особенно важен тогда, когда личная тяга к власти и уязвленное самолюбие распускают пышный павлиний хвост, прикидываясь преданностью и альтруистическим трудом, но во время нынешнего кризиса Общества недостаток самоконтроля и бдительности может в любом случае оказаться роковым.

Однако подобные попытки наших могущественных недругов — непримиримых врагов тех истин, которые сейчас провозглашены и доказаны на практике, — можно свести на нет. Если бы каждый собрат нашего Общества, содействуя целям Братства, всегда довольствовался тем, что выступает как часть безличной силы, служащей добру, и не думал о похвалах и порицаниях, то достигнутый благодаря этому прогресс изумил бы весь мир и вывел бы из-под угрозы наш корабль, ковчег Теософского Общества. Вооружитесь на следующий год лозунгом «Мир со всеми, кто искренне любит Истину», и съезд 1892 года станет красноречивым свидетельством той силы, которая рождается из единства.

Ваша роль предвестников шестой подрасы пятой коренной расы таит в себе как специфические опасности, так и особые преимущества. Среди вас неизбежно развивается психизм* со всеми его прелестями и опасностями, и вы должны остерегаться, чтобы развитие психических способностей не опережало манасического и духовного развития. Психические способности, будучи всецело контролируемы, сдерживаемы и управляемы манасическим принципом, являются ценным подспорьем в развитии. Но если эти способности проявляются безудержно, бесконтрольно, неуправляемо и подчиняют себе вместо того, чтобы быть используемыми, то это приводит изучающего их к самым опасным заблуждениям, галлюцинациям и непременно — к нравственному разрушению. Так следите же внимательно за этим развитием, неминуемым для вашей расы и эволюционного периода, дабы оно в итоге стало работать во благо, а не во зло, и получите заранее искреннее и могучее благословение Тех, кто никогда не изменит вам, лишив своего расположения, лишь бы вы сами не изменяли себе.

Рада, что могу сообщить вам о том, что здесь, в Англии, наблюдается быстрое и неуклонное продвижение вперед. Анни Безант посвятит вас в подробности нашей работы и расскажет о том, как возрастает сила и влияние нашего Общества; факты, которые она изложит о деятельности Европейской и Британской Секций, говорят сами за себя. Английский национальный характер, труднодостижимый, но твердый и упорный, когда пробуждается для

действия, служит дополнительным ценным фактором для нашего Общества, и здесь закладываются прочные основы для Теософского Общества двадцатого века. Здесь, как и у вас, осуществляются успешные попытки привить английскому мышлению некоторое влияние индуизма, и многие из наших индусских собратьев пишут сейчас для журнала «Lucifer» краткие и понятные статьи об индийской философии. Поскольку одной из задач Теософского Общества является сближение Востока и Запада, способных взаимно обогатить друг друга противоположными качествами, и развитие более братских чувств в отношениях между столь различными народами, то я надеюсь, что подобное литературное взаимодействие окажется крайне полезным для привнесения в западное мышление духовных ценностей древних ариев.

Упоминание о журнале «Lucifer» напомнило мне, что своим нынешним укрепившимся положением этот журнал во многом обязан помощи, предоставленной в критический момент американскими собратьями. Продолжение издания этого журнала как моего абсолютно свободного средства общения с теософами всего мира было чрезвычайно важным для всего Общества. Из месяца в месяц на его страницах я даю как можно более доступное изложение теософского учения и таким образом выполняю самую важную часть нашей теософской работы. Сейчас журналу удастся лишь покрывать расходы на его издание, и, если бы Ложи и отдельные собратья помогли увеличить его тираж, он приносил бы гораздо больше пользы, нежели в настоящий момент. Поэтому, высказывая самую горячую благодарность тем, кто столь великодушно помог поставить издание журнала «Lucifer» на прочную основу, я была бы рада увидеть, как увеличивается число его постоянных подписчиков, ибо я считаю их своими учениками, среди которых рассчитываю найти тех, кто окажется способным учиться и дальше.

Вот я и высказалась полностью; у меня недостаточно сил, чтобы написать более пространное послание, но в этом я нуждаюсь меньше всего, так как мой верный друг и посланник, Анни Безант, которая здесь является моей правой рукой, способна передать вам мои пожелания полнее и лучше, чем я в состоянии выразить это на бумаге. В конце концов, все пожелания и мысли, которые я могла бы выразить, сводятся к одной-единственной фразе, вечно бодрствующему пожеланию моего сердца: «Будьте теософами, трудитесь ради теософии!» С теософии начинайте и теософией заканчивайте, ибо только ее *практическое* осуществление может спасти западный мир от тех эгоистичных, отнюдь не братских настроений, которые разделяют расы и народы, только оно способно избавить мир от классовой ненависти и классовых противоречий — этого проклятия и позора так называемых христианских народов. Теософия единственная может спасти Запад от полного погружения в нацеленный исключительно на роскошь материализм, в котором западный мир будет гнить и разлагаться, что ранее произошло с более древними цивилизациями.

Именно вам, Братья, доверено благополучие грядущего столетия; но, сколь велико доверие, столь же велика и ответственность. Самой мне осталось жить, по-видимому, уже недолго, и если хоть кто-то из вас смог нечто извлечь из моего учения или получил с моей помощью проблеск Истинного Света, то взамен я попрошу вас и дальше крепить то дело, с победой которого этот Истинный Свет, становясь все ярче и величественнее благодаря вашим индивидуальным и коллективным усилиям, станет озарять весь мир, а я, прежде чем расстаться с этим изношенным телом, успею увидеть, что устойчивость и стабильность Общества гарантированы.

Да пребудут с вами благословения великих Учителей прошлого и настоящего. От меня же лично примите все вместе заверения в моих подлинных, непоколебимых братских чувствах и искреннюю, сердечную благодарность за работу, проделанную всеми сотрудниками.

От вашей до конца преданной вам слуги

Е.П.Блаватской

Письмо 5

Пятому ежегодному съезду
26-27 апреля 1891 г.

15 апреля 1891 г.
Лондон, Риджентс-Парк,
Авеню-Роуд, 19,
Европейская секция Теософского Общества

Пятому съезду Американской секции Теософского Общества

Братья теософы!

Я намеренно опустила какие бы то ни было упоминания о своем старейшем друге и соратнике У.К.Джадж в моем общем послании к вам, ибо считаю, что его неослабевающие самоотверженные усилия по укреплению и развитию теософии в Америке заслуживают отдельного рассмотрения.

Если бы не У.К.Джадж, то теософия в Соединенных Штатах не занимала бы того места, которое она занимает сейчас. Именно он главным образом укреплял среди вас это движение, именно он доказал тысячью способов свою полную преданность важнейшим задачам теософии и Общества.

Не стоит на Теософском съезде особо предаваться взаимному восхищению, но следует непременно отдавать дань уважения тогда, когда это нужно, и я рада, пользуясь случаем, открыто выразить устами моего друга и коллеги Анни Безант свою глубокую признательность вашему генеральному секретарю за его деятельность и во имя теософии публично, искренне и от всей души поблагодарить его за ту благородную работу, которую он уже проделал и продолжает осуществлять.

С братским приветом

Е.П.Блаватская

Приложение

ПИСЬМА РОДНЫМ

I

Нью-Йорк (1875-1876)

Году в 1875 г-жа Желиховская*, известная как личным вкладом в литературу, так и тем, что она — сестра г-жи Блаватской, прослышала о том, что Е.П.Б. начала писать свои работы каким-то особым способом, который еще несколько лет назад был бы для нее совершенно невозможен. Каким образом она обрела знания, удостоившиеся единодушного признания и английской, и американской прессы, было совершенно необъяснимо. Поползли слухи, что в основе всего этого лежит «колдовство», и, терзаемая страхами и дурными предчувствиями, г-жа Желиховская написала сестре, умоляя ее объяснить все это. Она получила следующий ответ:

Не бойся, я не безумна. Все, что я могу сказать, — это что некто определенно *вдохновляет меня...* более того, некто входит в меня. Говорю и пишу не я — это нечто внутри меня, мое высшее, лучезарное Я думает и пишет за меня. Не спрашивай меня, друг мой, что я при этом испытываю, ибо я не в состоянии ясно объяснить. Я и сама не понимаю! Единственное, что я знаю, — это то, что теперь, с возрастом, я стала чем-то вроде кладезя чьих-то чужих знаний...

Некто приходит, окутывает меня туманным облаком и неожиданно выталкивает меня из самой себя, и тогда я уже не «я» — Елена Петровна Блаватская, а кто-то другой. Кто-то сильный и могучий, рожденный совсем в иных краях. Что же касается меня самой, то я словно

сплю или лежу рядом почти без сознания — не в своем теле, а совсем рядом, и удерживает меня подле него лишь какая-то тонкая нить, связывающая меня с ним. Однако временами я совершенно отчетливо все вижу и слышу: я прекрасно сознаю, что говорит или делает мое тело или, по крайней мере, его новый владелец. Я даже понимаю и помню все это так хорошо, что могу потом записать *его* слова...

В такие моменты я замечаю страх и благоговейный трепет на лицах Олькотта и других и с интересом слежу за тем, как *он* с некоторой жалостью глядит на них моими глазами и учит этих людей, пользуясь для этого моим материальным, физическим языком. Но не моим умом, а своим собственным, который окутывает мое сознание подобно облаку... Ах, на самом деле я не могу всего объяснить.

Изумление Е.П.Б., вызванное таким чудесным развитием ее способностей, видимо, было очень велико, судя по письму, которое она написала (примерно в 1875 или в 1876 г.) своей тетке, г-же Фадеевой, вместе с которой она воспитывалась и училась:

Скажите, милая моя, интересуют ли вас физиологическо-психологические тайны? Вот вам одна из таковых, вполне достойная того, чтобы повергнуть в изумление любого физиолога: в нашем [Теософском] Обществе есть несколько исключительно образованных членов, к примеру, профессор Уайлдер, один из первых археологов и востоковедов в Соединенных Штатах, и все эти люди приходят ко мне, чтобы учиться у меня, и клянусь, что я разбираюсь во всевозможных восточных языках и науках, как точных, так и абстрактных, гораздо лучше, чем сами эти ученые мужи. Это факт! А факты — упрямая вещь, с ними не поспоришь.

Так поведайте же мне: как могло случиться, что я, чье образование вплоть до сорока лет столь ужасно хромало, вдруг стала светочем знаний в глазах по-настоящему ученых людей? Этот факт — непостижимая тайна Природы. Я — какая-то загадка психологии, головоломка для будущих поколений, некий Сфинкс*. Вы только представьте себе: я, никогда в жизни ничего не изучавшая, не обладающая ничем, кроме поверхностных сведений самого общего характера, никогда не имевшая ни малейшего представления о физике, химии, зоологии и вообще ни о чем, теперь вдруг стала способна писать целые диссертации по этим предметам. Я вступаю в дискуссии с учеными мужами, в диспуты, из которых часто выхожу победительницей... Это не шутка, я совершенно серьезна, я не понимаю, как это все получается.

Это правда, что вот уже почти три года я днем и ночью все штудирую, читаю, размышляю. Но что бы мне ни случилось прочесть, все это кажется мне уже знакомым... Я нахожу ошибки в ученейших статьях, в лекциях Тиндаля, Герберта Спенсера, Гексли* и других. Если какому-либо археологу доводится вызвать меня на спор, то при прощании он непременно заверяет меня, что я разъяснила ему значение различных памятников и указала ему на такие вещи, которые ему никогда не пришли бы в голову. Все символы древности с их тайными смыслами приходят мне на ум и стоят перед моим мысленным взором, как только в беседе заходит о них речь.

Один ученик Фарадея*, профессор Х., которого в ученом мире единодушно окрестили «отцом экспериментальной физики», провел со мною вчерашний вечер и теперь уверяет меня, что я способна «заткнуть за пояс самого Фарадея». Может быть, все они — просто глупцы? Но ведь нельзя предположить, будто и друзья и враги объединились, чтобы выставить меня светилом науки, если все, что я делаю, окажется на поверку лишь моими собственными дикими теориями.

И если столь высокого мнения обо мне придерживались бы только преданный мне Олькотт и прочие мои теософы, то можно было бы сказать: «*Dans le pays des aveugles les borgnes sont rois*»¹²². Но в доме моем постоянно, с утра до вечера, толпятся всевозможные профессора, доктора наук и доктора богословия... Например, есть тут два еврейских раввина, Адлер и Гольдштейн, причем оба считаются величайшими талмудистами. Они наизусть знают *каббалу* Симона Бен Йохая и «Назорейский кодекс» Бардезана*. Их привел ко мне г-н А. — протестантский священник и комментатор Библии, надеявшийся, что они докажут, что я заблуждаюсь по поводу одной формулировки в халдейской Библии Онкелоса*. И чем все кончилось? Я их победила. Я цитировала им целые фразы на древнееврейском и доказала раввинам, что Онкелос — один из авторитетов вавилонской школы.

¹²² «В стране слепых одноглазые — просто короли» (франц.).

В более ранних письмах Е.П.Б. г-же Желиховской тот разум, который, по ее выражению, «обволакивает ее тело» и использует ее мозг, именуется «Голосом» или «Сахибом». Лишь позднее она называет его, наряду с еще одним «Голосом», «Учителем». Например, она пишет г-же Желиховской:

Я никогда никому здесь не рассказываю об опыте моего общения с *Голосом*. Когда я пытаюсь убедить людей в том, что я никогда не была в Монголии, что я не знаю ни санскрита, ни древнееврейского, ни древних европейских языков, мне не верят. «Как это так? — говорят они, — вы никогда там не бывали и при этом все так точно описываете? Не знаете языков, но переводите прямо с языка оригинала?» И поэтому они отказываются мне верить*. Они думают, у меня есть какие-то таинственные причины для скрытности, да к тому же мне как-то неловко отрицать, когда все слышали, как я обсуждаю различные индийские диалекты с лектором, который провел в Индии двадцать лет. Ну что же, все, что я могу сказать: либо они спятили, либо я — просто подмениш!

Примерно в этот период Е.П.Б., по-видимому, стало одолевать сильное беспокойство, связанное с тем, что у некоторых членов зарождающегося Теософского Общества бывали «видения чистых Планетных Духов», в то время как сама она могла разглядеть лишь «земные эманации, духов стихий» той же самой категории, которая, по ее словам, играет решающую роль в спиритических материализациях. Е.П.Б. пишет:

В нашем [Теософском] Обществе каждый должен стать вегетарианцем, не потребляющим мяса и не пьющим вина. Это — одно из первейших наших правил. Хорошо известно, какое вредное влияние оказывают испарения крови и алкоголя на духовную сторону человеческой природы, раздувая животные страсти в бушующее пламя; поэтому на днях я решила попоститься сильнее, чем обычно. Я питалась одним лишь салатом и даже не курила целых девять дней, спала на полу, и вот что произошло: перед моим внутренним взором вдруг промелькнула одна из самых отвратительных в моей жизни сцен, и я ощутила, будто выхожу из собственного тела и с отвращением смотрю на него со стороны — как оно ходит, разговаривает, самодовольно предаваясь излишествам и погрязнув в грехе. Фу, как я себя возненавидела!

На следующую ночь, снова укладываясь спать на жестком полу, я была уже такой уставшей, что вскоре уснула и меня окутала тяжелая, беспросветная тьма. Затем я увидела, как появляется какая-то звезда; она зажглась высоко-высоко надо мною и стала падать прямо на меня. Звезда опустилась мне прямо на лоб и превратилась в чью-то ладонь. Ладонь эта оставалась у меня на лбу, а я сгорала от любопытства: чья же это рука?.. Я сосредоточилась на одной-единственной мольбе, на одном волевом импульсе, силясь постичь, кому же принадлежит эта светящаяся ладонь... И я поняла: тот, кто стоит надо мною, — это я сама.

Внезапно эта «вторая я» заговорила, обращаясь к моему телу: «Взгляни на меня!» Тело мое взглянуло и увидело, что половина второй меня была черна, как смоль, другая половина — бледновато-серая и лишь макушка — совершенно белая, сверкающая, лучезарная. И снова я обратилась к собственному телу: «Когда ты станешь такою же светящейся, как эта крохотная часть твоей головы, тогда взору твоему будет доступно то, что видят другие, чистые, сумевшие полностью очиститься... А пока что очищайся, очищайся, очищайся». И тут я проснулась.

Одно время Е.П.Б. была в исключительно тяжелом состоянии из-за болезни ноги, связанной с прогрессирующим ревматизмом. Врачи сообщили ей, что началась гангрена, и сочли это безнадежным. Однако ее успешно исцелил некий негр, посланный «Сахибом». Е.П.Б. пишет г-же Желиховской:

Он меня полностью излечил. И как раз в это время я стала испытывать весьма странное раздвоение. По несколько раз на день я ощущаю, что кроме меня в моем теле присутствует кто-то еще, вполне отделимый от меня самой. Я никогда при этом не перестаю осознавать собственную личность; я просто чувствую себя так, словно сама я молчу, а «постоялец», который во мне, говорит моим языком.

Например, я знаю, что никогда не бывала в тех местах, которые описывает это мое «второе я», однако этот другой — «вторая я» — не лжет, рассказывая о местах и вещах, мне неизвестных, ибо он действительно их видел и прекрасно знает. Я решила не сопротивляться: пусть судьба моя ведет меня так, как ей заблагорассудится; да и что мне еще остается? Было

бы совершенно нелепо, если бы я отрицала обладание знаниями, о которых заявляет мое «второе я», давая повод окружающим считать, что я держу их в неведении из скромности. По ночам, когда я одна лежу в постели, вся жизнь моего «второго я» проходит у меня перед глазами, и я вижу вообще не себя, а совсем другого человека — другой нации и с другими чувствами. Но что проку об этом говорить? Так недолго и с ума сойти. Пытаюсь с головою окунуться в эту роль и забыть о странности своего положения.

Это не медиумизм и уж никак не общение с нечистой силой, ибо оно намного сильнее и выше нас и ведет нас к лучшему. Никакой бес не стал бы действовать подобным образом. Может быть, «духи»? Но если уж на то пошло, то мои бывшие «привидения» больше не смеют ко мне приближаться. Стоит мне войти в комнату, где проходит спиритический сеанс, как все такого рода феномены, особенно материализации, разом прекращаются. Нет-нет, это нечто совсем иное, явление высшего порядка! Под руководством моего «второго я» все чаще происходят явления совсем другого рода.

На днях вышлю вам об этом статью. Это интересно.

II

Нью-Йорк (1877)

Газеты давали отчеты о некоторых из этих феноменов и описывали явления астральных посетителей, в том числе и некоего индуса. Посылая эти выдержки из прессы, Е.П.Б. сопровождает их своими комментариями:

Этого индуса я вижу каждый день так же, как могу наблюдать любого живого человека, с тою лишь разницей, что индус мне видится более эфирным и прозрачным. Прежде по поводу подобных явлений я хранила молчание, считая их галлюцинациями. Однако теперь их стали видеть и другие люди. Он (индус) является нам и делится советами относительно того, как нам себя вести и о чем писать. Он явно знает абсолютно *все*, что творится кругом, вплоть до сокровенных мыслей других людей, и заставляет меня выражать его знания.

Порою мне кажется, что он затмевает меня целиком, просто входя в меня как нечто зыбкое и неуловимое, проникающее во все поры и растворяющееся во мне. Тогда мы приобретаем возможность вдвоем говорить с другими людьми, тогда я начинаю понимать и запоминать все, связанное с науками и иностранными языками, — все, в чем он меня просвещает, и это качество сохраняется даже тогда, когда он больше не присутствует во мне.

Сразу же после публикации «Разоблаченной Изиды» Е.П.Б. написала г-же Желиховской:

Тебе кажется странным, что какой-то индусский Сахиб столь вольно и бесцеремонно обращается со мною. Вполне могу тебя понять: человек, не привычный к такого рода феноменам, которые хотя и не являются из ряда вон выходящими, однако совершенно игнорируются, наверняка отнесется к ним с недоверием по той простой причине, что такой человек не привык погружаться в исследование подобных вопросов. Вот ты, например, спрашиваешь, не отказывает ли этот Сахиб себе в удовольствии попутешествовать по телам других людей так же, как он входит в мое тело. Точно сказать не могу, но вот в чем я уверена абсолютно.

Представь себе, что душа человека, его истинная живая душа — это нечто совершенно отдельное от остального организма, что этот периспирит не приклеен к физическим «внутренностям» и что эта самая душа, которая есть во всем живом, начиная от инфузории и кончая слоном, отличается от своего физического двойника, ибо способна действовать свободно и независимо, будучи лишь более или менее защищена бессмертным духом. В случае с непосвященным мирянином душа действует так во время сна, в случае с посвященным адептом — в любой момент, какой он выберет по своему усмотрению. Просто попробуй это усвоить, и тогда тебе многое станет ясно.

Этот факт был известен, и в него верили еще в отдаленные эпохи. Святой Павел, единственный из всех апостолов являвшийся адептом, посвященным в греческие мистерии, довольно прозрачно намекает об этом, рассказывая о некоем молодом человеке, который «в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает», «восхищен был до третьего неба»*. Также и Рода говорит о Петре: «Это не Петр, но ангел его», то есть его двойник, или его душа. И в «Деяниях апостолов», когда дух Божий восхитил Филиппа, то вознесено было не тело его, не грубая плоть, а его Эго, его дух и душа.*

Почитай Апулея, Плутарха, Ямвлиха и прочих ученых людей — все они намекают на подобный феномен, хотя обеты, принесенные ими во время посвящения, не позволяют им говорить открыто. То, что медиумы совершают бессознательно, под влиянием внешних сил, которые обретают власть над ними, адепты могут совершать сознательно и по собственной воле. Вот и все...

Что же до Сахиба, то мы познакомились с ним уже давно. Двадцать пять лет назад он прибыл в Лондон вместе с премьер-министром Непала, а три года назад передал мне письмо через одного индийца, прибывшего сюда читать лекции по буддизму. В этом письме он напомнил мне о многих вещах, в свое время им предсказанных, и поинтересовался, верю ли я ему теперь и согласна ли ему повиноваться, дабы избежать полного краха. После этого он являлся неоднократно, не только мне, но и другим людям, в том числе Олькотту, которому он повелел быть президентом [Теософского] Общества и наставлял его, как положить начало этому Обществу.

Я всегда узнаю Учителя и часто говорю с ним, не видя его непосредственно. Как получается, что он в состоянии услышать меня отовсюду и что я тоже по двадцать раз на дню слышу его голос через моря и океаны? Не знаю, но это так. Не берусь с уверенностью утверждать, что это он сам входит в меня: если это не он сам, то значит это — его сила, его влияние. Я сильна только его силой, без него я просто ничто.

Естественно, что в сердца ближайших родственников Е.П.Б. закрался весьма ощутимый страх по поводу личности этого таинственного учителя-индуса. У родственников никак не получалось воспринимать его как нечто большее, нежели «языческий колдун». И с этими представлениями Е.П.Б. решила изо всех сил бороться. Она рассказывала близким, что ее Учитель глубоко почитает дух учения Христа. Однажды она провела семь недель в лесу неподалеку от гор Каракорума, где была изолирована от всего мира и где только учитель навещал ее ежедневно, в астральном теле или как-то иначе — утверждать она не берется. Но в этот период ей показали в пещерном храме скульптурные группы, представляющие великих учителей человечества.

Огромная статуя Иисуса Христа, представляющая его в тот момент, когда он прощает Марию Магдалину; другая скульптурная группа запечатлела Гаутаму Будду, предлагающего в своих ладонях воду нищему; еще одна группа статуй изображает, как Ананда пьет воду из рук отверженной проститутки.

Е.П.Б. написала г-же Желиховской (дата письма не установлена), что учится выходить из собственного тела, и предложила сестре ждать ее в гости, заявив, что сумеет «в мгновение ока оказаться у нее дома в Тифлисе». Это и испугало, и позабавило г-жу Желиховскую, которая ответила, что ей не хотелось бы обременять сестру по столь ничтожному поводу. Е.П.Б. ответила:

А чего же тут бояться? Будто ты никогда не слышала о явлениях двойников. Я, то есть мое тело, буду спокойно спать в постели, и неважно, даже если телу придется дожидаться моего возвращения в уже пробужденном состоянии: оно окажется в положении невинного идиота. И неудивительно: ведь в нем в тот момент не будет присутствовать Божественный свет, улетевший к тебе; затем он прилетит обратно, и храм вновь озарится присутствием Божества. Но само собою разумеется, что это произойдет лишь в том случае, если между ними сохранится связующая нить. Если же ты завопишь как сумасшедшая — тогда аминь моему существованию: я могу мгновенно умереть...

Я уже писала тебе, что однажды мы удостоились посещения двойника профессора Моузеса. Его лицезрели семь человек. Что же до Учителя, то его, как правило, видят и люди совершенно посторонние. Иногда он выглядит, словно живой человек — веселый, как ни в чем не бывало. Он постоянно подшучивает надо мною, и теперь я к нему совершенно привыкла. Скоро он заберет всех нас в Индию, и там мы будем видеть его во плоти, просто как обычного человека.

Из Нью-Йорка:

Ну вот, Вера, хочешь — верь, хочешь — нет, но со мною творится что-то чудесное. Ты и представить себе не можешь, в каком чарующем мире картин и видений я живу. Я пишу «Изиду»; вернее, не пишу, а скорее копирую и зарисовываю то, что Она сама мне показывает. Честное слово, временами мне кажется, что древняя Богиня Красоты собственной персоной ведет меня через все страны минувших веков, которые я должна описывать.

Я сижу с открытыми глазами и, судя по всему, вижу и слышу все действительно происходящее вокруг меня, но в то же время вижу и слышу то, о чем пишу. Чувствую, что у меня перехватывает дыхание, боюсь пошевелиться: как бы эти чары не развеялись. Медленно выплывают откуда-то издалека век за веком, образ за образом и проходят передо мною словно в какой-то волшебной панораме, а я тем временем мысленно свожу их воедино, приводя в соответствие эпохи и даты, и знаю *наверняка*, что не может быть *никакой* ошибки.

Расы и народы, страны и города, давным-давно сгинувшие во тьме доисторического прошлого, возникают и затем исчезают, уступая место другим, а потом мне сообщают последовательные даты. На смену седой древности незапамятных времен приходят исторические периоды; мифы излагаются мне наряду с действительно происходившими событиями и реально существовавшими людьми, и каждое мало-мальски значительное событие, каждая заново перелистываемая страница этой разноцветной книги жизни запечатлевается в моем сознании с фотографической точностью.

Мои собственные расчеты и выводы представляются мне впоследствии в виде отдельных цветных осколков различной формы, как в игре под названием *casse-tete* (головоломка). Я складываю их вместе и стараюсь расположить один за другим, и в конце концов возникает единое геометрическое целое...

И уж конечно, все это проделываю не я, а мое Эго — высший принцип, живущий во мне. И даже это я делаю с помощью моего Гуру и Учителя, который помогает мне во всем. Если я случайно что-нибудь позабуду, то мне достаточно мысленно обратиться к нему или к другому подобному учителю, и то, что я замятовала, еще раз всплывает у меня перед глазами; иной раз перед моим мысленным взором проходят целые таблицы чисел, длинные перечни событий. Они помнят все. Они знают все. Не будь их, откуда бы я черпала свои знания?

Вскоре после выхода в свет «Разоблаченной Изиды» на Е.П.Б. посыпались приглашения о сотрудничестве от всевозможных газет. Это ее чрезвычайно позабавило, и она написала г-же Желиховской:

К счастью, усилия мои не пропали даром, и неважно, что у меня едва ли найдется хоть какое-то время на то, чтобы публиковаться за деньги в чужих изданиях... Работа наша расширяется. Я обязана трудиться, должна писать и писать — лишь бы нашлись издатели для моих сочинений. Поверишь ли ты мне, что, пока я пишу, я все время не могу отделаться от впечатления, что несу вздор, галиматью, которую никто никогда не сумеет понять? Затем написанное появляется в печати и кругом поднимается волна бурного одобрения. Люди это перепечатывают, приходят в восторг. Я нередко диву даюсь: ну как можно быть такими ослиами, чтобы так восторгаться? Вот если бы я имела возможность писать по-русски и удостоиться похвалы соотечественников, тогда бы я еще поверила, что делаю честь своим предкам, блаженной памяти графам Ган-Ган фон дер Ротен Ган.

Е.П.Б. часто объясняла своим близким, что не испытывает авторской гордости от написания «Разоблаченной Изиды», что не имеет ни малейшего понятия, о чем же она, собственно, пишет, что ей просто было велено сесть и писать и что единственная ее заслуга — в повиновении приказу. Лишь одного она боялась: что не сумеет должным образом описать то, что ей показывали в чудесных картинах. Она писала сестре:

Ты не веришь, что я рассказываю тебе святую правду о моих Учителях. Ты считаешь их фигурами мифическими, но как же ты не уразумеешь, что без их помощи я не смогла бы

ничего написать о «Байроне и серьезных материях», как выражается дядюшка Ростер? Что мы с тобою знаем о метафизике, древних философиях и религиях, о психологии и всяких прочих головомомных вещах? Разве мы не учились вместе — с тою лишь разницей, что ты лучше делала уроки? И теперь полюбуйся на то, о чем я пишу, а ведь люди — и какие люди! ученые, профессора — читают да нахваливают! Раскрой «[Разоблаченную] Изиду» на какой угодно странице — и сама делай выводы. Что до меня, то я говорю правду: Учитель мне все рассказывает и показывает. У меня перед глазами проходят картины, рукописи, даты, и все, что мне остается, так это копировать, а записываю я так легко, что это вовсе никакой не труд, а одно удовольствие.

Однако древние манускрипты, упоминаемые Е.П.Б., демонстрировались ей не только при помощи духовного зрения. Ходжсон, великий разоблачитель (вернее, саморазоблачитель) из О.П.И., обнаружил в Адьяре страницу из одной таинственной древней рукописи. Записи были сделаны непонятным для него шифром, и это послужило ему доказательством того, что Е.П.Б. является русской шпионкой. Это была страница из рукописи на языке сензар*, которую Е.П.Б. потеряла и горько сокрушалась по поводу утраты!

В другом письме, написанном примерно в то же время, Е.П.Б. призывает сестру:

Не верь, что теософия направлена на опровержение или, что еще хуже, на уничтожение христианства. Она уничтожает не семена истины, но лишь плевелы: предубеждения, богохульные религиозные предрассудки, иезуитский фанатизм... Мы слишком уважаем человеческую свободу совести и духовные устремления людей, чтобы затрагивать в нашей пропаганде религиозные принципы. У каждого уважающего себя и мыслящего человека есть своя святая святых, к которой мы, теософы, требуем уважения.

Наше дело имеет отношение лишь к философии, этике и науке. Мы во всем требуем правды; наша цель — реализация доступного человеку духовного совершенствования: расширение знаний, раскрытие духовных способностей и всех духовных граней его существа. Наше теософское братство должно стремиться к осуществлению идеала общечеловеческого братства, к установлению мира во всем мире, к укреплению милосердия и бескорыстия, к сокрушению материализма — этого вульгарного неверия и эгоизма*, истощающего жизненные силы нашей страны.

III

Нью-Йорк (1875-1877)

Следующее письмо было написано в преддверии основания Теософского Общества. В книге г-на Синнетта «Случаи из жизни мадам Блаватской»* появился несколько неточный перевод его и были сделаны некоторые добавления, поэтому интересно, что же писала Е.П.Б. на самом деле.

Чем больше я бываю на спиритических сеансах в этой колыбели, этом рассаднике спиритизма и медиумов, тем больше убеждаюсь, насколько опасны они для человечества.

Поэты говорят о *тонкой грани* между двумя мирами. Никакой грани просто *нет*. Такого рода перегородку выдумали слепцы вследствие того, что наши грубые, неуклюжие органы слуха, зрения и осязания не позволяют большинству людей постичь *разноплановость* бытия. К тому же Мать-Природа поступила мудро, наделив нас *грубыми* органами чувств, ибо в противном случае индивидуальность и личность человека стали бы невозможны, потому что тогда мертвые постоянно смешивались бы с живыми, а живые уподоблялись бы мертвым.

Это было бы не так плохо, если бы нас окружали только духи той же разновидности, что и мы, — полудуховные останки смертных, которые умерли, так и не примирившись с великой неизбежностью смерти. Тогда мы смогли бы подчиниться неминуемому. Так или иначе, мы не можем — физически и совершенно бессознательно — не отождествляться с мертвыми, впитывая в себя атомы, составляющие то, что жило до нас: с каждым вдохом мы вдыхаем их, а выдыхаем то, что подпитывает бестелесные создания, элементалов, плавающих в воздухе в

ожидании возможности трансформироваться в живые существа.

Это не только физический процесс, но отчасти и нравственный. Мы уподобляемся тем, кто жил до нас, постепенно поглощая молекулы их разума и обмениваясь нашими ментальными аурами, а значит, мыслями, желаниями и стремлениями. Такой взаимообмен является общим для всего рода человеческого и для всего живого. Естественный процесс, следствие законов устройства природы... Это объясняет сходство — внешнее и духовное...

Но существует еще один абсолютный закон, проявляющийся периодически и спорадически: это закон, так сказать, искусственной и принудительной ассимиляции. Во время такого рода эпидемий царство мертвых вторгается в мир живых, хотя, к счастью, подобные останки связаны узами своего прежнего окружения. И поэтому, будучи вызываемы медиумами, они не могут пробиться сквозь барьеры и границы, в которых они жили и действовали... И чем шире открываются для них двери, тем дальше распространяется эта некромантическая эпидемия; чем единодушнее медиумы и спиритисты в распространении магнетических флюидов своих вызываний духов, тем большую мощь и жизнеспособность обретают чары.

Госпожа Желиховская говорит, что «Елена Петровна описывала множество сеансов, не скупясь на выражения ужаса в связи с теми зрелищами, которые ей доводилось наблюдать благодаря своему ясновидению. Она замечала детали, скрытые от взоров других присутствующих: настоящие вторжения полчищ бездушных останков умерших, “переплетение плотских страстей, злобных мыслей, порочных чувств, которые пережили тело”». А сама Е.П.Б. писала:

Следует уразуметь, что подобные бранные останки, которые неудержимо влечет к земле, не могут последовать за душою и духом — этими высшими принципами человеческой сущности. С ужасом и отвращением я часто наблюдала, как такого рода ожившая тень отделяется от медиума; как, отделившись от его астрального тела и облекшись в еще чью-нибудь оболочку, она притворяется чьим-то родственником, приводя человека в восторг и заставляя окружающих широко раскрывать свои сердца и объятия этим теням, которых они искренне считают своими отцами и братьями, воскресшими, дабы возвестить им о жизни вечной или просто повидаться с близкими...

О если бы эти люди узнали правду, если бы они только поверили! Если бы они увидели, как нередко доводилось видеть мне самой, некое чудовищное, бестелесное создание, ухватившееся за кого-либо из присутствующих на подобных спиритических шабашах! Оно словно черной тучей окутывает человека и медленно исчезает, растворяясь в нем, как будто тело всасывает эту тучу всеми своими пораами.

Году в 1878-м или около того защиту современного спиритуализма взял на себя Альфред Расселл Уоллес, что весьма обрадовало Е.П.Б., которая писала сестре по этому поводу:

Посмотри, насколько разумно он доказывает, как заблуждаются те, кто утверждает, будто мы распространяем древние предрассудки и суеверия; как убеждает он, что организация, состоящая из людей, которые проповедуют изучение человеческой природы и учат, что обретение вечного блаженства — это последовательное достижение полного совершенства своих нравственных и духовных способностей, что эта организация является злейшим врагом не только грубого материализма, но и всевозможных проявлений фанатизма и поклонения всяческому мифам.

Спиритуализм — наука экспериментальная; ее развитие — а это и есть цель Теософского Общества* — даст возможность обрести фундамент для истинной философии. Существует лишь одна истина, и она превыше всего. Теософия настроена на искоренение таких понятий, как «чудо» и «сверхъестественное». В природе все естественно, но не все изучено, и все-таки нет ничего более чудесного, нежели ее силы, как скрытые, так и проявленные.

Спиритуализм, если понимать под ним духовные силы человека и глубинное знание психических аспектов жизни, что проповедуем мы, теософы, излечит от застарелого зла религиозных распрей, из-за которых вера человека в изначальные истины бессмертия и воздаяния по заслугам исчезает. Уоллес говорит истину, заявляя, что спиритуализм вполне заслуживает симпатии со стороны моралистов, философов, даже политиков и вообще всех, кто желает усовершенствования нашего общества и нашей жизни.

Рисуя забавные подробности жизни своего окружения, Е.П.Б. не щадила и себя. Американское френологическое общество обратилось к ней в письме с просьбой позволить написать с нее портрет и сделать гипсовый слепок с ее черепа, и профессор Бьюкенен, френолог и психометрист, попросил ее о встрече. Е.П.Б. описывает этот случай в письме к г-же Желиховской:

И вот прислали ко мне эту бедную жертву (жертву ввиду чудовищности предстоявшей задачи) — этакого оккультиста от френологии, который заявился ко мне с гигантским букетом (словно я примадонна какая!), да еще и наврал с три короба, рассыпаясь в комплиментах. Он все щупал и щупал мою голову пальцами, вертел ее и так и сяк. Он пыхтел надо мною, пыхтел, как паровой двигатель, пока мы оба не вспотели.

— И это, по-вашему, голова? — спрашивает Бьюкенен. — Да это вообще не голова, а клубок противоречий. На этой голове, — говорит, — идет нескончаемая война между самыми противоречивыми шишками, сплошь турки да черногорцы*. Ничего не могу поделать с этим хаосом невероятностей и вавилонским столпотворением. Вот здесь, например, — говорит он, тыча пальцем в мой череп, — шишка самой пылкой веры и силы убеждения, а вот здесь, бок о бок с нею, горделиво высится шишка скептицизма, пессимизма и недоверчивости. А вот вам, если угодно, шишечка искренности, идущая рука об руку с шишкой лицемерия и коварства. Шишечка домашнего уюта и любви к родине соседствует с шишкой странствий и любви к переменам. И вы хотите сказать, что считаете свою голову достойной?

Профессор схватился за свою шевелюру и в отчаянии выдрал изрядный клочок волос из своей достойной головы, отвечающей высшим стандартам френологии...

Но все равно Бьюкенен описал и зарисовал бедную мою головушку и опубликовал ее изображение на потеху сотне тысяч подписчиков «Френологического журнала». Увы, увы, «тяжела ты, шапка Мономаха!» ореол собственного величия, столь незаслуженно обретенный, на меня просто давит. Вот высылаю вам копию моей несчастной головушки, как ты просила, кушайте без всякого соуса. Ею вот-вот полакомится сотня тысяч янки, так что я решительно настроена сохранить кусочек для своих родных!

В следующем письме она пишет:

А теперь внимание, братцы! Посылаю вам весьма любопытную вещицу. Изучайте ее, дивитесь и совершенствуйтесь. Английские масоны, Гроссмейстером которых является Принц Уэльский, прислали мне диплом, из коего следует, что я достигла высокого масонского звания, и мой титул теперь — «таинственная масонка». Увы мне! В следующий раз меня, вероятно, изберут папой римским за мои добродетели. Знак отличия, присланный ими, очень красив: рубиновый крест и роза. Посылаю вам вырезку из «Масонского журнала».

В результате публикации «Разоблаченной Изиды» на Е.П.Б. со всех сторон посыпались почести. Одно весьма древнее общество в Бенаресе, основанное еще до начала христианской эры и носящее название «Сат Бай», прислало Е.П.Б. диплом на санскрите, украшенный множеством символов. Примечательно, что в этом дипломе Елена Петровна упоминается как «брат женского пола». «С этого времени наш брат Рад за свои великие познания наделяется властью над служителями низших ступеней, посыльными, слушателями, писцами и глухими». Е.П.Б. получила также старинный экземпляр «Бхагавадгиты» в переплете из золота и перламутра — подарок от одного индийского князя.

Когда началась русско-турецкая война 1877—1878 гг., Е.П.Б. написала множество статей против католиков, поскольку папа римский благословил турецкое оружие. Под статьями стояла подпись: «Русская женщина». Они наделали столько шума, что кардинал Мак-Клоски направил к ней своего секретаря-иезуита под предлогом завязать знакомство «со столь выдающейся женщиной, мыслителем-первопроходцем, человеком, знающим, как избавиться от старого предрассудка — патриотизма — и как завоевать для себя независимое положение в независимой стране». В феврале 1877 года Е.П.Б. написала сестре:

Я сказала ему, что все его усилия напрасны и во что лично я как теософ могу верить — это вообще не его дело; что вера моих русских предков для меня священна, что я всегда встану на защиту этой веры и России и всегда, пока рука моя способна держать перо, буду выступать против нападков на них со стороны лицемеров-католиков и не дам себя запугать угрозами их

папы или гневом их церкви, этого великого Зверя Апокалипсиса!

В результате этого визита вышла в свет новая статья, направленная против главы западной христианской церкви, благословляющего мусульман, дабы те могли успешнее убивать христиан, славян и, в частности, русских людей. Вскоре после этой акции г-жа Желиховская получила газетную вырезку с материалами о настоящей схватке, которую вела Е.П.Б., но на этот раз не с церковником, а с пропагандистом материалистических взглядов, известным всей Европе. Елена Петровна пишет сестре в своей обычной юмористической манере:

Посылаю вам, друзья мои, еще одну свою статейку, которая приобрела славу отнюдь немалую и была перепечатана рядом нью-йоркских газет. Вот как это случилось.

Тут у нас в Нью-Йорке до сих пор гостит лондонский ученый Гексли, «прародитель протоплазмы и первосвященник психофобии», как я его окрестила. Он прочитал здесь три лекции. На первой лекции он живо разделался с Моисеем и упразднил весь Ветхий Завет, публично заявив, что человек — это всего лишь праправнук лягушки силурийского периода*. На второй он «побил всех», как новый Кит Китыч*. «Вы все дураки, — говорит он, — вы ничего не понимаете... Вот вам четырехпалый гиппарион* , от которого мы, пятипалые люди, очевидно, и происходим как его ближайшие родственники». Ну не оскорбительно ли такое выслушивать?

Но на третьей лекции наш мудрый *психофоб* совсем уж распоясался и принялся молоть откровенный вздор. «Послушайте, — говорит, — я смотрел в телескопы, поднимался к облакам на воздушных шарах, я всюду с особым рвением высматривал Бога — и нигде, несмотря на все мои старания, не видел и не встречал его! Следовательно, никакого Бога нет и никогда не было!» И стоило людям, выложившим пять тысяч долларов за три лекции, выслушивать подобную логику? «И еще, — говорит, — душа человеческая... где же она? Покажите мне ее так, как я могу продемонстрировать вам сердце и прочие “внутренности”. Анима Мунди, эфир, платоновский Архе*... Я искал душу при помощи подзорных труб и микроскопов, я наблюдал за умирающими и вскрывал умерших, но, честное слово, нигде — никаких следов души! Все это — ложь спиритистов и спиритуалистов. Не верьте, — говорит, — не верьте им».

Все это меня ужасно огорчило. Так огорчило, что я даже разозлилась. Дай, думаю, напишу статью против этого упрямого, самодовольного Кит Китыча. И что ты думаешь? Написала. И вышло вовсе не так уж плохо, как ты можешь заключить, прочитав приложенный экземпляр. Нечего и говорить, взяла я эту статью, запечатала и отправила через наших членов-корреспондентов в Лондон, дабы передали ее Гексли с моими наилучшими пожеланиями.

Е.П.Б. пришлось по тем или иным соображениям принять американское гражданство. По этому поводу она сильно переживала, ибо, как и все русские люди, была всем сердцем предана своей стране. Она писала г-же Фадеевой:

Милая моя, я пишу вам, поскольку в противном случае не вынесу этого странного ощущения, которое меня буквально душит. Сегодня 8 июля, знаменательный для меня день, вот только одному Богу известно, каким считать это знамение: добрым или дурным. Сегодня исполняется ровно пять лет и один день с момента моего прибытия в Америку, и я только что вернулась из Верховного суда, где присягнула на верность Американской республике и Конституции. Теперь я вот уже целый час как являюсь гражданкой, обладающей теми же правами, что и сам президент.

Все бы хорошо; перипетии моей судьбы, моего изначального предназначения вынудили меня пойти на эту натурализацию, но, к моему изумлению и отвращению, меня обязали, подобно попугаю, публично повторять вслед за судьей следующую тираду: что я «отказываюсь от повиновения органам власти, учрежденным императором и правительством России и обязуюсь защищать и любить Конституцию Соединенных Штатов и служить ей одной. Да поможет мне Бог, в которого я верю!»

Я была не на шутку перепугана, произнося текст этого подлого отречения от России и от Государя императора. И вот теперь я — не только отступница перед лицом нашей возлюбленной русской церкви, но и политическая изменница. Угораздило же меня попасть в переделку, и как прикажете мне себя вести, дабы больше не испытывать при этом любви к России и уважения к императору? Это легче сказать, чем осуществить на деле.

IV

Индия (1879-1880)

Из письма г-же Желиховской:

Я не писала тебе целый месяц, друг мой любезный, и, как ты думаешь, почему? Одним прекрасным утром, во вторник 1 апреля, я, как обычно, проснулась и, как водится, села за письменный стол, чтобы написать моим калифорнийским корреспондентам. И вдруг, чуть ли не мгновение спустя, я осознала, что нахожусь у себя в спальне и лежу в постели и что уже совсем не утро, а вечер. Вокруг себя вижу кое-кого из наших теософов и врачей, поглядывающих на меня с самым загадочным выражением, и Олькотта с его сестрою, г-жой Митчелл — самой лучшей подругой, какая у меня здесь только может быть; и он и она бледные, угрюмые, сморщенные, будто их только что варили в кастрюле.

«В чем дело? — поинтересовалась я. — Что вообще стряслось?» Они же, вместо того чтобы ответить, сами наперебой стали расспрашивать меня: что со мною? А откуда мне знать — вроде бы со мною ничего такого. Я ничего не помнила, но, конечно, было странно, что еще секунду назад было утро вторника, а сейчас, по их утверждениям, субботний вечер; что же касается меня, то эти четыре дня, кои я провела в бессознательном состоянии, пролетели мигом — я и глазом моргнуть не успела.

Ну и дела! Ты только представь себе: они все решили, что я умерла, и уже собирались предать огню сей опустевший храм моего тела. Но тут из Бомбея подоспела телеграмма от Учителя, адресованная Олькотту: «Не бойтесь. Она не больна, а просто отдыхает. Она перетрудилась. Тело ее пожелало отдохнуть, но теперь она поправится». Учитель был прав. Он знает все, и действительно я совершенно поправилась. Разве что ничего не помнила. Я встала, потянулась, выставила всех из спальни и в тот же вечер села за письмо. Но просто жутко становится при мысли о накопившейся работе. О письмах я уже и думать не могла.

Затем она шлет письмо из Индии, в котором описывает свой приезд:

Олькотт выглядел совершенно как карнавальный *болванчик*; госпожа Б. напоминала шест, увитый лианами; У. — ложе из лилий и роз, а я сама, видимо, походила на воздушный шар, переплетенный цветочными гирляндами. Я не знала, сердиться мне или смеяться. Нас посадили в лодку и под звуки музыки повезли к пристани, где мы подоспели к новой торжественной церемонии: нас встретила группа местных полуобнаженных танцовщиц, которые окружили нас и, приплясывая, пели свои *мантры**, а затем, не переставая забрасывать нас цветами, чинно подвели нас к... Ты, наверное, решила, что к повозке? Как бы не так, к белому слону!

Боже праведный, каких усилий мне стоило вскарабкаться по рукам и спинам полуодетых кули на хребет этого гигантского животного! До сих пор ломаю голову, как это я умудрилась не вывалиться из «хауды» на слоновьей спине, в которую усадили нас с Олькоттом, особенно когда слон, возлежавший на земле, стал подниматься на ноги. Других рассадили по паланкинам, и вот под аккомпанемент одобрительных возгласов, тамбуринов, рожков, со всевозможными театральными эффектами, с пением и под всеобщий шум нас, смиренных рабов Божиих, повезли к зданию Арья Самадж.

В письме к г-же Фадеевой, написанном в ноябре 1879 года, Е.П.Б. пишет:

Вы хотели бы ознакомиться с программой моей неотложной работы на месяц? Если да, то пожалуйста: *во-первых*, проверить правильность каждой статьи для следующего номера

журнала «Theosophist»; *во-вторых*, просмотреть переводы на английский язык от двух до четырех статей, написанных на санскрите и местных индийских наречиях; *в-третьих*, лично написать передовицу и еще какую-либо другую знаменательную статью; *в-четвертых*, изучить все статьи по мистике, дабы не дать Олькотту и другим сотрудникам переборщить с пикантностью данных материалов; *в-пятых*, откорректировать гранки, порою даже пять раз подряд; *в-шестых*, ответить на три-четыре десятка писем на имя секретаря по переписке Теософского Общества; *в-седьмых*, поблагодарить людей, присылающих книги для нашей библиотеки, и подтвердить получение книг; *в-восьмых*, ответить на несколько десятков частных писем; *в-девятых*, написать две-три обычные статьи для американских и индийских газет; *в-десятых*, присутствовать на церемонии посвящения новых членов, внести их имена в списки и выдать им соответствующие дипломы — по дюжине и более; *в-одиннадцатых*, зарегистрировать новых подписчиков; *в-двенадцатых*, просмотреть около сорока журналов и газет; *в-тринадцатых*, принимать каждый вечер посетителей — всевозможных брахманов, буддистов, сикхов, джайнов, парсов, мусульман и европейцев, которые являются с научными целями и с которыми я должна обсуждать философские и метафизические вопросы до одиннадцати часов ночи; *в-четырнадцатых*, чаще всего в этом пункте мне выпадает много дополнительной работы: например, разослать шестьсот пятьдесят пригласительных открыток (подобную открытку я высылаю вам, ибо вы являетесь одним из наших членов) на великую церемонию, которая состоится завтра вечером, 29 ноября, в честь пятой годовщины образования [Теософского] Общества (в 1879 году), открытия нашей библиотеки и издания нашего журнала «Theosophist».

Вы легко можете представить, что за удовольствие вставать с постели, «невзирая» на эту жару увешивать себя всевозможными медалями, значками и лентами различных обществ и улыбаться шестистам пятидесяти обнаженным, полуобнаженным, одетым в муслин и в вечерние костюмы братьям-теософам.

Слава Богу, в начале декабря я уезжаю в Аллахабад с делегацией Рао-Бахадуров, что значит «Великие Воины». Я направляюсь туда с двойной целью: во-первых, увидеться со Свами Даянандой, во-вторых, познакомиться с женою резидента. Я обещала Синнеттам провести некоторое время у них в гостях. В перспективе — визиты, званые обеды и балы «в высшем свете». Волосы дыбом встают при одной мысли об этом, но делать это придется. Я предупредила г-жу Синнетт, что хотя я и не русская шпионка, а американская гражданка, но не потерплю ни одного непочтительного слова в адрес России и нашего императора. Пусть только попробуют — и тогда посмотрят, как я отыграюсь на их Англии! Так что пусть поостерегутся.

В Индии признавали Е.П.Б. как представителя истинного мистицизма. Лорд Литтон, генерал-губернатор и сын автора «Занони»*, высказался о ней так: «Я знаю лишь одного автора, способного сказать собственное слово в мистической литературе наряду с моим отцом. Это — Е.П.Блаватская. Она вполне может выдержать сравнение с автором «Занони» в постижении абстрактной метафизики». Это высказывание появилось в индийских газетах, и Е.П.Б. написала сестре:

И вот теперь я стала героиней дня. Меня провозглашают глубоко сведущим востоковедом, другом науки, глашатаем истины, поработанной столетиями предрассудков. Читай газетные вырезки, которые я тебе посылаю, и гордись своей родственницей, которую славят народы!

И еще в одном письме:

Из Симлы я написала статью для «Нового Времени» под названием «Правда о племяннике Нана Сахиба». Я собрала самую выверенную информацию об этом негодяе. «Голос»* постоянно публикует письма, написанные этим лжецом, словно подстрекая Англию пойти войною на Россию. А «Новое Время» сочло ниже своего достоинства напечатать мою заметку. По какой же причине? Почему? Помимо того, что заметка эта правдива, она еще и написана в свободном, независимом духе. Можно было предположить, что уж они-то могли бы поверить в благие намерения своей соотечественницы, русской женщины, которая находится у самого источника информации об этом самозваном, ложном союзнике России — принце Рамачандре. Его биография, насквозь лживая, появилась в июньском номере «Русского Вестника» в 1889 году*. А его письма из Багдада и Кабула, напечатанные в «Голосе», способны забавлять и почем зря раздражать всякого, кто знает правду...

А тем временем в Симле полковник Олькотт и Синнетт чуть ли не силой заставили меня нанести визит сэру А.Лайэллу, главному секретарю иностранных дел, а также поприсутствовать на званом обеде у вице-короля Индии и посетить фактически все подобные аристократические собрания; и повсюду мне приходилось столько ссориться во имя России, что у меня заболело горло и меня стало тошнить от всех них! А наши газеты не хотят печатать мои статьи!

Несмотря на явно нелюбезное отношение к ней со стороны русских газет, Е.П.Б. всегда подписывалась на многие русские газеты и журналы; если она не имела возможности читать их днем, то ей приходилось выкраивать время для этого за счет сокращения своего и без того короткого (пятишестичасового) ночного отдыха, — так сильно хотелось ей знать, что происходит у нее на родине. Получение одной из таких посылок с российскими газетами послужило толчком для следующего психометрического эксперимента, произошедшего осенью 1880 года. В своем письме г-же Фадеевой Е.П.Б. выразила признательность за отправленную ей бандероль с газетами:

И вот какая интересная вещь приключилась со мною недавно. Получила я вашу бандероль с подборкой «Нового Времени» и вскоре после десяти часов вечера пошла укладываться спать (как вы знаете, встаю я в пять утра). Прихватив с собою одну из газет, наугад, ту, что ближе лежала, я сладко потянулась и погрузилась в размышления об одной санскритской книге, которая, по моему разумению, помогла бы мне хорошенько посмеяться над Максом Мюллером на страницах моего журнала. Так что вы понимаете: в тот момент я никоим образом о вас не думала. А газета все это время лежала на подушке у меня за головой, слегка прикрывая мне лоб.

И вдруг почувствовала, что переносусь в какой-то чужой и в то же время привычный, известный мне дом. Комната, которую вижу, для меня новая, а вот стол посреди нее — мой старый знакомый. А за столом сидите вы, друг мой милый, и потягиваете сигаретку, глубоко задумавшись. Ужин на столе, но в комнате больше никого нет. Только показалось мне, что я мельком заметила, как через дверь выходит тетушка. Тут вы протягиваете руку, берете со стола газету и откладываете ее в сторону. Я лишь успела прочесть название «Одесский вестник», и видение исчезло.

Вполне может показаться, что ничего необычного в произошедшем нет, но вот что странно: я была совершенно уверена, что взяла с собою номер «Нового Времени», и, разглядев в своем видении рядом с вами ломтики черного хлеба, я вдруг испытала столь сильное желание отведать этого хлеба, хотя бы маленькую крошку, что даже ощутила во рту его вкус. Я подумала про себя: что же все это значит? Что может вызвать подобную фантазию? И дабы избавиться от этого желания, которое невозможно удовлетворить, я развернула газету и стала читать. И что же? В руках у меня действительно оказался «Одесский вестник», а вовсе не «Новое Время». Более того, к газете прилипли крошки столь вожделенного ржаного хлеба!

Вот так эти крохотные кусочки, прикоснувшись к моему лбу, перенесли в мое сознание сцену, которая, по-видимому, происходила в тот момент, когда они прилипали к газете. В данном случае крошки ржаного хлеба сыграли роль фотографического аппарата. Эти сухие хлебные крошки подарили мне такое глубокое наслаждение, на мгновение перенесли меня к вам. Меня переполняла атмосфера домашнего уюта, и от радости я лизнула самую крупную крошку, а те, что поменьше, — вот они, я их соскребла и посылаю вам их обратно. Пусть вернуться домой вместе с частичкой моей души. Поступок, быть может, довольно глупый, зато совершенно искренний.

V

Индия (1881-1883)

В начале 1881 года Е.П.Б. была чрезвычайно тяжело больна, и все доктора сходились на том, что ей следует делать прижигание спины. Вопреки этому она пыталась игнорировать постельный режим, хотя спина ее была в ужасном состоянии; однако в постели или вне ее Е.П.Б. продолжала постоянно работать. В минуты отчаяния она писала:

О Господи! Какое несчастье жить и чувствовать! О если бы было возможно впасть в нирвану! Какое неотразимое очарование заключено в идее вечного покоя! О дорогие мои, только бы увидеть вас еще разок и знать, что смерть моя не окажется для вас слишком большим горем.

В своих последующих письмах Елена Петровна показывает, что ей стыдно за эту минутную слабость. Убеждения ее, по словам г-жи Желиховской, были слишком глубокими; она прекрасно осознавала, что даже в смерти далеко не каждому дано обрести вожделенный отдых. Е.П.Б. с презрением и страхом отвергала саму мысль о добровольном искусственном прекращении страданий, видя в страданиях действие закона воздаяния, нарушение которого вызовет к жизни еще худшие страдания как до, так и после смерти. На случай внезапной болезни Е.П.Б. всегда оставляла указание о том, чтобы через Олькотта или через одного из ее секретарей о факте болезни известили ее близких.

В данном случае родственники Е.П.Б. изумились, когда вскоре после того как они узнали о ее страданиях, им стало известно, что в начале августа 1881 года она внезапно отправилась в Симлу на севере Индии, а затем проследовала еще дальше на север. Из Мирута она собственноручно написала родным, что ей приказано покинуть железнодорожные пути и прочие оживленные дороги и в сопровождении человека, специально посланного к ней с этой целью, углубиться в джунгли, в священный лес «Део-Банд». Там она должна встретиться с одним великим ламой по имени Дебодургай, который будет возвращаться в Тибет из паломничества к дереву Будды и который уверен, что вылечит ее. Она пишет:

Я была без сознания. Не помню, как меня глубокой ночью тащили в гору, поднимая на такую высоту. Но я проснулась, вернее, очнулась лишь на следующий день, ближе к вечеру. Я лежала посреди огромной и совершенно пустой комнаты с каменными стенами. Вдоль стен стояли высеченные из камня статуи Будды. В расставленных вокруг меня котелках варились какие-то курящиеся благовония, а надо мною стоял лама Дебодургай, совершая магнетические пассы.

Благодаря этому лечению ее хроническое заболевание в значительной мере пошло на убыль, однако на обратном пути она схватила тяжелую ревматическую лихорадку. Этим недугом Е.П.Б. была в немалой степени обязана переживаниям, связанным с убийством царя Александра II*. Услышав о гибели императора, она писала г-же Желиховской:

Господи Боже мой, что же это за новая напасть? Неужели близится последний день России? Или сам дьявол вселился в детей земли русской? Да что они там все с ума посходили, эти несчастные русские люди? Чем все это кончится, чего нам ждать от будущего? О Господи! Люди могут говорить, если им хочется, что я — атеистка, буддистка, отступница, гражданка республиканской страны, но я чувствую горечь! Как мне жаль императорскую семью, царя-мученика, всю Россию. Ненавижу, презираю и полностью отвергаю этих подлых чудовищ — террористов. Пусть все надо мною смеются, если им угодно, но мученическая смерть нашего Государя вызывает во мне, хотя я и американская гражданка, такое сострадание, такую боль и такой стыд, что даже в самом сердце России люди не могут переживать гнев и скорбь сильнее.

Е.П.Б. было очень рада, что «Pioneer» напечатал ее статью о царе, и пишет об этом сестре:

Я вложила в нее все, что смогла вспомнить, и только представь себе, они не выбросили ни единого слова, а некоторые другие газеты ее перепечатали! Но все равно многие, впервые увидев меня в трауре, спрашивали: «Что вы хотите этим сказать? Разве вы не американка?» Я так разозлилась, что направила в «Bombay Gazette» что-то вроде общего ответа всем сразу: не как российская подданная облачилась я в траур (так я им написала), но как русская по рождению, как одна из многих миллионов тех, чей благодетель был тем добрым, сострадательным человеком, которого сейчас оплакивает вся моя страна. Этим поступком я желаю выразить уважение, любовь и искреннюю скорбь в связи со смертью Государя моих отца и матери, моих оставшихся в России братьев и сестер.

Эти строки заставили вопрошавших замолчать, но две-три газеты успели воспользоваться случаем и пошутить по поводу траура, в который погрузилось здание редакции и сами сотрудники журнала «Theosophist». Ну вот, теперь им ясна причина — и пусть катятся ко всем чертям!

Получив по почте фотографию покойного императора, запечатленного в гробу, Е.П.Б. 10 мая 1881 года пишет г-же Фадеевой:

Поверите ли, как только я взглянула на снимок, у меня стало твориться что-то неладное с головою; я ощутила какой-то безудержный трепет, заставивший меня осенить себя большим русским крестным знаменем, склонив голову к мертвой руке Государя. Все это произошло так внезапно, что я замерла в изумлении. Неужели и вправду я, которой за восемь лет после смерти отца ни разу не приходило в голову перекреститься, вдруг поддалась такой сентиментальности? Это сущее бедствие: вообразите, что даже сейчас я не в силах читать русские газеты, не теряя при этом самообладания! Я превратилась в вечный, неиссякаемый фонтан слез; нервы мои совсем никуда не годятся.

В другом письме г-же Фадеевой, датированном 7 марта 1883 года, Е.П.Б. выказывает прекрасную осведомленность о том, что происходит среди ее близких в России, и показывает, насколько сильно ее ясновидение, упоминая в числе прочего разговор между двумя ее тетушками, имевший место в тот день, когда она написала из Индии:

Почему тетушка позволяет себе так падать духом? Почему она отказалась послать поздравительную телеграмму Б. по случаю награждения его орденом святой Анны? «Да как-то руки не доходят, а дело-то и впрямь благое!» — вот что она сказала, разве не так?

Еще в одном письме она упрекает г-жу Фадееву:

Вы никогда не упоминаете в своих письмах мне о том, что творится в семье. Мне самой приходится все разузнавать, а на это почем зря уходит столько сил.

Госпожа Фадеева была подписчицей журнала «Bulletin Mensuel de la Theosophique» («Ежемесячный бюллетень Теософского Общества»), издававшегося в Париже, но нередко читала очередной номер далеко не сразу после его получения. 23 марта 1883 года Е.П.Б. в письме попросила ее обратить особое внимание на девятую страницу выпуска за 15 марта. Этот номер г-жа Фадеева получила некоторое время назад; взяв по совету Елены Петровны этот еще не разрезанный журнал, она обнаружила в нем на указанной странице большую пометку, сделанную, по-видимому, синим карандашом. В отмеченном месте речь шла о пророчестве сенсимонистов*, гласящем, что в 1831 году родится женщина, которая примирит религии Востока с христианскими верованиями Запада и станет основательницей общества, которое вызовет великие перемены в умах людей.

VI

Европа (февраль-июнь 1884)

К концу 1883 года Е.П.Б. решила отправиться в Европу. Как раз в это время на членов ее семьи в Одессе обрушилось большое горе. Генерал Р.А.Фадеев, дядя Елены Петровны, брат ее матери, был при смерти. Всех близких одолевала скорбь, они были заняты уходом за умирающим; к тому же они знали о намерении Е.П.Б. поехать в Европу и поэтому долгое время ей ничего не писали. Лишь спустя несколько дней после похорон они решили известить ее об общем несчастье. Однако их письма дошли до Мадраса, когда Е.П.Б. уже уехала оттуда, и были отправлены обратно в Европу уже после отъезда Елены Петровны. Между тем она провела некоторое время в Бомбее и дала знать близким, что 7 февраля 1884 года она села на пароход «Чандернагор». Она писала:

Отправляюсь в путь, терзаемая дурным предчувствием. Либо дядя умер, либо я спятила. В ночь накануне выезда из Адьяра мне приснилась сцена, которая произошла в Тифлисе ровно двадцать лет назад, в 1864 году, когда я была очень больна, как вы помните. Я лежала тогда в нашей зале на диване и дремала; открыв глаза, я увидела дядюшку, склонившегося надо мною с выражением такой печали и сострадания на лице, что я вскочила на ноги и в самом деле разрыдалась, и в точности то же самое произошло, когда эта сцена вторично разыгралась в моем сне.

И вот дней пять назад я уже ехала в поезде, было около двух часов ночи, и я в купе находилась одна. Я лежала, но не спала, как вдруг я заметила, что между мною и окном, в которое ярко светила луна, кто-то стоит. Лампа была прикрыта, но я все равно сразу же его узнала. Это был дядюшка — бледный, худой, взъерошенный. Господи, как же я задрожала! И тут в ответ на свой крик услышала дядюшкин голос, затихающий, как бы растворяющийся в воздухе: «Прощайте, Елена Петровна...» — и тут все исчезло. Я отказывалась верить своим чувствам. Сердце мое разрывалось от горя: я чувствовала, что должна поверить, но старалась всячески этого избежать.

Но это повторилось в третий раз, и снова наяву. Я не спала, так как меня мучила боль в ноге, но закрыла глаза, пытаюсь задремать. Полулежа в кресле, я вновь увидела дядюшку, однако на этот раз таким, каким он обычно выглядел тогда, двадцать лет назад. Он поглядывал на меня с озорным блеском в глазах, как это ему было свойственно. «Ну, — произнес он, — вот мы и еще разок встретились». «Дядюшка! — вскричала я, — ради всего святого, скажите, что вы живы!» «Я жив, — отвечал он, — более чем когда-либо прежде, и защищен от страданий. Не поддавайся печали и напиши *им*, чтобы не чувствовали себя несчастными. Я видел отца и всех наших, всех». Последние его слова прозвучали как бы издали, они слышались все слабее и слабее, и сам облик дядюшки делался все прозрачнее и прозрачнее, и наконец дядюшка совсем растворился, исчез.

Теперь я знала наверняка, что дядюшки больше нет на свете. Мне было известно, что все это время он болел, но прошло уже столько времени с тех пор, как я услышала об этом от вас. А теперь он решил явиться сам и попрощаться со мною. В глазах моих ни слезинки, но на сердце — камень. Самое скверное во всем этом то, что ничего точно не знаешь.

Свежая почта застала Е.П.Б. уже в Суэце, и только тогда Елена Петровна узнала, что оказалась совершенно права.

Перед поездкой в Лондон Е.П.Б. остановилась у графини Кейтнесс. Живя у нее, она получала множество приглашений из Англии от самых разных людей пожить у них в гостях и отвечала на эти письма, словно в циркулярном порядке. Выглядели ее ответы приблизительно следующим образом:

Получив сердечные приглашения от... и других, я была чрезвычайно тронута этим искренним подтверждением желания как старых, так и новых моих друзей в Англии увидеться или завязать знакомство с моей недостойной персоной. Однако не предвижу для себя ни малейшей возможности противиться судьбе. Я больна, чувствую себя гораздо хуже, чем в Бомбее, и даже хуже, чем в открытом море. В Марселе провела целый день в постели и до сих пор остаюсь в ней, ощущая себя так, словно вот-вот совершенно рассыплюсь, как старая галета. Все, на что я надеюсь, — это что мне удастся подлечить мою важную персону лекарствами и силою воли, а затем позволить по суше волоком отбуксировать эту старую развалину в Париж.

И какой прок от моей поездки в Лондон? Чем я могу быть вам полезна среди ваших туманов, смешанных с ядовитыми испарениями «высших достижений цивилизации»? Я покинула Мадрас *a mon corps defendant*²²³; я бы вообще не уехала, если бы не пришлось заняться приведением в порядок моей головы по причине болезни и повиноваться приказам Учителя... Я чувствую себя больной, злой и несчастной и с радостью возвратилась бы в Адьяр, если бы могла...

Леди Кейтнесс — сама доброта: делает все возможное, чтобы обеспечить мне покой и уют. Должна буду оставаться здесь, пока хоть немного не наладится погода. Когда перестанут дуть мартовские ветры, мне придется поехать в Париж на встречу с представителями европейских отделений Теософского Общества, только очень боюсь, что это обернется для

¹²³ против своей воли (франц.).

меня сущей пыткой. И достойна ли я столь цивилизованных людей, как вы все? Да ведь в первые же семь минут пятнадцать секунд я сделаюсь совершенно невыносимой для вас, англичан, если только мне придется транспортировать в Лондон мою увесистую безобразную персону.

Уверяю вас, большие расстояния прибавляют мне красоты, каковая мигом улетучилась бы, окажись я с вами рядом. И уж не думаете ли вы, что я смогла бы хладнокровно выслушивать дискуссии о том, что Шанкарачарья* — теист, что Субба Роу сам не знает, что говорит, или же еще более эффектные утверждения насчет раджа-йогов, искажения учений буддизма и адвайты* в их экзотерических интерпретациях? Не сомневаюсь, что в результате всех этих испытаний у меня полопаются сосуды и наступит кровоизлияние. Дайте мне хоть помереть спокойно, коли уж мне не суждено вернуться к родным Ларам и Пенатам* в милый сердцу моему Адыар!

Е.П.Б. ежедневно посылала письма в Одессу, где в то время жили ее тетки и сестры, умоляя их не лишать ее возможности увидеться с ними в последний раз на этом свете и вкладывая в эти послания всю свою страстную любовь, которую она всегда испытывала к своим родным. Это напоминало искреннюю детскую привязанность.

Милая моя, нежная моя, не беспокойся о деньгах. Что такое деньги? Пусть себе расходуются! Катков забрасывает меня телеграммами. Одну из них переслали мне сюда по почте из Мадраса. Двадцать девять слов! Полагаю, это обошлось ему по меньшей мере в 500 франков, а когда я написала ему отсюда, он прислал еще одну с просьбой присылать ему мои статьи. Должно быть, они ему нужны позарез, если уж он так тратится, дабы их заполнить. Так что деньги у нас будут.

Надеюсь, на вас действительно произвели сильное впечатление все эти чудесные хвалебные статьи обо мне в газетах: в «Pall Mall»* и прочих. Они превозносят меня сверх всякой меры. При всей моей неуклюжей и далеко не респектабельной внешности, несмотря на мои раздувшиеся ноги, я становлюсь *a la mode*¹²⁴! От репортеров просто отбою нет.

Следующее письмо отправлено из Парижа в 1884 году.

Если нет иного повода, то хотя бы забавы ради приезжайте и полюбуитесь, как мне поклоняются, словно какому-то идолу; как, невзирая на мои слезные протесты, всевозможные герцогини, графини и «миледи» туманного Альбиона целуют мне руки, называя меня своей «спасительницей», которая вытащила их из бездны материализма, безверия и отчаяния, *sic!* Сами увидите, как они со мною носятся...

Хорошо бы вам сходить хоть на одно из этих собраний, хоть на один из *Seances Philosophiques de la Societe Theosophique d'Orient et d'Occident*¹²⁵ в царственных чертогах герцогини де Помар. Вы там увидите *elite de la societe et de l'intelligence de Paris*¹²⁶. Ренан*, Фламарион, г-жа Адан* и множество аристократов из предместья Сен-Жермен... При том, что на самом деле нам никто из них вообще не нужен, но ради Бога, только не передумайте: не губите меня. Подарите мне это единственное и величайшее счастье на склоне дней моих. Я все жду, жду, жду вас, родные мои, с нетерпением, какого вы себе и представить не можете...

Я сбежала от своих друзей-космополитов, корреспондентов и прочих любопытствующих мучителей, покинув Париж и перебравшись на несколько дней в Ангьен, на виллу «Круазак», принадлежащую моим близким друзьям — графу и графине д'Адемар. Они настоящие друзья и заботятся обо мне просто так, а не ради всяких там феноменов, пропади они пропадом. Здесь к моим услугам, в полном моем да и вашем распоряжении целая *анфилада* комнат. Но если пожелаете, мы легко сможем жить в Париже, а сюда просто заглядывать погостить на несколько дней.

Графиня — очаровательная женщина: она уже приготовила для вас комнаты и настаивает на том, чтобы вы остановились у нее. От Парижа сюда четверть часа езды: проезжаете Сен-Дени, и станция почти прямо у входа в замок. Право же, не бойтесь их стеснить. Жилище у

¹²⁴ модной (франц.).

¹²⁵ философских сеансов Восточного и Западного Теософского Общества (франц.).

¹²⁶ общественную и интеллектуальную элиту Парижа (франц.).

них громадное. Графиня — очень богатая американка, она так мила и без всяких претензий. Таков же и ее муж; правда, он великий аристократ и прожженный легитимист*, но по-своему простодушен.

Несмотря на это приглашение, г-жа Фадеева и г-жа Желиховская предпочли остановиться вместе с Е.П.Б. в Париже, где они втроем прожили полтора месяца, в течение которых произошло много интересного. В это же время в том же самом доме проживал и У.К.Джадж. Когда пришла пора расставаться, Е.П.Б. должна была выехать в Лондон часа на два раньше, чем ее тетка и сестра уезжали в Россию, и они поехали проводить ее на Гар-дю-Нор, где ее ожидала большая компания друзей и знакомых. Вот как описывает проводы г-жа Желиховская:

Е.П.Б. чувствовала себя весьма неважно, с трудом передвигая опухшие ноги; каждый шаг причинял ей жуткую боль. Наверное, я была не единственной, кто лелеял нелестные мысли в адрес всемогущих Махатм: если они и вправду так добры, какими их изображают, то они вполне могли бы избавить мою сестру от страданий, хотя бы частично, при том, что ей еще предстояло долгое путешествие и горестное прощание с нами. По своему обыкновению, она вступилась за Махатм, уверяя нас, что хотя они и не считают благим деянием избавление людей от страданий (каковые являются законным воздаянием для каждого отдельного человека), тем не менее ее собственный конкретный Учитель нередко помогал ей, спасая даже от смертельного недуга.

Я двигалась к перрону, поддерживая под руку сестру, как вдруг она остановилась и, взглянув на свое плечо, воскликнула: «Что это? Кто тронул меня за плечо? Вы видели руку?» Никто из нас не видел никакой руки, и мы удивленно уставились друг на друга. Но каково же было наше изумление, когда Елена Петровна улыбнулась, мягко отвела в сторону мою руку и зашагала вперед такою твердой и бодрой поступью, какую мне за последнее время ни разу не доводилось за нею наблюдать. «Ну вот, — сказала она, — это их ответ тебе, Вера. Ты их все бранишь за нежелание мне помочь, а я только что видела руку Учителя. Полюбуйся, как я теперь вышагиваю». И действительно, она прошла всю дорогу до перрона быстро и совершенно легко. Хотя сестре пришлось дважды переходить из вагона в вагон, она каждый раз входила и выходила без видимых усилий, уверяя нас, что боль совсем прошла и что давно уже она физически не чувствовала себя так хорошо.

VII

Европа (июль-октябрь 1884)

Через несколько дней после отъезда из Парижа Е.П.Б. написала г-же Фадеевой из Лондона, где она остановилась у г-жи Арундейл*, следующее:

Милая моя, драгоценная моя Надежда Андреевна! Вот уже много лет я не плакала, но теперь все глаза выплакала с того момента, когда поезд тронулся и я потеряла вас из виду. К счастью, какие-то добрые французы, мои соседи по купе, на следующей станции раздобыли для меня воды и ухаживали за мною как могли. В Булони меня пришел встречать Олькотт и сам чуть не заплакал, увидев, как мне плохо. К тому же его очень расстроила мысль о том, что вы с Верой можете счесть его бессердечным за то, что он так и не проведал меня в Париже. Но бедняга просто вообще не подозревал, что я в таком скверном состоянии. Вы же знаете, что я всегда чувствую себя неважно.

Я заночевала в Булони, а на следующее утро из Англии прибыли еще пять наших теософов, чтобы приглядывать за мною. Среди них были и два добрых друга, капитан Б. и его сестра, леди Т. Меня чуть ли не на руках внесли на борт парохода и вынесли оттуда, торжественно доставив в Лондон. Я едва дышу, но все равно сегодня вечером у нас прием, на который, вероятно, явится около пятидесяти наших старых знакомых. Англичан в целом нельзя упрекнуть в непостоянстве, они отличаются достаточной верностью и преданностью. На Черинг-Кросс наши Мохини и К. чуть ли не насмерть перепугали разношерстную английскую публику, вознамерившись пасть передо мною ниц, словно я стала для них каким-то идолом. Меня определенно вывело из себя такое искушение судьбы.

Милая моя, это новое расставание с вами так мучительно для меня, и все же утешает то, что мы смогли повидаться и еще лучше узнать друг друга. Признаюсь вам, друг мой, что нет в жизни ничего лучшего, нежели находить утешение и счастье в вещах и в людях, которых любила с детства. Такое не умирает, оно остается бесконечно жить в вечности. Долго, долго после того как я пустилась в путь, перед взором моим стояли три образа: вы, Вера и г-жа де Морсье. Она пишет мне, что *была* с вами до тех пор, пока не тронулся поезд. У нее доброе сердце, и за это ей можно простить ее переменчивое настроение.

Из Лондона, между маем и августом 1884 года:

Мне здесь никогда не станет хорошо... Здесь у меня не жизнь, а какое-то безумное столпотворение с утра до вечера. Посетители, обеды, вечерние приемы и разные собрания каждый день. Наша Ольга Н[овикова]* уверяет, что испытывает ко мне какое-то обожание, и каждый день приводит своих друзей, чтобы познакомить их со мною. Она уже успела свести со мною всех лондонских знаменитостей, кроме великого министра Гладстона, который, согласно «St. James Gazette», и боится меня, и восторгается мною: «опасается ее в той же степени, в какой восхищается ею!» На мой взгляд, это уж просто наваждение какое-то...

21 июля было у нас собрание — *conversazione**, как это здесь называется, в честь г-жи Блаватской и полковника Олькотта, которое провели в Королевском Зале. Сначала отпечатали пятьсот пригласительных открыток, но вокруг них возник такой ажиотаж, что пришлось изготовить еще столько же. Госпожа Н[овикова] написала на имя нашего посла, прося о двух пригласительных билетах, и привела с собою послов Франции, Голландии, Германии, Турции, румынского принца X. и почти весь персонал ее преданного друга Гладстона. И вот, наконец, Хитрово — наш генеральный консул в Египте, прибывший сюда по делам...

Предоставляю вашему воображению нарисовать следующую картину: огромный зал, дамы в глубоко декольтированных платьях, *costumes de gala*¹²⁷ самых разных народов — и я, восседающая на почетном месте (что-то вроде царского трона из какого-то балетного представления), в своем черном бархатном платье со шлейфом длиной в три ярда (которое я терпеть не могу), а Синнетт с лордом Б. и Финчем, председателем Лондонской Ложи Теософского Общества, одного за другим подводят ко мне и представляют моей персоне всех, кто желает познакомиться со мною лично. А таковых оказалось — стараюсь не преувеличивать — около трехсот человек. Вы только представьте себе: в течение двух часов улыбаться и обмениваться рукопожатиями с тремя сотнями леди и джентльменов. Уф!

Лорд и леди X. просили меня отобедать с ними завтра. После такого вечера, подумать только! Кросс, секретарь по делам Индии, уселся рядом со мною и принялся до такой степени расточать мне похвалы на предмет огромной любви ко мне со стороны индусов, что я аж испугалась: ведь они даже этому могут придать политическую окраску! Помимо европейских знаменитостей, мне представили великое множество черных и желтых принцев: маорийских, яванских, малайских — я уж не знаю, каких там еще.

Профессор Крукс и его жена сидели позади моего кресла подобно паре адъютантов, указывая мне без конца на своих коллег из Королевского общества, знаменитостей, светил науки в области физики, астрономии и всевозможных «темных наук». Замечаете, ощущаете теперь, милая моя, как действует карма? Цвет английской науки, интеллектуальная элита и аристократия оказывает мне почести, которых я ни в малейшей степени не заслуживаю. Учитель заранее объявил мне, что все так и будет, и сейчас я совершенно несчастна, принимая огромное количество посетителей и приглашений, особенно после речи Синнетта в Королевском Зале.

Он принял соответствующую позу и стал ораторствовать: «Леди и джентльмены! Вы видите перед собою женщину, проделавшую работу мирового масштаба. Она в одиночку разработала и провела в жизнь грандиозный план: создание целой армии образованных людей, чей долг — бороться с материализмом и атеизмом, равно как с суевериями и невежественными толкованиями учения Христа (то есть со ста тридцатью семью сектами: шейкерами, квакерами, членами Армии Спасения*, прозябающими в темноте), позорящими христианский мир... Леди и джентльмены, представители английской культуры! Перед вами женщина, которая продемонстрировала миру, чего можно добиться благодаря силе воли, неуклонному следованию конкретной цели и полностью осознанным идеалам. В полном

¹²⁷ парадные одеяния (франц.).

одиночестве, больная, без средств, без покровительства, без всякой помощи со стороны кого бы то ни было, кроме полковника Олькотта, ее первого обращенного и апостола, г-жа Блаватская планировала объединить в одно разумное целое, слить воедино некое всемирное братство всех народов и рас. Она преуспела в своем начинании; она победила злобу, клевету, противодействие фанатиков и равнодушие невежественных людей... Даже наше либерально настроенное англо-индийское правительство заняло ошибочную позицию, выступая против гуманной общечеловеческой миссии этой женщины. К счастью, оно сумело осознать свою ошибку и вовремя остановиться».

И так далее все в том же духе. Аплодисменты были просто оглушительными. Я попыталась покраснеть ради приличия, но вместо этого побледнела от нехватки воздуха. Я чуть не лишилась чувств, поскольку еще очень слаба, хотя с того самого момента на вокзале ноги мои совершенно перестали болеть.

Что мне делать со всеми этими письмами, явно призванными возбудить во мне сочувствие, от всех этих восторженных почитателей, которые в меня так влюблены? На половину из них я могу ответить лишь мысленно. Но есть среди этих людей многие, кого я действительно люблю и жалею, как например, наш бедный Соловьев. Не успела я приехать в Лондон, как уже успела получить от него два таких жалобных письма! Единственное, о чем он меня просит, — это чтобы я помнила и не забывала его. Говорит, что кроме своих родных никогда не любил никого так, как любит старую бедную меня. И вот еще наша дорогая Ю.Д.Глинка: знаете, что она сделала? Отпечатала пятьсот копий с документа и письма князя Дондукова, очищающих меня от клеветы г-жи Смирновой, и разослала всем, кто сомневается по этому поводу... Но, Господи, благослови моих врагов!

А теперь послушайте любопытнейшую историю: меня пригласил М.А.Хитрово, наш консул в Египте, и в беседе между прочим задал мне такой вопрос: «Кстати, вы получили нашу телеграмму за коллективной подписью всего экипажа фрегата “Стрелок”? Мы направили из Суэца в Порт-Саид выражение признательности Радде Бай* за ее добрые пожелания и приветствие соотечественникам. — Я молчу, ни слова не понимаю. — Разве вы не помните, — говорит он, — я как консул должен был провожать нашего посла в Китай и поэтому оказался на борту фрегата, который вы встретили на Суэцком канале».

Тут я наконец вспомнила. Припоминаете, я рассказывала вам в Париже о шутке, которую я разыграла в Суэце, 3 марта, если не ошибаюсь. Нашему пароходу компании «Мессажери» пришлось встать на прикол, чтобы пропустить большой русский фрегат, направлявшийся в Китай. И тут я достала одну из своих визитных карточек и написала на ней: «Русская женщина, долгие годы не видевшая ни единого русского лица, от всего сердца шлет поклон, горячий привет и желает счастливого пути всем русским людям, от капитана с офицерами до матросов. Боже, храни Россию и ее Царя!» И подписалась: Радда Бай. А на обратной стороне указала свое настоящее имя и мой адьярский адрес. Мы положили визитку в жестянку и как следует закрыли. Когда фрегат поравнялся с нами, Олькотт весьма ловко перебросил банку группе офицеров и матросов на его борту, а я прокричала: «Послание капитану!»

Письмо немедленно ему вручили, и он тут же у нас на глазах его прочитал. Все офицеры сняли фуражки и помахали ими, приветствуя меня, и весь экипаж фрегата прокричал «Ура!» Я была ужасно рада. «Нас всех весьма позабавила ваша изобретательность, — заметил Хитрово, — и крайне растрогала ваша записка. Посол и все офицеры сошлись на том, что нужно немедленно телеграфировать вам в Порт-Саид, выразив нашу благодарность». Вообразите, какая досада: мне эту телеграмму так и не переслали... Я сказала Хитрово, что настаиваю на ее вручении мне на память.

К Е.П.Б. в Лондон заехал герр Гебхард*, чтобы проведать ее и увезти в Эльберфельд; он был крайне озабочен тем, чтобы обеспечить ей надлежащий уход и отдых, а также курс лечения минеральными водами и массаж, что давно рекомендовали ей все врачи, единодушно утверждавшие, что мозг — это единственный здоровый орган в ее теле. Е.П.Б. пишет:

Я путешествовала как королева. Повсюду в мое распоряжение предоставляли каюты и личные вагоны в поездах, и Гебхард, забравший меня из Лондона, ни гроша не позволил мне за все это заплатить. В этой поездке нас было пятнадцать теософов, путешествующих вместе, к тому же здесь меня поджидала большая группа немецких теософов. Президент нового Немецкого отделения [Теософского] Общества д-р Хюббе-Шляйден, барон фон

Хоффман с супругой, де Прель, некая достойная графиня Шпрети с супругом и адъютантом...

Могу сказать вместе с г-жой Курдюковой*, что обнаружила здесь «компанию лордов, графов, князей — и все они люди весьма порядочные», к тому же все это наши теософы. Среди них был и знаменитый живописец Габриэл Макс (знаете такого?) со своею супругой и свояченицей, а также г-жа Хаммерле из Одессы, да еще Соловьев пишет, что непременно заявится. А что если и вам тоже приехать?

После этого обрушились напасти, связанные с Куломбами. По этому поводу г-жа Желиховская пишет следующее:

Е.П.Б. прожила в Германии около двух месяцев и серьезно подумывала о том, чтобы окончательно там осесть: этот шаг ей настоятельно рекомендовали врачи. Но к тому времени уже стала разыгрываться трагикомедия, приготовления к которой давно велись врагами ее дела.

Мадрасский журнал «Christian College Magazine» напечатал серию писем, якобы подписанных Еленой Петровной и адресованных некоей француженке, г-же Куломб. Несколько лет назад эта самая г-жа Куломб с мужем содержали в Каире гостиницу, а Елена Петровна жила в ней в пору существования основанного ею спиритуалистического общества, которое так и не добилось успеха. К несчастью, спустя много лет Е.П.Б. вновь повстречала этих людей, на этот раз в Индии, где они жили в крайней нищете и нужде, и она великодушно приютила их у себя дома. В отсутствие Е.П.Б. г-жа Куломб перессорилась со всеми проживавшими в доме и в связи с этим собиралась подыскать себе другое место. И тут г-же Куломб предложили выгодную сделку. Один миссионер подослал к супругам кого-то из своих людей, объяснив Куломбам, что если они помогут развалить это еретическое [Теософское] Общество, то в этом они проявят себя как добрые христиане, да к тому же получат кругленькую сумму.

И Куломбы постарались ее заработать, как нам это теперь известно. Е.П.Б. пишет:

Все изменилось. Задул враждебный ветер. Какое уж тут лечение, какое здоровье? Я вынуждена срочно возвращаться в губительный для меня климат. Ничего не поделаешь. Даже если это будет стоить мне жизни, я должна разоблачить все эти махинации и распутать паутину клеветы, ибо это касается не только меня, а подрывает доверие людей к нашей работе, к нашему [Теософскому] Обществу, которому я отдала всю свою душу. Как я могу теперь заботиться о собственной жизни?..

Нам пишут, что в Мадрасе, Бомбее и Калькутте все улицы пестрят плакатами: «Падение г-жи Блаватской: ее интриги и обманы раскрыты» и т. д. и т. п. Однако в то же самое время больше тысячи людей встало на мою защиту. В лондонскую «Times» приходят не только письма, но и телеграммы стоимостью в тысячи рупий. Что касается самой Индии, то там война вышла за рамки газетных страниц. Около двухсот студентов-индийцев вычеркнули свои имена из списка учащихся того самого христианского колледжа, чей журнал напечатал эти удивительные «мои» письма. Если уж следовать истине, то должна сказать, что за исключением двух-трех правительственных газет Индии все на нашей стороне.

Даже здесь некоторые люди проявили себя как настоящие друзья. Госпожа Н[овикова] привела ко мне Маккензи Уоллеса; он жил в России и хорошо говорит по-русски. Его собираются назначить секретарем вице-короля [Индии], лорда Дафферина. Он дал мне рекомендательное письмо к Нубар-паше* в Каире с просьбой помочь собрать сведения о Куломбах. В первую очередь необходимо разоблачить этих мошенников.

VIII

Египет (ноябрь 1884) и Европа (1885)

В письме из Суэца от 30 ноября 1884 года Е.П.Б. сообщает:

Сию в отеле и «жду у моря погоды». А если проще — жду нашего парохода, который в данный момент медленно, как улитка, движется вдоль канала. Мы прибыли сюда поездом прямо из Каира и провели здесь уже десять дней, а ведь эти денечки влетают в копейку. В том, что эти дни так много значат, вы и сами можете убедиться благодаря пространным телеграммам из лондонских газет, которые я вам высылаю.

Начинаю убеждаться в том, что я действительно знаменитость, раз уж столько денег уходит на телеграфные сообщения о моей персоне. Корреспондент «Daily Telegraph» лично явился ко мне, чтобы взять у меня интервью, и попросил у меня разрешения рассказать своим читателям о моих открытиях из области прошлого г-на и г-жи Куломб, а также о моих собственных «действиях». В телеграммах, как вы увидите, эту парочку именуют «шантажистами» и «злостными банкротами», скрывающимися сразу от нескольких *ordres d'arret*¹²⁸.

Вы узнаете также, что меня «тепло принимали сам вице-король и сливки общества». Да, так оно и было. Вы и представить себе не можете, как здесь со мною носились. Как только Хитрово узнал о моем прибытии, он тут же пригласил нас к себе домой, и немедленно начались обеды, ланчи, пикники — просто дым коромыслом. Наши русские соотечественники: Хитрово, Абаза, камергер Щеглов, бывшая г-жа Бекетова, *nee*¹²⁹ княгиня Вера Гагарина, а ныне графиня де ла Салла — все они такие милые, добрые люди, что я прямо не знаю, как благодарить их за доброту и заботу. И даже иностранцы меня поражают — не столько своей любезностью, к любезности я привыкла, сколько истинной сердечностью и простотою общения.

На следующее утро я отправилась вместе с г-жой Купер-Оукли в гости к Нубарам, прихватив с собою письмо от Маккензи Уоллеса, и, как только хозяину передали мою визитную карточку, Нубар-паша сам вышел встречать нас чуть ли не к парадной двери. Он пригласил нас в свою резиденцию, привел жену и дочь, г-жу Тигран-паша, и они приняли нас так любезно, словно мы были старыми друзьями. Я определенно приписываю это влиянию письма моей дорогой Ольги Алексеевны (г-жи Н[овиковой]). Госпожа Нубар-паша — армянка, женщина блестяще образованная и начитанная, говорящая по-французски, словно парижанка, настоящая *grande dame*¹³⁰.

Они дважды приглашали нас к себе на ланч и на обед. В их доме я завязала знакомство с милейшей русской женщиной — графиней де ла Салла. Ее муж состоит адъютантом при хедиве, однако он больше смахивает на здорового, симпатичного русского парня, нежели на итальянца. Графиня знала обо мне понаслышке и была знакома с творчеством писательницы Радды Бай, а услышав, что я — племянница генерала Ростислава Фадеева, она решительно бросилась мне на шею и расцеловала. Дядюшка был вхож в их дом как друг семьи, и, расспрашивая о подробностях его смерти, графиня прослезилась. Она сразу же взяла меня под свое покровительство и стала обходить со мною один за другим аристократические дома, всем расписывая меня как «знаменитость», «удивительную женщину», писательницу, крупного ученого и так далее.

Она представила меня *вице-королеве*, как здесь называют супругу хедива, причем уверяла, что это абсолютно необходимо. Там, на женской половине дома хедива, я обнаружила толпу посетительниц, преимущественно англичанок, жен всех тех важных фигур, что сейчас правят Египтом. Меня смерила пристальным взглядом одна старая, но отнюдь не добрая знакомая из Индии, враждебно относившаяся к Теософскому Обществу, — леди Б., которая увидела меня восседающей на диване рядом с *вице-королевой*, и графиня де ла Салла немедленно пожелала выяснить, уж не теософ ли она! А затем заявила, что сама уже вступила в Теософское Общество и «ужасно гордится выданным ей дипломом»! *Un coup de theatre!*¹³¹

Затем графиня водила меня к племяннице Исмаила-паши, покойного хедива, и к жене его сына, принцессе Хусейн. Обе эти принцессы и жена хедива получили европейское образование, по-французски говорят, как сущие парижанки, словом, *des emancipees*¹³². *Вице-королева* — положительно красавица, прекрасна лицом, но, к сожалению, отличается чрезмерной полнотою. Супруги де ла Салла устроили для меня званый обед, пригласив на него около пятидесяти местных аристократов: как французов с англичанами, так и наших дипломатов. Все русские особенно восхищались тем, что я обратила английского священника, преподобного Ч.Ледбитера*, в столь пылкого теософа. Да если бы только его одного! Ведь

¹²⁸ ордеров на арест (франц.).

¹²⁹ урожденная (франц.).

¹³⁰ светская дама (франц.).

¹³¹ Неожиданная развязка! (франц.).

¹³² эмансипированные особы (франц.).

среди наших членов есть даже епископы.

Ну вот, а теперь я еду в Мадрас бороться с миссионерами-псевдохристианами. На все воля Божия, и «Бог не выдаст — свинья не съест». Прощайте, мои дорогие, мои любимые, быть может, навсегда, но даже это ничего не должно значить. Счастье на земле недостижимо. Здесь для нас лишь темная прихожая, и только распахнув дверь в действительно живое пространство, в гостиную жизни, мы узрим свет. На Небесах, в нирване, в Сварге* — все равно: название не имеет значения. Но что касается Божественного Принципа, то он Един, и существует лишь один Свет, как бы различно ни понимали его разные виды земной тьмы. Давайте же терпеливо дожидаться дня нашего истинного, нашего лучшего рождения. Искренне ваша до этого самого дня, до нирваны и навеки.

Е.П.Б. уехала из Индии в апреле 1885 года. В то время она была безнадежно больна, и отъезд ее проходил в такой спешке и суете, что даже не успели собрать ей одежду в дорогу. Она дала полковнику Олькотту честное слово, что не сообщит о том, где она живет, пока не минует самый сильный кризис, — и сдержала слово. Вместе с Бабаджи и Мэри Флинн она поехала в Неаполь и прожила там несколько месяцев в полнейшем затворничестве. В течение своего пребывания там она занималась предварительной систематизацией материалов для «Тайной Доктрины».

Госпожа Желиховская пишет, что временами высказывала сестре свое неудовольствие относительно того, что кто-то в Тибете явно монополизировал всю вселенскую мудрость. Е.П.Б. отвечала, что они вовсе не монополизировали мудрость и что она говорит о существовании именно этих Великих Душ лишь потому, что знает об их существовании, но несомненно есть и другие, столь же мудрые и столь же великие, в других краях.

В любой стране и в любую эпоху всегда были и будут люди, чистые сердцем, которые, усмирив земные мысли и плотские страсти, поднимают свои духовные способности на такую высоту, что им открываются тайны бытия и законы, управляющие природой и скрытые от непосвященных. Пусть таких людей преследуют слепцы, пусть их сжигают на кострах, пусть на них охотятся «общества, признанные законом», пусть этих людей называют магами, мудрецами, раджа-йогами или святыми — они всегда жили и по-прежнему живут всюду, признанные или непризнанные. Для этих людей, при жизни достигших просветления, не существует препятствий, не существует телесных уз. Над ними не властны расстояния и время. Они живут и действуют как в своих телесных оболочках, так и вне их. Они — там, куда переносит их мысль и воля. Они не привязаны ни к чему: ни к определенному месту, ни к своим временным, смертным оболочкам.

Когда подошел к концу трехмесячный срок ее пребывания в Неаполе, Е.П.Б. стала подумывать о переезде в Германию, где, как она писала, по крайней мере, есть теплые печки и двойные окна на зимний период и где можно уютно чувствовать себя в помещении. Она решительно оправдывала «адьярских теософов», которые бросили ее в Неаполе в таких бедственных условиях, и уверяла, что они сделали для нее все, что могли в таких обстоятельствах; и в доказательство того, что [Теософское] Общество предано ей, она посылала своим родственникам сотни писем от филиалов и от отдельных лиц из Индии, Англии и «особенно из Америки», авторы которых возражали против ее ухода от дел. Она отказалась от должности секретаря по переписке по настоятельной просьбе полковника Олькотта, который был весьма встревожен нападками в связи с делом Куломбов. Все ее письма того периода дышат покоем, умиротворением и даже радостью, вызванными многочисленными подтверждениями искренней дружбы со стороны таких людей,

...как Соловьев*. Я путешествовала с ним по Швейцарии. Я действительно не могу понять, почему он ко мне так привязан. Ведь, по сути, я ни в малейшей степени не могу ему помочь. Я едва ли в состоянии помочь ему осуществить хоть какие-то из его надежд. Бедняга, мне так жаль его и всех их.

IX

Европа (1885)

Е.П.Б. была в совершенном восторге от климата и пейзажей Швейцарии. Всю жизнь она обожала природу.

Я никогда еще не дышала столь свободно. Я даже могу ходить так легко, как не ходила вот уже десять лет.

В этот период все печальные происшествия прошлого года Елена Петровна видела не в черном свете, а в юмористических тонах. Она писала г-же Желиховской в сентябре 1885 года:

Мои верные теософы не оставят меня одну. Они приглашают меня в Лондон. Хотят, чтобы я возглавила Европейское Теософское Общество и оттуда руководила изданием моего журнала «Theosophist». Индусы тоже забрасывают меня письмами, говоря, что я должна вернуться в Индию, угрожают бедному Олькотту восстанием в случае, если я не вернусь. В их глазах он — всего лишь исполнитель моих вдохновенных идей, тогда как я — верховная жрица и пифия*.

Ты читала про психистов (членов ОПИ) и их собрания в Лондоне, на котором меня обвинили в том, что я создала теософию, придумала Махатм и устраивала всевозможные мошеннические трюки — и все это с единственной целью, связанной с политическими интригами в пользу России, которая мне за это щедро заплатила?! Даже таких яростных консерваторов и русофобов, как г-н Синнетт и лорд Бортуик, просто возмутил этот откровенный вздор. Единственным основанием для обвинений стало то, что во время моего приезда в Индию некоторые индийские англоязычные газеты прекратили поносить Россию, чем они до этого момента активно занимались.

В этом есть доля правды. Некоторые из редакторов лучших газет, таких, как «The Indian Mirror», «Amrita Bazaar Patrika», «Hindu» и другие, являются теософами и моими личными друзьями; и они прекрасно понимают, что каждое напечатанное ими слово против России будет мне ножом по сердцу, особенно если оно несправедливо на английский манер. Поэтому они стали воздерживаться от нападок, что дало повод кое-кому выставить меня шпионкой на содержании у русского правительства.

О Господи, какая знакомая гримаса моей судьбы! *D'avoir la reputation sans en avoir en la plaisir!*¹³³ И хоть бы утешиться тем, что это чем-то полезно для моей милой России — так ведь не тот случай: одни лишь банальные отрицательные последствия.

В другом письме Е.П.Б. пишет:

Я понимаю, что Общество психических исследований не могло не отделиться от нас. Хотя вначале оно пригрелось в гнездышке Теософского Общества подобно потомству вороватой кукушки, подкидывающей своих птенцов в чужие гнезда.

Это было как раз в то время, если ты помнишь, когда Майерс постоянно писал тебе*, а также упрашивал меня написать тебе, чтобы упросить тебя стать его русским корреспондентом. Было бы слишком опасно для Майерса, подчеркивающего свою неразрывную связь с европейской наукой, честно и бесстрашно объявить о тех явлениях, которые являются не трюками и не ложью, а результатом действия сил, еще не известных европейским ученым. Он бы настроил против себя крупнейших общественных деятелей Англии, духовенство и корпорации, представляющие большую науку.

Что касается нас, теософов, то мы их не боимся, ибо плывем против течения. Наше [Теософское] Общество — бельмо на глазу у всяких фанатичных лицемеров и псевдоученых. А что до меня, то я, русская, для них вечный козел отпущения. Им пришлось так или иначе объяснить мое влияние, и вот появился обвинительный акт — целая книга, написанная бывшим нашим коллегой и другом Майерсом. Она начинается следующими словами: «Мы объявляем г-жу Блаватскую величайшей, умнейшей и самой совершенной мошенницей столетия!» И действительно, выглядит все очень похоже!

¹³³ Прослыть кем-то и не иметь никакой выгоды от своей репутации! (франц.)

Подумать только: я приезжаю в Америку совершенно одна, выбираю Олькотта, спиритуалиста, и начинаю предварительно его обрабатывать, а затем безотлагательно свожу его с ума! И вот из пылкого сторонника спиритуализма он превращается в теософа, после чего я (хотя в то время и двух слов по-английски не могла написать без ошибок) сажусь и пишу «[Разоблаченную] Изиду». Ее выход в свет производит фурор на одном фланге и скрежет зубный — на другом. Тут я изобретаю Махатм, и немедленно десятки людей начинают в них верить, а многие даже видят; так начинается цикл феноменов на глазах у сотен людей. Проходит всего-навсего год, и [Теософское] Общество насчитывает уже тысячу членов. Олькотту является Учитель и приказывает ему переселиться в Индию. Мы отправляемся в путь, и на всем протяжении нашего маршрута одно за другим возникают свежеепеченные филиалы [Теософского] Общества: в Лондоне, в Египте, на Корфу. Наконец, в Индии теософов уже исчисляются многими тысячами.

Имей в виду: все это — мои трюки. Письма Махатм уже хлынули рекою, они приходят со всех концов света, появляются на всех языках: на санскрите, на современных индийских языках, на древнем телугу*, который мало известен даже в Индии. Все это, конечно, фабрикую я, и по-прежнему в одиночку. Но вскорости я уже набираю себе сообщников из числа тех, кого успела обмануть и продолжаю водить за нос; я учу их, как писать фальшивые письма тем самым почерком, который сама придумала, и как делать фокусы и мошеннические трюки. Когда я нахожусь в Мадрасе, феномены, наблюдаемые в Бомбее и Аллахабаде, производятся моими сообщниками.

Кто же они, эти сообщники? Это так и не удалось выяснить. Перед Олькоттом, Хьюббе-Шляйденем, Гордонами, Синнеттами и прочими высокопоставленными лицами Майерс рассыпается в извинениях, признавая их лишь излишне доверчивыми людьми, несчастными жертвами моего обмана. Так кто же тогда сознательные обманщики, действующие со мною заодно? Это проблема, которую мои судьи и обвинители никак не в состоянии объяснить. Хотя я указывала им на то, что таковые должны существовать: в противном случае моим обвинителям грозит очевидная необходимость объявить меня уникальной, всемогущей колдуньей. Иначе как бы это все могло осуществиться?

За пять лет я создала огромное [Теософское] Общество, состоящее из христиан, индуистов и буддистов. Никуда не выезжая, постоянно болея, занимаясь как прикованная своей работой, результаты которой очевидны, я — старая русская «кумушка» — сплела сети и уловила в них тысячи людей, которые, будучи лишены малейших признаков безумия, верят в мои феномены, и то же самое можно сказать про мыслителей и образованных людей, которые были материалистами, а стали визионерами. Как тут *можно* удержаться и не увидеть во мне «величайшую мошенницу столетия»?

Перечисляя мои грехи, открыто провозглашается: «Вы, наивные англо-саксонские теософы, не думайте, что влияние г-жи Блаватской в Индии затрагивает только вас: оно распространяется гораздо дальше. Когда она вернулась в Мадрас, то около восьмисот студентов, даже не являющихся теософами, выразили ей свою симпатию. Влияние этой женщины безмерно. Для нее нет ничего проще, чем исподволь вселять в сердца индусов ненависть к Англии и медленно, но верно готовить почву для русского вторжения». Так вот чего они боятся! Ну конечно, русская шпионка! Да и не шпионка вовсе, а прямо-таки завоевательница. Можешь гордиться такой сестрой...

Это уже не только мое личное дело, но дело всех теософов. Пусть они за меня поборются. Что же касается меня, то я просто тихо сижу в Вюрцбурге, жду обещанного приезда Нади* и никуда носа не высываю. Пишу новую книгу, которая будет стоить двух таких, как «[Разоблаченная] Изида».

К этому времени полуразрушенное здоровье Е.П.Блаватской вновь пришло в плачевное состояние. Отчасти это было вызвано окончательным разрывом с Соловьевым, которого она до этого момента считала искренним, бескорыстным другом; другой причиной послужила смерть ее любимой кузины. По этому поводу сестра Е.П.Б. высказывается следующим образом:

«В.С.Соловьев не преуспел в своем искреннем желании «стереть в порошок» г-жу Блаватскую, однако, нанеся ей свежую рану прямо в истерзанное сердце, он определенно сократил ей жизнь».

В результате этих ударов Е.П.Б. целый день пролежала без сознания. Сама она пишет об этом:

Я перепугала их всех, этих бедняг. Говорят, я тут полчаса валялась без признаков жизни. Они вернули меня к жизни с помощью дигиталиса. Я лишилась чувств в гостинной, а очнулась уже раздетой в собственной постели; в ногах кровати вижу доктора, и надо мною льет слезы г-жа Хоффман. Добросердечный Хюббе-Шляйден, президент немецкого [Теософского] Общества, сам привез ко мне врача из города, а мои добрые дамы, жены художников Тедеско и Шмихена и г-жа Хоффман, просидели со мною всю ночь.

Х

Европа (1886-1887)

Следующее письмо относится, собственно говоря, к более ранней части цикла. Оно было отправлено из Бомбея осенью 1882 года:

Кровь моя превратилась в воду, она сочится и образует мешки. За это мне следует благодарить, *primo*, бомбейскую жару и сырость, и *secundo**, мою вечную раздражительность, беспокойства и тревоги. Я стала такой нервной, что даже от легкого шлепанья по полу босых ног Бабулы у меня вздрагивает сердце. Я вырвала из Дадли* признание, что могу в любой момент умереть от любого испуга, в противном же случае проживу еще годик-другой. Будто это возможно при моем образе жизни. Я в день пугаюсь не один раз, а все двадцать.

Я полностью положила на Учителей. М. хочет, чтобы я уехала в конце сентября. Он прислал за мною одного из своих чела из Нильгири, чтобы тот взял меня с собою. Куда — пока точно не знаю, но думаю, куда-нибудь в Гималаи.

После этого от Е.П.Б. долгое время не было писем, и наконец сестра получила от нее несколько строк из Дарджилинга. В письме Е.П.Б. сообщала о том, что была на грани смерти и что ее бы уже не было в живых, если бы не чудесное вмешательство Учителя, который вызвал ее в горы и вернул к жизни посредством нескольких пассивов, когда она уже фактически была трупом.

Госпожа Желиховская в последующие дни неоднократно пыталась расспрашивать Е.П.Б. о подробностях этого таинственного эпизода ее жизни. «Как она, тяжело больная, в бессознательном состоянии оказалась в каких-то недостижимых и совершенно непроходимых горах в Гималаях? Кто ее туда доставил? Где она пребывала в период выздоровления? Как, наконец, она вновь вернулась в лоно цивилизации?» Сестра все время отделялась ответами, что, во-первых, она ничего не помнит, а во-вторых, ей не велено что-либо рассказывать. Госпожа Желиховская пишет, однако, что она убеждена в том, что если не в этот период, то несколько раньше Е.П.Б. посетила Лхасу и что она и прежде бывала в главном религиозном центре Тибета, где в окружении нескольких сотен лам живет таши-лама — духовный глава буддистов, которого они почитают воплощением Будды. Кроме того, г-жа Желиховская уверена, что в то или иное время ее сестра побывала в горах Куньлунь*.

Е.П.Б. всегда говорила ей, что Махатмы, которых она знает лично, весьма непохожи друг на друга как по своему характеру, так и по образу жизни; что Махатма К. Х. гораздо доступнее и живет с сестрою и племянником в Куньлуне; что Махатма М., ее личный учитель, не имеет постоянного дома, более серьезен и суров, всегда в движении и находится обычно там, где он может в первую очередь быть нужным в данный момент. К. Х. нередко разговаривает и смеется, как обыкновенный человек, а М. — никогда, он предельно лаконичен. Из них он старше по возрасту.

Когда Е.П.Б. вернулась, она была почти совсем здоровой и окрепшей и, к огромному удивлению врачей, возобновила свою работу. Семнадцатого декабря Е.П.Б., Олькотт и другие переехали в Адьяр. Елена Петровна писала г-же Фадеевой:

Это просто очаровательно. Какой здесь воздух, какие ночи! И какая тишина! Никаких городских шумов и уличных возгласов. Я спокойно сижу и пишу, время от времени поглядывая на океан, который весь искрится и переливается, право же, словно живое существо. Часто не могу отделаться от впечатления, что море дышит или что оно сердится, ревет и мечется в гневе. Но когда оно спокойно и ласково, то нет на свете ничего

восхитительнее его красоты, особенно лунной ночью. Луна здесь на темно-синем небе кажется раза в два больше и раз в десять ярче, чем ваш европейский перламутровый шар. Прощайте.

Сестра и племянница Е.П.Б. навестили ее в Остенде в 1886 году. Вот что она писала им вскоре после их отъезда:

Возьмусь за работу, благо я теперь совсем одна, и из Вечного Жида-скитальца превращусь в «рака-отшельника», в оцепеневшее морское чудовище, выброшенное волною на берег. Буду писать и писать, — единственное мое утешение! Увы, блаженны те, кто способен ходить. Что это за жизнь такая: все время больна, да еще к тому же без ног...

После своей тяжелой болезни в Остенде весной 1887 года Елена Петровна пишет сестре:

Милая моя, не пугайся: я в очередной раз надула безносую. Кое-кто помог мне выкарабкаться. Со мною такие чудеса творятся! Ты пишешь: «Как ты можешь быть такой беспечной!» Будто я могла простудиться из-за беспечности. Я никогда не встаю с кресла, никогда не выхожу из комнаты, сижу над своей «Тайной Доктриной» как прикованная. Я всех привлекла к работе над нею: графиню, доктора Кейтли, кузена которого ты видела в Париже. Он приехал в качестве делегата из Лондона, чтобы меня туда пригласить, а я возьми да нагрузи его работой!

Ты же, наверное, не знаешь, как это все было. Дней за десять до моей болезни лондонское [Теософское] Общество стало усиленно зазывать меня к себе: очень я им нужна, говорят, без меня никак не справляются. Хотят изучать оккультизм и потому горят желанием лишиться Остенде моего благотворного присутствия. Перед этим получала ворохи писем с мольбами, но хранила молчание. Отстаньте, думаю про себя, не мешайте, дайте спокойно написать книгу. Как бы не так: присылают ко мне депутацию. Доктор Кейтли мне сообщает: «Мы сняли для вас прекрасный дом с садом, мы все для вас приготовили и перевезем вас прямо в кресле. Не упорствуйте!» И вот я уже стала склоняться к тому, чтобы передумать. Графиня принялась укладывать вещи; первым делом она вознамерилась собрать в дорогу меня, а затем поехать в Швецию и продать там свою собственность, чтобы жить вместе со мною, как вдруг я слегла! Такова уж, видно, моя звезда.

И вот тебе еще одно чудо. 27 марта мы должны были выезжать, а семнадцатого я после обеда уснула в кресле без всякой причины. Ты же знаешь, такого со мною никогда не случается. Я погрузилась в глубокий сон и вдруг во сне заговорила, обращаясь к графине (как она мне впоследствии рассказывала, ибо сама я ничего не помню): «Учитель говорит, что вы не должны уезжать, потому что я заболела и буду при смерти». Графиня воскликнула: «Что вы такое говорите?» Я проснулась и тоже давай кричать в изумлении: «О чем вы тут вопите? Что стряслось!» *Tableau!*¹³⁴

Через два дня, когда мы об этом уже почти забыли, я вдруг получаю письмо от одного члена [Теософского] Общества в Лондоне, которого я раньше никогда в жизни не видела, — от доктора Эштона Эллиса, врача Вестминстерской амбулатории; он мистик, поклонник Вагнера, большой любитель музыки, совсем еще молодой человек. В своем письме он тоже настаивает на моем приезде по той простой причине, что я, понимаешь ли, явилась ему в видении и он узнал меня, ибо видел на портретах. Он пишет, что сидит он за письменным столом, и тут за другим концом стола появляюсь я и пристально на него гляжу. Нас с Констанцией* позабавило его восторженное заявление: «Моя жизнь странным образом связана с вашей, с вами лично и с Теософским Обществом. Знаю, что вскоре мне предстоит с вами увидеться». Нас эти слова развеселили, но вскоре мы позабыли о них.

Затем я простудила горло — совершенно не понимаю, каким это образом, и мне становилось все хуже и хуже. На пятый день — после того, как я вынуждена была слечь, а врачи в Остенде заявили, что надежды никакой, поскольку стали отказывать почки и началось заражение крови, а я все время дремала и обречена была, не выходя из дремоты, погрузиться в вечный сон, — на пятый день графиня припомнила, что ведь этот Эштон Эллис — известный врач. Она дала ему телеграмму с просьбой прислать хорошего специалиста. И вот этот совершенно чужой нам человек телеграфирует в ответ: «Еду сам, прибуду ночью».

¹³⁴ Ну и картина! (франц.).

Помню смутно, сквозь сон, как ночью кто-то входит в комнату, берет мою руку, целует ее, дает что-то проглотить; затем садится на край кровати и начинает массировать мне спину. Ты только представь себе, этот человек три ночи и три дня не спал, растирая и массируя меня каждый час...

Далее г-жа Блаватская рассказывает в письме, что услышала, как кто-то говорит, что ее тело не позволят кремировать, если она умрет, не написав завещания.

И вот тут-то я пришла в сознание, в ужасе от того, что меня заруют в землю, что я буду лежать вместе с католиками здесь, а не в Адьяре... Я позвала окружающих и заявила: «Скорей, скорей, адвоката!» — и, поверишь ли, *встала!* Артур Гебхард, который только что вернулся из Америки и явился сюда со своей матерью, прослышав о моей болезни, помчался и привез адвоката и американского консула, а я (совершенно не понимаю, откуда только силы взялись) — я продиктовала и подписала завещание...

Покончив с этим, я почувствовала, что больше не выдержу. Пошла обратно к своей кровати со словами: «Ну все, прощайте, теперь я умру». Но Эштон Эллис превзошел самого себя: целую ночь он массировал меня и все время поил какую-то дрянью. Я, однако, ни на что уже не надеялась, ибо видела, как тело мое становится серым и покрывается темными желтовато-синими пятнами, и, теряя сознание, я уже мысленно со всеми вами прощалась...

Тем не менее лечение возымело свое действие. Елена Петровна проспала целые сутки и вновь пробудилась к жизни.

По поводу той же самой болезни она пишет г-же Фадеевой:

Воскресенье, католическая пасха. Мой старый товарищ и друг, написала вам о своей болезни дней десять назад, когда еще не вставала с постели. Так почему же вы жалуетесь, что я «снова дурака валяю»? Однако я действительно чуть было не сваляла дурака навеки: снова я была на волосок от смерти и снова воскресла из мертвых.

Когда и как я умудрилась простудиться, не выходя из комнаты, это выше моего понимания. Началось все с бронхита, а кончилось тяжелым осложнением на почки. Врачи в Остенде мучили меня без всякой пользы, вытягивая из меня деньги и едва меня не угробив, но меня спас один из наших теософов, д-р Эштон Эллис, который в награду за это лишился высокооплачиваемой должности, ибо покинул без разрешения Вестминстерскую амбулаторию и девять дней не отходил от моей постели (массируя мне спину)... Когда все местные доктора поставили на мне крест, графиня вспомнила об Эштоне Эллисе, который прослыл хорошим врачом, и попросила у него дать совет или прислать толкового специалиста, а он ответил в телеграмме, что выезжает сам и прибудет вечером.

Он все бросил и примчался сюда. И представьте себе, он меня никогда раньше не видел и знал только по моим книгам и статьям. Меня совесть замучила — просто не знаю, куда деваться: он так много из-за меня потерял. Хорошо еще, что он холостяк... Он спас меня при помощи массажа, растирал меня день и ночь, глаз не смыкая все это время. На днях он съездил в Лондон и вчера вернулся, сообщив мне, что не оставит меня, пока я полностью не поправлюсь, и намерен сам отвезти меня в Лондон, как только на улице потеплеет.

Госпожа Гебхард все еще со мною; вместо того чтобы праздновать пасху в кругу семьи, она ухаживает за мною, как за ребенком, следит, чтобы я принимала лекарства, а графиня тем временем отправилась в Швецию, чтобы продать там свое поместье. В будущем она собирается жить со мною неразлучно, дабы присматривать за мною и ухаживать.

А что вы скажете о той преданности, которую проявил по отношению ко мне Эштон Эллис! Где еще найдешь такого человека, который отказывается от своей работы, от хорошего места — и все лишь ради того, чтобы освободиться и приехать спасать от смерти какую-то старушку, совершенно чужую и незнакомую?.. И все это — за свой счет: у меня он ни гроша брать не желает, да еще потчует меня каким-то старым добрым «бордо», которое где-то раздобыл. И ведь все это исходит от иностранца, более того, от англичанина. Говорят, «англичане холодны, англичане бездушны». Видать, не все...

Вы интересуетесь, не прислать ли мне чего, не нуждаюсь ли я в чем? Я ни в чем не нуждаюсь, милая моя, кроме вас. Пришлите мне саму себя. Мы не виделись полтора года, и

когда-то еще увидимся? Может, вообще никогда. Я собираюсь в Лондон, а осенью, если не помру к тому времени, хочу поехать в Адьяр. Меня туда все время зовут...

Вы получили наш новый парижский журнал, «Le Lotus»? Он издается, как вы увидите на титульном листе, «*sous l'inspiration de H.P.Blavatsky*»¹³⁵. (!?) Помилуйте, какое еще «вдохновляющее влияние», когда у меня времени нет хоть словечко для них написать?.. Я оформила три подписки: одну для вас, одну для Веры и одну для Каткова.

Просто обожаю Каткова за его патриотизм. Я даже не рассержусь, если он снова не пришлет мне денег, прости его душу, Господи. Я глубоко уважаю Каткова, ибо он патриот и отважный человек, всегда любой ценою отстаивающий правду. Такие статьи, как у него, делают честь России. Уверена, что если бы дядюшка был бы еще жив, он нашел бы в его статьях отражение собственных мыслей...

Ох, вот только бы регентов в Болгарии повесили да Германию разгромили — тогда бы можно было и помереть спокойно.

XI

Англия (1887)

В письмах и разговорах Е.П.Б. часто упоминала о своем долге благодарности по отношению к графине Вахтмейстер, г-же Гебхард и особенно доктору Эштону Эллису за их преданность и самоотверженность во время ее болезни. В одном из писем, которые она посылала г-же Желиховской из Остенде, Елена Петровна пишет следующее:

Прямо не знаю, что и подумать! Ну кто я для них? С чего бы графине проявлять по отношению ко мне такую преданность, что она ради меня готова жизнь отдать? Кто я для Эллиса, который меня прежде никогда не видел; кто я такая, чтобы, пренебрегая риском, без разрешения, оставить свою больницу на целую неделю ради меня, а теперь вот лишиться своего места, своего прекрасного жалования и квартиры при Вестминстерской амбулатории. Он съездил домой и, вернувшись сюда, смеялся: плевать, говорит... Теперь, говорит, у него осталась лишь частная практика и будет больше времени на теософию...

Да что все это значит? Что они во мне нашли? Что же это, у меня на роду написано влиять на чужие судьбы? Серьезно тебе говорю, *мне страшно!* Я перестаю понимать что к чему и совершенно теряюсь. Знаю только то, что я разбудила некую неизвестную силу, которая связывает судьбы других людей с моею судьбою, с моею жизнью... Знаю также, и это служит для меня большим утешением, что многие из этих преданных мне людей смотрят на меня как на свою спасительницу. Многие из них были бездушными эготистами, неверующими материалистами, любителями житейских благ, бездумными сенсуалистами*, а стали серьезными людьми, неутомимыми тружениками, жертвующими ради работы всем: положением, временем, деньгами — и думающими лишь об одном — о своем духовном и интеллектуальном совершенствовании. Они в некотором роде принесли себя в жертву идее самопожертвования и живут исключительно ради блага ближних, видя во мне свое спасение, свой свет.

А что я такое? Я то, чем и была всегда. По крайней мере в том, что касается их. Я готова пожертвовать последней каплей крови ради теософии, но что до теософов, то едва ли испытываю любовь к кому-либо из них лично. Я не способна любить кого-нибудь лично, кроме вас, моих родных... Какое же я слепое орудие, должна признаться, в руках того, кого я называю своим Учителем!.. Я не знаю, *не знаю, не знаю*...

Для меня, как и для любого из нас, феноменальное рождение нашего [Теософского] Общества (по *моей* инициативе), его ежедневный и ежечасный рост, его несокрушимость под ударами врагов со всех сторон — нерешенная загадка. У меня нет этому логического объяснения, но я вижу, я знаю, что Теософскому Обществу предопределено свыше обрести всемирное значение. Оно станет одним из событий мирового масштаба! [Теософское] Общество обладает нравственной и духовной энергией, мощь которой, подобно девятому валу, захлестнет, поглотит и сметет все, что оставили на берегу менее крупные волны

¹³⁵ «под вдохновляющим влиянием Е.П.Блаватской» (франц.).

человеческой мысли, все чужеродные осадки, все осколки и фрагменты религиозных и философских систем. Я — всего лишь слепой двигатель этой силы, но великая мощь заключена в ней самой.

Поселившись наконец в Лондоне, г-жа Блаватская пишет сестре:

Вот меня и пересадили в землю туманного Альбиона. В буквальном смысле *пересадили*, ибо прибыла я сюда не по собственной воле. Меня перевезли, перетащили сюда мои *почитатели*, чуть ли не в кровати, чуть ли не на руках. Они сделали из меня свое постоянное хобби. По их убеждению, они не смогут отыскать без меня дороги в Царство Небесное. Они направили ко мне депутацию с петицией от семидесяти двух теософов, твердо вознамерившихся лишить бедный Остенде моего «облагораживающего» присутствия и «благотворных магнетических флюидов» — *excusez du peu!*¹³⁶ Я ворчу на них, я их прогоняю, я пытаюсь запираюсь на запоры от всех этих *мистиков-вампиров*, которые высасывают из меня все нравственные силы, — куда там! Все равно они слетаются на меня, словно мухи на мед. «Мы проникаемся, — говорят, — духом святости и нравственного совершенства в вашей *атмосфере*. Вы одна можете просветить нас и вдохнуть жизнь в бездеятельное, пребывающее в спячке лондонское [Теософское] Общество».

Ну что ж, теперь они получили то, чего хотели; я подбросила топлива в горн, надеюсь, они об этом не пожалеют. Я сижу у себя за столом и пишу, тогда как эти люди радостно скачут и пляшут под мою дудку. Вчера мы провели собрание, на котором было образовано новое отделение Теософского Общества, и, подумав только, его единодушно назвали «Ложей Блаватской Теософского Общества»!.. Это я называю прямым ударом в челюсть Обществу психических исследований: пусть знают, из чего мы состоим!..

Мы вот-вот учредим наш собственный журнал, «Lucifer». Не поддавайся панике: это не тот дьявол, до которого католики низвели и исказили имя Утренней Звезды, Денницы, священного для всего древнего мира «светоносца» — *Phosphoros**, как католики нередко называли Богородицу и Христа. И разве не говорится в «Откровении» Св. Иоанна Богослова: «Я, Иисус... звезда светлая и утренняя»?* Я хочу, чтобы люди усвоили хотя бы это. Возможно, мятежного ангела и называли Люцифером *до его падения*, но после падения его нельзя так называть...

Просто ужас, до чего много у меня здесь работы. Из Парижа пишут, что в Обществе нашем и там произошел раскол. Они отказываются признавать отделение под председательством леди Кейтнесс, герцогини де Помар, и просят меня о представительстве, прямо как здешние деятели, которые хотят, чтобы я заняла место Синнетта... Они, по сути, настаивают на том, чтобы я для них на части разорвалась! От меня требуется изображать нечто вроде «вездесущего» генерала Бута с его Армией спасения*! Покорнейше благодарю!

А этот новый журнал «Le Lotus» — и они туда же. Я категорически отказалась от поста редактора; а теперь взгляни на титульный лист (прилагаю экземпляр журнала в качестве образца): «Под вдохновляющим влиянием г-жи Е.П.Блаватской». Как тебе это понравится? А скажите на милость, как это я должна их вдохновлять? Мне что, посылать магнетические флюиды редактору Габорью и его сотрудникам? Видать, твоя сестра и в Европе становится модным явлением. Полюбуйся: Гартман посвящает книгу «моему гению». Но откуда мне взять время на все это: на журналы, на уроки оккультизма, на «Тайную Доктрину» (а ведь не закончена и первая ее часть), — ума не приложу!

В этот богатый событиями период г-жа Блаватская была в прекрасном настроении и полна радужных надежд на будущее Теософского Общества, как показывает следующее ее письмо сестре:

Целая армия католических священников и фанатиков из высшего духовенства ополчилась здесь против твоей сестры. Они уже провели три собрания. На первом собрании они пытались доказать, что я ни много ни мало — сам дьявол в юбке. Но мои теософы запротестовали, попросили слова и в два счета неопровержимо доказали, что эти самые католики — лицемеры, плохие христиане и вообще поклоняются Ваалу и маммоне*.

¹³⁶ не взыщите! (франц.)

На втором собрании святые отцы завели старую песню: она, дескать, шпионка, агент русского правительства и прямая угроза британским интересам... Тут поднялись Лейн-Фокс, Синнетт и сэр У.Гроув и доказали публике, что эти враги теософии, которых страшит мой русский патриотизм, являются ближайшими родственниками валаамовой ослицы*, хотя та все-таки лицемерела ангела и к тому же могла разговаривать, а этим священнослужителям в их фанатизме повсюду мерещатся голубые чертики, да и с речью у них совсем плохо.

На третьем собрании серьезно обсуждался вопрос: можно ли считать меня Антихристом? Тут встал юный лорд П. и зачитал мой ответ, в котором я лаконично, но недвусмысленно довела до сведения общества, что если дважды два — четыре, то все эти люди — круглые невежды и клеветники... Эффект превзошел все ожидания, в чем ты сможешь убедиться из докладов, поэтому мои друзья просто ликовали... Теперь они собираются еще громче восклицать: «Lucifer» сокрушит наших недругов! Даже мои личные враги не скупятся на похвалы...

И все же мне тоскливо, ох как тоскливо! О если бы я только могла тебя повидать!

XII

Англия (1887-1889)

Результаты деятельности Е.П.Б. продолжали сказываться, распространяясь все шире, и это переполняло радостью ее сердце; со свойственной ей энергичностью Елена Петровна возлагала большие надежды на [Теософское] Общество, на учение, которое она защищала, и на людей, которые ему следовали. И все же, несмотря на то что ее окружало множество преданных ей людей, в глубине души она ощущала холод и одиночество. Она то и дело восклицала: «О, хоть бы чего-нибудь русского, чего-нибудь родного, кого-нибудь или чего-нибудь любимого с детства!»

Чтобы как-то порадовать сестру, г-жа Желиховская предложила ей следующее: она готова испросить разрешения преподобного Е.Смирнова, священника церкви при русском посольстве в Лондоне, на его встречу с Еленой Петровной. Е.П.Б. действительно очень обрадовалась этому предложению:

А он не откажется? А вдруг он тоже примет меня за антихриста? Какая же я непоследовательная старая дура: ведь между католическим и протестантским духовенством и нашими русскими священниками — пропасть. Неудивительно, что меня, язычницу, ненавидящую и протестантство, и католицизм, всем сердцем влечет к русской церкви. Я — отступница, неверующая космополитка. Все так считают, и сама я думаю о себе так же, и все-таки я отдала бы все до последней капли крови за торжество русской церкви и всего русского.

Зимой 1887 года «Новое Время» — одна из ведущих газет Санкт-Петербурга — проинформировала российских читателей о том, что Елена Петровна Блаватская, их соотечественница, обосновалась в Лондоне с целью ниспровержения христианства и распространения буддизма, ради чего уже возвела пагоду с идолом Будды внутри нее и т.д. и т.п. По этому случаю Е.П.Б. немедленно направила в редакцию газеты ответное письмо, весьма добродушное и окрашенное мягким юмором, но, к сожалению, его так и не опубликовали. Госпоже Желиховской Е.П.Б. написала:

Почему «Новое Время» рассказывает такие басни? С чего это они взяли, что мы намерены проповедовать буддизм? Мы никогда ни о чем подобном не помышляли. Если бы они в России читали мой «Lucifer», наш главный в данный момент печатный орган в Европе, они бы узнали, что мы проповедуем чистейшую теософию, избегая при этом крайностей, свойственных графу Толстому и стараясь воссоздать теософию, проникнутую самым что ни на есть христианским духом и жизнеутверждающей человечностью.

В третьем, ноябрьском, номере, будет напечатана моя статья «Эзотерический характер евангелий»*, в которой я отстаиваю учение Христа, прославляя, как обычно, его истинное учение, а не искаженное папизмом и протестантизмом. Я (то есть мы, теософы), конечно же, буду разоблачать любое подобное фарисейство, любые суеверия такого рода. Я не пощажу ни католицизма, облачившего учение Христа в ненужную мишуру и пустую обрядность, ни

протестантизма, который в пылу борьбы против папского своеволия и тщеславия католического духовенства ободрал древо истины, сорвав с него не только пустоцветы, привитые папством, но и лишив его всех здоровых цветов и плодов. Мы намерены, не скрою, задать жару фанатизму, фарисейству, ожесточенному материализму, но эти газетчики выбрали не то слово, окрестив наши устремления «буддизмом».

Впрочем, хоть горшком назови, только в печь не сажай. Люди меня называют «язычницей», да и сама я, должна признать, зову себя так же. Я просто не в силах выслушивать рассказы о том, как несчастных индусов или буддистов обращают в англиканское фарисейство или в христианство папского толка; от этого меня просто дрожь пробирает. Но когда я слышу о распространении русского православия в Японии, сердце мое ликует. Объясни это, если сумеешь. Меня тошнит от одного вида иностранного клерикала, но привычный облик русского попа я выношу без всяких усилий...

Я наврала тебе тогда, в Париже, когда заявила, что не желаю идти в нашу церковь; мне было стыдно признаться, что я побывала там перед твоим приездом и стояла там, разинув рот, словно перед своей родной матушкой, которую не видела долгие годы и которая меня уже просто не узнает!.. Я не верю ни в какие догмы, мне противен любой ритуал, но к нашей православной церковной службе я испытываю совсем иные чувства. Возможно, мозгам моим не хватает седьмого винтика... Наверное, это у меня в крови... Я не устану утверждать: к учению Христа в тысячу раз ближе буддизм — совершенно гармонирующее с ним чисто нравственное учение, нежели современные католичество и протестантизм. Но сравнивать буддизм с верой русской церкви я не возьмусь. Ничего не могу с собою поделывать. Такова уж моя глупая, противоречивая натура.

В мае 1888 года г-жа Желиховская лишилась сына. Е.П.Блаватская переживала горе сестры со всею присущей ей остротою и страстностью, о чем свидетельствуют следующие фрагменты ее писем:

...в загородной местности, всем вам незнакомой, ты, быть может, испытаешь некоторое облегчение. Приезжай, милая. Приезжайте все вместе, дорогие мои... У тебя будет отдельная комната, а еще у нас есть свой сад, дивный тенистый садик, и в нем распевают птицы, совсем как в деревне. Тебе будет уютно, и бедных девочек это хоть чуть-чуть, насколько это возможно, отвлечет... Вот и Смирнов тебе пишет то же самое, советует приехать. Он вас всех так любит... Он только что был у меня в гостях. Он — единственный человек, с которым я могу говорить о тебе как с близким другом. Ради Бога, настройся! Приезжай!.. Постарайся не передумать. Надежда увидеться с тобою вдохнула в меня новую жизнь. Это моя первая радость, мой первый лучик света в этой тьме горя и страданий, моих *одиноких* страданий, моих несказанных страданий по тебе!.. Приезжай, милая...

Е.П.Б. определенно обладала великой верой в бессмертную природу человека, которая была равносильна знанию, и, несомненно, она сумела бы воспользоваться своим нравственным влиянием, чтобы утешить сестру. Но еще лучше это удавалось ее доброму сердцу, и она пыталась утешить своих близких простыми словами о незнакомых им окрестностях, о своем садике и поющих в нем птицах — словами, простыми, как и первые приступы боли скорбящего сердца сестры.

Поздней осенью 1888 года между письмами Елены Петровны сестре возникла значительная пауза, в связи с чем г-жа Желиховская проявила нетерпение и написала письмо, укоризненно спрашивая сестру, чем это она так занята, что не в состоянии выкроить свободную минутку для письма. Е.П.Блаватская ответила:

Друг мой, сестра моя! Твой безрассудный вопрос «чем это я так занята?» обрушился на нас подобно бомбе, начиненной наивным неведением относительно активной жизнедеятельности теософа. Прочитав его, я стала переводить вашего Козьму Пруткова на язык Шекспира, и, как только я его перевела, Берт., Арч., Райт, Мид и весь остальной мой домашний персонал тут же свалился без чувств, сраженный наповал твоим столь бесчестящим нас вопросом «чем это я так занята?»

Это я-то? Да вот что я тебе скажу: если и была когда-либо на свете столь обремененная работой жертва, так это твоя сестра. Возьми же на себя тяжкий труд пересчитать все мои занятия, о ты, бессердечная Зоила*. Каждый месяц я пишу от сорока до пятидесяти страниц «эзотерических инструкций»* по тайным наукам, не подлежащих публикации. Пять-шесть добровольцев-мучеников из числа моих эзотериков должны рисовать, чертить, писать и литографировать по ночам до 320 экземпляров этих инструкций, которые мне необходимо

просмотреть, исправить, сравнить и откорректировать, чтобы не закрались ошибки и мою оккультную информацию нельзя было посрамить.

Ты только представь себе все это! У меня берут уроки седовласые ученые каббалисты и посвященные масоны... Далее, на мне целиком лежит издание журнала «Lucifer», от передовицы и некоторых других мало-мальски живых статей для каждого номера до вычитки гранок. Далее, моя дорогая графиня д'Адемар присылает мне «La Revue Theosophique», и я не могу отказать ей в помощи. Далее, я должна чем-то питаться, как и любой другой человек, а это значит, что мне нужно писать еще статьи, дабы заработать себе на хлеб насущный. Далее, официальные приемы, еженедельные собрания, сопровождающиеся учеными дискуссиями, когда за спиной у меня сидит стенографист, а иногда еще и два-три репортера по углам, — все это, как ты легко можешь догадаться, занимает некоторое время.

Я должна специально готовиться к каждому четвергу, изучая материалы, ибо люди, которые сюда приходят, — это не какие-то там невежды с улицы, а такие персоны, как электротехник К., доктор Уильям Б. и натуралист К.Б. Я должна быть готовой отстаивать учение оккультизма в борьбе с адептами прикладных наук, и поэтому доклады, зафиксированные стенографистом, печатаются, причем без корректуры, в нашем новом ежемесячном издании под названием «Протоколы Ложи Блаватской». Уже одно это — услуги стенографиста и типографские работы — влетает нашим теософам в 40 фунтов каждый месяц...

Со времени твоего отъезда они тут все с ума посходили: так сорят деньгами, что у меня волосы дыбом встают... Видишь ли, они разослали тут циркулярное письмо теософам всего света: «Е.П.Б., — заявляют они, — стара и больна, Е.П.Б. недолго еще пробудет с нами. А если Е.П.Б. умрет, тогда ведь мы ни с чем останемся. Некому будет учить нас хорошим манерам и тайной мудрости. Так давайте организуем сбор подписных взносов в фонд расходов...» и т.д. и т.п. И вот они организовали сбор подписных взносов, а теперь тратят деньги. А «Е.П.Б.» все трудится, протирая локти до дыр, трудится за всех и всех их учит. Излишне говорить, что за такого рода обучение я не могу принять ни гроша. «Денежки ваши пропадут вместе с вами, если вы рассчитывали купить за деньги милость Божью», — повторяю я каждому, кто воображает, будто сможет Божественную мудрость многих столетий приобрести за фунты и шиллинги.

Следующие два письма показывают, насколько широко была открыта Е.П.Блаватская для новых впечатлений даже на склоне лет. Первое письмо прислано из Фонтенбло, второе — с острова Джерси, куда ее увезла г-жа Кэндлер летом 1889 года, менее чем за два года до смерти Е.П.Б. Оба письма адресованы г-же Фадеевой.

Восхитительный воздух, насквозь пропитанный смолистым ароматом сосновой рощи и прогретый солнцем, упоительный воздух, на котором я провожу дни напролет, въезжая в прелестный парк, оживил меня, вернув мне давно утраченные силы. Представьте себе, вчера из Лондона приехали проведать меня несколько теософов, и вот мы все вместе отправились смотреть замок. Из пятидесяти восьми парадных залов этого дворца сорок пять я обошла своими ногами — *собственными ногами, а не взятыми напрокат у друзей!!!*

Вот уже лет пять я столько не гуляла! Я поднималась по парадным ступеням, с которых Наполеон I прощался со своими гвардейцами; я обследовала покои несчастной Мари-Антуанетты, ее спальню и подушки, на которых покоилась ее обреченная голова; я любовалась танцевальным залом, *galerie de Francois I³⁷*, и покоем «юных дам» Габриэллы д'Эстре и Дианы де Пуатье, и покоем самой госпожи де Мантенон, и бархатной колыбелью *le petit roi de Rome³⁸*, сплошь изъеденной молью, и еще много чем. Гобелены, севрский фарфор и кое-какие картины — все это совершеннейшее чудо!.. Но больше всего мне пришлось по душе вышитые шелком картины *par demoiselles de St. Cyr³⁹*, подаренные г-же де Мантенон.

Я ужасно горжусь тем, что сама обошла весь дворец. Подумать только, с того времени, как вы гостили в Вюрцбурге, я почти лишилась ног, а сейчас, как видите, совершенно спокойно разгуливаю... Но какие деревья в этом *doyen de forets⁴⁰*! Никогда не забуду этот чудный лес. Дубы-великаны и сосны, и все носят исторические имена. Тут можно увидеть дубы Мольера,

¹³⁷ галереей Франциска I (франц.).

¹³⁸ маленького римского короля (франц.).

¹³⁹ барышень из Сен-Сир (франц.).

¹⁴⁰ старейшине лесов (франц.).

Ришелье, Монтестье, Мазарини, Беранже. А еще дуб Генриха III и два семисотлетних дерева *des deux freres Faramonds*¹⁴¹. Я просто жила в этом лесу целыми днями. Меня привозили сюда в кресле на колесах или в ландо*. Здесь так восхитительно, что у меня даже не возникало ни малейшего желания посмотреть выставку...

Затем с острова Джерси:

Ну вот, мой старый друг, я и выкроила минутку в перерыве между трудами, которые навалились на меня после вялости и праздности Фонтенбло, и пишу вам прямо в постели, хотя и чувствую себя просто прекрасно. Доктор прописал мне постельный режим для профилактики, ибо в последнее время колени у меня стали немного побаливать. Меня привезла сюда г-жа Ида Кэндлер, моя американская подруга, дабы я могла хоть немного подышать морским воздухом. Дом стоит почти вплотную к морю, прямо от крыльца начинается песок пляжа... С трех сторон дом утопает в деревьях и цветах. Камелии и розы, прямо как в Италии!..

Красивый остров, и такой забавный. У них тут свое правительство; власть Англии признают лишь номинально, в основном ради пущей помпезности. Чеканят свою монету и по-своему соблюдают древние норманнские* законы. Например, когда кто-либо занят поимкой вора или просто собирается справедливо заехать кому-либо по уху, то он обязан, прежде чем осуществить свое намерение, воскликнуть: «*Haro! Oh, Rollo, mon prince et mon seigneur!*»¹⁴² В противном случае он рискует сам схлопотать по физиономии. Этот самый «Ролло» — один из первых норманнских князей, великан и герой, отвоевавший остров у друидов*. Островитяне изъясняются на занятой разновидности французского языка, но жутко обижаются, если назвать их французами или англичанами. «Я — джерсиец, и больше никто!» — заявляют они...

XIII

Англия (1890)

В феврале 1890 года Елена Петровна пишет г-же Желиховской:

Как видишь, я в Брайтоне, на морском побережье, куда меня направили врачи вдыхать океанические испарения Гольфстрима, дабы излечиться от полного нервного истощения. Меня беспокоит не боль, а учащенное сердцебиение да звон в ушах — я почти оглохла; и еще слабость, такая слабость, что я едва способна руку поднять. Мне запрещено читать, писать и даже думать; я обязана лишь дни напролет проводить на свежем воздухе — «ждать у моря погоды». Мой доктор и сам перепугался, и перепугал весь персонал.

Это жутко дорогое место, а мои денежки — плакали! Поэтому мои эзотерики «пустили шапку по кругу», живо наскребли нужную сумму и убедили меня поехать сюда. И теперь со всех концов света мне поступают денежные субсидии на лечение, некоторые переводы даже не подписаны — просто на мое имя. Америка проявляет такую щедрость, что, честное слово, мне даже стыдно. Допускаю, что я им «нужна», как они и сами мне повторяют раз по двадцать на дню, но все-таки зачем же так тратиться? Они держат меня в такой роскоши, словно я какой-нибудь идол, и не принимают моих протестов.

Время от времени из Лондона наезжают по два-три теософа и дежурят посменно возле меня, следя за каждым моим движением, аки церберы. Вот и сейчас один из них просунул голову в окошко и слезно просит перестать писать. Но должна же я сообщить тебе, что я пока еще жива. Ты же бывала в Брайтоне, правда? У нас тут очаровательная весенняя погода, солнце просто итальянское, воздух густой, насыщенный, море блестит, словно зеркало, и меня целыми днями катают туда-сюда по эспланаде* в инвалидной коляске. Это прелестно.

Думаю, я уже достаточно окрепла. Мозгами шевелю гораздо меньше, но раньше я вообще

¹⁴¹ двух братьев Фарамон (франц.).

¹⁴² «Ату его! О Ролло, мой князь и мой сеньор!» (франц.)

просто боялась за свою голову. Мой врач сказал... истощение мозга и нервная прострация. «Вы перетрудились, — говорит, — вы обязаны дать себе отдохнуть». Вот это да! И это при том, что у меня на руках столько работы! «Вы уже написали все, что можно, — говорит, — пора и честь знать».

Ему легко говорить, а между тем я все равно должна привести в порядок третий том «[Тайной] Доктрины», а четвертый вообще едва начат. Хотя и вправду при моей нынешней слабости у меня все еще трясется голова и в сон клонит. Но все равно не бойся. Опасность миновала. Черпай утешение в газетных вырезках, приложенных к письму. Видишь, как славят народы твою сестру! Мой «Ключ к теософии»* завоеует множество новых прозелитов*, а «Голос Безмолвия»*², при том, что это крошечная книжка, становится Библией теософов.

Это великие афоризмы. Я могу так говорить, ибо ты знаешь, что это не я их сочинила! Я лишь перевела их с телугу, старейшего южноиндийского наречия. Там три трактата, посвященных нравственности: этические принципы монгольских и дравидских мистиков. Некоторые из афоризмов просто удивительно глубоки и прекрасны. Здесь они произвели настоящий *фурор*; думаю, и в России они привлекли бы внимание публики. Не хочешь ли заняться их переводом? Это было бы прекрасное занятие.

Морской воздух благотворно сказался на здоровье Е.П.Б., но окрепло оно ненадолго. Не далее как в апреле ей снова запретили работать, и воздержание от трудов было для нее сущей пыткой, поскольку с убыванием физических сил ее умственная активность, казалось, только возрастает. Она знала, что времени у нее остается совсем мало, и все же ей приходилось целыми днями лежать в постели, не занимаясь абсолютно ничем. Она писала сестре:

И все же есть у меня одно утешение: мои теософы не жалеют на меня ни сил, ни времени, ни денег. Прежде я полагала, что они без меня ни на что не способны, вообразили меня кладезем мудрости и носятся со мною, как с диковинной заморской драгоценностью. А теперь вижу, что ошибалась: многие из них просто любят меня, словно мать родную. Например, г-жа Кэндлер; ее не назовешь убежденным теософом, и тем не менее она провела все прошлое лето, ухаживая за мною, а вот теперь снова в письме просит заранее определиться с тем местом, где меня потянет отдохнуть, и желает лично возить меня в любые уголки, как следует закутав.

Но я никуда не поеду. Я хочу повидаться с тобою, Вера, с тобою и с твоими детьми... Они не могут надолго задерживаться в России; ты вольна поступать как хочешь, так что вместо деревни вы могли бы приехать сюда ко мне, все вместе... Или ты, быть может, предпочтешь провести лето не в Англии, а в Стокгольме, у моря. Seriously, мои шведские теософы очень настаивают на том, чтобы я к ним приехала; один из них даже предлагает в мое распоряжение целую виллу с парком и яхтой для прогулок по бухте...

Но я думаю, что мы могли бы прекрасно устроиться и в Лондоне. Наше новое здание, теософская Штаб-квартира, находится прямо в Риджентс-парке, возле Зоологического сада. Работать мне сейчас запрещают, но все равно я жутко занята переездом из одного конца Лондона в другой. Мы приобрели на несколько лет три отдельных здания, примыкающих к парку, по адресу Авеню Роуд, 19, с правом на застройку. Поэтому я строю лекционный зал, способный вместить триста человек; зал будет выдержан в восточном стиле и отделан полированным деревом. А один из наших теософов, художник по профессии, собирается расписать стены аллегорическими знаками и картинами. О, это будет дивно!

Е.П.Блаватская радовалась, как ребенок, всем этим новым начинаниям и приобретениям, и все же у нее было предчувствие, что ей суждено умереть в этом новом здании, и она рассказала об этом сестре.

Следующее письмо Елены Петровны, датированное июлем, описывает открытие ее нового лекционного зала.

На одном конце зала поместили огромное кресло, и я восседала в нем, как на троне. Я сидела, будучи едва в состоянии хоть как-то собраться с силами, так была больна, и под боком, на случай, если мне вдруг станет дурно, находился врач.

Зал чудесный, но в него набилось пятьсот человек, почти в два раза больше того количества, на которое он рассчитан... И представь себе мое изумление: в первом ряду я заметила г-жу Бенсон — супругу архиепископа Кентерберийского, которому мой «Lucifer»

адресовал «братское послание»*. Надеюсь, ты это помнишь? До чего мы дожили!

Речи произносили Синнетт и другие, но нечего и говорить, что никто не сумел высказаться лучше Анни Безант. Боже, как говорила эта женщина! Она теперь мой соредатор и президент «Ложы Блаватской». Синнетт остается президентом одной лишь Лондонской Ложы.

Что же до меня, то я теперь самый что ни на есть теософский папа: меня единодушно избрали президентом всех европейских теософских филиалов. Но что мне с того?.. Побольше бы здоровья — вот это было бы дело. А почести и титулы — это совсем не по мне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Страницы указаны согласно печатному изданию.

ИЗ ПИСЕМ 1875 г. Два письма Г.С.Олькотту

Письмо 1

Оригинал письма, написанного Е.П.Блаватской полковнику Г.С.Олькотту в 1875 г., хранится в Адьяре.

Как известно, Е.П.Блаватская отправилась в Нью-Йорк по приказу своего Учителя и на протяжении всего пребывания там постоянно поддерживала контакт с некоторыми из Учителей. Поначалу детальное руководство ее работой осуществлялось под наблюдением Египетских Братьев, которых возглавлял адепт по имени Серапис Бей. С ним взаимодействовал еще один адепт, Туитит Бей, упоминаемый в настоящем письме. Первый из них и является тем вышеназванным «руководителем», на которого ссылается Е.П.Блаватская. Несколько писем от адепта Сераписа Бея, хранящихся в архивах Адьяра, опубликованы в книге: Письма Мастеров Мудрости (1870—1888). — М.: Сфера, 1997.

Олькотт Генри Стил (1832—1907) — американский журналист, издатель, адвокат, один из основателей и первый президент Теософского Общества.

Стр. 9. *Луксор* — город в Египте.

Эллора — система выдолбленных в скалах пещер в 10 милях к северу от Давлатабада и в 225 милях к северо-западу от Бомбея. Эллора до сих пор является «тирхой» — местом паломничества, хотя и лишилась уже былой славы оккультного центра. «В сезон дождей у подножия скалы возникает стремительный поток, который низвергается водопадом, так что паломники могут пройти по уступу скалы позади него и искупаться в обрушивающихся сверху струях, считая, что это священный поток Ганги, ниспадающий с чела великого божества. На протяжении более мили прямо в отвесной скале высечены монастыри и храмы, где молятся последователи самых разных культов; древнейшим из этих сооружений является буддийская ступа Висвакармы». (Havell E.B. A Handbook of Indian Art, p. 79.)

Стр. 10. *Джон* — это дух по имени «Джон Кинг». На заре спиритуализма под этим именем, вероятно, выступало несколько различных сущностей. Г.С.Олькотт в «Листах старого дневника» (Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I, Chapter 1. — Adyar: TPH, 1974) отмечает, что впервые о Джоне Кинге заговорили в 1850 г. Согласно Олькотту, Джонов Кингов было трое: 1) «простенький чистый элементал, которого использовала для своих феноменов Е.П.Б., несомненный специалист по чудесам»; 2) «скитающийся по земле дух сэра Генри Моргана, знаменитого пирата»; 3) «посланник и слуга ныне живущих адептов, но никак не одного с ними ранга». Именно этот третий Джон Кинг и упоминается в письмах Учителя. Подробное описание Джона Кинга содержится в письмах Е.П.Блаватской генералу Ф.Липпитту.

A priori (лат.) — «из предыдущего», то есть на основании ранее известного; в логике — умозаключение, основанное на общих положениях, принимаемых за истинные.

Дерзайте. — Особенностью писем Сераписа Бея Г.С.Олькотту является частый призыв «Дерзайте».

...физические страдания, на которые я обречена из-за своей ноги... — Г.С.Олькотт в «Листах старого дневника» (Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I. — Adyar: TPH, 1974. P. 57) рассказывает: «В июне она тяжело заболела из-за ушиба колена, который получила прошлой зимой в Нью-Йорке при падении на вымощенный булыжником тротуар, что привело к сильному воспалению надкостницы и частичному омертвлению тканей ноги». Однако сама Е.П.Блаватская в письме генералу Ф.Липпитту, полученном им 13 февраля 1875 г., описывает это происшествие иначе: «В момент получения вашего письма я была фактически *прикована к постели* после того, как чуть не сломала ногу, пытаюсь передвинуть тяжелый каркас кровати, который обрушился на меня и сбил с ног». Последствия несчастного случая сказывались в течение нескольких месяцев, и о них упоминается в некоторых последующих письмах Е.П.Блаватской.

Стр. 11. *Чайлд* — д-р Генри Чайлд, представший перед американской публикой в январе 1875 г. как разоблачитель пары американских медиумов — г-на и г-жи Холмс. Однако Е.П.Блаватская и Г.С.Олькотт получили от Учителей указания о том, что необходимо разоблачить самого Чайлда как

«бывшего компаньона и импресарио» четы Холмсов. (Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I. — Adyar: TPH, 1974. P. 70.) В Альбоме для вырезок Е.П.Блаватской записано: «Д-р Чайлд был *сообщником* Холмсов. Он получал деньги от их сеансов. Он негодяй».

Олден — по-видимому, У.Л.Олден, в то время сотрудник редакции «New York Times» (см. в кн.: Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I. — Adyar: TPH, 1974. P. 123), один из шестнадцати основателей Общества. Из одной статьи за подписью Е.П.Блаватской известен и точный адрес: Джирард-стрит, дом № 1111.

Неофит (греч.) — начинающий, готовящийся к посвящению, кандидат на посвящение в мистерию.

Письмо 2

Об этом письме Е.П.Блаватской полковнику Г.С.Олькотту К.Джинараджадаса сообщает, что оно является первым из тех, что ему удалось найти, когда он пытался «дать общее представление о том учении, которое Египетское Братство хотело явить миру через эту женщину». Немного раньше, в выпуске «Spiritual Scientist» за 29 апреля 1875 г., уже был опубликован циркуляр «Памятка спиритуалистам», воспроизведенный в «Золотой книге Теософского Общества» (The Golden Book of the Theosophical Society: A Brief History of the Society's Growth from 1875—1925. Под ред. С. Jinarajadasa. — Adyar: TPH, 1925). А 15 июля 1875 г. Е.П.Блаватская опубликовала статью «Несколько вопросов к "HIRAF'у", автору статьи "Розенкрейцерство"». (Русский перевод этой статьи под названием «Оккультизм, или Магия» см. в кн.: Е.П.Блаватская. В поисках оккультизма. — М.: Сфера, 1996. С. 53.), которую охарактеризовала следующим образом: «Мой первый **оккультный** выстрел. Написано Е.П.Б. по срочному указанию С[ераписа]».

Стр. 13. *Паралич все-таки наступил.* — Е.П.Блаватская повредила колено, по-видимому, в самом начале февраля, поскольку она упоминает об этом в письме генералу Ф.Дж.Липпиту от 13 февраля 1875 г. Колено не заживало в течение многих месяцев.

...хирург Пэнкоуст — доктор Пэнкоуст, один из двух вице-президентов Теософского Общества сразу после его основания.

Ложа... — Египетская Ложа, во главе которой стоял Учитель Серапис, в тот период руководила работой Е.П.Блаватской.

...первую из цикла статей... — Скорее всего, имеется в виду статья, написанная в качестве ответа «HIRAF'у» — Мильтоновскому литературному обществу, название которого является аббревиатурой, составленной из первых букв имен пяти мильтоновцев: Хинрикс, Ивинс, Робинсон, Адамс, Фейлз. (См. об этом в кн.: Е.П.Блаватская. В поисках оккультизма. — М.: Сфера, 1996. С. 382-388).

Розенкрейцеры — члены тайных, преимущественно мистических обществ в XVII—XVIII вв. в Германии, России, Нидерландах и некоторых других странах. Названы по имени легендарного основателя общества Христиана Розенкрейца, якобы жившего в XIV—XV вв., или по эмблеме розенкрейцеров — розе и кресту. Орден розенкрейцеров ставил своей целью «реформацию всего мира, приведение человечества к истинной философии, которую познал Адам после своего падения и которой следовали Моисей и Соломон». В учении и деятельности розенкрейцеров большое место занимали идеи нравственного самоусовершенствования и оккультные науки: магия, каббалистика, алхимия. Исторические корни розенкрейцерства восходят к египетским мистериям и имеют продолжение в масонской традиции.

Стр. 14. *Сефироты* (евр.) — десять эманаций Божества, каждая из которых представляет в каббале группу возвышенных идей, титулов и качеств.

Эйн Соф (евр. — безграничный, беспредельный) — абсолютный божественный принцип; в каббалистике божество эманлирующее и распространяющееся, не имеющее ни формы, ни существования, ни подобия, ни имени, «Ничто».

Стр. 16. *Роберт Мор* — один из подписавших письмо от Луксорского Братства, опубликованное в кн.: Письма Мастеров Мудрости (1870—1888). — М.: Сфера, 1997. С. 114.

Джон — см. примечание к стр. 10.

Стр. 17. *Туитит Бей* — адепт Луксорского Братства, который в конце данного письма заверяет его своей подписью.

Стр. 18. *Элементалы* — духи стихий, существа, являющиеся силами природы и развивающиеся в четырех царствах, или стихиях: в земле, воздухе, огне и воде.

Джинны (араб. — духи) — элементалы, духи природы. Согласно Корану, джинн — фантастическое существо из «чистого» (бездымного) огня, сотворенное Аллахом. В оккультных науках мусульманского средневековья подчинение джиннов воле человека считалось важнейшей проблемой.

...письмо бедолаги Брауна... — Элбридж Джерри Браун, издатель бостонского журнала «Spiritual Scientist».

Стр. 19. *Вагнер Николай Петрович* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Бутлеров Александр Михайлович — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 19. *Аксаков Александр Николаевич* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Героические женщины

Заметка «Героические женщины» из газеты «New York Mercury» за 18 января 1875 г., заимствованная из Альбома для вырезок Е.П.Блаватской № 1, написана неким американским репортером, явно слепившим разрозненные факты в расчете на сенсацию. Следующая за нею «Открытка от графини Блаватской» — предположительно, из воскресного выпуска той же газеты.

Наклеив вырезки в альбом, Е.П.Блаватская сделала на полях пометки чернилами, и сегодня интерес для нас представляют именно они. Ее комментарии на полях приведены в виде сносок.

В письмах Е.П.Блаватской того же периода, адресованных генералу Ф.Липпиту, встречаются ссылки на судебный процесс, упомянутый во второй заметке.

Стр. 21. *Уоллес Алфред Рассел* (1823—1913) — английский натуралист-естествоиспытатель, один из основоположников зоогеографии, одновременно с Ч.Дарвином и независимо от него пришедший к идее естественного отбора и его роли в эволюции. В 1860-х гг. Уоллес проникся идеями спиритуализма и пришел к выводу, что духовная и «животная» стороны человека имеют разное происхождение. Новые воззрения воздействовали на его трактовку естественного отбора и происхождения человека.

...любого из этих п—х... — возможно, поганых. В английском оригинале рукой Е.П.Блаватской написано «d—d».

Открытка от графини Блаватской

Стр. 22. Слово «*графиня*» Е.П.Б. вычеркнула чернилами.

Слова «*за последние двенадцать лет*» зачеркнуты, и сбоку на полях приписано «с тех пор».

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛУ Ф.ЛИППИТУ

(1875—1881)

Письмо 1

На обороте конверта рукой Ф.Дж.Липпитта написано: «От госпожи Блаватской, 13 февраля 1875 г.»

Стр. 27. «*Banner of Light*» («Знамя Света») — спиритуалистический журнал, издававшийся в Бостоне в 1857—1907 гг.

Стр. 28. ...*представить Чайлда в истинном свете...* — В первом послании, полученном Г.С.Олькоттом в 1875 г. от Луксорского Братства из Египта и подписанном адептом Сераписом и еще тремя адептами, говорится следующее: «*Мы желаем, брат, чтобы с твоей помощью был наказан человек по имени Чайлд. Дерзай!*» (См. в кн.: Письма Мастеров Мудрости. 1870—1888. — М.: Сфера, 1997. С. 114.)

Доктор Генри Т.Чайлд предстал перед американской публикой в январе 1875 г. как разоблачитель двух американских медиумов — г-на и г-жи Холмс. Е.П.Блаватская и Г.С.Олькотт получили указания о необходимости разоблачения самого Чайлда как их «бывшего партнера и импресарио». Олькотт добросовестно выполнил это указание в книге «Люди с того света» (Olcott H.S. *People from the Other World*. — Hartford, 1875).

Е.П.Блаватская в своем Альбоме для вырезок пишет: «Чайлд был сообщником. Он присвоил деньги за сеанс.....лмсов. Он не...» (последнее слово может означать негодяй). В другом месте она добавляет: «Мне было приказано разоблачить д-ра Чайлда. Что я и сделала. Он — лицемер, лжец и обманщик». (О событиях и лицах истории, связанной с д-ром Чайлдом, см. статьи Е.П.Блаватской «Филадельфийское “Фиаско”, или Кто есть кто?» и «Кто фальсифицирует?», а также Приложение 3, «Дело Холмсов», в кн.: Е.П.Блаватская. В поисках оккультизма. — М.: Сфера, 1996.)

Письмо 2

На обороте написано: «От госпожи Блаватской, 22 февраля 1875 г.»

Стр. 30. *Роберт Дейл Оуэн* — ведущий спиритуалист Америки. (См. раздел Краткие биографические очерки.)

Стр. 31. *Колби* — издатель спиритуалистического журнала «Banner of Light» («Знамя Света»), издававшегося в Бостоне в 1857—1907 гг.

Баярд — Пьер Террай сеньор де Баярд (Байярд, ок. 1473—1524) — прославленный французский рыцарь, известный как «Рыцарь без страха и упрека» (*chevalier sans peur et sans reproche*), воспетый в легендах и в многочисленных произведениях литературы и искусства.

Готфрид Бульонский (1060—1100) — герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей Первого крестового похода на Восток (1096—1099), первый правитель (с 1099 г.) Иерусалимского королевства.

Письмо 3

Генерал Липпитт сделал на письме пометку о том, что оно было получено 9 марта 1875 г.

Письма Е.П.Блаватской, написанные с марта по июнь 1875 г. генералу Ф.Липпитту, интересны тем, что дают некоторое представление о жизни Е.П.Б. до основания Теософского Общества, а также тем, что содержат описание Джона Кинга.

Джон Кинг, широко известный в кругах спиритуалистов, утверждал, что он является духом знаменитого пирата — сэра Генри Моргана. Джинараджадаса сообщает: «Джон Кинг отчасти руководил манифестациями на спиритических сеансах в семидесятые и восьмидесятые годы. Он определенно обладал необычной для рядового духа властью над силами астрального мира, и вызываемые им феномены всегда бывали весьма интересны. Его облик в моменты материализации соответствовал нарисованному им самим автопортрету... Энергичный, грубовато-простодушный, с громким командным голосом, Джон, появляясь на спиритических сеансах, всегда вносил в них немалое оживление и умел призвать к порядку всех строптивых духов. Из писем Учителя С[ераписа] полковнику Олькотту и упоминаний Е.П.Б. можно заключить, что Джона Кинга допустили к членству в Египетском Братстве на одной из его низших ступеней, и Братство нередко использовало этого духа в качестве посланника. Я полагаю, что настоящий Джон Кинг вскоре после того как в спиритизме прошел период мощных физических манифестаций, отправился куда-то в иные сферы, а его место поочередно стали занимать другие духи, принимавшие его облик, голос и прочие внешние характеристики. Возможно, один из таких «Джонов Кингов» до сих пор появляется на спиритических сеансах».

Стр. 34. *Ad libitum* (лат.) — по желанию, по своему усмотрению, сколько угодно.

Диака — призрак, оболочка, фантом из кама-локи; «это один из тех, кому доставляет безумную радость *разыгрывание ролей*, выкидывание *трюков* по части *олицетворения* персонажей противоположного характера». Такое определение этому духу дает Эндрю Джексон Дэвис — выдающийся американский ясновидящий. (См. в кн: Е.П.Блаватская. Разоблаченная Изида. — Москва—Минск: Сфера—Лотаць, 2000. Т. I, с. 257.)

Стр. 35. *Мамлер* и *Хезелтон* — по-видимому, фотографы, которые занимались спиритической фотографией, делая снимки духов.

Страна вечного лета (англ. Summer Land) — название, данное американскими спиритуалистами и феноменалистами стране или области, где живут «духи» после смерти.

Стр. 36. *...вы не слышали свидетельств [...]* — Имя в письме написано неразборчиво.

Письмо 4

Стр. 37. *Ярд* (англ. yard) — единица длины в системе английских мер; 1 ярд=3 футам=0,9144 м.

Стр. 38. *Корсон Хирам* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письмо 5

Почтовая открытка, на штемпеле обозначена дата: 3 апреля 1875 г.

Письмо 6

Генерал Ф.Липпитт написал на письме, что оно было получено им 9 марта 1875 г.

Стр. 42. *Уильям Стейнтон Моузес* — см. раздел Краткие биографические очерки.

...отвратительном религ[иозно]-фил[ософском] журнале... — подразумевается «The Religio-Philosophical Journal», издававшийся в Чикаго в 1865—1895 гг.

Стр. 43. *Евсевий Кесарийский* (Евсевий Памфил, ок. 263—339) — римский церковный писатель и историк, епископ Кесарии Палестинской с 311 г. Одним из первых среди христианских авторов сделал

попытку согласовать достижения античной науки с интересами церкви. Сочинения: «Церковная история» (история христианства до 324 г.), «Житие императора Константина» (панегирик императору).

Письмо 7

Стр. 46. «*A la Cuvier*» — «как Кювье» (франц.).

Кювье Жорж (1769—1832) — знаменитый французский зоолог, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных. Ввел понятие типа в зоологии. Установил принцип «корреляции органов», на основе которого реконструировал строение многих вымерших животных. Не признавал изменчивости видов, объясняя смену ископаемых флор и фаун так называемой теорией катастроф. Сочинения: Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара. — М.—Л., 1937.

Мормоны («Святые последнего дня») — члены религиозной секты, основанной в США в первой половине XIX в. Дж.Смитом, который опубликовал в 1830 г. «Книгу Мормона» (якобы запись таинственных писем израильского пророка Мормона, переселившегося в Америку) — главный источник верования, включающего положения иудаизма, христианства и других религий. В 1848 г. община мормонов основала в штате Юта государство мормонов — теократическое государство по типу Древнего Израиля. Мормоны проповедовали и практиковали многоженство.

Булвер-Литтон Эдуард (1803—1873) — английский писатель-романист, драматург и политик, барон. Автор знаменитого мистического романа «Занони».

Стр. 47. *Тор* (сканд. «грометь») — в германо-скандинавской мифологии сын Одина и Фрейи, бог грома, бури и плодородия, владыка всех стихийных духов, богатырь, защищающий богов и людей от великанов и страшных чудовищ (в том числе мирового змея). Оружие Тора — его боевой метательный молот Мьёлльнир, возвращающийся к владельцу, которым он и побивает ётунов (великанов).

Письмо 8

На обороте написано: «От г-жи Блаватской, апрель 1875 г.»

Стр. 50. *Эпиктет* (ок. 50—ок. 140) — греческий философ-стоик. Был рабом одного из фаворитов Нерона, позднее отпущен на волю. Философские проповеди Эпиктета сохранились в записи его ученика Флавия Арриана.

Письмо 9

На обороте написано: «От госпожи Блаватской, около 1-3 мая 1875 г.»

Письмо 10

Стр. 57. *Г-н Б.* — Михаил Бетанелли, второй муж Е.П.Блаватской. О втором браке Блаватской подробно рассказывает Г.С.Олькотт в «Листах старого дневника». (См. также письма от Учителя Сераписа в кн.: Письма Мастеров Мудрости. 1870—1888. — М.: Сфера, 1997. С.124-139.)

Стр. 61. *Deus ex machina* (лат.) — «Бог из машины». Драматургический прием античной трагедии: запутанная интрига получала неожиданное разрешение благодаря вмешательству бога, который при помощи механического приспособления («машины») внезапно появлялся на сцене, раскрывал неизвестные обстоятельства и предсказывал будущее.

Стр. 62. «*Клуб Чудес*» — в мае 1875 г. Г.С.Олькотт предпринял попытку организовать «частный исследовательский комитет» для изучения психических феноменов под названием «Клуб чудес». Этот проект не состоялся. В своем Альбоме для вырезок Е.П.Блаватская написала, что эта попытка была предпринята в связи с полученными в то время указаниями «начать рассказывать публике истину о феноменах и о производящих их медиумах». (О «Клубе Чудес» см. примечание К.Джинараджадасы в кн.: Письма Мастеров Мудрости. 1870—1888. — М.: Сфера, 1997. С. 115; Мэри К.Нэф. Личные мемуары Е.П.Блаватской. — М.: Сфера, 1993. Глава 34, с. 236; Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I. — Adyar: TPH, 1974. P. 25.)

Стр. 65. *И зачем было так честить... Ваш благожелатель.* — Приписка после постскриптума принадлежит Джону Кингу. Она сделана красным карандашом, и все слова в ней написаны заглавными буквами.

Письмо 11

Письмо 12

- Стр. 67. *Мистерии* (от греч. *misterion* — таинство, тайна) — тайные обряды древних религий, в которых участвовали только посвященные — мисты. В Древнем Египте существовали мистерии Изиды и Озириса; в Вавилоне — мистерии Таммуза; в Древней Греции — Элевсинские, Орфические, Самофракийские мистерии; в Древнем Риме — мистерии Вакха, Аттиса и др. Многие элементы древних мистерий были заимствованы христианством.
- Стр. 68. «*Kraft und Stoff*» (нем.) — «Сила и материя», один из главных философских трудов Людвиг Бюхнера (1824—1899), немецкого врача, естествоиспытателя и философа вульгарного материализма. Утверждая, что сознание есть зеркало природы, продукт высокоорганизованной материи — мозга, Бюхнер рассматривал духовное лишь как совокупность функций мозга. Сторонник социального дарвинизма, он провозглашал биологические принципы естественного отбора, борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных как определяющие факторы общественной жизни.
- Стр. 69. *Д.Бьюкенен* — френолог и психометрист, автор учебника по психометрии (*Manual of Psychometry: the Dawn of a New Civilization*), опубликованного в 1885 г. в Бостоне.
Психометрия (греч. — «измерение души») — чтение или видение внутренним зрением, способность человека, держа в руках предмет, рассказывать о людях и событиях, связанных с ним.

Письмо 13

Почтовая открытка с пометкой: «От госпожи Блаватской, 7 июля» написана по-французски. Вот ее подлинный текст:

Mon général!

Malheureusement, «l'homme propose et Dieu dispose». Je ne puis avoir plaisir de vous voir a Philadelphia. Je pars demain, Mercredi soir — ou dans la nuit. Je vais en mission, reparer le tort qu'a fait a la cause de spiritualisme ce coquin de Dr. Child en rendant fou ce pauvre vieux Owen. Enfin, ils auront un joli compte a rendre «upstairs» ces coquins la de Holmes et leur Barnum show. Je vous verrai a Boston, ou Olcott se trouve pour le moment. My love to your dear daughter.

Toute a vous
H.P.Blavatsky

Письмо 14

- Стр. 72. *Буду вам признательна...* — Приведенные в сноске слова Е.П.Блаватской приписаны красными чернилами в левом верхнем углу данного письма.
«*Mind and Matter*» — «Разум и материя».
- Стр. 74. *Бушель* — мера объема жидкостей и сыпучих веществ в системе английских мер. 1 бушель британский = 36,3687 дм³, 1 бушель США = 35,2393 дм³.
- Стр. 77. *Э.Дж.Дэвис* — Дэвис Эндрю Джексон, американский спиритуалист и ясновидец. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
Манифестация (лат.) — проявление, обнаружение.
- Стр. 79. *Элементарии* — развоплощенные души, которые при жизни на земле отделили от себя свой божественный дух и тем самым утеряли свой шанс на бессмертие. Отделившись от своих высших триад и тел, эти души остаются в своих камарупических оболочках и неодолимо притягиваются к земле, к элементам, родственным их грубым натурам.
- Стр. 81. *Пресвитерианство* (от греч. *presbyteros* — старейшина) — течение в кальвинизме, возникшее в период Реформации в Шотландии и Англии и представляющее умеренное крыло английских и шотландских пуритан; политическая партия в период Английской революции XVII в.

ПИСЬМА ПРОФЕССОРУ Х.КОРСОНУ (1875—1878)

Письмо 1

- Стр. 85. *Корсон Хирам* (1828—1911) — профессор английской литературы Корнеллского университета (Итака, США), один из лидеров спиритуализма в 1870-х гг. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
- Стр. 86. ...*тщательно расследовать тайну Кэти Кинг*. — См. об этом статьи Е.П.Блаватской «Филадельфийское “Фиаско”, или Кто есть кто?» и «Кто фальсифицирует?» в кн.: Е.П.Блаватская. В поисках Оккультизма. — М.: Сфера, 1996.
- Стр. 87. ...*три тысячи долларов, которые ему предложила У.М.С.А.* — ИМКА, Young Men's Christian Association, Организация молодых христиан США, религиозно-благотворительная организация.

Письмо 2

Письмо было отправлено в официальном конверте фирмы «Бетанелли и К^о» (Русско-американского общества комиссионных торговцев, Пенсильвания, Филадельфия). Само письмо не датировано, но на почтовом штемпеле значится 16 февраля, очевидно, 1875 г.

- Стр. 90. *Тиндаль Джон* (1820—1893) — английский физик, автор трудов по акустике, диамагнетизму, рассеянию света в мутных средах.

Уоллес Альфред Рассел — см. примечание к стр. 21.

Гадес (греч.) — царство мертвых, страна теней.

Рочестерские стуки — парапсихологические феномены, с 1848 г. сопровождавшие сестер Фокс, живших в американском городе Рочестер. Эти стуки положили начало распространению спиритизма.

Раймунд Луллий (ок. 1235—ок. 1315) — испанский философ-мистик, теолог, алхимик. Доказывал возможность полного слияния философии с теологией; основоположник и классик каталонской литературы, поэт-лирик. Францисканец, миссионер, проповедовал в Северной Африке. Автор около 300 сочинений. В труде «Великое искусство» высказал идею «логической машины» — устройства для выполнения логических операций, с помощью которого надеялся доказать все истины христианства, и сделал попытку ее реализации.

Пико делла Мирандола Джованни (1463—1494) — итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма. Стремился к всеобщему «примирению философов», считая все религиозные и философские школы частными проявлениями единой истины.

- Стр. 90. *Агриппа Неттесхеймский, Генрих Корнелий* (1468—1535) — знаменитый оккультный философ, теолог, ученый-естествоиспытатель, астролог, алхимик, врач и маг. Связал неоплатоническое и каббалистическое учения с магией и оккультизмом. Стремился к превращению магии в «естественную» науку, изучающую тайные силы, связующие элементы вселенной. Развил концепцию макрокосма и микрокосма. Поделил макрокосм на три мира, которые можно освоить при помощи особой магии: физической, астральной и религиозной. Рассматривая человека как микрокосм и «узел вселенной», выдвинул новую концепцию ученого-мага, управляющего стихиями. Самый известный труд — «Оккультная философия» (1533).

Роберт Фладд (1574—1637) — английский философ-герметист, признанный главой английских розенкрейцеров; выдвинул свою оккультно-космологическую систему, которая позднее легла в основу шотландского масонства.

Генри Мор (1614—1687) — английский философ и теолог, принадлежавший к кругу так называемых «кембриджских платоников», преподававших в Кембриджском университете, которые пытались использовать учение платонизма для обоснования христианской теологии. Его система мистического платонизма оказала влияние на Ньютоново определение пространства как «чувствилища Божества».

- Стр. 91. *Аллан Кардек* (псевдоним, настоящее имя Равель) — лидер французских спиритуалистов, создавший свою спиритическую школу. Е.П.Блаватская указывала, что спириты Франции отличаются от американских и английских спиритуалистов тем, что их «духи» учат перевоплощению.

Фламарион Камиль (1842—1925) — французский астроном. Исследовал Марс, Луну, двойные звезды, в 1887 г. основал Французское астрономическое общество; автор многих научно-популярных книг по астрономии.

Эндрю Джексон Дэвис — см. раздел Краткие биографические очерки.

«*Зогар*» (евр. «Книга Сияния») — трактат по каббалистической мистике.

Каббала (древнеевр. — «предание») — средневековое религиозно-мистическое учение, получившее распространение среди приверженцев иудаизма; соединило пантеистические построения неоплатонизма (учение об эманации и др.) и идеи гностицизма с иудейской традицией аллегорического толкования Библии. Окончательно оформилась в XIII веке. Так называемая практическая каббала (каббалистика) основана на вере в то, что при помощи специальных знаний и практических действий человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

Симон бен Йохай (Шимон бен Йохай) — раввин-адепт, которому предание приписывает авторство книги «Зогар». Он жил во времена правления римского императора Тита Флавия (39—81), в 70 г. разрушившего Иерусалим. Согласно легенде, раввин Шимон бен Йохай, спасаясь из

осажденного Иерусалима, укрылся в пещере, где оставался в течение двенадцати лет. Там он обучал своих главных учеников, раввинов Елиезера и Аббу, и якобы предал письму те учения, которые в более поздние века стали известны как «Зогар» и были опубликованы раввином Моисеем Леонским (1240—1305) в Испании, около 1280 г.

Масора — свод примечаний к Ветхому Завету, встречающихся на полях древнееврейских рукописей. Раввины, занимавшиеся масорой (примечаниями), изобрели так называемые масоретские точки, которые якобы придали безгласным словам священных писаний их правильное произношение посредством добавления к согласным точек, представляющих гласные. В «Разоблаченной Изиде» Е.П.Блаватская пишет: «Если бы не своевременное изобретение “масоры”, ни одного экземпляра Ветхого Завета не потерпели бы в нашем веке. Хорошо известно, что масореты во время переписывания старейших рукописей поставили себе задачу удалить, за исключением некоторых мест, которые они, вероятно, проглядели, все *неприличные* слова, заменяя их своими собственными, часто совсем изменяя смысл стиха». (См. в кн: Е.П.Блаватская. Разоблаченная Изида. — Москва—Минск: Сфера—Лотаць, 2000. Т. II, с. 421.)

Стр. 91. «*Древнейший из Древних*» — Его называют также Кетер, Бытие Бытия, Тайное Тайного, Ветхий Деньми, Изначальная Точка, Точка внутри Круга, Наивысший, Долгий Лик, Белая Голова, Незримая Голова, Макропросопус, Оккультный Свет, Внутренний Свет, Он. В *Тайной Доктрине* он соответствует Третьему Логосу.

Сефира (евр.) — первая эманация из «Бесконечного», или Эйн-Софа, эманация Божества; родитель и синтез десяти сефирот. В каббале Сефира, или «Священный Старец», есть Божественный Разум.

Макропросопус (греч.) — каббалистический термин, образованный из составного греческого слова, означающий Великий, или Большой Лик; название Кетер — Венца, высшей Сефиры. Это наименование Вселенной, та полнота, то целое, для которого микропросопус, или «меньший лик», является частью и противоположностью.

Письмо 3

Стр. 92. *Колби* — см. примечание к стр. 31.

Письмо 4

Стр. 95. *Вы так любезно приглашаете меня в Каскад...* — В этой связи Юджин Корсон, сын профессора Х.Корсона, рассказывает: «В то время миссис Эндрюс, просто превосходная женщина, жена плотника, очень сильный медиум в плане физических манифестаций, проводила спиритические сеансы в местечке под названием Каскад на озере Оваско, куда мои отец и мать ездили на кое-какие сеансы, оказавшиеся вполне удовлетворительными, и они пригласили Е.П.Б. участвовать в этих сеансах в качестве их гостей».

Стр. 96. *Гамадриады* — в греческой мифологии лесные нимфы, нимфы деревьев.

Стр. 100. ...«*Revue Spirite*»... *лучшее периодическое издание во Франции.* — Е.П.Блаватская рекомендует профессору Корсону супругов Леймари, издателей журнала «*Revue Spirite*», как представителей французских спиритов и толкователей литературы о спиритизме во Франции, независимых от учения Аллана Кардека.

Кардекианское — в русле спиритической системы Аллана Кардека. (См. примечание к стр. 91)

Реинкарнационисты (от англ. reincarnation — перевоплощение) — последователи спиритической системы Аллана Кардека, верящие в перевоплощение «духов» умерших.

...*бостонскую «Spiritual Scientist»*... — Е.П.Блаватская предпочитала газету «*Spiritual Scientist*» вследствие ее сходства с французской «*La Revue Spirite*», как издание более философское и менее занятое незначительными и бездоказательными подробностями.

Письмо 5

Стр. 103. *Вагнер Николай Петрович* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Гумбольдт Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник. Один из основателей географии растений и учения о жизненных формах. Труды Гумбольдта оказали большое влияние на развитие эволюционных идей и сравнительного метода в естествознании.

Письмо 6

Стр. 105. *Гоблины* — в германо-скандинавской мифологии существа ужасного облика и злобного нрава, не переносящие солнечный свет и потому ведущие ночной образ жизни.

- Стр. 106. ...штудировать хоуиттовского Эннемозера... — труды Й.Эннемозера в переводе У.Хоуитта.
 Эннемозер Йозеф (1787—1854) — австрийский врач и философ, профессор медицины Боннского университета, автор ряда трудов по медицине и философии. Получил широкую известность благодаря применению гипноза. Основные труды: «Der Magnetismus in seiner geschichtlichen Entwicklung» (1819), «Der Magnetismus in verhältnisse zur Natur und Religion» (1842), «Geschichte der Magic» (1844), «Anleitung zur mesmerischen Praxis» (1852).
 Уильям Хоуитт перевел с немецкого языка первый том книги Й.Эннемозера «Geschichte des Thierischen Magnetismus» («История животного магнетизма») и издал ее на английском языке под названием «История магии» (1854). Уильям и Мэри Хоуитты были выдающимися фигурами в ранней истории спиритуализма, авторами интересных и ценных сочинений. Лучшей из работ Хоуитта является «История сверхъестественного».
- Стр. 106. *Браун Элбридж Джерри* — см. примечание к стр. 18.
 Стр. 107. *Sine qua non* (лат.) — «без чего нет», т. е. обязательное условие.
 Стр. 108. *Слейд Генри* — знаменитый американский медиум. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
Nec plus ultra (лат.) — «и не далее», «дальше нельзя», т. е. предел, крайняя степень, верх чего-либо.
Орест и Пилад — в древнегреческой мифологии верные, неразлучные друзья.
Кастор и Поллукс — в древнегреческой мифологии братья-близнецы, «небесные братья», сыновья Юпитера и Леды (Диоскуры).
- Стр. 109. *Немезида* — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм, дочь Никты (Ночи). Наблюдает за справедливым распределением благ среди людей и обрушивает свой гнев на тех, кто преступает закон; олицетворение неизбежной кары.
- Стр. 110. ...с раздвоенным копытом в мистическом смысле этих слов... — С раздвоенным копытом обычно изображали дьявола.
 ...*весь свет неземной и все благословения эмпиреев и их хозяев, серафимов...*
 Эмпирей (от греч. *empyros* — «огненный») — в античной натурфилософии верхняя часть неба, наполненная огнем; у ряда средневековых христианских философов символ потустороннего мира как света, неба; в «Божественной комедии» Данте местопребывание душ блаженных.
 Серафимы — высший из девяти ангельских чинов.

Письмо 7

Письмо не датировано, указано лишь то, что оно написано в ночь на вторник, и при этом слово «ночь» подчеркивается особо, а в постскриптуме Е.П.Блаватская советует Х.Корсону больше доверять тем письмам, которые она пишет по ночам. Это весьма знаменательно и наводит на мысль о том, что Е.П.Блаватская осознавала, что ее письма могут быть написаны, по крайней мере частично, под диктовку.

- Стр. 111. *Tabula rasa* (лат.) — чистый лист.
 Стр. 113. *Манифестация* — см. примечание к стр. 77.
Бароний (Varonius) Цезарь (1538—1607) — крупнейший историк католической церкви эпохи Контрреформации, член монашеской римской конгрегации ораторианцев (объединения клириков, соблюдавших монашеские обеты), глава Ватиканской библиотеки, духовник папы Климента VIII, кардинал.
Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк. Автор капитального труда по истории Рима и Византии с конца II в. до 1453 г. «История упадка и разрушения Римской империи» (1776-1788).
Лабарум — штандарт римского императора Константина I Великого (ок. 285—337) с монограммой Христа.
 ...*этот знак был известен еще до рождения Константина...* — Лабарум был эмблемой Этрурии задолго до императора Константина и начала христианской эры. Он был также знаком Озириса и Гора.
- Стр. 115. ...*простите мне незнание точных слов...* — Речь идет о следующем евангельском эпизоде. «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном». (Матф., 18: 1-4.)
- Стр. 115. «*Монограмма Христа*», иначе христограмма, кризма — самая распространенная из священных монограмм, образованная из греческих букв «С» (χι) и «Г» (ρσ).
- Стр. 117. *Шампольон Младший* — Жан-Франсуа (1790—1832), французский историк и лингвист, основоположник египтологии. Изучив трехязычную надпись на Розеттском камне (базальтовой плите, найденной близ г. Розетта в Египте в 1799 г., с параллельным текстом 196 г. до н. э. на греческом и древнеегипетском языках, начертанным соответственно демотическим и иероглифическим письмом), разработал основные принципы дешифровки древнеегипетского иероглифического письма. Автор первой грамматики древнеегипетского языка.

Шампольон Старший — его старший брат Жак Жозеф, профессор университета в Гренобле, личный секретарь Наполеона.

Карнак — населенный пункт в Верхнем Египте, севернее Луксора, местонахождение древнего храма бога Амона, а также почитавшихся вместе с ним богини Мут и богов Монту и Хонсу, в Фивах. Святилище на территории Карнака возникло предположительно около XXVIII в. до н. э., самые ранние из сохранившихся сооружений относятся к эпохе Среднего царства (например, так называемый Белый храм Сенусерта I; XX в. до н. э.). В начале Нового царства (с XVI в. до н. э.) Карнак из небольшого храма превратился в общегосударственный культовый центр. Наиболее известны сооружения эпохи Нового царства: аллея сфинксов, соединяющая его с Луксором (время Аменхотепа III; начало XIV в. до н. э.), большой гипостильный (колонный) зал (Сети I и Рамзес II; конец XIV — начало XIII вв. до н. э.). В I тысячелетии до н. э. в Карнаке были возведены небольшие святилища Озириса. Последний правитель, строивший на его территории, — римский император Домициан (81—96 гг. н. э.).

Cruх Ansata (лат.) — крест с рукояткой, являющийся атрибутом почти всех богов, включая Ваала и финикийскую Астарту. Он был символом бессмертия, а также главным символом египетского масонства, основанного графом Калиостро. Рукоятка, или *анса*, имела двойной смысл: как атрибут Изиды она была мировой сферой, как символ закона на груди мумии — знаком бессмертия, бесконечной и безначальной вечности.

Стр. 118. *Герметизм* — религиозно-философское течение эпохи эллинизма и поздней античности, сочетавшее элементы платонизма, стоицизма и других философских учений с халдейской астрологией, персидской магией, египетской алхимией, носившее строго эзотерический характер. Представлен сочинениями, приписываемыми Гермесу Трисмегисту (так называемый «Герметический корпус», II—III вв.). В расширительном смысле — комплекс оккультных наук.

Гуттуральный — заднебный, велярный звук.

Роберт де Флуктиб — Роберт Фладд. (См. примечание к стр. 90)

«Examen in qua Principia philosophiae Roberti Fluddi, Medici» (лат.) — «Исследование начал философии Роберта Фладда, медика».

Письмо 8

Стр. 120. ...«Обмани г-на Обманщика»... в «Нерелигиозно-нефилософском журнале»... — Здесь говорится о статье «Duff Mr. Duff», опубликованной в «Religio-Philosophical Journal».

Стр. 124. *Лонгфелло* Генри Уодсворт (1807—1882) — американский писатель, поэт-романтик; автор знаменитой поэмы на основе индейских сказаний «Песнь о Гайавате» (1855).

Письмо 9

Стр. 132. [...] — место, где должна находиться подпись, отрезано.

Письмо 11

Стр. 135. «*Баркис очень не прочь*». — Фраза из романа Ч.Диккенса «Давид Копперфилд», которую Е.П.Блаватская любила повторять.

Письмо 12

Письмо не датировано. Очевидно, оно отправлено из Нью-Йорка после того, как Е.П.Блаватская посетила Итаку.

Стр. 137. ...*в чем дело: скончался ребенок племянницы сестры вашей жены или что?* — По поводу этой фразы Ю.Корсон рассказывает следующее. «История эта восходит ко временам моей юности и демонстрирует чувство юмора, присущее Е.П.Б... Случай этот приключился в одном крупном учреждении в Филадельфии. Его на этот день собирались закрывать, и мой отец и еще несколько посетителей обсуждали всякие приметы, предзнаменования и прочие мистические темы. Стоявший рядом швейцар-ирландец явно заинтересовался их беседой. Вдруг он решился вмешаться в нее, и вот что он сказал: “Джентльмены, простите меня за то, что я вас перебиваю, но я могу рассказать вам об одном удивительном предзнаменовании, с которым столкнулся сам. Я жил в городе Лимерик у племянницы сестры моей жены, как вдруг ночью ребенок племянницы сестры жены заболел и

меня послали за доктором; по дороге к доктору я увидел, как на другой стороне улицы один человек заходит в аптеку. *И в ту же ночь ребенок племянницы сестры моей жены умер!*»

Е.П.Б. понравился этот рассказ, и она в письмах дважды ссылается на него. В одном из писем, адресованном моей матери, она говорит о моем отце как о «ребенке племянницы сестры моей жены». У нее было чувство юмора, и вы сталкиваетесь с его примерами даже тогда, когда она пишет серьезно, хотя иногда это и мрачный юмор».

...«Анакалипсис» Г.Хиггинса... — Фундаментальный труд Годфри Хиггинса (1771—1833) о происхождении всех мифов, религий и мистерий, который Е.П.Б. оценивала как «кладезь классической эрудиции». Его полное название «Анакалипсис; попытка сбросить покрывало с Саитской Изиды, или опыт исследования происхождения языков, народов и религий». Издан в 1836 г., после смерти автора.

Стр. 138. *Британия против Бриттен...* — Вероятно, речь идет об Эмме Хардинг Бриттен. Э.Хардинг Бриттен — член Совета Теософского Общества, избранного на первом, подготовительном заседании, проведенном 30 сентября 1875 г. Автор книги «Чудеса девятнадцатого века» (Britten E.H. *Nineteen Century Miracles*. — Manchester & NY, 1884).

Джон — Джон Кинг.

Письмо 13

Стр. 139. *Et tu, Brute!* (лат.) — И ты, Брут! — Слова, будто бы произнесенные перед смертью Юлием Цезарем, заколотым мечами заговорщиков, и адресованные Марку Юнию Бруту (85—42 до н. э.), который возглавил (вместе с Кассием) заговор против Цезаря и, по преданию, одним из первых нанес ему удар кинжалом.

Стр. 140. *Моначези Герберт Д.* — один из основателей Теософского Общества, член его Совета с 1875 г.

Стр. 141. *Теургия* (от греч. θεος — бог и εργον — работа; «божественная работа», «боготворчество», чудо) — первоначально этот термин обозначал в неоплатонизме стремление к всеобъемлющей боговдохновенной мудрости, к отождествлению с божеством. Теургия была связана со специальной тренировкой тела и духа, особыми аскетическими практиками, приводящими к постижению божественной первопричины бытия. При помощи теургии считалось возможным изменить ход событий, подчиняя своей воле действия богов и духов.

Стр. 141. *Хьюм Алан Октавиан* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 142. *Фелт Джордж Генри* — инженер, архитектор, вице-президент Теософского Общества с 1875 г.

Стр. 144. *Теурги* (от греч. θεος — бог и εργον — работа) — в древности жрецы, служители храмов Египта, Ассирии, Вавилона и Греции, обязанностью которых было вызывание богов во время празднования мистерий. В христианский период школа практической теургии, основанная Ямвлихом, существовала среди неоплатоников, посредством церемониальной магии вызывавших образы древних героев, богов и даймонов — божественных духовных существ.

...*преобладают гномы и сильфы...* — В европейском оккультизме гномы и сильфы считаются элементами, т. е. духами стихий: гномы — элементами минералов и земли, а сильфы — элементами воздуха.

Парацельс — псевдоним, настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541). Прославленный врач, натурфилософ и великий алхимик эпохи Возрождения, один из основателей ятрохимии.

Чарлз Мэсси — см. раздел Краткие биографические очерки.

Крукс Уильям (1832—1919) — английский физик и химик; исследовал электрические разряды в газах и катодные лучи; обнаружил сцинтилляции — люминесценции под действием ионизирующих лучей; создал спинтарископ — прибор для их наблюдения; открыл химический элемент таллий. Сторонник спиритизма и автор теории «лучистой материи».

Элифас Леви Захед (1810—1875) — псевдоним известного каббалиста и писателя-оккультиста Альфонса Луи Констана, бывшего в молодости священником, аббатом римско-католической церкви, которая лишила его духовного сана за приверженность к магии и каббалистике.

Стр. 145. *Ямвлих из Халкиды* (ок. 280/245—ок. 330) — античный философ-неоплатоник, ученик, а впоследствии оппонент Порфирия. Находился под сильным влиянием пифагореизма и халдейских оракулов, соединял неоплатонизм с интенсивно разрабатывавшейся им теургией. Ямвлих был выдающимся теургом, он основал теургическую магию среди неоплатоников и возродил мистерии вне храма или святилища. Много внимания уделял магии, несущей добро, исцеление и т. д.

Порфирий (234—301/305) — античный философ-неоплатоник. Ученик Плотина, издавший его сочинения; в старости руководил философской школой в Риме. Комментатор сочинений Платона и Аристотеля. Известен своей полемикой с Ямвлихом относительно опасностей, сопряженных с практикой теургии. Автор сочинения «Против христиан». В логике так называемое древо Порфирия иллюстрирует ступенчатую субординацию родовых и видовых понятий.

Плутарх (ок. 46—ок. 120) — древнегреческий писатель, историк и философ-моралист. Главное сочинение — «Сравнительные жизнеописания» выдающихся греков и римлян (50 биографий). Остальные дошедшие до нас многочисленные сочинения объединяются под условным названием «Моралии».

Аполлоний Тианский (I в.) — греческий философ, приверженец пифагореизма. Посвященный храма Эскулапа (Асклепия) в Эгее, прославившийся «чудесами» исцеления, он получил также

посвящения у халдеев и магов в Вавилоне, затем совершил путешествие в Индию, откуда вернулся прорицателем, принял посвящение в мистерии Орфея, проповедовал, творил «чудеса», основал свою философскую школу в Эфесе.

Неоплатоники — представители философско-мистического направления, известного как неоплатонизм («новый платонизм»), систематизировавшего учение Платона в соединении с идеями Аристотеля, неопифагореизма и восточной философии. Основателем неоплатонизма обычно считают Плотина (III в.) или его учителя Аммония. Основные школы: гимская (III в., Плотин, Порфирий), сирийская (IV в., Ямвлих), пергамская (IV в., император Юлиан), афинская (V—VI вв., Прокл), александрийская (V—нач. VII вв.). Латинские неоплатоники — Марий Викторин, Марциан Капелла, Боэций. Неоплатонизм оказал широкое влияние на европейскую и восточную философию.

Стр. 146. *Мэри Тэйер* — «цветочный медиум» Мэри Бейкер Тэйер из Бостона, исследованию феноменов которой Г.С.Олькотт посвятил около пяти недель летом 1875 г. В «Листах старого дневника» он рассказывает: «От ее психического воздействия возникал дождь из цветов, трав, листьев и ветвей деревьев и кустов... Однажды вечером наша любезная хозяйка миссис Чарлз Хоугтон отправилась вместе со мною в город, чтобы присутствовать на публичном сеансе госпожи Тэйер. Е.П.Б. идти отказалась, и мы оставили ее в гостинной за беседой с мистером Хоугтоном. Экипаж для нашего возвращения был заказан на определенный час, но сеанс оказался коротким... Не зная чем заняться, я попросил госпожу Тэйер провести для нас троих приватный сеанс...

В тот момент, когда мы слышали шум подъезжающего экипажа, я вдруг почувствовал, что на мою руку плавно и мягко опустился прохладный, чуть влажный цветок. Это была прекрасная полураспустившаяся роза с переливающимися каплями росы. Медиум словно прислушалась к кому-то и сказала: «Духи говорят, полковник, что это подарок для мадам Блаватской». Я передал цветок миссис Хоугтон, и когда мы вернулись, она преподнесла его Е.П.Б., которую мы застали по-прежнему в гостинной, где она курила и беседовала с нашим хозяином. Е.П.Б. взяла розу, вдохнула аромат, и взгляд ее стал отрешенным, что близкими всегда ассоциировалось с ее феноменами.

Ее задумчивость прервал мистер Хоугтон, сказав: «Какой изысканный цветок, мадам; вы позволите мне рассмотреть его?» С тем же выражением лица и как будто машинально она передала ему цветок. Наслаждаясь ароматом розы, он неожиданно воскликнул: «Какая она тяжелая! Я никогда не видел ничего подобного. Смотрите, под весом цветка его стебель весь согнулся!» Я взял у него розу и, о Боже! Она была действительно очень тяжелая. «Осторожно, не сломайте ее!» — предупредила Е.П.Б. Бережно, кончиками пальцев, я приподнял бутон и осмотрел его. Ничто, видимое глазу, не указывало на феноменальный вес. Но вдруг в самой сердцевине цветка вспыхнула искра желтого света; и не успел я моргнуть глазом, как тяжелое, гладкое золотое кольцо выпало оттуда, словно от внутреннего толчка, и упало на пол у моих ног. Роза моментально выпрямилась и приняла свой первоначальный вид»... (Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I. — Adyar: TPH, 1974. P. 88-100.)

Письмо 14

Стр. 148. *...эксперименты Фелпса...* — Е.П.Блаватская ошиблась, назвав имя Фелпса вместо Уэнделла Филлипса. В «Страницах старого дневника» Олькотт писал: «Это был один из тех моментов, когда поворот событий зависит от оратора. И так уж случилось, что я однажды наблюдал, как великий оратор-аболиционист Уэнделл Филлипс своим невозмутимым спокойствием утихомирил толпу, которая улюлюкала и освистывала его, и, когда это воспоминание вспышкой промелькнуло у меня в голове, я принял на вооружение тактику Филлипса». (Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I. — Adyar: TPH, 1974. P. 155.)

Каббалисты — те, кто изучают «тайную науку» и толкуют сокровенное значение священных писаний при помощи символической каббалы. Так называемая практическая каббала (каббалистика) основана на вере в то, что посредством специальных знаний и практических действий человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

...современные эпикурейцы... — Последователи мировоззрения, возникшего на почве извращенного толкования этического учения древнегреческого философа-материалиста и атеиста Эпикура (341—270 гг. до н.э.) как стремление к удовлетворению чувственных инстинктов и достижению личного блага.

Стр. 149. *...вроде сократового даймона...* — *Daimonion* (греч. — дух, божество) — в философии Сократа понятие «внутреннего голоса», предостерегавшего его от неправильных поступков и дававшего божественные указания.

Письмо 15

Стр. 152. *...сообщницей Эдди...* — Братья Эдди, Горацио и Уильям, известные американские медиумы из Читтендена. Их род в нескольких поколениях был наделен паранормальными способностями, а прабабушка была сожжена на костре во время судов над ведьмами в Салеме в 1692 г. Фанатичный отец братьев Эдди, желая положить конец происходящим феноменам, с детства постоянно преследовал и даже истязал сыновей, а мать, будучи сама сильным сенситивом, не могла

воспрепятствовать этому. Позднее они стали медиумами, публично демонстрировавшими свои способности.

Подлинность производимых ими медиумических феноменов была засвидетельствована многими наблюдателями, в том числе и Г.С.Олькоттом в его серии из 15 статей, опубликованных в октябре-ноябре 1874 г. в нью-йоркской «The Daily Graphic», составивших основу его книги «People from the Other World» (Olcott H.S. People from the Other World. — American Publishing Company, 1875).

Е.П.Блаватская написала статью в защиту феноменов братьев Эдди. (См. ее статью «О спиритуализме», а также Приложение 2, «Братья Эдди», в кн.: Е.П.Блаватская. В поисках Оккультизма. — М.: Сфера, 1996.)

Письмо 16

Стр. 158. *Consummatum est* (лат.) — свершилось.

...после этой войны... — Здесь подразумевается Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Стр. 159. *Арья Самадж* (на яз. хинди — общество ариев) — религиозно-реформаторское и просветительское общество в Индии, основанное в 1875 г. Даянандой Сарасвати.

Свами Даянанда Сарасвати (1824—1883) — индийский религиозный реформатор и просветитель; в 1875 г. основал в Индии общество Арья Самадж.

Вы читали или хотя бы видели мою книгу? — речь идет о книге «Разоблаченная Изида».

ПИСЬМА Н.А.ФАДЕЕВОЙ

(1877—1880)

Письмо 1

Письмо Е.П.Блаватской, адресованное ее тетке Надежде Андреевне Фадеевой, важно в первую очередь тем, что представляет собой в некотором роде символ веры Блаватской.

Стр. 165. *Г-жа Ган* — Елена Андреевна Ган (урожд. Фадеева, 1814—1842) — мать Е.П.Блаватской, известная в свое время писательница, которую называли «русской Жорж Санд».

Стр. 166. ...получить два экземпляра моей книги... — Речь идет о книге «Разоблаченная Изида».

Стр. 167. ...день Солнца и Юпитера. — По-английски суббота — *Saturday*, «день Сатурна» (от *Saturn*), а воскресенье — *Sunday*, «день Солнца» (от *Sun*). *Dies Solis* (лат.) — «день Солнца» (от *Sol* — Солнце).

Стр. 169. *Септуагинта* (лат. *Septuaginta* — перевод семидесяти, т. е. перевод семидесяти толковников) — перевод Пятикнижия на греческий язык, выполненный в Александрии для царей из династии Птолемеев. По преданию, в работе участвовало 72 переводчика, откуда и название. Древнейший и наиболее полный из сохранившихся списков — Синайский кодекс.

...историк *Иосиф* — Иосиф Флавий, собственно Иосиф бен Маттиас (ок. 37—после 100) — древнееврейский историк, принадлежавший к партии фарисеев и пользовавшийся покровительством римского императора Веспасиана. Сочинения: «Иудейская война», «Иудейские древности» (история евреев от сотворения мира до войны с Римом), «Жизнь» (автобиография), «О древности иудейского народа. Против Апиона» (апология иудеев).

Стр. 169. *Геродот* из Галикарнаса (ок. 485—ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Автор монументального сочинения в 9 книгах под названием «*Historiaí*», посвященного описанию греко-персидских войн с изложением истории государства Ахеменидов, Египта и др.; дал первое систематическое описание жизни и быта скифов.

Стр. 170. *Даниил* — библейский праведник и пророк-мудрец, жизнь и видения которого описаны в «Книге пророка Даниила» и в «Книге пророка Иезекииля». Даниил жил при дворе Навуходоносора II и Дария I (VI—V вв. до н. э.) и был «главным начальником над всеми мудрецами вавилонскими».

Навуходоносор II — царь Вавилонии в 605—562 гг. до н. э. В 597 г., а затем в 587 г. (по другим данным, в 586 г.) до н. э. разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увел в плен большое число жителей Иудеи.

Кир, Дарий, Артаксеркс — важнейшие представители Ахеменидов, династии древнеперсидских царей в 558—330 гг. до н. э. Основатель — Кир II. Государство Ахеменидов, включавшее большинство стран Ближнего и Среднего Востока, достигло наибольшего расцвета при Дарии I. Государство Ахеменидов прекратило существование в результате завоевания его Александром Македонским.

Стр. 172. *Санскрит* (от санскр. «самскрта» — букв. «обработанный») — литературный язык Древней Индии, язык большинства философских, религиозных, ученых и литературных сочинений, до сих пор остающийся в употреблении. Первоначально это был язык посвященных брахманов, язык мистерий, впоследствии обработанный в грамматической традиции, прежде всего в труде Панини, в IV веке до н. э.

Арии (арийцы) — название народов, принадлежащих к индоевропейской (прежде всего индоиранской) языковой общности.

Ригведа (санскр. — «Книга гимнов») — первая, самая древняя (XV—X вв. до н. э.) и значительная из четырех Вед. По преданию, была «сотворена» из восточных уст Брахмы; согласно оккультной традиции, поведена великим мудрецам на берегу озера Манасаровар десятки тысяч лет тому назад.

Гимн Марутам из мандалы I. — Ригведа в дошедшей до нас редакции Шакала состоит из 1028 гимнов и разделяется на 10 мандал (санскр. — «циклов».)

Маруты (санскр.) — в мифологии индуизма божества ветра и бури, спутники Индры; ведут свое происхождение от Рудры (букв. «Ревун», «Грозный») — божества, часто отождествляемого с Шивой.

Стр. 173. *Тиверия* (Тверия, или Тивериада) — город в Галилее, построенный Иродом Антипой, центр палестинского иудаизма.

Тишендорф Константин (1815—1874) — немецкий лютеранский богослов. Осуществил критическое издание греческого текста Нового Завета и Септуагинты. Из трех своих путешествий по Востоку привез большое собрание греческих, сирийских, арабских и других рукописей, в том числе древнейшую греческую рукопись Библии — так называемый Синайский кодекс (издан в Петербурге в 1862 г. и подарен им в 1869 г. императору Александру II).

Стр. 174. *Адам Кадмон* (евр.) — в каббале Первоначальный Человек, Небесный Адам. Это «человек, созданный эманацией», не имеющий «образа и подобия»; его мистическое тело представляют десять сефирот. По образу Небесного Адама творится Адам земной.

Тримурти (санскр. — имеющий три образа) — божественная триада (Троица) индуизма, состоящая из Брахмы, Вишны, Шивы.

Стр. 177. *«Ессе Ното»* (лат.) — «Се человек».

«Разве не знаете, что вы храм Божий?» — 1 Кор., 3:16.

Стр. 179. *Вся книга...* — «Разоблаченная Изида».

Письмо 2

Следующие три письма Е.П.Блаватской, написанные ею тетке Надежде Андреевне Фадеевой, имеют интересную историю.

К.Джинарадхадаса сообщает, что в 1947 г. их прислало в Адьяр английское отделение Теософского Общества. «Кто-то прислал генеральному секретарю Теософского Общества, госпоже Дорис Гроувз, газетную вырезку с объявлением о распродаже рукописей из библиотеки покойного графа Кроуфордского и Балкарреского, среди которых были и письма Е.П.Б. Очевидно, в 1881 г. этот джентльмен интересовался учением Махатм и как-то соприкасался с А.П.Синнеттом... Как к графу попали три письма Е.П.Б., адресованные ее тетке, до сих пор остается загадкой. Госпожа Гроувз направила одного из своих сотрудников на аукцион, где на письма претендовали еще два покупателя, но в итоге посланник г-жи Гроувз перекрыл предложенную ими цену и приобрел коллекцию рукописей, которую г-жа Гроувз и привезла в Адьяр... Поскольку одно из писем отсылает нас к 1877 году, оно представляет особый интерес».

Стр. 182. *Теизм* (от греч. θεοζ — бог) — религиозное мировоззрение, исходящее из понимания Бога как абсолютной личности, пребывающей вне мира, свободно создавшей его и действующей в нем. Наиболее характерен для генетически связанных между собой религий: иудаизма, христианства и ислама.

Стр. 183. *Кали* (санскр. — «черная») — в брахманизме и индуизме женская ипостась бога Шивы, его супруга, почитаемая особенно в Бенгалии. Изображается главным образом в грозном, устрашающем облике.

Шива (санскр. — «благоприятный») — третье лицо индуистской Троицы (Тримурти: Брахма, Вишну, Шива), исполнитель разрушительной функции во имя созидания на более высоком уровне.

Брахманизм — ступень в развитии религиозного мышления Древней Индии, следующая за ведической религией и предшествующая индуизму. Сложился приблизительно с VIII по II в. до н. э. Назван по имени жреческой касты брахманов. В священную литературу брахманизма входят Веды и обширные комментарии к ним (брахманы, араньяки, упанишады).

Вишну (санскр., от корня «виш» — всепроникать) — один из высших богов индуистского пантеона, вторая ипостась индусской Тримурти (Троицы); олицетворяет творческую космическую энергию.

Веды (санскр.— «знание») — древнейшие памятники индийской литературы, составляющие канон «откровения», которому приписывают божественное происхождение. Обычно под словом «Веды» понимают четыре книги священного знания: Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа.

Praecepta morales (лат.) — нравственные заповеди.

Стр. 184. *«Айтарейя-брахмана»* — одна из Брахман (санскр. — «объяснение Брахмана»), древнеиндийских священных книг (VIII—VI вв. до н. э.), дополняющих Веды и содержащих в основном описание и толкования ритуала ведической религии, а также мифологические комментарии в Ведам.

Макс Мюллер (1823—1900) — видный английский филолог-востоковед, специалист в области

общего языкознания, индологии, мифологии и сравнительного религиоведения; автор огромного числа переводов и теоретических трудов.

Хауг Мартин (1826—1876) — видный немецкий филолог-востоковед, санскритолог, исследователь литературы зендов.

«*Махабхарата*» («Великое [сказание о битве] потомков Бхараты») — древнеиндийская эпическая поэма на санскрите; включает многочисленные мифы и легенды, религиозно-философские и другие дидактические тексты, в том числе «Бхагавадгиту». Современный вид приобрела к середине I тысячелетия.

Стр. 184. *Монотеизм* (от моно... и греч. θεος — бог) — единобожие, система религиозных верований, основанная на представлении о едином Боге. В богословской литературе к монотеистическим религиям относят иудаизм, христианство и ислам.

[...] — Утеряна целая страница рукописи.

Стр. 185. «*В доме Отца Моего обителей много*» — От Иоанна, 14:2.

Бёме Якоб (1575—1624) — немецкий философ-мистик, один из выдающихся теософов средневековья. В детстве был пастухом, сапожником и прирожденным ясновидцем необычайной силы. Не имея соответствующего образования, писал серьезные труды по натурфилософии и этике, антропологии и теории языка, создал свою теософию. Работы Бёме оказали огромное влияние на самых разных людей: И.Ньютона, У.Лоу, У.Блейка и других.

Сведенборг Эмануэль (1688—1772) — шведский ученый и выдающийся теософ-мистик, духовидец. Оказал огромное влияние на теософию, оставил глубокий след в науке в области астрономии, математики, физиологии, биологии, философии, горного дела. Писал мистические и пророческие труды, основываясь на своих видениях.

Стр. 187. *Свами* (санскр. — хозяин, преподобный, повелитель) — название бога или индуистского святого, подвижника, монаха.

Стр. 188. *Эдисон Томас Алва* (1847—1931) — американский электротехник, изобретатель, основатель крупных электротехнических предприятий и компаний, член Теософского Общества.

Письмо 3

Стр. 190. *Отец Кириак* — персонаж рассказа Н.С.Лескова «На краю света».

Высокопреосвященный Нил — архиепископ иркутский, а позднее ярославский Нил (Исакович, 1799—1874), который является прототипом повествователя и одного из главных героев рассказа Н.С.Лескова «На краю света».

Архиепископ Нил — автор «Путевых заметок» (Ярославль, 1874) и книги «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» (СПб., 1858).

Стр. 191. *Спасибо вам за книгу...* — Рассказ Н.С.Лескова «На краю света» написан в 1875 г. и впервые опубликован в еженедельнике «Гражданин», а в 1876 г. издан отдельно под названием «На краю света (из воспоминаний архиерея)». Скорее всего Е.П.Блаватская получила от тетушки именно книгу 1876 года издания.

...книга так понравилась моему хозяину... — Возможно, Е.П.Блаватская употребляет слово «хозяин» вместо имени своего Учителя.

Стр. 192. *Субстрат* — в философии общая основа всех процессов и явлений.

Стр. 193. *Методисты* — последователи протестантского течения, возникшего в XVIII в. в англиканской церкви.

Стр. 194. *Ади-Будда* (санскр.) — в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны «изначальный будда». Персонафикация сущности всех будд и бодхисаттв.

«*Дхаммапада*» (пали) — сборник буддийских афоризмов, содержащий этические заповеди.

Шастры (санскр.) — отрасли специальных теоретических знаний, соответствующие им дисциплины и тексты, их трактующие.

«*Книга мертвых*» — древнеегипетские религиозные тексты, которые помещались в захоронения, чтобы оградить покойника и напугать его в загробной жизни. «Книга мертвых» составлялась начиная с периода Нового царства (XVI в. до н. э.) и до конца истории Древнего Египта.

Стр. 195. ...слово «*Христос*»... — Согласно Е.П. Блаватской, слово «Христос» в древности означало «ученика на испытании, кандидата на иерофантство. Когда он достигал этого, пройдя через посвящение, длительные испытания и страдания, и был “помазан” (т. е. “натерт маслом”, как посвященные и даже идолы богов, что было последним штрихом ритуального обряда), его имя изменялось на Христос, т. е. “очищенный” на эзотерическом языке мистерий».

Стр. 195. *Жаколио Луи* (1837—1890) — французский писатель, этнограф, востоковед; автор путевых очерков и приключенческих романов «Пожиратели огня» (1887), «В тущах Индии» (1888), а также этнографических трудов, исследований, посвященных индийской религии и мифологии.

Стр. 196. *Периспирит* — термин, образованный от греч. *peri* — «вокруг, около, возле» и лат. *spiritus* — «дух».

Perpetuum mobile (лат.) — «вечно движущееся», т. е. вечный двигатель.

Эго (лат. — «я») — сознание «я есмь я», ощущение «я есмь». Эзотерическая философия рассматривает в человеке два эго: смертное, или личное, называемое «личностью», и высшее — божественное и безличное, называемое «индивидуальностью».

Стр. 198. ...слово «*Будда*» я использую... — Слово «будда» является производным от санскритского

корня «будх» (будить, пробуждаться) и обозначает переход к просветленному сознанию; «буддха» — букв. «просветленный», то есть достигший совершенства своего буддхи и ставший свободным от бремени сансары (круговорота рождения и смерти).

Гиксосы — азиатский племенной союз, сложившийся на территории Синая—Южной Палестины в конце XVIII в. до н. э. и захвативший Египет. Гиксосы основали столицу в Хат-Уаре (Аварисе), и первые шесть фараонов-гиксосов остались в официальном царском списке Египта в качестве законной династии «царей чужеземных стран» (др.-егип. «хеку-хасут», греч. «гик-сос»). В начале XVI в. до н. э. господство гиксосов было ликвидировано египтянами.

Письмо 4

Стр. 202. *Иерофант* (греч.) — букв. «тот, кто разъясняет священные понятия»; служитель священных мистерий, раскрывающий священное знание и главный среди посвященных. Звание, дававшееся в храмах древности высшим адептам, которые были учителями и толкователями мистерий.

Адепт (от лат. *adeptus* — «достигший») — в оккультизме человек, достигший стадии посвящения и ставший мастером оккультной науки и философии.

...вознесся на третье небо... — «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба». — 2 Кор., 12:2.

Апулей Люций (ок. 125—ок. 180) — римский ритор, писатель и философ-платоник. Главное философское сочинение — «Платон и его учение», наиболее популярное — «Метаморфозы, или Золотой осел», менее известное — «Апология», написанная в собственную защиту против обвинения в магии.

Стр. 204. *...работу Жаколио «Le Spiritisme dans le Monde».* — «Спиритизм во всем мире».

Лютер Мартин (1483—1546) — немецкий мыслитель и общественный деятель, глава бюргерской Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма (лютеранства); перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка.

Кальвин Жан (1509—1564) — французский богослов, деятель Реформации, основатель кальвинизма — учения о божественном предопределении одних людей к «спасению», а других — к «осуждению». Отличался крайней религиозной нетерпимостью.

Письмо 5

Стр. 207. *Унитарии* (от лат. *unitas* — единство) — течение в протестантизме, отстаивающее идею единого Бога в противоположность догмату о Троице. Унитарии отвергают учение о грехопадении и искуплении, церковные таинства, допускают свободное толкование священных писаний.

Стр. 208. *Я выписала оттуда некоторые фразы...* — См. в кн.: Е.П.Блаватская. Разоблаченная Изида. — Москва—Минск: Сфера—Лотаць, 2000. Т. II, гл. 11, с. 558.

Стр. 210. *«Что ты называешь Меня благим?...»* — От Матфея, 19:17.

Стр. 211. *Идиосинкразия* (от греч. *idios* — особый, своеобразный и *synkrisis* — смешение) — повышенная болезненная чувствительность организма к определенным веществам или воздействиям. В переносном смысле — неприятие кого- или чего-либо.

ПИСЬМА КНЯЗЮ А.М.ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ (1881-1884)

Письмо 1

Письма Е.П.Блаватской князю Дондукову-Корсакову написаны в период с августа 1881 по июнь 1884 г.

Князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков (1820—1893) — русский генерал, друг юности Е.П.Блаватской. (См. раздел Краткие биографические очерки.)

Письмо 2

Стр. 217. *Натурализация* — принятие лица по его просьбе в гражданство или подданство какого-либо государства (например, в случае долголетнего проживания).

Стр. 218. *Рака* (от лат. *arca* — ящик, гроб) — большой ларец для хранения мощей святых в виде саркофага, сундука или архитектурного сооружения, который устанавливается в церкви.

Ступа (санскр. — вершина, верхушка) — буддийское культовое сооружение, реликварий, надгробие, символ паринирваны.

Пагода (от санскр. бхагават — священный) — буддийское мемориальное сооружение и хранилище реликвий. Пагоды возникли в начале н. э. в Китае.

Ассам — штат на северо-востоке Индии, у подножия Восточных Гималаев. В древности и раннем средневековье территория Ассама называлась Камарупа.

Стр. 219. *Квиетизм* — религиозно-этическое учение, возникшее в католицизме в XVII в. и проповедующее мистически-созерцательное отношение к миру, спокойствие души и полное подчинение божественной воле.

...округлим до 50 000... — Количество вступивших в Теософское Общество к тому времени, по свидетельству К.Джинарадхадасы, составляло 934 человека. Е.П.Блаватская причисляет к членам и тех, кого скорее можно было бы назвать «сочувствующими».

Сингалы (сингальцы) — народ, основное население Цейлона (Шри-Ланка).

Сиамцы (кхонтай) — народ группы таи, основное население Сиама (современный Таиланд).

Сарасвати (санскр. — «Богатая водами») — название реки в Индии и олицетворяющей ее богини; богиня мудрости и красноречия, супруга (или дочь) Брахмы, покровительница искусств, наук, создательница письма и алфавита.

Стр. 220. *...падать ниц передо мною...* — В Индии и на Цейлоне это принято по отношению к духовно возвышенному человеку.

...убедил меня предпринять мою первую поездку в Индию... — Е.П.Блаватская подразумевает своего гуру — Махатму Мориа, с которым она встретилась впервые в Англии. На своем наброске Рамсгейтской гавани, выполненном пером и чернилами, она написала по-французски:

«Памятная ночь! Той ночью в сиянии луны, садившейся в Рамсгейт 12 августа 1851*, я встретила М .:, Учителя моих снов!!

*12 августа — по русскому календарю это 31 июля, день моего рождения. — *Двадцать лет!*» (См. журнал «Theosophist», август 1931 г.)

Стр. 221. *...на «Гвалиоре», который у Мыса потерпел кораблекрушение...* — К.Джинарадхадаса считает, что корабль, на котором плыла Е.П.Блаватская, потерпел крушение между Пиреем и островом Специя, недалеко от Греции, однако С.Крэнстон указывает, что это произошло у мыса Доброй Надежды.

...прочтите «В дебрях Индостана»... — см. кн.: Е.П.Блаватская. «Из пещер и дебрей Индостана». — М.: Сфера, 1998.

Стр. 221. *Пржевальский Николай Михайлович* (1839—1888) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии. Руководитель экспедиции в Уссурийский край (1867—1869) и четырех экспедиций в Центральную Азию (1870—1885). Открыл ряд хребтов, котловин и озер в Куньлуне, Наньшане и на Тибетском нагорье.

Стр. 222. «*Оккультный мир*» А.П.Синнетта. — см. изд.: А.П.Синнетт. Оккультный мир. — М.: Сфера, 2000.

Тори (англ. слово *tory* — ирландского происхождения) — английская политическая партия в XVII—XIX вв. В середине XIX в. на основе тори сложилась Консервативная партия Великобритании, которую неофициально также называют тори.

Биконсфилд — Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881), английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874—1880 гг., лидер Консервативной партии; писатель.

...посвящает свою книгу индусу... — Е.П.Блаватская имеет в виду Махатму Кут Хуми.

Mirabile dictu! (лат.) — Странно сказать!

Стр. 225. *...я получила распоряжение выбрать семь теософов...* — Е.П.Блаватскую и Г.С.Олькотта сопровождали только два человека: Роза Бэйтс и Э.Уимбридж.

...вновь увидеть [...] — слово вычеркнуто Е.П.Блаватской.

Стр. 226. *Кауфман Константин Петрович* (1818—1882) — российский инженер-генерал, почетный член Петербургской АН. С 1867 г. туркестанский генерал-губернатор; руководил завоеванием Средней Азии.

Раджпутана («страна раджей»), иначе Раджастан — историческая область в Индии, в которой в Средние века сложилось около 20 раджпутских княжеств, откуда и происходит ее название.

Стр. 227. *Далай-лама* (тибет. — «океан-учитель», то есть учитель, чьи знания бесконечны, как океан) — титул главы ламаистского духовенства, являвшегося до присоединения Тибета к Китаю (в 1951 г.) также главою светской власти в Тибете. Защитник и покровитель верующих, земное воплощение Авалокитешвары, олицетворяющего милосердие.

Раджпуты — военная каста-сословие в средневековой Индии, каста в современной Северной Индии. Предки раджпутов населяли главным образом территорию Раджастана.

- ...священнослужители сиамской секты... — цейлонские буддийские монахи, получившие свое посвящение в Сиаме.
- Стр. 228. *Амарapura* — секта буддистов, получивших посвящение в Бирме.
Трипитака (санскр. — «три корзины») — каноническое собрание текстов буддизма. Содержит три Питаки («корзины»), которые называются: Виная-питака, Сутта-питака и Абхидхарма-питака.
Абхидхарма — «корзина», содержащая буддийскую доктрину, высшее законоучение о дхарме.
Пандит (санскр. пандита — ученый) — в Индии почетное звание ученого брахмана, а также человека высокообразованного в области классической индийской литературы на санскрите.
«Врать, как газовый счетчик» — аналог русскому выражению «врать, как сивый мерин».
- Стр. 229. ...*губернатором северо-западных провинций*. — А.О.Хьюму действительно предлагали пост губернатора провинции, но он отказался его принять. Он был секретарем правительства Индии и благодаря этому высокому посту входил в состав вице-королевского кабинета.
- Стр. 230. *Дон Базилио* — действующее лицо оперы В.А.Моцарта «Свадьба Фигаро» по комедии П.О.Карона де Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро».
...*подал вице-королю прошение об отставке*... — А.О.Хьюм не подавал прошения об отставке, а был смещен с должности в 1879 г., так как высшие официальные лица сочли, что он слишком независим и чересчур откровенен в своей критике. После этого его перевели из Симлы в Аллахабад, в департамент государственных сборов. В отставку А.О.Хьюм подал лишь в 1882 г.
- Стр. 230. ...*смотрите прилагаемую брошюрку с нашим Уставом*... — В самом конце Устава Эклектического Общества Симлы, датированного 7 сентября 1881 г., напротив напечатанных имен должностных лиц Блаватская написала от руки:
- А.О.Хьюм, председатель — «заведующий купальным заведением».
А.П.Синнетт, вице-председатель — «редактор “The Pioneer”».
Росс Скотт, секретарь, — «главный судья, Dehra Dun».
«Вся эта троица — мои *подчиненные, британские подданные* в рабстве у русской старушки. О триумф патриотизма! Дорогой князь, я мщу за Россию».
- Стр. 232. *Лорис-Меликов Михаил Тариелович* (1825—1888) — граф, российский государственный деятель, военачальник, генерал от кавалерии, почетный член Петербургской АН, министр внутренних дел в 1880-1881 гг.
- Стр. 233. *Парвеню* (франц. parvenu — от parvenir: выйти в люди, сделать карьеру) — выскочка, человек незнатного происхождения, пробившийся в аристократическое общество и подражающий аристократам.
- Стр. 234. «*Роберт-Дьявол*» — большая героико-романтическая опера Дж.Мейербера.
Вечный Жид (Агасфер) — герой средневековых сказаний, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал Христу отдохнуть (по многим версиям, ударил его) по пути на Голгофу.

Письмо 3

- Стр. 236. «*Ом мани падме хум*» (санскр.) — самая популярная во всех буддийских странах мантра. Ее произносят, перебирая четки, буддисты всех национальностей. Камни (мани), на которых она написана, встречаются повсюду от Непала до Южной Сибири.
...*большая гора с более или менее китайской пагодой*... — Эту пагоду прозвали «Вороньим гнездом». Два ее изображения помещены в «Золотой книге Теософского Общества» («The Golden Book of Theosophical Society». — Adyar: TPF, 1925.).
Нирвана (санскр. — «угасание») — состояние абсолютного существования и абсолютного сознания, высшее состояние духа, в котором преодолены все земные привязанности, нет ни желаний, ни страстей; ненарушимый покой, освобождение от уз сансары — прекращение перевоплощений.
Парабраhma (санскр. — «за пределами Брахмы») — верховный беспредельный Брахма, Абсолют — реальность, лишенная атрибутов, не имеющая себе подобных; безличный и безымянный всемирный Принцип.
Анна — индийская разменная монета, равная 1/16 рупии.
Сантим (франц. centime) — разменная монета Франции, Бельгии и ряда других стран.
Аршин (тюрк.) — мера длины в ряде стран, принятая в России с XVI в.; равна 16 вершкам (71,12 см).
- Стр. 237. *Шакьямуни* (Шакья Муни) — эпитет Будды, означающий «святой из рода Шакья».
Татхагата (санскр. — «тот, кто приходит и уходит») — один из титулов Гаутамы Будды.
- Стр. 238. *Раджа* (санскр. — царь) — княжеский титул в Индии.
Махараджа (санскр. — великий правитель) — титул князей в Индии.
Румянцевский музей — коллекция книг и рукописей, собранная графом Николаем Петровичем Румянцевым (1754—1826) — российским государственным деятелем, дипломатом, министром иностранных дел (1807—1814), председателем Государственного совета (1810—1812).
Бодхисаттва (санскр.) — тот, чья сущность (саттва) стала разумом (бодхи). В мифологии буддизма — ступень, предшествующая состоянию будды; существо, достигшее нирваны, но

принявшее решение вернуться в материальный мир ради спасения от страданий всех живых существ.

Стр. 239. *Alter ego* (лат.) — другой я, второй я.

Письмо 4

Стр. 241. ...в 1880 году, когда я уезжала из Нью-Йорка... — в действительности Е.П.Блаватская и Г.С.Олькотт отбыли из Соединенных Штатов в декабре 1878 г.

Стр. 242. *Баядера* (искаж. португ. *bailadeira* — танцовщица, франц. *bayadera*) — европейское название индийских храмовых танцовщиц. В Индии их называют *дэвадаси* (рабыня бога); это искусные в танце, пении, музыке служительницы культа в индуистских храмах, обслуживавшие храмовые ритуалы (праздничные и повседневные). Существовали и странствующие баядеры (дэвадаси), которых называли *натш*, *нати*, *кутани*, *сутрадари*.

Стр. 243. *Аватара* (санскр. — «нисхождение») — воплощение божества на земле, в теле смертного человека.

Стр. 244. *Джайны* (санскр.) — крупное религиозное объединение в Индии, возникшее в VI в. до н.э. и отличающееся крайним аскетизмом и мистицизмом. Джайнизм отвергает авторитет Вед, отрицает божественную предопределенность *варн* (каст), но сохраняет индуистское учение о перевоплощении душ и *карме*. Целью джайнов считается освобождение от перерождений (нирвана), которое достижимо лишь для аскета, соблюдающего строгие правила, в частности *ахимсу* — непричинение вреда живым существам.

Бова-королевич — герой русской волшебной богатырской повести и лубочных сказок.

Стр. 247. *Голицын* — вероятно, князь Владимир Сергеевич Голицын (1794—1862), друг семьи Фадеевых.

Карма (санскр. — поступок, деяние) — одно из основных понятий индийской религии (индуизма, буддизма, джайнизма) и философии. В широком смысле — общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, определяющая характер его нового рождения, перевоплощения. В узком смысле — влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования.

Стр. 249. *Астральное тело* — тонкое тело, проникающее наше физическое тело; относится к астральному миру и является проводником эмоций, страстей и желаний.

Стр. 250. *Кунрат Генри* (ок. 1560—ок. 1608) — выдающийся немецкий каббалист, розенкрейцер, химик и врач, лучшим сочинением которого Е.П.Блаватская считала «Амфитеатр вечной мудрости».

Стр. 251. ...среди вертящихся дервишей, среди друзей горы Ливан, среди арабских бедуинов...

Дервиши (перс. — бедняк, нищий) — члены мусульманских суфийских братств.

Друзы — арабы, приверженцы одной из мусульманских шиитских сект, основанной в начале XI в. Живут главным образом в Ливане и Сирии. (См. статью Е.П.Блаватской «Ламы и друзья» в кн.: Е.П.Блаватская. Терра инкогнита. — М.: Сфера, 1996. С. 268-285.)

Бедуины (от араб. *бадаин* — обитатели пустынь) — кочевые арабы-скотоводы (преимущественно верблюдоводы) Передней Азии и Северной Африки. В европейской литературе бедуинами называют также полукочевых арабов, совмещающих скотоводство с земледелием.)

Стр. 252. «*Четы-Минеи*» (от греч. *мес* — месяц) — в православной церкви книги, содержащие жития святых, сказания о церковных праздниках и поучения. Тексты в Минеях располагаются по дням каждого месяца соответственно с праздниками и днями памяти святых.

Стр. 253. *Гебры* — приверженцы зороастризма в Иране; в Индии потомков гебров называют парсами. О храме гебров в Баку см. статью Е.П.Блаватской «Персидский зороастризм и русский вандализм» в кн.: Е.П.Блаватская. В поисках оккультизма. — М.: Сфера, 1996. С. 200-209.

Письмо 5

Стр. 256. *Сейчас я на пути в Мадрас...* — В книге «Листы старого дневника» Г.С.Олькотт приводит длинное и подробное описание этого путешествия. (Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. II, Chapter XXIII. — Adyar: TPH, 1974.)

Стр. 257. *Кули* (тамилск. — «заработки») — название низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих и носильщиков в ряде стран Южной Азии.

Дэвата (др.-инд. — «божество») — в мифологии индуизма божество, существо божественной природы. Дэватам посвящаются особые культовые сооружения, святилища — *дэвагриха* (божий дом).

Дэваки — супруга Васудэвы (царя Лунной династии, главы ядавов), мать Кришны, выступающая иногда как воплощение Адити, прародительницы богов.

Дравиды — группа коренных народов Индии, относящихся к южно-индийской расе: телугу, тамилы, малаяли, каннара, гонды, ораоны и др.

Стр. 258. *Падре* (итал., исп. *padre* — отец) — форма обращения к католическому священнику в Италии, Испании.

Арьяварта (санскр. — «страна ариев») — место действия древнеиндийского эпоса и мифов, расположенная в Северной Индии; область первоначального расселения ариев.

Письмо 7

- Стр. 265. *Пайс* (пайса) — разменная монета Индии, равная 1/100 рупии.
Даккский муслин — тонкая мягкая шелковая или хлопчатобумажная ткань, произведенная в бенгальском городе Дакка, славящемся старинными традициями изготовления муслина.
- Стр. 266. *Маратхи* (самоназвание — маратха) — народ в Индии, основное население штата Махараштра.
Шиваджи (ок. 1627/1630—1680) — национальный герой маратхов. Возглавил борьбу маратхов Махараштры против гнета Великих Моголов и в 1674 г. создал независимое маратхское государство.
Аурангзеб (1618—1707) — правитель Могольской империи в Индии с 1658 г., отличавшийся крайней жестокостью.
Великие Моголы — династия правителей так называемой Могольской империи в 1526—1858 гг. (Индия), основанная Бабуром.
...хотя и являюсь «перевоплощением», но уж, конечно, не Брюллова. — В этом месте письма Е.П.Блаватская нарисовала беглый набросок меча с двумя клинками.
- Стр. 268. *Ergo* (лат.) — следовательно, итак.
Хедив (перс. — господин, государь) — титул правителей Египта в 1867—1914 гг.

Письмо 8

- Стр. 270. *«Рамаяна»* (санскр.) — древнеиндийская эпическая поэма на санскрите, в которой повествуется о похищении Ситы, супруги Рамы, царевича из Айодхьи, царем демонов-ракшасов Раваной, о поисках Ситы Рамой и о походе Рамы на царство Раваны — остров Ланку при поддержке войска обезьян во главе с хитроумным Хануманом. Традиция приписывает авторство «Рамаяны» Вальмики.
- Стр. 271. *Хануман* — обезьяний царь, способный изменять облик по желанию; сын Вайю, бога ветра. В «Рамаяне» выступает как соратник Рамы в борьбе с демоном Раваной, похитившим супругу героя Ситу.
- Стр. 272. *Скобелев Михаил Дмитриевич* (1843—1882) — русский генерал от инфантерии. Участвовал в Хивинском походе (1873), Ахалтекинской экспедиции (1880—1881) и подавлении Кокандского восстания (1873—1876). В русско-турецкую войну (1877—1878) успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке.
Кауфман Константин Петрович — см. примечание к стр. 226.

Письмо 9

- Стр. 274. *Эврика* (греч. *heureka* — «я нашел») — восклицание, приписываемое Архимеду при открытии им основного закона гидростатики, названного впоследствии его именем. В переносном смысле — выражение радости, удовлетворения при решении какой-либо сложной задачи, появлении новой идеи.
- Стр. 275. *...наслаждаюсь одиночеством в тиши Гхума...* — Гхум находился на территории бывшей Британской Индии, в одной остановке от Дарджилинга по железной дороге, идущей через горы. В Гхуме есть тибетский монастырь, который в наши дни посещают туристы из Дарджилинга. Е.П.Блаватская рассказывает об этом путешествии в своем письме от 9 октября, отправленном из Дарджилинга А.П.Синнетту. (См. в кн.: Е.П.Блаватская. Письма А.П.Синнетту. — М.: Сфера, 1996. С. 82-84.) Описание поездки содержится также в заметке С.Рамасвамира «Как чела нашел своего Гуру», опубликованной в декабрьском выпуске журнала «Theosophist» за 1882 год. (См. в кн.: Письма Мастеров Мудрости. — М.: Сфера, 1997. С. 261-272; Е.П.Блаватская. Гималайские братья. — М.: Сфера, 1998. Приложение 2. С. 381-390.)
- Бабу* — джентльмен высшего и среднего класса; этот термин часто используется совместно с конкретным именем, подобно английскому «мистер».
- Стр. 276. *Таши-лама*, иначе панчхен-лама, или панчхен-римпоче (тиб. — «драгоценное великое знание») — титул хранителя учения школы гелугпа и духовного наставника далай-ламы; почитается воплощением будды Амиабхи.
- Стр. 277. *Шакья* (Сакья) — в Древней Индии племя и государство в районе современной границы Индии и Непала; из племени шакья вышел основатель буддизма Сиддхартха Гаутама Будда.

Молитвенное колесо — колесо с 8 спицами, символ восьмеричного пути к совершенству,

предложенного человечеству Буддой.

Стр. 279. «Самая прекрасная девушка... и далее. — Эта приписка сделана Е.П.Блаватской на оборотной стороне одного из двух тибетских конвертов размером 5,5 на 2,5 дюйма с красными узорами на лицевой стороне.

Письмо 10

Стр. 280. *Парсы* — потомки зороастрийцев, выходцев из Ирана, поселившихся в Индии в VII—X вв. после завоевания Ирана арабами.

Банья — индус-торговец.

Стр. 282. *Местное Теософское Общество приобрело там целый дворец...* — главное здание адьярской Штаб-квартиры.

Письмо 11

Стр. 283. *...куда мы... недавно переселились.* — Переезд в Мадрас состоялся 19 декабря 1882 г.

Джон Буль — ироническое прозвище типичного англичанина.

Стр. 284. *Тагор Сурендранатх Мохун* (1840—1914) — раджа, индийский музыкант, основатель Бенгальского музыкального общества (1871) и Бенгальской академии музыки (1881). Усовершенствовал индийскую систему нотации.

Стр. 285. *Верещагин Василий Васильевич* (1842—1904) — выдающийся русский художник, крупнейший мастер батального жанра в русской живописи XIX в. Неутомимый путешественник, Верещагин объездил весь мир; участвуя в колониальных походах русских войск, дважды бывал в Индии (в 1874-1876 и в 1882 г.).

Гладстон Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании, лидер Либеральной партии с 1868 г.

Письмо 12

Стр. 290. *Конфуций* (латинизированная форма от кит. Кун Фу-цзы — «учитель Кун»), Кун-цзы, Кун Цю, Кун Чжун-ни (ок. 551—479 до н. э.) — древнекитайский мыслитель, основатель этико-политического учения конфуцианства; основные взгляды и суждения изложены в книге «Лунь юй» («Беседы и суждения»).

Стр. 291. *Шудры* — низшее из четырех древнеиндийских сословий (каст, варн).

Дважды рожденный (санскр. — двиджа) — в древнеиндийском обществе человек, принадлежавший к одной из первых трех варн (каст), т. е. к брахманам, кшатриям и вайшьям. Вторым рождением для них считался обряд посвящения (упанаяна). Однако в некоторых текстах дважды рожденными почитались только брахманы, прошедшие особое посвящение.

«Государство — это я» — на самом деле это изречение принадлежит королю Людовику XIV.

Стр. 292. *Пашковцы* — одно из названий секты евангельских христиан, или евангелистов — протестантской секты, близкой к баптистам, в России в конце XIX в., — по имени ее руководителя В.А.Пашкова.

Письмо 14

Стр. 298. *...что за шельмы эти Булли...* — «Джоны Булли», т. е. англичане.

Стр. 300. *Катков Михаил Никифорович* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Пай — самая мелкая индийская монета, равная 1/12 анны.

Стр. 301. *«Илберт-билль»* — законопроект, предложенный вице-королем лордом Рипоном, предусматривавший возможность привлечения к суду преступников из числа европейцев туземными судьями. Этот билль вызвал бурю негодования среди европейской части общества Индии, в результате чего из законопроекта пришлось исключить большинство его важнейших положений.

Письмо 15

Стр. 304. *Госпожа Курдюкова* — героиня юмористической поэмы русского поэта И.П.Мятлева (1796—

- 1844) «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже».
- Стр. 305. *Ситар* — индийский струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни.
Отплываю 20 февраля... — 20 февраля 1884 года Е.П.Блаватская, Г.С.Олькотт, Мохини М.Чатерджи и Б.Т.Падшах отплыли в Марсель на пароходе «С.С.Чандернагор». Преданного слугу Е.П.Блаватской звали Бабула.
Графиня Кейтнесс (герцогиня де Помар) — основательница Теософского Общества Востока и Запада в Париже, автор книги «Христианская теософия».
- Стр. 306. *Verba volant, scripta manent* (лат.) — слова улетают, написанное остается.

Письмо 16

- Стр. 308. *Барятинский Александр Иванович* (1815—1879) — князь, российский государственный деятель, наместник Закавказья.
Папа римский Борджиа — Александр VI (1431—1503), папа римский с 1492 г., устранявший политических противников при помощи яда и кинжала.
- Стр. 309. «*Карманьола*» — французская народная революционная песня-пляска, популярная в годы революций 1830 и 1848 гг. и в дни Парижской Коммуны (1871).
- Стр. 311. *...брахман, которого мы с собою привезли...* — Мохини Мохан Чатерджи. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
[...] *Яковлевна Трубецкая...* — имя в оригинале отсутствует.
Всеволод Сергеевич Соловьев — см. раздел Краткие биографические очерки.

Госпожа Блаватская согласно описанию фрейлины г-жи Смирновой

- Стр. 312. *...сочиненного фрейлиной...* — По-французски «фрейлина» — «*demoiselle d'honneur*», то есть «благородная девица», а буквально — «девица чести». Е.П.Блаватская подчеркнула слово «*honneur*» — «честь» — и поставила после него восклицательный знак.
[известно] — Здесь и далее в квадратных скобках — реплики Е.П.Блаватской.
- Стр. 314. *Fille d'honneur* — то же самое, что и *demoiselle d'honneur*, «девица чести».

Прошение Е.П.Блаватской

Прошение написано крупным, разборчивым почерком, не соответствующим почерку Е.П.Блаватской, однако под ним стоит ее подлинная подпись.

- Стр. 316. *Андрей Михайлович Фадеев* (1789—1867) — дед Е.П.Блаватской.

Письмо князю А.М.Дондукову-Корсакову от г-жи Глинки

Это письмо (на почтовой бумаге с черной каймой) отправила из Парижа князю А.М.Дондукову-Корсакову Юстина Глинка, дочь бывшего русского посла в Бразилии. Письмо было написано за два-три месяца до отъезда Е.П.Блаватской из Индии и за пять месяцев до того, как она подала собственное прошение князю А.М.Дондукову-Корсакову. Дата, проставленная на письме, соответствует 3 января по старому русскому стилю и 15 января по общепринятому календарю.

ПИСЬМА ИЗ РУССКИХ АРХИВОВ

Письма из московских архивов найдены и подготовлены к печати Д.Н.Поповым и М.Ф.Дроздовой-Черноволенко.

Письма издателям

Письмо 1

А.С.Суворину

Письмо Е.П.Блаватской, адресованное известному русскому издателю А.С.Суворину, хранится в РГАЛИ

(ф. 459, оп. 1, ед. хр. 384).

Суворин Алексей Сергеевич — крупнейший русский журналист, издатель. (См. раздел Краткие биографические очерки.)

Стр. 321. «*Amrita Bazaar Patrika*» — газета, издававшаяся в Калькутте; в 1879 г. в ней печаталась и сама Е.П.Блаватская.

Press Comissioner (англ.) — уполномоченный по делам прессы.

Письмо 2

И.П.Минаеву

Письмо Е.П.Блаватской, адресованное профессору И.П.Минаеву, хранится в архиве СПб. отделения Института востоковедения Российской Академии Наук (ф. 39, И.П.Минаев, оп. 2, ед. хр. 1, лл. 1—4. Автограф).

Минаев Иван Павлович (1840—1890) — выдающийся русский востоковед-индолог, историк, этнограф, исследователь буддизма. (См. раздел Краткие биографические очерки.)

Стр. 325. *Сумангала* — первосвященник южно-буддийской церкви на Цейлоне того времени.

Стр. 326. *Риветт-Карнак Джон Генри* (1839—?) — английский историк; автор трудов об индийских памятниках древности, и в частности о наскальных изображениях. Среди них работа «*Archaeological Notes on ancient sculpturings on rocks in Kumaon, India*», печатавшаяся в «*Journal of the Asiatic Society of Bengal*», (Калькутта, 1870).

Насик (Нашик) — один из священных индийских городов, расположенный в верховьях реки Годавари в северной Махараштре, где находится пещера, известная как Пещера Ситы. По преданию, в районе Насика находился в изгнании Рама со своей женой Ситой и братом. Здесь Ситу похитил могущественный правитель ракшасов Равана.

Письмо 3

В.И.Прибыткову

Письмо Е.П.Блаватской издателю журнала «Ребус» В.И.Прибыткову было опубликовано в 1910 г. в сборнике «Вопросы теософии» («Вопросы теософии», вып. 2. СПб., 1910. Выпуск в Память Елены Петровны Блаватской. С. 90), ставшем ныне библиографической редкостью и хранящемся в Российской государственной библиотеке в Москве.

Прибытков Виктор Иванович — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 328. ...из моих «*Писем из Индии*»... — Речь идет о сочинении Е.П.Блаватской, опубликованном в России под псевдонимом Радда Бай: Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину. (Русский вестник. Приложение. 1883. Современное издание этой книги: Е.П.Блаватская. Из пещер и дебрей Индостана. — М.: Сфера, 1998.)

Стр. 330. «*Кавказ*» — газета, издававшаяся в Тифлисе.

Заповедь Конфуция — чего себе не пожелаешь, того не делай и другим.

Стр. 331. *Унтер-офицерша Подшлепкина* — Февронья Петровна Пошлепкина, персонаж комедии Н.В.Гоголя «Ревизор». Е.П.Блаватская подразумевает слова Городничего: «Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла». (Н.В.Гоголь. Ревизор. Действие 4, явление 15.)

Письмо 4

Редактору «Times»

Письмо Е.П.Блаватской опубликовано в журнале «Ребус» (Санкт-Петербург, 1884. Т. III, № 39, с. 380).

Письмо 5

В.И.Прибыткову

Письмо Е.П.Блаватской редактору журнала «Ребус» В.И.Прибыткову хранится в РГАЛИ (ф. 1188, оп. 1, ед. хр. 5, л. 127).

Письмо не датировано; на конверте петербургский штамп: 20.02.1886.

Стр. 334. *Бедный И.С.Аксаков...* — 27 января 1886 г. умер Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886), русский публицист и общественный деятель, один из идеологов славянофильства. Редактор газет «День», «Москва», «Русь», журнала «Русская беседа» и др. В 1840—1850-х гг. выступал за отмену крепостного права. В годы русско-турецкой войны 1877—1878 был организатором кампании за освобождение славян от турецкого ига.

Молох — согласно Библии, божество, почитавшееся в Палестине, Финикии и Карфагене, которому приносились человеческие жертвы. В переносном смысле Молох — страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

...преуспевают одни Иуды: Петки Каравшovy, да Баттенберги... — Речь идет о разрыве русско-болгарских отношений в 1886 г. в связи с антирусской политикой правительства болгарского регента С.Стамболова после свержения князя Александра Баттенберга.

Баттенберг Александр (1857—1893) — немецкий принц, князь Болгарии в 1879—1886 гг., проводник австро-германского влияния на Балканах.

Письмо 6

М.Н.Каткову

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (фонд 120. Катков. Картон № 1, ед. хран. 35). Письмо не датировано, отправлено из Парижа. Начала письма нет, края обожжены, текст поврежден. Общее количество листов — 6.

Стр. 335. *...рассказ о «Голубых горах»...* — книга «Загадочные племена на Голубых горах в дебрях Индостана», впервые опубликованная в московском журнале «Русский Вестник». (См. изд.: Е.П.Блаватская. Загадочные племена на «Голубых горах». — М.: Сфера, 1994)

Стр. 336. *Вся их религия, т. е. тоддов, бадагов, мулакурумбов...* — Тодды — таинственный народ в Индии, обнаруженный в неизведанных дебрях Нильгири (Голубых) гор в округе Мадрас, происхождение, язык и религия которых неизвестны.

Бадаги и мулакурумбы — два других племени, обитающие в тех же горах. Тодды этнически, филологически и во всех остальных отношениях полностью отличаются от бадагов и мулакурумбов.

Charcot de la Salpetriere — Жан Мартен Шарко (1825—1893), врач, один из основоположников невропатологии и психотерапии, создатель клинической школы. Описал ряд заболеваний нервной системы. Исследовал истерию и другие неврозы, разработал методы их лечения.

Лангенбек Бернхард (1810—1887) — немецкий хирург, один из основоположников современной хирургии, создатель научной школы; свыше 20 хирургических операций носят имя Лангенбека.

Стр. 337. *...так и [...]* — край письма сильно поврежден.

Стр. 338. *[...]* — страница обожжена.

...не желаю, чтобы [...] — край письма поврежден.

Письма О.А.Новиковой

Новикова Ольга Алексеевна — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письмо 1

Записка Е.П.Блаватской, адресованная О.А.Новиковой, хранится в РГАЛИ (ф. 345, оп. 1, ед. хр. 101). Публикуется впервые.

Стр. 341. *Шмихен Герман* — художник, автор наиболее известных портретов Махатм Мории и Кут Хуми.

Письмо 2

Стр. 342. «*Дебри*» — книга Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана». (См. изд.: Е.П.Блаватская. Из пещер и дебрей Индостана. — М.: Сфера, 1994.)

...вместе с М. & [...]emont... — Здесь и далее [...] обозначает нерасшифрованные неразборчивые места в тексте писем.

Мохини — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письмо 3

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Стр. 343. *Гладстон Уильям Юарт* — см. примечание к стр. 285.

Письмо 4

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.
Дата указана по почтовому штемпелю на конверте: 30 июля 1884 г.

Стр. 345. *Паунд* (англ.) — фунт; 86 паундов — 86 фунтов.

3. [...] — Все три с половиной строки вычеркнуты.

...не упадите вы «в колодезь»... — *Колодезь*, или колодец — символ оккультного знания.

Письмо 5

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Стр. 348. *Семь глав «Загадных племен»...* — Речь идет о путевых очерках Е.П.Блаватской «Загадные племена на «Голубых горах»», опубликованных впервые в «Русском Вестнике» под псевдонимом Радда Бай. (См. изд.: Е.П.Блаватская. Загадные племена на «Голубых горах». — М.: Сфера, 1994.)

Письмо 6

Письмо, адресованное, по-видимому, О.А.Новиковой, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Письмо 7

Письмо хранится в РГАЛИ (ф. 345, оп. 1, ед. хр. 101).

На почтовом штемпеле стоит дата: август, 21, 1884.

Письмо 8

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Письмо 9

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Письмо 10

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Стр. 355. ...«*Lucifer*» *Кентерберийскому черту*... — В декабре 1887 г. в журнале «*Lucifer*» была напечатана редакционная статья под названием «“Люцифер” приветствует архиепископа Кентерберийского».

Письмо 11

Открытка, адресованная О.А.Новиковой, хранится в РГАЛИ (ф. 345, оп. 1, ед. хр. 101). Указание даты и название месяца на почтовом штемпеле неразборчиво. Отчетливо читается: London-W, 5 [...], 1889.

Письмо 12

Письмо хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Стр. 357. *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853—1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист.

«*Key to Theosophy*» (англ.) — книга Е.П.Блаватской «Ключ к теософии». (См. изд.: Е.П.Блаватская. Ключ к теософии. — М.: Сфера, 1993.)

Стр. 358. *Санкарачарья* — Шанкарачарья (санскр. — «учитель Шанкара»), Шанкара («дающий багополучие», «благостный»), также Ади-Шанкара («изначальный Шанкара», в отличие от титулов глав основанных им монашеских орденов) — великий философ индуизма (788—812), крупнейший вероучитель шиваизма и классик направления адвайта-веданты. Его главные произведения: комментарии на «Брахма-сутры», 11 старших упанишад, «Бхагавадгиту»; религиозно-философские поэмы, гимны.

Письмо 13

Письмо Е.П.Блаватской, адресованное О.А.Новиковой и написанное на бланке Теософского Общества, хранится в РГАЛИ.

Стр. 359. А[...] и П[...] — фамилии неразборчивы.

Anti Slavery Society — Общество борьбы с рабством.

M.P. — член парламента.

Письмо 14

Письмо не датировано. В связи с упоминанием о художнике Шмихене, писавшем портреты Махатм и Е.П.Блаватской в 1884 г. в Лондоне, оно, возможно, относится к этому периоду времени.

Стр. 360. *Стэд Уильям Томас* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письмо 15

Почтовая открытка, адресованная О.А.Новиковой, не датирована. Хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Письмо 16

Письмо хранится в РГАЛИ (ф. 345, оп. 1, ед. хр. 101). Письмо не датировано, сильно повреждено, отсутствует начало.

Стр. 362. «*Голубые горы — Загадочные племена*» — книга Е.П.Блаватской «Загадочные племена. Три месяца на “Голубых горах” Мадраса». (1-е изд.: «Русский Вестник», 1884-1885. См. изд.: Е.П.Блаватская. Загадочные племена на «Голубых горах». — М.: Сфера, 1994.)

Племяннице Наде

Автограф этого письма Е.П.Блаватской был опубликован в альманахе «Вопросы теософии», вып. 2 (СПб., 1910. Выпуск в память Е.П.Блаватской. С. 93).

Стр. 364. «*ISIS*» — «Разоблаченная Изида».

Н.А.Фадеевой

Записка, посланная через О.А.Новикову «Ее превосходительству Надежде Андреевне Фадеевой. На Херсон[ской] улице, дом Когана, Одесса». Написана на обратной стороне визитной карточки Е.П.Блаватской. Хранится в РГАЛИ (ф. 345, оп. 1, ед. хр. 101). Не датирована.

В.С.Соловьеву

Записка на обратной стороне визитной карточки, не датирована. Хранится в РГАЛИ (ф. 345, оп. 1, ед. хр. 101).

ПИСЬМА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ТЕОСОФАМ

Лукреции «Недремлющей»

Это письмо хранится в Библиотеке конгресса США в Вашингтоне. Оно адресовано некой леди «Лукреции», которую в теософских кругах, по-видимому, называли «Недремлющая». К.Джинарадхадаса предполагает, что это г-жа Дэниэлс из Провиденса (штат Род-Айленд), член Теософского Общества. В 1878 г. она часто бывала в гостях у Е.П.Блаватской и переписывалась с ней.

Стр. 369. ...*свежеиспеченный «брат» г-н Эванс* — предположительно, Мордехай Д.Эванс, вступивший в Теософское Общество в 1876 г.

Ламасери — ламаистский монастырь. С легкой руки одного из самых известных нью-йоркских репортеров, Дэвида Кертиса, так прозвали дом Е.П.Блаватской в Нью-Йорке на углу Восьмой авеню и Сорок седьмой улицы, где она поселилась летом 1876 года.

Стр. 370. *Шин... грел свои голени...* — игра слов: *ship* по-английски *голень*.

Френология (от греч. *phren* — душа, ум и ...логия) — теория о связи между особенностями строения черепа и психическими качествами человека.

Стр. 371. *In propria persona* (лат.) — собственной персоной.

...*писать мое имя с двумя «л» — Геллиона* ... — Е.П.Блаватская интерпретирует свое имя Елена—*Helena*, связывая английское написание имени *Геллиона—Heliiona* со словом *hell* (англ.) — ад, а имени *Гелиона—Heliona* — с именем древнегреческого бога Солнца *Helios*.

Cholera morbus (лат.) — холера.

Мотт Мемориал Холл — зал, где 17 ноября 1875 года на церемонии открытия Теософского Общества было зачитано «Торжественное обращение» Общества.

Стр. 372. ...*развеивание в море праха барона фон Пальма...* — О бароне Йозефе Генри Луи Пальма см. в кн.: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. — Рига-Москва: Лигатма, 1999. С. 193. Кремация барона фон Пальма и погребение его праха в море подробно описаны в книге Г.С.Олькотта «Листы старого дневника». (Olcott H.S. Old Diary Leaves. Vol. I. — Adyar: TPH, 1974.)

...*генерала Абнера Даблдэя...* — Перед своим первым отъездом из Америки Г.С.Олькотт назначил «временным председателем» генерал-майора Абнера Даблдэя (1819—1893) — героя Гражданской войны в США и создателя американского бейсбола (1839).

Александр Уайлдер — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 373. *Джадж У.К.* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Мэсси Ч.К. — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 374. «*Anathema maranatha!*» (лат.) — «Да будет проклят!» Формула церковного проклятия и отлучения от церкви.

Госпожа Бэйтс — Роза Бэйтс, англичанка, учительница, которая вместе с английским художником и архитектором Эдвардом Уимбриджем последовала за основателями Теософского

Общества в Индию. Эта женщина пыталась вмешаться в издание журнала «Theosophist» и в 1880 г., рассорившись с Е.П.Блаватской, уехала.

Адельберту де Бурбону

Письмо адресовано председателю отделения Теософского Общества в Гааге Адельберту де Бурбону. Единственные доступные сведения об этом теософе — наследнике великой династии французских королей — содержатся в некрологе, напечатанном в приложении к журналу «Theosophist» за декабрь 1887 г.:

«Из газеты “Madras Mail” мы узнали о смерти в возрасте 47 лет капитана Адельберта де Бурбона, члена Теософского Общества, офицера королевской гвардии. Покойный джентльмен был сыном небезызвестной личности, которая объявила себя пропавшим дофином Франции, сыном Людовика XVI и Марии-Антуанетты, о судьбе которого после гибели его родителей на гильотине никто ничего не знал. Бурбоны его притязания отвергли, однако спустя несколько лет в Голландии, в городе Дельфт, состоялись похороны этого человека, которого погребли под именем “Людовика XVII”. Несомненно, на фотографии нашего покойного коллеги запечатлено лицо человека с ярко выраженными чертами Бурбонов. Он был председателем отделения нашего Общества в Гааге (его Хартия датирована 1881 г.) и горячим приверженцем идей нашего Общества».

Стр. 375. *Т.О.А.С.* — Теософское Общество Арья Самадж.

Ротни-Касл — дом А.О.Хьюма.

Стр. 376. «*Post Nubila Lux*» — «После туч — солнце». Это была первая Ложа в Голландии.

«*Grand Orient*» — «Великий Восток», первоначальная масонская организация Франции.

«*Principe Createur*» — «Творческий Принцип».

Тамплиеры, или *храмовники* (от франц. temple — храм) — члены католического духовно-рыцарского ордена, основанного французскими рыцарями в Иерусалиме около 1118-1119 г., вскоре после первого Крестового похода, и упраздненного папой Климентом V в 1312 г.

Неопалимая Купина — в Библии горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором Бог (Яхве) явился Моисею, призывая вывести соплеменников в обетованную землю.

...я принадлежу к Мемфисской Ложе... — Полномочия на разработку Мемфисского обряда в 1872 г. были переданы из Соединенных Штатов английскому масону Джону Яркеру, который впоследствии официально действовал как Великий Иерофант; именно это звание и дало ему право выдать Е.П.Блаватской масонский диплом.

Стр. 376. *Ритуал Удочерения* — женская параллель мужскому обряду, не допускавшему участия женщин.

Шабероны (тиб.) — великие святые и аватары Будды в ламаизме.

Стр. 377. *De facto* (лат.) — фактически, на деле.

De jure (лат.) — по праву.

Dixi (лат.) — «Я сказал». Утверждают, что ученики Пифагора будто бы говорили «*ipse dixit*» — «сам [Учитель] сказал», чтобы положить конец спорам.

Дамодар Маваланкар — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 379. *Синнетт Альфред Перси* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Холлис Биллингс

Стр. 383. *Самадхи* (санскр.) — важнейшее понятие всех направлений йоги. Наиболее широко известно как состояние того экстаза, когда исчезает сама идея собственной индивидуальности (но не сознание) и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого. Согласно «Йога-сутрам», самадхи есть остановка всей психической активности. В буддизме самадхи — состояние просветления, достигаемое медитацией; последняя ступень восьмиричного пути, подводящая человека вплотную к нирване.

...лежит сейчас в изолированном прямоугольном каменном здании... — Учитель Мориа в одном из своих писем А.П.Синнетту описывает пристанище Кут Хуми следующим образом:

«В одном месте, о коем не принято упоминать в разговорах с посторонними, есть ущелье, через которое перекинут непрочный мостик, сплетенный из трав, а под ним стремительно несется яростный поток. И храбрый из членов ваших альпинистских клубов едва ли рискнет пройти по мостику, ибо он свисает подобно паутине; кажется, что он необыкновенно хрупок и не выдержит вес человека. Но это не так, и перед тем, кто отважится на подобное испытание и успешно его преодолит, — когда захочет, ибо как раз на это ему и должно хватить смелости, — открывается исключительной красоты пейзаж: вход в одно из наших потайных мест и к одному из наших людей, и ни о том, ни о другом нет упоминаний в записях и беглых зарисовках европейских географов. На расстоянии броска камнем от старого ламаистского монастыря стоит древняя башня, в которой созревали целые поколения *Бодхисаттв*. Именно там сейчас покоится ваш безжизненный друг [К.Х.]»

— мой брат, свет души моей, которому я поклялся следить в его отсутствие за его работой». (The Mahatma Letters to A.P.Sinnett. — Adyar: TPF, 1962. Letter № 29.)

Коган (тиб.) — «Владыка» или «Мастер»; предводитель.

Дхиан Коганы (санскр. — «владыки света») — в теософии Е.П.Блаватской высшие боги, соответствующие архангелам римских католиков; божественные разумы, которым поручен надзор за космосом.

Дхьяни-будды (санскр. — «имеющие сострадательное сердце») — в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны — эманации верховного Ади-будды.

Стр. 384. *Эглинтон Уильям* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письма К.Бильеру

Письмо 1

Стр. 388. *Деисты* — последователи деизма (от лат. deus — бог), религиозно-философской доктрины, которая признает Бога как мировой разум, сконструировавший целесообразную «машину» природы и давший ей законы и движение, но отвергает дальнейшее вмешательство Бога в самодвижение природы (т. е. «промысел божий», чудеса и т. п.) и не допускает иных путей к познанию Бога, кроме разума. Получил распространение среди мыслителей Просвещения, сыграл значительную роль в развитии свободомыслия в XVII—XVIII вв.

Письмо 2

Стр. 391. *Аллан Кардек* — см. примечание к стр. 91.

«Фрагменты оккультной истины» — серия статей, опубликованных в журнале «Theosophist» в 1880-х годах. Первые три из них были написаны А.О.Хьюмом, а последующие — А.П.Синнеттом.

...книги г-на Синнетта... — см. изд.: Синнетт А.П. Оккультный мир. — М.: Сфера, 2000.

Письмо 4

Письмо не датировано, место его написания неизвестно.

Стр. 398. *Кингсфорд Анна Бонус* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письмо 6

Краткая записка Е.П.Блаватской, адресованная: «Г-ну Бильеру, улица Фобур-Сент-Оноре, 30». Без указания даты и места написания.

Письмо 7

Письмо не датировано, место написания его неизвестно.

Францу Гартману

Стр. 409. *Франц Гартман* — см. раздел Краткие биографические очерки.

...астральный свет не может лгать... — Речь идет о психометрическом эксперименте Ф.Гартмана, описанном им в статье «Психометрический эксперимент» (F.Hartmann. Psychometrical Experiments. — «Theosophist», 1887, March. Vol. 8, № 6, p. 354-358).

В роли психометриста выступала немецкая крестьянка, совершенно несведущая в подобных вещах. Однако, как оказалось, она правильно описала один из буддийских храмов в Тибете и надписи внутри него, а также его служителей-лам и даже самого Учителя, а вдобавок еще и людей, работавших в окрестностях храма. «Эта картина не могла быть считана с моего сознания, ибо я никогда не видел подобного храма, а если я и бывал там в духе, то этот визит не оставил никакого следа в моей личной памяти», — писал доктор Гартман в своей статье.

Стр. 410. *Лхаканг* (тиб.) — «дом Бога», тибетский храм.

Algiora (итал.) — ажурная.

Дагоба (сингал., от санскр. дхатугарбха) — мемориальное буддийское сооружение пирамидальной формы, подобное индийской ступе, на Цейлоне, в Бирме и других странах Юго-Восточной Азии.

Сангьяса (тиб.) — Будда.

...откуда взялись серебряные пряжки и... — Гартман объясняет это следующим образом: «То, что в видении фигурировал господин в штанах до колена, можно объяснить тем, что в ту пору я был слишком занят духом известного оккультиста Карла фон Эккартсхаузена». [*Карл фон Эккартсхаузен* (1752—1803) — немецкий писатель, автор многочисленных сочинений алхимического и религиозно-мистического содержания, получивших широкую известность в Германии и России.]

Вильяму Хюббе-Шляйдену

Вильям Хюббе-Шляйден (1846—1916) — президент Теософского Общества в Германии, близко общался с Е.П.Блаватской в период написания «Тайной Доктрины». Сведения о нем см. в разделе Краткие биографические очерки.

Содержание публикуемых здесь писем Е.П.Блаватской к В.Хюббе-Шляйдену связано с «разоблачительной» деятельностью против нее лондонского Общества психических исследований. В 1885 г. Е.П.Блаватская приехала из Индии в Европу. Побывав в Италии и Швейцарии, к середине августа она прибыла в Вюрцбург (Германия). Там она приступила к написанию «Тайной Доктрины». В конце года, когда работа была уже в самом разгаре, к ней присоединилась графиня Констанция Вахтмейстер, ставшая ее верным товарищем и помощницей. Однако их размеренная плодотворная жизнь была прервана «разоблачительным» докладом Р.Ходжсона Обществу психических исследований. (Фрагменты этого отчета опубликованы в книгах: *Оккультный мир Е.П.Блаватской*. — М.: Сфера, 1996. С. 315; А.П.Синнетт. *Оккультный мир*. — М.: Сфера, 2000.)

1 января 1886 г. Е.П.Блаватская написала А.П.Синнетту: «Вчера вечером, когда мы ужинали за чаем, появился проф[ессор] Селлин со знаменитым и долгожданным “Отчетом Общества психических исследований” под мышкой. Я читала его, принимая все это в целом как мой кармический новогодний подарок или, пожалуй, как последний удар 1885 года... Меня в нем “публично и печатно” называют раз 25 *фальсификатором*, ловкачом, мошенницей и т. д. и в придачу *русской шпионкой*...» (См. в кн.: Е.П.Блаватская. *Письма А.П.Синнетту*. — М.: Сфера, 1996. Письмо № 57. С. 271-272.)

История эта подробно изложена в многочисленной литературе о Е.П.Блаватской, в частности, в книгах: *Оккультный мир Е.П.Блаватской*. — М.: Сфера, 1996. С. 315; А.П.Синнетт. *Оккультный мир*. — М.: Сфера, 2000; Е.П.Блаватская. *Письма А.П.Синнетту*. — М.: Сфера, 1996; С.Крэнстон. *Е.П.Блаватская*. — Рига—Москва: Лигатма, 1999.

Письмо 1

Стр. 413. *Ходжсон Ричард* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 417. ...нет под рукою «*Оккультного мира*»... — речь идет о книге А.П.Синнетта. (См. изд.: А.П.Синнетт. *Оккультный мир*. — М.: Сфера, 2000.)

Стр. 419. «*Эзотерический буддизм*» — книга А.П.Синнетта. (См. изд.: Синнетт А.П. *Эзотерический буддизм*. — М.: Сфера, 2001.)

Стр. 422. *Vacchus* (англ.) — Бахус (Вакх) — в древнегреческой мифологии одно из имен бога виноградарства Диониса. В Древнем Риме почитался как бог виноделия, вина и веселья, в честь которого праздновались вакханалии.

Стр. 424. *Маха Коган* (санскр.) — руководитель духовной иерархии, глава трансгималайских мистиков.
ОПИ — Общество психических исследований в Лондоне.

Письма Камилле Лемэтр

Письмо 2

Стр. 431. «*Как упал ты с неба, денница*...» — Книга пророка Исаии, 14:12.

Стр. 436. *Папюс* (псевдоним, наст. имя Жерар Анкос) — французский врач, оккультист и мистик, член

многих эзотерических обществ и орденов, каббалист, масон, создавший в конце XIX в. в Париже орден мартинистов. Автор многих сочинений по оккультизму и магии.

«Клятва» — см. в кн.: Е.П.Блаватская. Инструкции для учеников Внутренней Группы. — М.: Сфера, 2000.

Письмо 6

Стр. 449. *Экзотерический* (греч. exoterikos — внешний) — понятный всем, предназначенный для непосвященных, не составляющий тайны, общедоступный, в противоположность эзотерическому, или скрытому.

Письмо 7

Стр. 453. «Голос Безмолвия» — см. изд.: Голос Безмолвия. — М.: Сфера, 2001.

«Эзотерический буддизм» — см. изд.: А.П.Синнетт. Эзотерический буддизм. — М.: Сфера, 2001.

Фрикасе (франц.) — нарезанное мелкими кусочками жареное или вареное мясо с какой-нибудь приправой.

Письмо 8

Стр. 455. *...простите мне эту недостойную игру слов...* — Во французском оригинале письма Е.П.Блаватской здесь употреблено слово «traduire» — «переводить», означающее также «вызывать в суд», «привлекать к дисциплинарной ответственности».

ПИСЬМА У.К.ДЖАДЖУ И ТЕОСОФАМ США (1885—1890)

Письмо 1

Стр. 466. *Субба Роу Т.* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Дугпа (от тибет. «дуг» — «гром») — секта ваджраяны, наиболее распространенная в Бутане; одно из ответвлений школы кагьюдпа, принадлежащей к секте «красных шапок».

Стр. 467. *Чела* (санскр.— «дитя») — ученик, воспитанник гуру, или мудреца, последователь определенного адепта какой-либо школы философии.

Стр. 468. *Купер-Оукли Изабель* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 470. *Бабаджи* — известен также как Дарбхаджири Натх, М.Кришнамачари и С.Кришнасвами Айенгар.

Стр. 471. *Бабула* — преданный слуга-индеец, начавший служить Е.П.Блаватской в 1879 г. в Бомбее, когда он был еще 15-летним юношей. Бабула знал несколько языков, а Блаватская выучила его еще и французскому. Сопровождал ее в поездке в Европу.

Стр. 473. *Кхандавала Н.Д.* — судья.

Стр. 474. *Брайтова болезнь* — хронический нефрит.

Стр. 477. *Холлоуэй Лора Картер* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 479. *Упасика* (санскр.) — женщина-чела, ученица. Так Учителя называли Е.П.Блаватскую.

Письмо 2

Стр. 482. *Коуз Эллиот Ф.* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 483. «*Path*» («Путь») — ежемесячный теософский журнал, в 1886—1896 гг. издававшийся У.К.Джаджем в Нью-Йорке.

Браун Уильям Турне — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письмо 3

Стр. 485. *Гальванизация* — воздействие постоянным электрическим током.

Письмо 5

Стр. 495. *Нирманакая* (санскр. — «преображенное тело») — буддийский термин, означающий посмертное состояние адепта, покинувшего свое физическое тело, но сохранившего остальные принципы и избравшего путь незримой помощи страдающему человечеству.

Майя (санскр.) — иллюзия; космическая сила, делающая возможным феноменальное существование и, следовательно, восприятие. В адвайта-веданте — понятие, обозначающее все, что подвержено изменению, что имеет начало и конец.

«*Lucifer*» — журнал, основанный Е.П.Блаватской в Лондоне и издававшийся в 1887—1897 гг.

Письмо 6

Стр. 499. *Молот Тора* — см. примечание к стр. 47.

Стр. 499. *Инеистые великаны* — в древнескандинавской мифологии племя злобных первобытных существ: хримтурсов, турсов, ётунов — чудовищ, с которыми сражался Тор-громовник.

∴ — символ Учителя М.

Письмо 7

Стр. 500. *Манас* (санскр.) — букв. «ум», способность человека мыслить; эзотерически — Высшее Эго, чувствующий перевоплощающийся принцип.

Буддхи (санскр.) — духовная душа в человеке (шестой принцип), проводник Атмы.

Рупа (санскр.) — форма, тело.

Стхулашарира — в метафизике грубое физическое тело.

Стр. 501. *Гистасп* — отец Дария, царя государства Ахеменидов в 522—486 до н. э.

Стр. 502. [...] — Здесь и далее многоточие в квадратных скобках обозначает слова, которые невозможно прочитать. Следующие полторы строчки замазаны почти целиком.

Письмо 9

На конверте стоит лондонский почтовый штемпель с датой: 5 июня 1888 г.

Стр. 505. *Мейбл Коллинз* — известная английская писательница-окультист. (См. раздел Краткие биографические очерки.)

Письмо 10

Стр. 507. «*Ложа Блаватской*» *Теософского Общества* — Эзотерическая секция, организованная осенью 1888 г. (См. в кн.: Е.П.Блаватская. Инструкции для учеников Внутренней Группы. — М.: Сфера, 2000.)

Письмо 11

Стр. 511. *In re* (лат.) — по делу.

Если бы у нас было 100 Анни Безант и Гербертов Барроузов... — Анни Безант — см. раздел Краткие биографические очерки.

Герберт Барроуз — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 513. *Карт-бланш* (франц. *carte blanche* — «чистый бланк») — чистый бланк, подписанный лицом, предоставляющим другому лицу право заполнить этот бланк текстом. Дать карт-бланш (в переносном смысле) — предоставить кому-либо неограниченные полномочия, полную свободу действий.

«*Revue Theosophique*» — «Теософское обозрение».

Письмо 12

Стр. 515. *Мид Джордж Роберт Стоу* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Письмо 13

Письмо не датировано, но написано предположительно в последних числах октября.

Стр. 519. *Клятва* — см. в кн.: Е.П.Блаватская. Инструкции для учеников Внутренней Группы. — М.: Сфера, 2000.

Стр. 520. «*Religio-Philosophical Journal*» — «Религиозно-философский журнал», издавался в Чикаго в 1865—1895 гг.

Стр. 521. *Терпеть не могу...в папу римского или в самодержца.* — Последняя фраза приписана ниже, чуть наискосок, почерком Е.П.Блаватской, но более крупными буквами.

Письмо 14

Письмо Е.П.Блаватской д-ру Эллиоту Коузу не датировано, но, поскольку в нем речь идет о «Письме редактору» Эллиота Коуза, опубликованном в «*Religio-Philosophical Journal*» (Чикаго) 11 мая 1889 г., можно предположить, что оно написано приблизительно в это время.

Коуз Эллиот Ф. — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 522. *...об истинном источнике «Света на Пути»...* — см. изд.: Свет на Пути. Из книги Золотых Правил Мудрости. — М.: Сфера, 1999.

Письмо 15

Стр. 527. *Гупта-видья* (санскр.) — эзотерическая, или тайная, наука.

Таттвы (санскр. «таттва» — «то») — фундаментальные космические принципы существования; тонкие элементы, соответствующие чувствам.

Стр. 529. *Внутренний круг* — Внутренняя группа. (См. об этом в кн.: Е.П.Блаватская. Инструкции для учеников Внутренней Группы. — М.: Сфера, 2000.)

Правила III и IV для членов Эзотерической Секции гласят:

«3. Член Секции должен протестовать против уничижительных или клеветнических утверждений, сделанных в его присутствии и направленных против собрата-теософа, если только он не знает, что они истинны, в противном же случае ему следует хранить молчание.

4. Ни один член не должен похваляться, что он состоит в этой Секции».

(См. в кн.: Е.П.Блаватская. Инструкции для учеников Внутренней Группы. — М.: Сфера, 2000. С. 21.)

Стр. 530. «*North American Review*» — «Североамериканское обозрение».

Письмо 16

Записка У.К.Джаджу от Е.П.Блаватской по поводу хартий Эзотерической Секции. Написана предположительно около марта 1890 г.

Стр. 533. *Дзиан* (дзин, дзэн) — согласно Е.П.Блаватской, является тибетским искажением санскритского слова «дхиана» — вневещественное созерцание и «джняна» — мудрость, божественное знание.

Дзиан-па (тиб.) — последователь учения дзиан.

Стр. 534. *К чему говорить о **продаже** фотоснимков?* — Эти замечания Е.П.Блаватской, возможно, являются ответом на письмо У.К.Джаджа из Нью-Йорка от 25 февраля 1890 г.

Письмо 17

Письмо написано около 9 августа 1890 г.

ПИСЬМА СЪЕЗДАМ АМЕРИКАНСКИХ ТЕОСОФОВ (1888—1891)

Письма, адресованные Е.П.Блаватской съездам американских теософов, были написаны в последние четыре года ее жизни, причем два из них — всего за три с половиной недели до ее смерти. В этих письмах Блаватская предстает перед нами как посланник своих Учителей, носительница высшего духовного знания.

Поистине пророчески звучат ее слова о необходимости обуздать и должным образом направить ожидающуюся в этот период развития нашей расы приливную волну психической восприимчивости, чтобы она «могла работать во благо, а не во зло».

Лейтмотивом этих писем являются ее слова: «Действуйте, как воплощенные боги. Ощущайте себя проводниками и связующим звеном всего человечества, а человечество — частью себя самих, и поступайте соответственно».

Второму ежегодному съезду

22-23 апреля 1888

Письмо Е.П.Блаватской, адресованное Американской секции Теософского Общества (в Шерман-Хауз, Чикаго, штат Иллинойс), было зачитано У.К.Джаджем на дневном заседании съезда американских теософов 22 апреля 1888 г.

Стр. 547. «Клуб Чудес» — см. примечание к стр. 62.

Стр. 549. *Анимализм* (от лат. animal — животное) — сосредоточенность на чувственных, физических, плотских желаниях в ущерб нравственным, духовным, интеллектуальным устремлениям.

Стр. 551. *Графиня Вахтмейстер* — Констанция Вахтмейстер. (См. раздел Краткие биографические очерки.)

Третьему ежегодному съезду

28-29 апреля 1889

Письмо Е.П.Блаватской, адресованное Американской секции Теософского Общества (в Палмер-Хауз, Чикаго, штат Иллинойс), было зачитано У.К.Джаджем на утреннем заседании 28 апреля 1889 г.

Стр. 559. *Месмеризм* — идеалистическая система в медицине, предложенная австрийским врачом Ф.Месмером во второй половине XVIII в. Основу месмеризма составляет понятие о «животном магнетизме», посредством которого можно изменять состояние организма, в том числе излечивать болезни.

Стр. 561. ...*печально известным Г.Б.Л. и с пресловутыми Г.Н.З.Р.* — Г.Б.Л. — «Герметическое Братство Луксора», ложно-эзотерическое общество, начавшее свою деятельность около 1884 г. в Англии и впоследствии распространившееся в Америке.

Г.Н.З.Р. — аббревиатура названия организации «Гении Наций, Знаний и Религий», которая в 1889 г. была разоблачена в бостонской и нью-йоркской прессе как мошенническая.

Стр. 562. «Я Павлов, я Аполлосов»... — перифраз высказывания: «Я понимаю то, что у вас говорят: “я Павлов”; “я Аполлосов”; “я Кифин”; “а я Христов”». (1 Послание св. ап. Павла в Коринфянам, 1:12.)

Стр. 563. *О.Т.П.* — Общество теософских публикаций.

Бак Джирах — видный американский теософ, известный врач.

Четвертому ежегодному съезду

27-28 апреля 1890

Послание Е.П.Блаватской, адресованное Американской секции Теософского Общества (в Палмер-Хауз, Чикаго, штат Иллинойс), было зачитано Бертрамом Кейтли на дневном заседании 27 апреля 1890 г.

Сразу же после перерыва У.К.Джадж получил телеграмму следующего содержания:

Джаджу, генеральному секретарю

Привет съезду. Слишком больна, чтобы написать лично.

Е.П.Блаватская

Стр. 567. *Бертрам Кейтли* — см. раздел Краткие биографические очерки.

Стр. 572. *Христианская наука*, или Церковь Христа-ученого — религиозная конфессия, основанная в 1879 г. в США Мэри Бейкер Эдди. Конфессия возникла в недрах протестантизма и прославилась практикой «духовного исцеления».

Стр. 573. *Национальное движение является приложением к теософии.* — В январе 1888 г. Эдвард Беллами опубликовал работу «Взгляд назад, 2000—1887» (Edward Bellamy. Looking Backward, 2000—1887), где он описал воображаемый новый порядок, основанный на экономическом и социальном братстве и равенстве всех людей. В результате стали возникать националистические клубы: сперва в Бостоне, штат Массачусетс, а затем и по всей Америке. Эти клубы пользовались поддержкой теософов, которые увидели в национальном движении один из практических способов реализации своего идеала всемирного братства. Однако в 1890 г., когда это движение соединилось с политикой, оно лишилось поддержки теософов.

Пятому ежегодному съезду

25-26 апреля 1891

Письмо Е.П.Блаватской, адресованное Американской секции Теософского Общества (в Стейнерт-Холл, Бостон, штат Массачусетс), было зачитано Анни Безант на дневном заседании 26 апреля 1891 г.

Стр. 578. *Психизм* — термин, включающий все фазы и проявления сил и возможностей человеческой души: от медиумизма до сверхчувствительности (экстрасенсорности), от гипнотической восприимчивости до вдохновенного прорицательства, от простого ясновидения в астральном свете до божественного провидчества.

Пятому ежегодному съезду

26-27 апреля 1891

Письмо от Е.П.Блаватской, адресованное Американской секции Теософского Общества (в Стейнерт-Холл, Бостон, Массачусетс), зачитано Анни Безант на дневном заседании 26 апреля.

Приложение ПИСЬМА РОДНЫМ

Эти письма Е.П.Блаватской, адресованные ее родственникам в России, были опубликованы в 1894—1895 гг. в нью-йоркском ежемесячном в журнале «Path» У.К.Джаджем. Их подготовила к печати племянница Блаватской Вера Джонстон. Большинство из этих писем не датировано, и не всегда ясно, откуда было написано то или иное письмо.

Стр. 585. *Желиховская Вера Петровна*, урожд. Ган (1835—1896) — младшая сестра Е.П.Блаватской. В 1880-х гг. она несколько раз навещала Блаватскую в Европе. (См. раздел Краткие биографические очерки.)

Стр. 587. *Я — какая-то загадка психологии... некий Сфинкс!* — Впоследствии Е.П.Блаватскую часто называли Сфинксом.

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социологии. Развил учение о всеобщей эволюции, внес значительный вклад в изучение первобытной культуры, резюмировал достижения естествознания середины XIX в., давая им метафизическое истолкование; внес идею историзма в этнографию, историю религий, психологию. Главный труд — «Система синтетической философии».

Гексли (Хаксли) Томас Генри (1825—1895) — английский биолог, соратник Ч.Дарвина и виднейший пропагандист его учения; президент Лондонского королевского общества.

Фарадей Майкл (1791—1867) — английский физик, основоположник учения об электромагнитном поле.

Стр. 588. «*Назорейский кодекс*» — система, разработанная Бардезаном (род. в 155 г. н. э.), сирийским гностиком и великим астрологом, последователем восточного оккультизма. Кодекс переведен на латынь и содержит очень древнюю гностическую систему, которую иногда называют каббалой

- внутри каббалы.
- Стр. 588. ...*халдейской Библии Онкелоса*... — речь идет о халдейской версии Пятикнижия, собранной известным вавилонским теологом Онкелосом, которая, согласно Е.П.Блаватской, считалась наиболее достоверной. (См. в кн.: Е.П.Блаватская. «Разоблаченная Изида». — Москва—Минск: Сфера—Лотаць, 2000. Т. II, гл. 4, с. 203.)
- ...я не знаю ни санскрита, ни древнееврейского... — в этой связи У.К.Джадж рассказывает: «В 1888 г. в Лондоне один индус, ранее встречавшийся с Е.П.Блаватской в Мируте, в моем присутствии через переводчика сказал ей, что удивлен тем, что она не пользуется в беседе с ним его родным языком, как это она делала в Мируте. Она ответила: “Ах, да, ну так то было в Мируте”».
- Стр. 592. «*восхищен был до третьего неба*» — 2 Кор., 12:2.
- Стр. 594. ...*вознесено было не тело его*... — Деян., 8:39-40.
- Стр. 599. *Сензар* — мистическое название тайного жреческого языка, или языка мистерий.
- Эготизм* (англ. egotism, от лат. ego — я) — самовлюбленность, преувеличенное мнение о себе, своих достоинствах и значении.
- Стр. 600. «*Случаи из жизни мадам Блаватской*» — Sinnett A.P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky. — L.: George Redway; NY: J.W.Bouton, 1886.
- Стр. 603. *Спиритуализм — наука экспериментальная*... — В тот период активно подчеркивалось различие между спиритуализмом и спиритизмом. Определяя спиритуализм, Е.П.Блаватская говорила, что она имеет в виду отнюдь не «призраковедение».
- Стр. 604. ...*сплошь турки да черногорцы*... — это происходило во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.
- Стр. 606. *Силурийский период* (силур) — третий период палеозойской эры геологической истории, начавшийся 435 млн. лет назад и продолжавшийся 30 млн. лет.
- Кит Китыч* (или Тит Титыч) — русский сценический персонаж, у которого была излюбленная поговорка: «Кто может побить Кит Китыча, когда Кит Китыч сам кого хочешь первый побьет?» Кит — по-английски *whale*, и Е.П.Блаватская использует игру слов, чтобы подшутить над биологом-эволюционистом, в известном смысле претендовавшим на то, что он является сыном кита. Блаватская находит его учение «very like a whale» («очень похожим на кита»), что является английским фразеологизмом, означающим «ну конечно! так я тебе и поверил!».
- Гиппарион* — род вымерших млекопитающих семейства лошадиных. Жил гиппарион с позднего миоцена до конца плиоцена на всех материках (кроме Южной Америки и Австралии).
- Стр. 607. *Архе* (греч. αρχε) — начало, принцип; термин древнегреческой философии.
- Стр. 610. *Мантра* (санскр.) — сакральный, священный слог, имя или мистическая формула, произнесение которых считается производящим особые магические или духовные результаты. В ведической культуре и раннем брахманизме — поэтические отрывки из Вед, использование которых было в основном ритуальным.
- Стр. 612. *Автор «Занони»* — Эдуард Булвер-Литтон (1803—1873), английский писатель-романист, драматург и политик, барон.
- Стр. 613. «*Голос*» — литературно-политическая газета, выходившая в Петербурге в 1863—1884 гг.
- «*Русский Вестник*» — литературно-политический журнал, выходивший в Москве и Петербурге.
- Стр. 617. ...*переживаниям, связанным с убийством царя Александра II*. — Император Александр II был убит народовольцами 1 марта 1881 г. Переживания Блаватской, вызванные этим событием, отражены в ее статьях «Цареубийство» и «Состояние России». (См. в кн.: Е.П.Блаватская. Терра инкогнита. — М.: Сфера, 1996.)
- Стр. 620. *Сенсимонисты* — ученики и последователи Клода Анри де Рувруа, графа де Сен-Симона (1760—1825) — французского мыслителя-утописта. Среди них были историк О.Тьерри и основатель позитивизма О.Конт, Б.П.Анфантен, С.А.Базар, О.Родриг и др.
- Стр. 624. ...*дискуссии о том, что Шанкарачарья — теист*... — Шанкарачарья (санскр. «учитель Шанкара»), или Шанкара («дающий багополучие», «благодостный») — великий философ индуизма (788—812), крупнейший вероучитель шиваизма и классик направления адвайта-веданты.
- Адвайта* (санскр. — недвойственность) — индуистское философское учение, одна из основных разновидностей веданты, развитая Шанкарой (VIII-IX вв.).
- Лары и Пенаты* — в римской мифологии божества-покровители домашнего очага, хранители семьи и дома. В переносном смысле — домашний очаг, родной дом («вернуться к своим пенатам»).
- Стр. 625. «*Pall Mall*» — лондонская вечерняя газета.
- Ренан Жозеф Эрнест* (1823—1892) — французский писатель, филолог и историк, автор книг «Жизнь Иисуса», «История происхождения христианства», «История семитических языков», множества трудов по востоковедению, философских драм.
- ...*г-жа Адан — Джульетта Адан*, издатель «Nouvelle Revue».
- Стр. 626. *Легитимисты* (от лат. legitimus — законный) — во Франции после Июльской революции 1830 г. приверженцы династии Бурбонов; преимущественно крупные землевладельцы аристократического происхождения и представители высшего католического духовенства.
- Стр. 628. *Арундейл Франческа* — см. раздел Краткие биографические очерки.
- Стр. 629. *Ольга Н.* — Новикова Ольга Алексеевна. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
- Conversazione* (итал.) — вечер, устраиваемый научным или литературным обществом.
- Стр. 631. *Шейкеры* (трясуны) — распространенное название одной из христианских милленаристских сект, появившейся в Англии в 1747 г. и зародившейся из движения квакеров.
- Квакеры* — члены религиозной христианской общины, основанной в середине XVII в. в Англии. Отвергают институт священников, церковные таинства, проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью.

Армия Спасения — международная филантропическая организация, созданная в 1865 г. и реорганизованная в 1878 г. по военному образцу методистским проповедником У.Бутом, ставшим ее первым генералом, для религиозной пропаганды среди беднейших слоев населения Лондона.

- Стр. 633. *Радда Бай* — русский литературный псевдоним Е.П.Блаватской.
- Стр. 634. *Гехард Густав* — см. раздел Краткие биографические очерки.
Г-жа Курдюкова — см. примечание к стр. 304.
- Стр. 636. *Нубар-паша* — известный египтолог, в то время занимавший пост премьер-министра Египта.
- Стр. 640. *Ледбитер* Чарлз Уэбстер — см. раздел Краткие биографические очерки.
Сварга (санскр.) — небо, высший из трех миров индуистской космографии, обитель света, куда уходят после смерти души добродетельных людей; рай, царство Индры.
- Стр. 642. *Соловьев Всеволод Сергеевич* — впоследствии, когда все его настойчивые просьбы о принятии его в чела были категорически отвергнуты, стал злейшим врагом Е.П.Блаватской. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
- Стр. 643. *Пифия* (греч. *πιϋία* — в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.
- Стр. 644. *...когда Майерс постоянно писал тебе...* — Майерс Фредерик В. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
Майерс писал, расспрашивая о Е.П.Блаватской, так часто, что семье В.Желиховской это надоело и они чуть было не стали просить почтовое управление прекратить доставку его писем.
- Стр. 646. *Телугу* (андрха) — письмо на основе алфавита телугу, восходящего к древнейшему индийскому письму — брахми.
- Стр. 647. *...жду обещанного приезда Нади...* — Надежды Андреевны Фадеевой.
- Стр. 649. *Primo* (лат.) — во-первых.
Secundo (лат.) — во-вторых.
Дадли Дейвид — выдающийся хирург, доктор медицины.
- Стр. 650. *Куньлунь* — горная система в Тибетском нагорье.
- Стр. 653. *Констанция* — графиня Вахтмейстер. (См. раздел Краткие биографические очерки.)
- Стр. 658. *Сенсуализм* (от лат. *sensus* — восприятие, чувство) — направление в теории познания, согласно которому основой достоверного познания являются ощущения, восприятия.
- Стр. 660. *Phosphoros* — Фосфор (греч. — «светоносный»), в греческой мифологии божество утренней зари, одно из имен Венеры. В римской мифологии — Люцифер.
«Я, Иисус... звезда светлая и утренняя» — Откровение, 22:16.
Генерал Бут — английский проповедник Уильям Бут (1829—1912), основатель и первый генерал Армии спасения — благотворительной организации, получившей широкое распространение во всем мире.
- Стр. 661. *...поклоняются Ваалу и маммоне...* — перифраз известного евангельского изречения: «Не можете служить Богу и маммоне». (Матф., 6:24.)
Ваал (Баал, Балу) — древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны. Почитался в Финикии, Палестине и Сирии, затем его культ распространился на Запад (в Египет, Грецию и др.). Поклонение ему сопровождалось безнравственными оргиями и человеческими жертвоприношениями.
Маммон — арамейское слово, обозначающее «богатство», которое в Евангелиях почитается «неправедным». «Не можете служить Богу и маммоне». (Матф., 6:24; Лук., 16:13.)
Валамова ослица — в Библии неожиданно заговорившая ослица прорицателя Валаама. (Книга Чисел, 22-24).
- Стр. 663. *«Эзотерический характер евангелий»* — статья Е.П.Блаватской. (См. в кн.: Е.П.Блаватская. Наука жизни. — М.: Сфера, 1999.)
- Стр. 666. *...бессердечная Зоила...* — от имени Зоил; так звали древнегреческого философа и ратора IV в. до н. э., автора «Порицания Гомеру». В XIX в. имя Зоил стало нарицательным для обозначения придирчивого, недоброжелательного и язвительного критика.
...от сорока до пятидесяти страниц «эзотерических инструкций»... (См. в кн.: Е.П.Блаватская. Инструкции для учеников Внутренней Группы. — М.: Сфера, 2000.)
- Стр. 669. *Ландо* (франц. *landau*) — четырехместная карета с откидным верхом, названная по имени города в Баварии (Ландау), где с XVII века начали изготавливать экипажи под названием ландо.
Норманны («северные люди» — викинги, варяги) — германские племена, населявшие Скандинавию (Норвегию, Швецию, Данию, Ютландию) и совершавшие с VIII в. набеги на берега почти всей Европы.
Друиды (кельт. — поклоняющиеся дубу, прорицатели) — служители культа, жрецы, прорицатели, врачеватели у древних кельтов (галлов, бриттов), составлявшие в конце первого тысячелетия до н. э. жреческую межплеменную корпорацию.
- Стр. 671. *Эспланада* (франц. *esplanade* — площадь, плац) — широкая улица с аллеями посредине (авеню, бульвар) или площадь перед большим зданием.
«Ключ к теософии» — см. изд.: Е.П.Блаватская. Ключ к теософии. — М.: Сфера, 1993.
Прозелиты — новые горячие приверженцы.
«Голос Безмолвия» — см. изд.: Голос Безмолвия. — М.: Сфера, 2001.
- Стр. 673. *...которому мой «Lucifer» адресовал «братское послание»...* — В декабре 1887 г. в журнале «Lucifer» была напечатана редакционная статья под названием ««Люцифер» приветствует архиепископа Кентерберийского». Ответа от архиепископа не последовало.

Краткие биографические очерки

Аксаков Александр Николаевич (1832—1903) — русский писатель, переводчик, философ, ученый, один из лидеров спиритуализма в России. В сотрудничестве с А.М.Бутлеровым проводил серьезную работу по естественнонаучному изучению феноменов медиумизма. Положил начало исследованию оккультных феноменов в Германии и России, особенно медиумизма и спиритизма (сочинение «Анимизм и спиритизм», т. 1-2, 1890). Издавал в Лейпциге ежемесячный журнал «Psychische Studien» (1874—1899), который просуществовал вплоть до 1934 г. (с 1925 г. его название было изменено на «Zeitschrift fur Parapsychologie»).

Арундейл Франческа (?—1924) — англичанка, отказавшаяся от ортодоксальной религии и в 1881 г. вступившая в Британское Теософское Общество. Обладала особыми психическими способностями, и Е.П.Блаватская мечтала найти в ней свою преемницу, но ее надежды не оправдались. Работала казначеем Всемирного Теософского Общества. Автор книги «Моя гостя — Е.П.Блаватская» (Arundale F. My Guest — H.P.Blavatsky. — Adyar: TPH, 1932.).

Барроуз Герберт (1845—1922) — английский общественный деятель, один из основателей социал-демократической федерации, в 1908 и 1910 гг. баллотировался в парламент. В 1889 г. одновременно с А.Безант вступил в Теософское Общество.

Безант Анни (1847—1933) — известная английская писательница, общественный деятель, теософ, участница индийского национально-освободительного движения. В 1889 г. вступила в Теософское Общество, после смерти Е.П.Блаватской вместе с У.К.Джаджем стала членом объединенного руководства Эзотерической секции. В 1893 г. уехала в Индию, где возглавляла Теософское Общество (1907—1933), а также Лигу гомруля (1916), борющуюся в годы Первой мировой войны за достижение Индией самоуправления в рамках Британской империи. Автор многих теософских книг, популярных до нашего времени.

Браун Уильям Турне (1857—?) — писатель-шотландец, закончивший университет в Глазго. Примкнул к теософскому движению в 1883 г. в Лондоне, два года прожил в Индии, в 1886 г. уехал в США, а еще через год принял христианство и уверовал в то, что Е.П.Б. «продала душу дьяволу». Его взгляды на теософию изложены в сочинениях «Some Experiences in India» (1884) и «My Life» (1885).

Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886) — великий русский химик, основатель органической химии, профессор Московского университета, президент Русского физико-химического общества, выдающийся исследователь спиритуализма и парапсихологии с естественнонаучной точки зрения. В 1871 г. организовал в Санкт-Петербурге первый научный комитет по исследованию феноменов медиумизма. Постоянный сотрудник популярного спиритического журнала «Ребус», в котором часто публиковалась и Е.П.Блаватская.

Вагнер Николай Петрович (1829—1907) — русский ученый, профессор зоологии и сравнительной анатомии Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской АН. Автор трудов по фауне беспозвоночных Белого моря, энтомологии. Писатель, публиковавший под псевдонимом «Кот-Мурлыка» сказки и фантастические истории. Сторонник спиритизма.

Вахтмейстер Констанция, графиня (1838—1910) — преданный теософ, член Теософского Общества с 1880 г. Впервые встретилась с Е.П.Блаватской в апреле 1884 г. во время поездки в Лондон, находилась при Е.П.Б. в Германии и Бельгии в 1885 г. в период работы над «Тайной Доктриной» и с тех пор почти не покидала ее вплоть до самой смерти. Автор книги «Reminiscences of H.P.Blavatsky and The Secret Doctrine» (1893), описывающей пребывание Е.П.Б. в 1885—1887 гг. в Вюрцбурге (Германия) и Остенде (Бельгия).

Гартман Франц (1838—1912) — врач, родом из Баварии, эмигрировал в США в 1865 г. Увлекался спиритуализмом, а в 1881 г., познакомившись с книгой А.П.Синнетта «Оккультный мир», заинтересовался теософией. В 1883 г. приехал в Адьяр и через некоторое время возглавил правление Теософского Общества. Плодовитый писатель, автор научных работ по метафизике.

Геххард Густав — крупный немецкий банкир и владелец фабрики по производству шелка, некоторое время служивший германским консулом в Иране. Его супруга Мэри, дочь британского майора и ирландки, ученица знаменитого каббалиста Элифаса Леви, первой из семейства Геххардов вступила в Теософское Общество. У Геххардов было семеро детей, почти все они тоже стали теософами. Е.П.Б. дважды гостила в доме Геххардов в Эльберфельде. Геххарды сыграли значительную роль в истории теософского движения.

Джадж Уильям Куан (1851—1896) — американский теософ, один из основателей Теософского Общества. После смерти Е.П.Б. вместе с Анни Безант стал членом объединенного внешнего руководства Эзотерической школы.

Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович, князь (1820—1893) — русский генерал от кавалерии

(1878), член Государственного Совета, верховный русский комиссар в Болгарии (1878—1879), участник разработки Тырновской конституции 1879 г., генерал-губернатор города Одессы и Херсонской губернии в 1881 г., главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1882—1890). Он был другом юности Е.П.Б., познакомившись с ней в конце 1840-х годов в Тифлисе, когда князь служил адъютантом наместника.

Дэвис Эндрю Джексон (1826—1910) — американский спиритуалист и ясновидец, известный как Провидец из Поукипси. Автор литературных трудов, некоторые из которых опубликованы А.Н.Аксаковым. — См. о нем в кн.: Е.П.Блаватская. В поисках оккультизма. — М.: Сфера, 1996. Приложение 9, с. 405—408.

Желиховская Вера Петровна, урожд. Ган (1835—1896) — младшая сестра Е.П.Б., писатель. В 1880-х годах несколько раз навещала Е.П.Б. в Европе. Вера Петровна — автор детских рассказов, исторических очерков, а также работ о жизни Е.П.Б., в числе которых: «Как я была маленькой» (2-е изд. 1894), «Мое отрочество» (1893), «Правда о Елене Петровне Блаватской» («Ребус». СПб., 1883, т. 2, №№ 40—48), «Необъяснимое или необъясненное. Из личных и семейных воспоминаний» (1885), «Helena Petrovna Blavatsky» («Lucifer». London, 1894—1895).

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — русский публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

Кейтли Бертрам (1860—1945) — английский теософ, близкий соратник Е.П.Б. В Теософское Общество вступил в 1884 г. Тесно сотрудничал с Е.П.Б. в редактировании и издании журнала «Lucifer», занимался подготовкой к изданию рукописи «Тайной Доктрины». Автор «Воспоминаний о Е.П.Блаватской» (B.Keightley. Reminiscences of H.P.B. — Adyar: TPF, 1931.).

Кейтнесс, графиня (герцогиня де Помар) — основательница Теософского Общества Востока и Запада в Париже, автор книги «Христианская теософия».

Кингсфорд Анна Бонус (1846—1888) — первый президент Лондонской ложи Теософского Общества. Автор книг по эзотерическому христианству.

Корсон Хирам (1828—1911) — профессор английской литературы Корнеллского университета (Итака, США), один из лидеров спиритуализма в 1870-х гг. Автор фундаментальных трудов «An Introduction to the Study of Robert Browning's Poetry» (1886) и «An Introduction to the Study of Shakespeare» (1889).

Коуз Эллиот Ф. (?—1899) — профессор Смитсоновского института в Вашингтоне, орнитолог. В 1884 г. познакомился с Е.П.Б. и Олькоттом и вступил в Теософское Общество, основал филиал Теософского Общества в Вашингтоне и в 1885 г. стал президентом Американского правления. После упразднения Американского правления и избрания генеральным секретарем Американской секции Теософского Общества У.Джаджа пытался интриговать, претендуя на руководство Теософским Обществом. В результате возглавляемый им филиал, Гностическое Теософское Общество в Вашингтоне, в 1889 г. был закрыт, а сам Коуз был исключен из Теософского Общества и сделался ярым врагом Е.П.Б.

Купер-Оукли Изабель (1854—1914) — родилась в Индии, обучалась в Кембридже, где и встретила своего будущего мужа Альфреда Дж. Оукли. В 1884 г. вступила в Теософское Общество, а с 1889 г. работала в нем как член персонала. Была членом Внутренней группы Эзотерической секции Е.П.Б. Автор нескольких теософско-мистических литературных работ, в числе которых «Mystical Traditions» (1909) и «The Comte de St. Germain» (1912).

Ледбитер Чарльз Уэбстер (1854—1934) — англиканский священник и выдающийся теософский писатель; член Теософского Общества с 1883 г.; автор многих книг по оккультизму, популярных до нашего времени.

Маваланкар Дамодар К. (1857—?) — индеец из богатой семьи, принадлежавшей к касте брахманов; преданный ученик Махатмы К.Х. В 1879 г. вступил в Теософское Общество в Бомбее; работал сотрудником персонала теософской Штаб-квартиры, управляющим делами отдела публикаций Теософского Общества, помогал изданию журнала «Theosophist». Дамодар К.Маваланкар прославился в анналах раннего Теософского Общества как образец преданности Учителям и Обществу, в которое он вступил в двадцать с небольшим лет. В начале 1885 г. он удалился из Индии в Тибет, в Гималайский ашрам Учителей.

Майерс Фредерик В. — поэт, эссеист, член Общества психических исследований, состоявший также в Теософском Обществе. Автор книги «Человеческая личность и ее жизнь после телесной смерти».

Мейбл Коллинз (1851—1927) — известная английская писательница-оккультист, записавшая трактат «Свет на Пути», автор знаменитых книг «Идиллия Белого Лотоса», «Когда Солнце движется на Север» и многих других. В 1884 г. она вступила в Теософское Общество, а в 1887—1888 гг. сотрудничала с Е.П.Блаватской в редакции журнала «Lucifer».

Мид Джордж Роберт Стоу (1863—1933) — ученый-филолог и философ, видный теософ. В 1884 г. вступил в Теософское Общество и через некоторое время стал близким соратником Е.П.Блаватской. С 1889 г. и до конца ее жизни работал вместе с Е.П.Б. в лондонской Штаб-квартире как ее личный ученый секретарь и издатель журналов «Lucifer» и «Theosophical Review». Автор трудов по вопросам гностицизма, герметической философии и происхождения христианства, в числе которых: G.R.S.Mead. «Apollonius of Tyana. The Philosopher of the First Century A.D.». — London and Benares: Theos. Publ. Society, 1901; «Pistis Sophia: A Gnostic Gospel» (1896); «Fragments of Faith Forgotten» (1909).

Минаев Иван Павлович (1840—1890) — выдающийся русский востоковед-индолог, основатель русской индологической школы, филолог, лингвист, историк, фольклорист, этнограф; исследователь буддизма, опубликовавший ряд важных рукописных источников; специалист по исторической географии Азии. Профессор СПб. университета по кафедре сравнительного языкознания. По заданию Российской академии наук совершил три больших путешествия по Востоку, во время которых вел научные исследования, записывал фольклор, собирал рукописи, предметы искусства и быта в Индии, Непале, Бирме, на Цейлоне, в Египте. Собранная им уникальная коллекция буддийских текстов хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Работы Минаева по истории буддизма и опубликованные им тексты памятников заложили основу отечественной буддологии: это «Пратимокшасутра», «Катха-ватхупакарана», «Махавьюпатти», «Бодхичарья-аватара». Автор книг: «Буддизм. Исследования и материалы» (СПб., 1887), «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского» (СПб., 1878), «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г. И.П.Минаевым» (М., 1966), «Дневники путешествий в Индию и Бирму» (М., 1955). Минаев — первый русский индолог, получивший мировую известность. Его учениками были академики-индологи С.Ф.Ольденбург и Ф.И.Щербатской.

Мохини Мохан Чатерджи (1858—1936) — адвокат из Калькутты, брахман по рождению, потомок великого индийского реформатора Раммохана Роя, ученый, знаток санскрита. Один из первых теософов-индийцев; в апреле 1882 г. был избран почетным членом Бенгальского Теософского Общества.

Мэсси Чарльз Карлтон (1838—1905) — английский адвокат, писатель, переводчик, метафизик, спиритуалист и теософ. В 1878 г. был избран первым президентом Британского Теософского Общества. В 1882 г. стал одним из основателей Общества психических исследований в Лондоне. Как явствует из писем Е.П.Блаватской, она весьма ценила Мэсси как талантливого исследователя и благородного человека. Однако в 1884 г. он отрекся от Теософского Общества.

Новикова Ольга Алексеевна, урожд. Киреева (1840—1924) — подруга Е.П.Б. Выступала в печати под псевдонимом «О.К.». Долгое время жила в Англии, вращалась в высших литературных и политических кругах. (См. о ней кн.: Стэд У. Депутат от России. — Пг., 1915.)

Олькотт Генри Стил (1832—1907) — американский журналист, издатель, адвокат, один из основателей и первый президент Теософского Общества.

Г.С.Олькотт в 1859-1861 гг. работал журналистом в сельскохозяйственной редакции «New York Tribune». Участвовал в Гражданской войне в США, в 1862-1866 гг. служил особым комиссионером военного и морского департаментов США по расследованию коррупции и подлогов в военных арсеналах и на морских верфях. В 1868-1878 гг. в Нью-Йорке практиковал как юрист. В 1875 г. избран президентом Теософского Общества и оставался на этом посту до конца жизни. Неустанно трудился на благо Теософского Общества в Индии, Южной Азии, Австралии, Европе. Немало сделал для возрождения буддизма на Цейлоне, оказав помощь в организации трех колледжей и 250 школ. В числе его трудов: «People from the Other World». — Hartford, 1875; «Buddhist Catechism». — Colombo, 1881; «Old Diary Leaves». — Adyar: TPH, 1972-1935. (См. также изд.: Олькотт Г.С. Практическая теософия. — М.: Сфера, 2001.)

Оуэн Роберт Дейл (1801—1877) — сын известного философа-утописта Р.Оуэна, конгрессмен и дипломат, посол США в Неаполе, ведущий спиритуалист Америки.

Прибытков Виктор Иванович — издатель спиритического журнала «Ребус», специалист по истории спиритизма; автор книги «Медиумизм Елизаветы Дмитриевны Прибытковой» (СПб., 1897). Журнал «Ребус», издававшийся супружеской четой Прибытковых с 1881 г. в Санкт-Петербурге, был весьма популярен. В нем печатались статьи А.Н.Аксакова, Э. фон Гартмана, часто публиковалась и Е.П.Блаватская.

Синнетт Альфред Перси (1840—1921) — английский журналист, редактор газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) и теософский писатель. Прославился как человек, получавший послания от Махатм. Автор книг «Оккультный мир» (1881) и «Эзотерический буддизм» (1883), популяризовавших теософию. (См. изд.: А.П.Синнетт. Оккультный мир. — М.: Сфера, 2000; А.П.Синнетт. Эзотерический буддизм.— М.: Сфера, 2001; Письма Махатм Синнетту.— Самара: Агни, 1998; Блаватская Е.П. Письма А.П.Синнетту. — М.: Сфера, 1996.)

Слейд Генри (?—1905) — американский медиум, прославившийся в связи со *slate-writing*, особым видом медиумического письма при помощи грифельной доски. Широкую известность получил после того, как комитет в составе Е.П.Блаватской и Г.С.Олькотта выбрал Слейда в качестве наиболее надежного медиума для серии экспериментов, проводившихся в 1876-1877 гг. в Санкт-Петербургском университете. В России великий князь Константин, профессор А.М.Бутлеров и А.Н.Аксаков также убедились в реальности опытов Слейда.

Соловьев Всеволод Сергеевич (1849—1903) — известный в то время писатель, автор исторических романов, брат философа Владимира Соловьева. Познакомился с Е.П.Б. весной 1884 г. в Париже, некоторое время бурно восхищался ею, а затем сделался ее врагом и написал книгу под названием «Современная жрица Изиды» о якобы имевших место разоблачениях ее мошеннических трюков в процессе оккультных манифестаций. Е.П.Б. назвала его «Яго теософии», по имени злодея-интригана из трагедии Шекспира.

Стейнтон Моузел Уильям (писал под псевдонимом М.А.Оксон [Oxon]) — преподаватель английского и классических языков в Лондонском университетском колледже; один из лидеров спиритуалистического движения, медиум, автор многих блестящих статей. Принимал участие в теософском движении.

Стэд Уильям Томас (1849—1912) — теософ, известный английский журналист, издатель, редактор знаменитой лондонской вечерней газеты «Pall Mall Gazette», основатель престижного ежемесячника «Review of Reviews», а также периодического издания «Borderland», посвященного спиритуализму, психическим исследованиям и теософии. Автор книги об О.А.Новиковой, переведенной на русский язык. (См.: Стэд У. Депутат от России. — Пг., 1915.) Погиб во время крушения знаменитого судна «Титаник».

Субба Роу Т. (1856—1890) — индийский брахман, один из активных членов и теоретиков Теософского Общества, ученик великого адепта Мориа. (Биографический очерк о Субба Роу см. в кн.: Е.П.Блаватская. Гималайские братья. — М.: Сфера, 1998. С. 413-419.)

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — крупнейший русский журналист, издатель, публицист, театральный критик, писатель. Имел собственную типографию в Петербурге, создал сеть книжных магазинов и киосков с вывеской «Новое время» по всей России.

Издавал в Санкт-Петербурге газету «Новое Время» (с 1876 г.), журнал «Исторический вестник» (с 1880 г.), сочинения русских и иностранных писателей, научную литературу, а также адресные книги и многое другое. Автор содержательных мемуаров («Дневник», 1923). В 1870-х гг. Суворин сумел сделать газету «Новое Время» одной из самых влиятельных в России.

Уайлдер Александр (1823—1908) — американский врач, доктор медицинских наук, археолог, писатель, издатель, философ-платоник. Работал в редакциях нескольких газет, редактировал различные медицинские и философские журналы; преподавал в нескольких медицинских колледжах. Член Теософского Общества. Автор большого количества трудов по медицине, истории, религии, метафизике, философии Платона. В числе его опубликованных работ «New Platonism and Alchemy» (1869) и «History of Medicine» (1901).

Ходжсон Ричард (1855—1905) — выпускник и преподаватель Кембриджского университета, исследователь психических явлений. С 1882 г. член Общества психических исследований (ОПИ). Занимался исследованием феноменов, произведенных Е.П.Блаватской и ее Учителями, в Индии.

Холлоуэй Лора Картер (1848—1930) — американская писательница и журналистка; в 1870-1884 гг. работала сотрудником издательства «Brooklin Daily Eagle». Весной 1884 г. встречалась с Е.П.Б. в Париже.

Хьюм Алан Октавиан (1829—1912) — ученый-орнитолог, теософ, президент Эклектического теософского общества Симлы, основатель Индийского национального конгресса.

Хюббе-Шляйден Вильям (1846—1916) — ученый, писатель, юрист, путешественник, атташе при германском консульстве в Лондоне. В 1886 г. основал в Лейпциге метафизический журнал «Сфинкс» и был его редактором до 1895 г. Президент Теософского Общества в Германии, близко общался с Е.П.Б. в период написания «Тайной Доктрины».

Эглинтон Уильям (1857—1933) — известный английский медиум, прославившийся сеансами по материализации и автоматическому письму.

Елена Петровна Блаватская

**ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ
И СОТРУДНИКАМ**

Перевод с английского

Р.Ш.Ахунов

Ответственный редактор

Д.Н.Попов

Редактор

Т.В.Корженьянц

Корректор

Н.В.Рубецкая

Технический редактор

Н.Н.Ращупкина

Художник

Л.Большаков

Подписано в печать 28.01.02

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Зак. № 530. Тир. 3000 экз.

ИД № 01466 от 10.05.2000

ИДЛи

123022, г. Москва, а/я 9

тел.: (095) 205-23-78

E-mail: sfera@sfera.ru

веб сайт: <http://sfera.ru>

ISBN 5-93975-062-1

Переведено в электронную книгу и опубликовано на сайте <http://teopedia.ru> с разрешения издательства.

Свои замечания и комментарии к электронной версии книги присылайте на 24pm@mail.ru